Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 3-7.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 343

ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Бредихин А. Л., Проценко Е. Д.

Санкт-Петербургский университет МВД России
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

В статье авторы рассматривает правовую идеологию как политико-правовую категорию, ее понятие и сущность. Автор приходит к выводу, что правовая идеология является отдельным аспектом идеологической деятельности государства и реализуется в рамках осуществления идеологической функции государства. Авторы считают, что правовая идеология не имеет самостоятельного значения в отрыве от государственной идеологии (системы санкционированных государством идеологем), а может рассматриваться лишь как сторона государственной деятельности. Реализация правовой идеологии осуществляется посредством реализации идеологической функции государства, в тех же формах и соответствующими методами.

Ключевые слова: идеология, правовая идеология, идеологическая функция государства, государство.

В современной гуманитарной науке рассмотрению сущности и содержания правовой идеологии уделено значительное внимание. Имеется множество научных статей, монографий, а также диссертационных исследований, в той или иной степени прямо или косвенно затрагивающих вопросы правовой идеологии. Между тем, наряду с правовой идеологией существуют также учения об идеологии и государственной идеологии в частности, осуществляемой посредством реализации идеологической функции государства.

Идеология в общем и любая другая идеология в частности довольно аккуратно используется в правовой науке, с оглядкой на Конституцию РФ, которая закрепила идеологический плюрализм в обществе. Вместе с тем большинство ученых сходятся во мнении, что идеологический компонент присущ государственности России, а государство при этом выступает главным субъектом идеологической деятельности. Следовательно, какой бы ни была идеология, она в той или иной мере связана с государственной идеологией и механизмом осуществления идеологической функции государства. Исходя из этого представляется возможным рассмотреть взаимодействие данных категорий и определить место правовой идеологии в системе идеологической деятельности государства.

Широкое освещение проблемы правовой идеологии тем не менее не привело к устойчивому пониманию этого термина. Так, Е.А. Фролова определяет правовую идеологию как совокупность идей, отражающих в теоретической систематизированной форме отношения людей в сфере государства и права [9, с. 419]. Далее автор соглашается с точкой зрения, согласно которой эти идеи и взгляды выражают и защищают интересы «какой-либо общественной группы и требующие подчинение помыслов и поступков наибольшего числа людей в соответствии с целями и задача-

ми использования государственной власти [7, с. 155]. То есть, правовая идеология тяготеет к государственной идеологии, как выражению воли господствующего класса.

Далее автор более явно отмечает, что правовая идеология — это отдельный аспект деятельности государства и указывает, что правовая идеология нацелена на формирование позитивного образа политико-правовой линии власть имущих, что предполагает не только различные формы пропаганды политически необходимых взглядов и оценок, но и стимулирование соответствующего данной идеологии активного поведения граждан [9, с. 421]. То есть практически полностью смешивается политическая и правовая идеология, поэтому неслучайно она именуется уже политико-правовой идеологией. Отмечается, что правовая идеология рассматривается во взаимодействии с правовой психологией – совокупностью духовных образований, порождающих у индивида непосредственные мотивы и установки поведения в сфере политики и права [9, с. 420].

В.М. Реуф и П.П. Сальников в своей статье [8, с. 89-95] в целом также отождествляют правовую идеологию и государственную идеологию. Они определяют правовую идеологию в общефилософском плане как те знания, которые соответствуют достижению целевой установки, определяемой конкретными социальными интересами [8, с. 89]. Государственную правовую идеологию они рассматривают во взаимодействии с «правовым идеалом», т.е. «общественными морально-этическими нормами, общественным (личностным) представлением о наиболее совершенной (соответствующей идеям справедливости) правовой организации общества, являющейся конечной целью общественных личностных стремлений и деятельности [8, с. 95]. Впрочем, не совсем явно прослеживается эта связь, но можно предположить, что «правовая идеология» противостоит «правовым идеалам» как продуктам общественного мышления.

Другие исследователи, напротив относят правовую идеологию к общественному сознанию. Так, Е.А. Лукашева определяет правовую идеологию как совокупность идей (концепций, теорий, доктрин) о праве и правовом развитии, способствующих созданию стандартных (типичных) оценок и правовых ценностей, а также выработке определенных правовых установок у носителей правового сознания [5, с. 133].

Определение правовой идеологии дает и А.М. Михайлов. В его видении правовая идеология это целостный, обладающий внутренним единством, искусственно создаваемый на основе философских или религиозных учений механизм воздействия системы идей на общественное, групповое и индивидуальное правосознание с целью легитимации (делегитимации) позитивного права, юридической практики, обеспечения единства правовой системы и ее воспроизводства путем перевода правовых идей в нормативные установки сознания и формирования соответствующих моделей поведения [6, с. 365]. Далее автор отмечает, что идеи и ценности, составляющие содержание правовой идеологии, имеют несколько иное значение в религиозных учениях, морали и политической идеологии.

Весьма своеобразную позицию относительно правовой идеологии занимает профессор А.Н. Халиков, который выражает сомнения в существовании этой категории, так как она не имеет какого-либо оригинального содержания. По его мнению «отсутствие в правовой идеологии самостоятельных идеологических функций в виде идей и концепций права исключает ее в качестве самостоятельной категории как в праве, так и в философии права [10, с. 106].

Значительный вклад в разработку теории правовой идеологии внес А.И. Клименко, защитивший докторскую диссертацию на тему: Функционально-структурные характеристики правовой идеологии [3]. Он определяет, что природа правовой идеологии может рассматриваться как природа самой идеи права (когда эта идея производна от других идей: свобода как право, порядок как право, справедливость как право, ответственность как право. На наш взгляд, автор делает также важный вывод, что «правовая идеология может быть представлена как функция идеи права [4, с. 23]».

В данном контексте государственная идеология в значении идеологической функции государства является функцией идеи государства. То есть, автор как бы проводит параллели между явлениями «государство» и «право», как обособленных категорий со своими функциями и структурной организацией.

Оценивая данные выше определения следует отметить неоднозначность подхода к определению правовой идеологии. Безусловно, к содержанию правовой идеологии исследователи обоснованно относят сами идеи (концепции, доктрины, теории), лежащие в области категорий права, но многие вопросы остаются невыясненными.

Если исследователи понимают правовую идеологию как продолжение идеологической деятельности государства, то не совсем понятно какие положены основания ее выделения в отдельную категорию и почему она не рассматривается контексте государственной идеологии. Не уделяется внимание механизму реализации правовой идеологии и конкретному предмету правовой идеологии.

Рассмотрение же правовой идеологии как продукта общественного сознания в виде концепций, идей и теорий (чаще всего не совпадающих или противоречащих друг другу) вызывает сомнение как в правовом характере таких идей, так и в допустимости их слияния в одну идеологию. Т.е. множество разноплановых идей и мнений не могут составлять единую правовую идеологию. В этом случае возможно и полное ее смешение с понятием правосознания, что делает справедливым замечания некоторых исследователей о нецелесообразности выделения правовой идеологии как отдельной категории.

Кроме того, в структуру правовой идеологии чаще всего включаются не чисто правовые идеи, а лишь косвенно связанные с правом (позитивным правом). Право в них рассматривается в качестве философских, общегуманитарных ценностей, не влияющих непосредственно на формирование правовой системы государства, а определяющих принципы деятельности государства и составляющих основу конституционного строя государства.

На наш взгляд, важно рассмотреть не столько определения правовой идеологии, а ее сущностное содержание, исходя из того, что правовая идеология как категория государственно-правовой жизни все же имеет право на существование.

Прежде всего, нужно отметить, что идеология в правоведении понимается преимущественно в значении государственной идеологии. То есть идеология предполагает существование не только четко сформированных и системно организованных идей, но и единого центра, который обеспечивает как выработку идей, так и их исполнение. То есть, идеология без политического центра, в роли которого, как правило, выступает государство, не является таковой в полном смысле этого слова.

Таким образом, правовая идеология является отдельным аспектом проявления государственной идеологии и реализуется посредством выполнения государством его идеологической функции.

При таком понимании правовой идеологии традиционное ее определение как совокупности идей, концепций и доктрин не отражает ее сущности в полной мере. Необходимо иметь ввиду, что все эти идеи должны не только существовать, но и иметь механизм реализации, обеспеченный принудительной силой государства.

Немаловажным считаем отметить, что содержанием правовой идеологии, а именно идейной основой являются не только и не столько общегуманитарные правовые ценности и принципы (например, свобода, справедливость, порядок и пр.), но и вполне приземленные идеи в рамках позитивного права. Например: общая концепция устройства правовой системы государства, системы судебных и правоохранительных органов, вопросы подведомственности и подсудности, разграничение полномочий органов власти в системе разделение властей и их взаимодействия, принципы и структура отраслей законодательства, организация системы исполнения судебных решений и приговоров и пр. Сфера позитивного права в современном мире требует не меньшей концептуальной проработки, чем общие конституционные правовые ценности и принципы, поэтому правовая идеология не может не затрагивать это направления государственной деятельности.

Из этого следует, что правовая идеология является одним из аспектов проявления государственной идеологии, связанным с реализацией правовых ценностей и идеалов, основанных на идейных установках государственной власти, в целях легитимации правовой системы государства. Частью этого процесса является также организационно-правовая работа по обеспечению эффективности деятельности отдельных звеньев правоохранительной и судебной системы, а также по формированию законодательства, наилучшим образом обеспечивающего права, интересы и безопасность личности, свободу экономической деятельности и реализацию функций государства.

Идеологическая функция государства представляет собой основное и постоянное направление деятельности государства как общественно-политического института, содержанием которого является процесс построения определенной модели общественно-политических отношений в границах данного государства [1, с. 15].

В структуру идеологической функции государства входит идеологический компонент в виде определенных идеологических установок (идеологем) и целеполагания как процесса постановки целей реализации этих установок. В данном контексте посредством идеологической функции государства реализуются и правовые идеологемы, установленные главным образом Конституцией Российской Федерации, нормами международного права, федеральным законодательством, а также документами стратегического планирования.

Формы и методы реализации правовой идеологии совпадают с теми, которые определены для осуществления идеологической функции в целом [2, с. 151]. Т.е., формами реализации идеологических установок в системе правовой идеологии будут правотворческая, право исполнительная и правоохранительная. Среди методов реализации правовых идей будет преобладать убеждение с немаловажной ролью принуждения.

Механизм осуществления идеологической функции государства как совокупность государственных органов, задействованных в осуществлении идеологической функции государства, а также привлеченных для этих целей учреждений, организаций и иных государственных и негосударственных институтов, реализует и идеологемы правовой идеологии. Отдельными звеньями этого механизма являются не только органы государственной власти общей и отраслевой компетенции, но и субъекты, которым государство передало соответствующие полномочия в прямой или косвенной форме (СМИ, коммуникативные агентства, общественные объединения и пр.).

Таким образом, правовая идеология не имеет самостоятельного значения в отры-

ве от государственной идеологии (системы санкционированных государством идеологем), а может рассматриваться лишь как сторона государственной деятельности. Реализация правовой идеологии осуществляется посредством реализации идеологической функции государства, в тех же формах и соответствующими методами.

Список литературы

1. Бредихин А.Л. Идеологическая функция в системе функций государства // Теория государства и права. - № 4. – 2019.
2. Бредихин А.Л. Формы и методы осуществления идеологической функции государства // Юристъ-Правоведъ. - № 4. – 2019.
3. Клименко А.И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии : дис. ... доктора юридических наук. - Москва, 2016.
4. Клименко А.И. Смысловой уровень структуры правовой идеологии // Государственная служба и кадры. – 2016. – № 2.
5. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. – М., 1973.
6. Михайлов А.М. Понятие правовой идеологии и его место в составе теоретико-правового знания // Вестник РУДН. Серия: юридические науки. – 2017. - Т. 21. - № 3.
7. Основы политологии. Курс лекций под ред. Проф. В.П. Пугачева, М., 1992.
8. Реуф В.М., Сальников П.П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник экономической безопасности МВД России. – 2010. - № 3.
9. Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. Т. 1 / С.Н. Бабурин, А.Г. Бережнов, Е.А. Воротилин [и др.]; отв. ред. М.Н. Марченко. –М., 2011.
10. Халиков А.Н. Вопросы соотношения правовой идеологии и правовой политики // Актуальная проблема права и государства в XXI в. – Т. 10. - 2018 - № 1.

Bredihin A.L., Procenko E.D. Legal ideology in the context of the ideological function of the state // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 3-7.

In the article, the authors consider legal ideology as a political and legal category, its concept and essence. The author comes to the conclusion that legal ideology is a separate aspect of the ideological activity of the state and is implemented within the framework of the implementation of the ideological function of the state. The authors believe that legal ideology does not have an independent meaning in isolation from state ideology (a system of state-sanctioned ideologies), and can be considered only as a side of state activity. The implementation of legal ideology is carried out through the implementation of the ideological function of the state, in the same forms and by appropriate methods.

Keywords: ideology, legal ideology, ideological function of the state, the state.

Spisok literatury

1. Bredihin A.L. Ideologicheskaya funkciya v sisteme funkcij gosudarstva // Teoriya gosudarstva i prava. - № 4. – 2019.
2. Bredihin A.L. Formy i metody osushchestvleniya ideologicheskoj funkcii gosudarstva // Yurist"-Pravoved". - № 4. – 2019.
3. Klimenko A.I. Funkcional'no-strukturnye harakteristiki pravovoj ideologii : dis. ... doktora yuridicheskih nauk. - Moskva, 2016.
4. Klimenko A.I. Smyslovoj uroven' struktury pravovoj ideologii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2016. – № 2.
5. Lukasheva E.A. Socialisticheskoe pravosoznanie i zakonnost'. – M., 1973.
6. Mihajlov A.M. Ponyatie pravovoj ideologii i ego mesto v sostave teoretiko-pravovogo znaniya // Vestnik RUDN. Seriya: yuridicheskie nauki. – 2017. - T. 21. - № 3.
7. Osnovy politologii. Kurs lekcij pod red. Prof. V.P. Pugacheva, M., 1992.
8. Reuf V.M., Sal'nikov P.P. Pravovaya ideologiya i pravovye idealy: nekotorye diskussionnye aspekty ponimaniya i sootnosheniya // Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti MVD Rossii. – 2010. - № 3.
9. Filosofiya prava. Kurs lekcij: uchebnoe posobie: v 2 t. T. 1 / S.N. Baburin, A.G. Berezhnov, E.A. Vorotilin [i dr.]; otv. red. M.N. Marchenko. –M., 2011.
10. Halikov A.N. Voprosy sootnosheniya pravovoj ideologii i pravovoj politiki // Aktual'naya problema prava i gosudarstva v XXI v. – T. 10. - 2018 - № 1..

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 8-13.

УДК 340

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАНАЛОВ И ШЛЮЗОВ РЕКИ ПИЕЛИСТ (ФИНЛЯНДИЯ) ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Гаук А. М.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье указано, что Правовое регулирование деятельности каналов и шлюзов реки Пиелис было начато в 1778 г. с принятием документа под названием «Такса, по которой следует рассчитывать и взимать пошлину за пользование шлюзами и каналами по реке Пиелист с 1879 г.». Оно было продолжено такими документами как «Высочайший Его Императорского Величества устав о сборе пошлины за пользование каналами и шлюзами реки Пиелис, и об отчетности и контроле по означенному сбору» от 14 августа 1879 г.; «Высочайший Его Императорского Величества Устав о порядке плавания по каналам и шлюзам реки Пиелис. 14 августа 1879 г.» от 14 августа 1879 г.; «Высочайшая Его Императорского Величества Инструкция для управления и заведывания каналами по реке Пиелис» от 17 июля 1879 г., а также иными нормативными актами, посвященными организации корпуса инженеров путей сообщения и главного управления путей сообщения Великого княжества Финляндского.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, каналы, шлюзы, река Пиелис, правовое регулирование.

Финляндия известна не только как страна тысячи озер, но и как страна с весьма разветвленной системой искусственных водных сооружений, путей сообщения. Безусловно, что наиболее известным таким сооружением, к которому, кроме прочего, всегда приковано внимание российских научных и деловых кругов, является Саймский канал, действующий с 1856 г. [1-3]. Причина этого явления весьма проста – данный канал расположен одновременно на территории как собственно Финляндии, так и современной Российской Федерации. Он является важной транспортной артерией, обеспечивающий успешную деятельность многих как финских, так и российских компаний.

Однако, в Великом княжестве Финляндском, и многие другие каналы составляли весьма значительную часть путей сообщения, не менее важную нежели железные и шоссейные дороги. Одной из таких транспортных артерий являлись каналы и шлюзы реки Пиелист (Pielisjoki), впадающей в озеро Пиелинен (Pielinen) – четвертое по величине Финляндии.

Сегодня на берегах этой реки расположен основанный Николам I в 1848 г. город Йоэнсуу. Благодаря своему удачному географическому расположению в и выходу в Сайменскую водную систему этот город к концу XIX в. стал одним из крупнейших портов Финляндии [4].

Первый нормативно-правовой акт, регулирующий вопросы казенных сборов за пользование каналами и шлюзами этой реки, появился 1 ноября 1878 г. и получил название «Такса, по которой следует рассчитывать и взимать пошлину за пользование шлюзами и каналами по реке Пиелист с 1879 г.» [5]. Очевидно, такой шаг, вместо необходимой разработки и внедрения устава, правил пользования шлюзами и

каналами этой реки, был вызван тем обстоятельством, что государству было крайне необходимо, что данные сооружения как можно скорее начали окупаться.

Не вдаваясь в подробности Таксы, укажем, что сбора взимался в зависимости от размера судов, с пароходов – относительно мощности их паровой машины, а также весьма подробно прописано было взимание пошлины за каждую голову различного домашнего скота, «Земледельческие орудия и возильные снаряды», домашнюю утварь, жидкие товары, «лесной товар». Последний подразделялся на иностранный и «туземный», т.е. местного производства [5, с. 11-13].

17 июля 1879 г. была издана «Высочайшая Его Императорского Величества Инструкция для управления и заведывания каналами по реке Пиелис». Ей предусматривалось, что за надзор и заведывание ими, со всеми принадлежащими к ним шлюзами, мостами, прочими учреждениями и зданиями, возлагалось на Главное Управление Путей Сообщения (далее – ГУПС) в Финляндии [6, с. 5]. Ему были подчинены и все соответствующие чиновники, и служители (п. 2).

Полицейские дела при каналах и в черте оных подлежат вообще ведению Куопиоского губернатора и местной земской полиции. Однако начальник канала обязывался надзирать за порядком в черте канала и разбирать такие состоящие в связи с этим надзором маловажные полицейские дела, принадлежат начальству канала, и как не касающиеся общего порядка (п. 3) [6, с. 6].

Заведывание техническими и хозяйственными делами при каналах, надзор за плавание и движением, сбором доходов с каналов вверялся особому начальнику каналов, который назначается ГУПС из числа старших инженеров корпуса инженеров путей сообщения (п. 5).

Для сбора пошлин за движение по каналам, счетоводства и отчетности, расходах и запасах, назначался кассир, который был и смотрителем Иоэнсунского шлюза (п. 6) [6, с. 8].

При каналах определялось еще и 8 смотрителей шлюзов и низшие служители при шлюзах. Смотрители назначались ГУПС, а начальник каналов определял и увольнял низших служителей. Смотрителю шлюзов и служители при каналах получают содержание помесячно (п.11).

Для соответствующего заведывания каналами ГУПС обязывалось ежегодно до составления бюджета на следующий год, производить полный и подробный осмотр по всему пространству каналов и прочим сооружениям и учреждениями. В случае, если встретится необходимость в значительных переделках или новых сооружениях, не показанных в утвержденном на тот год штате и требующих особой ассигновки сверх штата, то ГУ подавало дело на рассмотрение и решение хозяйственного департамента Сената (п. 16) [6, с. 9].

18. ГУПС дает ближайшие предписания, которые кроме того, что уже установлено в данной инструкции и приведенных в ней постановлениях, необходимы в отношении службы при каналах и безопасности движения по ним, а также и могущие оказаться необходимыми для чиновников и служителей каналов дальнейшие предписания и правила по отправлению службы [6, с. 10].

14 августа 1879 г. был опубликован «устав о порядке плавания по каналам и шлюзам реки Пиелис». Он состоял из 3-х основных частей: «Правила касательно прохода судов по каналам», «Об обязанностях шлюзных смотрителей», «Общие правила». В первой части устанавливалось, что, кроме установленной платы (п. 1),

шкипер обязывался в первый рейс каждого года, предъявлять смотрителям канала при Хейхяском или Иоэнсуском шлюзе свидетельство о размерах судна, а относительно пароходов сведение о количестве л.с. машины (п. 2) [7, с. 1]; предъявить накладную или паспорт о грузе судна и дать смотрителю первого проходимого шлюза объявление в двух экземплярах с показанием веса, меры и количества груза, как в таксе по каждому роду товаров показано, а в случае если он состоит из планок, досок или батенсов, числа дюжин переложенной меры.

Смотрителю шлюза при подозрении о неправильности показания нагрузки судна имели право потребовать разгрузить его для перевзвешывания. При отказе такой выгрузки со стороны шкипера, ее разрешалось произвести за счет средств канала (п. 4).

Если при таком расследовании окажется, что груз судна указан верно, или превышает объявленное количество не более как на 5%, то расходы по выгрузке и нагрузке груза относились на счет казны. Но если при расследовании оказывалось что груз судна превышал существенно объявленное количество, или, если нашли скрытый или утаенный товар, то шкиперу следовало вознаградить расходы по выгрузке и вторичной нагрузке, издержки следствия, а также внести пошлину в десятикратном размере за пользование каналом (п. 5).

По прибытии к шлюзу в такое время, когда канал открыт (с. 2), судно следовало пропускаться без задержки; но не разрешалось никому, в отсутствие шлюзных сторожей, отпирать шлюзные ворота (п. 6).

Шкипер, подходя к шлюзу, должен уменьшить ход и осторожно бичевать судно через шлюз в порядке очереди, чтобы при проходе не повредить его и мосты под угрозой штрафа в 12 марок (п. 7). Пассажирские суда пропускались вне очереди (п. 8)

Шкиперу не разрешалось без особых причин, по проходе шлюза оставаться в канале, бросать в нем якорь или швартоваться, прикреплять судна к шлюзным воротам или посаженным вдоль канала деревьям (п. 10). Как и в иных каналах, предусматривалось, что если затонет судно в самом канале или его входе, так что от этого произойдет препятствие в плавании, то шкиперу следовало немедленное гое поднять [7, с. 3], в ином случае это происходило за счет шкипера или судовладельца (п. 11). Также по каналу запрещалось сплавлять любой лес.

Что касается шлюзных смотрителей, то они обязаны были выполнять законные требования пользователей и начальства (п. 13); постоянно находится около своего поста, не допуская остановки его действия и не пропускать суда без достаточного числа экипажа (п. 14); тщательно следить за каналом и шлюзом, не разрешать никому привязывать суда к воротам; наблюдать, чтобы судами или судовыми людьми не причинялось вреда шлюзу, каналу или принадлежностям (п. 15); хранить ключ от шлюза у себя на квартире, не отдавать его посторонним (п. 17) [7, с. 4]. рассаживать по каналу деревья и смотреть за ними; наблюдать чтобы скот не выпускался на паству в огороженное пространство; не допускать прокладывания дорожек и тропинок где не следует; наблюдать чтобы изгороди были исправны; блюсти, чтобы ничего не кидалось в канал или шлюзы (п. 19); производить по каналу и шлюзам встречающиеся небольшие работы (п. 20). и т.д. [7, с. 5].

Общими правилами устанавливалось, что канал с шлюзами, за исключением воскресных и праздничных дней с 8.00 до 13.00 пополудни, должен быть открыт с

открытия навигации по 15 августа в любое время суток, а с 15 августа до покрытия канала льдом, в продолжение того времени дня, пока можно с безопасностью править суда. Пассажирские пароходы, как и иные суда в особых случаях могли, по особому объявлению, получить разрешение на следование по каналам в воскресные и праздничные дни до полудня (п. 22).

Плавание по каналам и шлюзам реки Пиелис при самом низком уровне воды позволялось судам, длиной не более 105 фут., шириной до 23 фут, сидящим в воде до 5 фут. При высшем уровне воды проход шлюзов мог быть разрешен и суда большего углубления, с сохранением однако же глубины воды в 1 фут между килем судна и шлюзным прогоном (п. 23).

Посторонним запрещалось сдвигать или повреждать выставленные в водах канал или в других местах по фарватеру каменные знаки, буи, вехи и прочие т.п. приспособления (п. 24) [7, с. 6].

Смотритель и служители канала, которым поручено блюсти за порядком и охранять пользу канала, ограждались уставом «от всяких обид и насилий и пользуются, впрочем, во время отправления своих обязанностей, той же неприкосновенностью и защитой, которые даны коронным чинам вообще» (п. 30).

В этот же день, т.е. 14 августа 1879 г. был опубликован «Высочайший Его Императорского Величества устав о сборе пошлины за пользование каналами и шлюзами реки Пиелис, и об отчетности и контроле по означенному сбору». Им устанавливалось, что соответствующие конторы должны держаться открытыми в будничные дни с 5 ч. утра до 10 ч. вечера в светлое время года, а в темное время, т.е. с 1 октября по окончание навигации, с восхода солнца до часа спустя по закате его. Однако, смотритель имел право, по просьбе желающих, и в иное время суток очищать суда пошлинами, за особое вознаграждение (п. 2).

3. По очищении судна пошлинами по таксе, из представленных шкипером двух экземпляров объявлений один возвращается ему с распиской на нем смотрителя, а другой с имеющимся у шкипера паспортом остается у смотрителя, для приобщения к отчетности в виде заверения. На обоих экземплярах объявления следует отмечать по каким каналам внесены пошлины [8, с. 9].

Смотрители каналов получают каждый месяц в навигацию надписанный начальником каналов шнуровой журнал для записи взимаемых пошлин: для Хейхяского и Иоэнсуского каналов с двойными графами, как для номеров отправленных судов, так и для пошлин с них, а для прочих каналов лишь с одной графой. В журналы, с указанием месяца и числа, вносились все движущиеся по каналу суда название судна, число его ластов, место происхождения, краткие сведения о роде груза, количество уплаченных на месте пошлин и номер отправления. В отношении же к судам, проходящим как Хейхяский так и Иоэнсунский канал, уплатившим пошлину у одного из них или какого-либо из прочих каналов и приходящим оттуда к конечному шлюзу с объявлением, снабженным надписью и распиской, номер этого объявления, а также пошлины по нему вносились в соответствующие графы [8, с. 11]. Кроме шнурового журнала, смотрители каналов обязаны были вести по изданной ГУ форме статистический журнал (п. 6).

Состоящий при Иоэнсуском канале смотритель, будучи кассиром всех каналов реки Пиелист, обязывался в навигацию, за каждый месяц или чаще, по указанию ГУ, не позже 5-го числа последующего месяца принимать у иных прочих каналов

пошлины за предыдущий месяц и со своим сбором представлять в Куопиоское губернское казначейство; а потому смотрителям следовало в конце каждого месяца заключать журналы для пошлин, которые, с соответствующими паспортами и объявлениями о грузе, при особой ведомости о приходе, сдаче и остатке полагались не позже 3-го числа последующего месяца быть готовы для передачи кассиру. За тем кассир составлял перечень сбору по всем каналам, т вместе с месячными ведомостями и журналами с принадлежащими к ним приложениями и квитанциями казначейства или соответствующей почтовой конторы в отправленных в казначейство суммах, представлял его не позже 8-го числе начальнику каналов [8, с. 11], который, проверив их, отсылал их к 16 числа того же месяца в губернскую контору.

Смотрителям вменялось в обязанность также и в течении месяца, как только доход достигал до 1200 марок, тотчас сдавать деньги кассиру (п. 8).

По поступившим в Губернскую контору отчетам губернский бухгалтер обязан был собранные и сданные суммы, наблюдать чтобы они своевременно были представляемы в Губернское казначейство (п. 9).

О всех суммах, отпускаемых ГУПС начальнику каналов на необходимые расходы составлялся особый годовой отчет [8, с. 12], который представляется указанное управление до конца января (п. 12).

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Правовое регулирование деятельности каналов и шлюзов реки Пиелист было начато в 1778 г. с принятием документа под названием «Такса, по которой следует рассчитывать и взимать пошлину за пользование шлюзами и каналами по реке Пиелист с 1879 г.». Оно было продолжено такими документами как «Высочайший Его Императорского Величества устав о сборе пошлины за пользование каналами и шлюзами реки Пиелис, и об отчетности и контроле по означенному сбору» от 14 августа 1879 г.; «Высочайший Его Императорского Величества Устав о порядке плавания по каналам и шлюзам реки Пиелис. 14 августа 1879 г.» от 14 августа 1879 г.; «Высочайшая Его Императорского Величества Инструкция для управления и заведывания каналами по реке Пиелис» от 17 июля 1879 г., а также иными нормативными актами, посвященными организации корпуса инженеров путей сообщения и главного управления путей сообщения Великого княжества Финляндского.

Список литературы

1. Мартынов В. Л. Сайменский канал // «География». — М.: Издательский дом «Первое сентября», 2006. — № 4.
2. Усыскин Г. С. К 145-летию Сайменского канала // «Туристские фирмы»: журнал для профессионалов туристского бизнеса / Под ред. М. Б. Биржакова. — СПб.: Невский фонд, 2001. — Вып. 25. — С. 153—172.
3. Мария Кросс. Сайменский канал: Россия и Финляндия — отношения доверия и сотрудничества // «ПравоИнформ». — 2013. — № 42 (805).
4. Главная :: Город Йоэнсуу / Joensuu. URL: https://www.pielis.ru/joensuu.html
5. Такса, по которой следует рассчитывать и взимать пошлину за пользование шлюзами и каналами по реке Пиелист с 1879 г. 1 ноября 1878. // Сборник постановлений Великаго Княжества Финляндского. 1878 г. №20. 1 ½ листа, печатан в Гельсигфорсе 11 ноября 1879 г. С. 11-13.
6. Высочайший Его Императорского Величества устав о сборе пошлины за пользование каналами и шлюзами реки Пиелис, и об отчетности и контроле по означенному сбору. 14 августа 1879 г. // Сборник постановлений Великаго Княжества Финляндского. 1879 г. №23. С. 9-13.

7. Высочайший Его Императорского Величества Устав о порядке плавания по каналам и шлюзам реки Пиелис. 14 августа 1879 г. // Сборник постановлений Великаго Княжества Финляндского. 1879 г. №23. С. 1-8.
8. Высочайшая Его Императорского Величества Инструкция для управления и заведывания каналами по реке Пиелис. 17 июля 1879 г. // Сборник постановлений Великаго Княжества Финляндского. 1879 г. №21. С. 6-11.

Gauk A. M. Legal regulation of channels and locks of the Pielist river (Finland) in the second half of the XIX century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 8-13.

The article States that the Legal regulation of the Pielist river channels and locks was started in 1778 with the adoption of a document called "the Fee for calculating and collecting fees for the use of locks and channels on the Pielist river since 1879". It was continued by such documents as "His Imperial Majesty's Highest Charter on the collection of duties for the use of channels and locks of the Pielis river, and on reporting and control of the said collection" of August 14, 1879; "His Imperial Majesty's highest Charter on the order of navigation on channels and locks of the Pielis river. August 14, 1879" from August 14, 1879; "His Imperial Majesty's highest instruction for the management and management of channels on the Pielis river" from July 17, 1879, as well as other regulations on the organization of the corps of railway engineers and the main railway administration of the Grand Duchy of Finland.

Keywords: Grand Duchy of Finland, channels, locks, Pielis river, Legal regulation.

Spisok literatury

1. Martynov V. L. Sajmenskij kanal // «Geografiya». — M.: Izdatel'skij dom «Pervoe sentyabrya», 2006. — № 4.
2. Usyskin G. S. K 145-letiyu Sajmenskogo kanala // «Turistskie firmy»: zhurnal dlya professionalov turistskogo biznesa / Pod red. M. B. Birzhakova. — SPb.: Nevskij fond, 2001. — Vyp. 25. — S. 153—172.
3. Mariya Kross. Sajmenskij kanal: Rossiya i Finlyandiya — otnosheniya doveriya i sotrudnichestva // «PravoInform». — 2013. — № 42 (805).
4. Glavnaya : Gorod Joensuu / Joensuu https://www.pielis.ru/joensuu.html
5. Taksa, po kotoroj sleduet rasschityvat' i vzimat' poshlinu za pol'zovanie shlyuzami i kanalami po reke Pielist s 1879 g. 1 noyabrya 1878. // Sbornik postanovlenij Velikago Knyazhestva Finlyandskogo. 1878 g. №20. 1 ½ lista, pechatan v Gel'sigforse 11 noyabrya 1879 g. S. 11-13.
6. Vysochajshij Ego Imperatorskogo Velichestva ustav o sbore poshliny za pol'zovanie kanalami i shlyuzami reki Pielis, i ob otchetnosti i kontrole po oznachennomu sboru. 14 avgusta 1879 g. // Sbornik postanovlenij Velikago Knyazhestva Finlyandskogo. 1879 g. №23. S. 9-13.
7.Vysochajshij Ego Imperatorskogo Velichestva Ustav o poryadke plavaniya po kanalam i shlyuzam reki Pielis. 14 avgusta 1879 g. // Sbornik postanovlenij Velikago Knyazhestva Finlyandskogo. 1879 g. №23. S. 1-8.
8. Vysochajshaya Ego Imperatorskogo Velichestva Instrukciya dlya upravleniya i zavedyvaniya kanalami po reke Pielis. 17 iyulya 1879 g. // Sbornik postanovlenij Velikago Knyazhestva Finlyandskogo. 1879 g. №21. S. 6-11.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 5 (71). № 4. – С. 14-21.

УДК 34.03

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МОРСКОГО СТРАХОВАНИЯ В СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГГ. XX В.

Иващенко Е. С.

В статье указано, что в первой половине 1920-х гг., утвердив с помощью ряда декретов и постановлений высшего уровня монополию страхования на внутреннем рынке в лице Госстраха, советское государство озаботилось развитием собственной сети соответствующих страховых органов за границей. Первоначально таковыми выступали отдельные представители торговых представительств, а также специально с этой целью созданная в Лондоне контора Аркос. В связи с внешнеполитическими сложностями рассматриваемого периода было намечено два основных направления: 1) перестрахование рисков в лояльных зарубежных страховых компаниях; 2) создание страховых компаний за рубежом с превалирующим участием советского капитала. Один из первых договоров перестрахования был заключен с английской компанией (The London Assurance, London), а первой организацией со смешанным капиталом, но действовавшей по законам Великобритании – «Black Sea & Baltic General Insurance Company, Ltd.», или ВВ. в последующем несколько подобных страховых компаний действовали в СССР вплоть до его развала.

Ключевые слова: Госстрах, морское страхование, акционерные общества, смешанный капитал, Англия, торговые представительства.

Имперская Россия за последние десятилетия лет своего развития сделала серьезный прорыв в области морского страхования. В стране появились десятки успешных страховых компаний, действовавших в строгом соответствии как с общегосударственным, так и международным правом. Это положительно сказалось как на развитии отечественного торгового флота, так и на значительном расширении путей морского сообщения, как каботажного, так и международного. Нормы, которыми в основном руководствовались эти компании, в основном были закреплены в их уставах, а также в общегосударственных нормативно-правовых актах, в том числе, Уставе Торговом.

Однако, после событий 1917 г. система страхования на территории бывшей Российской империи претерпела существенные изменения. В 1918 г. была ограничена деятельность акционерных страховых обществ, а 28 ноября 1918 года принят декрет «Об организации страхового дела в Российской республике», согласно которому страхование в стране объявлялось государственной монополией, а всё имущество и капиталы, принадлежавшие частным компаниям, передавались государству [1].

Как общеизвестно, только в 1921 г., уже после окончания гражданской войны и политики «военного коммунизма» Народным Комиссариатом финансов (далее – НКФ) были приняты Правила по морскому страхованию, ориентировавшиеся на Гамбургские правила 1867 г., а с середины 20-х гг. были утверждены новые правила, адекватные Всеобщим германским страховым правилам (Правила АДС) 1919 г. (правила страхования грузов по морским путям, утв. НКФ 27 мая 1922 г., переизданы в 1925 г.) [2]. Так молодое советское государство сделало первую попытку вхождения на общемировой рынок морского страхования.

В тоже время, на этом пути стояло множество как экономических, так и политических проблем. Важнейшими из них были непризнание советской власти, а также экономический бойкот советской внешней торговли.

В ходе поиска путей выхода из создавшейся ситуации было намечено два основных направления: 1) перестрахование рисков в лояльных зарубежных страховых компаниях; 2) создание страховых компаний за рубежом с превалирующим участием советского капитала.

Первое такое событие произошло в Москве между правлением государственного страхования в СССР (Госстрахом) с одной стороны и The London Assurance, London (перестраховщик), с другой стороны.

Этим соглашением, Госстрах, кроме прочего, взял на себя обязательство передавать и перестраховщик, в свою очередь, обязался принимать в перестрахование 80% со всех сумм, даваемых Гострахом в перестрахование, в виде экседента сверх определенного в нижеследующей ст. 2 его собственного участия, по всем морским рискам (Marine Risks) принятым транспортным отделом Госстраха, по всякого рода грузам, имуществам и товарам, включая плату за перевозку а равно другие связанные с грузом интересы, при чем считалось установленным, что все участие перестраховщика в передаваемых таким образом Госстрахом и в принятых перестраховщиком суммах, не должно превышать 300.000 ф. ст. на одном судне.

Всякое страхование товаров в портах, гаванях, складах, доках и набережных в портах отправления и / или после морского пути должно было рассматриваться как Marine Risks (морские риски) в смысле этого соглашения, причем подразумевалось и считалось одобренным, что принимаемые перестраховщиком суммы рисков на суше, также не будут превышать 300.000 ф. ст. в одном риске. Таким образом, в случае потери или повреждении в застрахованных предметах до погрузки, перестраховщик не отвечал в отношении какого-либо несчастного случая свыше 300.000 ф.ст. [3, л. 2].

Второй, отмеченный нами путь, наметился с принятием постановления СНК СССР от 11 ноября 1924 г. [4] и учредительного договора между НКФ и НКВТ от 22.12.1924 г. Эти документы положили начало деятельности смешанных страховых обществ, первое из которых было создано в Лондоне.

Однако, теперь монополисту советского рынка – Госстраху, следовало распределить сферы влияния с дочерней компанией. В результате, на специальном совещании в августе 1925 г. были приняты следующие решения.

Сферой деятельности смешанного общества становилось страхование товаров, экспортируемых из СССР, а также импортируемых в страны или из стран Западной Европы, митрофных государств и Америки (п. 1).

В свою очередь, сферой деятельности Госстраха решили считать страхование товаров, экспортируемых из, а также импортируемых в СССР, в страны и из стран Востока, причем Госстрах пользуется правом заключать и страхования, входящие в сферу деятельности смешанного общества, если страхователь пожелал бы по тем или другим причинам получить полис Госстраха (п. 2).

Договаривающиеся стороны решили признать, что такие страхования должны заключаются по двум полисам – смешанного общества за пределами СССР и Госстраха в пределах СССР, причем полис общества покрывал страхование товаров на складах в портах и пограничных пунктах в течение не более 21 дней (п. 3).

Кроме прочего было оговорено, что Госстрах и смешанное общество взаимно представляли интересы друг друга в отношении оперативной работы (п. 4). Несмотря на это, как Госстраху, так и смешанному обществе предоставлялось право иметь вне сферы своей деятельности свои представительства, не несущие обязанностей оперативного характера (п. 5).

При этом, организуемые смешанным обществом представительства и агентства в отношении финансовом, оперативном и административном, находились в непосредственном ведении и подчинении Правления общества, причем если бы по каким-либо соображениям или обстоятельствам обществу не представилось бы возможным организовать самостоятельные представительства или агентства, то такие могли быть организованы при соответствующих Торгпредствах, кредитных и банковских учреждениях и иных советских организациях, имеющих право выхода на внешний рынок (п. 6) [3, л. 41].

Особо оговаривалось, что деятельность общества и его местных органов в части, связанной с работой его на внешнем рынке, находится под наблюдением соответствующих Торгпредств и органов НКФ за границей (п. 7).

В качестве равноправных сторон Госстраху и смешанному обществу предоставлялось право заключать договора по перестрахованию своих рисков в иностранных страховых обществах (п. 8), однако страхование «каско» советских судов подлежало заключению исключительно в Госстрахе (п. 9).

В связи с новой конфигурацией советского морского страхования страховые организации Торгпредств и Аркоса подлежали упразднению, а отдельным советским организациям за границей следовало страховать принадлежащее им, а также находящиеся в их ведении и распоряжении товары по генеральным полисам, выдаваемым Госстрахом и смешанным обществам (п. 10).

И, наконец, устанавливалось, что генеральные полисы Госстраха, выданные импортирующим и экспортирующим организациям, согласно п.п. 1 и 2 рассматриваемого протокола подлежали смешанному обществу лишь в случае поступившего о том требования со стороны страхователя (п. 11) [3, л. 42].

Очевидно, следует также указать, что согласно повестке совещания, учредительного Черноморско-Балтийского страхового общества, на совещании рассматривались такие вопросы как:

– рассмотрение учредительного договора: а) деятельность общества в пределах СССР и в странах Востока; б) размежевание работы Госстраха в общества, по страхованию экспортно-импортных товаров; в) вопросы организации и перестраховки;

– рассмотрение протокола совещания в Лондоне от 22-23.04.1925 г.: а) объем страховой компетенции Берлинского Торгпредства в качестве агента общества; 1) о независимых от Торгпредства агентурах; 2) о циркуляре НКВТ по страхованию за границей; 4) о страховании на складах за границей; 5) о контроле за погрузкой; 6) об аварийных комиссарах; 7) организация работы Общества в Австрии, Чехословакии и Польше; 8) о смешанных рисках; 9) порядок отчетности общества; 10) о размере комиссии страхователям по соглашению с Берлинским торгпредством; 11) о работе Берлинского агентства общества и его взаимоотношения с представительством;

– рассмотрение протокола совещания в Лондоне от 6.05.1925 г.: а) о взаимоотношениях с Аркосом; б) подведомственность общества; в) договор общества с Госстрахом; г) о вознаграждении членам правления общества;

– рассмотрение протокола совещания в Берлине от 28.05.1925 г.: а) привлечение аквизиторов и агентов по страхованию; б) соглашение с Дерутрой; в) установление ставок; г) о страхованиях Дерулюфта;

– о генеральном полисе общества с НКВТ;

– о страховании «каско»;

– о заместителях членов Лондонского правления [3, л. 53].

В след за эти вышло циркулярное письмо, за подписями Наркомвнешторга и Наркомфина, адресованное всем учреждениям, предприятиям и обществам, ведущим экспортные и импортные операции. В нем указывалось, что согласно договора между НКФ и НКВТ и дополнительного к нему соглашения от 2 сентября 1925 г., грузы, экспортируемые из СССР и импортируемые в СССР в страны и из стран Зап. Европы, лимитрофных государств, Америки, Палестины и Египта, следует страховать в образованном страховом обществе «Black Sea & Baltic General Insurance Company, Ltd.», London E.C.3, 106 Fennhurch street, а грузы, экспортируемые из СССР и импортируемые в СССР, в страны и из стран Востока – в Госстрахе.

Подчеркивалось, что представительства этого смешанного страхового общества организуются во всех странах Западной Европы и Америки и в лимитрофных государствах, Египте и Палестине. В свою очередь, в странах Востока организовывал свои представительства Госстрах. Кроме того, он принял на себя представительство Блекбалси в СССР.

Согласно договору, между НКВТ и НКФ к Блэкбалси перешли все действующие генеральные полисы Аркоса, Торгпредств, Центросоюза, Сельскосоюза и других хозяйственных и государственных органов, а также генеральные полисы, выданные Госстрахом на страхование грузов, экспортируемых из СССР в страны и из стран Западной Европы, лимитрофных государств, Америки, Палестины и Египта.

Вследствие этого предлагалось производить страхование грузов, экспортируемых и импортируемых СССР, в страны и из стран Западной Европы, Америки, Египта и Палестины исключительно в Блэкбалси непосредственно или через представительство Блэкбалси в СССР – Госстрах [3, л. 68]. При этом, страхования импортных и экспортных грузов могли заключаться от и до любого пункта СССР.

Кроме того, предлагалось принять меры к сосредоточению страхований в Блэкбалси всего экспорта и импорта, как по продажам «сиф», так и «фоб» в пределах района его деятельности.

В последующем предлагалось не возобновлять и не заключать вновь никаких договоров по страхованию в иностранных страховых обществах [3, л. 63].

Одновременно в проекте циркуляра всем учреждениям подведомственным Торговой делегации СССР в Англии указывалось, что на основании учредительного договора между НКФ и НКВТ от 15.01.1925 г. образовано в Лондоне в целях объединения всего русского страхового дела за границей смешанное общество Блэкбалси (ВВ) при участии Госстраха, НКВТ, Центросоюза и Сельскосоюза для осуществления за границей страхований импортных и экспортных товаров. Общество было учреждено по английским законам с капиталом в 100.000 ф. ст., а устав его утвержден 2-го марта 1925 г.

Правление о-ва формировалось в составе председателя Д. И. Ефремова (заместитель М. С. Абрамович) и членов З. Я. Линдебрате (заместитель Р. А. Санто) и М. А. Сильвина. Одновременно с этим представительство и агентства Госстраха и страхо-

вая контора Аркос за границей закрывались. Всем советским органам предписывалось передавать свои риски ВВ [3, л. 75].

Следует, очевидно, упомянуть, что кроме ВВ существовали и иные подобные проекты, не нашедшие своей окончательной реализации. Так, к примеру, можем привести проект такого учредительного договора.

«Главное правление государственного страхования и банк для внешней торговли в лице своих представителей заключили договор о следующем:

1.Для производства операций страхования, сострахования и перестрахования за границей главное правление государственного страхования и банк для внешней торговли учреждают в Англии страховое общество «Совгосстрах» с основным капиталом в 100 000 ф. ст., из которых 2/3 (66 2/3%) вносятся Главным правлением государственного страхования, а 33 (1/3) Банком для внешней торговли.

2.Правление Совгосстраха имеет постоянное местопребывание в Лондоне и состоит из председателя (он же директор-распорядитель) и двух членов. Место председателя и одного из членов правления предоставляется лицам по указанию главного правления государственного страхования, а другого члена правления – лицу по указанию Банка для внешней торговли.

3.Совгосстрах действует на основании утвержденного в установленном порядке английским правительством устава с соблюдением этого договора.

4.Совгосстрах рассматривается договаривающимися сторонами, как заграничный представитель, генеральный агент и брокер главного правления государственного страхования, в связи с чем на Совгосстрах возлагается: привлечение страхований в портфель Госстраха, помещение факультативных перестрахований Госстраха, организация его агентуры в разных странах, выполнение поручений Госстраха по выработке и заключению генеральных полисов, договоров и проч. И представительство от Госстраха, в частности при авариях, получение обменных полисов и других гарантий, ликвидация и уплата по убыткам. На выполнение указанных функций Главное правление государственного страхования уполномочивает правление Совгосстраха надлежащей доверенностью.

5.В качестве английского страхового общества Совгосстрах производит обычные операции по привлечению иностранных рисков и выступает в отношении этих рисков, как страховщик, перестрахователь и перестраховщик.

6.Банк для внешне торговли обязывает получить обязывается получить согласие и соответствующее распоряжение Наркомторговли о том, чтобы принадлежащие экспортерам и импортерам СССР товары и иные имущества, как во время нахождения их внутри, так и вне СССР, в пути и на складах, страховались исключительно в Госстрахе, а также, чтобы в связи с этим были расторгнуты в установленном порядке заключенные ими с иностранными страховыми обществами генерального полиса, в том числе и генеральные полисы Аркоса, и чтобы страховой аппарат последнего по выбору правления Совгосстраха был передан в распоряжения правления Совгосстраха.

7.Договор вступает в силу по утверждению Наркомфином» [3, л. 76-76 об.].

В тоже время, оставалось множество неразрешенных вопросов, относительно районов разграничения деятельности Госстраха и ВВ. С этой целью 2-го сентября 1925 г. состоялось совещание «по вопросу об уточнении некоторых положений учредительного договора между НКФ и НКВД от 22.12.1924 об организации в Лон-

доне смешанного акционерного страхового общества», на котором присутствовали представители НКВТ и НКФ.

На нем были приняты следующие решения:

– деятельность смешанного общества ВВ распространяется лишь на страхование товаров, экспортируемых из СССР и импортируемых в СССР в страны и из стран Западной Европы, лимитрофных государств, Америки, Палестины и Египта; Деятельность Госстраха распространяется на страхование товаров, экспортируемых из СССР и импортируемых в СССР во все прочие и из всех прочих стран, не входящих в сферу деятельности ВВ;

– изменение в указанном разграничении сфер деятельности возможно не иначе, как на основании нового соглашения между НУФ и НКВТ, при чем каждая из сторон имеет право инициативы в постановке вопроса об изменении указанного соглашения;

– признать, что такие страхования заключаются по двум полисам: смешанного общества за пределами СССР и Госстраха в пределах ССР, причем полис общества покрывает страхования товаров на складах в портах и пограничных пунктах по связи с транспортным риском в течение не более 21 дня. В этом случае при застраховании товара за границей общество, действуя в качестве представителя Госстраха, выдает одновременно со своим полисом также полис Госстраха по страхованию на территории СССР; равным образом Госстрах, в качестве представителя смешанного общества, выдает полис последнего по страхованию за пределами СССР [3, л. 77];

– Госстрах и смешанное общество в пределах территориальной сферы их действия взаимно представляют интересы друг друга и исполняют взаимные поручения как в оперативной работе, так и по ликвидации убытков;

– Госстраху предоставляется право иметь вне сферы своей деятельности свои представительства несущие обязанности оперативного характера по приему прямых рисков по импорту и экспорту;

– организуемые смешанным обществом за пределами СССР представительства и агентства в отношении финансовом, оперативном и административном находятся в непосредственном ведении и подчинении смешанного общества. В случае невозможности создания таких агентств ВВ самостоятельно, то такие могли организовываться при банковских учреждениях, общества и иных советских органах, имеющих право самостоятельного выхода на внешний рынок. Однако передача ВВ подобного права какому-либо физическому или юридическому лицу могла последовать только с согласия НКФ и НКВТ;

– деятельность общества и его местных органов находится под общим наблюдением соответствующих торгпредств и органов НКФ за границей в пределах компетенции каждого из них;

– как Госстрах, так и ВВ самостоятельно заключает договора перестрахования своих рисков в иных страховых обществах, стремясь избежать притом конкуренции, устанавливая одинаковые требования;

– страхования каско советских судов подлежат заключению только в Госстрахе;

– подтвердить, что таковые организации подлежат упразднению (страховые организации Торгпредств и Аркоса). В дальнейшем все советские организации обязаны были страховать принадлежащие им грузы по генеральным полисам, выдаваемым Госстрахом и ВВ по принадлежности;

– выданные до этого генеральные полисы Госстраха подлежали замене полисами ВВ [3, л. 77 об.], с согласия страхователей. В дальнейшем все генеральные полисы по страхованию экспортных и импортных товаров выдаются от имени Госстраха и ВВ в зависимости от установленного в п. 1 разграничения территориальной сферы их деятельности;

– грузы малого и большого каботажа подлежат страхованию в Госстрахе;

– специальные грузы подлежат страхованию в Госстрахе или в ВВ в зависимости от установленной сферы разграничения их деятельности [3, л. 78].

Отдельным документом оговаривались особенности страхования тех или иных грузов в различных случаях [5, л. 2 об.].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. В первой половине 1920-х гг., утвердив с помощью ряда декретов и постановлений высшего уровня монополию страхования на внутреннем рынке в лице Госстраха, советское государство озаботилось развитием собственной сети соответствующих страховых органов за границей. Первоначально таковыми выступали отдельные представители торговых представительств, а также специально с этой целью созданная в Лондоне контора Аркос. В связи с внешнеполитическими сложностями рассматриваемого периода было намечено два основных направления: 1) перестрахование рисков в лояльных зарубежных страховых компаниях; 2) создание страховых компаний за рубежом с превалирующим участием советского капитала. Один из первых договоров перестрахования был заключен с английской компанией (The London Assurance, London), а первой организацией со смешанным капиталом, но действовавшей по законам Великобритании – «Black Sea & Baltic General Insurance Company, Ltd.», или ВВ. в последующем несколько подобных страховых компаний действовали в СССР вплоть до его развала.

Список литературы

1. Декрет «Об организации страхового дела в Российской республике» от 28 ноября 1918 г. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917 - 1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1228.

2. Страхование : учебник для студентов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» / Ю.Т. Ахвледиани [и др.].. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 519 с. — ISBN 978-5-238-02322-9. — Текст : электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS : [сайт]. — URL: http://www.iprbookshop.ru/81565.html (дата обращения: 16.02.2021).

3. РГАЭ. Ф. 7625, оп. 1, д. 42. Март 1924 – 2.10.1924.

4. Совет Народных Комиссаров СССР. Постановление от 11 ноября 1924 года «Об учете и регистрации находящихся за-границей имуществ, принадлежащих или подлежащих передаче государственным и кооперативным органам Союза ССР и союзных республик и о порядке совершения сделок на земельные участки и строения, находящиеся за-границей». Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL : www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2244.htm

5. РГАЭ, ф. 7625, оп. 1, д. 83. Тарифы премий по страхованию морских грузов. 1917-1925.

Ivashchenko E. S. The main directions of the development of marine insurance in the USSR in the first half of the 20th century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 14-21.

The article points out that in the first half of the 1920s, having approved the monopoly of insurance in the domestic market in the person of the State Insurance Agency through a series of decrees and resolutions of the highest level, the Soviet state took care of the development of its own network of relevant insurance bodies abroad. Initially, these were individual representatives of trade missions, as well as the Arcos office established in London specifically for this purpose. Due to the foreign policy difficulties of the period under review, two main directions were outlined: 1) reinsurance of risks in loyal foreign insurance companies; 2) creation of insurance companies abroad with the predominant participation of Soviet capital. One of the first

reinsurance contracts was concluded with an English company (The London Assurance, London), and the first organization with mixed capital, but acting under the laws of Great Britain – "Black Sea & Baltic General Insurance Company, Ltd.", or BB. subsequently, several similar insurance companies operated in the USSR until its collapse.

Keywords: State insurance, marine insurance, joint-stock companies, mixed capital, England, trade representative offices.

Spisok literatury

1. Dekret «Ob organizacii strahovogo dela v Rossijskoj respublike» ot 28 noyabrya 1918 g. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Pravitel'stva za 1917 - 1918 gg. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. M., 1942. S. 1228.
2. Strahovanie : uchebnik dlya studentov, obuchayushchihsya po special'nostyam «Finansy i kredit», «Buhgalterskij uchet, analiz i audit» / YU.T. Ahvlediani [i dr.].. — Moskva : YUNITI-DANA, 2017. — 519 c. — ISBN 978-5-238-02322-9. — Tekst : elektronnyj // Elektronno-bibliotechnaya sistema IPR BOOKS : [sajt]. — URL: http://www.iprbookshop.ru/81565.html (data obrashcheniya: 16.02.2021).
3. RGAE. F. 7625, op. 1, d. 42. Mart 1924 – 2.10.1924.
4. Sovet Narodnyh Komissarov SSSR. Postanovlenie ot 11 noyabrya 1924 goda «Ob uchete i registracii nahodyashchihsya za-granicej imushchestv, prinadlezhashchih ili podlezhashchih peredache gosudarstvennym i kooperativnym organam Soyuza SSR i soyuznyh respublik i o poryadke soversheniya sdelok na zemel'nye uchastki i stroeniya, nahodyashchiesya za-granicej». Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR. URL : www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2244.htm
5. RGAE, f. 7625, op. 1, d. 83. Tarify premij po strahovaniyu morskih gruzov. 1917-1925.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 56 (72). № 14. – С. 22-27.

УДК: 340;93/94

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ В НАЧАЛЕ 20-Х ГГ.

Кравец С. А.
Соискатель Белгородского государственного национального исследовательского университета

Статья посвящена анализу оптимизации правового регулирования деятельности советской милиции в конце Гражданской войны и начале 20-х гг. с учетом сложившегося к тому времени практического опыта построения органов охраны общественного порядка в первые годы советской власти в изменившихся внутриполитических и экономических условиях

Ключевые слова: Советская милиция, уголовный розыск, Главное управление милиции, Народный комиссариат внутренних дел, борьба с преступностью

Практический опыт построения органов охраны общественного порядка в первые годы советской власти и периода Гражданской войны, после ее завершения подвергся всестороннему анализу и поискам путей дальнейшего строительства советской милиции в 1920-е годы в изменившихся условиях (переход от политики военного коммунизма к НЭПу). Этот новый этап в ее развитии был обусловлен рядом важнейших социально-экономических и государственно-политических факторов: осуществление мер жесткой экономии в стране; оптимизация административно-управленческих расходов; перевод отдельных государственных органов на счет местного бюджета; отказ от вынужденных чрезвычайных мер, неизбежных в условиях Гражданской войны, но потерявших свою актуальность в мирное время; перераспределение властных полномочий в системе государственного аппарата и т.д.

Происходящие после завершения Гражданской войны изменения во внутриполитической сфере государства нашли отражение в «Положении о Народном комиссариате внутренних дел» от 24 мая 1920 г., в отдельном разделе которого прописывались задачи Главного управления милиции (далее ГУМ), его структура, функции, а также круг вопросов по организации милиции в губерниях, уездах и городах [1]. А уже к лету 1920 г. НКВД РСФСР, с учетом новых подходов к задачам, стоящим перед советской милицией, подготовил проект нового Положения о милиции, который был рассмотрен и утвержден 10 июня 1920 г. ВЦИК и Совнаркомом РСФСР [2].

Помимо прочего Положением закреплялся предыдущий практический опыт функционирования органов милиции в годы Гражданской войны и в основном завершался этап организационно-правового становления советской милиции в условиях послевоенного перехода к мирной жизни.

Можно констатировать, что милиция на данном этапе сформировалась как специальный государственный институт охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, выстроенный на профессиональной основе и единых организационно-правовых началах, но при сохранении принципа добровольного комплектования штатов. Свое дальнейшее развитие получили направления и методы деятельности милиции.

Важно отметить еще одну особенность: по мнению Н.А. Шабельниковой, в 1920-е годы «милиция находилась как бы между двух огней, т.е. была одновременно подчинена и государству, и обществу» [3], что, очевидно, нужно рассматривать как следствие прежних теоретических воззрений на сущность рабоче-крестьянской милиции.

Вслед за Положением, ГУМ НКВД РСФСР утвердило «Инструкцию по уголовному розыску» [4]. В одном из приказов ГУМ подчеркивалось, что «уголовная милиция должна обладать широкой инициативой. Деятельность ее может увенчаться успехом только при условии, если она будет постоянно вести настойчивое, активное и повсеместное преследование преступников, а не пассивно только обороняться от их посягательств» [4]. Однако, как правильно пишет В.С. Ломов, «место и роль следственного аппарата в уголовном розыске не получили должного урегулирования нормами права; подследственность, права и обязанности следователей уголовного розыска не были отражены в законе. Этот пробел не мог быть восполнен ведомственными приказами и инструкциями» [5, с. 54].

С учреждением в октябре 1921 г. института народных следователей при Совете народных судей в системе Наркомата юстиции РСФСР, приказом ГУМ НКВД РСФСР № 342 от 21 октября 1921 г. следственный аппарат в уголовном розыске был упразднен [5, с.57].

Позднее, с принятием в 1922 г. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и в 1924 г. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, производство предварительного следствия было окончательно возложено на народных следователей, следователей при ревтрибуналах, военных следователей и следователей по важнейшим делам Наркомата юстиции РСФСР. По мнению В.В. Соловьева, «после завершения эксперимента по созданию на базе уголовного розыска следственно-розыскной милиции в составе НКВД РСФСР задача укрепления аппаратов дознания встала со всей остротой» [6, с. 274].

После объединения независимых республик в соответствии с Договором об образовании СССР 1922 г. и принятием Конституции СССР 1924 г., управление внутренними делами было отнесено к исключительной компетенции союзных республик: республиканские НКВД были подчинены Совнаркомам союзных республик [7, с. 21].

В изменившихся условиях по-прежнему одним из главных, краеугольных направлений в деле становления советской милиции оставался кадровый вопрос, с обязательным идеологическим подтекстом. Еще в ходе Гражданской войны, на ее завершающем этапе, в приказе Главного управления советской рабоче-крестьянской милиции (ГУМ) НКВД РСФСР № 5 от 12 февраля 1920 г. предписывалось «рекомендовать на посты Начальников Милиции надежных коммунистов и неустанно вести партийную и просветительную работу среди милиционеров», с целью создать «действительно Коммунистическую милицию». Во исполнение поставленных задач НКВД РСФСР осуществляло мобилизацию 1/5 части «надежнейших милиционеров» и командного состава для откомандирования в местности, «освобожденные от власти Деникина и Колчака» [8].

В соответствии с директивой Управления уполномоченного ГУМ НКВД РСФСР на Северном Кавказе от 8 мая 1920 г., местные органы власти, «при организации Советской рабоче-крестьянской милиции», обязаны были руководствоваться сле-

дующими задачами. Во-первых, комплектование органов милиции должно осуществляться «наиболее сознательными» рабочими и крестьянами, из числа грамотных и дисциплинированных, «желательно бывших солдат, красноармейцев», вернувшихся из плена или уволившихся по ранению. Сотрудников милиции необходимо объединить в «комячейки». Во-вторых, милиция должна «разбиваться» на взводы, роты и «сводиться» в батальонные полки. Ее содержание будет финансироваться после выработки проектов штатов. В-третьих, для сотрудников милиции должны быть подготовлены общежития. Довольствие «по красноармейской норме» полагался комсоставу, «агентам следственного розыска» и милиционерам, но «отнюдь не канцелярским» служащим, причем паек оплачивался по «твердым ценам». В-четвертых, комсостав и милиционеры снабжаются форменным обмундированием и служебным оружием, «которое по оставлению службы сдают обратно», кроме сотрудников, отправляемых на фронт. Лошади в конной милиции не подлежат мобилизации [8].

Проблемы с комплектованием и личным составом в том же уголовного розыске решались не только посредством издания инструкций и наставлений, а также конкретными мерами по улучшению материального обеспечения сотрудников милиции и уголовного розыска, но и через привлечение средств массовой информации. Так, в одной из региональных газет был опубликован своеобразный наказ/призыв: «Деятель уголовного розыска должен быть рабом своего долга службы, отдаваться ей с полным забвением личных своих интересов, постоянно быть на своем посту, в полной готовности явиться на место убийства или тяжкого преступления, и всем помыслы его и заботы должны быть направлены единственно к высокой и ответственной цели его призвания: отыскать, изобличить и предать в руки правосудия всех виновников преступных деяний, и не только для того, чтобы они понесли заслуженное наказания за содеянное, но и чтобы поставить их в полную невозможность продолжать преступную деятельность» [9, с.8]. Несмотря на весь пафос публикации, следует признать, что в ней изложена вся суть деятельности уголовного розыска по борьбе с преступностью.

Рассматривая кадровую проблему, необходимо отметить, что в отдельных регионах отсутствие образования и должного профессионализма у сотрудников того же уголовного розыска компенсировалось энергией и решительностью, направленными на борьбу с преступностью.

В сложившейся ситуации ГУМ НКВД РСФСР приняло решение об организации всесторонней профессиональной подготовки сотрудников милиции и, в первую очередь, ее командного состава. Приказом № 69/с от 17 января 1921 г. ГУМ утвердило «Положение о курсах командного состава милиции», согласно которому органы милиции на местах обязывались организовать Курсы комсостава при губернских (областных) управлениях милиции. Уже к началу 1922 г. в стране было открыто 46 курсов, на которых проходили обучение почти 2,5 тыс. курсантов. Их штат в каждом регионе состоял из 100-150 человек, сообразно с местной спецификой. Обучение курсантов финансировалось из местного бюджета, а хозяйственное обеспечение учебного процесса осуществлялось территориальными органами милиции. Что же касается младшего комсостава, то первоначальную подготовку лиц, зачисленных на должности милиционеров, проводили так называемые школы резервов, которых к

концу 1923 г. насчитывалось 25; в них обучалось около 9 тыс. милиционеров [10, с. 105].

Стоит также отметить, что. пытаясь разрешить кадровую проблему, руководство советской милицией пошло на неординарный и неожиданный в тогдашних условиях шаг. Для повышения профессионального уровня сотрудников органов охраны правопорядка и в целях привлечения квалифицированных специалистов к работе в органах милиции, приказом НКВД РСФСР «О порядке принятия на службу в милицию и уголовный розыск лиц, служивших ранее в полиции и жандармерии» от 13 апреля 1922 г. объявлялось постановление Президиума ВЦИК от 29 августа 1921 г. «О восстановлении в правах гражданства лиц, служащих ранее в жандармерии». Постановлением предусматривалась возможность приема на службу в милицию и уголовный розыск, с допуском к «более или менее ответственной советской работе», указанных категорий лиц, но только в случаях «восстановления их в правах гражданства» [11].

Однако в жизнь инициатива высшего органа власти и руководства НКВД РСФСР что называется не прошла: вместо привлечения в органы милиции «старых специалистов», на практике стала проводиться линия на их выявление и увольнение из органов. Например, в 1922 г. в уголовном розыске Крыма из 78 сотрудников только 1 ранее служил в полиции. К осени 1924 г. в 43 губерниях и областях РСФСР в подразделениях уголовного розыска служили 78 бывших чинов полиции, что составляло 1,7% личного состава [12, с. 119]. В этом плане заслуживает внимания достаточно характерный приказ начальника Западного района железнодорожной милиции ГУМ НКВД РСФСР, которым предписывалось, при формировании штатов, «лиц, подавших заявления, прежде служивших в Корпусе жандармов, полиции, сыскных отделениях и особенно с уголовным прошлым, не принимать» [13].

Однако, несмотря на все усилия со стороны властей и руководства милицией, в начале 20-х гг. кадровый вопрос по-прежнему оставался одной из острейших проблем милиции – нехватка специалистов, особенно в сфере уголовного розыска, не позволяла пополнять штаты сотрудниками, отвечающими всем предъявляемым требованиям.

Подводя итоги изложенному выше отметим, что после окончания Гражданской войны милиция утратила статус одного из военизированных формирований пролетарской диктатуры и трансформировалась в административно-исполнительный орган Советов, мобилизованный активно претворять в жизнь на местах государственную политику. В условиях перехода к мирному времени были уточнены и оптимизированы как в целом функции НКВД РСФСР, так и Главного управления милиции, дальнейшее структурное развитие получили органы уголовного розыска, призванные к неуклонной борьбе с уголовной преступностью. Вместе с тем, сложное экономическое и финансовое положение в стране, непреодоленные последствия Гражданской войны и разрухи вели к тому, что проблема комплектования кадров милиции квалифицированными и добросовестными специалистами оставалась острой и злободневной. И связано это было не только со слабым материальным обеспечением сотрудников рабоче-крестьянской милиции, но отчасти и из-за присутствия идеологическо-догматических установок, укоренившихся после установления советской власти в государстве в сознании руководящих работников и партийных, и советских, и, само собой, милицейских органов. К сожалению, набрать среди рабо-

чих и крестьян образованных, сознательных сотрудников милиции в необходимом количестве оказалось невозможным, а выходцы из прежней интеллигенции и служащих, не говоря уже о сотрудниках старых правоохранительных органов считались классово чуждыми и недостаточно лояльными Советской власти, отчего их привлечение на службу в милицию и уголовный розыск не приветствовалось. Чтобы ситуация переменилась к лучшему, нужны были перемены и в экономическом, и в финансовом, и культурном отношениях, а для этого нужно было время. В начале же 20-х гг. эти условия пока отсутствовали.

Список литературы

1. Положение о Народном комиссариате внутренних дел. Утверждено постановлением ВЦМК и СНК РСФСР от 24 мая 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 33. – Ст. 386.
2. Положение о рабоче-крестьянской милиции. Утверждено Декретом ВЦИК, СНК РСФСР от 10 июня 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1920. – № 79. – Ст. 371.
3. Шабельникова Н.А. Деятельность органов милиции в системе исполнительной власти советского государства в 1917–1930 гг. Организационные и правовые основы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 1.
4. ГАКК. – Ф. Р-103. – Оп. 1. – Д. 19.
5. Ломов В.С. Органы предварительного следствия Советского государства в первой половине 20-х годов. – Волгоград, 1994.
6. Соловьев В.В. Становление и развитие органов НКВД РСФСР как субъектов расследования преступлений (1917–1924 гг.) // Научные исследования: от теории к практике. Материалы V Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 6 ноября 2015 г.). В 2 т. Т. 2. – Чебоксары, 2015.
7. Титов В.А., Гиоев Г.В. Системогенетические аспекты развития милиции России и ее тыла (1917-2010 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 4.
8. ГАКК. – Ф. Р-103. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 60об.
8. ГАКК. – Ф. Р-103. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 58.
9. Известия Кубано-Черноморского областного отдела Управления. – 1920. – № 3. – 7 ноября.
10. Филиппова Л.Е. Формирование образовательных учреждений НКВД в период становления Советской России как часть общей кадровой политики правоохранительных органов // Вестник Владимирского юридического института ФСИН России. – 2007. – № 1.
11. ГАКК. – Ф. Р-686. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 368-369об.
12. Борисов А.В., Дугин А.Н., Малыгин А.Я. и др. Полиция и милиция России: страницы истории. – М., 1995.
13. ГАКК. – Ф. Р-103. – Оп. 1. – Д. 86. – Л. 3.

Kravets S.A. Regulatory the activities of the Soviet militia in the early 20s. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 5 (73). № 4. – P. 22-27.

The article is devoted to the analysis of the optimization of the legal regulation of the Soviet militia at the end of the Civil War and the early 1920s, taking into account the practical experience of building public order in the early years of Soviet power in the changed domestic political and economic conditions

Keywords: Soviet police, criminal investigation, Police General Directorate, People's Commissioner for Internal Affairs, fight against crime

Spisok literatury

1. Polozhenie o Narodnom komissariate vnutrennih del. Utverzhdeno po-stanovleniem VCMK i SNK RSFSR ot 24 maya 1922 g. // SU RSFSR. – 1922. – № 33. – St. 386.
2. Polozhenie o raboche-krest'yanskoj milicii. Utverzhdeno Dekretom VCIK, SNK RSFSR ot 10 iyunya 1920 g. // Sobranie uzakonenij i raspo-ryazhenij Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva. – 1920. – № 79. – St. 371.

3. SHabel'nikova N.A. Deyatel'nost' organov milicii v sisteme ispolni-tel'noj vlasti sovetskogo gosudarstva v 1917–1930 gg. Organizacionnye i pravovye osnovy // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. – 2014. – № 1.
4. GAKK. – F. R-103. – Op. 1. – D. 19.
5. Lomov V.S. Organy predvaritel'nogo sledstviya Sovetskogo gosudar-stva v pervoj polovine 20-h godov. – Volgograd, 1994.
6. Solov'ev V.V. Stanovlenie i razvitie organov NKVD RSFSR kak sub"-ektov rassledovaniya prestuplenij (1917–1924 gg.) // Nauchnye issledova-niya: ot teorii k praktike. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (CHeboksary, 6 noyabrya 2015 g.). V 2 t. T. 2. – CHeboksary, 2015.
7. Titov V.A., Gioev G.V. Sistemogeneticheskie aspekty razvitiya milicii Rossii i ee tyla (1917-2010 gg.) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo univer-siteta MVD Rossii. – 2010. – № 4.
8. GAKK. – F. R-103. – Op. 1. – D. 10. – L. 60ob.
8. GAKK. – F. R-103. – Op. 1. – D. 10. – L. 58.
9. Izvestiya Kubano-Chernomorskogo oblastnogo otdela Upravleniya. – 1920. – № 3. – 7 noyabrya.
10. Filippova L.E. Formirovanie obrazovatel'nyh uchrezhdenij NKVD v period stanovleniya Sovetskoj Rossii kak chast' obshchej kadrovoj politiki pravoohranitel'nyh organov // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii. – 2007. – № 1.
11. GAKK. – F. R-686. – Op. 1. – D. 1. – L. 368-369ob.
12. Borisov A.V., Dugin A.N., Malygin A.YA. i dr. Policiya i miliciya Rossii: stranicy istorii. – M., 1995.
13. GAKK. – F. R-103. – Op. 1. – D. 86. – L. 3.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 1. – С. 28-34.

УДК: 340;93/94

СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУБАНСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ 1902-1914 Г.

Кузьмина А. В.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассмотрены структура и деятельность Кубанского областного комитета попечительства о народной трезвости с момента создания в 1902 г. до начала Первой мировой войны. Областной комитет находился во главе многоуровневой структуры попечительства, контролирующий, организующий и финансирующий, полученными из казны средствами, деятельность городских и уездных комитетов, в ведении которых находились особые отделы, расположенные, главным образом, в станицах. Направления деятельности Кубанского попечительства о народной трезвости были традиционными, но с акцентом на культурно-просветительскую работу.

Ключевые слова: Кубанская область, попечительство, народная трезвость, сухой закон, борьба с пьянством, структура

Кубанский областной Комитет попечительства о народной трезвости (далее ПОНТ) был образован 1 июля 1902 г. В пользу определения этой даты свидетельствует тот факт, что по просьбе председателя Новороссийского Комитета ПОНТ, 13 августа 1903 г. товарищ председателя Кубанского Комитета ПОНТ, генерал-майор М.П. Бабыч отправил «Отчет о деятельности Кубанского Областного Комитета попечительства о народной трезвости с 1 июля 1902 года по 1 января 1903 года» [1]. Полагаем, что этот официальный документ о функционировании Комитета за первые полгода, является достаточным основанием для датировки события.

Отметим, что к этому времени на территории Кубанской области действовало несколько обществ, которые преследовали «однородные с попечительством о народной трезвости цели», и среди них: Темрюкское благотворительное общество, Общество пособия бедным города Майкопа, Ейское общество пособия бедным, Армавирское общество пособия бедным, Убеженское общество пособия бедным, Майкопское Св. Осневское братство, Кубанское Александро-Невское религиозно-просветительное братство и Православно-церковное братство Св. Великомученика Артемия (ст. Новощербиновская) [2]. Именно они, по мнению Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей, должны были содействовать вновь образованному Кубанскому областному Комитету ПОНТ в «достижении задач, предъуказанных попечительствам о народной трезвости» [2].

В течение первых полутора лет Кубанский областной Комитет заложил основы всей дальнейшей деятельности структуры ПОНТ на Кубани. Все его решения фиксировались журналами заседаний Комитета (постановлениями). При непосредственном участии областного Комитета ПОНТ были учреждены отдельские (уездные) Комитеты: Екатеринодарский, Ейский, Темрюкский, Кавказский, Лабинский, Майкопский и Баталпашинский; городские: в Екатеринодаре и Ейске; Армавирский особый отдел Лабинского уездного Комитета [3] и др. Отметим, что Областной Комитет, приняв во внимание предложение товарища министра финансов «о передаче

дел попечительства о народной трезвости в города, в непосредственное ведение местных городских управлений, с выдачей субсидий от казны», выразил «полное согласие» с такой постановкой вопроса, оставив за собой право «лишь общего надзора за употреблением этих субсидий по назначению» [4].

Поскольку «ближайший надзор» за соблюдением правил торговли крепкими напитками в ночное время из буфетов железнодорожных станций возлагался на железнодорожную жандармскую полицию, областной Комитет принял решение ходатайствовать перед ее руководством «об усилении надзора за правильным отпуском крепких напитков из буфетов железнодорожных станций, чтобы отпуск их шел на удовлетворение потребностей пассажиров, а не служил бы поводом к пьянству и ночному разгулу вблизи населенных пунктов в ночное время» [4].

За первые полтора года функционирования ПОНТ на Кубани были достигнуты определенные успехи в решении задач искоренения пьянства в регионе. Так, с 15 декабря 1902 г. в Екатеринодаре начал работу книжный склад для продажи книг, туманных картин и волшебных фонарей, «с филиальными отделами, для содействия по устройству народных чтений» [5]. В том же году на Кубани было проведено 282 народных чтения, «посредством световых картин», на которых побывало более 34 тыс. человек [6].

Лучшей среди остальных на Кубани в 1903 г. была признана чайно-читальня в станице Отрадной Баталпашинского уездного Комитета, оборудованная трудами участкового попечителя И.Л. Гара, который привлек к работе 90 членов-соревнователей, из которых 60 оплачивали взнос, а 30 – «приняли участие личным трудом» [5].

К 1 января 1904 г. всего по Кубанской области насчитывалось 1579 членов-соревнователей Комитетов всех уровней и 112 участковых попечителей, среди которых было 44 учителя и 24 священнослужителей [5]. В состав областного Комитета ПОНТ в 1904 г. входило 17 членов и 4 члена «на основании Высочайше утвержденного 7 января 1902 года Мнения Государственного Совета» [6], т.е. лица, принимаемые в состав губернских (областных), Особых и уездных (окружных) Комитетов, по представлениям этих Комитетов, «сверх обязательных членов» [7].

Подводя итоги деятельности ПОНТ на Кубани за первые полтора года, непременный член областного Комитета Я.В. Борисов констатировал, что «отношение как станичных жителей, так и городских обывателей к деятельности попечительства трезвости весьма сочувственное, что доказывается, во-первых, пожертвованиями в пользу разных учреждений, устраиваемых Комитетами, а во-вторых, количеством лиц, желающих участвовать в попечительствах, путем взноса денег или же непосредственной деятельностью» [5].

Следует отметить, что в течение 1903 г. областной Комитет провел 8 заседаний, где принимались первоочередные, неотложные решения [5]. Так, например, на заседании 20 мая 1903 г., «в интересах более широкого распространения идей попечительства в народной массе», Комитет постановил «ходатайствовать перед г. Министром Финансов 1) об уменьшении членского взноса для членов-соревнователей с 5 до 3 рублей и 2) о допущении образования участковых попечительств, в состав которых входили бы участковые попечители и члены-соревнователи данного района, с правом решающего голоса по всем вопросам, касающихся мероприятий данного попечительства» [8].

На том же заседании, по ходатайству Баталпашинского уездного Комитета, ему было отпущено 1800 руб. на содержание трех чайно-читален и поставлено в известность, что «дальнейшие расходы по существующим учреждениям должны покрываться из сумм, вырученных от предприятий, которые, во всяком случае, должны окупать текущие расходы как по содержанию служащих, так и по другим статьям, за исключением просветительных мероприятий» [8].

В 1904 г. Кубанское ПОНТ расширяло и углубляло масштабы проводимых мероприятий по искоренению пьянства. Уже 2 января ГУНС и КПП перечислило на счет специальных средств областного Комитета 70 тыс. руб. «на расходы его в 1904 году» [9]. На заседании 26 января областной Комитет постановил: «…просить Городскую Думу Екатеринодара отвести место для устройства Народного дома в такой черте города, где бы он мог быть доступен для наибольшего количества обывателей во всякое время, а в особенности в праздничные дни, когда население нуждается в разумном препровождении времени, в полезных занятиях и в невинных развлечениях, отвлекающих его от пьянства и уличного разгула» [9].

О том, насколько серьезно областной Комитет подходил к подбору кадров в уездные Комитеты, могут свидетельствовать следующие факты. 11 февраля 1904 г. непременный член Комитета Я.В. Борисов сделал запрос в канцелярию начальника Кубанской области, с просьбой сообщить, «не имеется ли каких-либо препятствий к допущению на службу в Лабинский уездный отдел попечительства о народной трезвости приглашенного Комитетом Лабинского отдела луганского мещанина Даниила Васильевича Левитова, проживающего в гор. Луганске, Екатеринославской губернии» [10].

В рассматриваемое время в регионе получили широкое распространение учреждение Особых отделов в уездах. По мнению областного Комитета, «учреждение таких коллегиальных органов попечительства во всех населенных пунктах Кубанской области, где имеются попечительные учреждения, могло бы значительно оживить деятельность как самих учреждений, так и всякого рода мероприятий, устраиваемых в целях попечения о народной трезвости». Такой вывод был сделан в связи с тем, что члены соревнователи в указанных формациях действовали на правах членов Особых отделов и приглашались участковыми попечителями для решения насущных проблем в сфере борьбы с пьянством [6, с. 46].

В 1904 г. в отделах Кубанской области функционировало 36 чайно-читален: в Баталпашинском – 9, Ейском – 1, Екатеринодарском – 5, Кавказском – 4, Лабинском – 3, Майкопском – 3, Темрюкском – 11. Областной Комитет полагал, что «эти учреждения должны иметь, прежде всего, нравственно-образовательный характер, а затем уже полублаготворительный и развлекательный» [6, с. 48].

В рассматриваемое время под эгидой ПОНТ во всех отделах Кубани функционировало 80 народных библиотек: в Майкопском – 42, Темрюкском – 10, Лабинском – 8, Баталпашинском – 6, Екатеринодарском и Кавказском – по 5 библиотек. Для областного Комитета было принципиальным, что население пользуется библиотеками бесплатно, «причем книги и журналы выдаются для прочтения на дому, за исключением тех библиотек, которые находятся при читальнях и чайных» [6, с. 60-61].

В указанное время на средства ПОНТ Кубани содержалось 6 воскресных школ и 4 воскресных класса: в Баталпашинском отделе – 3 школы и 4 класса, Лабинском – 2 школы, Ейском – 1 школа. Что же касается других уездных Комитетов, то они «не

позаботились об устройстве этих, бесспорно, полезных учреждений в своих районах, где потребность в них несомненна». Зато «для отвлечения населения от питейных заведений» Комитеты ПОНТ «находили полезным устраивать театральные представления, народные гулянья и другие развлечения» [6, с. 71].

Летом 1905 г. из Штаба Кавказского военного округа начальнику Кубанской области (1904-1906), генерал-лейтенанту Д.А. Одинцову был направлен проект министра финансов В.Н. Коковцова «О предоставлении Министру Финансов права передавать в некоторых случаях функции попечительств о народной трезвости городам, земствам, крестьянским и частным обществам, преследующим однородные с попечительствами цели», с просьбой рассмотреть и дать свое заключение по проекту [11]. Проект предусматривал передачу органам городского и земского самоуправления, а также крестьянским и частным обществам «как отдельных учреждений, так и всех дел местных попечительств о народной трезвости», с субсидированием «за счет ежегодного пособия, производящегося из казны попечительству данной губернии» [11]. К сожалению, проект не прошел через обсуждения в Государственном Совете.

В период Первой русской революции 1905-1907 гг. деятельность Кубанского ПОНТ была минимизирована, в том числе и в связи с недофинансированием из казны. Так, по распоряжению ГУНС и КПП в 1906 г. на Кубани были закрыты все чайные, приносящие убытки, за исключением расположенных в Екатеринодаре, Майкопе, селении Армавир и ст. Гиагинской [12]. Решением областного Комитета от 5 мая 1907 г. была закрыта библиотека в ст. Отрадной Баталпашинского уездного Комитета, а ее функции стала выполнять библиотека «министерского 2-классного училища» [12]. К январю 1907 г. областной Комитет располагал 184 народными библиотеками-читальнями, с учетом действующих при городских и станичных училищах [12].

Между тем, в период 1904-1908 гг. потребление алкоголя в городах и уездах Кубанской области в ведрах на душу населения не уменьшалось, а даже имело тенденцию к увеличению. Если в 1904 г. этот показатель составил 0,72 (при расходе 5,53 руб. в год на человека), то к 1908 г. – 0,86 (7,02 руб.). К 1908 г. питейная торговля осуществлялась в 552 населенных В 1908 г. потребление спиртных напитков крепостью 40 градусов на Кубани составило более 2 млн ведер, при численности населения на 1 января 1908 г. 2388100 человек, т.е. 0,86 ведра на одного [13].

Спустя шесть лет после решения областного Комитета ПОНТ о строительстве в Екатеринодаре народного дома, 22 октября 1910 г., в присутствии городского головы И.Н. Дицмана, на углу улиц Екатерининской и Медведовской областного центра был открыт народный дом [14, с.3], который сохранился и поныне. Однако еще 20 октября, «ввиду перехода в ведение города Народного Дома и его учреждений, находившихся ранее в ведении Уездного Комитета попечительства о народной трезвости», своим постановлением № 25 Екатеринодарская городская Дума «единогласно постановила включить в число членов Городского Комитета попечительства весь состав Городской Управы» [15].

Помимо библиотеки-читальни, в Екатеринодарском народном доме действовал драматический кружок, ставивший любительские спектакли, по воскресеньям устраивались народные чтения, а в 1913 г. был оборудован электро-биограф (кино-

театр). В период Первой мировой войны в помещении народного дома функционировал лазарет для раненых [16, с. 192].

Помимо Екатеринодара, народные дома имелись в станицах Усть-Лабинской, Брюховецкой, Уманской, Медведовской, Ново-Александровской и г. Ейске, а также были «предположены постройки в станицах Тимашевской и Ново-Покровской» [17].

Особо следует отметить, что Екатеринодарскому городскому Комитету в борьбе с пьянством активно помогало Общество трезвости при Покровской церкви Екатеринодара, созданное 14 сентября 1910 г. [18].

Необходимо отметить, что наиболее отличившиеся члены Комитетов Кубани поощрялись и награждались. Так, 6 декабря 1912 г. была Высочайше пожалована серебряная медаль «За усердие», для ношения на груди на Станиславской ленте, члену-казначею Невинномысского особого отдела Баталпашинского уездного Комитета ПОНТ, мещанину Ивану Петренко [19]. За активное участие в деятельности того же Комитета орденом Св. Анны 3-й степени был пожалован А.А. Потебня [20, с. 104].

В 1913 г. областной Комитет сохранял за собой руководящие позиции, но непосредственного участия в деятельности уездных и городских Комитетов не принимал, «стремясь в то же время, чтобы деятельность попечительств наиболее продуктивно служила в деле пробуждения в народе сознания вреда злоупотребления алкоголем». Урезав субсидирование подчиненным Комитета, в сравнении с прошлыми годами, «в виду сокращения казенного пособия», тем не менее «Областной Комитет стремился, при посредстве всех своих учреждений, всю денежную наличность обратить на организацию народных чтений, библиотек-читален, Обществ трезвости и т.д., и таким образом создать ту общую на всю область организацию, которая, по мере сил, работала над святым делом отрезвления русского народа». В отчете областного Комитета за 1913 г. делался вывод, что будущее ПОНТ «еще впереди и государство, без сомнения, не уменьшит о нем своих забот и тем даст возможность осуществить святое назначение этих учреждений в народной жизни» [21].

На 1 января 1913 г. в число членов областного, семи уездных и двух городских Комитетов входили: обязательные – 145, назначенных министром финансов – 40, почетных – 2, приглашенных председателем областного Комитета – 23, членов-соревнователей – 824, а всего – 1034 человек [21].

С началом Первой мировой войны в России был установлен так называемый «сухой закон». Тогда же начальник Кубанской области М.П. Бабыч опубликовал «обязательное постановление» для всех жителей Кубани, которым запрещалось распитие алкоголя на улицах, площадях и других людных местах. Кроме того, воспрещалось появление в нетрезвом виде в общественных местах, в черте оседлости сельских мест и проч. Было отменено официальное празднование Нового года в войсковых и общественных собраниях, с запретом танцевальных вечером и концертных представлений [22, с. 23].

В это время в «Кубанских областных ведомостях» отмечались «поразительные результаты» действия «сухого закона» на Кубани: число пьяных, «задержанных до вытрезвления», сократилось на 80% [23].

Естественно, в период войны деятельность структур ПОНТ в регионе ослабилась, в том числе, и по причине недофинансирования из казны, однако полностью

не прекратилась, хотя и осуществлялась уже не в довоенных масштабах. Как и бóльшая часть Комитетов ПОНТ различных губерний, Кубанский областной Комитет был упразднен в 1917 г., вслед за крахом монархии в России.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что особенность деятельности ПОНТ в Кубанской области заключалась, в первую очередь, в учете и использовании менталитета, устоев, традиций и обычаев, перешедших к кубанским казакам от черноморских казаков-первопоселенцев, которые располагали устоявшейся культурой потребления крепких напитков в условиях несения повседневной военной службы и боеготовности.

С учреждением в Кубанской области винной казенной монополии летом 1902 г., была образована многоуровневая структура попечительства о народной трезвости, во главе которой находился областной Комитет, контролирующий, организующий и финансирующий, полученными из казны средствами, деятельность городских и уездных Комитетов, а в ведение последних находились Особые отделы, дислоцированные, главным образом, в станицах отделов.

Деятельность Кубанского ПОНТ осуществлялась по всем направлениям в сфере масштабной профилактики пьянства среди населения, однако, Русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая русская революция 1905–1907 гг. существенно снизили финансирование из казны, в связи с чем ПОНТ было вынуждено полностью отказаться от субсидирования не окупаемых учреждений, к которым, прежде всего, относились столовые и чайные. Между тем, для жителей региона продолжали свою работу бесплатные библиотеки и читальни, организовывались народные чтения, театральные спектакли и концерты, народные хоры и гулянья, вечерние и воскресные школы, в ряде городов и станиц Кубани на средства ПОНТ и местных властей строились и открывались народные дома, систематически оказывалась материальная помощь Обществам трезвости и другим благотворительным общественным организациям, и т.д. Безусловно, проведением культурно-просветительных мероприятий Комитеты ПОНТ не могли искоренить пагубную привычку среди населения или кардинально снизить потребление спиртного. Однако они внесли неоценимый вклад в дело борьбы с пьянством посредством предоставления всем жителям Кубанской области, от городов до хуторов включительно, возможности культурного времяпрепровождения, получения образования, а также непосредственного участия в инициативах попечительства о народной трезвости.

Список литературы

1. ГАКК. – Ф. 727. – Оп. 1. – Д. 50.
2. ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 2. – Д. 3657.
3. ГАКК. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 12; ГАКК. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 2-2об; ГАКК. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 7-11; ГАКК. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 39.
4. ГАКК. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 51.
5. ГАКК. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 4.
6. Отчет о деятельности Кубанского областного Попечительства о народной трезвости за 1904 год / Составлен Непременным членом Кубанского областного Комитета Попечительства о народной трезвости Я.В. Борисовым. – Екатеринодар, 1906. – 73 с.
7. ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 22. – № 20944.
8. ГАКК. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 1.
9. ГАКК. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 3.
10. ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 2. – Д. 6003.
11. ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 2. – Д. 6151.
12. ГАКК. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 6.
13. Статистика по казенной продаже питей. 1908 год. Вып. 3. – СПб., 1910. – С. 61, 78-81, 97-97.
14. Кубанский край. – 1910. – № 244.

15. ГАКК. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 55.
16. Шахова Г.С. Улицы Краснодара рассказывают… Кн. 2. – Ейск, 2002.
17. ГАКК. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 10.
18. ГАКК. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 56.
19. ГАКК. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 30.
20. Ермакова Г.А. Профилактика алкоголизма и наркомании как вторичная форма традиционной культуры // Вторичные формы традиционной народной культуры: Материалы научно-практической конференции (Краснодар, 26-27 ноября 2010 г.). – Краснодар, 2010. – С. 100-108.
21. ГАКК. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 35.
22. Бордюжа Т.В. История питейного дела на Кубани и в Черноморье (конец XVIII в. – 1917 г.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Карачаевск, 2011. – 21 с.
23. Лазебная С. Традиции гостеприимства: варить самогон кубанцев научили горцы // Электронный ресурс:http://www.kuban.aif.ru/society/details/1075796

Kuzmina A.V. Structure and key areas of action Cuban regional guardianship committee about people's sobriety 1902-1914 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 28-34.

The article examines the structure and activities of the Cuban Regional Committee of Trustees on people's sobriety from the time of creation in 1902 until the outbreak of World War I. The regional committee was at the head of a multi-level guardianship structure, which oversees, organizes and finances, received from the treasury funds, the activities of the city and county committees, which were run by special departments, located mainly in the villages. The direction of the Cuban guardianship of people's sobriety was traditional, but with a focus on cultural and educational work.

Keywords: Cuban region, guardianship, popular sobriety, dry law, anti-drinking, structure

Spisok literatury

1. GAKK. – F. 727. – Op. 1. – D. 50.
2. GAKK. – F. 454. – Op. 2. – D. 3657.
3. GAKK. – F. 465. – Op. 1. – D. 1. – L. 12; GAKK. – F. 465. – Op. 1. – D. 31. – L. 2-2ob; GAKK. – F. 465. – Op. 1. – D. 23. – L. 7-11; GAKK. – F. 465. – Op. 1. – D. 10. – L. 39.
4. GAKK. – F. 465. – Op. 1. – D. 51.
5. GAKK. – F. 465. – Op. 1. – D. 4.
6. Otchet o deyatel'nosti Kubanskogo oblastnogo Popechitel'stva o narodnoj trezvosti za 1904 god / Sostavlen Nepremen-nym chlenom Kubanskogo oblastnogo Komiteta Popechitel'stva o narodnoj trezvosti YA.V. Borisovym. – Ekaterinodar, 1906. – 73 s.
7. PSZ. – Sobr. 3. – T. 22. – № 20944.
8. GAKK. – F. 465. – Op. 1. – D. 1.
9. GAKK. – F. 465. – Op. 1. – D. 3.
10. GAKK. – F. 454. – Op. 2. – D. 6003.
11. GAKK. – F. 454. – Op. 2. – D. 6151.
12. GAKK. – F. 465. – Op. 1. – D. 6.
13. Statistika po kazennoj prodazhe pitej. 1908 god. Vyp. 3. – SPb., 1910. – S. 61, 78-81, 97-97.
14. Kubanskij kraj. – 1910. – № 244.
15. GAKK. – F. 465. – Op. 1. – D. 55.
16. SHahova G.S. Ulicy Krasnodara rasskazyvayut… Kn. 2. – Ejsk, 2002.
17. GAKK. – F. 465. – Op. 1. – D. 10.
18. GAKK. – F. 465. – Op. 1. – D. 56.
19. GAKK. – F. 465. – Op. 1. – D. 30.
20. Ermakova G.A. Profilaktika alkogolizma i narkomanii kak vto-richnaya forma tradicionnoj kul'tury // Vtorichnye formy tradicionnoj narodnoj kul'tury: Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii (Krasnodar, 26-27 noyabrya 2010 g.). – Krasnodar, 2010. – S. 100-108.
21. GAKK. – F. 465. – Op. 1. – D. 35.
22. Bordyuzha T.V. Istoriya pitejnogo dela na Kubani i v CHernomor'e (konec XVIII v. – 1917 g.): Avtoref. dis. … kand. ist. nauk. – Karachaevsk, 2011. – 21 s.
23. Lazebnaya S. Tradicii gostepriimstva: varit' samogon kubancev nauchili gorcy // Elektronnyj re-surs:http://www.kuban.aif.ru/society/details/1075796

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 35-42.

УДК 343.21

«ШАЙКА» КАК ФОРМА ПРЕСТУПНОГО СОУЧАСТИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В «БАНДУ»)

Максимов П. В.
Краснодарский университет МВД России

В статье представлен анализ норм дореволюционного уголовного законодательства (Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г.), регулирующих такую форму преступного соучастия, как «шайка». Показывается позиция законодателя, который фактически сближал составы преступлений, совершенных уголовной шайкой (прежде всего имущественного разбоя), и преступлений против государства в виде вооруженного нападения на «волостные и общественные управления». Делается вывод, что, с учетом усиления революционного движения на рубеже XIX-XX вв., повышенная общественная опасность вооруженных уголовных шаек диктовала необходимость выделения самостоятельного состава преступления, что и было сделано, но уже после 1917 г., советским законодателем в виде бандитизма.

Ключевые слова: Уложение, шайка, преступление, наказание, сообщники, преступная группа, вооруженность, банда.

Современная форма соучастия в виде банды (ст. 209 УК РФ) впервые получила свое законодательно закрепление на системном уровне в УК РСФСР 1922 г., где в ст. 76 определялась следующая диспозиция бандитизма: «Организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения жел.-дор. путей, безразлично, сопровождались ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождались» [1]. Однако такой состав преступления против государства, сформированный в первые годы советской власти, не являлся абсолютной новеллой советского законодателя, а вытекал из предшествовавшего имперского законодательства, где использовалось понятие «шайки».

В этой связи следует заметить, что с учетом особой опасности групповых вооруженных нападений, в российском законодательстве всех исторических периодов данному типу преступной активности всегда уделялось самое пристальное внимание [2, с. 53]. Причем в позднейший период Российской империи (начиная с конца XIX в.) в детально разработанном уголовном праве (мы берем для анализа последнюю масштабную редакцию Уложения о наказаниях и уголовных 1885 г. [3]) имелись самые различные варианты таких нападений, дифференцируемые в зависимости от преступного умысла, характера объединения преступников, формы нападений, их последствий, состава участников преступных групп (сообществ, скопа) и т.д., то есть, законодатель уже использовал системный подход, который в свою очередь, отражал более высокий уровень развития уголовного права как науки [4, с. 38]. В данном контексте выделим некоторые (наиболее значимые) законодательные позиции Российской империи по вопросам регулирования ответственности за преступления, которые позже стали именоваться (уже при советской власти) бандитизмом – с тем, чтобы показать, что советское государство определенным образом восприняла позиции Российской империи, несмотря на прозвучавшие после 1917 г. де-

кларации советской власти о том, что имперское законодательство полностью отвергается.

Предварительно заметим, что имперский законодатель не давал аутентичного толкования термину «шайка». Это делалось на доктринальном уровне. Так, Н.С. Таганцев считал шайку особым видом преступной группы и полагал, что «шайкой признается соглашение нескольких лиц на совершение нескольких определенных или неопределенных, однородных, разнородных преступных деяний. Существо шайки заключается в постоянном характере сообщества, в обращении членами шайки преступной деятельности в ремесло» [5, с. 17]. Характеризуя указанный вид преступной активности (в форме «шайки), необходимо исходить из того, что, в силу своего группового характера, он был в первую очередь связан с юридическим термином «участие в преступлении» (раздел I Уложения 1885 г.), выступавшим «как родовое понятие» преступного соучастия. И прежде всего, закон требовал выяснения того, совершено ли преступление по предварительному соглашению (сговору) или без такового (ст.11).

В свою очередь, вопросы соучастия регулировались в ст. 11-15 и 117-128 Уложения 1885 г. и, при обычном порядке судопроизводства, обязательно выносились на решение присяжных заседателей. В соответствие с указанным порядком, в случае наличия предварительного соглашения преступников о создании преступной группы, законом далее различались такие виды соучастников, как «зачинщики», «сообщники», «подстрекатели» («подговорщики») и «пособники» (ст. 13). При наличии сговора двух и более лиц, каждое из указанных лиц несло ответственность за преступление в целом.

Помимо этого, среди лиц, причастных («прикосновенных») к преступлению, хотя и непосредственно не участвовавших в нем, выделялись также «попустители», «укрыватели» и «недоносители» (ст.14). Все это также относилось к преступлениям, совершаемых шайкой, и сам факт наличия шайки означал обстоятельство, отягчающее вину членов шайки.

Однако не всякая шайка имела признаки, которые позже перейдут к банде. Дело в том, что имперский законодатель имел в виду, что созданная предварительно преступная группа, с одной стороны, могла совершать самые различные преступления (в том числе ненасильственного характера), а с другой стороны – характеризоваться различным уровнем сплоченности и приверженности преступным намерениям. В данной связи составы, наиболее близкие к современному понятию бандитизма, в имперской России были связаны главным образом с разбоями.

В свою очередь, для квалификации разбойных нападений в Уложении 1885 г. было выделено целое отделение третьей главы, включавшее десять статей, характеризовавших различные виды разбоев (и это не случайно, так как к тому времени имущественные преступления имели довольно широкую дифференциацию [6, с. 38]). Однако при всем разнообразии видов разбойных нападений, предусмотренных Уложением 1885 г., базовыми элементами разбоя всегда выступали, с одной стороны, похищение имущества жертв данного преступления, а с другой стороны – очевидное насилие в отношении потерпевших лиц. А поскольку к существенным признакам разбоя относилось открытое нападение с нанесением опасных для жизни телесных повреждений, либо угрозой таковых, то при наличии у нападающих оружия (угроза убийством) данные преступления приобретали более высокую обще-

ственную опасность. Соответственно обязательный признак банды в виде вооруженности ее участников, имеющий место в современном российском законодательстве, тогда, в имперской России, позволял однозначно квалифицировать нападение преступной группы как разбой.

Однако при этом нужно иметь в виду, что далеко не каждый разбой имперской эпохи, совершенный группой преступников, можно отождествлять с современным составом бандитизма. Согласно Уложению 1885г. (ст.1627) разбоем считалось также нападение без оружия, если «сопровождалось или убийством, или покушением на оное, или же нанесением увечья, ран, побоев или других телесных истязаний, или такого рода угрозами или иными действиями, от которых представлялась явная опасность для жизни, здравия или свободы лица, или лиц, подвергавшихся нападению» [3].

В контексте отмеченного разнообразия признаков разбоя, имперский законодатель детально учитывал и многообразие возможных видов преступных деяний. Это позволяло различать разбои по месту их совершения (ст.1628, 1629, 1630, 1631, 1632- здание, селение, уединенное место, почта, транспорт и т.д.); по последствиям (ст.1632, 1634 – увечье, раны, истязания, смертоубийство и проч.); по рецидиву (ст.1635 – повторение разбоя). Последнее, наряду с разбоем в церкви, закон признавал наиболее тяжким видом, предусматривавшим наказание в виде ссылки в каторжные работы без срока.

И здесь важно заметить, что к числу наиболее тяжких относились групповые разбойные нападения в составе шаек (ст.1633). Лица, являвшиеся организаторами и активными участниками таких шаек, могли быть наказаны ссылкой в каторжные работы на срок до 15 лет, другие члены шайки – на срок до 12 лет. Наряду с этим, ответственность за «составление шайки для разбоев» регулировалась ст. 924 Уложения 1885 г. как самостоятельный и законченный состав преступления, то есть, уже сам факт создания шайки являлся преступлением (равно как позже, уже при советской власти сам факт создания банды также будет считаться самостоятельным преступлением), за которое участникам шайки предусматривалось наказание в виде ссылки в каторжные работы на срок до 6 лет, даже если шайкой не было еще совершено преступление (еще раз подчеркнем: этот момент очень близок к характеристике постимперской банды).

В свою очередь, недонесение о существовании шайки также являлось преступлением, но наказание, конечно, было значительно мягче – «лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ» и направление в «исправительные арестантские отделения» [3]. Что касается лиц, виновных «в доставлении заведомо злонамеренным шайкам или сообществам оружия, или же иных орудий, или каких средств для содеяния предположенных ими преступлений» [3] (ст. 928), то они несли наказание, аналогичное ответственности за участие в шайке (ссылка в каторжные работы на срок до 6 лет).

Как видно, законодатель устанавливал для участников уголовных шаек (особенно для вооруженных, «составившихся» для разбойных нападений) самую строгую ответственность, определяя для них значительные сроки ссылки в каторжные работы. Причем за разбои не предусматривалось альтернативных наказаний (например, в отличие от иных преступлений, не предусматривалась замена этого наказания направлением в арестантские отделения); следует заметить также, что такой была

доминирующая позиция и в других странах [7, с. 64], что свидетельствует о высокой общественной опасности такого рода преступлений.

В то же время, при квалификации разбоев и, соответственно, определении наказания, учитывались самые различные квалифицирующие признаки. К примеру, 10 февраля 1910 г. в селе Красный Кут Самарской губернии было совершено вооруженное нападение на квартиру агента Северного банка. Преступники, захватившие кассу с деньгами, а также применившие насилие по отношению к сторожу, являлись членами политической партии социалистов-революционеров («эсерами»), и деньги предназначались для партийной деятельности. Однако, несмотря на эту «политическую» составляющую, требовавшую дополнительной квалификации (по ст. 102 Уголовного уложения 1903г. – в связи с «подрывом экономической основы» режима), их обвинили лишь в деянии, сугубо уголовном, предусмотренном ст. 13, 1627, 1629, 1632 Уложения [8, с. 31] В этой связи, современные исследователи справедливо указывают на тот факт, что, несмотря на непростую ситуацию предреволюционной эпохи, обвинение неохотно политизировало составы таких преступлений, предпочитая даже «политических» проводить по чисто уголовным составам [9, с. 109] – с тем, чтобы слишком суровые наказания не провоцировали протестные выступления местного населения [10, с. 49]. Там же, где чисто уголовные составы не были применимы, властями использовались нормы воинского Устава о наказаниях 1875 г. (ст. 278 и др.).

В целом, наиболее близкими к составу бандитизма можно считать разбои (особенно ст. 1628-1633 Уложения 1885 г.). Однако нужно видеть, что вооруженные групповые нападения могли совершаться не только шайками разбойников и не только в сугубо корыстных целях. Так, обращение к разделу 3 Уложения 1885 г. («О преступлениях государственных») показывает, что уголовное право имперской России выделяло целый ряд групповых преступлений, которые совершались вооруженными «сообществами» или «скопом», и были направлены против власти и ее распоряжений. Причем такие преступления карались гораздо более жестко, чем действия уголовных разбойных банд. В частности, смертной казнью карался не только бунт против верховной власти («восстание скопом»), совершенный с намерением ниспровержения власти (ст. 249), но также и недонесение о подготовке такового.

Помимо прямого «бунта», закон предельно сурово карал за «преступления против порядка управления» (раздел 4, глава 2 «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от органов властям» [3]). В частности, отметим, что «явное против властей ... восстание», совершенное «вооруженными чем-либо людьми и сопровождаемое с их стороны насилием и беспорядками» (с. 263) также каралось более жестко, чем участие в разбойной шайке (каторга 15-20 лет). Подчеркнем, что, в отличие от «сопротивления распоряжениям правительства», имевшего «частную цель» (ст.270 – не более 3-х человек), восстание и противодействие (ст.263-269) трактовались, как имеющие «характер вызывающий или нападающий». В силу повышенной опасности, в местностях, где был введен суд присяжных, такие дела рассматривались судебной палатой с участием сословных представителей (ст.201-1 Устава уголовного судопроизводства). Там же, где действовали чрезвычайные меры охраны, за вооруженное сопротивление гражданские лица подлежали военному суду и наказанию по законам военного времени (ст. 226-1 Устава уголовного судопроизводства [11]).

Мы не случайно акцентируем внимание на «политических» преступлениях, сопровождаемых насилием, в том числе с применением оружия, - дело в том, что именно политический фактор после 1917 г. будет иметь решающее значение в трансформации «шайки» в «банду». А тогда, в позднейшей империи, этот фактор, хотя и не был непосредственно связан с преступлениями, совершаемыми шайками, но, определенное сближение составов вооруженных разбоев и насильственных «политических» преступлений уже просматривалось.

В подтверждение этого можно привести то обстоятельство, что в системе уголовных санкций Уложения 1885 г. прослеживается интересная параллель между указанным видом преступления против власти («бунт») и уголовными разбоями шаек. Так, согласно ст. 264 Уложения 1885 г., действия даже невооруженных лиц, «однако с явным насилием и беспорядками, или же напротив вооруженными, хотя и без явного с их стороны насилия» [3], одинаково карались лишением всех прав состояния и каторгой 12-15 лет – это санкция, которая абсолютно аналогична санкциям в отношении организаторов и активных участников разбойных шаек.

Наряду с этим, к 4-6 годам каторги (так же, как за членство в шайке) приговаривались участники невооруженных выступлений без явных насильственных действий (при условии, когда «для восстановления порядка начальство было в необходимости прибегнуть к необыкновенным мерам усмирения» – ст.265). Подчеркнем также, что, согласно закону «восстанием против властей, правительством установленных, почитается и всякое возмущение крестьян против волостных и общественных управлений» (ст. 267), при этом, если в ходе восстания имели место убийство или поджог (ст. 268), то виновные вообще приговаривались к наказанию вплоть до бессрочной каторги.

Здесь нападение крестьян на волостные и общественные управления, являвшееся «политическим» преступлением, довольно тесно примыкает по объективной стороне к нападению, совершаемому уголовной шайкой. Это очень важный момент, на котором в дальнейшем, уже советский законодатель, будет формировать состав бандитизм как самостоятельный вид группового преступного деяния.

А указанные жесткие санкции зачастую заставляли правоприменителей, и прежде всего суды, искать различные варианты изменения квалификации в заметно участившихся случаях массовых волнений. К примеру, в процессах по «холерным беспорядкам» 1892 г. подсудимым вменялись ст. 99 и 100 Уложения 1885 г. В этом случае, по мнению официальных структур, «нельзя "сопротивление" и "восстание" видеть там, где налицо только самозащита. Они вменяемы лишь при умысле, которого в данном случае не было и следа» [12, с. 7]. Что касается холерных бунтов, то они стали следствием ошибки, самообмана, «темноты» крестьян, а также влияния российской «полицейской традиции» [12, с. 7]. Другим подобным примером можно считать процесс в связи с массовыми волнениями в слободе Должик Харьковского уезда (сентябрь-октябрь 1890 г.), где «для восстановления порядка, помимо полицейских мер, были вызваны на место происшествия войска. К уголовной ответственности за участие в этих беспорядках были привлечены 18 крестьян, из которых 14 приговором харьковской судебной палаты с участием сословных представителей, были признаны виновными в преступлениях, предусмотренных ст. 263, 265 и 266 Уложения, и присуждены к соответствующим наказаниям» [13, с. 168]. В итоге 10 подсудимых были отправлены в арестантские отделения с лишением прав и четверо

– к содержанию в тюрьме. Любопытно, что бывший земский начальник 2-го участка Харьковского уезда В.А. Протопопов, чьи действия и вызвали массовые волнения, всего лишь поплатился должностью.

Нельзя не видеть, что в целом нормы имперского уголовного права, и прежде всего статьи Уложения 1885 г., предусматривали самые разнообразные квалификации насильственных действий вооруженных групп, вводя очень много градаций виновности их организаторов и участников. Тем не менее имперский законодатель так и не выработал соответствующего общего понятия. Это касается и Уголовного уложении 1903 г. [14], где относительно «шайки» новелл нет – по-прежнему для обозначения преступных групп употреблялись понятия «шайка», «злонамеренная шайка», «сообщество», «скоп»; при этом нормы Уголовного уложения об ответственности за преступления в составе «шайки», к тому же, не являлись актуальными, поскольку так и не были введены в действие (как известно, Уголовное уложение 1903 г. было введено в действие лишь частично).

Между тем развитие общественно-политической ситуации в стране предъявляло к имперскому уголовному законодательству все новые требования, реагировать на которые законодатель не успевал. В этой связи, все большее значение приобретало чрезвычайное законодательство. В частности, еще 14 августа 1881 г., в ответ на убийство Александра II, было принято «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [15]. Оно предусматривало введение при чрезвычайных ситуациях «исключительного положения» в форме «усиленной охраны» (решение могло быть принято МВД Российской империи сроком на 1 год), либо «чрезвычайной охраны» (решение Комитета министров сроком на 6 месяцев). Помимо этого, могло также вводиться военное положение. Эта практика, получившая широкое применение, фактически стала обыденностью, начиная с революции 1905-1907 гг. В годы революции исключительное положение вводилось в 60, а военное – в 25 губерниях и областях [16, с. 46]. Особое значение в этих условиях приобрел закон 1906 г. о военно-полевых судах. Именно в эти инстанции, как правило, и направлялись дела о действиях вооруженных преступных групп и сообществ. И хотя прямой связи с собственно «бандитизмом» здесь нет (такого состава до 1917 г. еще не существовало), но признак вооруженности преступных групп уже начал со всей очевидностью выделяться в качестве одного из важнейших при квалификации совершаемых такими группами преступлений, учитывая, что в 1894-1917 гг. в результате подавления беспорядков, вызванных преступной деятельностью вооруженных групп, было ранено 28051 человек, при этом были расстреляны карательными экспедициями 6107 человек [17, с. 452]. При такой обстановке вооруженная уголовная шайка стала представлять повышенную общественную опасность, а политический фактор (усиление революционного движения) еще больше актуализировало вопрос о выделении такого рода преступных групп в особый вид преступного соучастия. Это было сделано, как отмечалось, после 1917 г. советским законодателем, однако можно предположить, что и имперский законодатель, не случись известных революций, также сделал бы подобный шаг, разве что терминология, очевидно, была быть другой.

Список литературы

1. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
2. Медведева Н.Т., Упоров И.В. Истоки и развитие уголовного наказания. Рязань, 1997. 88 с.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. и по Прод. 1912 г. / Сост. В.В. Волков. СПб., 1914.
4. Грошев А.В., Упоров И.В. Уголовное право России. Общая часть. Краткий учебный курс. Ростов-на-Дону, 2006. 571 с.

5. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Книга первая. Учение о преступлении. СПб.,1880. 174 с.
6. Упоров И.В. Преступное имущественное насилие: понятие, уголовно-правовое регулирование и предупреждение. М.: Юрлитинформ, 2015. 187 с.
7. Рассказов Л.П., Упоров И.В., Карнаушенко Л.В. История государства и права зарубежных стран. Краснодар, 2004. 323 с.
8. Гейфман А. Революционный террор в России: 1894-1917 / Пер. с англ. Е. Доман. М.: Крон-Пресс, 1997. 448 с.
9. Гальперин Р.И. «Саратовские Робин Гуды»: политические судебные процессы по делам об экспроприациях в начале XX века // Известия Саратовского ун-та. Серия: «История. Международные отношения». 2015. Т.15. № 2. С.104-111.
10. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в России. Краснодар, 1999. 181 с.
11. Устав уголовного судопроизводства / сост. М.Н. Гернет. М.: Типогр. М.М. Зив, 1916. 418 с.
12. Заметки. Contagion morale и холерные беспорядки // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. Кн.1 (январь). С.5-13.
13. Судебная небрежность // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. Кн.5 (май). С.165-173.
14. Уголовное уложение от 22.03.1903 г. / С извлеч. объясн. записок и журналов при обсуждении проекта / Составитель Н.С. Таганцев. СПб.: Гос. типогр., 1904. 1113 с.
15. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14.08. 1881 г. // ПСЗ-3. Т.1. СПб., 1885. С. 261-266.
16. Фомин А.А. Чрезвычайное законодательство в Российском государстве. Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2002. 243 с.
17. Ушерович С. Смертные казни в царской России: к истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 гг. Харьков, 1933. С.503

Maksimov P.V. Shajka» kak forma prestupnogo souchastiya v dorevolyucionnom ugolovnom zakonodatel'stve (v kontekste posleduyuschej transformacii v «bandu») // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 35-42.

V stat'e predstavlen analiz norm dorevolyucionnogo ugolovnogo zakonodatel'stva (Ulozheniya o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh 1885 g.), reguliruyuschih takuyu formu prestupnogo souchastiya, kak «shajka». Pokazyvaetsya poziciya zakonoda-telya, kotoryj fakticheski sblizhal sostavy prestuplenij, sovershennyh ugolovnoj shajkoj (prezhde vsego imuschestvennogo razboya), i prestuplenij protiv gosudarstva v vide vooruzhennogo napadeniya na «volostnye i obschestvennye upravleniya». De-laetsya vyvod, chto, s uchetom usileniya revolyucionnogo dvizheniya na rubezhe XIX-NN vv., povyshennaya obschestvennaya opasnost' vooruzhennyh ugolovnyh shaek diktovala neobhodimost' vydeleniya samostoyatel'nogo sostava prestupleniya, chto i bylo sde-lano, no uzhe posle 1917 g., sovetskim zakonodatelem v vide banditizma.

Klyuchevye slova: Ulozhenie, shajka, prestuplenie, nakazanie, soobschniki, prestupnaya gruppa, vooruzhennost', banda.

Spisok literatury

1. Postanovlenie VCIK ot 01.06.1922 «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R.» (vmeste s «Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.») // SU RSFSR. 1922. № 15. St. 153.
2. Medvedeva N.T., Uporov I.V. Istoki i razvitie ugolovnogo nakazaniya. Ryazan', 1997. 88 s.
3. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh. Izd. 1885 g. i po Prod. 1912 g. / Sost. V.V. Volkov. SPb., 1914.
4. Groshev A.V., Uporov I.V. Ugolovnoe pravo Rossii. Obschaya chast'. Kratkij uchebnyj kurs. Rostov-na-Donu, 2006. 571 s.
5. Tagancev N.S. Kurs russkogo ugolovnogo prava. Chast' obschaya. Kniga pervaya. Uchenie o prestuplenii. SPb.,1880. 174 s.
6. Uporov I.V. Prestupnoe imuschestvennoe nasilie: ponyatie, ugolovno-pravovoe regulirovanie i preduprezhdenie. M.: YUrlitinform, 2015. 187 s.
7. Rasskazov L.P., Uporov I.V., Karnaushenko L.V. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran. Krasnodar, 2004. 323 s.
8. Gejfman A. Revolyucionnyj terror v Rossii: 1894-1917 / Per. s angl. E. Doman. M.: Kron-Press, 1997. 448 s.
9. Gal'perin R.I. «Saratovskie Robin Gudy»: politicheskie sudebnye processy po delam ob ekspropriaciyah v nachale XX veka // Izvestiya Saratovskogo un-ta. Seriya: «Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya». 2015. T.15. № 2. S.104-111.
10. Rasskazov L.P., Uporov I.V. Razvitie ugolovnogo i ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva v Rossii. Krasno-dar, 1999. 181 s.
11. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva / sost. M.N. Gernet. M.: Tipogr. M.M. Ziv, 1916. 418 s.

12. Zametki. Цонтагион морале і holernye besporyadki // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1893. Kn.1 (yanvar'). S.5-13.
13. Sudebnaya nebrezhnost' // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1893. Kn.5 (maj). S.165-173.
14. Ugolovnoe ulozhenie ot 22.03.1903 g. / S izvlech. ob'yasn. zapisok i zhurnalov pri obsuzhdenii proekta / Sostavitel' N.S. Tagancev. SPb.: Gos. tipogr., 1904. 1113 s.
15. Polozhenie o merah k ohraneniyu gosudarstvennogo poryadka i obschestvennogo spokojstviya ot 14.08. 1881 g. // PSZ-3. T.1. SPb., 1885. S. 261-266.
16. Fomin A.A. Chrezvychajnoe zakonodatel'stvo v Rossijskom gosudarstve. Penza: Izd-vo Penz. gos. un-ta, 2002. 243 s.
17. Usherovich S. Smertnye kazni v carskoj Rossii: k istorii kaznej po politicheskim processam s 1824 po 1917 gg. Har'kov, 1933. S.503.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 5 (71). № 4. – С. 43-49.

УДК 341.231.14

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НАРОДОВ КРЫМА И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИЦИРУЕМОСТИ «УКРАИНСТВА»

Михайлов В. В.

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП)

В статье исследуются проблемы защиты права народов Крыма на выбор собственного пути дальнейшего существования, культурного и политического развития. Рассмотрены причины решения народов Крыма в 2014 г., в числе которых отмечена проблема «идентифицируемости» на Украине в отношении культурно-исторического, правового, языкового и административного единств, которые обеспечивают коллективную национальную идентичность и позволяют создать в государстве единую неконфликтную правовую систему. Отсутствие этого привело к декларативности унитарного устройства украинского государства, региональным конфликтам, социальному напряжению. Поскольку, как признает ряд современных теоретиков права, отечественных и зарубежных, автономия не стала гарантией реализации национальной группы своего права на самостоятельное развитие, народы Крыма своим решением на референдуме восстановили это право. Попытки Украины и международного сообщества делегитимизировать законное и правовое решение народов Крыма показывают, что двойные стандарты продолжают влиять на развитие и реализацию системы международного права и правовой защиты, что требует от руководства Российской Федерации продолжать работу по приведению в соответствие международных правовых деклараций и реальности жизни народов.

Ключевые слова: правовая защита, присоединение Крыма к России, коллективная идентичность, групповое право народов, идентифицируемость группы, права меньшинств, право на самоопределение, автономия, федерализация, дифференцированное государство.

Одной из актуальных проблем Украины, крупного по территории и населению европейского государства, однако не имевшего длительного исторического опыта независимости, является сложная идентифицируемость украинскости, то есть отсутствие в понятии «украинец» многих значимых групповых спецификаций, помимо территориальной принадлежности к новому украинскому государству. Известный теоретик права профессор В. Ван Дайк полагает, что только вполне определяемые общности, которые «существуют как целое, а не случайное собрание индивидов», могут быть инфицируемы как группа или коллектив. Их социальное существование должно отвечать критериям длительности, стабильности и устойчивости к социальным изменениям. В противном случае с точки зрения правового статуса они не могут быть выделены и для их обозначения применимы термины «категория» или «контингент» [17, p. 21]. Можно сказать, что как целое, украинский народ такого статуса не имеет, более того, отсутствуют и основные факторы идентифицируемости. Использование украинского языка, который, при этом, сильно различается в различных разных регионах Украины, не является идентификатором «украинства». Украина, административно всегда существовавшая в рамках иных государственных образований, часто нескольких сразу, не имеет собственного, уникального нормативно-правового идентификатора, который отличал бы украинца в его самосознании своего правового статуса, опирающегося на базовые суверенные правоопределительные акты.

Большинство историко-политических идентификаторов «украинства» также не имеют исторической перспективы, ввиду чего за таковые признаются любые существовавшие в истории на территории современной Украины антицентристские или антигосударственные индивидуальные и коллективные движения, анархистские, революционные и антиреволюционные, коллаборационистские и, что особенно отличает Украину, откровенно криминальные. В настоящее время это приводит к тому, что политическая идеология «украинства» сложно встраивается в общее международное правовое поле, на что постоянно указывают европейские и американские политики, требующие от украинских лидеров обеспечить в стране, если она желает стать равноправным партнером верховенство закона и права.

Большие вопросы вызывает и вопрос о границах государства Украина, которые также не имеют четких исторических определенностей, и часто проводились произвольно или в зависимости от административных соображений управляющих различными территориями инстанций. Отсутствие или спорность этих идентификаторов, в первую очередь, и приводят к конфликтам, поскольку не возникает согласия в признанности как внутри государства, так и на международном уровне относительно основных целей и форм единого, общегосударственного правового поля, его систематизации, приспособления к социальной и политической реальности Украины как суверенного государства.

Унитарный тип государства, декларируемый конституцией Украины, никак не отвечает действительному состоянию страны и самосознанию и правовому самочувствованию значительных групп населения. Поэтому отсутствует общее, консенсус Ное доверие к основному закону страны, что, несомненно, является препятствием к развитию и принятию правовых и нормативных актов, следующих далее по иерархии прав и конкретизирующих общие установки конституционных прав, свобод и обязанностей.

Крым и его население в период нахождения территории в составе независимого украинского государства в еще меньшей степени можно было идентифицировать как «Украину» и «украинцев». В целом, исторически, экономически, этнически, традиционно-культурно Севастополь, Крым и все национальные, языковые и иные группы, проживающие в регионе, все годы неестественного политического единства с Украиной, оставались российской территорией и российским населением, что и подтвердили окончательно события 2014 года.

На примере Крыма можно видеть, что декларируемая законом автономия оказалась фикцией, подтверждая замечание П. Торнберри, что «говоря о правах меньшинств, автономизация является лишь курсом, политической прагматикой, но ее выражение лишено четко определяемых правовых норм. Автономия, это не столько правовая регламентация, сколько форма политической гарантии» [14, p. 123]. Отечественные правоведы С.Н. Горбунов и Б.А. Молчанов также отмечают, «несмотря на возросшую в 1990-х гг. популярность автономии и децентрализации власти в целях решения этнических конфликтов как на национальном, так и на международном уровнях, автономия так и не получила надлежащего оформления в международном праве. Как правило, вопросы образования и существования автономий относятся к конституционному праву, будучи, таким образом, выведены из сферы контроля международного права» [3, с. 371].

Боязнь всех нынешних украинских политических лидеров признать федеративный по своему историческому прошлому, особенностям культурного наследия (включая языковой) и административного опыта характер украинского государства, и стали основной причиной отделения Крыма и восточных областей Донбасса. Инициатором этих событий, безусловно стал скандальный закон о языке, откровенно ущемляющий права большой части украинского населения.

Согласно международным стандартам соблюдения прав меньшинств, изданным ООН в 2010 году, «к сфере защиты прав меньшинств относятся:

– выживание и существование;

– поощрение и защиты самобытности;

– равенство и дискриминация;

– эффективное и действенное участие в жизни общества» [7, с. 8-14].

Можно определенно сказать, что последние три пункта этих рекомендаций были нарушены в отношении русскоязычного населения Украина после принятия закона о языке.

Можно отметить, что в 1994 г. американский правовед П. Чейз, рассматривая ситуацию в Крыму после распада СССР и вхождения его в состав Украины, приветствовал сохранение русского языка в качестве главенствующего в этой русскоязычной автономии [11, p. 218]. Ословские рекомендации о правах национальных меньшинств в области языка 1998 г. также наделяет национальные меньшинства правом использовать родного языка при создании общественных организаций, средств массовой информации, торговых и промышленных предприятий, культурных и образовательных учреждений [6]. Когда же это неотъемлемое право было нарушено после событий 2014 г., международные правозащитные организации никак на это не отреагировали.

При этом, в современной теории права имеется достаточно попыток избежать распада государства при том, что будет признана широкая правовая самостоятельность отдельных его групп и территорий. Так, В. Климика, выдвинул концепцию «дифференцированного гражданства», согласно которой коллектив и группа имеет возможность на признание своих определенных и отличных от общих прав в рамках государственной юридической и правоприменительной системы [12, p. 173-175]. Он полагает, что в этом случае социальная практика сама по себе снова приведет к единству, в том числе, юридического содержания государства и социума как результат «неконфликтной политики гражданских групп, не подавляемых большинством» [12, p. 175]. В. Ван Дайк указывает на «социализирующий характер группы», ее способность формировать и транслировать особые личностные характеристики, приводящие к общему стремлению группы их сохранять, а для личности к стремлению идентифицировать себя с группой, как на фактор определенной идентичности, дающей группе особые «правовые достоинства», которые должны быть признаны и определены нормативно [16, p. 180]. В различных современных теориях права групповая идентичность является чрезвычайно существенным элементом разработки целостной системы коллективных и групповых прав, поскольку неидентифицируемая государством группа в лице входящих в нее индивидов, как это произошло в Прибалтике с русскоязычным населением, может быть исключена из-под действия государственной правовой и юридической системы. Однако вопрос о соблюдении политических и языковых прав русскоязычного меньшинства члены Европарламен-

та целиком оставили на произвол прибалтийских правительств, отмечая, что в общеевропейском пространстве Шенгена статус «не граждан» не препятствует им перемещаться и работать [2].

Тем не менее, как показывает практика, благие мысли теоретиков редко становятся для политиков руководством, что особенно ярко показали действия международных организаций в отношении народов Крыма. Украинские законоведы, не признающие правовой статус общенародного референдума в Крыму об отделении от Украины и присоединению к Российской Федерации, голословно утверждают, что «принцип ООН на право народов (наций) на самоопределение не может быть применен в отношении Крыма, поскольку, крымчане не идентифицируют себя как отдельный народ (нацию) и не стремятся создать собственное государство» [10], что, как можно видеть по борьбе крымчан за свои политические права на протяжении более 30 лет, является совершенной ложью.

Парламентская Ассамблея Совета Европы бездоказательно и в нарушение множества декларируемых международных прав заявила: «результат… референдума и незаконная аннексия Крыма Российской Федерацией, следовательно, не имеют юридической силы и не признаются Советом Европы» [13]. Более того, заключение Венецианской комиссии о крымском референдуме создало реальную правовую коллизию в отношении соотношения государственного и международного права, определив, что «Конституция Украины, как и другие конституции государств-членов Совета Европы, предусматривает целостность страны и не позволяет проводить какой бы то ни было местный референдум об отделении от Украины» [4]. При этом не были учтены декларируемые международным сообществом права народы Крыма как на не нарушение его языковых, культурных, политических прав, и сам факт того, что как отмечает В.Л. Толстых, «…исключение [народа Крыма] из политического общения и возникновение угрозы его национальной идентичности» [9, с. 43]. Так же не отвечает исторической реальности утверждения противников решения крымского референдума о том, что «в Автономной республике Крым отсутствуют признаки подчинения народа иностранному игу, господству и эксплуатации». Последовательное поражение в правах даже в рамках формальной автономии и подчинение всей законотворческой и исполнительной ветвей власти Крыма центральным органам власти Украины по сути сводило правовой статус Крыма и права его населении к зависимой территории.

Одним из спорных пунктов в «крымском вопросе» является наличие двусторонних и многосторонних договоренностей между Российской Федерацией и Украиной и с их участием, которые как утверждается некоторыми, Россия нарушила. Так, Хосе Игнасио Торребланка утверждает, что «Россия нарушила условия Будапештского меморандума «о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия», подписанного 5 декабря 1994 года лидерами Украины, США, России и Великобритании» [15], дающего гарантию Украины на территориальную целостность. Но в принятом дополнительно к меморандуму заявлении лидеров РФ, США, Великобритании и Украины были указаны пункты, согласно которым представитель Украины Л.Д. Кучма подтвердил обязательства страны обеспечить, «чтобы страны и народы не подвергались более угрозе военной силы или другим нежелательным последствиям агрессивного национализма и шовинизма» [8]. События на Украине после смены власти в 2014 г.

показали значительный рост на Украине этих настроений, угрозе безопасности русскоязычного населения и нарушению меморандума, что и привело к решению народа Крыма. При этом, Будапештский меморандум, накладывая обязательство «уважать» территориальную целостность стран, не обязует Россию или другие страны-подписанты принуждать народы Крыма остаться в составе Украины или иным способом препятствовать осуществлению права народов на политическое и национальное самоопределение.

Кроме того, условия меморандума включали оговорку «кроме целей самообороны», что в условиях государственного переворота и свержения законной власти на Украине, давали все основания опасаться за безопасность военных объектов и находящихся на них на законных основаниях граждан России. Также не определяют необходимость запрета на самоопределение Крыма договоры Российской Федерацией о дружбе и границе, более того, государственный переворот, лишивший власти законного президента Украины и правительство Украины, сделал прежние двусторонние договора юридически ничтожными.

Правовые репрессии международного сообщества «в отношении решения народов Крыма, отказавшегося от неестественного положения меньшинства в границах Украинского государства, не признающего их прав на самостоятельное и культурно-независимое развитие, использование родного языка, образования, исторического наследия и других, казалось бы гарантированных прав, относящихся ко всем гражданам, явно указывают на противоречивость правозащитной теории, позволяющей оправдывать эти репрессии, и неравенство в правозащитной практике, не позволяющее прекратить нанесение ущерба не только отдельным группам населения, но всему населению Крыма» [5, с. 275]. Отстаивание прав народов и групп населения Крыма различного статуса, борьба за их признание и наделение правоспособностью всех уровней является актуальной целью российской политики в области международной правовой защиты. При этом остается актуальным утверждение Ю.А. Антохиной, В.М. Боера и П.П. Глущенко, что «доводка механизма международно-правовой защиты прав и свобод граждан требует совместных действий международных и национальных правозащитных структур, межгосударственных организаций, политических, экономических и организационно-правовых усилий со стороны всего международного сообщества» [1, с. 122], а «результаты международной правозащитной деятельности прямо пропорциональны уровню взаимоотношений между государствами» [1, с. 121].

Список литературы

1. Антохина Ю.А., Боер В.М., Глущенко П.П. Правозащитная деятельность: теория и практика защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. СПб.: ГУАП, 2016. 562 с.
2. В Европарламенте оправдали дискриминационные законы против русских в Прибалтике. – URL: https://life.ru/1118832/ (дата обращения: 10.10.2020)
3. Горбунов С.Н., Молчанов Б.А. Права меньшинств: международные стандарты и руководство по их соблюдению. ООН: Нью-Йорк, Женева, 2010. Van Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // The Journal of Politics, No 44, 1982.
4. Заключение Венецианской комиссии о крымском референдуме (полный русский текст). – URL: http://argumentua.com/reportazh/zaklyuchenie-venetsianskoi-komissii-o-krymskom-referendume-polnyi-russkii-tekst. (дата обращения: 10.10.2020)

5. Лосев К.В., Михайлов В.В. Автономия и национальное самоопределение как формы правовой защиты коллективных (групповых) прав // Бизнес. Образование. Право. № 3 (52), 2020. С. 272-277.
6. Ословские рекомендации о правах национальных меньшинств в области языка. – URL: osce.org/files/f/documents/j/2/67541.pdf (дата обращения: 10.10.2020)
7. Права меньшинств: международные стандарты и руководство по их соблюдению. ООН: Нью-Йорк, Женева, 2010.
8. Совместное заявление, сделанное 5 декабря 1994 года в Будапеште лидерами Российской Федерации, Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки, и Украины // Генеральная Ассамблея ООН. Сорок девятая сессия. Пункты 62 и 70 повестки дня. A/49/765. S/1994/1399. 19 December 1994. Russian original.
9. Толстых В.Л. Воссоединение Крыма с Россией: правовые квалификации // Евразийский юридический журнал. 2014. № 5 (72).
10. Юридическое обоснование незаконности присоединения Крыма к России в 2014 г.: законы ООН и Украины. – URL: https://zrada.org/hot/11-krim-chornomorskij-flot/827-juridicheskoe-obosnovanije... (дата обращения: 10.10.2020)
11. Chase P. Conflict in Crimea: An Examination of Ethnic Conflict under Contemporary Model of Sovereignty // Columbia Journal of Transnational Law. 1995. No 34.
12. Kimlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford, 1995.
13. Parliamentary Assembly of Council of Europe resolution of 9 April 2014 (1988 (2014)) Recent developments in Ukraine: threats to the functioning of democratic institutions. – URL: http://semantic-pace.net/tools/pdf.aspx?doc. (дата обращения: 10.10.2020)
14. Thornberry P. Images of Autonomy and Individual and Collective Rights in International Human Rights on the Rights of Minorities. Kluwer Law International.
15. Torreblanca J.I. El Pais. – URL: https://inosmi.ru/russia/20150218/226348174.htm (дата обращения: 10.10.2020)
16. Van Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // The Journal of Politics, No 44, 1982.
17. Van Dyke V. The Individual, the State and Ethnic Communities in Political Theories // The Rights of Minority Cultures. Dordrecht, 1995.

Mikhailov V. V. **Legal protection of the peoples of Crimea and problems of identifiability of «ukrainism» //** Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 5 (73). № 4. – P. 43-49.

The article examines the problems of protecting the right of the Crimean peoples to choose their own way of further existence, cultural and political development. The reasons for the decision of the peoples of Crimea in 2014 are considered, including the problem of "identifiability" in Ukraine in relation to cultural, historical, legal, linguistic and administrative units that provide a collective national identity and allow creating a single non-conflict legal system in the state. The lack of this has led to the declarative nature of the unitary structure of the Ukrainian state, regional conflicts, and social tension. Since, as a number of modern legal theorists, both domestic and foreign, recognize, autonomy did not guarantee the realization of the national group's right to independent development, the peoples of Crimea restored this right by their decision in a referendum. Attempts by Ukraine and the international community to delegitimize the legitimate and legal decision of the peoples of Crimea show that double standards continue to affect the development and implementation of the system of international law and legal protection, which requires the leadership of the Russian Federation to continue working to bring international legal declarations into line with the reality of peoples ' lives.

Keywords: legal protection, annexation of Crimea to Russia, collective identity, group law of peoples, group identifiability, minority rights, right to self-determination, autonomy, federalization, differentiated state.

Spisok literatury

1. Antohina YU.A., Boer V.M., Glushchenko P.P. Pravozashchitnaya deyatel'nost': teoriya i praktika zashchity prav, svobod i zakonnyh interesov chloveka i grazhdanina. SPb.: GUAP, 2016. 562 s.
2. V Evroparlamente opravdali diskriminacionnye zakony protiv russkih v Pribaltike. – URL: https://life.ru/1118832/ (data obrashcheniya: 10.10.2020)

3. Gorbunov S.N., Molchanov B.A. Prava men'shinstv: mezhdunarodnye standarty i rukovodstvo po ih soblyudeniyu. OON: N'yu-Jork, ZHeneva, 2010. Van Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // The Journal of Politics, No 44, 1982.
4. Zaklyuchenie Venecianskoj komissii o krymskom referendume (polnyj russkij tekst). – URL: http://argumentua.com/reportazh/zaklyuchenie-venetsianskoi-komissii-o-krymskom-referendume-polnyi-russkii-tekst. (data obrashcheniya: 10.10.2020)
5. Oslovskie rekomendacii o pravah nacional'nyh men'shinstv v oblasti yazyka. – URL: osce.org/files/f/documents/j/2/67541.pdf (data obrashcheniya: 10.10.2020)
6. Losev K.V., Mihajlov V.V. Avtonomiya i nacional'noe samoopredelenie kak formy pravovoj zashchity kollektivnyh (gruppovyh) prav // Biznes. Obrazovanie. Pravo. № 3 (52), 2020. S. 272-277.
7. Prava men'shinstv: mezhdunarodnye standarty i rukovodstvo po ih soblyudeniyu. OON: N'yu-Jork, Zheneva, 2010.
8. Sovmestnoe zayavlenie, sdelannoe 5 dekabrya 1994 goda v Budapeshte liderami Rossijskoj Federacii, Soedinennogo korolevstva Velikobritanii i Severnoj Irlandii, Soedinennyh SHtatov Ameriki, i Ukrainy // General'naya Assambleya OON. Sorok devyataya sessiya. Punkty 62 i 70 povestki dnya. A/49/765. S/1994/1399. 19 December 1994. Russian original.
9. Tolstyh V.L. Vossoedinenie Kryma s Rossiej: pravovye kvalifikacii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 5 (72).
10. Yuridicheskoe obosnovanie nezakonnosti prisoedineniya Kryma k Rossii v 2014 g.: zakony OON i Ukrainy. – URL: https://zrada.org/hot/11-krim-chornomorskij-flot/827-juridicheskoe-obosnovanije... (data obrashcheniya: 10.10.2020)
11. Chase P. Conflict in Crimea: An Examination of Ethnic Conflict under Contemporary Model of Sovereignty // Columbia Journal of Transnational Law. 1995. No 34. -
12. Kimlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford, 1995.
13. Parliamentary Assembly of Council of Europe resolution of 9 April 2014 (1988 (2014)) Recent developments in Ukraine: threats to the functioning of democratic institutions. – URL: http://semantic-pace.net/tools/pdf.aspx?doc. (data obrashcheniya: 10.10.2020)
14. Thornberry P. Images of Autonomy and Individual and Collective Rights in International Human Rights on the Rights of Minorities. Kluwer Law International.
15. Torreblanca J.I. El Pais. – URL: https://inosmi.ru/russia/20150218/226348174.htm (data obrashcheniya: 10.10.2020)
16. Van Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // The Journal of Politics, No 44, 1982.
17. Van Dyke V. The Individual, the State and Ethnic Communities in Political Theories // The Rights of Minority Cultures. Dordrecht, 1995.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 50-59.

УДК 342

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ОТЗЫВА ГУБЕРНАТОРА В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

Росенко М. И., Скребец Е. В., Процевский В. А.

Юридический институт Севастопольского государственного университета

Статья посвящена анализу особенностей законодательного проектирования в городе Севастополе порядка досрочного прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в случае его отзыва избирателями. Отмечается, что сложившаяся в городе политическая обстановка, поспешность принятия закона об отзыве губернатора и недостатки принятого в 2014 г. Устава города негативно повлияли на соответствующее законотворческое решение. На основе исследования регионального законодательства об отзыве губернатора выявляются логические и системные противоречия в правовой регламентации института отзыва высшего исполнительного лица региона в городе федерального назначения Севастополе, а также предлагаются способы их устранения. В целях разрешения указанных противоречий нормы регионального законодательства, регламентирующие отзыв губернатора избирателями, должны быть приведены в соответствие с правовой позицией Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по этой проблеме, а Устав города Севастополя – дополнен соответствующей нормой.

Ключевые слова: глава субъекта Российской Федерации, основания досрочного прекращения полномочий главы субъекта Российской Федерации, отзыв главы субъекта Российской Федерации избирателями.

Законотворческая работа в городе федерального значения Севастополь ведется более 5-ти лет. За этот период было принято 462 региональных закона; систематически проводились общественные слушания, круглые столы и другие мероприятия, в ходе проведения которых были выработаны важные правовые решения. Депутаты Законодательного Собрания 22 раза направляли свои законодательные инициативы в Государственную Думу РФ [1]. Однако на качество законопроектирования и непосредственно регионального законодательства негативное влияние оказали несколько факторов, самыми значимыми из которых, по нашему мнению, являлись отсутствие практического опыта законотворческой деятельности у депутатов Законодательного Собрания города, значительный объем законодательной работы, которую необходимо было осуществить в ограниченный период времени, а также то обстоятельство, что главные акторы правотворческого процесса длительное время функционировали в условиях перманентно поддерживаемого конфликта, снижающего потенциал городской властной системы [2, с. 43]. Обсуждение и принятие управленческих решений на региональном уровне сопровождалось противостоянием между органами городского управления и их должностными лицами, и этот процесс создал множество проблем в сфере реализации законотворческой функции парламента Севастополя. Так, проблемы, связанные с законотворчеством в регионе, были озвучены 24 апреля 2018 г. на очередном заседании Законодательного Собрания г.а Севастополя представителем Губернатора в Законодательном Собрании М. Вавиловым: в обращении к депутатам он отметил неконструктивную позицию представительной власти, ее бездействие в принятии жизненно необходимых городу законов и постановлений, а также в приведении региональной нормативной базы

в соответствие с действующим федеральным законодательством. В частности, его обращение касалось законопроекта об отзыве Губернатора г. Севастополя [3].

Между тем, эффективность функционирования системы органов государственной власти и реализации ее основных функций во многом зависит от возможности применения правовых механизмов ответственности соответствующих должностных лиц, предусмотренной федеральным законодательством и законами субъектов РФ. Механизм отзыва высшего должностного лица исполнительной власти выступает в региональной политической системе в качестве одного из основных средств обеспечения баланса интересов различных социальных групп, выполнения социальных гарантий и предотвращения развития конфликтных ситуаций. Отзыв губернатора является также формой реализации контроля граждан за деятельностью руководителя субъекта федерации. Целью данного исследования выступает анализ процесса формирования и содержания нормативной базы г. Севастополя, направленной на регулирование отношений по досрочному прекращению полномочий главы региона по инициативе избирателей.

Возникновение института отзыва главы субъекта РФ связано с законодательным закреплением порядка проведения выборов губернаторов: в 2012 г. вследствие изменения порядка формирования института руководителей исполнительной власти субъекта федерации законодательно была закреплена и возможность их отзыва избирателями. Согласно нормам действующего законодательства, досрочное прекращение полномочий руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ возможно в форме решений, принятых единолично Президентом РФ; решений, принятых региональным парламентом, который выразил недоверие губернатору, с последующим принятием решения об отставке Президентом РФ; а также решений, принятых высшим судебным органом субъекта федерации в части установления основания для отзыва губернатора с последующим голосованием по отзыву губернатора.

Институт внутрисубъектного отзыва высшего должностного лица субъекта РФ избирателями, зарегистрированными на территории соответствующего субъекта федерации, предусмотрен законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ, регламентирующим основания, сроки и процедуру отзыва, а также ряд гарантий, обеспечивающих использование механизма отзыва только для реализации принципов демократии и народовластия и препятствующих злоупотреблениям. Согласно п. л ч. 1 ст. 19 данного ФЗ полномочия высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) прекращаются досрочно в случае его отзыва избирателями, зарегистрированными на территории субъекта РФ, на основании и в порядке, установленных настоящим Федеральным законом и принятым в соответствии с ним законом субъекта РФ [4].

Процедура отзыва предусматривает совершение последовательных действий, необходимых для проведения голосования в субъекте РФ. Согласно нормам федерального законодательства, отзыв губернатора возможен не ранее чем через один год с момента его избрания на должность. Инициаторами отзыва губернатора могут быть политические партии, общественные объединения или граждане (не менее 100 человек, проживающих на территории соответствующего субъекта федерации и об-

ладающих активным избирательным правом на выборах высшего должностного лица субъекта РФ), которые должны обратиться в соответствующий суд субъекта федерации с заявлением об установлении соответствующих фактов. В поддержку инициативы проведения голосования должны быть собраны подписи избирателей в количестве, которое определяется законом субъекта Российской Федерации, но не может быть менее одной четверти от числа избирателей, зарегистрированных на территории субъекта Российской Федерации.

Избирательной комиссией субъекта РФ, действующей в качестве комиссии по отзыву, должны быть проверены подписи избирателей, соблюдение порядка их сбора и процедуры выдвижения инициативы проведения голосования по отзыву. Комиссия по отзыву обязана проинформировать отзываемое лицо и инициаторов его отзыва о результатах рассмотрения законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ инициативы проведения голосования по отзыву; о месте и времени проведения заседания, на котором будут рассматриваться вопросы о результатах проверки подписей избирателей и результатах выдвижения инициативы проведения голосования по отзыву высшего должностного лица субъекта РФ (принятие решения не может превышать 15 дней со дня представления инициаторами отзыва в комиссию по отзыву всех необходимых документов).

Далее – при наличии хотя бы одного из оснований отзыва, необходимого количества достоверных и (или) действительных подписей избирателей, а также при соответствии процедуры выдвижения инициативы проведения голосования по отзыву и представленных документов требованиям закона, законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ назначается голосование по отзыву высшего должностного лица субъекта РФ, которое должно быть проведено не позднее 60 дней со дня принятия решения.

На основании норм федерального закона в субъектах РФ были приняты законодательные акты, устанавливающие механизм реализации института отзыва главы субъекта федерации за неоднократное грубое без уважительных причин неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей, нарушение Конституции РФ, устава субъекта РФ, федерального и регионального законодательства, факт совершения которого установлен соответствующим судом.

В Севастополе в марте 2017 г. был принят закон о выборах губернатора. Во время общественного обсуждения данного законопроекта, которое состоялось во всех муниципалитетах Севастополя, жители города рекомендовали Законодательному Собранию принять закон о выборах главы региона одновременно с законом об отзыве губернатора и установить четкие правила и процедуру, которые позволят населению отзывать главу города. Эти рекомендации поддержали представители аппарата временно исполняющего обязанности Губернатора города Севастополя, заявив о том, что правительство планирует внести на рассмотрение Законодательного Собрания до июня 2017 г. законопроект о проведении референдума и после его принятия – законопроект о порядке отзыва губернатора. Временно исполняющий обязанности Губернатора города Севастополя Д. Овсянников заявлял, что закон, регулирующий процедуру отзыва главы исполнительной власти Севастополя, должен быть принят парламентом города до проведения прямых губернаторских выборов [5]. Проект закона «Об отзыве губернатора города Севастополя» был внесен Д. Овсянниковым в Законодательное Собрание города Севастополя в июле 2017 г.

Основой законопроекта стал модельный закон субъекта РФ «О порядке отзыва высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации)», разработанный в ЦИК РФ и одобренный решением Рабочей группы по подготовке названного модельного закона от 27.09.2012 г. № 1.

Данный проект закона получил положительное заключение ЦИК РФ. В письме от 26.02.2018 г. № 05-11/4540 Председателю Севастопольской городской избирательной комиссии, которое было посвящено данному вопросу, Центральная избирательная комиссия рекомендовала принять проект закона «Об отзыве губернатора города Севастополя» в редакции, находящейся на рассмотрении Законодательного Собрания г. Севастополя, с учетом правовой позиции, замечаний и предложений Правового управления Аппарата ЦИК [6].

Однако впоследствии на протяжении семи месяцев данный законопроект не рассматривался региональным парламентом. Основаниями отсрочки его рассмотрения депутаты называли наличие в проекте бланкетных норм и отсылок к законодательству о референдуме (закон «О референдуме города Севастополя» вступил в силу 15 декабря 2017 г.), а также выявление специалистами Юридического управления Аппарата регионального парламента в тексте законопроекта лингвистических и юридико-правовых ошибок и не соответствий правилам отзыва высшего должностного лица исполнительной власти субъекта Российской Федерации, установленных федеральным законодательством. В частности, в заключении Юридического управления Законодательного Собрания города Севастополя № 04-01/02-ЮУ от 16.01.2017 г. содержалось следующее замечание: «Часть 2 статьи 28 Устава города Севастополя определяет случаи досрочного прекращения полномочий Губернатора города Севастополя, однако такая процедура, как отзыв, в указанной структурной единице отсутствует. В связи с вышеуказанным необходимо внести изменения в Устав города Севастополя» [7].

По завершении пленарного заседания 27 февраля 2018 г. на официальном сайте Законодательного Собрания г. Севастополя было опубликовано сообщение (со ссылкой на Председателя Законодательного Собрания Е. Алтабаеву) о том, что законопроект не соответствует ФЗ № 67-ФЗ. Комментируя данную информацию, депутат Законодательного Собрания города Севастополя В. Аксенов сообщил, что «в документе государственного правового управления Президента России… есть замечания на четырех листах, которые не устранены» [8].

Следующая версия законопроекта об отзыве Губернатора была включена в повестку сессии Законодательного Собрания г. Севастополя 4 июня 2019 г. (автор проекта – депутат В. Горелов). Возражения Правового управления правительства Севастополя в содержании данного законопроекта вызвало включение в его текст дополнительного этапа процедуры отзыва губернатора, который не предусмотрен федеральным законодательством – требования об оценке инициативы Законодательным Собранием Севастополя [9]. Согласно п. 8 ст. 8 законопроекта, предусматривающей порядок реализации инициативы проведения голосования по отзыву, «Законодательное Собрание города Севастополя в срок не позднее 20 дней со дня поступления из Севастопольской городской избирательной комиссии ходатайства о регистрации инициативной группы и приложенных к нему документов проверяет наличие установленных настоящим Законом оснований отзыва, принимает решение

о признании инициативы проведения голосования по отзыву соответствующей или не соответствующей требованиям настоящего Закона и направляет его вместе с ходатайством о регистрации инициативной группы и приложенными к нему документами в Севастопольскую городскую избирательную комиссию» [10].

Нормы законопроекта предусматривали, что в случае, если Законодательное Собрание города Севастополя признает инициативу проведения голосования по отзыву соответствующей требованиям федерального и регионального законодательства, Севастопольская городская избирательная комиссия осуществляет регистрацию инициативной группы, выдает ей регистрационное свидетельство, а также сообщает об этом в средства массовой информации. Если же Законодательное Собрание города Севастополя признает инициативу проведения голосования по отзыву не соответствующей требованиям законодательства, Севастопольская городская избирательная комиссия отказывает инициативной группе в регистрации.

Необходимо отметить, что данная проблема становилась предметом обсуждения первого варианта проекта закона об отзыве главы региона. Так, в тексте письма Центральной избирательной комиссии от 26.02.2018 г. № 05-11/4540 Председателю Севастопольской городской избирательной комиссии подчеркивалось, что при подготовке модельного закона в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации обсуждалась проблема необходимости отражения в нем положений п. 5 ст. 26 Федерального закона, связанных с направлением ходатайства инициативной группы в законодательный орган государственной власти субъекта РФ, и было принято решение соответствующие положения в модельный закон не включать, так как при проведении голосования выносится не вопрос государственного или местного значения в целях принятия решения, а предложение об отзыве высшего должностного лица субъекта РФ. Согласно логике экспертов Центральной избирательной комиссии, данный вопрос формулируется непосредственно в законе субъекта РФ об отзыве и не должен дополнительно оцениваться законодательным органом государственной власти субъекта РФ. Более того, такая формулировка противоречит подпунктам «а» и «в» статьи ФЗ, запрещающего выносить на референдум субъекта РФ вопросы о досрочном прекращении полномочий органа государственной власти и об освобождении от должности должностных лиц.

Отзыв выборного должностного лица, согласно содержанию разъяснений ЦИК РФ, назван «зеркальным отражением» механизма прямых выборов, на основании чего сделан вывод о том, что лишить полномочий выборное лицо в случае возникновения предусмотренных законом оснований, могут только избиратели посредством прямого волеизъявления. Соответственно, процедура отзыва высшего должностного лица субъекта РФ не может полностью совпадать с процедурой референдума субъекта РФ, так как отзыв представляет собой иную форму прямого волеизъявления граждан.

Включение данного положения в законопроект «Об отзыве губернатора города Севастополя» означает, что Законодательное Собрание обязано оценивать обоснованность выдвижения инициативы проведения голосования по отзыву, а это не предусмотрено ФЗ от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Наличие оснований для отзыва высшего должностного лица субъекта РФ определяется судебным решением и не

нуждается в дополнительном подтверждении. Таким образом, включение дополнительного этапа оценки инициативы проведения голосования по отзыву высшего должностного лица субъекта РФ является оценкой законодательным (представительным) органом государственно власти субъекта РФ и обоснованности и законности судебных решений, что противоречит ст. 10 Конституции РФ.

В комментарии вышеизложенной позиции ЦИК глава Севастопольской городской избирательной комиссии С. Даниленко, подтвердил, что процедура отзыва высшего должностного лица субъекта РФ не может полностью совпадать с процедурой местного референдума, поскольку отзыв не является референдумом. По его мнению, смешение полномочий судебных и законодательных органов недопустимо в рамках действующей Конституции РФ [11]. Таким образом, в тексте законопроекта содержались нормы, которые противоречат правовой позиции ЦИК.

Если обратиться к опыту законодательного регулирования данной проблемы в иных субъектах федерации, можно отметить, что проверка подписей избирателей, соблюдения порядка их сбора и процедуры выдвижения инициативы проведения голосования по отзыву Губернатора, например, Санкт-Петербурга осуществляются Санкт-Петербургской избирательной комиссией, действующей в качестве комиссии по отзыву (п. 5 ст. 5 Закона Санкт-Петербурга «О порядке отзыва высшего должностного лица Санкт-Петербурга – Губернатора Санкт-Петербурга») [12]. Законодательное Собрание Санкт-Петербурга рассматривает указанную инициативу после проверки избирательной комиссии и принимает решение только о назначении голосования по отзыву либо об отказе в назначении такого голосования.

Кроме данного спорного положения основанием против голосования за этот проект депутаты в процессе обсуждения назвали его противоречие Уставу Севастополя, в котором не предусмотрены полномочия Заксобрания по отзыву Губернатора. Действительно, предусматривающая основания досрочного прекращения полномочий Губернатора ст. 28 Устава Севастополя из 9 п. возможных причин прекращения полномочий, наделяет Заксобрание правом принять самостоятельное решение о досрочном прекращении губернатора только в случае его смерти [13]. По остальным возможным основаниям местные депутаты должны принимать решение по представлению Президента РФ. Необходимо отметить, что в текстах Уставов городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга такое основание досрочного прекращения главы исполнительной власти региона предусмотрено: «его отзыв избирателями, зарегистрированными на территории города Москвы, в порядке и по основаниям, которые установлены федеральным законодательством и законом города Москвы» (п. 10 ст. 42 Устава города Москвы). Аналогичная норма содержится в Уставе Санкт-Петербурга (п. 10 ст. 40 Устава Санкт-Петербурга) [14].

Как следствие, до внесения изменений в Устав принятие закона об отзыве депутаты назвали нецелесообразным. В процессе обсуждения недостатков и перспектив законопроекта на заседании совета политических партий в правительстве города, 3 июля 2019 г., Губернатор города Д. Овсянников также заявил, что в случае принятия депутатами закона, он его подпишет, однако впоследствии прокуратура будет вынуждена его опротестовать [15]. Тем не менее, принятый в первом чтении законопроект, получил положительное заключение Юридического управления Аппарата Заксобрания (Заключение № 04-01/50-ЮУ от 19.04.2019 г.) [16]. 9 июля 2019 г. закон г. Севастополя об отзыве губернатора был принят: «за» закон проголосовали 13

из 24 депутатов. Депутаты прогубернаторского блока отказались участвовать в голосовании, мотивировав отсутствие на парламентском заседании недостатками законопроекта и необходимостью внесения изменений в Устав города [17].

В заключении можно констатировать, что с целью повышения результативности административного управления, региональное законодательство должно четко регламентировать процедуры применения института ответственности органов исполнительной власти региона и, в частности, механизм привлечения к ответственности руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Возможность реализации соответствующих норм должна стимулировать эффективную работу высшего должностного лица и всей системы органов исполнительной власти региона, возглавляемого им, обеспечивать высокую степень управляемости и контроля за политической ситуацией такого сложного региона как Севастополь [18, с. 222].

Между тем, федеральное законодательство, регламентирующее правовой институт отзыва является объектом критики экспертов, например, положение, согласно которому губернатор считается отозванным, если за это голосовало более 50% от общего числа избирателей, то есть всех, кто имеет право голоса, при том, что количество избирателей, проголосовавших за его избрание, не определено законом. Кроме того, одной из особенностей регионального законодательства, регулирующего отзыв главы исполнительной власти субъекта федерации, является невозможность устанавливать дополнительные основания для инициирования этой процедуры избирателями. Российские ученые констатируют необходимость оптимизации института отзыва высшего должностного лица исполнительной власти субъекта РФ, направленной на рост непосредственной связи с населением и организациями местного сообщества как основного инструмента воздействия на высшее должностное лицо субъекта федерации, предоставленного жителям региона, и предлагают в качестве дополнительного основания для инициирования процедуры отзыва избирателями должностных лиц установить в законодательстве, например, неэффективность управленческих решений и политической деятельности избранного должностного лица в целом [20, с. 52-53]. Действенность реализации законодательства региона зависит от того, каким образом в его содержании отражена специфика его развития. Однако в случае Севастополя сложившаяся в городе политическая обстановка, поспешность принятия закона об отзыве губернатора и недостатки принятого в 2014 г. Устава города, который не содержит соответствующей нормы, негативно повлияли на соответствующее законотворческое решение.

Анализ правоприменительной практики последних лет демонстрирует ряд дефектов регионального законодательства Севастополя. Нормы, устанавливающие порядок отзыва губернатора Севастополя, имеют расхождения как с нормами Устава г. Севастополя, так и с правовой позицией ЦИК: Закон города Севастополя от 23 июля 2019 г. № 517-ЗС «О порядке отзыва Губернатора города Севастополя» был принят без учета депутатами правовой позиции ЦИК и без внесения изменений в Устав г. Севастополя [21]. Особенности процедуры его принятия и результат законотворческой деятельности севастопольских законодателей не отвечает задаче оптимизации взаимодействия между органами исполнительной и законодательной власти города, а также между ними и жителями региона.

Представляется, что, если норма, регламентирующая отзыв губернатора избирателями, вводилась с целью повышения результативности административного управления, в целях устранения указанных противоречий, её формулировка должна быть приведена в соответствие с правовой позицией Центральной избирательной комиссии по этой проблеме, а Устав г. Севастополя дополнен соответствующей нормой.

Список литературы

1. Доклад Законодательного Собрания города Севастополя «О состоянии законодательства города федерального значения Севастополя в 2018 году»: официальный сайт Законодательного Собрания города Севастополя. 2019. URL: https://sevzakon.ru/assets/files/04_postproekty/2019/12-832_doklad.pdf (дата обращения: 03.06.2019).
2. Скребец Е.В. Проблемы взаимоотношений законодательной и исполнительной ветвей власти в городе Севастополе: правовой аспект // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве: сборник научных статей по итогам работы пятого международного круглого стола. Часть 1. Шахты: ООО «Конверт», 2019. С. 35-44.
3. Обращение представителя Губернатора города Севастополя в Законодательном Собрании города Севастополя Михаила Вавилова к депутатам Законодательного Собрания: официальный портал органов государственной власти. Правительство Севастополя. 2019. URL: https://sevastopol.gov.ru/info/news/51380/ (дата обращения: 07.07.2019).
4. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 сент. 1999 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Овсянников: закон об отзыве губернатора Севастополя надо принять до выборов // РИА «Новости»: сетевое издание. 2016. URL: https://ria.ru/politics/20161018/1479466890.html (дата обращения: 09.07.2019).
6. Законопроект об отзыве губернатора соответствует всем требованиям федерального законодательства: официальный портал органов государственной власти. Правительство Севастополя. 2018. URL:https://sev.gov.ru/info/news/48780/ (дата обращения: 06.06.2019).
7. Колесников Б. О законе «О порядке отзыва Губернатора» и шизофрении // Взгляд Севастополь: форум. 2019. URL:https://vzglyad-sevastopol.ru/20190611/4116/o-zakone-o-porjadke-otzyva-gubernatora-i-shizofrenii/ (дата обращения: 20.06.2019).
8. Кравченко Г. Отозвать губернатора Севастополя: миссия невыполнима? // Крым. Реалии: сайт крымского проекта украинской службы «Радіо Свобода». 2019. URL: https://ru.krymr.com/a/otozvat-gubernatora-sevastopolya-missiya-nevypolnima/29836003.html (дата обращения: 30.07.2019).
8. Кравченко Г. Отозвать губернатора Севастополя: миссия невыполнима? // Крым. Реалии: сайт крымского проекта украинской службы «Радіо Свобода». 2019. URL: https://ru.krymr.com/a/otozvat-gubernatora-sevastopolya-missiya-nevypolnima/29836003.html (дата обращения: 30.07.2019).
9. Закон об отзыве губернатора нужен, но необходимо привести его в соответствие с федеральным законодательством — Михаил Вавилов // «Севастополь.ру»: сетевое издание. 2019. URL: https://ikstv.ru/novosti/zakon-ob-otzyve-gubernatora-nuzhen-no-neobhodimo-privesti-ego-v-sootvetstvie-s-federalnym-zakonodatelstvom-mihail-vavilov-03-07-2019/ (дата обращения: 23.07.2019).
10. О порядке отзыва Губернатора города Севастополя : проект закона города Севастополя: зарегистр. 5 марта 2019 г. регистрац. № 19/644: официальный сайт Законодательного Собрания города Севастополя. 2019. URL: http://sevzakon.ru/view/laws/bank_zakonoproektov/i_sozyv_2019/pr_zak_19_644/tekst_zakonoproekta/ (дата обращения: 03.06.2019).
11. Губернатор Севастополя подпишет закон об отзыве главы города // Крымский новостной портал INFORMER: сетевое издание. 2019. URL: https://ruinformer.com/page/gubernator-sevastopolja-podpishet-zakon-ob-otzyve-glavy-goroda (дата обращения: 13.07.2019).
12. О порядке отзыва высшего должностного лица Санкт-Петербурга – Губернатора Санкт-Петербурга: закон Санкт-Петербурга от 4 декаб. 2012 г. № 610-107: принят ЗС СПб 14 нояб. 2012 г.). [Электронный ресурс] . Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Устав города Севастополя: закон г. Севастополя от 11.04.2014 г.: принят Законодатель.ным Собранием города Севастополя 11 апр. 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://constitution.garant.ru/region/ustav_sevastopol/chapter/53070549816cbd8f006da724de818c2e/ (дата обращения: 10.11.2018).
14. Устав города Москвы: закон г. Москвы от 28.06.1995 г.: принят Моск. Гор. Думой 28 июня 1995 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://duma.mos.ru/ru/187/page/ustav-goroda-moskvyi (дата обращения: 10.11.2018). Устав Санкт-Петербурга: закон г. Санкт-Петербурга от 14.01.1998 г.: принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 14 янв. 1998 г. [Электронный ресурс]. Доступ из НПП «Гарант-Сервис».
15. Губернатор Севастополя подпишет закон об отзыве главы города // Крымский новостной портал INFORMER: сетевое издание. 2019. URL: https://ruinformer.com/page/gubernator-sevastopolja-podpishet-zakon-ob-otzyve-glavy-goroda (дата обращения: 13.07.2019).

16. Колесников Б. О законе «О порядке отзыва Губернатора» и шизофрении // Взгляд Севастополь: форум. 2019. URL:https://vzglyad-sevastopol.ru/20190611/4116/o-zakone-o-porjadke-otzyva-gubernatora-i-shizofrenii/ (дата обращения: 20.06.2019).
17. В Севастополе приняли закон об отзыве губернатора // Вести Севастополь: сайт. 2019. URL: https://vesti92.ru/news/novosti/v-sevastopole-prinyali-zakon-ob-otzyve-gubernatora/ (дата обращения: 23.07.2019).
18. Росенко М. И. Избрать нельзя назначить – где будем ставить запятую?: к дискуссии об избрании или назначении губернатора Севастополя // Научный журнал Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 219-224.
19. Гарипов Р.Ф. Политическая ответственность главы региона в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 50-53.
21. О порядке отзыва Губернатора города Севастополя: закон г. Севастополя от 23.07.2019 г. № 517-ЗС: принят Законодательным Собранием города Севастополя 9 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sevzakon.ru/view/laws/bank/2019/zakon_n_517_zs_ot_23_07_2019/opublikovanie/ (дата обращения: 10.10.2019).

Rosenko M.I., Skrebec E.V., Procevskij V.A. Features of the legislative design of procedure for revocation of the governor in the city of Sevastopol // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 50-59.

The article is devoted to the analysis of legislative design features in the city of Sevastopol of the procedure for early termination of the powers of the head of constituent entity of the Russian Federation in the event of his revocation by voters. It is noted that the current political situation in the city, the haste of the adoption of the law on the revocation of the Governor and the shortcomings of the City Charter adopted in 2014 negatively affected the corresponding legislative decision. Based on the research of regional legislation on the revocation of the governor, logical and systemic contradictions in the legal regulation of the institute of revocation of the highest executive of the region in the city of federal destination Sevastopol are revealed, and also ways to resolve them are proposed. To resolve these contradictions norms of the regional legislation that regulates the revocation of the Governor by the voters, should be aligned with the legal position of the Central Election Commission of the Russian Federation on this issue, and the Charter of the City of Sevastopol – supplemented normal.

Keywords: head of constituent entity of the Russian Federation, the grounds for early termination of head of constituent entity of the Russian Federation, the revocation of the head of constituent entity of the Russian Federation by voters.

Spisok literatury

1. Doklad Zakonodatel'nogo Sobraniya goroda Sevastopolya «O sostoyanii zakonodatel'stva goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya v 2018 godu»: oficial'nyj sajt Zakonodatel'nogo Sobraniya goroda Sevastopolya. 2019. URL: https://sevzakon.ru/assets/files/04_postproekty/2019/12-832_doklad.pdf (data obrashcheniya: 03.06.2019).
2. Skrebec E.V. Problemy vzaimootnoshenij zakonodatel'noj i ispolnitel'noj vetvej vlasti v gorode Sevastopole: pravovoj aspekt // Razvitie yuridicheskoj nauki i problema preodoleniya probelov v prave: sbornik nauchnyh statej po itogam raboty pyatogo mezhdunarodnogo kruglogo stola. CHast' 1. SHahty: OOO «Konvert», 2019. S. 35-44.
3. Obrashchenie predstavitelya Gubernatora goroda Sevastopolya v Zakonodatel'nom Sobranii goroda Sevastopolya Mihaila Vavilova k deputatam Zakonodatel'nogo Sobraniya: oficial'nyj portal organov gosudarstvennoj vlasti. Pravitel'stvo Sevastopolya. 2019. URL: https://sevastopol.gov.ru/info/news/51380/ (data obrashcheniya: 07.07.2019).
4. Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii: feder. zakon Ros. Federacii ot 6 oktyabrya 1999 g. № 184-FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 22 sent. 1999 g. [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
5. Ovsyannikov: zakon ob otzyve gubernatora Sevastopolya nado prinyat' do vyborov // RIA «Novosti»: setevoe izdanie. 2016. URL: https://ria.ru/politics/20161018/1479466890.html (data obrashcheniya: 09.07.2019).
6. Zakonoproekt ob otzyve gubernatora sootvetstvuet vsem trebovaniyam federal'nogo zakonodatel'stva: oficial'nyj portal organov gosudarstvennoj vlasti. Pravitel'stvo Sevastopolya. 2018. URL:https://sev.gov.ru/info/news/48780/ (data obrashcheniya: 06.06.2019).
7. Kolesnikov B. O zakone «O poryadke otzyva Gubernatora» i shizofrenii // Vzglyad Sevastopol': forum. 2019. URL:https://vzglyad-sevastopol.ru/20190611/4116/o-zakone-o-porjadke-otzyva-gubernatora-i-shizofrenii/ (data obrashcheniya: 20.06.2019).
8. Kravchenko G. Otozvat' gubernatora Sevastopolya: missiya nevypolnima? // Krym. Realii: sajt krymskogo proekta ukrainskoj sluzhby «Radio Svoboda». 2019. URL: https://ru.krymr.com/a/otozvat-gubernatora-sevastopolya-missiya-nevypolnima/29836003.html (data obrashcheniya: 30.07.2019).
8. Kravchenko G. Otozvat' gubernatora Sevastopolya: missiya nevypolnima? // Krym. Realii: sajt krymskogo proekta ukrainskoj sluzhby «Radio Svoboda». 2019. URL: https://ru.krymr.com/a/otozvat-gubernatora-sevastopolya-missiya-nevypolnima/29836003.html (data obrashcheniya: 30.07.2019).
9. Zakon ob otzyve gubernatora nuzhen, no neobhodimo privesti ego v sootvetstvie s federal'nym zakonodatel'stvom — Mihail Vavilov // «Sevastopol'.ru»: setevoe izdanie. 2019. URL: https://ikstv.ru/novosti/zakon-ob-otzyve-gubernatora-nuzhen-no-neobhodimo-privesti-ego-v-sootvetstvie-s-federalnym-zakonodatelstvom-mihail-vavilov-03-07-2019/ (data obrashcheniya: 23.07.2019).

10. O poryadke otzyva Gubernatora goroda Sevastopolya : proekt zakona goroda Sevastopolya: zaregistr. 5 marta 2019 g. registrac. № 19/644: oficial'nyj sajt Zakonodatel'nogo Sobraniya goroda Sevastopolya. 2019. URL:
http://sevzakon.ru/view/laws/bank_zakonoproektov/i_sozyv_2019/pr_zak_19_644/tekst_zakonoproekta/ (data obrashcheniya: 03.06.2019).
11. Gubernator Sevastopolya podpishet zakon ob otzyve glavy goroda // Krymskij novostnoj portal INFORMER: setevoe izdanie. 2019. URL: https://ruinformer.com/page/gubernator-sevastopolja-podpishet-zakon-ob-otzyve-glavy-goroda (data obrashcheniya: 13.07.2019).
12. O poryadke otzyva vysshego dolzhnostnogo lica Sankt-Peterburga – Gubernatora Sankt-Peterburga: zakon Sankt-Peterburga ot 4 dekab. 2012 g. № 610-107: prinyat ZS SPb 14 noyab. 2012 g.). [Elektronnyj resurs] . Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
13. Ustav goroda Sevastopolya: zakon g. Sevastopolya ot 11.04.2014 g.: prinyat Zakonodatel'nym Sobraniem goroda Sevastopolya 11 apr. 2014 g. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://constitution.garant.ru/region/ustav_sevastopol/chapter/53070549816cbd8f006da724de818c2e/ (data obrashcheniya: 10.11.2018).
14. Ustav goroda Moskvy: zakon g. Moskvy ot 28.06.1995 g.: prinyat Mosk. Gor. Dumoj 28 iyunya 1995 g. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://duma.mos.ru/ru/187/page/ustav-goroda-moskvyi (data obrashcheniya: 10.11.2018). Ustav Sankt-Peterburga: zakon g. Sankt-Peterburga ot 14.01.1998 g.: prinyat Zakonodatel'nym Sobraniem Sankt-Peterburga 14 yanv. 1998 g. [Elektronnyj resurs]. Dostup iz NPP «Garant-Servis».
15. Gubernator Sevastopolya podpishet zakon ob otzyve glavy goroda // Krymskij novostnoj portal INFORMER: setevoe izdanie. 2019. URL: https://ruinformer.com/page/gubernator-sevastopolja-podpishet-zakon-ob-otzyve-glavy-goroda (data obrashcheniya: 13.07.2019).
16. Kolesnikov B. O zakone «O poryadke otzyva Gubernatora» i shizofrenii // Vzglyad Sevastopol': forum. 2019. URL:https://vzglyad-sevastopol.ru/20190611/4116/o-zakone-o-porjadke-otzyva-gubernatora-i-shizofrenii/ (data obrashcheniya: 20.06.2019).
17. V Sevastopole prinyali zakon ob otzyve gubernatora // Vesti Sevastopol': sajt. 2019. URL: https://vesti92.ru/news/novosti/v-sevastopole-prinyali-zakon-ob-otzyve-gubernatora/ (data obrashcheniya: 23.07.2019).
18. Rosenko M. I. Izbrat' nel'zya naznachit' – gde budem stavit' zapyatuyu?: k diskussii ob izbranii ili naznachenii gubernatora Sevastopolya // Nauchnyj zhurnal Sovremennaya nauchnaya mysl'. 2017. № 3. S. 219-224.
19. Garipov R.F. Politicheskaya otvetstvennost' glavy regiona v sovremennoj Rossii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya. 2013. T. 13. Vyp. 2. S. 50-53.
21. O poryadke otzyva Gubernatora goroda Sevastopolya: zakon g. Sevastopolya ot 23.07.2019 g. № 517-ZS: prinyat Zakonodatel'nym Sobraniem goroda Sevastopolya 9 iyulya 2019 g. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://sevzakon.ru/view/laws/bank/2019/zakon_n_517_zs_ot_23_07_2019/opublikovanie/ (data obrashcheniya: 10.10.2019).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 60-65.

УДК 343.97

ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.) В АЛТАЙСКОМ КРАЕ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Тарасова Л. Я.

Барнаульский юридический института МВД России

В представленной статье автором анализируется понятие девиантного поведения, причины возникновения его у детей, способы профилактики. В частности, автором доказывается не только эффективность социально-педагогических способов профилактики девиантного поведения в годы Великой Отечественной войны в Алтайском крае, но и важность использования данного исторического опыта в настоящее время. Отдельное внимание уделяется плодотворному влиянию использования опыта социально-педагогической профилактики девиантного поведения на предотвращение преступного поведения подрастающего поколения в настоящее время.

Ключевые слова: Девиантное поведение, социально-педагогический опыт, несовершеннолетний, профилактические меры.

Любое общество состоит из определенных правил поведения, нарушение которых влечет определенное наказание. Наказание в свою очередь влечет неблагоприятные последствия для нарушителя. Организация деятельности по профилактике преступного поведения, предполагает изучение ее причин и условий, как социального явления. Если не заниматься профилактикой девиантного поведения несовершеннолетних, то общество получит не только нарушителей дисциплины, но и нарушителей уголовного закона. Изучение исторического опыта социально-педагогической профилактики позволит в настоящее время расширить круг лиц и организаций, которые могут заниматься данной деятельностью.

Тяжелые годы Великой Отечественной войны затронули все сферы жизнедеятельности советского общества. И сфера воспитания не стала исключением. Так как решение задач, которые ставила война перед советским народом, не могло обойтись без решения социально-экономических задач, задач нравственных и культурных. Одной из проблем, с которой пришлось столкнуться в годы Великой Отечественной войны, это рост детской беспризорности и безнадзорности. Данные обстоятельства приводили к росту детской преступности и правонарушениям.

Даже в тяжелейших условиях войны, необходимо было нравственное и культурное развитие, формирование личности детей и подростков. Которые обладали бы достаточным уровнем знаний норм и правил поведения. Накопленный опыт социально педагогической профилактики характеризовался тем, что превентивная профилактика сама по себе отсутствовала, усилия были сосредоточены на борьбе с последствиями негативных деяний, а не на выявлении и устранении причин.

Что же такое девиантное поведение? Оно представляет собой форму отклоняющегося поведения, при которой личность, в нашем случае несовершеннолетние, утрачивают понятие нравственных ценностей, общественных норм. При этом полностью сосредотачиваясь на том, чтобы удовлетворить свои нужды. Личность не вникает в нужды окружающих, деградирует и перестает здраво мыслить и рассуждать. Причинами девиантного поведения всегда были: неполная семья, несформи-

рованность характера подростков. Кроме того, причины скрываются в недостаточном надзоре за подростками, отсутствие внимания со стороны близких, или лиц их замещающих, желании скрыться от надзора взрослых, избежать наказание за совершенный неблаговидный поступок, мечтательности о подвиге на полях сражений с фашисткой Германией.

В период Великой Отечественной войны этого допустить было невозможно. Усилия всей страны были направлены на борьбу с внешним врагом –фашисткой Германией, однако Правительство СССР прилагало огромные усилия на борьбу с девиантным поведением несовершеннолетних, в том числе и при помощи социально педагогической профилактики. Для профилактики были использованы следующие способы: забота о их материальном обеспечении, организация досуга, обучение, которое бы способствовало просвещению молодежи и отвлечению их от нарушений дисциплины и совершения правонарушений, трудоустройство.

В военные годы в Алтайском крае, в образовательных заведениях, которые относились к системе трудовых резервов, основной контингент составляли эвакуированные дети, дети сироты. Категории данных детей были либо оторваны от родителей, либо вообще потеряли их. Таким образом, мы видим, что на территории края было большое число «трудных» подростков. Поэтому вопросы профилактики правонарушений и преступлений занимали важное место в системе образования.

При Алтайском краевом Совете депутатов трудящихся 13 марта 1942 г. была создана комиссия для предупреждения детской беспризорности и безнадзорности, которая проводила активную работу в данном направлении [17]. В штате краевого отдела народного образования была создана общественная инспекция по охране детства. Общественные инспектора оказывали помощь в организации и передаче детей на патронаж, взятие под опеку, усыновление и трудоустройство детей и подростков. В Алтайском крае были созданы специальные организации, которые занимались устройством детей оставшихся без попечения родителей. Создавались ясли, детские сады, школы-интернаты, школы фабрично-заводского обучения. Дети, оставшиеся без родителей, помещались в детские дома.

Велась работа с патронажными семьями, которой руководила комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей. Кроме нее, на патронат могли передавать детей и отделы народного образования. В Алтайском крае в 1943 г. на патронат было передано 3 800 детей [10]. На заседании Ойрот-Турского Совета депутатов трудящихся Ойротской автономной области Алтайского края 23 декабря 1943 г. рассматривалось заявление Блохиной Татьяны Федоровны, проживавшей по ул. Рабфаковской, дом 5, которая просила усыновить свою родную племянницу, дочь сестры, которая была на фронте. Отец девочки погиб на фронте. Мать девочки была не против усыновления, и сама просила Горисполком разрешил усыновить девочку, оставив ей свою фамилию, имя и отчество [11]. В Алтайском крае было усыновлено 67 детей до трех лет за 1943 год [12].

В целях реализации указа Президиума ВС СССР от 14 сентября 1942 г. «О возрасте молодежи, призываемой в школы фабрично-заводского обучения» [15] бюро Алтайского крайкома ВКП (б) и исполком краевого Совета депутатов трудящихся утвердило план призыва (мобилизации) городской молодежи и привлечение молодёжи из сельской местности для обучения в школы фабрично-заводского обучения.

Согласно которого, необходимо было призвать в период с 15 октября до 1 ноября 1942 г. 2 500 чел., с 15 ноября до 1 декабря 1942 г. – 2 тыс. чел. в школы ФЗО, молодежь мужского пола в возрасте 15–17 лет, женского пола в возрасте 16–18 лет [17].

Всего в Советском союзе в период с 1942 года было открыто 320 учебно-производственных мастерских, общей численностью более 20000 подростков в возрасте до 16 лет [14]. Так 65 выпускников ремесленных училищ Алтайского края освоили программу производственного обучения по следующим специальностям: слесари по ремонту автомашин и тракторов, слесари-инструментальщики, кузнецы. Выпускники направлялись работать на Бийский авторемонтный завод Наркомавтотранспорта РСФСР [10].

Местными отделами образования воспитанники обеспечивались одеждой, вплоть до нательного белья, койко-местом в общежитии бесплатно. Не оставляли без внимания и воспитательную работу. Для повышения уровня сознательности молодежи, в учебных заведениях, которые были отнесены к трудовым резервам, была введена должность заместителя директора по политической части. В его обязанности входила организация воспитательной работы. В том числе организация досуга и быта. В общежитиях введены должности воспитателей [13].

Проводимые воспитательные меры не приводили к должному результату. Самовольные уходы, воровство в общежитиях, учебных заведениях продолжали иметь место. Имели место хулиганские действия со стороны воспитанников. Необходимо учитывать, что большинство воспитателей и педагогов не имело педагогического образования. За срок обучения было невозможно реализовать профилактические меры девиантного поведения, а часть подростков, которые были набраны из беспризорников, и не имело желания «перевоспитываться». Бывали нередкие случаи, что кражи совершали даже у своих товарищей. Со стороны прокуратуры было недостаточно принципиальное отношение к несовершеннолетним правонарушителям, что также мешало укреплению дисциплины. В прокуратуру г. Барнаула были направлены дела А. Клочкова, П. Эддмина для рассмотрения и привлечения к ответственности по указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение трудовой дисциплины и самовольный уход из училища (школ)». Однако было принято решение оставить подростков без наказания. И они были снова направлены в школу для продолжения учебы. Результатом данного решения было то, что через несколько дней они снова сбежали. В прокуратуре Шаргинского района в течение четырех месяцев не были рассмотрены дела сбежавших учеников Путинина и Гладышева [1].

Совнарком СССР в августе 1943 года утвердил «Правила для учащихся», в которых были прописаны правила культурного поведения, обязанности ученика по отношению к товарищам, педагогам, родителям и учебе.

Необходимо отметить, что, несмотря на тяжелое военное время, появлялись новые направления работы с «трудными» подростками. Например, расширялась библиотечная сеть, работали художественные и спортивные секции. Был организован отдых детей. Который проходил в санаториях и пионерских лагерях. В годы войны алтайские дети имели возможность отдохнуть в знаменитом пионерском лагере всесоюзного масштаба «Артек». В годы войны он был передислоцирован в курортную

зону города Белокуриха [9]. Для повышения политической грамотности и укрепления гражданской позиции проводились политчасы. В ноябре 1941 года в Барнаульском дворце пионеров прошла встреча школьников с участником Великой Отечественной войны капитаном Кирилловым [2]. В Барнаульском дворце пионеров, клубе Меланжевого комбината города Барнаула на регулярной основе проходили показы популярных фильмов: «Яков Свердлов», «Член правительства», «Патриот», «Светлый путь», «Юность Ленина» [3].

Происходило создание комнат боевой и трудовой славы, которые открывались и в учебных заведениях, и на предприятиях, где трудились несовершеннолетние. Через них происходило знакомство с героическими подвигами лиц, которые обучались в этих заведениях или работали на данных производствах.

В Алтайском крае проводились патриотические мероприятия, в которых активно участвовали учащиеся школ и воспитанники детских домов. Силами кружка художественной самодеятельности Дворца была подготовлена и выпущена живая газета под названием: «Товарищ, помни: тыл – это фронт!».

С первых дней войны в городах Алтайского края, таких как: Барнаул, Бийск и Горно-Алтайск стали выходить сатирические плакаты «Окна ТАСС». Художники Алтая организовывали для детей краевые и персональные выставок, принимали участие в выставках в городе Новосибирске. В музеях проходили стационарные и передвижные выставки и экспозиции. Работники музеев выступали с лекциями и беседами в школах и ФЗО. Проводилась активная политика по расширению в селах числа изб-читален. В 1943 г. такие были созданы в селах Змеиногорского и Шипуновском района [4]. Однако, несмотря на усилия властей, избы-читальни в некоторых селах так и не появились. В селе Чеканиха Усть-Пристанского района местная молодежь своими силами пыталась оборудовать избу-читальню в пустующем здании. Но стройматериалов не было, и им не удалось реализовать задуманное [5]. В 1944 г. на Алтае было 62 районных клуба, 1 062 сельских избы-читальни [16].

Действенной формой профилактики девиантного поведения стало тимуровское движение. 22 июля 1941 г. было принято постановление обкома ВКП (б) «Об организации и работе тимуровских команд в военное время». В данном постановлении районным отделам народного образования рекомендовалось как можно больше вовлекать подростком в тимуровское движение. В РСФСР в годы Великой Отечественной войны участвовало более двух миллионов человек. На территории Алтайского края тимуровцы, которые в основном состояли из образцовых пионеров, активно оказывали помощь инвалидам войны, вернувшимся домой, пожилым и больным людям, заботились о семьях красноармейцев. Таким образом, тимуровцы показывали положительный пример подросткам, которые относились к «несоюзной» молодежи. Школьники добровольно объединялись для изучения и охраны природы. Данные объединения назывались станциями юных натуралистов. В Алтайском крае немалое количество детей участвовало в данном объединении. Уже в конце июля 1941 г. Алтайская станция юных натуралистов для детей, которые были беспризорными и безнадзорными организовало экскурсию, которая охватывала семь приграничных районов. Участие приняли школьники школы №41 города Барнаула [6]. В Колыванской средней школе юннаты по инициативе Толи Вишнякова и Феди Бело-

усова работали на конюшне в свободное время, ухаживали за жеребятами, привлекая к данному занятию безнадзорных детей [7].

Для профилактики девиантного поведения Советская власть большое внимание уделяла занятиям спортом. Устраивались лыжные кроссы во время зимних каникул, например, в Тогульском, Павловском районах и Ойрот-Туре. Инвентаря не хватало и дети, для того чтобы принять участие в соревнованиях часть лыж делали сами. Двенадцать сломанных пар было отремонтировано, около ста пятидесяти пар физкульт отделы закупили в горторготделе [8].

С привлечением несовершеннолетних на Алтае проводились военно-спортивные игры учащихся «Рейд в тыл врага» (1942 г.), «На разгром!» (1943 г.), «На штурм!» (1944 г.). Таким образом воспитывался патриотизм, дети готовились стать на защиту Родины.

Что касается системы профессионального образования, то с 1943 г. Постановлением Совнаркома СССР было учреждено Всесоюзное спортивное общество «Трудовые резервы». Для того чтобы принять участие во Всесоюзной спартакиаде, необходимо было выявить победителей внутри училищ. За период существования данной организации было вручены 40 миллионам значки ГТО, 12650 было присвоено звание мастера спорта, 620 мастер спорта международного класса. Такая мера позволила отвлечь подрастающее поколение от совершения противоправных деяний.

В процессе либерализации современного общества, потребительская идеология становиться основной. Обладание определенными ценностями и предметами становиться выше качеств личности. Многие исследователи проблемы девиантного поведения подростков в настоящее время видят в социально- экономических процессах, происходящих в обществе. Когда одна группа населения незаконно и безнаказанно обогащается за счет другой группы. Это приводит к снижению баланса между институтами воспитания и кризису традиционных ценностей. На первый план выдвигаются социальные и экономические меры профилактики, повышение материального уровня населения, социальной защищенности несовершеннолетних. Но данные меры вряд ли смогут решить возникшую проблему. Необходимо подключать педагогические рычаги, которые в настоящее время очень ослаблены. Общественные институты современного общества утратили воспитательные функции. Все это приводит общему снижению воспитательных возможностей социума.

В условиях ВОВ социально-педагогические меры профилактики девиантного поведения несовершеннолетних играли большую роль в общей массе профилактических мер в отношении несовершеннолетних. Даже с учетом нехватки квалифицированных педагогических кадров, специалистов в области профессионального обучения, трудного материального состояния страны, все равно реализация профилактических мер девиантного поведения была ощутимой. Подрастающее поколение было физически и нравственно готово встать на защиту своей Родины.

Список литературы

1. Алтайская правда. 1943. 12 сент.
2. Алтайская правда. 1941. 2 нояб.
3. Алтайская правда. 1942. 11 янв.
4. Алтайская правда. 1943. 24 янв.
5. Алтайская правда. 1943. 29 мая.
6. Алтайская правда. 1941. 24 июля.
7. Алтайская правда. 1943. 28 янв.

8. Алтайская правда. 1942. 27 янв.
9. Была война: сборник архивных документов. Режим доступа:URL: http://kpdara.narod.ru (дата обращения 10.10.2018)
10. ГААК. Ф.Р-631. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.
11. ГААК. Ф.Р-834. Оп. 1. Д. 183. Л. 286.
12. ГААК. Ф.Р-8009. Оп. 6. Д. 746. Л.4.
13. История профессионального образования в России / Под науч. ред. С.Я. Батышева, А.М. Новикова, Е.Г. Осовского.М.: Ассоциация «Профессиональное образование», 2003.
14. Советская педагогика. М., 1942. С. 5, 28.
15. СП ВС СССР. 1942. №10. П. 237.
16. Суверов Е.В. Образование и функционирование Сибирского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР (Сиблага) в 1929-1941 гг. Монография. Барнаульский юридический институт МВД России. Барнаул. 2016. 124 с.
17. Тарасова Л.Я. «Деятельность государственных и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Алтайском крае: 1941-1945 гг.» дис. кандидата исторических наук: Барнаул, 2013. 165 с.

Tarasova L. Ya. Experience of socio-pedagogical prevention of deviant behavior of minors during the Great Patriotic War (1941-1945) in the Altai Territory (historical and legal aspect) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 60-65.

In the presented article, the author analyzes the concept of deviant behavior, the reasons for its occurrence in children, methods of prevention. In particular, the author proves not only the effectiveness of socio-pedagogical methods of preventing deviant behavior during the Great Patriotic War in the Altai Territory, but also the importance of using this historical experience at the present time. Special attention is paid to the fruitful influence of using the experience of social and pedagogical prevention of deviant behavior on the prevention of criminal behavior of the younger generation at the present time.

Keywords: Deviant behavior, social and pedagogical experience, minor, preventive measures.

Spisok literatury

1. Altajskaya pravda. 1943. 12 sent.
2. Altajskaya pravda. 1941. 2 noyab.
3. Altajskaya pravda. 1942. 11 yanv.
4. Altajskaya pravda. 1943. 24 yanv.
5. Altajskaya pravda. 1943. 29 maya.
6. Altajskaya pravda. 1941. 24 iyulya.
7. Altajskaya pravda. 1943. 28 yanv.
8. Altajskaya pravda. 1942. 27 yanv.
9. Byla vojna: sbornik arhivnyh dokumentov. Rezhim dostupa:URL: http://kpdara.narod.ru (data obrashcheniya 10.10.2018)
10. GAAK. F.R-631. Op. 1. D. 24. L. 2.
11. GAAK. F.R-834. Op. 1. D. 183. L. 286.
12. GAAK. F.R-8009. Op. 6. D. 746. L.4.
13. Istoriya professional'nogo obrazovaniya v Rossii / Pod nauch. red. S.YA. Batysheva, A.M. Novikova, E.G. Osovskogo.M.: Associaciya «Professional'noe obrazovanie», 2003.
14. Sovetskaya pedagogika. M., 1942. S. 5, 28.
15. SP VS SSSR. 1942. №10. P. 237.
16. Suverov E.V. Obrazovanie i funkcionirovanie Sibirskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya NKVD SSSR (Siblaga) v 1929-1941 gg. Monografiya. Barnaul'skij yuridicheskij institut MVD Rossii. Barnaul. 2016. 124 s.
17. Tarasova L.YA. «Deyatel'nost' gosudarstvennyh i obshchestvennyh organizacij po likvidacii detskoj besprizornosti i beznadzornosti v Altajskom krae: 1941-1945 gg.» dis. kandidata istoricheskih nauk: Barnaul, 2013. 165 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 66-72.

УДК 343.197.7

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ТРАНСПОРТНОЙ ЮСТИЦИИ В 1945-1957 ГГ.

Шкаревский Д. Н.

Сургутский государственный университет ХМАО-Югры

Задача статьи состоит в том, чтобы выделить основные тенденции в развитии нормативно-правового регулирования органов транспортной юстиции в послевоенный период. По мнению автора, регулирование отличалось нестабильностью и запутанностью. По всей видимости, сделано это было намеренно. С момента отмены военного положения на транспорте в 1948 г. для органов транспортной юстиции был запущен процесс, оказавшийся для них необратимым. Наблюдается постепенная ликвидация специальных норм, применяемых данными органами юстиции. Они теряют характер специальных органов, сближаясь с органами общей юстиции. В результате, к середине 1950-х гг. их практически ничто не отличало от органов общей юстиции и ничто не мешало их ликвидации.

Ключевые слова: советская юстиция, специальная юстиция, транспортная юстиция, транспортные суды.

Органы транспортной юстиции существовали с 1930 по 1957 гг. в качестве специальных органов юстиции. До Великой Отечественной войны они использовались как инструмент обеспечения политики индустриализации. Их вклад в достижение победы в войне можно оценить, как весьма существенный. Однако, к 1948 г. задачи, стоявшие перед ними, были выполнены. Советский транспорт более не нуждался в таком инструменте. Несмотря на это их ликвидация произошла лишь в 1957 г.

За 1946–1956 гг. данными органами юстиции было осуждено 565 461 человек [15, л. 7]. Количество военных трибуналов (линейных судов транспорта) уменьшалось с 85 в 1946 г. до 42 в 1956 г. [16, л. 29] Многие аспекты деятельности органов транспортной юстиции уже изучены [26, 27]. Но, правовое регулирование их деятельности в послевоенный период не становилось предметом специального исследования. Поэтому основная задача данной статьи состоит в том, чтобы выделить основные тенденции в развитии нормативно-правового регулирования органов транспортной юстиции в послевоенный период.

В период Великой Отечественной войны в правовом регулировании органов транспортной юстиции доминировали: нормы чрезвычайного законодательства (постановления Государственного комитета обороны, секретные указы Пленума Верховного Совета СССР (далее – ПВС)), личные распоряжения руководства (И. Сталина); нормы, изложенные в подзаконных актах (приказах Наркомата юстиции, Главной военной прокуратуры и т.п.).

После окончания войны нормы чрезвычайного законодательства отменяются постепенно. Наблюдается декриминализация ряда составов преступлений. Например, в 1948 г. был отменен п. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 30. 08. 1943 г. «О самовольном уходе с транспорта работников младше 16 лет» [24, с. 3]. Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 28. 09. 1945 г. № 12/13/у

было дано указание о прекращении применения санкций военного времени [23, с. 4].

Происходит декриминализация трудовых преступлений. Например, был издан указ ПВС СССР от 14 июля 1951 г. «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия»). Еще один указ ПВС от 11. 03. 1955 г. отменил уголовную ответственность за самовольный проезд в товарных поездах [18]. Указ ПВС СССР от 25. 04. 1956 г. декриминализовал такие трудовые преступления как самовольный уход с предприятий и из учреждений и неоднократный или длительный прогул [19].

В послевоенный период органы транспортной юстиции концентрируются на рассмотрении преступлений, предусмотренных следующими статьями УК РСФСР: 59-3-б, 59-3-в, 75-1, 75-2, 75-3, 80, 93, 156-1 176, 184. Причем с 1947 г. появились предложения по изменению этих составов преступлений. Так, было предложено ст. ст. 93, 75-2 УК РСФСР исключить как утратившие практическое значение. Статьи 80, 75-1 УК РСФСР предлагалось включить «в другие статьи с более широкой диспозицией». Статьи 156-1, 75-6, 176, 184 УК РСФСР оценивались как «имеющие вспомогательное значение», а ст. 59-3-б УК РСФСР как не находящая на практике самостоятельного применения.

В итоге предлагалось оставить только статью 59-3-в УК РСФСР в измененном виде, чтобы она охватила «все нарушения о правопорядке, обеспечивающего выполнение водным транспортом стоящих перед ним государственных задач» [17, с. 13]. Осторожно начинает обсуждаться вопрос о сужении подсудности военных трибуналов транспорта [13, л. 291]. Однако в первые послевоенные годы данная инициатива не нашла поддержки.

В то же время появляются новые указы Пленума Верховного Совета СССР, которые распространяли свое действие и на железнодорожный и водный транспорт. Так, 4 июня 1947 г. были приняты два указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Согласно первому указу самое легкое наказание было установлено за кражу, присвоение, растрату или иное хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества в виде заключения в исправительно-трудовом лагере на срок от 5 до 8 лет с конфискацией имущества или без конфискации. По этому указу максимальное количество осужденных наблюдалось в 1947 г. (41 033 человек), минимальное – в 1956 г. (3 839 человек) [16, л. 34]. Систематическое и существенное снижение количества осужденных явно свидетельствует о проведении уголовно-правовых кампаний в 1947 и 1948 гг. и о постепенном снижении актуальности этого вида преступлений.

По данным заместителя министра государственной безопасности С. Огольцова, только за период с 1 ноября 1947 г. по 1 сентября 1948 г. на транспорте было «ликвидировано 277 организованных преступных групп с числом участников 958 человек». У них было изъято похищенных грузов на сумму свыше 1,5 млн. рублей. 80% привлеченных к ответственности являлись работниками транспорта [7, л. 35]. Генеральный прокурор Г. Сафонов в 1951 г. отмечал, что при расследовании дел о крупных организованных хищениях государственного и общественного имущества, от-

дельные прокурорско-следственные работники и работники милиции становятся на путь искусственного создания громоздких дел с числом обвиняемых, достигающем 40–60 человек. «Такого рода дела создаются … в расчете на внешний эффект. Привлекаются по одному делу группы преступников не связанные или связанные лишь через одного обвиняемого». Поэтому Г. Сафонов предложил «тщательно определять круг обвиняемых по делу» [2, л. 60].

Второй указ устанавливал только за кражу личного имущества граждан наказание в виде заключения в исправительно-трудовом лагере на срок от 5 до 6 лет. Его применение характеризовалось обратными тенденциями – количество осужденных систематически увеличивалось с 1 315 человек в 1947 г. до 7 760 человек в 1956 г. Отмечу, что оба указа предусматривали наказание за недоносительство.

Также линейные суды принимали участие в реализации указа от 26 июня 1951 г. «Об освобождении от наказания работников локомотивных бригад, осужденных за крушения и аварии, совершенные ими во время нахождения на работе сверх установленных норм». Однако под его действие попало небольшое количество осужденных транспортников (251 человек в августе 1951 г.) [22, л. 122].

После Великой Отечественной войны актуальность приобрели дела об умышленных убийствах на транспорте. 30. 04. 1954 г. был издан Указ ПВС СССР «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство». Он распространял действие Указа ПВС СССР от 12. 01. 1950 г. «О применении смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам» на лиц, совершивших умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. В органах транспортной юстиции эти дела были переданы в подсудность окружных транспортных судов, но на практике они «неправильно» передавались в линейные суды. Суды не всегда правильно применяли указ от 30. 04. 1954 г. Имело место расширительное толкование этого указа, а именно смертная казнь назначалась за покушение на убийство. Вследствие этого Транспортная коллегия Верховного Суда СССР заменяла расстрел лишением свободы.

Органы транспортной юстиции в послевоенный период продолжали руководствоваться в своей работе постановлениями правительства (Совета министров). Например, постановления «О мероприятиях по улучшению охраны и усилению борьбы с хищениями грузов на железнодорожном, речном и морском транспорте», «Об улучшении работы железных дорог» [2, л. 51, 192], «О мерах по обеспечению сохранности грузов при перевозках по железным дорогам» [3, л. 4] и др.

В послевоенный период сохранялась роль подзаконных актов, издаваемых Министерством юстиции. Отмечу, что к 1948 г. сформировалась нормативно-правовая база достаточная для деятельности органов транспортной юстиции. Поэтому на данном этапе особую роль приобрели подзаконные акты, акцентировавшие применение тех или иных норм, изложенных в УК или указах ПВС СССР. Отмечу, что эти подзаконные акты могли противоречить действующему законодательству. Например, в 1946 г. нарком юстиции Н. Рычков возложил на военные трибуналы корпусов железнодорожных войск рассмотрение дел о всех преступлениях, совершенных военнослужащими частей ж.д. войск соответствующих корпусов и личным составом приданных им спецформирований, – до помощников командиров полков включительно [8, л. 61]. Также в августе 1946 г. он приказал «Постановление Пленума Верховного суда СССР № 8/4/V от 12 июля 1946 г. на военнослужащих ж.д. войск не

распространять и из дисциплинарных батальонов их не освобождать до особого указания» [8, л. 15].

В 1947 г. заместитель наркома юстиции Г. Пуговкин обязал военные трибуналы транспорта принимать к своему производству судебные дела, возбужденные и расследованные органами охраны МГБ на железнодорожном и водном транспорте, если обвинительное заключение утверждено прокурором. Кроме этого, он освободил органы транспортной прокуратуры от выполнения ст. 109 УПК РСФСР [14, л. 161].

В результате такой деятельности НКЮ на практике достаточно часто возникали споры между различными трибуналами о подсудности (например, между ВТ ж.д. и ВТ войск НКВД) [12, л. 8].

С 1953 г. существенное значение стало придаваться борьбе с хулиганством на транспорте. Это преступление объявили одним «из опасных и тяжких». Например, начальник Главного управления по делам линейных транспортных судов В. Ширвинский приказал не проявлять «мягкотелость к хулиганам», не использовать условные наказания и ИТР по отношению к ним. Для исправления ошибок всех председателей линейных судов железнодорожного транспорта обязали изучить судебную практику по делам о хулиганстве за второе полугодие 1952 г. [10, л. 1].

С 1951 г. подзаконными актами ограничивается привлечение работников железнодорожного транспорта к уголовной ответственности за преступления по службе. Была восстановлена практика привлечения железнодорожников с согласия непосредственного руководителя. Так, лиц младшего начальствующего состава и рядового состава можно было привлечь только с согласия начальника отделения дороги. Лиц старшего начальствующего состава – с согласия министра путей сообщения [5, л. 61].

Кроме этого органы транспортной юстиции опирались на нормы, закрепленные в уставах транспорта. До середины 1950-х гг. использовались уставы, принятые в 1930-е гг. С 1 апреля 1955 г. был введен в действие Устав железных дорог СССР, а с 1 января 1956 г – Устав водного транспорта.

В 1948 г. председатель Верхсуда А. Волин вновь поднял тему о сужении подсудности органов юстиции на транспорте. Он предложил оставить им лишь дела следующих категорий: о нарушении работниками транспорта правил движения и эксплуатации, которое повлекло или могло повлечь тяжелые последствия; о должностных преступлениях; о разрушении или повреждении путей сообщения, сооружений; о хищении грузов [11, л. 211]. Остальные дела он предлагал передать в подсудность народных судов.

В начале 1950-х гг. оставались проблемы в подсудности органов транспортной юстиции. В ходе кустового совещания работников прокуратур бассейнов и участков морского и речного флота, которое состоялось 21–24 марта 1950 г., прокурор Ленского бассейна т. Граков заявил: «Пора отрегулировать вопрос о подсудности всех наших дел линейным судам, т.к. народные суды перегружены и не желают принимать наши дела» [4, л. 26].

В ходе обсуждения результатов проверки Главного управления по делам линейных судов ж.д. и водного транспорта Главный прокурор ж.д. транспорта Савин заявил следующее: «т. Мирошниченко ставит вопрос о сокращении штата линейных судов, т.к. нагрузка незначительна... Надо расширить подсудность линейных судов,

т.к. мы должны усилить свое влияние с точки зрения наведения порядка на железнодорожном транспорте, где у нас имеются еще слабые места» [9, л. 148].

В целом, подсудность транспортных судов в начале 1950-х гг. оставалась не стабильной. Так, ряд дел, связанных с безопасностью движения поездов, в 1951 г. ввиду отдаленности многих народных судов были переданы железнодорожным линейным судам [21, л. 1]. Однако в дальнейшем дискуссия о расширении / сужении подсудности органов транспортной юстиции отходит на второй план в связи со спорами о ликвидации данной системы.

Вопросы квалификации преступлений органами транспортной юстиции находились под пристальным вниманием центра. В этом вопросе большую роль играли постановления Пленума и директивные письма Верховного суда СССР. Так, Постановление от 6. 01. 1950 г. № 1/2/у указывало квалифицировать нарушение правил движения флота, которые повлекли или могли повлечь за собой действия, указанные по ст. 59-3-в УК РСФСР, по данной статье [25, с. 134-136].

Пленум Верховного Суда СССР регулировал и другие важные вопросы деятельности транспортных органов юстиции. Например, Постановление Верхсуда № 12/13/у от 28. 9. 1945 г. указывало всем трибуналам транспорта, за исключением действующих в местностях, объявленных на военном положении, прекратить применение санкций военного времени и применять военным трибуналам процессуальные нормы мирного времени [1, л. 57]. Но несмотря на отмену военного положения на транспорте в 1948 г., вплоть до 1951 г. работники транспорта за прогулы и самовольный уход с предприятия или учреждения привлекались к ответственности не по Указу ПВС СССР от 26. 06. 1940 г., а по ст. 59-3-в УК. Последняя предусматривала в виде санкции до 10 лет лишения свободы. Только линейный суд ж.д. им. Куйбышева по этой статье с 1 мая 1948 г. по 1 августа 1951 г. осудил 247 работников дороги, связанных с движением поездов. Не правильная судебная практика объяснялась «путанными указаниями» начальника Главного управления линейных судов МЮ СССР В. Ширвинского, который руководствовался постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 13. 11. 1941 г. при подготовке приказа № 2/01 от 6. 01. 1950 г. Этот приказ «особо ориентировал линейные суды на усиление борьбы с этими преступлениями» [20, л. 197, 199].

Итак, основные тенденции в развитии нормативно-правового регулирования органов транспортной юстиции в послевоенный период сводятся к следующим. Во-первых, регулирование отличалось нестабильностью и запутанностью. Проблемы подсудности и квалификации преступлений не были решены. В этих вопросах требовалось учитывать нормы УПК, УК, различных положений, массы секретных актов. В условиях низкого уровня обеспечения литературой и правовыми актами это создавало неразбериху. Особенно страдали от этого новые, не опытные члены органов транспортной юстиции. Эти проблемы прослеживаются в течение всего периода существования этих органов. Складывается впечатление, что сделано это было намеренно для того, чтобы периодически организовывать уголовно-правовые кампании.

Во-вторых, после окончания войны и до 1953 г. вопросы подсудности органов транспортной юстиции продолжали оставаться «камнем преткновения». Вероятно, лишь позиция И. Сталина защищала их от существенного сокращения подсудности

и ликвидации. С 1953 г. ситуация резко изменилась. Происходит «схлопывание» этих органов.

В-третьих, с момента отмены военного положения на транспорте в 1948 г. для органов транспортной юстиции был запущен процесс, оказавшийся для них необратимым. Наблюдается постепенная ликвидация специальных норм, применяемых данными органами юстиции. С этой точки зрения происходит сужение их компетенции. Параллельно происходил процесс увеличения их юрисдикции за счет актуализации норм, действовавших в органах общей юстиции. Таким образом, органы транспортной юстиции теряют характер специальных органов юстиции, сближаясь с органами общей юстиции. В результате, к середине 1950-х гг. их практически ничто не отличало от органов общей юстиции. Поэтому ничто не мешало их ликвидации. Это и произошло в 1957 г.

Список литературы

1. Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. 8131. Оп. 21. Д. 217.
2. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 24. Д. 2.
3. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 25. Д. 1.
4. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 441.
5. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 1.
6. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 2.
7. ГАРФ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 906.
8. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 470.
9. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 700.
10. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 753.
11. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 51.
12. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 142.
13. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 144.
14. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 488.
15. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 111.
16. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 15.
17. Иванов С. Составы преступлений на водном транспорте // Социалистическая законность. 1947. № 4. С. 12-15.
18. О замене уголовной ответственности за самовольный проезд в товарных поездах мерами административного воздействия. Указ ПВС СССР от 11.03.1955 г. // Ведомости ВС СССР. 1955. № 5, ст. 114
19. Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины. Указ ПВС СССР от 25.04.1956 г. // Ведомости ВС СССР. 1956 № 10, ст. 203.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 136. Д. 315.
21. РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 601.
22. РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 890.
23. Сборник № 1 текущего законодательства, приказов Генерального прокурора СССР, Министра юстиции СССР и постановлений Пленума Верховного суда СССР. М.: Прокуратура ГВП ж.д., 1947. 545 с.
24. Сборник по текущему законодательству и судебной практике (в помощь адвокату). М.: Издание Моск-ой гор-ой коллегии адвокатов, 1949. 181 с.
25. Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР (1924-1977 гг.). /сост. Е.А. Смоленцев. М. Изд-во Совета народных деп-ов СССР. 1981. 2 ч. 315 с.
26. Шкаревский Д.Н. Органы транспортной юстиции СССР в 1941-1957 гг. // Вопросы истории. 2020. № 7. С. 235-247.
27. Шкаревский Д.Н. Формирование и развитие органов транспортной юстиции в 1930-е гг. М.: «Юрлитинформ», 2018. 219 с.

Shkarevsky D.N. The legal regulation of the activities of transport authorities of justice in the years 1945-1957 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 66-72.

The purpose of the article is to highlight the main trends in the development of legal regulation of transport justice bodies in the post-war period. According to the author, regulation was characterized by instability and confusion. Apparently, this was done intentionally. Since the lifting of martial law on transport in 1948, the transport justice authorities have been involved in a process that has proved irreversible for them. There is a gradual elimination of special rules applied by these judicial authorities. They lose the character of special bodies of justice, becoming closer to the bodies of General justice. As a result, by the mid-1950s, they were virtually indistinguishable from the General justice authorities and there was nothing to prevent their elimination.

Keyword: Soviet justice, special justice, transport justice, transport courts.

Spisok literatury

1.Gosudarstvennyj arhiv RF (dalee – GARF). F. 8131. Op. 21. D. 217
2.GARF. F. 8131. Op. 24. D. 2.
3.GARF. F. 8131. Op. 25. D. 1.
4.GARF. F. 8131. Op. 28. D. 441.
5.GARF. F. 8131. Op. 32. D. 1.
6.GARF. F. 8131. Op. 32. D. 2.
7.GARF. F. 82. Op. 2. D. 906.
8.GARF. F. 9492. Op. 1a. D. 470.
9.GARF. F. 9492. Op. 1a. D. 700.
10. GARF. F. 9492. Op. 1a. D. 753.
11. GARF. F. 9492. Op. 2. D. 51.
12. GARF. F. 9492. Op. 4. D. 142.
13. GARF. F. 9492. Op. 4. D. 144.
14. GARF. F. 9492. Op. 4. D. 488.
15. GARF. F. 9492. Op. 6. D. 111.
16. GARF. F. 9492. Op. 6. D. 15.
17. Ivanov S. Sostavy prestuplenij na vodnom transporte // Socialisticheskaya zakonnost'. 1947. № 4. S. 12-15
18. O zamene ugolovnoj otvetstvennosti za samovol'nyj proezd v tovarnyh poezdah merami administrativnogo vozdejstviya. Ukaz PVS SSSR ot 11.03.1955 g. // Vedomosti VS SSSR. 1955. № 5, st. 114.
19. Ob otmene sudebnoj otvetstvennosti rabochih i sluzhashchih za samovol'nyj uhod s predpriyatij i iz uchrezhdenij i za progul bez uvazhitel'noj prichiny. Ukaz PVS SSSR ot 25.04.1956 g. // Vedomosti VS SSSR. 1956 № 10, st. 203.
20. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (dalee – RGASPI). F. 17. Op. 136. D. 315
21. RGASPI F. 82. Op. 2. D. 601.
22. RGASPI F. 82. Op. 2. D. 890.
23. Sbornik № 1 tekushchego zakonodatel'stva, prikazov General'nogo prokurora SSSR, Ministra yusticii SSSR i postanovlenij Plenuma Verhovnogo suda SSSR. M.: Prokuratura GVP zh.d. 1947. 545 s.
24. Sbornik po tekushchemu zakonodatel'stvu i sudebnoj praktike (v pomoshch' advokatu). M.: Izdanie Mosk-oj gor-oj kollegii advokatov. 1949. 181 s.
25. Sbornik postanovlenij Plenuma Verhovnogo suda SSSR (1924-1977 gg.). /sost. E.A. Smolencev. M. Izd-vo Soveta narodnyh dep-ov SSSR. 1981. 2 ch. 315 s.
26. SHkarevskij D.N. Organy transportnoj yusticii SSSR v 1941-1957 gg. // Voprosy istorii. 2020. № 7. S. 235-247.
27. SHkarevskij D.N. Formirovanie i razvitie organov transportnoj yusticii v 1930-e gg. M.: «YUrlitinform», 2018. 219 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 73-78.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.2

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В МЕХАНИЗМЕ ГАРАНТИРОВАНИЯ ПРАВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Абасов Гафис Гасан оглы

Крымский юридический института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье, исходя из концептуальной позиции совершенствования и развития механизма гарантирования прав местного самоуправления, рассматривается понятие муниципальной демократии. Выделяются квалифицирующие признаки муниципальной демократии и на их основе дается ее определение.

Ключевые слова: демократия, муниципальная демократия, формы муниципальной демократии, механизм гарантирования прав местного самоуправления.

Результативность местного самоуправления, прежде всего, зависит от уровня и эффективности механизма его гарантирования, то есть от выверенного и целесообразного использования тех средств воздействия, юридических механизмов и рычагов, которые используются на муниципальном уровне. Одним из важнейших направлений совершенствования муниципально-правового регулирования является создание эффективного механизма гарантирования прав местного самоуправления и обеспечение их реального претворения в жизнь.

Развитие института местного самоуправления и эффективное функционирование механизма гарантирования прав местного самоуправления, как свидетельствует мировая практика становления государств с развитой демократией, является необходимой составляющей собственно демократии. Именно на уровне местного самоуправления можно наиболее полно реализовать принцип демократии в государстве, то есть право граждан на управление государственными и местными делами.

Весьма плодотворным направлением теоретического поиска в современной теории демократии постепенно становится демократия участия или партисипаторная демократия (англ. participate – принимать участие), в основу которой положено активное участие населения страны в осуществлении публично-властных функций и возможность граждан влиять на процесс принятия органами власти публично-властных решений.

Местное самоуправление является одной из фундаментальных основ конституционного строя России, одновременно представляя важнейший демократический институт современного общества. Вполне можно согласиться с А. А. Сергеевым, который отмечает, что «...появление местного самоуправления в современном виде становится результатом процессов, которые вызваны объективной необходимостью:

во-первых, децентрализацией власти, а во-вторых, усилением его демократических основ» [1].

Особенности конституционно-правовой природы местного самоуправления и совершенствование институтов муниципальной демократии играют важную роль в механизме гарантирования прав местного самоуправления, которые способствуют достижению общественного согласия на местном уровне и предоставляют населению муниципальных образований дополнительные рычаги в процессе решения местных дел без использования радикальных методов воздействия на органы государственной власти и местного самоуправления. То есть, наличие развитых институтов муниципальной демократии является существенно важным элементом механизма гарантирования прав местного самоуправления.

Поэтому, сегодня, особую актуальность в современных условиях приобретает выработка четких представлений о муниципальной демократии для совершенствования и оптимизации законодательства в сфере местного самоуправления и механизма гарантирования прав местного самоуправления в РФ.

С.В. Крамаренко, отмечая дискуссионность вопроса, связанного с неоднозначностью понимания и толкования сущности демократии, в том числе демократии на уровне местного самоуправления (муниципальной демократии), подчеркивает, что в настоящее время особенно важно и необходимо сформулировать научно-теоретическую дефиницию местной (муниципальной) демократии, введение которой в понятийный аппарат науки муниципального права способствовало бы более активному привлечению населения к участию в осуществлении местного самоуправления. Муниципальная демократия призвана стать универсальным институтом современного гражданского общества и правового государства, поэтому нуждается в наличии четкого категориального аппарата[2].

В рамках данной статьи рассмотрим квалифицирующие признаки муниципальной демократии и на их основе попробуем дать определение понятия муниципальной демократии.

Для определения понятия муниципальной демократии необходимо осуществить комплексный семантический анализ дефиниции «демократия». Демократия в переводе с греческого (demokratia=demos (народ)+kratos (власть)) означает власть народа. Зарубежные исследователи под демократией понимают «свободный выбор правления, представляющего интересы большинства и уважающего фундаментальное право всех людей жить в соответствии со своими убеждениями и основных интересов» [3], «реальную возможность для управляемых выбирать и смещать мирным пу-

---

[1] Сергеев А. А. Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. – М., 2006. – С.113-114.

[2]Крамаренко С.В. Развитие институтов непосредственной демократии в местном самоуправлении: теоретико-правовые и прикладные аспекты: Дисс. … канд.юрид.наук: спец. 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право. – Воронеж, 2013. – 234 с. – С.17.

[2]Турен А. Что означает демократия сегодня? // Международный журнал социальных наук. – 1991. – № 1. – С. 17-28. (С.28).

[3]Эрмэ Г. Введение: эпоха демократии? // Международный журнал социальных наук. – 1991. – № 1. – С.10-15 (С.15).

тем и через регулярные промежутки времени управляющих ими» [4], «...с одной стороны определенную меру свободы самоопределенности личности – выбора формы деятельности, места жительства и работы, убеждений, источников информации и т. п. – и, с другой стороны, защиту от авторитарного произвола власть имущих, жизни людей в рамках и под защитой закона» [5].

Однако большинство современных исследователей уже не считают, что классическое определение демократии как формы народовластия уже не соответствует современному состоянию общественных отношений (по крайней мере на общегосударственном уровне), поскольку, народ в силу своей многочисленности не может реализовывать должным образом свое право на принятие участия в управлении государственными делами. Поэтому считается, что для демократии преимущественно важным является наличие у народа соответствующих рычагов власти, с помощью которых, он может формировать соответствующие органы, которые будут осуществлять управление от его имени.

В механизме гарантирования прав местного самоуправления институты муниципальной демократии играют одну из ведущих ролей, поскольку ее характерным признаком является то, что граждане должны не только советоваться и не только принимать участие в решении политических, социально-экономических и других важных для них вопросов, но и сами решать их. Хотя, как отмечает Н. С. Бондарь, муниципальную демократию не следует противопоставлять «государственно-управленческой», по мнению ученого в идеальном варианте речь идет о возможности сочетания государственных и самоуправляющих (муниципальных) институтов демократии в единой системе осуществления власти народом[6]. А под единством системы публичной власти понимается прежде всего функциональное единство, что не исключает организационного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления при решении задач на соответствующей территории[7]. Такого же мнения придерживается и С.В. Крамаренко, отмечая при этом, что демократия на местном уровне или муниципальная демократия представляет собой определенную разновидность демократии в государстве[8].

---

[3]Эрмэ Г. Введение: эпоха демократии? // Международный журнал социальных наук. – 1991. – № 1. – С.10-15 (С.15).

[4]Дилигенский Г. Г. Демократия на рубеже тысячелетий // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна: Феникс+, 2001. – 478 с. – С.28.

[4]Дилигенский Г. Г. Демократия на рубеже тысячелетий // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна: Феникс+, 2001. – 478 с. – С.28.

Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России / Н. С. Бондарь. – М.: Норма, 2008. – 592 с.

[6]Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 N 1-З "О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации".

[7] Крамаренко С. В. Формы муниципальной демократии и особенности их развития в современной России / С. В. Крамаренко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 2. – С. 85-90. (С.85)

.

Акцентируем внимание, что на сегодняшний день наряду с категорией «муниципальная демократия» применяются также термины, как «местная демократия», «локальная демократия», «демократия на местном уровне», «непосредственная демократия в системе местного самоуправления» и другие. Однако все указанные термины отличаются больше по форме, чем по своей сущности. По нашему мнению, в этом контексте более целесообразным и всеобъемлющим будет использование термина «муниципальная демократия» как право членов территориального сообщества осуществлять власть и иметь реальную возможность принимать участие в решении вопросов местного значения. Хотя, в юридической литературе также существует мнение о том, что местное сообщество – это не муниципальная общность, а общность, которая выступает совокупным субъектом общественного действия. Идея местного сообщества предусматривает, что отношения в ней строятся на принципах равенства, в то же время как идея муниципального общества учитывает роль отношений власти и иерархии. В сообществе доминируют отношения солидарности, а в муниципальном обществе борьба интересов различных групп, достижения компромиссов. В муниципальном обществе это ориентация на конкретный обмен благами или услугами, в то же время как отношения в сообществе – это отношения общего, неопределенного типа[9].

Феномен муниципальной демократии является понятием междисциплинарным и занимает умы как ученых-правоведов, так и социологов, политологов, историков и др. Так, политолог А. А. Новоселов дает авторское определение понятию «местная демократия», под которой он понимает «...систему, которая динамично развивается со многими взаимосвязанными элементами, в рамках которой происходят процессы взаимодействия на локальном уровне таких акторов, как наднациональные силы и институты, национальные и местные правительства, гражданское общество, неправительственные организации, а также различных групп давления, в процессе выработки общезначимых решений» [10]. То есть ученый рассматривает местную демократию как политико-правовое явление.

М. С. Бондарь, отмечает, что муниципальная демократия – это демократия «малых пространств» и предлагает под ним понимать основанную на единстве свободы и ответственности самостоятельную форму осуществления населением по месту жительства публичной власти, коллективных и индивидуальных прав граждан относительно самостоятельного решения в пределах, установленных Конституцией и действующим законодательством вопросов местного значения, непосредственной обеспеченности жизнедеятельности и предоставления муниципальных услуг в интересах местного сообщества и отдельных граждан[11].

---

[9] Макогон Т. И. Социально-философский анализ роли и места муниципального общества в системе местного самоуправления / Т. И. Макогон // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – №310. – С.15–19. – С.16.

[10] Новоселов А. А. Применение концепции «местной демократии» в современном процессе государственного строительства Европейских стран: автореф. на соискание ученой степени кандидата политических наук по спец. 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии / Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского. – Нижний Новгород, 2006. – 24 с. (С.9).

[11] Бондарь Н. С. Указ.соч. С. 42.

Для определения любого понятия необходимо, прежде всего, выделить имеющиеся квалифицирующие признаки, присущие тому или иному правовому явлению, которые, собственно, и отделяют его от других родственных правовых категорий. Каковы квалифицирующие признаки муниципальной демократии?

Наиболее основательно к выделению квалифицирующих признаков муниципальной демократии подошел М. С. Бондарь, рассматривая ее системные характеристики как социально-правового явления. Ученый отмечает, что муниципальная демократия, базируясь на общих конституционных принципах народовластия имеет ряд отличительных черт. Во-первых, она осуществляется в особой сфере общественных отношений, которую формируют вопросы местного значения; во-вторых, она реализуется на низовом территориальном уровне организации публичной власти; в-третьих, охватывая всю территорию государства проявляется как публичная власть местных сообществ, и таким образом, имеет собственные пространственные границы муниципальных образований; в-четвертых, основываясь на принципах самоуправления, она предусматривает максимальное сближение управляющего и управляемого субъектов, органов муниципальной власти и местного сообщества, соответственно, непосредственной и представительной демократии (однако, без их отождествления); в-пятых, она обособленная от демократических институтов государственной власти; в-шестых, муниципальная демократия не ограничивается самоуправляющимися властными отношениями, ведь в нее входят также институты общественного, публично-властного характера (например, опросы граждан, собрания граждан и тому подобное) [12].

Вполне соглашаясь с предложенными признаками, отличающими муниципальную демократию от других видов народовластия, необходимо дополнить указанный перечень тем признаком, что институты муниципальной демократии имеют специфический субъектный состав, ведь право на решение вопросов местного значения в России принадлежит исключительно населению муниципальных образований. Также, следует отметить, что муниципальная демократия может применяться в специфических формах и иметь как непосредственный, так и представительный характер.

Обобщая квалифицирующие признаки, можно определить муниципальную демократию как общественно-политический институт (совокупность институтов), предусматривающий право населения муниципальных образований в рамках Конституции и законов России, принимать непосредственное участие в решении вопросов местного значения в пределах соответствующих муниципальных образований или делегировать свои полномочия органам местного самоуправления или должностным лицам.

Таким образом, следует отметить, что развитие муниципальной демократии в современных условиях остается актуальной и первоочередной задачей на пути к совершенствованию механизма гарантирования прав местного самоуправления и реализации государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации.

Список литературы

[12] Бондарь Н. С. Указ.соч. С. 43.

1.Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России / Н. С. Бондарь. – М.: Норма, 2008. – 592 с.
2. Дилигенский Г. Г. Демократия на рубеже тысячелетий // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна: Феникс+, 2001. – 478 с. – С.28.
3. Крамаренко С. В. Формы муниципальной демократии и особенности их развития в современной России / С. В. Крамаренко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 2. С. 85-90. (С.85)
4. Крамаренко С.В. Развитие институтов непосредственной демократии в местном самоуправлении: теоретико-правовые и прикладные аспекты: Дисс. … канд.юрид.наук: спец. 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право. – Воронеж, 2013. – 234 с. – С.17.
5.Макогон Т. И. Социально-философский анализ роли и места муниципального общества в системе местного самоуправления / Т. И. Макогон // Вестник Томского государственного университета. 2008. №310. С.15–19. – С.16.
6. Новоселов А. А. Применение концепции «местной демократии» в современном процессе государственного строительства Европейских стран: автореф. на соискание ученой степени кандидата политических наук по спец. 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии / Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского. – Нижний Новгород, 2006. – 24 с. (С.9).
7.Сергеев А. А. Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. – М., 2006. – С.113-114.
8.Турен А. Что означает демократия сегодня? // Международный журнал социальных наук. 1991. № 1. С. 17-28. (С.28)
9. Эрмэ Г. Введение: эпоха демократии? // Международный журнал социальных наук. 1991. № 1. С.10-15 (С.15).– С. 85-90. (С.85).

Abasov Hafiz. The municipal institutions of democracy in the mechanism of ensuring the rights of local self-government // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 73–78.

The article, based on a conceptual approach to the improvement and development of the mechanism for guaranteeing rights of local self-government, discusses the concept of municipal democracy. Allocated qualifying features of municipal democracy and, based on that given by its definition.

Key words: democracy, municipal democracy, forms of municipal democracy, the mechanism for guaranteeing rights of local self-government.

Spisok literatury

1.Bondar' N. S. Mestnoe samoupravlenie i konstitucionnoe pravosudie: konstitucionalizaciya municipal'noj demokratii v Rossii / N. S. Bondar'. – M.: Norma, 2008. – 592 s.
2. Diligenskij G. G. Demokratiya na rubezhe tysyacheletij // Politicheskie instituty na rubezhe tysyacheletij. – Dubna: Feniks+, 2001. – 478 s. – S.28.
3. Kramarenko S. V. Formy municipal'noj demokratii i osobennosti ih razvitiya v sovremennoj Rossii / S. V. Kramarenko // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2011. № 2. S. 85-90. (S.85)
4. Kramarenko S.V. Razvitie institutov neposredstvennoj demokratii v mestnom samoupravlenii: teoretiko-pravovye i prikladnye aspekty: Diss. … kand.yurid.nauk: spec. 12.00.02 – konstitucionnoe pravo; konstitucionnyj sudebnyj process; municipal'noe pravo. – Voronezh, 2013. – 234 s. – S.17.
5.Makogon T. I. Social'no-filosofskij analiz roli i mesta municipal'nogo obshchestva v sisteme mestnogo samoupravleniya / T. I. Makogon // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. №310. S.15–19. – S.16.
6. Novoselov A. A. Primenenie koncepcii «mestnoj demokratii» v sovremennom processe gosudarstvennogo stroitel'stva Evropejskih stran: avtoref. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskih nauk po spec. 23.00.02 – politicheskie instituty, etnopoliticheskaya konfliktologiya, nacional'nye i politicheskie processy i tekhnologii / Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I.Lobachevskogo. – Nizhnij Novgorod, 2006. – 24 s. (S.9).
7.Sergeev A. A. Mestnoe samoupravlenie v Rossijskoj Federacii: problemy pravovogo regulirovaniya. – M., 2006. – S.113-114.
8.Turen A. CHto oznachaet demokratiya segodnya? // Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh nauk. 1991. № 1. S. 17-28. (S.28)
9. Erme G. Vvedenie: epoha demokratii? // Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh nauk. 1991. № 1. S.10-15 (S.15).– S. 85-90. (S.85).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 5 (71). № 4. – С. 79-83.

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ОМБУДСМЕНА ПО ВОПРОСАМ МИГРАЦИИ: ОПЫТ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ

Трифонов С. Г.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В рамках статьи автор обращает внимание на такой существенный элемент конституционно-правового статуса омбудсмена вообще, и омбудсмена по вопросам миграции в частности, как принципы его деятельности. Анализируя указанные принципы, автор приходит к выводу, что, следует акцентировать внимание на таких моральных принципах деятельности омбудсмена, как гуманизм, справедливость, не дискриминация и толерантность, профессионализм и компетентность, соблюдение в работе норм международного права, мобильность и умение убеждать. Проанализировав немецкое миграционное законодательство, автор приходит к выводу, что в ФРГ институт уполномоченного по делам мигрантов институализирован на федеральном уровне и на уровне субъектов федерации – федеральных земель. Рассмотрен круг задач, который стоит перед данным институтом в ФРГ. Исследованы вопросы взаимодействия омбудсмена по вопросам миграции с уполномоченным Федерального правительства по делам переселенцев и национальных меньшинств в Германии и институтами гражданского общества. В завершении исследования конституционно-правового статуса автор приходит к выводу, что немецкая модель федерального миграционного омбудсмена имеет признаки «исполнительной» модели, а региональных омбудсменов можно отнести к так называемой «квазиомбудсменовской» модели.

Ключевые слова: правовой статус омбудсмена, принципы деятельности омбудсменов, уполномоченный по правам человека по вопросам миграции, Федеральный уполномоченный по вопросам миграции, беженцев и интеграции Германии, региональные омбудсмены, мигранты, лица без гражданства, переселенцы, беженцы

В определении правового статуса омбудсмена решающую роль играют принципы организации деятельности института. Учеными при исследовании института омбудсмена дается лишь перечень принципов его деятельности без определения их классификации. Так, А. Семенова к принципам деятельности омбудсменов относит: независимость, доступность (информационная, организационная), оперативность, законность, справедливость, гласность, взаимодействие с другими государственными органами, обеспечивающими права и свободы человека и гражданина, соответствие поставленных перед омбудсменом задач и предоставленных ему полномочий. [1]

Однако, учитывая специфику деятельности института омбудсмена по вопросам миграции, которая заключается в более тесных контактах с иностранным элементом, представляется, что, необходимо в большей степени сосредоточить внимание на моральных (нравственных) принципах омбудсмена, как принципы гуманизма, справедливости, не дискриминации и толерантности, профессионализма и компетентности, соблюдения в работе норм международного права, мобильности и умения убеждать.

Правовые основы статуса омбудсмена по вопросам миграции заложены в нормативных актах, регулирующих деятельность данного института. Как показывает

практика, такая регламентация может осуществляться или специально предназначенным для этого законодательным актом, или положения об омбудсмене включаются в общие законы, регулирующие отношения соответствующей сферы общественных отношений.

В ФРГ институт уполномоченного по делам мигрантов институализирован на федеральном уровне и на уровне субъектов федерации - федеральных земель.

Цель и задачи Федерального уполномоченного по вопросам миграции, беженцев и интеграции Германии следуют из миграционной политики государства, основными направлениями которой являются: содействие процессам в сфере трудовой миграции с учетом дифференциации мигрантов в соответствии с их возрастом, профессией и опытом работы и знанием немецкого языка; квотированное привлечение высококвалифицированных специалистов (программа Green Card für IT Fachkräfte); облегчение интеграции иностранцев, которые находятся в Германии: упрощение процедуры получения гражданства (по «праву крови» и «праву почвы»), государственная социальная помощь в определенных законом случаях; введение двух разрешений на пребывание вместо пяти: временного и бессрочного; законодательно закрепленный приоритет коренного населения граждан Европейского Союза при занятии рабочих мест; предоставление преимущества «образованным» мигрантам (переход от политики мультикультурализма к политике интеграции в немецкое общество) и привлечение специалистов ведущих отраслей экономики; на законодательном уровне отсутствует процедура регуляризации (амнистии) положения нелегальных мигрантов, которая распространена в других государствах [2].

К основным задачам и функциям омбудсмена по вопросам миграции относят следующие: оказание поддержки федеральному правительству в проведении интеграционной политики, в рамках которой решается ряд взаимосвязанных проблем, таких как прием и интеграция немецких переселенцев, предоставление убежища беженцам и регулирование проблем внутренней миграции, участие в разработке концепции политики интеграции и других проектов; содействие противодействию проявлениям дискриминации, ксенофобии и расизма по отношению к иммигрантам - в сотрудничестве с Федеральным агентством по борьбе с дискриминацией и выполнения Закона о равном обращении.

В рамках системы социального обеспечения ФРГ заложены механизмы, стимулирующие поиск места работы мигрантом самостоятельно и, соответственно, снижающие риски перегрузки бюджета ведомства выплатой пособий для лиц, которые не могут или не желают этого делать.

Таким образом, решается задача вхождения мигранта на рынок труда [3] - содействие в предоставлении мигрантам различных программ, а также внесение предложений и рекомендаций по поиску новых подходов к эффективному управлению иммиграционными потоками и повышение эффективности интеграционных мероприятий и т. п. [4]

Одной из основных функций омбудсмена является рассмотрение жалоб и сообщений иммигрантов. Работа с заявлениями основывается на принципах своевременности, беспристрастности и конфиденциальности. Стандартные процедуры подачи жалобы предусматривают как письменные формы, так и возможность использования системы Интернет и горячей телефонной линии. Рассмотрение заявлений состоит из нескольких этапов: предварительный анализ, сбор фактической информа-

ции, определение необходимых следующих действий, принятие решения и вынесение рекомендаций.

Омбудсмен может использовать отдельные стороны собственной деятельности для определения тенденций и выработки рекомендаций системного характера, которые включаются в отчеты и подаются в соответствующие инстанции. Каждые 2 года омбудсмен направляет информацию о своей деятельности и положении иммигрантов в Германии в парламент страны. Таким образом, интенсивно влияя на общественное мнение, посредством регулярного предоставления актуальной информации в своих докладах омбудсмен выполняет свою функцию и, в том числе, обращает внимание органов государства на проблемные моменты, требующие решения [5].

Омбудсмен по вопросам миграции активно взаимодействует с негосударственными правозащитными организациями, деятельность которых направлена, прежде всего, на отстаивание прав мигрантов, утверждение принципа равноправия и недопущения проявлений расизма и нетерпимости. Такие организации предоставляют консультации для мигрантов и беженцев, проводят образовательные и агитационные компании по разъяснению прав мигрантов. Такими организациями являются, например, Flüchtlingsrat Brandenburg (Совет по делам беженцев в Брандербурге); RAA Brandenburg – независимая образовательная организация, занимающаяся интеграцией мигрантов в общество, разрабатывает различные учебные программы для мигрантов [6].

Омбудсмен через СМИ знакомит общественность с результатами своей деятельности, обнародует свои взгляды и рекомендации, в которых разъясняет неправомерность некоторых решений должностных лиц, нарушающих или ограничивающих права мигрантов, критикует антиобщественные поступки, направленные против мигрантов, просвещает население об опасности экстремистской и фашистской идеологии и других проявлений ксенофобии, предлагает пути решения острых вопросов для установления согласия и взаимопонимания. На уровне ряда земель ФРГ созданы и успешно функционируют органы государственной власти, к компетенции которых отнесены в том числе и проблемы интеграции, при которых функционируют Уполномоченные по антидискриминационной работе и интеграции [7].

Такие же региональные омбудсмены действуют и в других территориальных образованиях, которые являются, как правило, государственными служащими и работают в административных органах, а полномочия омбудсмена осуществляют на общественных началах. Уполномоченные по вопросам интеграции не обладают полномочиями исполнительной власти, однако они дают консультации правительству или администрации по вопросам миграционной политики. Кроме того, они предоставляют консультации иммигрантам по вопросам интеграции. По вопросам получения статуса беженца и вида на жительство такие уполномоченные помощь не оказывают, однако, в отдельных проблемных ситуациях они также оказывают консультативную поддержку мигрантам и беженцам.

Главными задачами местных омбудсменов являются: разработка и претворение в жизнь интеграционной стратегии в рамках своей компетенции; продвижение и способствование активности мигрантов и кооптирование их в политическую жизнь органа местного самоуправления; работа с мигрантами в сфере образования и изу-

чения немецкого языка с целью их полной интеграции в общество; работа с родителями-мигрантами относительно обязательности получения их детьми надлежащего уровня образования [8].

Итак, немецкая модель федерального миграционного омбудсмена имеет признаки «исполнительной» модели, а региональных омбудсменов можно отнести к так называемой «квазиомбудсманской» модели [9].

В ФРГ наряду с омбудсменом по вопросам миграции, беженцев и интеграции функционирует Уполномоченный Федерального правительства по делам переселенцев и национальных меньшинств в Германии. Нормативной основой регулирования миграционных процессов выступает Конституция ФРГ 1949 г., законы «О беженцах и перемещенных лицах», «О гражданстве и о правах иностранцев».

Проблемы интеграции переселенцев мало чем отличаются от тех, с которыми сталкиваются иностранцы. Статус переселенца, и гражданство ФРГ, ряд мигрантов получает в соответствии с Федеральным законом об изгнанных (Vertriebenengesetz). [10]

Уполномоченный по делам переселенцев и национальных меньшинств в Германии координирует в рамках Федерального правительства меры, принятые в отношении переселенцев, согласовывает проекты по интеграции с теми, кто в них участвует, информирует по всем вопросам, связанным с темой «Поздние переселенцы», курирует вопросы, связанные с немецкими меньшинствами в Восточной Европе, в том числе в государствах, образовавшихся на месте СССР, и, как уполномоченный по делам национальных меньшинств, является контактным лицом на федеральном уровне для национальных меньшинств в Германии [11]. На региональном и муниципальном уровнях функции омбудсменов по делам переселенцев и национальных меньшинств выполняют представители местной администрации на общественных началах.

Таким образом, омбудсмен по вопросам миграции является важным элементом в правовом механизме защиты прав человека, его деятельность направлена на формирование и улучшение взаимодействия правозащитных институтов, в частности, тех, которые стоят на защите прав лиц, относящихся к категории наименее защищенных.

Список литературы

1. Семенова А.Ю. Уполномоченные по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: ТГУ. Тюмень, 2006. 29 с.
2. Чуксина В.В. Государственные специализированные органы по содействию и защите прав человека в России и зарубежных странах. Монография. Иркутск: 2014. - С. 147
3. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Ausländische Bevölkerung. Ergebnisse des- Ausländerzentralregisters. Fachserie 1. Reihe 2. Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 2010 (erschienen am: 04. März 2010). 303 S.
4. Bericht der Beauftragten der Bundesregierung für Migration, Flüchtlinge und Integration über die Lage der Ausländerinnen und Ausländer in Deutschland. Berlin: Die Beauftragte der Bundesregierung für Migration, Flüchtlinge und Integration. Juni 2010. S. 356.
5. Migrationbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung (Migrationbericht 2008); Bonn: Bundesministerium des Innern, Bundesamt fur Migration und Flüchtlinge (aktuell fur den 03.02.2010). 381 S
6. Die Beauftragte für Migration, Flüchtlinge und Integration. Aufgaben und Ziele. // Access mode: www.integrationsbeauftragte.de
7. Нужно ли Германии министерство интеграции.//Электронный ресурс https://www.dw.com/ru
8. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Ausländische Bevölkerung. Ergebnisse des-Ausländerzentralregisters. Fachserie 1. Reihe 2. Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 2010 (erschienen am: 04. März 2010). 303 S.
9. Чуксина В.В. Институты по содействию и защите прав человека в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование). Монография. Иркутск: Изд-во ООО «Мегапринт», 2012. – с.75.
10. Migrationbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung (Migrationbericht 2008); Bonn: Bundesministerium des Innern, Bundesamt fur Migration und Flüchtlinge (aktuell fur den 03.02.2010). 381 S.

11. Beauftragter der Bundesregierung fur Aussiedlerfragen und nationale Minderheiten in Deutschland Electronic resource. // Access mode: www.aussiedlerbeauftragter.de

Trifonov S. G. Constitutional and legal institute of the migration ombudsman: experience of the Federal Republic of Germany // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 5 (73). № 4. – P. 79-83.

Within the framework of the article, the author draws attention to such an essential element of the constitutional and legal status of the Ombudsman in General, and the Ombudsman for migration in particular, as the principles of its activities. Analyzing these principles, the author comes to the conclusion that it is necessary to focus on such moral principles of the Ombudsman's activities as humanism, justice, non-discrimination and tolerance, professionalism and competence, compliance with international law, mobility and the ability to persuade. After analyzing the German migration legislation, the author comes to the conclusion that in Germany the institution of the Commissioner for migrants is institutionalized at the Federal level and at the level of the subjects of the Federation - Federal lands. The range of tasks facing this Institute in Germany is considered. The issues of interaction of the migration Ombudsman with the Commissioner of the Federal government for immigrants and national minorities in Germany and civil society institutions are investigated. At the end of the study of constitutional and legal status, the author comes to the conclusion that the German model of the Federal migration Ombudsman has the features of an "Executive" model, and regional ombudsmen can be attributed to the so-called "quasi-Ombudsman" model.

Keywords: legal status of the Ombudsman, principles of activity of ombudsmen, Commissioner for human rights on migration, Federal Commissioner for migration, refugees and integration of Germany, regional ombudsmen, migrants, stateless persons, settlers, refugees.

Spisok literatury

1. Semenova A.YU. Upolnomochennye po pravam cheloveka v mekhanizme obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk: TGU. Tyumen', 2006. 29 s.
2. CHuksina V.V. Gosudarstvennye specializirovannye organy po sodejstviyu i zashchite prav cheloveka v Rossii i zarubezhnyh stranah. Monografiya. Irkutsk: 2014. - S. 147
3. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Ausländische Bevölkerung. Ergebnisse des- Ausländerzentralregisters. Fachserie 1. Reihe 2. Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 2010 (erschienen am: 04. März 2010). 303 S.
4. Bericht der Beauftragten der Bundesregierung für Migration, Flüchtlinge und Integration über die Lage der Ausländerinnen und Ausländer in Deutschland. Berlin: Die Beauftragte der Bundesregierung für Migration, Flüchtlinge und Integration. Juni 2010. S. 356.
5. Migrationbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung (Migrationbericht 2008); Bonn: Bundesministerium des Innern, Bundesamt fur Migration und Flüchtlinge (aktuell fur den 03.02.2010). 381 S
6. Die Beauftragte für Migration, Flüchtlinge und Integration. Aufgaben und Ziele. // Access mode: www.integrationsbeauftragte.de
7. Nuzhno li Germanii ministerstvo integracii.//Elektronnyj resurs https://www.dw.com/ru
8. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Ausländische Bevölkerung. Ergebnisse des-Ausländerzentralregisters. Fachserie 1. Reihe 2. Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 2010 (erschienen am: 04. März 2010). 303 S.
9. CHuksina V.V. Instituty po sodejstviyu i zashchite prav cheloveka v Rossijskoj Federacii (konstitucionno-pravovoe issledovanie). Monografiya. Irkutsk: Izd-vo OOO «Megaprint», 2012. – s.75.
10. Migrationbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung (Migrationbericht 2008); Bonn: Bundesministerium des Innern, Bundesamt fur Migration und Flüchtlinge (aktuell fur den 03.02.2010). 381 S.
11. Beauftragter der Bundesregierung fur Aussiedlerfragen und nationale Minderheiten in Deutschland Electronic resource. // Access mode: www.aussiedlerbeauftragter.de

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 84-90.

УДК: 342.7

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВОПРОСЫ СМЯГЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Убасев В. В., Осипов И. В.

В статье проанализированы отдельные аспекты применения судами положений ст. 54 конституции Российской Федерации при рассмотрении судами гражданских дел. Дана оценка сложившейся судебной практике, выделены её основные направления, изложены позиции представителей юридической науки по данному вопросу. Сформулированы выводы о критериях и пределах допустимости применения норм о ретроспективном действии закона, смягчающего ответственность виновного лица, в делах, вытекающих из частноправовых отношений. В частности, обосновывается вывод о том, что применение норм ст. 54 Конституции Российской Федерации при определении гражданско-правовой ответственности является допустимым. Данный вывод следует и из содержания норм ч. 1 ст. 15 Конституции при сопоставлении их с положениями ч. 1 ст. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации. При определении применимости указанных конституционных положений следует исходить из интересов всех участников гражданского судопроизводства в совокупности. Оценена роль судейского усмотрения при разрешении подобных споров. Авторами поддерживается тезис о применении рассмотренных подходов и в спорах, сторонами (одной из сторон) в которых являются юридические лица.

Ключевые слова: Конституция, Гражданский кодекс, гражданско-правовая ответственность, ретроспективное применение закона, арбитражный суд, судейское усмотрение, частноправовые отношения, смягчение ответственности, пределы правоприменения, прямое действие Конституции.

Право на применение закона, смягчающего или устраняющего ответственность виновного лица, установленное ст. 54 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция), является одним из основных прав человека и гражданина.

В соответствии с ч. 1 ст. 15 Конституции РФ «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». Однако на практике возникают вопросы, связанные с возможностью непосредственного применения норм Конституции РФ к отношениям, урегулированным нормами отраслевого законодательства, например, нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Частным случаем «столкновения» конституционного и отраслевого регулирования является вопрос о возможности применения норм ст. 54 Конституции РФ и при определении размера гражданско-правовой ответственности, когда закон, смягчающий ответственность, не содержит положений о возможности его ретроспективного применения. Также нельзя однозначно сказать о том, применимы ли положения данной статьи в отношениях, участниками которых являются юридические лица.

Целью исследования является определение пределов допустимости применения норм ст. 54 Конституции РФ при решении вопроса об ответственности виновного лица в рамках частноправовых отношений.

Для достижения цели исследования необходимо рассмотреть вопрос о возможности применения норм Конституции РФ и при регулировании гражданско-правовых отношений в части определения ответственности виновного лица, опре-

делить возможность прямого применения норм ст. 54 Конституции при конкуренции между ними и положениями гражданского законодательства и определить возможные пути решения данной проблемы. Для подкрепления теоретического анализа эмпирическими данными, провести анализ судебной практики по вопросам определения размера гражданско-правовой ответственности с применением положений ч. 2 ст. 54 Конституции РФ.

С точки зрения гражданского законодательства, вопрос о ретроспективном действии норм гражданского права имеет однозначное решение: так, в п. 1 ст. 4 ГК РФ указано, что «акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом». Таким образом, по общему правилу, нормы гражданского права не могут применяться ретроспективно, включая и нормы о гражданско-правовой ответственности. Никаких исключений для той или иной группы норм ГК РФ не делает.

Однако в судебной практике существуют разночтения в части применения норм гражданского законодательства об ответственности к отношениям, возникшим до вступления данных норм в силу. Так, в ряде случаев, суды игнорировали положения п. 1 ст. 4 ГК РФ, аргументируя свою позицию тем, что в соответствии с ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации, закон, смягчающий ответственность, имеет обратную силу. В частности, такие позиции арбитражных судов были изложены в Постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 апреля 2019 г. № Ф03-1548/2019 по делу А24-3917/2018, Постановлении Федерального Арбитражного Суда Поволжского округа от 22 декабря 2011 г. по делу А55-3161/2011, Постановлении Арбитражного Суда Московского округа от 11 марта 2020 г. по делу А41-10359/2016. Данный подход опирается именно на нормы Конституции РФ. Так, ч. 1 ст. 15 Конституции РФ устанавливается верховенство конституционных норм по отношению к нормам иных нормативных правовых актов (далее – НПА), составляющих систему российского права. Более того, положения об обратной силе закона содержатся в главе второй Конституции РФ, имеющей особый статус в структуре самого правового акта [1, с. 857]. В свою очередь, ч. 2 ст. 54 Конституции никак не разъясняет, к каким видам юридической ответственности могут быть применены её положения.

В Постановлении от 16 января 2001 г. № 1-О по делу о проверке конституционности примечания 2 к статье 158 Уголовного Кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Скородумова Дмитрия Анатольевича Конституционный Суд РФ сформировал позицию, согласно которой статья 54 Конституции РФ закрепляет общее правило, согласно которому ответственность за правонарушение определяется законом, действующим во время его (правонарушения) совершения, и единственным исключением из этого правила является закон, устраняющий или смягчающий ответственность. Эти предписания являются обязательными как для законодателя, так и для правоприменителей. По мнению отдельных представителей науки конституционного права, «данное конституционное установление является по своему характеру универсальным: оно адресовано всем правоприменителям при выборе нормы, подлежащей применению в каждом конкретном деле; обязательно для законодателя при принятии им норм о введении закона в действие и, наконец,

касается всех видов юридической ответственности» [2, с. 356]. Исходя из изложенной позиции, нормы Конституции Российской Федерации об обратной силе закона, смягчающего ответственность, обязательны к применению, в том числе, при рассмотрении судами гражданских дел.

Более того, из содержания п. 4.3 Постановления Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П следует, что, при рассмотрении дела, суд обязан применить правила об обратной силе закона, смягчающего ответственность, даже в случае отсутствия ходатайства виновного лица о применении данной нормы.

Ещё одним аргументом в пользу рассматриваемой позиции является особый статус Конституции РФ и как нормативного правового акта, обладающего высшей юридической силой. Несмотря на существование самостоятельной, обособленной отрасли конституционного (государственного) права РФ, имеющей собственные предмет и метод правового регулирования, Конституция РФ является источником права и для иных отраслей. Именно в её нормах-принципах берут своё начало гражданское, административное, трудовое и иные отрасли российского права [3, с. 245; 4, с. 46; 5, с. 14;]. В свою очередь, примат Гражданского кодекса РФ, установленный в абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ, не распространяется на Конституцию РФ, что следует из положений ч. 1 ст. 15 Конституции РФ [6, с. 59].

Представляется, что такой подход в судебной практике, хотя и соответствует формальным критериям правоприменения, не в полной мере отражает сущность правового регулирования горизонтальных общественных отношений – отношений, основным признаком которых является формальное равенство их участников.

Противники этого подхода утверждают, что статья 54 Конституции РФ об обратной силе закона, смягчающего или устраняющего ответственность, рассчитана на отношения в сфере публичного права и не применяется к гражданским правоотношениям, так как они основаны на таких принципах как равенство и свобода воли участников гражданско-правовых отношений. В частности, данного подхода придерживается Н.Ю. Рассказова [7, с. 35-50]. Со временем изменилась и позиция Конституционного Суда РФ, который в своём определении от 02 июля 2015 г. №1539-О указал следующее: «...законодатель, реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, учитывает специфику регулируемых правом общественных отношений; обратная сила закона применяется преимущественно в отношениях, которые возникают между индивидом и государством в целом, и делается это в интересах индивида (уголовное законодательство, пенсионное законодательство); в отношениях, субъектами которых выступают физические и юридические лица, обратная сила не применяется, ибо интересы одной стороны правоотношения не могут быть принесены в жертву интересам другой, не нарушившей закон».

Идущая по такому пути практика арбитражных судов акцентирует внимание на том, что нормы статьи 54 Конституции Российской Федерации направлены на защиту лиц, привлекаемых к ответственности в рамках публично-правовых отношений. Девятый Арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 05 ноября 2019 г. № 09АП-60916/2019-ГК по делу А40-16991/2019, что исходя из легального определения термина публично-правовая ответственность следует рассматривать её как «форму государственного принуждения, применяемую в отношении лиц, совершивших противоправные, общественно опасные, виновные деяния, реализуемую в целях защиты публично-правовых интересов исключительно по инициативе госу-

дарства, дифференцированную по правовой форме и процедурам применения в зависимости от вида и тяжести деяния». Арбитражный суд Самарской области в Решении от 04 февраля 2020 г. по делу А55-30485/2019 обосновал невозможность применения статьи 54 Конституции РФ тем, что данное положение имеет прямое действие, однако конкретизируется в отраслевом законодательстве, а придание обратной силы закону является исключением из общего правила действия нормативного правового акта во времени. В сфере гражданских правоотношений действие норм материального права во времени подчиняется пункту 1 статьи 4 ГК РФ, согласно которому акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Также суд указал, что позиция ответчика со ссылкой на статью 54 Конституции РФ вступает в противоречие со ст. 422 ГК РФ.

Полагаем, что при рассмотрении подобных споров сквозь призму п. 2 ст. 422 ГК РФ, закон, смягчающий ответственность виновного лица, применяться не должен. Однако здесь возникает вопрос о том, являются ли, например, гражданско-правовые отношения по заключению договора и определению ответственности за его неисполнение или ненадлежащее исполнение одним целым. При заключении договора стороны заинтересованы не в привлечении контрагента к ответственности, а в исполнении им обязательств и, таким образом, исходят из принципа добросовестности, установленного п. 3 ст. 1 ГК РФ. Если срок действия договора является достаточно длительным и законодательство, на которое опираются его положения, в части ответственности, было изменено, положения такого договора могли «устареть». Таким образом, к моменту решения вопроса об ответственности лица, нарушившего условия договора, его (договора) положения могут не соответствовать изменившимся социально-экономическим факторам, в то время как закон уже адаптирован к ним. Нужно помнить о том, что право является «надстройкой» над экономическим базисом. А. И. Илалутдинов указывает, что «...нормы права во взаимосвязи с другими правовыми регуляторами играют существенную роль при организации и упорядочении экономических отношений. Они способны создавать как модели будущих отношений, так и универсальные модели решения юридических задач (правовые конструкции)» [8, с. 100]. Таким образом, право должно быть актуальным, соответствовать вызовам сегодняшнего дня, а не регулировать общественные отношения, основываясь на тех правилах, которые были актуальны в прошлом. Точно такие же требования должны предъявляться и к правоприменению.

Рассмотренная выше судебная практика, идущая по пути применения положений Конституции РФ к гражданско-правовой ответственности, показывает, что применение ответственности по своей сути несет не карательную функцию, а восстановительную, следовательно, необходимо сохранить баланс интересов, и гражданское законодательство основывается на положениях Конституции. В частности, в таких делах прослеживается явная взаимосвязь положений статьи 54 Конституции РФ и норм гражданского законодательства. В этих спорах судьи применили положения статьи 54 Конституции РФ к отношениям, возникающим из договора железнодорожной перевозки, которые фактически прекратились до вступления в силу закона, вносящего изменения в нормы об ответственности перевозчика и, таким образом, улучшающие положение виновного лица, а обращение за защитой нарушенного

права со стороны истца произошло уже после вступления в силу данных изменений в законодательстве.

Отсюда следует вполне логичный вывод о том, что, в частности, нормы Федерального закона «О внесении изменения в статью 97 Устава Железнодорожного транспорта Российской Федерации» от 02 августа 2019 г. № 266 (далее – ФЗ № 266), вступившие в силу со дня его официального опубликования, не распространяются на ранее возникшие общественные отношения. Разночтения в позициях арбитражных судов по вопросу целесообразности применения или неприменения положений ФЗ № 266 объясняются, иногда имеющим место в судебной практике, формальным подходом. С одной стороны – положения статьи 4 ГК РФ не позволяют придать закону обратную силу, с другой – базовые принципы добросовестности и равенства сторон указывают на целесообразность противоположного подхода: применения норм права по «духу закона».

В данном случае представляется правильной именно вторая позиция. Для справедливого рассмотрения спора с учетом всех обстоятельств дела судья может воспользоваться правом на судейское усмотрение, что в итоге позволит разрешить возникший между сторонами спор не только с точки зрения формальных требований законодательства, но и с учетом изменений в общественной жизни.

Говоря об эффективном применении института судейского усмотрения стоит обратить внимание на решение Арбитражного суда Самарской области от 19 августа 2018 г. по делу А55-13901/2019, в котором суд пришел к выводу о том, что сложившиеся обстоятельства «…позволяют суду квалифицировать просрочку доставки как незначительную, являющуюся основанием для применения ст. 333 ГК РФ». Рассмотрев обстоятельства дела, суд указал, что применение обратной силы закона, смягчающего ответственность виновного лица, в данном споре, позволит сохранить баланс интересов сторон, не допустив при этом извлечение какой-либо финансовой выгоды одной стороной за счет другой в связи с начислением денежных санкций.

Ещё одним важнейшим вопросом, касающимся специфики применения норм ст. 54 Конституции РФ, является возможность применения её положений в отношениях, сторонами которых являются юридические лица. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в Постановлении от 5 января 1995 по делу № К4-Н-7/2648 указал, что так как данная норма находится в гл. 2 Конституции РФ, закрепляющей права и свободы человека и гражданина, она не может быть применена в отношениях, участниками которых являются юридические лица. Однако представляется, что такая позиция не соответствует сущности конституционного регулирования. Здесь стоит согласиться с В. Кузнецовым, который указывает, что данный вывод Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ имеет отрицательные последствия, суть которых заключается в том, что целая группа субъектов права (юридические лица) выводится из-под действия конституционных норм. Подобный подход лишает юридические лица не только защиты со стороны конституционных положений, но и освобождает их от ряда обязанностей, содержащихся в гл. 2 Конституции РФ [9].

Возвращаясь к вопросу о ретроспективном действии закона, улучшающего положение виновного лица, стоит отметить, что здесь, в первую очередь, важно найти баланс между частными интересами истца и существом правового регулирования. Как мы видим, в судебной практике есть примеры, когда суды абсолютно оправданно применяли закон в новой редакции к ранее возникшим отношениям.

Представляется, что, в свою очередь, вопрос о целесообразности применения положений ч. 2 ст. 54 Конституции в спорах, возникающих из отношений власти-подчинения должен однозначно решаться в пользу более слабого субъекта.

Таким образом:

1. Из анализа существующей судебной практики следует, что применение норм ст. 54 Конституции РФ при определении гражданско-правовой ответственности является допустимым. Данный вывод следует и из содержания норм ч. 1 ст. 15 Конституции при сопоставлении их с положениями ч. 1 ст. 4 Гражданского кодекса РФ. При определении применимости указанных конституционных положений следует исходить из интересов всех участников гражданского судопроизводства в совокупности.

2. С точки зрения принципов справедливого, добросовестного и разумного правоприменения, целесообразно разделять общественные отношения, связанные с заключением и исполнением гражданско-правовых договоров от отношений по определению ответственности за их неисполнение либо ненадлежащее исполнение.

3. Конституция Российской Федерации, как нормативный правовой акт прямого действия, обладающий высшей юридической силой, является не только источником государственного права России, но и иных отраслей. Положения Конституции могут напрямую регулировать, в том числе, гражданско-правовые отношения.

4. Непосредственное применение норм Конституции Российской Федерации при разрешении частноправовых споров возможно исходя из судейского усмотрения. При этом, суд должен учитывать фактические обстоятельства дела и исходить из необходимости сохранения баланса интересов сторон.

5. Применение положений ст. 54 Конституции Российской Федерации в отношениях, участниками которых являются юридические лица, возможно. Любое юридическое лицо представляет собой правовую фикцию, а конечным его бенефициаром всегда является физическое лицо, интересы которого и призваны защищать положения гл. 2 Конституции.

Список литературы

1. Юсифова Л. А., Безуглов С. В. Иерархия норм в Конституции РФ // Сборник статей по материалам X Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 120-летию И. С. Косенко. Отв. за вып. А. Г. Кощаев. 2017. С. 856-857.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) 2-е издание, пересмотренное / под ред. В.Д. Зорькина М. Норма, Инфра-М. 2011. 1008 с.
3. Гурина В.А. Конституция Российской Федерации и Гражданский кодекс как основные источники гражданского права // В сборнике: Межотраслевые проблемы формирования правовой культуры в молодежной среде сборник научных статей II межвузовской студенческой научно-практической конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Донской государственный технический университет, Факультет «Юридический». 2019. С. 244-245.
4. Лаптев В. А. Конституция России как основной источник предпринимательского права // Lex russica (Русский закон). 2015. Т. 103. № 6. С. 39-47.
5. Алексеев К. В. Конституция Российской Федерации как источник трудового права // В сборнике: Актуальные вопросы конституционно-правового регулирования модернизации российского общества (к 20-летию Конституции РФ) сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. 2013. С. 11-15.
6. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. Ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1: Общая часть. М.: Статут. 2019. 576 с.
7. Рассказова Н. Ю. Действие актов гражданского законодательства во времени // Арбитражные споры. 2019. № 2 (86). С. 31-52.
8. Илалутдинов А. И. Норма права как основной регулятор экономических отношений: понятие, структура, значение // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 1 (13). С. 96-101.
9. Кузнецов В. Конституция и права юридических лиц // Российская юстиция. 1997. № 4. - Режим доступа: Гарант (справочно-правовая система).

V.V. Ubasev, I.V. Osipov. Constitutional regulation of private legal relations: issues of reducing liability // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 84-90.

The article analyzes certain aspects of the application of the provisions of Art. 54 of the Constitution of the Russian Federation when considering civil cases by courts. An assessment of the existing judicial practice is given, its main directions are highlighted, the positions of representatives of legal science on this issue are stated. Conclusions are formulated about the criteria and limits of admissibility of the application of the norms on the retrospective effect of the law mitigating the responsibility of the guilty person in cases arising from private law relations. In particular, it substantiates the conclusion that the application of the norms of Art. 54 of the Constitution of the Russian Federation in determining civil liability is permissible. This conclusion also follows from the content of the norms of Part 1 of Art. 15 of the Constitution when comparing them with the provisions of Part 1 of Art. 4 of the Civil Code of the Russian Federation. When determining the applicability of these constitutional provisions, one should proceed from the interests of all participants in civil proceedings in the aggregate. The role of judicial discretion in the resolution of such disputes is assessed. The authors support the thesis about the application of the considered approaches and in disputes where the parties (one of the parties) are legal entities.

Keywords: Constitution, Civil Code, civil liability, retrospective application of the law, arbitration court, judicial discretion, private law relations, mitigation of liability, limits of law enforcement, direct action of the Constitution.

Spisok literatury

1. YUsifova L. A., Bezuglov S. V. Ierarhiya norm v Konstitucii RF // Sbornik statej po materialam H Vserossijskoj konferencii molodyh uchenyh, posvyashchennoj 120-letiyu I. S. Kosenko. Otv. za vyp. A. G. Koshchaev. 2017. S. 856-857.
2. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii (postatejnyj) 2-e izdanie, peresmotrennoe / pod red. V.D. Zor'kina M. Norma, Infra-M. 2011. 1008 s.
3. Gurina V.A. Konstituciya Rossijskoj Federacii i Grazhdanskij kodeks kak osnovnye istochniki grazhdanskogo prava // V sbornike: Mezhotraslevye problemy formirovaniya pravovoj kul'tury v molodezhnoj srede sbornik nauchnyh statej II mezhvuzovskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii. Donskoj gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet, Fakul'tet «YUridicheskij». 2019. S. 244-245.
4. Laptev V. A. Konstituciya Rossii kak osnovnoj istochnik predprinimatel'skogo prava // Lex russica (Russkij zakon). 2015. T. 103. № 6. S. 39-47.
5. Alekseev K. V. Konstituciya Rossijskoj Federacii kak istochnik trudovogo prava // V sbornike: Aktual'nye voprosy konstitucionno-pravovogo regulirovaniya modernizacii rossijskogo obshchestva (k 20-letiyu Konstitucii RF) sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ryaz. gos. un-t im. S.A. Esenina. 2013. S. 11-15.
6. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. / otv. Red. E.A. Suhanov. – 2-e izd., pererab. i dop. T. 1: Obshchaya chast'. M.: Statut. 2019. 576 s.
7. Rasskazova N. YU. Dejstvie aktov grazhdanskogo zakonodatel'stva vo vremeni // Arbitrazhnye spory. 2019. № 2 (86). S. 31-52.
8. Ilalutdinov A. I. Norma prava kak osnovnoj regulyator ekonomicheskih otnoshenij: ponyatie, struktura, znachenie // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2010. № 1 (13). S. 96-101.
9. Kuznecov V. Konstituciya i prava yuridicheskih lic // Rossijskaya yusticiya. 1997. № 4. – Rezhim dostupa: Garant (spravochno-pravovaya sistema).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 91-100.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК: 343.9

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ

Аведян А.А.

Краснодарский университет МВД России

Профессиональная виктимность сотрудников органов внутренних дел, обусловленная, прежде всего, спецификой выполняемой ими служебной деятельностью в сфере внутренних дел, в частности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, определяет параметры их виктимизации при совершении в отношении них различного рода преступлений. Выделение на основе системообразующих виктимологических и мотивационных критериев, а также способа совершения преступления насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел, в отдельную самостоятельную группу преступлений требует определение непосредственного круга данных преступлений. Основную (как по характеристике объекта преступления, так и по интенсивности воспроизводства преступного поведения) группу насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел, составляют такие преступления против порядка управления (глава 32 УК РФ), как посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), а также применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ). По интенсивности применяемого насилия и его последствиям объективная сторона данных преступлений охватывает широкий спектр действий в отношении сотрудников органов внутренних дел – от угрозы применения насилия до убийства. Субъективная сторона указанных преступлений характеризуется непосредственной связью действий виновного с исполнением сотрудником ОВД своих должностных обязанностей, в частности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) не имеет насильственного характера

Ключевые слова: насилие, преступление, сотрудник органов внутренних дел, сотрудник правоохранительного органа представитель власти, порядок управления.

При определении категории насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД), следует исходить из того, что критериями выделения данных преступлений в отдельную самостоятельную группу, является принадлежность жертвы преступления к специфической обособленной социальной группе – сотрудникам ОВД, а также насильственный способ их совершения. В соответствии с данными критериями под насильственными преступлениями, совершаемыми в отношении сотрудников ОВД, на наш взгляд, следует понимать умышленные преступления, совершаемые насильственным способом (посредством физического и/или психического насилия) и мотивированные принадлежностью жертвы к группе сотрудников ОВД – лицам, проходящих в соответствии с законодательством РФ службу на должности сотрудника ОВД, независимо от категории занимаемой должности, характера профессиональных функций, осуществляемых в сфере внутренних дел, а также от

территориального уровня организации ОВД. Таким образом, рассматриваемая категория преступлений охватывает широкий спектр насильственных преступных посягательств, совершаемых в отношении всех, лиц относящихся к числу сотрудников ОВД, объединенных системообразующими виктимологическими и мотивационными критериями.

Хотя мотивированность преступлений принадлежностью жертвы к группе сотрудников ОВД определяет совершение их как по мотивам воспрепятствования их служебной деятельности, мести за таковую и т.п., т.е. непосредственно в связи с осуществлением сотрудником профессиональной служебной деятельности, так и совершение их по мотивам ненависти к сотрудникам ОВД как представителям обособленной специфической социальной группы, в качестве одной из основных групп насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, следует выделить преступления против порядка управления (глава 32 УК РФ), а именно: посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) и применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ).

Статья 317 УК РФ предусматривает ответственность за «посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо из мести за такую деятельность» [1].

Следует согласиться с мнением ученых о том, что поскольку данная норма предусматривает ответственность за особо тяжкое преступление в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет, либо пожизненного лишения свободы, либо смертной казни, недопустимым является отсутствие легального указания и единообразного доктринального подхода к определению понятия «сотрудник правоохранительного органа» и, таким образом, четкого определения круга потерпевших в данном преступлении [2, с. 22]. В то же время, не вызывает сомнений то, что к числу сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, относятся сотрудники ОВД.

Как отмечают исследователи, в судебной практике не встречается ошибок, связанных с отнесением лица к сотруднику правоохранительного органа, а немногочисленные трудности вызывает установление факта выполнения потерпевшим деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, законность выполнения которой является предметом судебного разбирательства [3, с. 57-65]. При этом анализ судебной практики показывает, что потерпевшим по ст. 317 УК РФ преимущественно (88,54%) являются сотрудники правоохранительных органов, подавляющее большинство которых составляют именно сотрудники ОВД (79,41%) [4, с. 290].

По интенсивности применяемого насилия и его последствиям объективная сторона посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) охватывает как убийство данного лица, так и покушение на его убийство.

Так, М. в 2016 г. на территории Республики Дагестан создал вооруженное формирование, не предусмотренное федеральным законом. Участники данного формирования, вооруженные огнестрельным оружием и боеприпасами,

следовавшие по автомобильной дороге, были остановлены сотрудниками полиции для проверки документов. Опасаясь того, что сотрудники полиции могли выявить наличие у них огнестрельного оружия и во избежание привлечения к уголовной ответственности за это, совершили посягательство на жизнь сотрудников в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, произведя в них выстрелы из незаконно хранившегося при себе огнестрельного оружия, после чего скрылись с места происшествия. В результате чего от полученных огнестрельных ранений один сотрудник полиции скончался на месте, второй скончался, не приходя в сознание в медицинском учреждении, а еще одному сотруднику был причинен тяжкий вред здоровью [5].

Следует отметить, что причинение смерти сотруднику ОВД в результате посягательства на его жизнь имеет место преимущественно в случаях совершения преступления организованной группой лиц или преступным сообществом, а также при совершении «заказных» преступлений. При совершении различных, так называемых, «бытовых» преступлений и преступлений, совершаемых в общественных местах, с которыми сотрудники ОВД сталкиваются в повседневной служебной деятельности, в большинстве случаев действия преступника пресекаются на стадии покушения на убийство. Последнее, на наш взгляд, обусловлено высоким уровнем служебно-боевой подготовки сотрудников ОВД.

Так, А., находясь в помещении железнодорожного вокзала в целях воспрепятствования своему задержанию полицейским ППС (сотрудником полиции К. и стажером по должности полицейского Х.) за ранее осуществленное нападение на полицейского, попытался нанести К. ножом удар в область головы. Однако, К., предвидя опасность для своей жизни, от нанесенного удара уклонился, а удар пришелся в форменную кепку, а от повторного удара ножа в голову прикрылся левой рукой, в результате чего удар ножом пришёлся в его левое предплечье. Затем А. нанес удар находившимся в его правой руке клинком ножа в грудную клетку Х. слева в область сердца, в результате чего последнему было причинено проникающее колото-резанное ранение грудной клетки слева. Смерть сотрудников полиции не наступила в связи с тем, что А. был задержан, а Х. была своевременно оказана квалифицированная медицинская помощь [6].

Субъективная сторона посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) характеризуется такими обязательными признаками как: а) цель – воспрепятствование законной деятельности потерпевшего по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности; б) мотив – месть потерпевшему за деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. В преимущественном большинстве случаев имеет место совершение данного деяния с указанной целью. Совершение же посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа из мести за данную деятельность может иметь место в различных темпоральных параметрах, в том числе непосредственно после осуществления сотрудником правоохранительного органа его служебной деятельности.

Так, А., после составления сотрудниками полиции, сопровождающими поезд в котором он следовал в качестве пассажира, в отношении него протокола об административном правонарушении (за нарушение общественного порядка и

спокойствие пассажиров, а также создание помех в работе проводника, совершенные в состоянии алкогольного опьянения) был высажен с поезда и передан сотрудникам отделения ОВ ППС полиции линейного отдела на транспорте Ф. и С., которые выдворили его с территории железнодорожной станции. А из чувства мести, за законную деятельность сотрудников полиции, в результате которой, он не смог уехать в город следования, достал из своей багажной сумки нож, и, подойдя к полицейскому С., умышленно, с целью причинения смерти, нанес ему один удар ножом в живот, а затем попытался нанести ещё несколько ударов ножом в область груди и живота. Однако С. уклонился и блокировал удары, а затем сообщил по радиостанции о совершенном нападении. Далее С. пошел в кассовое здание, а А. стал его преследовать. В это время, Ф., незамедлительно отреагировав на сообщение о помощи, прибыл на место происшествия и потребовал А. остановиться. В ответ, А. с целью реализации своего ранее возникшего умысла, несколько раз пытался нанести удары в область груди Ф. Однако Ф. блокировал удары, уклонился, достал табельный пистолет и предупредил А. о намерении применить оружие. После этого А. желая скрыться с места происшествия, вновь пытался нанести Ф. несколько ударов ножом в область груди, но последний блокировал удары, выбил нож и задержал его. В результате действиями А. полицейскому С. были причинены телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни [7].

Статья 318 УК РФ предусматривает ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозу применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей (ч. 1), а также за применение в отношении указанных лиц насилия, опасного для жизни или здоровья (ч. 2) [1].

Определение потерпевшего по данному преступлению необходимо осуществлять исходя, прежде всего, из содержания примечания к ст. 318 УК РФ, согласно которого «представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости» [2]. Не вступая в дискуссию относительно идентичности понятий «сотрудники правоохранительных органов» и «представители власти» и объема их содержания [4, с. 305, 312-314; 8, с. 14-15; 9, с. 13], при этом учитывая то, что факт того является ли должностное лицо правоохранительного органа представителем власти или нет, определяется исключительно характером его полномочий, отметим, что в судебно-следственной практике не возникает вопросов по поводу отнесения сотрудников ОВД к категории представителей власти.

Исследования преступлений против порядка управления показывают, что потерпевшими по ст. 318 УК РФ в преимущественном большинстве случаев (95,3%) выступают такие представители власти, как сотрудники полиции (в т.ч. сотрудники ГИБДД (14,58%), вневедомственной охраны (4,86%) и пр.) [4, с. 313]. По интенсивности применяемого насилия и его последствиям объективная сторона применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) охватывает: а) применение насилия, не опасного для жизни или здоровья (ч. 1); б) угрозу

применения насилия (ч. 1); 3) применение насилия, опасного для жизни или здоровья (ч. 2). В судебно-следственной практике оценка насилия применительно к данному составу преступления, как правило, не вызывает трудностей и ошибок, поскольку подход к оценке насилия, опасного и не опасного для жизни и здоровья, в данном случае идентичен его оценке при грабеже и разбое. При этом исследователи отмечают, что прямую отсылку к постановлению Пленума ВС РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [10], можно встретить в судебных приговорах при толковании насилия по данной категории преступлений [4, с. 332].

Применение насилия в отношении представителя власти преимущественно выражается в применении насилия, не опасного для жизни или здоровья. Так, Г., находясь в состоянии алкогольного опьянения, пребывая в помещении коридора медицинского учреждения, препятствуя законным действиям сотрудника полиции, направленным на прохождение Г. медицинского освидетельствования в рамках административного материала и пресечения совершаемого ею нарушения общественного порядка, нанесла полицейскому (кинологу) отделения ППС К. два удара кулаком правой руки в область груди, чем причинила К. физическую боль [11].

Наименьшее количество преступлений, предусмотренных ст. 318 УК РФ, совершается путем применения насилия, опасного для жизни или здоровья.

Так, оперуполномоченные отдела уголовного розыска Я. И Н., осуществляли комплекс оперативно-розыскных мероприятий по доставлению в дежурную часть находящегося в федеральном розыске В. По пути следования В., находясь в состоянии алкогольного опьянения, на заднем пассажирском сиденье служебного автомобиля, действуя умышленно, из мести за правомерные действия сотрудников полиции, нанес несколько ударов кулаками в область головы полицейского Я., причинив ему повреждения не причинившие вреда здоровью, а также нанес удар кулаком правой руки по наружной части кисти правой руки Я., причинив последнему повреждение в виде закрытого перелома пятой пястной кости правой кисти, квалифицирующееся как средней тяжести вред здоровью [12].

Угроза в отношении представителя власти, как способ совершения преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, представляет собой проявление психического насилия, «объективно выражающего намерение причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, путем осуществления физического насилия любой степени интенсивности, достаточного для возникновения у потерпевшего основания для опасения осуществления угрозы (реальность угрозы)» [13, с. 11]. Как вид психического насилия, угроза реализуется посредством передачи потерпевшему «информации о решимости причинить существенный вред его интересам (жизни, здоровью, имуществу) либо запугивания лица намерением совершить в отношении его или его близких преступных действий» [14, с. 8], т.е. по своему содержанию информация, транслируемая в форме угрозы, должна быть ориентирована на причинение вреда правам и законным интересам личности, общества и государства [15, с. 19]. Таким образом, угроза способ совершения преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, должна соответствовать таким критериям, как: 1) реальность (наличность); 2) исполнимость; 3) иметь насильственный характер содержания.

Как указывает Н.К. Рудый, угроза в данном составе преступления охватывает

«действия или высказывания виновного, выражающие намерение немедленно применить насилие в отношении представителя власти или его близких» [16, с. 24-25]. В данном определении вызывает сомнение рациональность указания на такой признак угрозы, как «немедленное» ее исполнение, особенно, например, в случае угрозы убийством в отношении потерпевшего и иных угроз, осуществляемых с помощью средств коммуникации.

Что касается насильственного характера содержания угрозы применения насилия в отношении представителя власти или его близких, то фактически угроза может выражаться в транслируемом преступником намерении нанести побои либо совершить иные насильственные действия, причинить вред здоровью любой степени тяжести, а также причинить смерть потерпевшему.

Как указывают специалисты, на практике угроза, как способ совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, чаще всего выражается в угрозе причинения не конкретизированного насилия (физической расправы (вреда здоровью), выкидывания из окна, нанесения резанных ран и др.) в отношении потерпевшего [4, с. 335].

Так, полицейские А. и З., прибывшие на вызов по сообщению о причинении ножевого ранения, выявили в помещении кухни находившегося в состоянии алкогольного опьянения К., держащего в руке нож. Сотрудники полиции потребовали от К. передать им нож и прекратить противоправные действия. В ответ на действия сотрудников полиции К. высказывал в адрес полицейского А. угрозу применения к нему ножа и, демонстрируя его, стал приближаться к потерпевшему [17].

Рассматривая виды насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД в сфере порядка управления, отдельное внимание необходимо уделить преступлению, предусмотренному ст. 319 УК РФ.

Статья 319 УК РФ предусматривает ответственность за «публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнение» [1]. Среди ученых существуют диаметрально противоположные взгляды относительно насильственного [9, с. 28; 18, с. 8] либо ненасильственного [2, с. 11, 30] характера оскорбления представителя власти, равно как и относительно целесообразности установления уголовной ответственности за данное деяние вообще [19, с. 365-371.

Учитывая существенный превентивный (относительно иных преступлений против представителей власти) потенциал ст. 319 УК РФ и не вступая в полемику относительно целесообразности установления уголовной ответственности за оскорбление представителя власти, мы можем утверждать о ненасильственном характере данного деяния. Тот факт, что общественная опасность оскорбления представителя власти имеет место исключительно в случае совершения данного деяния публично свидетельствует о его направленности против авторитета органов власти, а не против личности конкретного представителя власти.

Рассмотрение оскорбления представителя власти как проявления психического насилия, способного причинить потерпевшему психическую травму, по нашему убеждению, является несостоятельным по следующим причинам. Во-первых, при оскорблении представителя власти негативная оценка дается не конкретной личности, а лицу, олицетворяющему власть, являющемуся ее носителем и ее реализующему. Во-вторых, оскорбление не способно причинить представителю

власти психическую травму, что обусловлено, как самим характером информационного воздействия при оскорблении, так и личностными характеристиками лиц, являющимися представителями власти, в частности, сотрудниками ОВД.

В соответствии с разделяемым нами подходом к пониманию и определению насилия [20, с. 144-151; 21, с. 59-65], таковым является такое противоправное энергетическое (физическое) и/или информационное (психическое) воздействие на человека, которое способно причинить ему смерть, физическую и/или психическую травму, а также ограничить свободу его волеизъявления или действий. Негативную же эмоциональную реакцию потерпевшего, выражающуюся в таких отрицательных эмоциях, как страх, обида, возмущение, гнев, переживания, горе, чувства незащищенности и утраты и пр., нельзя расценивать как психическую травму.

Что касается оскорбления действием, то мы полностью разделяем позицию ученых, что оскорбление представителя власти может быть осуществлено путем физического воздействия, но только с той оговоркой, что оскорбление действием не должно причинить физическую боль потерпевшему [4, с. 217]. В случае, когда оскорбительные действия имеют травматичный характер и как минимум причиняют физическую боль потерпевшему, такого рода действия необходимо квалифицировать как применение насилия, не опасного для жизни или здоровья (ст. 318 УК РФ).

Служба в правоохранительных органах, в частности в органах внутренних дел, определяет наличие соответствующих личностных качеств (моральная и стресс устойчивость и пр.), позволяющих надлежащим образом выполнять свои служебные функции, в том числе в экстремальных ситуациях. Действительно, такого рода ситуации, к сожалению, часто являются неотъемлемым фоном несения службы сотрудниками правоохранительных органов, что учитывается при морально-психологической и служебно-боевой подготовке последних.

Как справедливо указывает Г.А-о. Агаев, «представитель власти, и особенно сотрудник правоохранительного органа, по своим деловым и моральным качествам должен быть способным спокойно переносить такие действия, и не может допустить того, чтобы в результате оскорбления снизилась его активность в исполнении служебных обязанностей» [2, с. 11, 30]. И как показывает практика, как правило, в ответ на оскорбление сотрудники продолжают осуществлять свою нормальную (законную) деятельность, в т.ч. по задерживанию оскорбивших их лиц для дальнейшего привлечения последних к уголовной ответственности [4, с. 213-214, 216]. Таким образом, наличие необходимых (в том числе с точки зрения профессиональной пригодности к службе) личностных качеств у лица, проходящего службу в правоохранительных органах, в частности органах внутренних дел, исключают возможность причинения ему вреда в виде психической травмы посредством информационного воздействия в форме оскорбления, составляющего объективную сторону деяния, предусмотренного ст. 319 УК РФ.

С учетом изложенного можем сделать следующие выводы. Основную (как по характеристике объекта преступления, так и по интенсивности воспроизводства преступного поведения) группу насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, составляют такие преступления против порядка управления (гл. 32 УК РФ), как посягательство на жизнь сотрудника

правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), а также применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ).

По интенсивности применяемого насилия и его последствиям объективная сторона данных преступлений охватывает широкий спектр действий в отношении сотрудников ОВД: убийство, покушение на убийство, применение насилия, опасного для жизни или здоровья, применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, а также угрозу применения насилия. Среди указанных форм насилия в отношении сотрудников ОВД превалирует насилие, не опасного для жизни или здоровья, а также угроза его применения. Причинение смерти сотруднику ОВД в результате посягательства на его жизнь имеем место преимущественно в случаях совершения преступления организованной группой лиц или преступным сообществом, а также при совершении «заказных» преступлений.

Субъективная сторона указанных преступлений характеризуется непосредственной связью действий виновного с исполнением сотрудником ОВД своих должностных обязанностей, в частности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Данная связь определяется целью воспрепятствовать законной деятельности потерпевшего (что имеет место в большинстве случаев), а также местью за данную деятельность (может иметь место в различных темпоральных параметрах, в том числе непосредственно после осуществления сотрудником правоохранительного органа его служебной деятельности).

Оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) не имеет насильственного характера, поскольку исключительно публичность оскорбления указывает на его направленности против авторитета органов власти, а не против личности конкретного представителя власти. Кроме того, оскорбление не способно причинить представителю власти психическую травму, что обусловлено, как самим характером информационного воздействия при оскорблении, так и личностными характеристиками лиц, являющимися представителями власти, в частности, сотрудниками ОВД.

Список литературы

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Электронный ресурс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.09.2020). – Текст электронный.
2. Агаев Г. А-о. Преступления против порядка управления: проблемы теории и практика применения законодательства: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08. – Санкт-Петербург, 2006. – 43 с.
3. Филиппов П. А. Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа: доктринальные и практические проблемы квалификации // Законодательство. – 2017. – № 6. – С. 57-65.
4. Филиппов П. А. Преступления против порядка управления: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.08. – Москва, 2017. – 621 с.
5. Приговор Ленинского районного суд г. Махачкалы Республики Дагестан № 1-494/2017 от 16 ноября 2017 г. по делу № 1-494/2017.
6. Приговор Нижегородского областного суда № 2-26/2014 от 7 октября 2014 г. по делу № 2-26/2014.
7. Приговор Оренбургского областного суда № 1-7/2016 от 22 июня 2016 г. по делу № 1-7/2016.
8. Дроздов Д. Е. Криминологическая оценка и предупреждение применения насилия в отношении должностного лица правоохранительного органа: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Москва, 2020. – 258 с.
9. Сулейманова И. Е. Насильственные преступления против представителей власти в сфере порядка управления: уголовно-правовое и криминологическое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Уфа, 2015. – 204 с.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изменениями и дополнениями). Электронный ресурс. URL: http://base.garant.ru/1352873/ (дата обращения: 01.09.2020). – Текст электронный.
11. Приговор Комсомольского районного суда Ивановской области № 1-65/2019 от 30 декабря 2019 г. по делу № 1-65/2019.
12. Приговор Боровичского районного суда Новгородской области № 1-58/2020 1-610/2019 от 30 января 2020 г. по делу № 1-58/2020.
13. Смоляков Е. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Краснодар, 2015. – 182 с.
14. Имамутдинов А. Ф. Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Тюмень, 2009. – 21 с.
15. Клоченко Л. Н. Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Москва, 2019. – 33 с.
16. Рудый Н. К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08. – Москва, 2009. – 39 с.
17. Приговор Вологодского городского суда Вологодской области № 1-1384/2019 от 25 декабря 2019 г. по делу № 1-1384/2019
18. Брагина А. Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Красноярск, 2006. – 236 с.
19. Филиппов П. А. О необходимости декриминализации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – №3. – С. 365-371.
20. Игнатов А. Н. Насилие как способ совершения преступления: понятие и сущность // Форум права. – 2010. – № 3. – С. 144-151.
21. Игнатов А. Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2016. – № 4 (37). – С. 59-65.

Avedyan A. A. General description of violent crimes committed against employees of the internal affairs bodies in the sphere of order of management // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 91-100.

Professional'naya viktimnost' sotrudnikov organov vnutrennih del, obuslovlennaya, prezhde vsego, specifikoj vypolnyaemoj imi sluzhebnoj deyatel'nost'yu v sfere vnutrennih del, v chastnosti po ohrane obschestvennogo poryadka i obespecheniyu obschestvennoj bezopasnosti, opredelyaet parametry ih viktimizacii pri sovershenii v otnoshenii nih razlichnogo roda prestuplenij. Vydelenie na osnove sistemoobrazuyuschih viktimologicheskih i motivacionnyh kriteriev, a takzhe sposoba sovershenia prestupleniya nasil'stvennyh prestuplenij, sovershaemyh v otnoshenii sotrudnikov organov vnutrennih del, v otdel'nuyu samostoyatel'nuyu gruppu prestuplenij trebuet opredelenie neposredstvennogo kruga dannyh prestuplenij. Osnovnuyu (kak po harakteristike ob'ekta prestupleniya, tak i po intensivnosti vosproizvodstva prestupnogo povedeniya) gruppu nasil'stvennyh prestuplenij, sovershaemyh v otnoshenii sotrudnikov organov vnutrennih del, sostavlyayut takie prestupleniya protiv poryadka upravleniya (glava 32 UK RF), kak posyagatel'stvo na zhizn' sotrudnika pravoohranitel'nogo organa (st. 317 UK RF), a takzhe primenenie nasiliya v otnoshenii predstavitelya vlasti (st. 318 UK RF). Po intensivnosti primenyaemogo nasiliya i ego posledstviyam ob'ektivnaya storona dannyh prestuplenij ohvatyvaet shirokij spektr dejstvij v otnoshenii sotrudnikov organov vnutrennih del – ot ugrozy primeneniya nasiliya do ubijstva. Sub'ektivnaya storona ukazannyh prestuplenij harakterizuetsya neposredstvennoj svyaz'yu dejstvij vinovnogo s ispolneniem sotrudnikom OVD svoih dolzhnostnyh obyazannostej, v chastnosti po ohrane obschestvennogo poryadka i obespecheniyu obschestvennoj bezopasnosti. Oskorblenie predstavitelya vlasti (st. 319 UK RF) ne imeet nasil'stvennogo haraktera

Klyuchevye slova: nasilie, prestuplenie, sotrudnik organov vnutrennih del, sotrudnik pravoohranitel'nogo organa predstavitel' vlasti, poryadok upravleniya.

Spisok literatury

1. «Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 31.07.2020). Elektronnyj resurs. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya: 01.09.2020). – Tekst elektronnyj.
2. Agaev G. A-o. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya: problemy teorii i praktika primeneniya zakonodatel'stva: avtoreferat dis. ... doktora yuridicheskih nauk: 12.00.08. – Sankt-Peterburg, 2006. – 43 s.
3. Filippov P. A. Posyagatel'stvo na zhizn' sotrudnika pravoohranitel'nogo organa: doktrinal'nye i prakticheskie problemy kvalifikacii // Zakonodatel'stvo. – 2017. – № 6. – S. 57-65.

4. Filippov P. A. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya: teoretiko-prikladnye problemy i doktrinal'naya model' ugolovnogo zakona: dissertaciya ... doktora yuridicheskih nauk: 12.00.08. – Moskva, 2017. – 621 s.
5. Prigovor Leninskogo rajonnogo sud g. Mahachkaly Respubliki Dagestan № 1-494/2017 ot 16 noyabrya 2017 g. po delu № 1-494/2017.
6. Prigovor Nizhegorodskogo oblastnogo suda № 2-26/2014 ot 7 oktyabrya 2014 g. po delu № 2-26/2014.
7. Prigovor Orenburgskogo oblastnogo suda № 1-7/2016 ot 22 iyunya 2016 g. po delu № 1-7/2016.
8. Drozdov D. E. Kriminologicheskaya ocenka i preduprezhdenie primeneniya nasiliya v otnoshenii dolzhnostnogo lica pravoohranitel'nogo organa: dissertaciya ... kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.08. – Moskva, 2020. – 258 s.
9. Sulejmanova I. E. Nasil'stvennye prestupleniya protiv predstavitelej vlasti v sfere poryadka upravleniya: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie: dissertaciya ... kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.08. – Ufa, 2015. – 204 s.
10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27 dekabrya 2002 g. N 29 «O sudebnoj praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe» (s izmeneniyami i dopolneniyami). Elektronnyj resurs. URL: http://base.garant.ru/1352873/ (data obrashcheniya: 01.09.2020). – Tekst elektronnyj.
11. Prigovor Komsomol'skogo rajonnogo suda Ivanovskoj oblasti № 1-65/2019 ot 30 dekabrya 2019 g. po delu № 1-65/2019.
12. Prigovor Borovichskogo rajonnogo suda Novgorodskoj oblasti № 1-58/2020 1-610/2019 ot 30 yanvarya 2020 g. po delu № 1-58/2020.
13. Smolyakov E. V. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie prestupleniyam, posyagayushchim na zdorov'e, chest' i dostoinstvo predstavitelya vlasti: dissertaciya ... kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.08. – Krasnodar, 2015. – 182 s.
14. Imamutdinov A. F. Ugroza ili nasil'stvennye dejstviya v svyazi s osushchestvleniem pravosudiya ili proizvodstvom predvaritel'nogo rassledovaniya: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.08. – Tyumen', 2009. – 21 s.
15. Klochenko L. N. Psihicheskoe nasilie: voprosy ugolovno-pravovoj reglamentacii i kvalifikacii: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.08. – Moskva, 2019. – 33 s.
16. Rudyj N. K. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya, posyagayushchie na sluzhebnuyu deyatel'nost' i lichnost' predstavitelej vlasti: sravnitel'nyj analiz zakonodatel'stva Rossii i stran SNG: avtoreferat dis. ... doktora yuridicheskih nauk: 12.00.08. – Moskva, 2009. – 39 s.
17. Prigovor Vologodskogo gorodskogo suda Vologodskoj oblasti № 1-1384/2019 ot 25 dekabrya 2019 g. po delu № 1-1384/2019
18. Bragina A. G. Ugolovnaya otvetstvennost' za oskorblenie predstavitelya vlasti: dissertaciya ... kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.08. – Krasnoyarsk, 2006. – 236 s.
19. Filippov P. A. O neobhodimosti dekriminalizacii ugolovnoj otvetstvennosti za oskorblenie predstavitelya vlasti (st. 319 UK RF) // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. – 2017. – №3. – S. 365-371.
20. Ignatov A. N. Nasilie kak sposob sovershenia prestupleniya: ponyatie i sushchnost' // Forum prava. – 2010. – № 3. – S. 144-151.
21. Ignatov A. N. O nasilii, ego vidah i ih ugolovno-pravovom otrazhenii // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 4 (37). – S. 59-65.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 101-109.

УДК 343.3/.7

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НОТАРИУСА

Донская (Кавелина) О. Г., Москалева (Коваль) Е. Н.

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Привлечение частного нотариуса к уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями затруднено множеством законодательных условностей, к которым можно отнести необходимость установления цели извлечения выгод и преимуществ для себя или для других лиц либо цели нанесения вреда (имущественного или неимущественного) другим лицам. Нотариус как гарант законности и правопорядка не должен допускать при осуществлении своей профессиональной деятельности каких-либо противоправных действий. Это противоречит его статусу и ставит под сомнение значимость его роли в общественных отношениях. Исключение государственных нотариусов из правового поля в современной действительности требует новых, более жестких критериев в выявлении, установлении и правовой оценке противоправных действий, совершаемых частными нотариусами. Существенной проблемой обеспечения неотвратимости привлечения к уголовной ответственности частных нотариусов является законодательный пробел – отсутствие уголовно-правовой нормы, регламентирующей ответственность за превышение полномочий частных нотариусов.

Ключевые слова: виновность, гарант, гражданский оборот, защита прав, злоупотребление, превышение, институт нотариата, имущественный вред, нарушение, нотариус, основания уголовной ответственности, правоотношения, правовая система государства, профессионализм, противоправность действий, регламентация, толкование.

Услуги нотариуса, с момента зарождения нотариата, всегда были востребованы обществом, его функции арбитра и примирителя – гарант любых правоотношений. Сейчас нотариат является важнейшим элементом любой правовой системы и подлежит изменениям вместе с развитием государства и права. Современная модель развития российского нотариата ставит нотариуса в центр гражданского оборота и наделяет его полномочиями для оказания квалифицированной юридической помощи. В современной России начата реформа нотариата. Главным шагом к этому стала разработка проекта ФЗ «О нотариате и нотариальной деятельности» [1], ориентированного на оптимизацию. Законопроект о нотариате глава Минюста А. Коновалов назвал «не идеальным [2]. Несмотря на то, что проект вынесен на рассмотрение общественности в 2011 г., вопрос о его окончательном рассмотрении так и не поднимается. Нотариальная деятельность подлежит развитию вместе с правовой глобализацией, способствует защите новых сфер жизнедеятельности общества. При этом скоропостижные, в некоторых проявлениях, непредсказуемые экономические преобразования, а также глобальные изменения в сфере гражданско-правовых отношений ставят перед нотариусами все более сложные задачи. Так, наиболее востребованными в первый период действия ограничительных мер стали нотариальные действия, которые имеют «цифровую» составляющую. Поэтому основной смысл последних новелл заключается в создании надежных правовых инструментов для «цифрового оборота», формировании безопасной электронной платформы для заключения сделок. Универсальность данного института позволяет обеспечить сочетание частного и публичного интереса в тех сферах деятельности, где возникает конфликт законов (международное семейное право, международное наследственное

право и т. д.). Юридические действия нотариуса не подлежат какому-либо сомнению, в силу чего становятся все более значимыми и для отправления правосудия.

В последние годы в национальном праве утвердилась система частного нотариата, в чем есть определенные плюсы. Это способствует экономичности правовой системы государства - заботиться о расходах, связанных с нотариальной деятельностью частнопрактикующих нотариусов, со стороны государства нет необходимости. На территории Ростовской области государственные нотариусы прекратили осуществление своей профессиональной деятельности с 2004 г. При этом в соответствии с Основами законодательства РФ нотариате должностные лица местного самоуправления и должностные лица консульских учреждений имеют право совершать определенные нотариальные действия [3].

Возрастание значимости частного нотариата приводит к необходимости совершенствования основ его правовой регламентации, в том числе и оснований юридической ответственности нотариуса. Фигура нотариуса всегда олицетворяла доверие и надежность, данный образ должен остаться незыблемым и в частном нотариате. Социальные последствия ошибки нотариуса могут быть необратимыми для конкретных сфер жизнедеятельности общества и отдельных граждан. Поэтому работа нотариуса требует большой концентрации внимания, высокого уровня профессионализма, этики и нравственности. Какое-либо злоупотребление полномочиями нотариуса не допустимо. Ответственность нотариуса дифференцирована. В зависимости от характера общественной опасности нарушения закона, его социальных последствий, виновный нотариус может быть привлечен к дисциплинарной, гражданской, административной и уголовной ответственности.

При этом, в юридической литературе называется ряд негативных тенденций в области регламентации и реализации ответственности частных нотариусов. Так, по мнению Л.В. Щенниковой, институт ответственности частнопрактикующих нотариусов все более приобретает характер ограниченной: «вред, связанный с разглашением сведений о нотариальной деятельности и необоснованным отказом в их совершении, ограничен сегодня реальным ущербом; вред, связанный с применением последствий недействительности сделки, ограничен итоговой оценкой предмета сделки, данной ее участниками» [4, с. 7]. Несмотря на то, что деятельность частных нотариусов основана на личной имущественной ответственности за совершаемые нотариальные действия, очевидно стремление законодателя к ограждению личного имущества нотариуса от взысканий на случай причинения им имущественного вреда. Это обеспечивается посредством реализации механизма индивидуального и коллективного страхования гражданской ответственности нотариуса.

Тенденции развития законодательства РФ, касающегося гражданско-правовой ответственности нотариусов, свидетельствуют о некой трансформации подходов в оценке противоправности действий частных нотариусов. В соответствии со ст. 17 Основ законодательства о нотариате нотариус должен отвечать только за нарушение буквы закона, при этом старая формулировка к основаниям гражданско-правовой ответственности относила и ошибочное толкование нотариусом применяемых в своей профессиональной практике правовых норм. В результате «привлечь нотариуса к имущественной ответственности за ошибки и даже за мошеннические действия при совершении нотариальных действий чрезвычайно сложно: то причинно-следственную связь сложно установить, то действие нельзя признать ошибкой»

[5, с. 78]. Ни в одной стране мира нет подобной формы гражданско-правовой ответственности нотариуса. Например, ст. 162 Закона о нотариате Турции гласит: «Нотариусы несут ответственность в отношении тех, кто понес ущерб от невыполненных действий». Ст. 153 Закона о нотариате Сербии закрепляет, что нотариус обязан предоставить компенсацию за ущерб, причиненный другому лицу в нарушение своего служебного долга. Закон о нотариате Эстонии в ст. 14 констатирует, что нотариус несет ответственность за вред, причиненный им виновным нарушением своих служебных обязанностей. Несмотря на предельную краткость формулировок, они работают.

Особый интерес представляет судебная практика Франции. Нотариусы могут быть привлечены к ответственности не только за допущенные нарушения, но и за неисполнение профессиональных обязанностей (за риск). В результате сложилась следующая формула ответственности: «Он не действовал так, как должно было поступить добросовестное и осторожное публичное лицо» [6, с. 183]. Германский нотариус является независимым и беспристрастным «попечителем» участников нотариального действия [7, с. 5].

При этом в российской практике нотариальной деятельности, невнимание к интересам и положению обратившихся за совершением нотариального действия граждан, приводящее к признанию удостоверенных нотариусом сделок и соглашений недействительными, не влечет риска привлечения нотариуса к имущественной ответственности из-за отсутствия прямого нарушения закона при совершении нотариального действия [5, с. 79]. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что лишь 10% жалоб на частнопрактикующих нотариусов признаются обоснованными [8, с. 65].

Ст. 202 УК РФ предусмотрена ответственность частных нотариусов за злоупотребление полномочиями. Данным преступлением нарушаются общественные отношения, обеспечивающие правильность осуществления и социальную значимость частной нотариальной деятельности. Как социальные последствия можно рассматривать нарушение законных прав и интересов граждан и организаций. Соответственно, интересы общества и государства, в целом, также находятся под угрозой.

В ст. 202 УК РФ одновременно предусмотрена ответственность как для частных нотариусов, так и для аудиторов. При этом логика законодателя в этом вопросе не представляется очевидной. Совершенно разные сферы деятельности данных лиц охраняются одной уголовно-правовой нормой. Аудитор наделен контрольной функцией над финансовой деятельностью предприятий, организаций и т.д., нотариус же выступает гарантом во многих сферах человеческой жизнедеятельности. Объединяет их только частный характер реализации полномочий. При этом в гл. 23 УК РФ содержится норма, охраняющая общественные отношения по обеспечению соблюдения установленного государством порядка осуществления частного сыска и охраны. Данная сфера также, как и деятельность частных нотариусов и аудиторов, основана на коммерческих и иных интересах, она не спонсируется государством. При этом законодатель здесь говорит не о злоупотреблении, а о превышении должностных полномочий. Парадокс данного изобретения законодателя заключается в том, что понятия «злоупотребление» и «превышение», хоть и не являются синонимами, но имеют определенную схожесть, что вызывает существенные трудности в их реализации на практике.

Анализируемая уголовно-правовая норма устанавливает ответственность только для частных нотариусов. Противоправные действия должностных лиц, осуществляющих нотариальные действия, подлежат квалификации по соответствующим статьям гл. 30 УК РФ [9, с. 81]. Ответственность за злоупотребление полномочиями должностных лиц регламентирована законодателем в ст. 285 УК РФ, отличие с которой рассматриваемой нормы определено в объекте и субъекте посягательства. Основным непосредственным объектом данного преступления является осуществляемая в соответствии с законом деятельность конкретной структуры публичного аппарата власти и управления. При этом, также, как и в результате злоупотребления полномочиями частными нотариусами, в результате данного преступления существенно нарушаются права и законные интересы граждан, организаций, охраняемые законом интересы общества и государства» [10]. Несмотря на отличие родового и непосредственного объектов, реальные социальные последствия, наступающие в результате преступной деятельности как частного нотариуса, так и должностного лица, осуществляющего нотариальные действия, совпадают. С совершением каждого преступления в сфере нотариата, существенно снижается доверие граждан к данному институту.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ заключается в нарушении правил совершения нотариальных действий, установленных Основами законодательства РФ о нотариате. «Использование частным нотариусом его полномочий вопреки задачам его деятельности может выражаться либо в нотариальных действиях, совершать которые ему запрещено законом, либо в нотариальных действиях при отсутствии предусмотренных законом оснований [11, с. 161]. Например, при истребовании от физических и юридических лиц документов, которые могут быть использованы для совершения другого преступления» [12, с. 274].

В сложившейся правоприменительной практике является общепризнанной точка зрения, согласно которой как, злоупотребление полномочиями частным нотариусом, так и должностным лицом, может выражаться не только в действии, но и в невыполнении лицом лежащих на нем обязанностей - противоправном бездействии. Однако из текста нормы следует, что злоупотребление осуществляется в результате использования конкретных служебных полномочий. Буквальное толкование термина «использование» позволяет сделать вывод о том, что речь в комментируемой норме идет о деянии в форме действия. Поэтому, очевидно, прав Б.В. Волженкин, в том, что «при неисполнении лицом обязанностей по службе трудно говорить об исполнении полномочий...» [13, с. 142]. Можно согласиться с мнением, существующим в юридической литературе, о том, что категория «злоупотребление» представляется неудачной для целей криминализации бездействия как должностных лиц, так и частных нотариусов [14, с. 15].

Важно учитывать, что, хотя использование полномочий осуществляется и вопреки интересам службы, но привлекаемое к ответственности по соответствующей статье лицо, тем не менее, не выходит за рамки своих служебных прав и обязанностей [15, с. 98]. На данный момент отсутствуют какие-либо разъяснения высшей судебной инстанции по применению ст. 202 УК РФ. Представляется, что в их наличии нет острой необходимости в силу того, что в судебной практике случаи привлечения к уголовной ответственности по данной статье крайне редки. В год возбуждается около десяти уголовных дел в отношении частных нотариусов [16]. Однако тер-

мин «злоупотребление» раскрывается в п. 15 постановления Пленума ВС РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» относительно противоправных действий должностного лица – это «совершение таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями». Считаем, что данное определение вполне может применяться и при квалификации преступного злоупотребления полномочиями частных нотариусов, с учетом сферы их деятельности. В вину частному нотариусу может быть поставлено злоупотребление конкретными полномочиями, которые должны быть изложены в материалах уголовного дела. При этом данные полномочия должны иметь четкое законодательное закрепление.

Выход частного нотариуса за пределы своей компетенции необходимо расценивать как превышение полномочий, однако относительно частных нотариусов такая норма законодателем не предусмотрена. Следовательно, можно сделать вывод, что частные нотариусы не подлежат ответственности за превышение своих полномочий. Данный законодательный пробел должен быть срочно устранен. Следует отметить, что в системе должностных преступлений такая альтернатива имеется. Превышение должностным лицом своих полномочий квалифицируется в соответствии со ст. 286 Уголовного кодекса РФ. Проблемы, связанные с соотношением статей 285 и 286 УК РФ, свидетельствуют о неоднозначности правоприменительных подходов в их применении. Грань между злоупотреблением и превышением должностных полномочий иногда бывает слишком тонка. Поэтому требуется выработка единого подхода к толкованию данных терминов. Это обеспечит единообразие правоприменительной практики и будет способствовать обеспечению законных интересов граждан.

С субъективной стороны преступление, предусмотренное ст. 202 УК РФ, характеризуется прямым умыслом и альтернативно предусмотренными целями: а) целью извлечения выгод и преимуществ для себя, т.е. для частного нотариуса лично, или для других лиц либо б) целью нанесения вреда (имущественного или неимущественного) другим лицам [17, с. 284]. Характер выгод законодатель не уточняет [18, с. 27], однако можно с уверенностью предположить, что в большинстве случаев данные выгоды носят корыстный характер (за корыстное вознаграждение нотариус-«оборотень» совершает действия, которые идут в разрез с его ролью в обществе). Что касается цели нанесения вреда, то статус нотариуса трудно соотнести с ролью «вредителя». В соответствии со словарем Ожегова, вред – это ущерб, порча [19]. Слова «вред» и «польза», исходя из значения русского языка, являются антонимами, т.е. полной противоположностью. Нотариус должен работать на благо общества, а в случае совершения им вредных для общества деяний, в противовес ожидаемым результатам от его деятельности, идет на совершение сложного (с использованием сложных юридических манипуляций), а значит изощренного и профессионального преступления, социальные последствия которого имеют множество вторичных «синдромов», в числе которых снижение доверия к нотариату вообще, порождение на массовом уровне чувства несправедливости и атмосферы беззакония. Если нота-

риус идет на столь дерзкое деяние, движимое собственной выгодой либо стремлением причинить кому-либо вред, то сравнивать его с иными преступниками (ворами-карманниками, мошенниками, разбойниками и др.) даже не целесообразно. Нет сомнений, что в силу оказываемого ему доверия со стороны государства и общества, предоставления столь высокого социального статуса (в том числе материальной обеспеченности), совершение нотариусом противоправных действий представляется как высшая степень цинизма, несправедливости и беззакония!

В доктрине уголовного права утвердилось мнение, заключающееся в том, что не образуют рассматриваемого состава преступления злоупотребления полномочиями частными нотариусами при оказании ими сопутствующих нотариальным действиям услуг, предусмотренных ст. 15 Основ законодательства РФ о нотариате. Не все предоставленные нотариусам права можно рассматривать в качестве специальных, т.е. присущих только нотариусу, например, составление проектов сделок, заявлений и других документов. Такие услуги вправе оказывать не только нотариусы, но и иные лица. Поэтому в литературе высказано мнение, что «если нотариус злоупотребляет оказанным им доверием при оказании этих услуг, он подлежит ответственности не по ст. 202 УК РФ, а по ст. 165 или ст. 201 УК РФ» [18, с. 27]. Однако в соответствии с правилами квалификации, при конкуренции общей и специальной норм, правоприменительная обязан выбрать специальную, которой в данном случае выступает все же ст. 202 УК РФ. В том случае, если данная норма не охватывает всех признаков содеянного, требуется дополнительная квалификация по соответствующей норме уголовного закона. Так, например, в случаях, когда злоупотребление полномочиями нотариусами связано с разглашением сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, может наступать уголовная ответственность по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 183 и 202 УК РФ. Злоупотребление полномочиями частными нотариусами может быть связано с совершением ими иных преступлений (например, преступлений против собственности). Нотариус может быть исполнителем преступления, предусмотренного статьей 173.1 УК РФ, за представление данных, повлекших внесение в ЕГРЮЛ сведений о подставных лицах [20, с. 33]. Содеянное в таких случаях квалифицируется по совокупности преступлений.

Анализ материалов судебной практики свидетельствует о ярко выраженной корыстной направленности в преступной деятельности нотариусов. Определенный интерес представляет ее природа. По мнению криминологов, неблагоприятные тенденции в корыстной преступности в последние годы обусловлены, прежде всего, прогрессирующим усилением кризисных явлений в социально-экономической и политической сферах, ослаблением конституционных гарантий правовой защиты интересов личности и государства, падением уровня жизни населения страны [21, с. 136]. К статусу нотариуса это напрямую не имеет никакого отношения. Профессия нотариуса является одной из высокооплачиваемых в нашей стране. Корыстное преступление, в какой бы форме оно не совершалось, нельзя отнести к случайному явлению по отношению к личности. Можно предположить, что склонность к совершению преступлений в рассматриваемых случаях обусловлена, прежде всего, деформацией ценностных ориентаций личности, стремлением к сверхдоходам. Страшно даже представить масштабы социальных последствий, которые способен причинить нотариус, совершающий противоправные действия. При этом без них

привлечь нотариуса к уголовной ответственности не представляется возможным.

Состав преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ по конструкции, является материальным и считается оконченным только в случаях причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. На первый взгляд, эти формулировки представляются образными, не конкретными, что требует дополнительного осмысления. Обобщая различные точки зрения относительно понятия «законный интерес» [22, с. 153] мы пришли к выводу, что содержание законного интереса составляет, прежде всего, стремление субъекта пользоваться социальным благом, а также стремление обращаться в необходимых случаях за защитой. Благодаря второму элементу интерес приобретает характер охраняемого законом, т.е. законного интереса. К сожалению, однозначно толковать термин «существенный» в контексте ст. 202 УК РФ очень сложно. Закон не определяет, какой вред считается существенным. Это оценочное понятие, которое требует индивидуального анализа в каждой конкретной ситуации. Прежде всего, к категории существенных относится нарушение основных конституционных прав и свобод человека и гражданина. Безусловно, существенным может также быть вред в виде реального материального ущерба, упущенной выгоды или причинения иного вреда различным интересам. «Существенный вред» – это обобщающее понятие, под которое подпадают как нематериальный вред, так и материальный ущерб. На практике установление существенности вреда при злоупотреблении полномочиями со стороны нотариусов не может не вызывать трудности. В каждом случае необходимо определять, во-первых, какие именно права были нарушены и, во-вторых, является ли вред, причиненный этим правам и интересам, существенным. Суд, решая данный вопрос, исходит из анализа всех обстоятельств дела, из характера причиненного вреда, его объема, тяжести наступивших для пострадавшего лица последствий, иных обстоятельств, имеющих значение для дела. Неоднозначность в понимании существенного вреда приводит к выводу о том, что незначительные отступления от правил совершения нотариальных действий не образуют состава преступления (из аргументов, изложенных в начале статьи, следует, что в большинстве случаев даже гражданско-правовая ответственность к нотариусу в таких случаях не применима!).

Таким образом, существенной чертой частного нотариата является имущественная ответственность нотариуса за совершенные им деяния, но анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что гражданско-правовую ответственность нотариусов в России нельзя назвать полной. Как показывает зарубежный опыт, мало создать норму об ответственности нотариуса, ее важно правильно применять в соответствии с базовыми идеями профессионального нотариального права, которая заключается во всемерной защите прав граждан и юридических лиц. Любая же защита предполагает в первую очередь профессиональную ответственность и гарантии безопасности. И здесь особое значение приобретает нравственная установка, которая должна быть актуальной для каждого нотариуса: «Я отвечаю за все!». Необходимо, чтобы гражданин, переступающий порог нотариальной конторы, чувствовал себя в полной безопасности. Общество рассчитывает не только на правовые знания нотариуса, но и на его опыт, а главное, на порядочность.

Нотариальная деятельность должна осуществляться в соответствии с законом, в противном случае, если нотариус злоупотребляет предоставленными ему полномочиями, возможно наступление уголовной ответственности. Важно обеспечить пра-

вильную квалификацию содеянного и неотвратимость наказания. Полагаем, что в целях повышения эффективности применения ст. 202 УК РФ необходимо таким образом определить признаки состава преступления, чтобы полностью исключить произвольность их толкования. Формулировка объективной стороны состава злоупотребления полномочиями частными нотариусами не позволяет четко определить ни общественно опасное деяние, за которое нотариус несет уголовную ответственность по ст. 202 УК РФ, ни его общественно опасные последствия. Существенным пробелом в рамках ответственности нотариусов является отсутствие в уголовном законе нормы о превышении полномочиями. Эти факторы вызывают сомнения в эффективности государственного контроля за деятельностью нотариусов. С учетом отмеченных недостатков в правовой регламентации уголовной ответственности нотариуса, можно констатировать, что нотариус в большинстве случаев останется безнаказанным за совершение противоправных действий, а безнаказанность порождает совершение новых, более изощренных общественно опасных деяний.

Список литературы

1. Проект N 398234-6 ФЗ «О нотариате и нотариальной деятельности» // Российская газета. 2011. 18 ноября.
2. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации /опубликовано 25 февраля 2013г) [электронный ресурс]. Режим доступа: https://minjust.gov.ru/ru/events/45777/ (дата обращения: 18.09.2020).
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-I / опубликовано на сайте Министерства юстиции Российской Федерации: 4 сентября 2020 г. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7900/ (дата обращения: 19.09.2020).
4. Денников Л. В. Гражданско-правовая ответственность нотариусов: тенденции и перспективы развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. N 3. С. 7.
5. Пластилина Н. Ошибки и мошенничества нотариусов // Жилищное право. 2016. N 9. С. 78, 79.
6. Почепу Ж. Ф., Ягр Ж. Профессиональное нотариальное право. М.: Юрист, 2001. С. 183.
7. Арсланов К. М. О гражданско-правовой ответственности нотариуса (опыт германского права) // Нотариус. 2016. N 3. С. 5.
8. Белякова М. С. Особенности имущественной ответственности частнопрактикующего нотариуса в Российской Федерации // Юстиция. 2016. N 4. С. 65.
9. Шнитенков А. В. Комментарий к главе 23 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» (постатейный). Судебная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 81.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС КонсультантПлюс.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. А. Барышева, Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 161.
12. Уголовное право. Особенная часть. В 2 т. Том 1: учебник для академического бакалавриата / отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2020. С. 274.
13. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. С.142.
14. Безверхов А., Сережкина К. Должностное бездействие: вопросы истории, теории, законодательной техники // Уголовное право. 2010. № 1. С. 15.
15. Рясов А. В. Признак «использование служебного положения» и его уголовно-правовая оценка по уголовному законодательству России: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук: 12.00.08. / А.В. Рясов. Ростов н/Д, 2009. С. 98.
16. Минюст сообщил о возбуждении десятка уголовных дел на нотариусов [электронный ресурс]. Режим доступа: https://legal.report/minyust-soobcshil-o-vozbuzhdenii-desyatka-ugolovnyh-del-na-notariusov/ (дата обращения: 18.09.2020).
17. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник /под ред. А.И. Чучаева. - М.: «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2013. С. 284.
18. Виноградова Е. В., Виноградова П. А. Ответственность нотариусов за злоупотребление полномочиями: вопросы правотворчества и правоприменения // Нотариус. 2015. N 7. С. 27.
19. Значение слова «Вред» [электронный ресурс]. Режим доступа: https://glosum.ru (дата обращения: 20.09.2020).
20. Попов М. Н., Пьянкова А. Ф. Ответственность нотариусов за образование юридического лица через подставных лиц // Адвокат. 2015. N 6. С. 33.
21. Серегина Е. В., Москалева Е. Н. Криминология: Учебное пособие. - М.: РГУП, 2018. С. 136.
22. Параскевов Н. Н. Законные интересы - объект уголовно-правовой защиты // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. ООО «Медиа-ВАК». 2009. №1. С. 153.

O. Donskaya (Kavelina), Moskaleva (Koval) E. N. Criminal liability of a notary // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 101-109.

Bringing a private notary to criminal liability for abuse of power is complicated by many legislative conventions, which include the need to establish the goal of deriving benefits and advantages for oneself or for others, or the goal of causing harm (property or non-property) to others. A notary, as a guarantor of law and order, must not allow any illegal actions in the exercise of his professional activity. This contradicts his status and calls into question the significance of his role in public relations. The exclusion of state notaries from the legal field in modern reality requires new, more stringent criteria in the identification, establishment and legal assessment of illegal actions committed by private notaries. A significant problem of ensuring the inevitability of bringing private notaries to criminal liability is a legislative gap - the absence of a criminal law norm governing liability for exceeding the powers of private notaries.

Keywords: guilt, guarantor, civil turnover, protection of rights, abuse, excess, notary institution, property damage, violation, notary, grounds for criminal responsibility, legal relations, legal system of the state, professionalism, wrongfulness of actions, regulation of responsibility, interpretation.

Spisok literatury

1. Proekt N 398234-6 FZ «O notariate i notarial'noj deyatel'nosti» // Rossijskaya gazeta. 2011. 18 noyabrya.
2. Oficial'nyj sajt Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii /opublikovano 25 fevralya 2013g) [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://minjust.gov.ru/ru/events/45777/ (data obrashcheniya: 18.09.2020).
3. Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate ot 11.02.1993 № 4462-I / opublikovano na sajte Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii: 4 sentyabrya 2020 g. [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7900/ (data obrashcheniya: 19.09.2020).
4. SHCHennikova L.V. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' notariusov: tendencii i perspektivy razvitiya // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2017. N 3. S. 7.
5. Plastinina N. Oshibki i moshennichestva notariusov // ZHilishchnoe pravo. 2016. N 9. S. 78, 79.
6. Piepu ZH.F., YAgr ZH. Professional'noe notarial'noe pravo. M.: YUrist, 2001. S. 183.
7. Arslanov K.M. O grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti notariusa (opyt germanskogo prava) // Notarius. 2016. N 3. S. 5.
8. Belyakova M.S. Osobennosti imushchestvennoj otvetstvennosti chastnopraktikuyushchego notariusa v Rossijskoj Federacii // YUsticiya. 2016. N 4. S. 65.
9. SHnitenkov A.V. Kommentarij k glave 23 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii «Prestupleniya protiv interesov sluzhby v kommercheskih i inyh organizaciyah» (postatejnyj). Sudebnaya praktika. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2011. S. 81.
10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 16 oktyabrya 2009 g. N 19 «O sudebnoj praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochiyami i o prevyshenii dolzhnostnyh polnomochij» // SPS Konsul'tantPlyus.
11. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / K.A. Barysheva, YU.V. Gracheva, G.A. Esakov i dr.; pod red. G.A. Esakova. 7-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2017. S. 161.
12. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'. V 2 t. Tom 1: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / otv. red. I. A. Podrojkina, E. V. Seregina, S. I. Ulez'ko. — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. S. 274.
13. Volzhenkin B.V. Sluzhebnye prestupleniya. M., 2000. S.142.
14. Bezverhov A., Serezhkina K. Dolzhnostnoe bezdejstvie: voprosy istorii, teorii, zakonodatel'noj tekhniki // Ugolovnoe pravo. 2010. № 1. S. 15.
15. Ryasov A.V. Priznak «ispol'zovanie sluzhebnogo polozheniya» i ego ugolovno-pravovaya ocenka po ugolovnomu zakonodatel'stvu Rossii: avtoref. dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. yurid. nauk: 12.00.08. / A.V. Ryasov. Rostov n/D, 2009. S. 98.
16. Minyust soobshchil o vozbuzhdenii desyatka ugolovnyh del na notariusov [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://legal.report/minyust-soobcshil-o-vozbuzhdenii-desyatka-ugolovnyh-del-na-notariusov/ (data obrashcheniya: 18.09.2020).
17. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshchaya i Osobennaya chasti: uchebnik /pod red. A.I. CHuchaeva. - M.: «KONTRAKT», «INFRA-M», 2013. S. 284.
18. Vinogradova E.V., Vinogradova P.A. Otvetstvennost' notariusov za zloupotreblenie polnomochiyami: voprosy pravotvorchestva i pravoprimeneniya // Notarius. 2015. N 7. S. 27.
19. Znachenie slova «Vred» [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://glosum.ru (data obrashcheniya: 20.09.2020).
20. Popov M.N., P'yankova A.F. Otvetstvennost' notariusov za obrazovanie yuridicheskogo lica cherez podstavnyh lic // Advokat. 2015. N 6. S. 33.
21. Seregina E.V., Moskaleva E.N. Kriminologiya: Uchebnoe posobie. - M.: RGUP, 2018. S. 136.
22. Paraskevov N.N. Zakonnye interesy - ob"ekt ugolovno-pravovoj zashchity // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. YUridicheskij zhurnal. OOO «Media-VAK». 2009. №1. S. 153.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 110-124.

УДК 343.326

СЛОЖНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БОЕВИКОВ-ТЕРРОРИСТОВ

Донская (Кавелина) О. Г., Серегина Е. В., Никитенко Н. С.

Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматриваются сложные вопросы квалификации преступлений террористической направленности, связанные с оценкой неоконченных действий боевиков-террористов, их участием в вооруженных конфликтах, финансированием деятельности незаконных вооруженных формирований и международных террористических организаций.

Особое внимание авторами уделено проблеме отграничения преступной деятельности иностранных боевиков-террористов от наемничества. Иностранные боевики-террористы составляют боевой потенциал вооруженных конфликтов или военных действий. Профессиональные боевики выполняют военные задания за соответствующее вознаграждение, что является основанием квалификации их действий в соответствии с ч. 3 ст. 359 Уголовного кодекса Российской Федерации. При преобладании в деятельности иностранных боевиков-террористов иных мотивов (идеологических, религиозных, этнических, политических, социальных) или личной заинтересованности, квалификация по данной норме затруднена.

В содержании статьи аргументированы предложения о необходимости регламентации ответственности иностранных боевиков-террористов за участие в деятельности международной террористической организации в рамках ст. 361 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основе обобщения международного опыта противодействия финансированию действий боевиков-террористов авторы обозначили наиболее значимые его формы и методы.

Ключевые слова: боевики-террористы, вооруженные конфликты, военные действия, квалификация, корыстный мотив, международный опыт, наемничество, регламентация ответственности, финансирование терроризма.

Террористические организации систематически пополняются, постоянно осуществляется склонение граждан Российской Федерации к участию в агрессивных действиях на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации. В последние годы сотрудники правоохранительных органов задерживают десятки лиц, намеревавшихся выехать из России для дальнейшего вступления в международные террористические организации и незаконные вооруженные формирования в Сирии, Ираке и Афганистане, о чем свидетельствуют частые сообщения СМИ [1]. Типичный пример: Б. в середине октября 2017 г. вступил в террористическое сообщество, созданное его знакомым. В ноябре 2017 г. подсудимый склонял и убеждал принять участие в боевых действиях на территории САР гражданина этого государства. В 2018 г. Б. вовлек еще одного своего знакомого в деятельность незаконного террористического сообщества. В мае и июне 2018 г. руководитель террористического сообщества совместно с Б. и иными участниками запрещенной организации разработали поэтапный план совершения террористического акта на территории Кавказских Минеральных Вод, путем совершения взрывов самодельных взрывных устройств и расстрела граждан. Действия Б. были квалифицированы судом в соответствии с ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205, ч. 1 ст. 205.1 и ч. 2 ст. 205.4 Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

Анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии единообразия при квалификации действий, направленных на вступление в незаконные вооруженные формирования и международные террористические организации на территории иностранных государств, не доведенных до конца по независящим от виновных обстоятельствам. В одних случаях идентичные действия квалифицируются как приготовление, в других – как покушение на вступление в незаконные вооруженные формирования или международные террористические организации. Во многих случаях при квалификации таких деяний не принимается во внимание маршрут следования к территориям влияния международных террористических организаций, по пути к которым лицо может отказаться от преступных намерений.

Поскольку у Российской Федерации и приграничных стран отсутствует прямое регулярное авиасообщение с Сирией, Ираком и Афганистаном, в которых базируются международные террористические организации, проникновение на их территорию возможно лишь через сопредельные государства. В частности, Сирийская Арабская Республика граничит с Турцией, Ливаном, Израилем, Иорданией и Ираком. Исламская Республика Афганистан расположена вблизи границ с Ираном, Пакистаном, Туркменистаном, Узбекистаном, Таджикистаном, Китаем и Индией. Ирак граничит с Турцией, Ираном, Кувейтом, Саудовской Аравией, Сирией и Иорданией. Как правило, транзитной страной для лиц, намеревающихся вступить в международные террористические организации и незаконные вооруженные формирования в Сирии, Ираке и Афганистане, является Турция. «Большинство россиян, принимающих участие в террористической деятельности на территории иностранных государств, участвуют в незаконных вооруженных формированиях и международных террористических организациях, базирующихся в Сирии. Как правило, проникновение на ее территорию осуществляется посредством незаконного пересечения государственной границы Сирии со стороны южных районов Турции. После перелета из российских городов в Стамбул будущие рекруты направляются в указанные им вербовщиками места временного содержания, из которых их доставляют в Сирию автомобильным транспортом через провинции, подконтрольные боевикам» [3, с. 87].

Чаще всего действия лиц, намеревавшихся вступить в террористические организации в Сирии и Ираке, пресеченные правоохранительными органами на территории Турции, были квалифицированы судами как покушение на преступление. Так, например, действия А., задержанного турецкими правоохранителями в провинции Газиантеп, где он готовился незаконно перейти турецко-сирийскую границу с целью последующего вступления в незаконное вооруженное формирование, квалифицированы Дербентским городским судом Республики Дагестан по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 УК РФ [4]. Аналогичным образом суды квалифицировали действия лиц, задержанных турецкими правоохранителями в г. Стамбуле в местах размещения будущих рекрутов незаконного вооруженного формирования и международной террористической организации в Сирии и Ираке, ожидающих переправки в зоны террористической активности. Так, по приговору Каспийского городского суда Республики Дагестан от 8 февраля 2016 г. Г. осужден по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 Уголовного кодекса РФ за попытку вступления в незаконное вооруженное формирование на территории Сирии, пресеченную турецкими властями в г. Стамбуле.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что в случае, если противоправная деятельность лица, намеревающегося вступить в незаконное вооруженное

формирование или международную террористическую организацию на территории иностранного государства, пресечена в России, в том числе при попытке вылета, его действия должны быть квалифицированы как приготовление к преступлению: по ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205.5 или ч. 2 ст. 208 Уголовного кодекса РФ. Так, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ признала законным приговор Московского окружного военного суда от 23 августа 2018 г., которым действия М., задержанного при прохождении пограничного контроля в аэропорту при попытке вылета в Стамбул в целях последующего вступления в международную террористическую организацию на территории Сирии, были переквалифицированы с покушения на участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, на приготовление к этому преступлению. Судом установлено, что для реализации умысла на вступление в запрещенную в России международную террористическую организацию «Исламское государство» на территории Исламской Республики Афганистан М. установил посредством использования сети Интернет связь с участниками международной террористической организации «Исламское государство», выполняя указание которых, приобрел билет на рейс Санкт-Петербург – Стамбул, а также личные вещи и предметы для следования в другое государство. Действия, связанные с перепиской с целью инструктажа о способе прибытия в Афганистан с участниками международной террористической организации «Исламское государство», приобретение авиабилета и вещей, необходимых для поездки, суд квалифицировал как создание условий для совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.5 Уголовного кодекса РФ. Отклоняя апелляционное представление государственного обвинителя, Верховный Суд указал, что объективных действий, связанных с участием в деятельности террористической организации, М. не совершил по независящим от него обстоятельствам, поэтому содеянное им следует квалифицировать по ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205.5 Уголовного кодекса РФ. Аналогичным образом, как приготовление к вступлению в незаконное вооруженное формирование или международную террористическую организацию, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ квалифицировала действия лиц, задержанных правоохранительными органами после покупки авиабилета в государства, граничащие с Сирией и Афганистаном, а также на этапах приискания средств на транспортные расходы и установления маршрутов следования к зоне влияния боевиков.

Согласно п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. N 1, преступление в форме участия лица в незаконном вооруженном формировании считается оконченным с момента совершения конкретных действий по обеспечению деятельности незаконного вооруженного формирования. Под участием в незаконном вооруженном формировании надлежит понимать вхождение в состав такого формирования (например, принятие присяги, дача подписки или устного согласия, получение формы, оружия), выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого формирования (обучение его участников; строительство временного жилья, различных сооружений и заграждений; приготовление пищи; ведение подсобного хозяйства в местах расположения незаконного вооруженного формирования и т.п.). Уголовная ответственность по ч. 2 ст. 208 УК РФ за участие в незаконном вооруженном формировании наступает в случаях, когда участники этого формирования осознают его незаконность и свою принадлежность

к нему и действуют для реализации его целей.

Члены деструктивных организаций активно используют информационно-телекоммуникационную сеть Интернет для распространения экстремистских материалов, привлечения в свои ряды новых членов и координации противоправной деятельности [5, с. 15]. Террористические организации создают в социальных сетях группы, в которых находят потенциальных сторонников и людей, восприимчивых к фундаменталистским идеям. Популярными в этом плане являются мессенджеры «WhatsApp», «Telegramm», «Zello», «Messenger CCS» и др. Радикалы используют электронные страницы и сайты с завуалированным экстремистским подтекстом. «Площадкой для вербовки выступают группы о религии, культуре мусульманских стран, суициде, молодежных субкультурах, происходящих в мире событиях, психологии, политике [6, с. 51]. С появлением информационных технологий, когда передача информации на огромные расстояния занимает долю секунды, ситуация усугубляется [7, с. 104].

С развитием компьютерных технологий, обучение завербованных лиц, принятие ими присяги, дача устного согласия и даже руководство реальными актами терроризма могут быть совершены без реального физического взаимодействия с участниками террористической организации. Дистанционный способ вовлечения в террористические группировки является наиболее распространенным. Так, например,: 3 апреля 2019 г. в г. Нальчике Кабардино-Балкарской Республики К., в ходе переписки с иным лицом, находящимся на территории Сирийской Арабской Республики дал свое согласие на совершение террористического акта 9 мая 2019 г. на территории г. Нальчика во время проведения праздничного шествия, посвященного празднованию годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. В указанных целях К. незаконно хранил по месту своего жительства два самодельных взрывных устройства и взрывчатое вещество. Действия К. квалифицированы судом по ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205; ч. 1 ст. 222.1 и ч. 1 ст. 223.1 УК РФ [2].

В связи с активизацией террористической угрозы, эволюцией террористической тактики от разовых акций к масштабным военизированным выступлениям, существует проблема субъектного статуса террористов - участников вооруженных противостояний. Субъектом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 359 Уголовного кодекса Российской Федерации, является сам наемник. Объективная сторона деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 359 Уголовного кодекса РФ, заключается в непосредственном участии наемника как в вооруженном конфликте, так и в военных действиях. То есть речь идет об участии в вооруженных боестолкновениях с использованием различных видов оружия по его прямому функциональному назначению.

Обстановка вооруженного конфликта или военных действий является обязательным признаком объективной стороны данного состава. «Вооруженный конфликт бывает двух видов: а) международный конфликт, предполагающий военные действия между государствами, государством и группой государств; б) конфликт немеждународного характера (внутренний конфликт) предполагает длительное военное противостояние между правительственными вооруженными силами и организованными вооруженными группами или между самими такими группировками, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, позволяющий им вести непрерывные и согласованные

военные действия» [8, с. 22].

Отдельные ситуации военных действий не обладают всеми признаками вооруженного конфликта [9, с. 125]. Внешне данные действия крайне схожи с масштабными терактами. В судебной практике факт подтверждения наличия вооруженного конфликта устанавливается различными способами. Так, в приговоре Ленинского районного суда г. Кирова от 26 августа 2016 г. по делу N 1-637/2016 имеется ссылка на пресс-релиз, изданный директором Главного управления Международного комитета Красного Креста Д. Штилхартом, а также указание на соответствующее письмо, опубликованное МИД РФ, в которых события, происходящие на территории Украины, расцениваются в качестве внутреннего вооруженного конфликта немеждународного характера [10]. В приговоре Нальчикского городского суда КБР от 26 ноября 2014 г. N 1-372/14 имеется ссылка на официальное письмо МИД РФ от 1 октября 2013 г., из которого следует, что с учетом масштабов боестолкновений на данный момент в Сирии имеет место вооруженный конфликт немеждународного характера. В качестве участников этого конфликта выделены с одной стороны Правительство Сирийской Арабской Республики, а с другой – «Свободная сирийская армия» и иные террористические группы, вооруженные формирования, которые не предусмотрены законодательством этого государства («вооруженная оппозиция»). В ходе создания «вооруженной оппозиции» была осуществлена разработка ее структуры, установлена система управления, подчиненности, а также материально-технического обеспечения. Имела место активная вербовка лиц, которые должны были принять участие в вооруженном конфликте со стороны «вооруженной оппозиции». Оппозиция на вооружении имела различное огнестрельное оружие, бронетехнику, а также средства связи. Кроме того, на территории Сирии были созданы полевые лагеря, которые были предназначены для проведения обучения завербованных наемников, по подготовке к ведению военных действий против проправительственных сил Сирийской Арабской Республики [11].

Наемничество окончено с момента начала участия наемника в боевых действиях. Такое участие в юридической литературе понимается по-разному. Так, А. Кибальник и И. Соломоненко считают, что «речь идет о моменте начала непосредственного участия в вооруженном столкновении независимо от стороны конфликта» [12, с. 55], а З.А. Эбзеева расширяет понятие участия и включает туда не только «его участие в боестолкновениях, но также и само привлечение лица к военно-техническому обеспечению» [9, с. 125]. В судебной практике привлечение наемника к военно-техническому обеспечению стороны военного конфликта приравнивается к участию в нем. Так, в приговоре Ноябрьского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 26.02.2015 г. N 1-61/2015 деяние заключалось в следующем: «С., который пребывал на территории Сирийской Арабской Республики, проживая в пригороде, находился в составе вооруженного формирования, где выполнял обязанности, присущие рядовому наемнику, так, он принимал участие совместно с другими неустановленными лицами в вооруженном конфликте, направленном против сирийских правительственных вооруженных сил, осуществляя несение караульной службы, связанной с охраной места, в котором производилась дислокация вооруженного формирования, а также путем регулярных выездов на различные охранные мероприятия, которые назывались «рибаты» и включали в себя защиту от нападения на здания, сооружения, оборонительные укрепления, которые находились под контро-

лем соответствующих антиправительственных вооруженных формирований» [13].

Субъективная сторона участия боевиков в вооруженном конфликте или военных действиях характеризуется прямым умыслом. Виновное лицо осознает общественную опасность своего участия в качестве наемника, а также оно понимает противоправность такого участия. В качестве обязательного признака субъективной стороны выделена цель - получение материального вознаграждения за участие в качестве наемника в вооруженном конфликте или военных действиях.

В ч. 1 ст. 1 Конвенции 1989 г. детализируется сумма вознаграждения с указанием на сопоставление ее с вознаграждением комбатанта (лица, входящего в состав регулярных вооруженных сил), имеющего такой же ранг и функции, так, по Конвенции должно иметь место существенное превышение. Следует отметить, что в немногочисленных материалах судебной практики по применению данной нормы отсутствует сопоставление с вознаграждениями комбатантов. Так, в приговоре Ленинского районного суда г. Кирова по делу от 26 августа 2016 г. N 1-637/2016 получение материального вознаграждения расписано следующим образом: «...за совершение противоправных действий наемник К. получал от командиров полка «Азов» вознаграждение в размере не менее 3000 украинских гривен ежемесячно, что по курсу ЦБ РФ составило не менее 64493 руб.» [14].

Вербовщики убеждают приспешников в том, что лишь в будущем исламском государстве бытует справедливость, благочиние, а люди живут по истинным канонам ислама. Нередко вербовщики распространяют информацию о мощной социальной составляющей ИГИЛ: о том, что вступившим в ряды террористической организации предоставляют жилье, бесплатные медицинские услуги, образование и содержание. Веря в «идеалы» террористов, не найдя источников средств к существованию в своей стране, будущие радикалисты покидают Родину вместе со своими семьями.

Однако, оказываясь в зоне боевых действий, у религиозных фанатиков быстро наступает глубокое разочарование, когда они понимают, что командиры джамаатов воюют вовсе не ради спасения сирийского народа и не за воцарение ислама на земле, как им внушали ранее, а за деньги спонсоров международного терроризма. Результаты выборочных исследований свидетельствуют о том, что «прибыв в Сирию за свой счет, радикалы узнают, что не только форменное обмундирование, но даже оружие они должны приобрести самостоятельно, что материальная обустроенность присутствует в жизни лишь лидеров джамаатов. Рядовые участники ИГИЛ вынуждены просить помощи у родственников, оставшихся в России» [15, с. 54]. Стремление к материальному благополучию подменяется навязанной ложной идеологией. Завербованные лица оказываются в «ловушке», изобретенной лидерами международных террористических организаций.

Корыстная цель у иностранного боевика-террориста фактически может переплетаться с иными мотивами и целями, например, идеологического, религиозного, этнического, политического, социального и иного характера. Такое сочетание с другими целями не должно исключать привлечение завербованного иностранного боевика-террориста к уголовной ответственности за участие в вооруженном конфликте. Представляется излишней законодательная необходимость установления корыстной мотивации наемника. «Если мы имеем дело с преступлением, направленным против мира и безопасности человечества, а не с какой-то незаконной формой индивиду-

альной трудовой деятельности, то какое значение для международной безопасности имеет мотивация делинквента» [16, с. 45]: воюет ли он за «справедливость», ради «мира во всем мире» или из иных побуждений, возможно субъективного характера (с детства представлял себя воином).

Исходя из регламентации ст. 359 УК РФ доминирование идеологического, религиозного, этнического, политического, социального или иного характера мотивации исключает квалификацию действий иностранного боевика-террориста как наемника. В подобных ситуациях их действия будут квалифицированы по уголовно-правовым нормам, предусматривающим ответственность за преступления террористической направленности. Финансовая или материальная выгода представляется лишь одним из инструментов мотивации среди многих других, которыми может стимулироваться деятельность иностранных боевиков-террористов.

Уголовный закон предусматривает ответственность за акт международного терроризма. При совершении данного деяния очевидна направленность на причинение вреда международному миру и безопасности человечества, а также на причинение вреда интересам России (ст. 361 УК РФ). Отличительным признаком объективной стороны акта международного терроризма является место его совершения. В силу прямого указания закона такой акт должен быть совершен вне пределов России – т.е. на иностранной либо нейтральной территории. Данный подход к регламентации акта международного терроризма подлежит справедливой критике. «При определенных обстоятельствах одно и то же деяние, подпадающее под признаки акта международного терроризма, может получить различную правовую оценку. Допустим, что взорван самолет с российскими гражданами. Если это произошло в зарубежном либо нейтральном воздушном пространстве – налицо акт международного терроризма, а если в небе над Россией — нет. Данное положение вещей, как ни странно, умаляет интересы именно российских граждан. Кроме того, возможна совершенно парадоксальная ситуация. Как известно, военные воздушные и водные суда считаются территорией России вне зависимости от места их дислокации. В случае если, например, российское военное судно подверглось атаке в зарубежном порту – об акте международного терроризма снова не может идти речи (хотя в том, что такое деяние поставит под вопрос международный мир, сомневаться не приходится)» [17, с. 42].

В рамках поиска оптимальной модели противодействия действиям иностранных боевиков-террористов, в качестве недостатка следует отметить отсутствие в рамках главы 34 УК РФ норм, регламентирующих ответственность за создание международных террористических организаций и участие в них. В сложившейся ситуации лица, по сути, вступившие в международную террористическую организацию, проходящие соответствующее обучение под руководством «профессиональных» кураторов, осуществляющие подготовку к актам международного терроризма, по факту привлекаются к ответственности за преступления против общественной безопасности. В соответствии с ч. 3 ст. 359 УК РФ ответственность предусмотрена лишь за участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях. В пограничных ситуациях такой критерий как «корысть» позволяет варьировать между преступлениями против мира и безопасности и преступлениями против общественной безопасности.

Боевики-террористы приезжают на территорию иностранного государства с це-

лью участия в международных террористических организациях. Одним из движущих мотивов чаще всего выступает корысть. При доминировании иных мотивов такие деяния автоматически трансформируются в посягательство против общественной безопасности. Однако фактически при вступлении их в международную террористическую организацию, осуществляются приготовительные действия именно к актам международного терроризма (лидеры данных организаций осуществляют планирование цепочки терактов в различных странах мира). Очевидно, что в таких ситуациях под угрозой находится мир и безопасность человечества. Сложившаяся ситуация требует регламентации ответственности иностранных боевиков-террористов за участие в деятельности международной террористической организации в рамках ст. 361 УК РФ.

Интенсивность деятельности иностранных боевиков-террористов, количество и тяжесть совершаемых ими актов международного терроризма, напрямую зависят от уровня их финансирования и материально-технической оснащенности [18, с. 40]. Под финансированием незаконного вооруженного формирования (ч. 1 ст. 208 УК РФ) следует понимать предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для обеспечения деятельности объединения, отряда, дружины или иной группы. В тех случаях, когда лицо содействует террористической деятельности путем финансирования незаконного вооруженного формирования, его действия охватываются ч. 1 ст. 208 УК РФ и дополнительной квалификации по ч.1 ст. 205.1 УК РФ как финансирование терроризма не требуется.

В соответствии с п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. N 1 финансированием терроризма следует признавать, наряду с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи, лекарственных препаратов, жилых либо нежилых помещений, транспортных средств) с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений (например, систематические отчисления или разовый взнос в общую кассу, приобретение недвижимости или оплата стоимости ее аренды, предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц). В ч. 4 ст. 205.1 УК РФ установлена ответственность за действия в виде организации совершения или руководства совершением хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, а равно организации финансирования терроризма. При этом дополнительной квалификации по статьям 205, 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, а равно по частям 1 и 2 ст. 205.1 УК РФ в части финансирования терроризма не требуется (п. 17.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. N 1).

Россия поддерживает международные усилия, направленные на выявление физических и юридических лиц, вовлеченных в финансирование террористических организаций. Большое значение при проведении финансовых расследований имеют наборы данных, характеризующих криминально активных лиц – личности боевиков-террористов [19, с. 256]. Для эффективной деятельности правоохранительных органов в этой сфере необходимо располагать финансовой, агентурной, технической и аналитической видами разведок; наличием во всех странах норм, устанавливающих уголовную ответственность за финансирование террористической деятельности. Такая ответственность за финансирование экстремистской деятельности в РФ, например, была установлена только в 2014 г. [20, с. 45]. Криминализация финансирования терроризма в уголовном законодательстве США, Великобритании, Франции, Германии, Австрии и Испании являлась реакционной мерой на совершенные 11 сентября 2001 г. в США террористические акты, а также следствием имплементации в их национальное законодательство положений международных конвенций и специальных рекомендаций FATF (Международная рабочая группа по борьбе с отмыванием денег), направленных на противодействие финансированию терроризма.

В современных условиях существует множество способов легитимации денежных средств, полученных преступным путем. Сформированная финансовая система выступает важнейшим элементом, в значительной степени определяющим возможности реализации деятельности иностранных боевиков-террористов [18, с. 40]. По мнению исследователей [18, с. 42], за последние 20 лет произошла трансформация источников финансирования, которая во многом была обусловлена глобализацией экономики, открывшей небывалые возможности для этого (формирование мирового рынка, развитие международной торговли, мировых систем коммуникаций).

Обобщения многолетней практики деятельности международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств показывают, что внешними источниками финансирования международного терроризма, выступают: финансовая поддержка, оказываемая иностранными государственными органами и организациями, международными экстремистскими и террористическими организациями, приверженными идеологии терроризма, религиозными учреждениями, коммерческими и некоммерческими организациями. Такая помощь может поступать также от индивидов, населения, а также террористических ячеек. Помимо внешних источников, имеются источники внутреннего финансирования. Их также немало, а именно: доходы, получаемые от легального и нелегального бизнеса; членские взносы; помощь обеспеченных террористов, отдельных лиц, радикальных общественных, религиозных, неформальных объединений, некоммерческих организаций.

Под эгидой Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ проводится работа по выявлению и ликвидации каналов и источников финансирования боевиков. Для этого задействован в полной мере координационный потенциал Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ (БКБОП) [20, с. 47]. Накопленный годами опыт международных организаций правоохранительной направленности (Интерпол, Национальные центральные бюро государств - членов Интерпола, Европол, Бюро по координации борьбы с организованной преступно-

стью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ) по противодействию финансированию деятельности боевиков-террористов, служащий неотъемлемой частью повышения его эффективности и приведения национальными государствами в соответствие с международным стандартом, создает небывалую возможность (в случае его внедрения в практику деятельности спецслужб и правоохранительных органов) избежать возможных проб и ошибок. Несмотря на взаимодействие международного сообщества в данном вопросе, правоохранительные органы испытывают затруднения в получении и использовании информации о финансовых операциях и лицах, их совершающих. «Складывается ситуация, при которой имеется возможность анонимизации личности пользователя сети Интернет» [21, с.10].

В уполномоченных органах (МВД России, ФСБ России, ФСИН России, ФТС России) не реже одного раза в полугодие проводятся проверки исполнения законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, направленной на установление и ликвидацию источников и каналов финансирования терроризма [22]. Банки ежедневно передают в правоохранительные органы около 8 тыс. сообщений о подозрительных сделках своих клиентов [23, с. 39]. Центральный банк России также отслеживает факты использования при совершении сделок «виртуальных валют». ФНС России предпринимает ряд мер по осуществлению контроля за обращением криптовалют [24]. По требованиям Генеральной прокуратуры РФ Роскомнадзором в сети Интернет блокируются веб-ресурсы, созданные для сбора денежных средств на поддержку незаконных вооруженных формирований в Сирийской Арабской Республике, на которых размещались текстовые и аудиовизуальные материалы, связанные с деятельностью международных террористических организаций, содержались призывы оказывать финансовую помощь террористическим группам с указанием номеров мобильных телефонов, QIWI-кошелька и иных платежных реквизитов [5, с. 15]. При этом остаются реальные возможности использования виртуальной валюты при осуществлении преступной деятельности [21, с. 9].

Внедрение цифровых технологий в финансовой и банковской сферах без достаточного законодательного регулирования затрудняет реализацию мер противодействия финансированию деятельности иностранных боевиков-террористов. Большая вероятность широкого использования криптовалюты (виртуальной валюты) сохраняется, в том числе и в РФ. Это обусловлено, прежде всего, процессом глобализации экономики, связанным с формированием мирового рынка, бурным развитием международной торговли, установлением тесных экономических связей, системой международных расчетов, позволяющей быстро осуществлять сложные финансовые операции с использованием банковских учреждений нескольких государств, взаимными инвестициями. Экономисты утверждают о существовании формирующихся международных финансовых сетей, отличительной особенностью которых могут стать предпринимаемые попытки использования финансовых операций в обход национальной платежной системы. С целью регулирования отношений, возникающих при обороте цифровой валюты в РФ принят Федеральный закон от 31 июля 2020г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

На сегодня выход из создавшегося положения найден FATF, в соответствии с которым его государствам-участникам предложено осуществлять регулирование ис-

пользования виртуальных валют. В связи, с чем для эффективного обнаружения и проверки информации о совершенном преступлении требуется отлаженный механизм действий сотрудников правоохранительных органов [25, с. 3]. В целях усиления борьбы с действиями иностранных боевиков-террористов в России была создана Федеральная служба по финансовому мониторингу, которая призвана осуществлять функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. В рамках выполнения требований Федерального закона от 07.08.2001 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» платежные агрегаторы на основании договоров о приеме электронных средств платежа и/или участия в переводе денежных средств осуществляют идентификацию торгово-сервисных предприятий. Сведения о каждом платежном агрегаторе включаются в перечень, который ведет Центрального банка России на основании данных, представляемых ему кредитными организациями. Такие правила предусмотрены в положениях п. 29 ст. 3 и ст. 14.1 Федерального закона от 27.06.2011 N 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Таким образом, роль платежного агрегатора заключается в том, что он выступает в качестве посредника между торгово-сервисным предприятием и его клиентами, оплачивающими товары, работы или услуги с использованием электронных средств платежа [26, с. 60].

Таким образом, представители международных террористических организаций вербуют граждан для вступления в их сообщество, манипулируют их сознанием посредством информационных технологий. Обучение завербованных лиц, принятие ими присяги, дача устного согласия на совершение действий террористической направленности, даже реальные акты терроризма могут быть совершены под руководством организаторов в онлайн-режиме. Дистанционный способ общения террористов необходимо приравнять с реальным физическим взаимодействием. Общественная опасность действий вовлеченных в террористическую деятельность лиц посредством личного контакта или онлайн-формата ничем не отличается. С момента вступления в международную организацию посредством видео или аудио связи завербованное лицо необходимо рассматривать в качестве участника соответствующей террористической группировки.

Иностранные боевики-террористы составляют боевой потенциал вооруженных конфликтов или военных действий. Обстановка вооруженного конфликта или военных действий, как правило, определяется ссылкой на соответствующие официальные документы, юридически подтверждающие статус соответствующего противостояния. Профессиональные боевики выполняют военные задания за соответствующее вознаграждение, что является основанием квалификации их действий в соответствии с ч. 3 ст. 359 УК РФ. При преобладании в деятельности иностранных боевиков-террористов иных мотивов (идеологических, религиозных, этнических, политических, социальных) или личной заинтересованности, квалификация по данной норме затруднена. Такой критерий как «корысть» полностью меняет объект посягательства: преступление против мира и безопасности человечества автоматически трансформируется в посягательство против общественной безопасности. При этом фактически при участии боевиков в международных вооруженных конфликтах или военных действиях наносится вред именно первому объекту. Данная проблема

субъектного статуса террористов – участников вооруженных противостояний требует решения международного уровня.

В рамках поиска оптимальной модели противодействия действиям иностранных боевиков-террористов, в качестве недостатка следует отметить отсутствие в рамках главы 34 УК РФ норм, регламентирующих ответственность за создание международных террористических организаций и участие в них. В соответствии с ч. 3 ст. 359 УК РФ ответственность предусмотрена лишь за участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях. В пограничных ситуациях такой критерий как «корысть» позволяет варьировать между преступлениями против мира и безопасности и преступлениями против общественной безопасности. Фактически при вступлении боевиков в международную террористическую организацию, осуществляются приготовительные действия именно к актам международного терроризма. В связи с чем, предлагаем регламентировать ответственность иностранных боевиков-террористов за участие в деятельности международной террористической организации в рамках ст. 361 УК РФ.

Ключевым вопросом в противодействии действиям иностранных боевиков-террористов продолжает оставаться подрыв материальных и финансовых его основ. В России эта деятельность приобретает особую актуальность и рассматривается государством как одна из первостепенных проблем. Обобщение международного опыта противодействия финансированию действий боевиков-террористов позволяет выделить наиболее значимые его формы и методы. К их числу мы относим: адаптацию в новых условиях на уровне отдельных стран международных стандартов с учетом местных условий; принятие представителями государственной власти мер по совершенствованию нормативных правовых актов в области противодействия финансированию терроризма, соразмерных существующему риску; замораживание активов организаций, приверженных идеологии терроризма, и перекрытие каналов их финансирования. Тесное взаимодействие государств должно стать одним из основных принципов организации противодействия финансированию терроризма.

Список литературы

1. В Ростове-на-Дону суд приговорил к 17 годам колонии боевика ИГ (опубликовано 11 апреля 2019г.). Эл. ресурс. Режим доступа: https://m.news.yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.kommersant.ru%2Fdoc%2F3940132 (дата обращения 22.08.2020г.).
2. Пресслужба южного окружного военного суда. Эл. ресурс. Режим доступа: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1718 (дата обращения 22.08.2020г.).
3. Тисен О.Н. Квалификация неоконченных преступлений, направленных на вступление в международные террористические организации и незаконные вооруженные формирования на территории иностранных государств // Уголовное право. 2019. N 5. - С. 87.
4. Приговор Дербентского городского суда Республики Дагестан от 11 января 2017 г. в отношении А., признанного виновным по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 УК РФ // СПС КонсультантПлюс.
5. Хохлов Ю.П. Этот опасный Интернет. Генеральная прокуратура Российской Федерации реализует комплекс мер, направленных на обеспечение профилактики экстремизма и терроризма // Прокурор. 2015. N 3. - С. 15.
6. Тисен О.Н. Противодействие современным приемам и способам вербовки в международные террористические организации // Российская юстиция. 2018. N 9. - С. 51.
7. Чернышов В.Н., Кочеткова М.Н. Уголовно-правовая охрана авторских прав в сети Интернет как элемент обеспечения безопасности информационного общества // Современное право. 2018. N 7-8. - С. 104/

8. Климов А.С., Хорьяков С.Н. Особенности ответственности наемника за участие в вооруженном конфликте или военных действиях по международному и национальному уголовному законодательству // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. N 4. С. 22.
9. Эбзеева З.А. Уголовно-правовая характеристика наемничества // Современное право. 2012. N 5. - С. 125.
10. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 26 августа 2016 г. по делу N 1-637/2016. Эл. ресурс. Режим доступа: URL: http://rospravosudie.com (дата обращения: 21.05.2019г.).
11. Приговор Нальчикского городского суда КБР от 26 ноября 2014 г. N 1-372/14. Эл. ресурс. Режим доступа: URL: http://rospravosudie.com (дата обращения: 21.05.2019г.).
12. Кибальник А., Соломоненко И. Уголовная ответственность за наемничество // Российская юстиция. 2002. N 4. - С. 55.
13. Приговор Ноябрьского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 26 февраля 2015 г. N 1-61/2015. Эл. ресурс. Режим доступа: URL: http://rospravosudie.com (дата обращения: 21.05.2019г.).
14. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 26 августа 2016 г. по делу N 1-637/2016. Эл. ресурс. Режим доступа: URL: http://rospravosudie.com (дата обращения: 21.05.2019г.).
15. Противодействие современным приемам и способам вербовки в международные террористические организации // Российская юстиция. 2018. N 9. - С. 54.
16. Ростокинский А.В. Наемничество-2014: парадоксы российского законодательства и его применения // Российский следователь. 2015. N 24. - С. 45.
17. Кибальник А.Г., Суворов В.А. Акт международного терроризма - новое преступление против мира и безопасности человечества // Уголовное право. 2016. N 6. - С. 42.
18. Добаев И.П., Добаев А.И. Особенности финансирования террористических структур в Северо-Кавказском регионе // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. - М.: ЗАО Издательство «Современная экономика и право», 2016. № 4. - С. 40-42.
19. Финансовый мониторинг: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А.Г. Братко, И.Е. Волуевич, В.И. Глотов и др.; под ред. Ю.А. Чиханчина, А.Г. Братко. - М.: Юстицинформ, 2018. Т. 2. - С. 256.
20. Иванов П.И. Противодействие финансированию терроризма и экстремизма (в аспекте международного сотрудничества) // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. - С. 45-47.
21. Батоев В.Б., Семенчук В.В. Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2(42). - С. 9-10.
22. Приказ Генпрокуратуры России от 21.03.2018 № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности»// Законность. 2018. № 6. П. 2.8.
23. Каримов В.Х. Возможности реализации государством комплекса мер по предотвращению террористических угроз // Российский следователь. 2016. № 16. - С. 39.
24. Письмо ФНС России от 3 октября 2016 г. № ОА1817/1027 «О мерах по осуществлению контроля за обращением криптовалют» // СПС КонсультантПлюс.
25. Абрамова А.А. Особенности предварительной проверки сообщения о финансировании терроризма // Российский следователь. 2019. № 8. - С. 3.
26. Бычков А.И. Агрегаторы и маркетплейсы // Экономико-правовой бюллетень. 2019. N 12. - С. 60.

Donskaya (Kavelina) O. G., Seregina E. V., Nikitenko N. S. Difficult aspects of countering the activities of terrorist fighters // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 110-124.

The article examines the complex issues of qualification of terrorist crimes related to the assessment of unfinished actions of terrorist militants, their participation in armed conflicts, financing the activities of illegal armed groups and international terrorist organizations.

The authors pay special attention to the problem of delimiting the criminal activities of foreign terrorist fighters from mercenaries. Foreign terrorist fighters constitute the combat potential of armed conflicts or hostilities. Professional militants carry out military missions for appropriate remuneration, which is the basis for qualifying their actions in accordance with Part 3 of Art. 359 of the Criminal Code of the Russian Federation. If other motives (ideological, religious, ethnic, political, social) or personal interests predominate in the activities of foreign terrorist fighters, qualification according to this norm is difficult.

The content of the article substantiates proposals on the need to regulate the responsibility of foreign terrorist fighters for participation in the activities of an international terrorist organization within the framework of Art. 361 of the Criminal Code of the Russian Federation. On the basis of a generalization of international experience in countering the financing of terrorist fighters' actions, the authors identified its most significant forms and methods.

Keywords: terrorist fighters, armed conflicts, hostilities, qualifications, selfish motive, international experience, mercenary activities, regulation of responsibility, financing of terrorism.

Spisok literatury

1. V Rostove-na-Donu sud prigovoril k 17 godam kolonii boevika IG (opublikovano 11 aprelya 2019g.). El. resurs. Rezhim dostupa: https://m.news.yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.kommersant.ru%2Fdoc%2F3940132 (data obrashcheniya 22.08.2020g.).
2. Pressluzhba yuzhnogo okruzhnogo voennogo suda. El. resurs. Rezhim dostupa: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1718 (data obrashcheniya 22.08.2020g.).
3. Tisen O.N. Kvalifikaciya neokonchennyh prestuplenij, napravlennyh na vstuplenie v mezhdunarodnye terroristicheskie organizacii i nezakonnye vooruzhennye formirovaniya na territorii inostrannyh gosudarstv // Ugolovnoe pravo. 2019. N 5. - S. 87.
4. Prigovor Derbentskogo gorodskogo suda Respubliki Dagestan ot 11 yanvarya 2017 g. v otnoshenii A., priznannogo vinovnym po ch. 3 st. 30 i ch. 2 st. 208 UK RF // SPS Konsul'tantPlyus.
5. Hohlov YU.P. Etot opasnyj Internet. General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii realizuet kompleks mer, napravlennyh na obespechenie profilaktiki ekstremizma i terrorizma // Prokuror. 2015. N 3. - S. 15.
6. Tisen O.N. Protivodejstvie sovremennym priemam i sposobam verbovki v mezhdunarodnye terroristicheskie organizacii // Rossijskaya yusticiya. 2018. N 9. - S. 51.
7. CHernyshov V.N., Kochetkova M.N. Ugolovno-pravovaya ohrana avtorskih prav v seti Internet kak element obespecheniya bezopasnosti informacionnogo obshchestva // Sovremennoe pravo. 2018. N 7-8. - S. 104/
8. Klimov A.S., Hor'yakov S.N. Osobennosti otvetstvennosti naemnika za uchastie v vooruzhennom konflikte ili voennyh dejstviyah po mezhdunarodnomu i nacional'nomu ugolovnomu zakonodatel'stvu // Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. 2019. N 4. S. 22.
9. Ebzeeva Z.A. Ugolovno-pravovaya harakteristika naemnichestva // Sovremennoe pravo. 2012. N 5. - S. 125.
10. Prigovor Leninskogo rajonnogo suda g. Kirova ot 26 avgusta 2016 g. po delu N 1-637/2016. El. resurs. Rezhim dostupa: URL: http://rospravosudie.com (data obrashcheniya: 21.05.2019g.).
11. Prigovor Nal'chikskogo gorodskogo suda KBR ot 26 noyabrya 2014 g. N 1-372/14. El. resurs. Rezhim dostupa: URL: http://rospravosudie.com (data obrashcheniya: 21.05.2019g.).
12. Kibal'nik A., Solomonenko I. Ugolovnaya otvetstvennost' za naemnichestvo // Rossijskaya yusticiya. 2002. N 4. - S. 55.
13. Prigovor Noyabr'skogo gorodskogo suda YAmalo-Neneckogo avtonomnogo okruga ot 26 fevralya 2015 g. N 1-61/2015. El. resurs. Rezhim dostupa: URL: http://rospravosudie.com (data obrashcheniya: 21.05.2019g.).
14. Prigovor Leninskogo rajonnogo suda g. Kirova ot 26 avgusta 2016 g. po delu N 1-637/2016. El. resurs. Rezhim dostupa: URL: http://rospravosudie.com (data obrashcheniya: 21.05.2019g.).
15. Protivodejstvie sovremennym priemam i sposobam verbovki v mezhdunarodnye terroristicheskie organizacii // Rossijskaya yusticiya. 2018. N 9. - S. 54.
16. Rostokinskij A.V. Naemnichestvo-2014: paradoksy rossijskogo zakonodatel'stva i ego primeneniya // Rossijskij sledovatel'. 2015. N 24. - S. 45.
17. Kibal'nik A.G., Suvorov V.A. Akt mezhdunarodnogo terrorizma - novoe prestuplenie protiv mira i bezopasnosti chelovechestva // Ugolovnoe pravo. 2016. N 6. - S. 42.
18. Dobaev I.P., Dobaev A.I. Osobennosti finansirovaniya terroristicheskih struktur v Severo-Kavkazskom regione // Protivodejstvie terrorizmu. Problemy XXI veka. - M.: ZAO Izdatel'stvo «Sovremennaya ekonomika i pravo», 2016. № 4. - S. 40-42.
19. Finansovyj monitoring: uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury / A.G. Bratko, I.E. Voluevich, V.I. Glotov i dr.; pod red. YU.A. CHihanchina, A.G. Bratko. - M.: YUsticinform, 2018. T. 2. - S. 256.
20. Ivanov P.I. Protivodejstvie finansirovaniyu terrorizma i ekstremizma (v aspekte mezhdunarodnogo sotrudnichestva) // Bezopasnost' biznesa. 2019. № 4. - S. 45-47.

21. Batoev V.B., Semenchuk V.V. Ispol'zovanie kriptovalyuty v prestupnoj deyatel'nosti: problemy protivodejstviya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 2(42). - S. 9-10.
22. Prikaz Genprokuratury Rossii ot 21.03.2018 № 156 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov o protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti»// Zakonnost'. 2018. № 6. P. 2.8.
23. Karimov V.H. Vozmozhnosti realizacii gosudarstvom kompleksa mer po predotvrashcheniyu terroristicheskih ugroz // Rossijskij sledovatel'. 2016. № 16. - S. 39.
24. Pis'mo FNS Rossii ot 3 oktyabrya 2016 g. № OA1817/1027 «O merah po osushchestvleniyu kontrolya za obrashcheniem kriptovalyut» // SPS Konsul'tantPlyus.
25. Abramova A.A. Osobennosti predvaritel'noj proverki soobshcheniya o finansirovanii terrorizma // Rossijskij sledovatel'. 2019. № 8. - S. 3.
26. Bychkov A.I. Agregatory i marketplejsy // Ekonomiko-pravovoj byulleten'. 2019. N 12. - S. 60.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 125-129.

УДК 343.2

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УКРЫВАТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Кашкаров А. А., Поштарук Д. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрены вопросы, связанные с применением уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступную деятельность, связанную с укрывательством преступлений, проанализирована специфика стечения нескольких лиц в совершении уголовно наказуемого укрывательства преступления. В публикации раскрыты аспекты, которые дают возможность отграничивать укрывательство преступления от соучастия в преступлении и иных форм прикосновенно к преступлению, а именно попустительства в преступлении и недонесения о преступлении. Исследование укрывательства преступления осуществлено на основе анализа объективных и субъективных признаков, которые присущи данной уголовно-правовой форме. На основании изучения действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации в публикации авторы приходят к выводу о том, что к укрывательству преступлений следует относить следующие составы преступлений, предусмотренные ст. 174 УК РФ; ст. 174.1 УК РФ; ст. 175 УК РФ; ст. 316 УК РФ; ст. 299 УК РФ; ст. 300 УК РФ; ч. 2-4 ст. 303 УК РФ; ст. 305 УК РФ; ст. 307 УК РФ; ст. 308 УК РФ. Выводы, сделанные в публикации подкреплены доктринальными положениями.

Ключевые слова: преступление, прикосновенность к преступлению, укрывательство преступления, стечение нескольких лиц в совершении преступления, недонесение о преступлении, попустительство в преступлении.

Укрывательство преступления как форма прикосновенности к преступлению является наиболее часто встречающейся в ныне действующем УК РФ. К укрывательству преступления законодателем отнесены составы преступлений, предусмотренные ст. 174 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём); ст. 175 УК РФ (приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём); ст. 316 УК РФ (укрывательство преступлений), а также как нам представляется, что и ещё один состав преступления, который условно можно назвать как самоукрывательство, а именно преступление, предусмотренное ст. 174.1 УК РФ (Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых лицом в результате совершения им преступления). Кроме того, специальной разновидностью укрывательства преступлений следует признавать ряд преступлений против правосудия, а именно преступления, предусмотренные ст. 299 УК РФ (Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела); ст. 300 УК РФ (незаконное освобождение от уголовной ответственности); ч. 2-4 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности); ст. 305 УК РФ (вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта); ст. 307 УК РФ (заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод); ст. 308 УК РФ (отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний). Каждый из перечисленных составов преступлений имеет как общие, так свои характерные признаки, вместе с тем отметим,

что преступное укрывательство преступлений, совершаемое в сфере правосудия, может быть, как заранее обещанным – то есть разновидностью специального соучастного преступного поведения, так и не быть таковым.

Все ныне действующие в УК РФ составы укрывательства преступления являются формальными составами преступления, то есть считаются оконченными с момента совершения общественно опасных деяний.

Раскрывая объективную сторону укрывательства преступления, следует исходить из того, что в отличии от попустительства в преступлении и недонесении о преступлении, укрывательство преступления характеризуется исключительно активными действиями (активным поведением укрывателя), а именно скрытием преступника, средств или орудий совершения основного преступления, следов основного (предшествующего) преступления либо предметов, добытых преступным путём, а равно заранее не обещанное приобретение или сбыт предметов основного преступления. Исключением является укрывательство особо тяжкого преступления (ст. 316 УК РФ), которое может характеризоваться заранее не обещанным недонесением укрываемого преступления, в данном случае укрывательство особо тяжкого преступления поглощает недоносительство о преступлении. По этой причине представляется правильной позиция, согласно которой несообщение о совершении преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, предусматривает самостоятельную уголовную ответственность по ст. 205.6 УК РФ, однако виновное лицо было задержано в процессе укрывательства основного преступления о дополнительной ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205.6 и 316 УК РФ, оно не несёт, и уголовная ответственность такого лица наступает лишь за укрывательство преступления по ст. 316 УК РФ [1, с. 431].

Изучение каждого из существующих в ныне действующем УК РФ укрывательств даёт возможность в общих чертах определить с каким из основных преступлений коррелирует уголовно наказуемое укрывательство. Преступное укрывательство, предусмотренное ст. 175 УК РФ, находится во взаимосвязи с имущественными преступлениями, реже с хищениями или вымогательством ядерных материалов или радиоактивных веществ, огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Преступное укрывательство, предусмотренное ст. 174 УК РФ и ст. 174.1 УК РФ коррелирует с преступной деятельностью, которая сопряжена с извлечением выгоды (наркобизнес, проституция, торговля людьми, органами, оружием, хищение бюджетных средств и взяточничество, уклонение от уплаты налогов). Преступное укрывательство, предусмотренное ст. 316 УК РФ, определяет, что оно взаимосвязано исключительно с особо тяжкими преступлениями, понятие которых, как известно раскрыты в ч. 5 ст. 15 УК РФ. Исключение составляют укрывательства преступлений против правосудия, поскольку такого рода преступные укрывательства могут быть связаны с любым преступлением.

Бесспорным является то обстоятельство, что укрывательство преступления, как форма прикосновенности к преступлению исключает пособничество в преступлении и наоборот, однако в Постановлении Пленума ВС РФ от 7.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного

имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём» (далее – Постановление), а именно в п. 17 отмечается, что «приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём, могут быть признаны соучастием в преступлении (например, в краже), если эти действия были обещаны исполнителю такого преступления до или во время его совершения либо по другим причинам (например, в силу систематического их совершения) давали основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие» [2]. Изложенный пункт 17 Постановления является, по меньшей мере, безосновательным в части того, что приобретение или сбыт имущества может быть признано соучастием в преступлении в силу систематического их совершения, что как указано в Постановлении давало основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие. Представляется, что позиция, раскрытая в Постановлении, противоречит логике закона об уголовной ответственности, а именно ч. 5 ст. 33 УК РФ, так как пособник в преступлении должен дать заранее обещание приобрести или сбыть предметы, полученные преступным путём, до начала выполнения или непосредственно в момент выполнения объективной стороны основного преступления. Кроме того, противоречия также кроится и в части того, что приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём, не обещанное до начала выполнения либо в процессе выполнения объективной стороны, например, кражи, не образует ту необходимую причинно-следственную и соответственно виновную связь между действиями исполнителя и укрывателя. Предположения исполнителя, как указано в Постановлении «давали основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие» не образуют единства умысла всех сопричастных лиц, не усиливают решимость исполнителя совершить преступление, действия исполнителя преступления находятся вне пределов осознания и желания укрывателя, то есть отсутствуют объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении.

Вместе с тем, следует согласиться с высказанным Ю. Е. Пудовочкиным мнением о том, что лицо может быть осуждено за укрывательство и за пособничество одновременно только в случае реальной совокупности преступлений, когда это лицо оказывает помощь в совершении одного преступления и укрывает иное преступление [3, с. 119]. Также отметим, что заранее не обещанное укрывательство преступления, если оно было совершено должностным лицом с использованием своего служебного положения, следует квалифицировать по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст.202 УК РФ, ст. 285 УК РФ или ст. 286 УК РФ.

Хрестоматийным является правило, согласно которому лицо, совершившее преступление, не подлежит уголовной ответственности за недонесение о нем или его укрывательстве, так как недонесение о преступлении и укрывательство преступления является частью предкриминального и посткриминального поведения лица, совершившего преступление, уголовное законодательство не возлагает на лицо, совершившее преступление, обязанность сообщать о его совершении в органы государственной власти, также сокрытие следов, орудий и предметов не является уголовно наказуемым деянием для исполнителя преступления и его соучастников. Указанное правило было разъяснено в п. 5 Постановления Пленума ВС СССР от 31.07.1962 № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества»

[4]. Однако, в нем существует исключение, им является преступление, предусмотренное ст. 174.1 УК РФ. При совершении действий, указанных в диспозиции ст. 174.1 УК РФ, лицо, их совершающее, скрывает предметы, добытые преступным путём в результате основной преступной деятельности. Действия, предусмотренные диспозицией ст. 174.1 УК РФ, не находятся в причинно-следственной связи с основным преступлением, эти действия совершаются с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению предметам, полученным в результате основной преступной деятельности.

Исходя из того, что укрывательство преступления относится теорией уголовного права к так называемым предикатным преступлениям [5, с. 80-83] можно сделать вывод о том, что укрывательство возможно только лишь после совершения основного (главного) преступления, однако, как указывается в литературе, укрывательство преступлений может иметь место до момента окончания совершения основного преступления, например, на стадии оконченного покушения, когда основной виновник выполнил весь объем действий, необходимых для наступления общественно опасных последствий, но последнее по независящим от него обстоятельствам не наступило [1, с. 424], кроме этого в некоторых случаях укрывательство преступления может сопутствовать по времени совершению основного преступления, протекая параллельно с ним, либо даже предшествовать ему, но без содействия виновнику основного преступления в причинении общественно опасного последствия, например, укрывательство основного преступления на стадии его приготовления или покушения, когда укрыватель не ставит об этом в известность субъекта основного преступления, действуя при этом инкогнито [7, с. 37].

Субъективная сторона преступного укрывательства характеризуется рядом моментов, первый из них, это заранее не обещанное укрывательство, о чем мы ранее указывали. Второй – осведомлённость укрывателя (интеллектуальный момент преступного укрывательства) о факте совершения преступления иным лицом, об источнике происхождения получаемых, приобретаемых или сбываемых предметов, именно он наиболее полно иллюстрирует уголовно-правовой принцип, известный со времён римского права «незнание факта является оправданием». И третий, волевой момент преступного умысла укрывателя, характеризуется желанием совершить действия, связанные с укрывательством преступления.

Устанавливая субъекта преступного укрывательства, следует исходить из того, что в некоторых составах укрывательства преступлений имеются примечания, согласно которым лицо может не подлежать уголовной ответственности, если оно укрывает преступление, совершенное своим супругом или своим близким родственником (ст. 308 УК РФ, ст. 316 УК РФ).

Делая вывод о вышесказанном, отметим, что укрывательство преступления является достаточно сложным уголовно-правовым субинститутом, который нуждается в более детальном изучении и разработке, так как он является смежным не только для института соучастия, но и некоторые из положений укрывательства преступления затрагивают субинституты прикосновенности к преступлению, а именно недонесения о преступлении и попустительства в преступлении.

Список литературы

1.Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина: Монография. – М.: РГУП, 2019, с.508.
2.О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого пре-

ступным путём. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 // http://www.supcourt.ru/documents/own/8442/
3.Пудовочкин Ю.Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика: Научно-практическое пособие. — М.: Российский государственный университет правосудия, 2017. с.119
4.О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 11 // https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F1305977%2Fparagraph%2F18%2Fhighlight%2FПленума%20Верховного%20Суда%20СССР%20от%2031%20июля%201962%20года%20N%2011%3A2
5.Кашкаров А.А., Кашкаров А.А. Отграничение предикатных составов преступлений от иных уголовно-правовых институтов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №6. С. 80-83.
6.Шарапов Р.Д. Совместная преступная деятельность без признаков соучастия: прикосновенность к преступлению, участие в преступлении при отсутствии совместного умысла // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 36-41.

Kashkarov A. A., Poshtaruk D. A.Criminally-legal characteristic concealment of crimes // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 1. – P. 125-129.

The article examines the issues related to the application of criminal law, establishing criminal liability for criminal activity related to the concealment of crimes, analyzes the specificity of the confluence of several persons in the commission of a criminal concealment of a crime. The publication reveals aspects that make it possible to distinguish concealment of a crime from complicity in a crime and other forms related to a crime, namely, connivance in a crime and failure to report a crime. The study of concealment of a crime was carried out on the basis of the analysis of objective and subjective signs that are inherent in this criminal-legal form. Based on the study of the current edition of the Criminal Code of the Russian Federation in the publication, the authors come to the conclusion that the following elements of crimes, provided for in Art. 174 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 175 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 316 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 299 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 300 of the Criminal Code of the Russian Federation; h. 2-4 art. 303 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 305 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 308 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusions drawn in the publication are supported by doctrinal provisions.

Key words: crime, involvement in a crime, concealment of a crime, a confluence of several persons in the commission of a crime, failure to report a crime, connivance in a crime.

Spisok literatury

1. Souchastie v prestuplenii: problemy kvalifikacii i naznacheniya nakazaniya / Pod red. YU.E. Pudovochkina: Monografiya. – M.: RGUP, 2019, s.508.
2. O sudebnoj praktike po delam o legalizacii (otmyvanii) denezhnyh sredstv ili inogo imushchestva, priobretyonnyh prestupnym putyom, i o priobretenii ili sbyte imushchestva, zavedomo dobytogo prestupnym putyom. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 7 iyulya 2015 goda № 32 // http://www.supcourt.ru/documents/own/8442/
3. Pudovochkin YU.E. Kvalifikaciya souchastiya v prestuplenii. Sudebnaya praktika: Nauchno-prakticheskoe posobie. — M.: Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya, 2017. s.119
4. O sudebnoj praktike po delam o zaranee ne obeshchannom ukryvatel'stve prestuplenij, priobretenii i sbyte zavedomo pohishchennogo imushchestva. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda SSSR ot 31 iyulya 1962 g. № 11 // https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F1305977%2Fparagraph%2F18%2Fhighlight%2FPlenuma%20Verhovnogo%20Suda%20SSSR%20ot%2031%20iyulya%201962%20goda%20N%2011%3A2
5. Kashkarov A.A., Kashkarov A.A. Otgranichenie predikatnyh sostavov prestuplenij ot inyh ugolovno-pravovyh institutov // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. №6. S. 80-83.
6. Sharapov R.D. Sovmestnaya prestupnaya deyatel'nost' bez priznakov souchastiya: prikosnovennost' k prestupleniyu, uchastie v prestuplenii pri otsutstvii sovmestnogo umysla // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2015. № 4 (34). S. 36-41.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 130-140.

УДК 343: 347.635

НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ, КВАЛИФИКАЦИИ, СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Скворцова О. В., Нестеренко А. А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье рассмотрены основные этапы криминализации неправомерных деяний в отношении детей в российском законодательстве. Исследованы положения действующего УК РФ, регламентирующие ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, показатели их правоприменения. Проведено отграничение данного вида преступления от смежных составов правонарушений. Обоснованы предложения по совершенствованию редакции ст. 156 УК РФ.

Ключевые слова: преступления против семьи и несовершеннолетних, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, жестокое обращение, защита несовершеннолетних в сфере уголовного права, насилие в семье.

Периоды детства и подросткового возраста имеют огромное значение для становления личности. В указанное время закладываются основы мировоззрения, происходит формирование интересов и характера будущего взрослого человека. Дети, которые подвергались насилию, с большой долей вероятности вырастут озлобленными, мстительными и агрессивными. Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 156 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), состоит, во-первых, в том, что причиняется вред нравственному и психическому развитию еще не сформировавшейся личности; во-вторых, ребенок не может в полной мере использовать все свои права, принадлежащие ему по закону; в-третьих, преступление совершается людьми, которые должны были воспитывать ребенка и защищать его интересы, что является крайне антигуманным [1, с. 107]. Данными показателями обусловлена актуальность нашего исследования. Целью исследования является анализ становления и действующих положений уголовного законодательства, регламентирующих ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, внесение предложений по их совершенствованию; разрешение вопросов квалификации рассматриваемого деяния и разграничения его со смежными составами правонарушений; обзор материалов судебной практики.

Жестокое обращение с несовершеннолетним представляет собой умышленное деяние, выраженное в форме действия или бездействия, со стороны субъектов, на которых возложены обязанности по воспитанию ребенка, доставляющее определенный вред его здоровью.

Основу развития системы норм, закрепляющих защиту детей от жестокого обращения, представляет собой Женевская Декларация прав ребенка 1924 г., она закрепила положение о том, что каждый ребенок является объектом международно-правовой защиты [2]. Само понятие «жестокое обращение» было введено Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. [3]. Тем не менее, по отношению к ребенку оно

начало употребляться лишь в Декларации о правах ребенка 1959 г. [4]. Обозначенные международно-правовые акты играли существенную роль в становлении нормативной основы защиты прав детей. Однако они имели достаточно ограниченный характер, что привело к необходимости принятия Конвенции ООН «О правах ребенка» 1989 г., которая и на сегодняшний день является базовым международно-правовым документом в сфере защиты прав и интересов детей [5].

Российское законодательство в сфере уголовного права до XIX в. отличается тем, что родители и воспитатели пользовались практически неограниченной и не контролируемой властью по отношению к детям. Уже в XIX – нач. XX вв. началась криминализация неправомерных деяний в отношении детей. В течение данного периода защита несовершеннолетних в сфере уголовного права развивалась по двум направлениям – защита ребенка и смягчение наказания для несовершеннолетних правонарушителей. Была заложена основа большинства институтов прав несовершеннолетних, таких, как право жить и воспитываться в семье, на жизнь, здоровье и т. д., и механизмов их защиты.

Установление уголовной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних начинается с УК РСФСР 1960 г., так как УК РСФСР 1922 и 1926 гг. неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в качестве общественно опасного деяния не рассматривали. В ст. 124 УК РСФСР 1960 г. была предусмотрена уголовная ответственность опекуна за злоупотребление опекунскими обязанностями [6].

Впервые о насилии в семье на государственном уровне в Российской Федерации упоминается в Федеральном законе «Об основах социального обслуживания населения в РФ», принятом в 1995 г., где в п. 4 ст. 3 трудная жизненная ситуация определялась как конфликты и жестокое обращение в семье [7]. Только в 1996 г. в российском уголовном законодательстве появилась норма, которая устанавливает ответственность за жестокое обращение с несовершеннолетними, соответствующая требованиям международных документов по защите прав детей и молодежи, в частности, п. 1 ст. 19 Конвенции о правах ребенка от 20.11.1989 г. и п. 53 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 года N 45/112 [8]. Это, как указывалось ранее, ст. 156 УК РФ 1996 г.

Родовым объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность и социализацию личности. Под видовым объектом следует понимать общественные отношения, охраняющие как интересы семьи, так и интересы конкретного ребенка. Основным непосредственным объектом признаются общественные отношения, связанные с обеспечением полного и всестороннего развития ребенка. Дополнительным объектом может выступать физическое и психическое здоровье потерпевшего.

Высока общественная опасность неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, поскольку у такого потерпевшего только начинается процесс формирования физических качеств и психики, определяющих впоследствии характер, взгляды, наклонности. Тем более, криминологические исследования подчеркивают, что негативная ценностная ориентация, а также жестокое обращение, пережитое в детстве, оказывают непосредственное влияние на поведение такого взрослого человека уже в его семье, в коллективе и т.д.

Кроме того, существенно повышает степень общественной опасности неисполнение обязанностей в отношении нескольких потерпевших. В связи с этим законодателю следовало бы ввести такой квалифицирующий признак, как «те же деяния, совершенные в отношении двух или более лиц».

Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего подразумевает возможность привлечения к ответственности, как за активные действия, так и за пассивное бездействие. Жестокость – основная характеристика объективной стороны.

Международный комитет красного креста дает следующее определение жестокого обращения: как пытки, так и другие методы унизительного обращения, запрещенные гуманитарным правом, а именно негуманное, жестокое, оскорбительное и унизительное обращение, оскорбление человеческого достоинства, а также физическое или моральное воздействие [9].

Активное действие либо бездействие родителя/опекуна/педагога подлежит уголовно-правовой квалификации только в том случае, если оно сопряжено с жестоким обращением, которое может быть выражено в физическом, психическом насилии, а также в применении иных не связанных с насилием недопустимых способов воспитания. Возможность квалификации по ст. 156 УК РФ поставлена под условие их соединения с воспитательным процессом. Если такая связь отсутствует, виновный привлекается к ответственности по иным статьям о преступлениях против личности (например, против здоровья).

Анализируя объективную сторону, можно выделить следующие наиболее распространенные способы совершения преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ:

1. Физическое насилие – ограничение свободы, нанесение побоев, истязания, причинение вреда здоровью, как со стороны родителей, так и допущение такого насилия со стороны третьих лиц (отчима, мачехи) либо домашнего животного. Важно понимать, что умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, истязание ребенка образуют совокупность преступлений и нуждаются в дополнительной квалификации по ст. ст. 111, 112 и 117 УК РФ.
2. Психическое насилие является воздействием на еще не сформировавшуюся психику ребенка, в результате такого насилия появляется большая вероятность возникновения психической травмы. Данное насилие может выражаться в унижении, оскорблении, высказывании угроз, травле, употреблении спиртных напитков, совершении аморальных поступков при ребенке и др.

В судебной практике жестокое обращение, как правило, как раз и выражается в форме физического или психического насилия, применяемого в отношении несовершеннолетнего, а также в применении к детям недопустимых способов воспитания. Так, 18 сентября 2019 г. Тункинский районный суд Республики Бурятия признал Подлосинскую Наталью Михайловну виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч.2 ст.117 УК РФ, ст.156 УК РФ. Подлосинская Н.М., являясь лицом, на которое в соответствии со ст. 38 Конституции РФ и ст. 63 Семейного кодекса РФ, возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних детей, заботе о физическом и нравственном развитии, обучении, в течение длительного времени, умышленно, осознавая противоправный характер своих действий, и желая этого, ненадлежащим образом исполняла возложенные на нее указанные обязанности, при этом допускала факты жестокого обращения с малолетней дочерью, злоупотребляя спиртными напитками, подвергая избиению, тем самым, оскорбляя и

унижая ее человеческое достоинство, чем отрицательно влияла на нравственное и психическое развитие своего несовершеннолетнего ребенка. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем полного сложения назначенных наказаний было принято решение окончательно назначить Подлосинской Н.М. наказание в виде 3 лет лишения свободы и штрафа в размере 5 000 руб. На основании ст.73 УК РФ назначенное наказание Подлосинской Н.М. в виде лишения свободы считать условным, установив испытательный срок в 3 года, возложив следующие обязанности: встать на учет в орган, осуществляющий контроль за поведением условно осужденных по месту жительства, пройти консультацию у врача нарколога [10].

3. Сознательное не предоставление или предоставление в ненадлежащем объеме материальных благ, необходимых для нормального развития ребенка, в числе которых достаточное питье, качественная пища, гигиенический уход, одежда по сезону, медицинская помощь.

Еще одним примером жестокого обращения с несовершеннолетними, проявляющемся в истязании и издевательстве над ребенком в форме лишения пищи, тепла, воды, может служить следующий случай из судебной практики. 25 июня 2018 г. Сорочинский районный суд признал Кучаеву Олесю Савитовну виновной в совершении преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ ч. 1 ст.109 УК РФ. Кучаева О.С, являясь матерью малолетних, проживая совместно с ними, умышленно, в целях уклонения от исполнения родительских обязанностей, систематически ненадлежащим образом исполняла свои родительские обязанности, предусмотренные ст. 38 Конституции РФ, а также ст. ст. 63, 65 СК РФ, по воспитанию своих малолетних детей, не заботилась об их физическом, психическом, духовном и нравственном развитии. Допуская жестокое обращение с ними, Кучаева О.С. систематически оставляла их одних дома без присмотра, питания, надлежащего ухода, безразлично и пренебрежительно относилась к ним, не проявляла должной заботы, не исполняла обязанности по созданию условий для проживания, не соблюдала необходимые гигиенические требования и санитарные нормы, грубо нарушала режим дня, обусловленный психофизиологическими потребностями детей, подвергая тем самым их здоровье и жизнь опасности. Кучаева О.С., ведя аморальный образ жизни, распивала спиртные напитки совместно с посторонними людьми по месту своего жительства, в том числе, в ночное время, что мешало полноценному отдыху, спокойному сну, наносило существенный вред психическому и нравственному развитию ее детей. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ, по совокупности преступлений, путем частичного сложения наказаний, суд принял решение окончательно Кучаевой О.С. назначить наказание в виде исправительных работ сроком на 2 года с удержанием из заработной платы 15% в доход государства [11].

4. Ограничение условий и возможностей, необходимых для нормального развития, обучения и общения.

5. Эксплуатация ребенка, выходящая за рамки исполнения обычных бытовых обязанностей, понуждение к заработку денег, в том числе – путем попрошайничества, краж.

Достаточно спорным является суждение Н.В. Гуль о том, что устанавливать систематический характер преступления не обязательно, так как в законе текстуально подобное требование отсутствует [12]. С одной стороны, если исходить из материалов судебной практики, то признак систематичности необходим при доказывании

объективной стороны. С другой стороны, жестоким обращением могут быть признаны и одиночные случаи использования противоправных методов воспитания.

Характер преступных действий свидетельствует о том, что данное преступление может быть совершено только умышленно. В юридической литературе преступления рассматриваются как совершаемые с умышленной формой вины, однако ряд авторов указывает, что по отношению к наступлению последствий может существовать и неосторожность, то есть допускается двойная форма вины. Но данная позиция верно критикуется на основании того, что «состав неисполнения обязанностей по воспитанию сформулирован в законе как формальный».

Не существует единого мнения о том, в форме какого умысла совершается рассматриваемое преступление: прямого или косвенного. Так, О.В. Нарожняя считает, субъективная сторона данного преступления предполагает наличие вины в форме косвенного умысла [13]. Такого же мнения придерживается А.Н. Красиков [14]. Более уместной, на наш взгляд, является позиция большинства специалистов о наличии в действиях виновного прямого умысла.

Таким образом, данное преступление может быть совершенно только с прямым умыслом, то есть при совершении преступления лицо осознает общественную опасность деяния и желает его совершения.

Закон не содержит информации о мотивах и целях преступления. Получается, данные признаки не являются обязательными и не влияют на квалификацию, однако чаще всего учитываются при назначении наказания.

Субъект является специальным. Под специальным субъектом понимается «лицо, в силу требований уголовного закона характеризующееся дополнительно особыми, только ему присущими признаками». Обязательным признаком специального субъекта в данном случае является обязанность воспитывать несовершеннолетнего и нести за ним надзор. При этом данная обязанность должна обязательно вытекать из закона или иного нормативно-правового акта и, как верно указывает Н.В. Гуль, «при отсутствии такой обязанности, возложенной непосредственно законом, уголовная ответственность исключается».

Среди субъектов, которые могут причинить ребенку вред, следует выделить родителей и заменяющих их лиц, которые как самые близкие к ребенку люди обязаны охранять его интересы, и потому совершение ими преступлений является верхом жестокости.

В диспозиции ст. 156 УК РФ изложен перечень лиц, на которых возложена ответственность по воспитанию несовершеннолетнего. Круг специальных субъектов, по мнению ряда авторов, можно разделить на две группы: 1) лица, обязанные воспитывать несовершеннолетнего; 2) лица, обязанные осуществлять надзор за несовершеннолетним. К первой группе относятся родители, которыми согласно ст. 51 Семейного кодекса (далее – СК) РФ являются мать и (или) отец, записанные в книге записи рождений, и на которых, согласно ст. 63 СК РФ, возложена обязанность воспитывать своих детей [15, с. 22, 29]. К данной группе также следует отнести усыновителей, опекунов и попечителей, а также приемных родителей, которые, в соответствии с семейным законодательством, приравниваются к родителям в силу возложенных на них обязанностей по воспитанию. Так, согласно ст. ст. 137, 150, 153 СК РФ, указанные лица несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Согласно ст. 71 СК РФ родители, которые были лишены родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, то есть и обязанность по воспитанию несовершеннолетнего с них соответственно снимается. Родители, которые, в соответствии со ст. 74 СК РФ, ограничены судом в родительских правах, утрачивают право на личное воспитание ребенка, то есть они также освобождаются от этой обязанности. Таким образом, указанные категории лиц не могут субъектом преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ.

Вторую группу составляют лица, на которых возложена данная обязанность в силу профессиональной обязанности, которая вытекает из законов или подзаконных актов. К ним в частности можно отнести: 1) педагогического работника образовательной организации, на которого возложена обязанность в соответствии с ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» [16]; 2) работника организации, оказывающей социальные услуги. Обязанность на данную категорию работников возложена ФЗ от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» и ФЗ от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [17; 18]; 3) работника иной организации, обязанной осуществлять надзор за несовершеннолетним, на которого данная обязанность возложена, например, ФЗ от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и другими нормативно-правовыми актами [19].

Не все лица, которые фактически осуществляют воспитание, могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ. К таким лицам можно отнести близких родственников несовершеннолетнего, а также соседей и иных лиц, которые постоянно или временно могут осуществлять присмотр и уход за детьми.

То есть, в силу различных жизненных обстоятельств они могут воспитывать несовершеннолетних, но, как правильно утверждает О.М. Шаганова, «действующая редакция ст. 156 УК РФ не позволяет, однако, привлечь фактических воспитателей за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким обращением с ним, поскольку их обязанности по воспитанию не закреплены законом» [20, с. 105]. Соответственно, если они фактически причинят вред несовершеннолетнему, то будут нести ответственность лишь за соответствующее преступление против личности. В связи с этим мы считаем необходимым предусмотреть в уголовном законе ответственность за проявление жестокости в отношении несовершеннолетнего лиц, фактически заботящихся о ребенке.

Не могут быть субъектом рассматриваемого преступления лица, фактически проживающие с несовершеннолетними, являющиеся им кровными отцом или матерью, однако не зарегистрированные в данном качестве официально.

Подтверждением этому служит ст. 47 СК РФ, в соответствии с которой происхождение детей должно быть удостоверено в установленном законом порядке, а также ст. 49 СК РФ и 51 СК РФ, указывающие, что отцовство должно быть удостоверено в законном порядке, и обязательно об этом внесена определенная запись в свидетельство о рождении ребенка. Как правильно указывает О.М. Шаганова, достаточно часто складываются такие ситуации, когда родители оформляют статус «мать-одиночка», желая получать дополнительные пособия, и в таких случаях отца нельзя привлечь к уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ в случае ненадлежащего воспитания им своего ребенка. Однако необходимо тщательно изучать каж-

дую ситуацию, так как насилие в семье не должно оставаться безнаказанным. Исходя из этого, мы согласны с предложением О.М. Шагановой включить в диспозицию ст. 156 УК РФ дополнительный субъект преступления – лицо, которое фактически воспитывает ребенка.

Таким образом, субъектом рассматриваемого преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, на котором лежит обязанность по воспитанию несовершеннолетнего. Рассматривая судебные решения, связанные с данным видом преступления, можно сделать вывод, что субъектами преступления выступают, как правило, малообразованные, неработающие, ведущие нездоровый асоциальный, а то и преступный образ жизни родители, пренебрежительно относящиеся к имеющимся у них обязанностям.

Сегодня за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего существует как уголовная, так и административная ответственность. Поскольку ст. 5.35 Кодекса б административных правонарушениях (далее – КоАП) РФ и ст. 156 УК РФ на практике нередко конкурируют между собой, то следует разграничить составы данных правонарушений [21]. Общим признаком выступает неисполнение и ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Объективной стороной административного правонарушения является неисполнение либо ненадлежащее исполнение родителями (законными представителями) обязанностей по содержанию детей, что может выражаться в не предоставлении им необходимых для развития продуктов, не обеспечении одеждой, обувью и т. п.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, включает в себя два обязательных деяния, которые только в совокупности позволяют привлечь лицо к ответственности: 1) неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего; 2) жестокое обращение с несовершеннолетним.

Другим критерием отграничения рассматриваемых составов является круг субъектов. Так, используемое в ст. 5.35 КоАП РФ определение субъекта административного правонарушения «как родители или иные законные представители несовершеннолетних» не отхватывает весь возможный круг субъектов административной ответственности по данному составу правонарушения. Круг субъектов преступления, ответственность за которое установлена в ст. 156 УК РФ, шире по сравнению с субъектами по ст. 5.35 КоАП РФ. В итоге ослабляется основная цель этой нормы – роль «тормоза» для лиц, виновных в неисполнении возложенных на них обязанностей.

Преступление, предусмотренное ст. 156 УК РФ, совершается только с прямым умыслом, в то время как соответствующее административное правонарушение может быть совершено умышленно или по неосторожности. Кроме того, правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, наказывается предупреждением или наложением административного штрафа в размере от ста до пятисот рублей, что является весьма мягким наказанием с учетом того вреда, который причиняется действиями виновных, тогда как уголовное наказание предусматривает пять альтернативных видов основных наказаний.

Далее следует уделить внимание еще некоторым аспектам: возможности совокупности при квалификации ст. 156 УК РФ с иными преступлениями, а также разграничению данного деяния со смежными уголовно наказуемыми правонарушения-

ми. На наш взгляд, квалифицировать по совокупности с преступлением, предусмотренным ст. 156 УК РФ, можно лишь те деяния, наказуемость которых строже.

Достаточно сложным является разграничение таких преступлений, как неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) и истязания (п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ).

Указанные преступления следует отграничивать по следующим признакам: 1) в истязании объектом выступает здоровье несовершеннолетнего, а объектом преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, являются отношения, связанные с правом детей на воспитание и заботу, необходимое для нормального развития; 2) нанесение побоев при истязании происходит систематично, а при неисполнении обязанностей побои в качестве проявления жестокого обращения носят разрозненный характер; 3) при истязании происходит применение насилия к несовершеннолетнему, в то же время какие-либо иные потребности, вероятнее всего, удовлетворяются. Ст. 156 УК РФ подразумевает некую связь неисполнения обязанностей с жестоким обращением.; 4) в случае истязания субъект хочет причинить страдания потерпевшему; а в случае неисполнения обязанностей подобная цель отсутствует; 5) истязать несовершеннолетнего может любое лицо, достигшее 16 лет, а не исполнять обязанности по воспитанию несовершеннолетнего только специальный субъект; 7) санкция за истязание несовершеннолетнего предусматривает лишение свободы на срок от 3 до 7 лет; а ст. 156 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до трех лет. Истязание является более тяжким деянием, поэтому при квалификации стоит применять п. «г» ч. 2 ст.117 УК РФ и ст. 156 УК РФ.

Спорные моменты существуют при соотношении ст. 106 УК РФ со ст. 156 УК РФ: 1) составы анализируемых деяний имеют различный объект (жизнь − по ст. 106 УК РФ; права и законные интересы ребенка − по ст. 156 УК); 2) если по ст. 106 УК РФ объективная сторона проявляется в деянии, нацеленном на причинение смерти, то по ст. 156 УК РФ − неисполнение и (или) ненадлежащее исполнение обязанностей, соединенные с жестоким обращением; 3) В случае убийства матерью новорожденного ребенка умысел направлен именно на причинение смерти, а субъективная сторона состава ст. 156 УК РФ характеризуется желанием осуществления противоправной формы поведения.

Реальная совокупность преступлений может иметь место и в тех случаях, когда в результате жестокого обращения ребенок погибает или ему причиняется тяжкий или средней тяжести вред здоровью. В подобных ситуациях деяние должно быть квалифицировано не только по ст. 156, но и по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за убийство (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ) или средней тяжести вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ).

При этом существуют также случаи, когда осужденные по ст. 156 УК РФ были освобождены от наказания. Например, приговором от 22.01.2014г. мировым судьей судебного участка № 1Новокузнецкого района Кемеровской области Б. был осужден по ст. 156 УК РФ наказание в виде лишения свободы на срок 1 год 6 месяцев, в соответствии с положениями ст. 73 УК РФ, было назначено условно с испытательным сроком – 1 год 6 месяцев с возложением обязанностей в течение 10 дней со дня вступления приговора в законную силу встать на учет в Уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства, регулярно являться на регистрацию в органы Уго-

ловно-исполнительной инспекции по месту жительства, не менять место жительства или работы без уведомления этих органов. Мировому судье было подано представление начальник филиала по Новокузнецкому району ФКУ УИИ ГУФСИН России по Кемеровской области с просьбой рассмотреть вопрос о возможности применения акта об амнистии в связи с принятием Постановления Государственной Думы РФ «Об объявлении амнистии в связи с 70-детием Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945г.г.» от 24.04.2015. Обстоятельства, предусмотренные п.16, 17, 19 Постановления о порядке применения Постановления Государственной Думы ФС РФ «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в ВОВ 1941-1945 годов», препятствующие применению акта амнистии, отсутствовали. Поэтому было принято решение освободить от наказания Б. по приговору от 22.01.2014г. мирового судьи судебного участка № 1 Новокузнецкого района Кемеровской области по ст. 156 ч.1 УК РФ в связи с актом об амнистии [22].

Таким образом, в настоящее время проблема насилия, жестокого обращения с детьми и пренебрежение их нуждами является одной из самых острых и актуальных проблем. В свою очередь, несвоевременное принятие мер по факту преступления, связанного с неисполнением обязательств по воспитанию несовершеннолетнего, может повлечь достаточно тяжелые последствия. Так, нередки случаи семейного насилия и убийств на бытовой почве, которые могли быть предотвращены при своевременном возбуждении уголовных дел по ст. 156 УК РФ. Совершенствование же положений действующего уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего является основой для устранения пробелов в регламентации данного преступного деяния и разрешения спорных опросов квалификации.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.] – М.: Проспект, 2019. – 336 с.
2. Декларации [Электронный ресурс]: Женевская Декларация прав ребенка 1924 г: [принята 26 ноября 1924 года Пятой Ассамблеей Лиги Наций]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://souchastye.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnoe-zakonodatelstvo/oon/otdelnye-deklaracii-i-konvencii-oon/.
3. Декларации [Электронный ресурс]: Всеобщая декларация прав человека: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
4. Декларации [Электронный ресурс]: Декларация прав ребенка: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml.
5. Конвенции и соглашения [Электронный ресурс]: Конвенция о правах ребенка: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
6. Кодексы [Электронный ресурс]: Уголовный кодекс РСФСР: [принят ВС РСФСР 27.10.1960 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/36c11f9fc22cf111e09bf9ce1b8fdc2ccc1ef860/.
7. Законы [Электронный ресурс]: Федеральный закон "Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации" N 195-ФЗ: [принят 10.12.1995 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8574/.
8. Конвенции и соглашения [Электронный ресурс]: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН N 45/112Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних [приняты 14 декабря 1990 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа:
http://todeti.tomsk.ru/documents/international_child_protection/UN_General_Assembly_Resolution_45_112/.
9. Конвенции и соглашения [Электронный ресурс]: МККК. База данных по МГП. Обычное МГП. Норма 90. Пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее обращение – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/rus/docs/v1_rul_rule90.

10. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]: Приговор № 1-108/2019 от 18 сентября 2019 г. по делу № 1-108/2019. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/cXPgASb1v1JX/.
11. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]: Приговор № 1-65/2018 от 25 июня 2018 г. по делу № 1-65/2018. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/SD5YgCcUdZZ5/.
12. Гуль. Н.В. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего / Н.В. Гуль. – М.: Журнал российского права, 2005. - № 3. - С. 159-163.
13. Нарожняя, О.В. Особенности квалификации преступлений в отношении семьи и несовершеннолетних по действующему Уголовному кодексу РФ / О. В. Нарожняя. – М: Российский следователь, 2008. - № 20. - С. 20-22.
14. Красиков, А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России /А. Н. Красиков. – М.: Саратов, 1999. - С. 207.
15. Семейный кодекс Российской Федерации: [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г.] – М.: Проспект, 2020. – 96 с.
16. Законы [Электронный ресурс]: Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" N 273-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 декабря 2012 г.; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.
17. Законы [Электронный ресурс]:Федеральный закон "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" N 124-ФЗ: [принят Государственной Думой 3 июля 1998 г.; одобрен Советом Федерации 9 июля 1998 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/.
18. Законы [Электронный ресурс]: Федеральный закон "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей" N 159-ФЗ: [принят Государственной Думой 4 декабря 1996 г.; одобрен Советом Федерации 10 декабря 1996 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/.
19. Законы [Электронный ресурс]: Федеральный закон "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" N 120-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 мая 1999 г.; одобрен Советом Федерации 9 июня 1999 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/.
20. Шаганова, О.М. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего / О.М. Шаганова. – М.: Барнаул, 2014. – 176 с.
21. Кодексы [Электронный ресурс]: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: [принят Государственной Думой 20 декабря 2001 г.; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
22. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]: Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Новокузнецкого судебного района Кемеровской области от 10 июня 2015 г. по делу № 4-18/15. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://2601.kmr.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=1933.

Skvortsova O.V., Nesterenko A. A. Breach of duties for the upbringing of a minor: issues of regulation, qualification and improvement of the provisions of the current criminal legislation, review of judicial practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (73). № 4. – P. 130-140.

The main stages of criminalization of illegal acts against children in Russian legislation are considered in the article. The provisions of the current criminal code that regulate liability for dereliction of duties on education of minors, indicators of enforcement are researched. This type of crime is deliminated from related offenses. Proposals for improving the redaction of article 156 of the criminal code of the Russian Federation are substantiated.

Key words: household crimes, breach of duties for the upbringing of a minor, abusive treatment, protection of minors in criminal law, domestic violence**.**

Spisok literatury

1. UgolovnyjkodeksRossijskojFederacii: [prinyatGosudarstvennojDumoj 24 maya 1996 g.; odobrenSovetomFederacii 5 iyunya 1996 g.] – M.: Prospekt, 2019. – 336 s.
2. Deklaracii [Ehlektronnyjresurs]: ZhenevskayaDeklaraciyapravrebenka 1924 g: [prinyata 26 noyabrya 1924 godaPyatojAssambleejLigiNacij]. – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: http://souchastye.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnoe-zakonodatelstvo/oon/otdelnye-deklaracii-i-konvencii-oon/.
3. Deklaracii [Ehlektronnyjresurs]: Vseobshchayadeklaraciyapravcheloveka: [prinyataGeneral'nojAssambleej OON 10 dekabrya 1948 g.]. – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
4. Deklaracii [Ehlektronnyjresurs]: Deklaraciyapravrebenka: [prinyataGeneral'nojAssambleej OON 20 noyabrya 1959 g.]. – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml.

5. Konvencii i soglasheniya [Ehlektronnyjresurs]: Konvenciya o pravakhrebenka: [prinyataGeneral'nojAssambleej OON 20 noyabrya 1989 g.]. – Rezhimdostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
6. Kodeksy [Ehlektronnyjresurs]: Ugolovnyjkodeks RSFSR: [prinyat VS RSFSR 27.10.1960 g.]. – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/36c11f9fc22cf111e09bf9ce1b8fdc2ccc1ef860/.
7. Zakony [Ehlektronnyjresurs]: Federal'nyjzakon"Obosnovakhsocial'nogoobsluzhivaniyanaseleniya v RossijskojFederacii" N 195-FZ: [prinyat 10.12.1995 g.]. – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8574/.
8. Konvencii i soglasheniya [Ehlektronnyjresurs]: RezolyuciyaGeneral'nojAssamblei OON N 45/112 RukovodyashchieprincipyOrganizaciiOb"edinennykhNacijdlyapreduprezhdeniyaprestupnostisredinesovershennoletnikh [prinyaty 14 dekabrya 1990 g.]. – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: http://todeti.tomsk.ru/documents/international_child_protection/UN_General_Assembly_Resolution_45_112/.
9. Konvencii i soglasheniya [Ehlektronnyjresurs]: MKKK. Bazadannykhpo MGP.Obychnoe MGP. Norma 90. Pytki, zhestokoe, beschelovechnoeiliunizhayushcheeobrashchenie – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/rus/docs/v1_rul_rule90.
10. Sudebnye i normativnyeakty RF [Ehlektronnyjresurs]: Prigovor № 1-108/2019 ot 18 sentyabrya 2019 g. podelu № 1-108/2019. – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: https://sudact.ru/regular/doc/cXPgASb1v1JX/.
11. Sudebnye i normativnyeakty RF [Ehlektronnyjresurs]: Prigovor № 1-65/2018 ot 25 iyunya 2018 g. podelu № 1-65/2018. – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: https://sudact.ru/regular/doc/SD5YgCcUdZZ5/.
12. Gul', N.V. Ugolovnayaotvetstvennost' zaneispolnenieobyazannostejpovospitaniyunesovershennoletnego / N.V. Gul'. – M.: Zhurnalrossijskogoprava, 2005. - № 3. - S. 159-163.
13. Narozhnyaya, O.V. Osobennostikvalifikaciiprestuplenij v otnosheniisem'i i nesovershennoletnikhpodejstvuyushchemuUgolovnomukodeksu RF / O. V. Narozhnyaya. – M: Rossijskijsledovatel', 2008. - № 20. - S. 20-22.
14. Krasikov, A.N. Ugolovno-pravovayaokhranaprav i svobodcheloveka v Rossii / A. N. Krasikov. – M.: Saratov, 1999. - S. 207.
15. SemejnyjkodeksRossijskojFederacii: [prinyatGosudarstvennojDumoj 8 dekabrya 1995 g.] – M.: Prospekt, 2020. – 96 s.
16. Zakony [Ehlektronnyjresurs]: Federal'nyjzakon"Obobrazovanii v RossijskojFederacii" N 273-FZ: [prinyatGosudarstvennojDumoj 21 dekabrya 2012 g.; odobrenSovetomFederacii 26 dekabrya 2012 g.]. – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.
17. Zakony [Ehlektronnyjresurs]: Federal'nyjzakon"Obosnovnykhgarantiyakhpravrebenka v RossijskojFederacii" N 124-FZ: [prinyatGosudarstvennojDumoj 3 iyulya 1998 g.; odobrenSovetomFederacii 9 iyulya 1998 g.]. – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/.
18. Zakony [Ehlektronnyjresurs]: Federal'nyjzakon"Odopolnitel'nykhgarantiyakhposocial'nojpodderzhkedetej-sirot i detej, ostavshikhsyabezpopecheniyaroditelej" N 159-FZ: [prinyatGosudarstvennojDumoj 4 dekabrya 1996 g.; odobrenSovetomFederacii 10 dekabrya 1996 g.]. – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/.
19. Zakony [Ehlektronnyjresurs]: Federal'nyjzakon"Obosnovakhsistemyprofilaktikibeznadzornosti i pravonarushenijnesovershennoletnikh" N 120-FZ: [prinyatGosudarstvennojDumoj 21 maya 1999 g.; odobrenSovetomFederacii 9 iyunya 1999 g.]. – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/.
20. Shaganova, O.M. Ugolovnayaotvetstvennost' zaneispolnenieobyazannostejpovospitaniyunesovershennoletnego / O.M. Shaganova. – M.: Barnaul, 2014. – 176 s.
21. Kodeksy [Ehlektronnyjresurs]: KodeksRossijskojFederaciiobadministrativnykhpravonarusheniyakh: [prinyatGosudarstvennojDumoj 20 dekabrya 2001 g.; odobrenSovetomFederacii 26 dekabrya 2001 g.]. – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
22. Sudebnye i normativnyeakty RF [Ehlektronnyjresurs]: Postanovleniemirovogosud'isudebnogouchastka № 1 NovokuzneckogosudebnogorajonaKemerovskojoblastiot 10 iyunya 2015 g. podelu № 4-18/15. – Ehlektronnyetekstovyedannye. – Rezhimdostupa: http://2601.kmr.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=1933.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 1. – С. 141-145.

УДК 343.341

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Оболенский Ю. Б.

Севастопольский государственный университет

Работа посвящена анализу вопроса освобождения от уголовной ответственности за деятельность устойчивых преступных объединений, а именно: террористическое сообщество, террористическая организация, незаконное вооруженное формирование, преступное сообщество (преступная организация). Обосновывается целесообразность установления условий освобождения от уголовной ответственности, за совершение преступления, предусмотренного ст. 209 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: организованная преступность, террористическое сообщество, террористическая организация, незаконное вооруженное формирование, преступное сообщество (преступная организация), банда.

Организованная преступность по оценкам многих ученых – сложное социальное явление, которое сопровождает политическое, экономическое и культурное развитие большинства стран. В современности организованная преступность приняла довольно большие масштабы и вышла на международную арену. Необходимо отметить, что борьба с организованной преступностью является одной из приоритетных задач, в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 дек. 2015 № 683 [1].

Высокий уровень сплоченности организованных преступных сообществ, их коррумпированность и продуманность системы защиты от правоохранительных органов должны находить адекватное отражение в разработке мер борьбы с ними в нормативных правовых актах. В связи с этим, перед государством, в лице ее законодательных, исполнительных и правоохранительных органов встала важнейшая задача – не допустить дальнейшего развития разрастания преступности и, в первую очередь, организованной, содержать ее на максимально низком уровне, который не угрожает жизненно важным интересам государства.

Следует указать, что отдельным вопросом темы, которая исследуется, уже уделялось внимание отдельных ученых, среди которых можно выделить труды П.И. Гришаева, Г.А. Кригера, В.Н. Кудрявцева, А.А. Пионтковского, Н.С. Таганцева и др.; вопросы противодействия организованным преступным группам, бандам, преступным сообществам освещены в трудах Л.Д. Гаухмана, П.Ф. Гришанина, А.И. Долговой, В.С. Комиссарова, Н.Г. Кадникова; проблема ответственности за создание преступных сообществ была исследована в диссертациях Е.А. Галактионова, Е.А. Гришко, Н.Ю. Клименко, В.А. Конарева, О.Н. Литовченко, А.А. Мордовца и др. Однако, несмотря на существующие публикации остается много дискуссионных вопросов, которые влияют на дальнейшее развитие науки уголовного права, совершенствование уголовного законодательства и практики его применения.

Отдельный вопрос, который, по нашему мнению, требует исследования является применение «поощрительных норм», которые предусмотрены в статьях Особенной

части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающих ответственность за отдельные формы организованной преступности.

При раскрытии этого вопроса следует отметить, что в науке уголовного права существует несколько видов освобождения лица от уголовной ответственности. Наиболее распространенным вариантом классификации указанных обстоятельств является их разделение на «общие» и «специальные».

Относительно «общих» видов освобождения от уголовной ответственности, спорные вопросы среди авторов отсутствуют, из-за того, что они предусмотрены Общей частью УК РФ. Среди указанных обстоятельств можно отметить: добровольный отказ от доведения преступления до конца (ст. 31); деятельное раскаяние (ст. 75); примирение с потерпевшим (ст. 76); возмещение ущерба (ст. 76.1), назначение судебного штрафа (ст. 76.2), изменение обстановки (ст. 77), истечение срока давности (ст. 78), амнистия и помилование (ст.ст. 84-85 85-87); применение принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90).

Относительно «специальных» видов освобождения от уголовной ответственности, следует отметить, что существуют дискуссионные вопросы среди авторов по этому вопросу. Так, авторы, которые придерживаются мнения, относительно разделения данных обстоятельств на указанные виды, отмечают, что они предусмотрены законодателем в Особенной части УК РФ и касаются отдельных преступлений, поэтому не могут отождествляться с общими обстоятельствами, которые установлены в Общей части УК РФ.

По мнению иных авторов, нельзя выделять институт освобождения от уголовной ответственности, который содержится в Особенной части УК РФ в качестве отдельного, обосновывая это положение тем, что результатом применения действия указанных обстоятельств в обоих случаях является освобождение лица от уголовной ответственности.

По нашему мнению, являются верными мнения авторов, которые отмечают, что виды освобождения от уголовной ответственности необходимо разделять на «общие» и «специальные», в виду того, что, первая категория видов, при наличии определенных условий, предусмотренных уголовным законом, может быть применена к любому лицу, которое совершило преступление. Вторая же категория видов, может быть применена лишь к лицам, которые совершили определенные преступления, за которые законодатель непосредственно предусмотрел указанные условия.

Относительно освобождения лица от уголовной ответственности за преступления, которые являются проявлениями организованной преступности, следует отметить, что некоторые исследователи и практические сотрудники считают, что преступные группировки могут состоять лишь из негативно настроенных лиц, и не могут быть из «нейтральных» и «позитивных». Однако, следует заметить, что опыт работы указывает на то, что группировки состоят не только из негативно настроенных лиц, но и из «позитивных» («нейтральных») [2, с. 130].

В соответствии с вышеуказанным, необходимо отметить, что при принятии нового уголовного кодекса законодатель предусмотрел условия, в соответствии с которыми лицо может быть освобождено от ответственности за совершение преступлений, которые являются проявлениями организованной преступности.

В соответствии с п. 1 примечания к ст. 205.4 УК РФ: «Лицо, добровольно прекратившее участие в террористическом сообществе и сообщившее о его существо-

вании, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Не может признаваться добровольным прекращение участия в террористическом сообществе в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении его и заведомо для него следственных, либо иных процессуальных действий».

В соответствии с примечанием к ст. 205.5 УК РФ: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, и добровольно прекратившее участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Не может признаваться добровольным прекращение участия в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении его и заведомо для него следственных, либо иных процессуальных действий».

В соответствии с примечанием к ст. 208 УК РФ: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

В соответствии с примечанием к ст. 210 УК РФ: «Лицо, совершившее хотя бы одно из преступлений, предусмотренных настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении либо сообщившее о готовящемся собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп и активно способствовавшее раскрытию или пресечению деятельности преступного сообщества (преступной организации) или входящего в него (нее) структурного подразделения и (или) раскрытию и (или) пресечению преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) или входящим в него (нее) структурным подразделением, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления» [3].

На основе анализа указанных норм можно сделать вывод, что освобождение от уголовной ответственности за указанные преступления предусматривает наличие ряда условий:

- совершение преступления впервые (ст. 205.5, ст. 208);
- сдача оружия (ст. 208);
- прекращение участия в сообществе или сообщение о готовящемся собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп (ст. 210);
- активно способствовавшее раскрытию или пресечению деятельности преступного сообщества (преступной организации) (ст. 210);
- активно способствовавшее раскрытию и (или) пресечению преступлений, совершенных преступным сообществом (ст. 210);
- отсутствие иных преступлений в действиях лица (ст. 205.5, 208, 210).

В соответствии с вышеуказанным следует отметить, что при принятии нового УК РФ законодатель, прежде всего, руководствовался конституционными принципами построения правового государства и, в первую очередь, принципом гуманизма. На основании этого, в содержании уголовного закона, он предусмотрел определенные условия освобождения лица от уголовной ответственности.

По нашему мнению, устанавливая определенные условия освобождения от ответственности за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, какими являются нормы, предусматривающие ответственность за деятельность организованных преступных объединений, законодатель преследовал не только цель освободить лицо, виновное в совершении этого преступления, которое встало на путь исправления, осознало свои общественно опасные деяния и выполнило определенные условия, предусмотренные законом, но и цель предупредить или пресечь это или иные преступления, в соответствии с тем, что одной из задач УК РФ является предупреждение преступлений [3].

Раскрывая вопрос, который анализируется, необходимо отметить, что в ст. 209 УК РФ предусмотрена ответственность за еще одну форму организованной преступности – банду, а именно за создание устойчивой вооруженной группы (банды) с целью нападения на граждан или организации. Поощрительные нормы в данной статье отсутствуют.

В соответствии с вышеуказанным, с целью более эффективной борьбы и предупреждения преступления предусмотренного ст. 209 УК РФ, по нашему мнению, является целесообразным установление условий освобождения лица от ответственности за его совершение, а именно, дополнив его примечанием следующего содержания: лицо, совершившее хотя бы одно из преступлений, предусмотренных настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в вооруженной группе (банде), сдавшее оружие (при условии его наличия у данного лица) и активно способствовавшее раскрытию или пресечению деятельности вооруженной группы (банды) и (или) раскрытию и (или) пресечению преступлений, совершенных вооруженной группой (бандой), освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

На основании указанного, по нашему мнению, освобождение от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 209 УК РФ, по аналогии с иными тождественными нормами, должно соответствовать ряду условий: условиям, а именно:

- добровольность прекращения участия в вооруженной группе (банде);
- сдача оружия, при условии, если оно имелось у данного лица. Такая формулировка данного условия, по нашему мнению, будет отвечать положениям постановления, Пленума Верховного суда РФ от 17 янв. 1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», в котором указано, что вооруженность предполагает наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного оружия, как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия [4], из чего можно сделать заключение, что оружие может иметь место не у всех участников данного сообщества.
- активное содействие раскрытию преступной деятельности, должно заключаться в помощи работникам правоохранительных органов в нейтрализации дея-

тельности вооруженной группы (банды). Указанная помощь должна выражаться в предоставлении полной и достоверной информации о деятельности указанной группировки, даче правдивых показаний в ходе допросов и проведении других следственных действий и выполнения любых других действий, необходимых для прекращения преступной деятельности вооруженной группы (банды);

- отсутствие в деяниях лица состава иного преступления. Мы считаем, что данное условие является необходимым в связи с тем, что освобождение от ответственности за совершение одного преступления, не может автоматически освобождать и от ответственности других преступлений, даже и, если они связаны с его совершением. Необходимо отметить, что в случае выполнения лицом указанных выше условий, оно должно освобождаться от уголовной ответственности за совершение преступления предусмотренного ст. 209 УК РФ, и нести ответственность только за иные совершенные преступления.

Список литературы

1. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1, ч. 2, ст. 212.
2. Организованная преступность – 2: «Круглый стол» Криминологической ассоциации // Отв. ред. Долгова А. И., Дьяков С. В. – М. : Криминологическая ассоциация, 1993. – 326 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 No 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ fb522826ace216c139340de9ed06214ba989c656/. – Текст электронный.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 янв. 1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм». URL: http://www.advokat-profes.ru/2010-12-06-13-43-33/434------17011997--1.html

Obolensky Y. B. Exemption from criminal liability for the activities of organized criminal associations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 141-145.

The work is devoted to the analysis of the issue of exemption from criminal liability for the activities of stable criminal associations, namely: terrorist community, terrorist organization, illegal armed formation, criminal community (criminal organization). The expediency of establishing the conditions for exemption from criminal liability for committing a crime under Art. 209 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: organized crime, terrorist community, terrorist organization, illegal armed formation, criminal community (criminal organization), gang.

Spisok literatury

1. Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii : Ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 31 dek. 2015 g. № 683 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2016. – № 1, ch. 2, st. 212.
2. Organizovannaya prestupnost' – 2: «Kruglyj stol» Kriminologicheskoj associacii // Otv. red. Dolgova A. I., D'yakov S. V. – M. : Kriminologicheskaya associaciya, 1993. – 326 s.
3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 No 63-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ fb522826ace216c139340de9ed06214ba989c656/. – Tekst elektronnyj.
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17 yanv. 1997 № 1 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za banditizm». URL: http://www.advokat-profes.ru/2010-12-06-13-43-33/434------17011997--1.html

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 146-152.

УДК 343

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Шадрин И. А.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье рассматривается общее понятие криминологической характеристики и элементы криминологической характеристики взяточничества. С использованием системного подхода проанализирована взаимосвязь криминологической характеристики взяточничества, как информационной основы всей системы государственного криминологического противодействия коррупционным преступлениям с вопросами уголовной антикоррупционной политики и усовершенствования законодательства об уголовной ответственности за взяточничество.

Ключевые слова. Криминологическая характеристика, уголовная ответственность, противодействие преступности, взяточничество, коррупционные преступления, подкуп, коррупция.

Проблема научного преобразования информации в знание является одной из главных в современном информационном обществе. Так, известный публицист А. Несмиян, в частности, отмечает: «Информация – это всегда неструктурированный массив каких-то данных с неочевидными и зачастую неизвестными связями внутри них. Превращение информации в знание – то есть, упакованную и структурированную информацию с выстроенными причинно-следственными цепочками и отрефлексированными противоречиями – работа сложная и требует определенных навыков».[1]

Сведения, характеризующие коррупционные преступления, большинство из которых охватывается понятием взяточничества, имеют достаточно широкий диапазон социально полезного применения. Так, в самом общем представлении они, безусловно, предопределяют осознание мыслящим слоем общества, включая, прежде всего, законодателя, как его стратегическое ядро, социальной обусловленности уголовной ответственности за коррупционные преступления. Конкретно применимы такие сведения и в широкой области государственной уголовной политики, включая сферу решения вопросов, связанных с криминализацией и декриминализацией коррупционных деяний, пенализацией, дифференциации уголовной ответственности и т.д. Поэтому научное внимание к содержанию и эффективным возможностям использования таких сведений, придание им качества общественно полезного и применимого в правовом плане знания является необходимым и закономерным. Основной формой обобщения, структурирования и систематизации правовых и фактических знаний о взяточничестве является их криминологическая характеристика. Все это и обусловило актуальность настоящего исследования.

Криминологическая характеристика преступлений – категория комплексная и динамичная. В ее основе лежат теоретические представления о преступлении, об отдельных видах преступной деятельности и о преступности в целом. Преступность является понятием собирательным, так как включает в себя совокупность конкрет-

[1] Пандемия страха - Эль Мюрид – ЖЖ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://el-murid.livejournal.com/4418895.html

ных преступлений, обладающих определенными индивидуальными характеристиками и объединенных в пределах временно-пространственных координат. Как писал И.И. Карпец: «… преступности, как всякому социальному явлению, можно дать количественную и качественную характеристики».[2] Характеристика преступности в целом, как и отдельных ее видов, традиционно занимают центральное место в криминологической науке.

Научные представления о криминологической характеристике преимущественно связаны с описанием свойств, закономерностей, факторов и последствий преступности в целом или отдельных видов преступлений, а также свойств личности преступника (отдельных его типов).[3] Совокупность сведений, характеризующих свойства и данные об определенном виде или группе преступлений либо конкретном общественно опасном деянии используется для предупреждения преступлений.[4] Криминологическая характеристика в самом обобщенном о ней представлении, включает, преимущественно, сведения об определенных количественных и качественных показателях и свойствах преступности, включая: объем, интенсивность, динамику, структуру, общественную опасность, территориальное распределение, латентность, виктимность, криминологический портрет личности преступника, типичный для данного вида преступлений.[5]

Криминологическая характеристика коррупционных преступлений должна включать описание характерных для таких преступлений свойств, закономерностей, факторов, а также последствий и свойств личности преступника.[6] По своему содержанию такая характеристика предполагает структурирование и систематизацию относящихся к коррупционным преступлениям сведений, что позволяет увидеть их целостную картину и, в итоге, должно способствовать разработке системы, направленной на эффективное противодействие преступлениям рассматриваемой категории. В числе криминологически значимых количественных и качественных параметров рассматриваемых нами преступлений выделяют, как правило, сведения, которые характеризуют их структуру, динамику, удельный вес, уровень их латентности и степень общественной опасности, а также типовую характеристику личности преступника-коррупционера.[7] Таким образом, криминологическая характеристика взяточничества представляет наиболее оптимальную форму систематизации знаний, используемых в целях криминологического противодействия таким преступлениям.

Необходимость систематизации в целях противодействия преступности теоретико-прикладных знаний, применяемых посредством превенции, правоохранительного воздействия и правоприменения вполне очевидна и не требует дополнительных

---

[2] Криминология : учебник / под ред. И.И. Карпеца, В.Е. Эминова. – М.: Манускрипт, 1992. С. 41.
[3] Максимов С. В. Краткий криминологический словарь. М. : Юристъ, 1995. С. 11; Криминология: учебное пособие / под общ. ред. В. Е. Эминова. М. : Издательская группа ИНФРАМ-НОРМА, 1997. С. 65.
[4] Хохряков Г. Ф. Криминология: учебник / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1999. С. 210– 225.
[5] Максимов С. В. Предупреждение коррупции: лекция. М. : МИ МВД РФ, 1994. С. 18.
[6] Криминология: учебное пособие / под общ. ред. В. Е. Эминова. М. : Издательская группа ИНФРАМ-НОРМА, 1997. С. 65.
[7] Перцев Д.В., Полищук А.Н. особенности криминологической характеристики взяточничества. https://zakoniros.ru/?p=31151

обоснований. Криминологическая характеристика коррупционных преступлений является одной из форм систематизации таких знаний. Ее также следует рассматривать в качестве базового информационного элемента системы противодействия коррупционным преступлениям.

Как отмечает В.А. Биляев: «Система государственного противодействия преступности представлена совокупностью элементов, объединённых для достижения единых, общих для всех ее компонентов конечных целей в единую структуру с помощью прямых и обратных связей».[8] Система противодействия преступности охватывает множество взаимосвязанных элементов, которые если рассматривать их в информационном ключе, требуют комплексного анализа. Исходя из требований системного подхода, отдельные элементы системы должны рассматриваться во взаимосвязи с самой системой, как системообразующим для них базовым элементом. Криминологическая характеристика взяточничества, является тем системообразующим элементом, который требует первоочередного анализа в контексте решения большинства вопросов противодействия коррупционной преступности.

Коррупционная преступность рассматривается в криминологии как отдельный вид преступности. Его характерными особенностями является подкуп и продажность государственных и негосударственных служащих и обусловленное в связи с такими отношениями использование ими служебных полномочий и авторитета в личных или иных интересах. Системообразующим элементом для таких преступлений служит понятие коррупции.

Как сложное и опасное социальное явление, коррупция, представляется в виде системы, которая подчиненна определяющему влиянию совокупности различных по своей природе и особенностям их воздействия факторов, объективно существующих в обществе – психологических, социальных, экономических, политических и иных. Эти взаимосвязанные факторы, в то же время, динамичны и постоянно видоизменяются, приводя при этом к изменениям в качественных параметрах самой системы.[9]

Вышеуказанные факторы лежат в основе причин и условий коррупции в широком понимании и коррупционных преступлений, в частности. Существующая при этом связь между причинами и условиями коррупционных преступлений (факторами коррупции) и состоянием коррупционной преступности имеет и взаимно направленное синергетическое выражение. Так, с одной стороны, от результатов государственной правовой политики в сфере противодействия коррупционной преступности и эффективности уголовного закона как ее основного продукта прямо зависит состояние коррупционной преступности, отражаемое в криминологических показателях. В то же время, анализируемые криминологические показатели позво-

---

[8]Биляев В.А. Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании: системный поход // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: Материалы V Международной научно-практической конференции, 27-29 апреля 2017 года, г. Симферополь-Алушта / отв. ред. М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко : КФУ им. И.В. Вернадского. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 19

[9] Игнатов А.Н. Коррупция в органах публичной власти как системное явление / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. Российская криминологическая ассоциация. – 2015. – С. 63.

ляют оценить и повысить эффективность государственной правовой политики в данной сфере путем выработки и внедрения необходимых правовых решений.

Предмет криминологии составляют преступность, в достаточно широком о ней представлении, включая как индивидуальное преступное поведение, так и отдельные виды преступной деятельности, а также преступность различных социальных групп, преступность в регионе, в стране и в истории человечества, в целом. Криминология изучает также личность преступника, причины преступности и меры, направленные на ее предупреждение. Если при этом говорить о взаимосвязи между различными разделами криминологической науки, то следует сказать, что изучение преступности и ее детерминантов, а также личности преступника преследует вполне определенную итоговую цель – овладение современными криминологическими знаниями о предупреждении преступности. Криминологическое предупреждение или профилактика преступности является специфической областью социального регулирования, управления и контроля преследующая своей целью противодействие преступности путем выявления и устранения ее детерминант.[10]

Как видим, весь объем криминологических знаний о преступлениях, преступности и преступниках имеет вполне определенную цель приложения, заключающуюся в противодействии преступности. Это и следует подчеркнуть. В противном случае, само по себе, существование криминологического знания без его практического приложения представлялось бы бессмысленным. Применение этого знания в общественно-полезных целях – для противодействия преступности, придает ему, таким образом, необходимое завершенное качество знания «во благо».

Организация противодействия преступности, содержит целый комплекс составляющих ее взаимосвязанных направлений, включая, в частности, информационно-аналитическую работу, криминологическое прогнозирование и моделирование, составление и реализацию программ борьбы с преступностью, правоохранительную деятельность и организацию научных исследований в данной области. Важнейшим направлением противодействия преступности является законотворчество в уголовно-правовой сфере.

Градация преступлений на определенные виды и группы с целью их дифференцированного изучения имеет не только теоретическое и правовое, но также и важное практическое значение. Генерируемые и систематизируемые, таким образом, в недрах криминологической, криминалистической и других прикладных наук знания представляют, как принято считать, информационный базис для специализированного противодействия конкретным видам преступлений, а, значит, и преступности в целом. Однако это одно лишь из направлений использования таких систематизированных знаний. В более широком и по своему характеру стратегическом представлении сведения, отражающие криминологическую характеристику преступлений должны полагаться в основу государственной политики в области уголовно-правового нормотворчества, т.е. уголовной политики в ее узком понимании. Процесс такого правотворчества, если речь идет о вопросах уголовно-правового противодействия отдельным видам преступлений, и взяточничеству, в частности, состоит в усовершенствовании вполне определенных норм об уголовной ответственности

[10] Криминология. Конспект лекций: кратко, самое главное. Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.diagram.com.ua/info/konspekti-shpargalki/konspekti-shpargalki129.shtml

Особенной части УК РФ, что предполагает необходимость специализированоузкого подхода и использования конкретно ориентированных знаний. Из этого следует важность выделения и анализа не столько типовых, т.е. свойственных, как правило, всем преступлениям параметров криминологической характеристики в ее обобщенном понимании, а прежде всего тех ее качественных элементов, которые обуславливают градацию ответственности в уголовном законе в зависимости от степени общественной опасности преступления и личности виновного.[11] Так, одним из таких важнейших элементов криминологической характеристики взяточничества, является размер незаконного денежного вознаграждения. Гипотетически, результатом законодательного закрепления минимального размера незаконного вознаграждения в конструкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ может стать декриминализация уголовно наказуемых деяний, не соответствующих, по признакам такого размера вновь принятой законодательной формулировке, хотя и подпадающих под таковые по всем иным известным параметрам. С другой стороны, результатом отсутствия закрепления в законодательстве минимального размера взятки или коммерческого подкупа является настоящее уголовно-правовое правовое положение, в соответствие с которым указанные нами деяния по общему правилу уголовно наказуемы вне зависимости от такого размера. В этой связи Р. Д. Шарапов, анализируя уголовно-правовые проблемы малозначительности взяточничества, обращает внимание на нерешенность вопроса о минимальном размере незаконного вознаграждения, в связи с чем: «… проблема малозначительности деяния при квалификации взяточничества чаще всего ставится в контексте так называемого минимального размера взятки, являющегося отправным признаком, обусловливающим преступность деяния».[12]

Исходя из вышесказанного и учитывая предметно-целевую взаимосвязь основных компонентов криминологической области знаний, следует заключить следующее:

1. Криминология и уголовное право в пределах своего предмета взаимосвязано охватывают широкую область противодействия коррупционным преступлениям. Возможности эффективного и результативного воздействия на причины и условия коррупционных преступлений, к которым относятся взяточничество обусловлены состоянием информационно-аналитического обеспечения широкого спектра решений в комплексе мер государственной антикоррупционной политики, охватывающих, как сферу законодательной правотворческой практики, так и область правоприменения. Криминологическая характеристика взяточничества, является тем системообразующим элементом, который требует первоочередного анализа в контексте решения большинства вопросов противодействия коррупционной преступности.

2. Криминологическая характеристика преступлений в целом, как и характеристика отдельных их качественных и количественных параметров являются факторами, которые лежат в основе необходимых законодательных, организационных и иных решений проводимых в комплексе мер государственной политики противодействия преступности. В основу научных разработок, направленных на совершенствование законодательства в сфере борьбы с коррупцией и взяточничеством,

---

[11] Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – 296 с., С. 52.

[12] Шарапов Р.Д. Малозначительность взяточничества // Журнал российского права № 12 – 2017. С.71

должны быть положены данные криминологического анализа. Теоретическим базисом для такого анализа служит криминологическая характеристика взяточничества. Поэтому криминологическая характеристика взяточничества является информационной основой для усовершенствования норм Особенной части УК РФ об уголовной ответственности за данные преступления.

Список литературы

1. Пандемия страха - Эль Мюрид – ЖЖ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://el-murid.livejournal.com/4418895.html.
2. Криминология : учебник / под ред. И.И. Карпеца, В.Е. Эминова. – М.: Манускрипт, 1992. С. 41.
3. Максимов С. В. Краткий криминологический словарь. М. : Юристъ, 1995. С. 11; Криминология: учебное пособие / под общ. ред. В. Е. Эминова. М. : Издательская группа ИНФРАМ-НОРМА, 1997. С. 65.
4. Хохряков Г. Ф. Криминология: учебник / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1999. С. 210– 225.
5. Максимов С. В. Предупреждение коррупции: лекция. М. : МИ МВД РФ, 1994. С. 18.
6. Криминология: учебное пособие / под общ. ред. В. Е. Эминова. М. : Издательская группа ИНФРАМ-НОРМА, 1997. С. 65.
7. Перцев Д.В., Полищук А.Н. особенности криминологической характеристики взяточничества. https://zakoniros.ru/?p=31151.
8. Биляев В.А. Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании: системный поход // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: Материалы V Международной научно-практической конференции, 27-29 апреля 2017 года, г. Симферополь-Алушта / отв. ред. М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко : КФУ им. И.В. Вернадского. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 19.
9. Игнатов А.Н. Коррупция в органах публичной власти как системное явление / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. Российская криминологическая ассоциация. 2015., С. 63.
10. Криминология. Конспект лекций: кратко, самое главное. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.diagram.com.ua/info/konspekti-shpargalki/konspekti-shpargalki129.shtml.
11. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – 296 с., С. 52.
12. Шарапов Р.Д. Малозначительность взяточничества // Журнал российского права № 12 – 2017. С.71

Shadrin I.A. Criminological characteristics of bribery as a necessary condition for improving anti-corruption legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 146-152.

The article deals with the General concept of criminological characteristics and elements of criminological characteristics of bribery. Using a systematic approach, the author analyzes the relationship of the criminological characteristics of bribery as the information basis of the entire system of state criminological counteraction to corruption crimes with the issues of criminal anti-corruption policy and improvement of legislation on criminal liability for bribery.

Keyword. Criminological characteristics, criminal responsibility, anti-crime, bribery, corruption crimes, bribery, corruption.

Spisok literatury

1.Pandemiya straha - El' Myurid – ZHZH. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://el-murid.livejournal.com/4418895.html.
2.Kriminologiya : uchebnik / pod red. I.I. Karpeca, V.E. Eminova. – M.: Manuskript, 1992. S. 41.
3.Maksimov S. V. Kratkij kriminologicheskij slovar'. M. : YUrist'', 1995. S. 11; Kriminologiya: uchebnoe posobie / pod obshch. red. V. E. Eminova. M. : Izdatel'skaya gruppa INFRAM-NORMA, 1997. S. 65.
4.Hohryakov G. F. Kriminologiya: uchebnik / otv. red. V. N. Kudryavcev. M., 1999. S. 210– 225.
5.Maksimov S. V. Preduprezhdenie korrupcii: lekciya. M. : MI MVD RF, 1994. S. 18.
6.Kriminologiya: uchebnoe posobie / pod obshch. red. V. E. Eminova. M. : Izdatel'skaya gruppa INFRAM-NORMA, 1997. S. 65.

7.Percev D.V., Polishchuk A.N. osobennosti kriminologicheskoj harakteristiki vzyatochnichestva. https://zakoniros.ru/?p=31151.
8.Bilyaev V.A. Pravovye problemy ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v ugolovno-processual'nom dokazyvanii: sistemnyj pohod // Ugolovnoe proizvodstvo: processual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 27-29 aprelya 2017 goda, g. Simferopol'-Alushta / otv. red. M.A. Mihajlov, T.V. Omel'chenko : KFU im. I.V. Vernadskogo. – Simferopol' : IT «ARIAL», 2017. – S. 19.
9.Ignatov A.N. Korrupciya v organah publichnoj vlasti kak sistemnoe yavlenie / A.N. Ignatov, A.A. Kashkarov // Korrupciya: sostoyanie protivodejstviya i napravleniya optimizacii bor'by. Rossijskaya kriminologicheskaya associaciya. 2015., S. 63.
10. Kriminologiya. Konspekt lekcij: kratko, samoe glavnoe. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://www.diagram.com.ua/info/konspekti-shpargalki/konspekti-shpargalki129.shtml.
11. Lesnievski-Kostareva T.A. Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti: Teoriya i zakonodatel'naya praktika. – M.: Norma, 1998. – 296 s., S. 52.
12. SHarapov R.D. Maloznachitel'nost' vzyatochnichestva // ZHurnal rossijskogo prava № 12 – 2017. S.71.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 6 (72). № 4. – С. 153-161.

УДК 343

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В ПЕРИОД КОЛОНИЗАЦИИ, РАННЕГО И КЛАССИЧЕСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Никитин Ф. И.
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В данной статье предпринимается попытка исследования вопроса об эволюции концепции прав коренных народов на ранних этапах развития международного права. Анализируя различные политико-правовые и философские воззрения и теории, предложенные выдающимися мыслителями и юристами эпох Просвещения и Нового времени, включая отдельные нормативные установления, автором были выделены наиболее важные этапы развития данной концепции, а также сделаны соответствующие выводы о ходе этого развития, включая его значения, главным из которых, безусловно, является то, что данная концепция сумела пройти довольно длительный и сложный путь, в результате которого получила международно-правовое оформление и признание, сумев заложить основы международно-правовому статусу данных этнических сообществ.

Ключевые слова: коренные народы, международное право, естественное право, история и философия международного права, права человека, позитивное развитие, эволюция, концепция, теория.

Вполне небезосновательным сегодня может быть воспринято следующее утверждение: проблемы реализации коренными народами своих исконных прав продолжают оставаться одними из наиболее важных, и в тоже время, наиболее сложных для современного международного права вопросов. Подтверждая сказанное выше положение, позволим себе возможным сделать небольшое уточнение, отметив, что именно от практического решения таковых вопросов зависит будущее данных этнических сообществ и, прежде всего, в качестве самостоятельных и жизнеспособных образований. Вместе с этим, как представляется, решение последних не может быть осуществимо и сколь-либо возможно вне уяснения понимания сущности прав данных этнических сообществ, которое может быть достигнуто только в результате проведения глубокого и всестороннего анализа процесса формирования и развития концепции прав коренных народов в доктрине международного права.

Принимая во внимание, все отмеченное нами ранее, считаем возможным заметить, что многие коренные народы продолжают и сегодня сталкиваться со множеством лишений, выпавших на их нелегкую долю. Думается, здесь совершенно не стоит каким-либо образом воскрешать в памяти обстоятельства, повлекшие за собой появление оных, по той простой причине, что они не требуют прямого подтверждения или опровержения, но представляются весьма понятными, поскольку были обязаны своим возникновением одному из наиболее сложных феноменов человеческой истории, более известному сегодня под довольно циничным названием «Открытие», на деле представлявшим целенаправленную агрессию, предпринятую и осуществленную в целях захвата и отчуждения исконных земель различных народов, в итоге ставшей обычным грабежом, в результате которого человечество на протяжении

столетий наблюдало, как самым жестоким образом уничтожались целые народы, обладающие уникальными культурами в высокой степени развития [10, с. 121].

Более горько осознавать при этом, что данное действо поддерживалось весьма влиятельными людьми своего времени, всячески стремившимися оправдать его, выдвигая совершенно натянутые тезисы о неполноценности и дикости коренного населения, захватываемых ими стран [13, с. 61], постоянно проводя параллели между ними и благородными европейскими рыцарями, «призванными Господом, нести свет прогресса в темную и бессознательную жизнь варваров». Огромное влияние в рассматриваемом процессе, как известно, возымел эдикт, принятый в 1452 году Папой Римским Николаем V, вменявший в обязанность любому европейскому монарху захватывать новые территории вместе с народами, их населяющими [7, с. 5].

Подобным образом, с одобрения папских постановлений, происходило величайшее завоевание, но одновременно и невиданное до той поры столкновение цивилизаций, в итоге побудившее многих европейских мыслителей того времени, включая и видных теоретиков права, задуматься об исследовании вопроса о сущности природы взаимных отношений между европейскими державами и завоевываемыми ими народами, благодаря которому и были заложены основы ранних международно-правовых норм и принципов общения цивилизованных и нецивилизованных народов, включая также и основы первых идей о правах и свободах последних.

Стоит заметить, что весьма важное значение в исследовании этого вопроса было оказано так называемой «Вальядолидской дискуссией», более известной как «La Junta de Valladolid» или «Собрание в Вальядолиде», представлявшей собой серию нравственных богословских диспутов, проводимых в период 1550-1551 гг., и посвященных европейской колониальной политики в Новом Свете [11, с. 48], инициатива организации которых принадлежала двум доминиканским монахам – Бартоломе де лас Касасу и Хуану Хинесу де Сепульведе, предложившим совершенно отличные друг от друга способы решения стоящего перед ними «индейского» вопроса. Так, лас Касас, в приводимых им рассуждениях, настаивал на полном уравнивании индейцев и испанцев в правах. Сепульведа, напротив, исходил из необходимости поставить индейцев в более подчиненное положение, попутно, предлагая сохранить и даже расширить использование по отношению к их землям концепции «Справедливой войны» – guerra justa [11, с. 50].

Вопреки этому, как следовало бы заметить, оба дискутанта при формулировании своих доводов и аргументов, исходили из предложенных несколькими годами ранее, другим выдающимся теологом и правоведом эпохи Возрождения, а именно – Франсиско де Виторием, положений, в свою очередь, изложенным в его пятом и шестом рассуждении, затрагивавшим вопросы организации колониального управления, включая – легитимности власти испанцев на землях американских индейцев. К данным рассуждениям относились, в частности: рассуждение «De Indis Noviter Inventis» (1539) и «De Jure Bellis Hispanorum» (1540) [15], ныне закрепившиеся в истории под названием – «барбароские лекции».

Показательной в этом отношении можно считать работу «De Indis» (1539), в которой Витория сумел развить пользующуюся огромной популярную в то время идею о праве на общение и человеческое общество (jus communicationis et societatis humanae), одновременно выдвинув тезис о существовании права индейцев на владение (dominus). В представлении Витория, право на владение землей не могло быть

отобрано у данных народов «в силу их неверия или греха» [15, с. 123]. Напротив, в соответствии с данным подходом, туземцы были признаны обладателями личных прав и властью над своими землями, исходя из своей человеческой природы, подобно другим европейским народам [15, с. 127].

Приведенное выше положение, по своей сути, представляет собой ни что иное, как попытку рассмотрения проблемы статуса коренных народов через призму естественного права, постулаты которого были одинаково применимы ко всем людям и всем областям человеческих отношений, благодаря чему последнее и стало рассматриваться в качестве своеобразного «надсуверенного» нормативного порядка, независимого, а подчас и превосходящего порядок, установленный светскими правителями [2, с. 10] и церковными клириками. В свою очередь, данное положение также призвано говорить, как об огромном значении этого учения для развития концепции прав коренных народов, так и для всего международного права в целом, поскольку заменяло церковные догматы на естественные в качестве основополагающего источника международного права – jus gentium, в данном случае призванного регулировать взаимные отношения между испанцами и индейцами [15, с. 151].

Ко всему прочему, формирование данной концепции позволило Бартоломе де лас Касасу и Франсиско де Витории снискать славу выдающихся защитников прав коренных народов и первых европейцев, выступивших с осуждением европейской колонизации Америки [2, с. 10]. Таким образом, приведенные выше примеры активной просветительской и правозащитной деятельности этих двух ярких представителей эпохи Возрождения, позволили очертить контуры современной, на тот период времени, западной правовой мысли и ранней европейской юриспруденции, касающейся прав коренных народов.

Однако, все же, вопреки приводимым выше доводам, в предложенной Витории нормативной конструкции, основанной на универсальной применимости норм jus gentium к коренным народам, мы склонны видеть один существенный недостаток, связанный с тем, что индейцы, с их обычаями и образом жизни, не совсем органично вписывались в испанские представлениям о цивилизованности. Более парадоксально в данном контексте может восприниматься факт, что сам Витория, будучи сторонником признания неотъемлемых прав коренных американцев, в то же самое время приложил руку и к созданию теории «Справедливой войны», позволившей узаконить испанскую власть над индейскими землями в Новом Свете [15, с. 151, 156].

Об этом более подробно сказано в его шестом рассуждении – «De iure belli» (1540), в котором им был выдвинут тезис о том, что именно «война» является законным средством, при помощи которого возможно обеспечить превращение индейцев в испанцев, а их земель – в испанские, чем в свою очередь и воспользовался при формулировании своей позиции в рамках «Вальядолидского диспута» Хуан Хинес де Сепульведа. Вместе с этим, в отличие от суждений Супельведы, изложенная Витории теория, по нашему глубокому убеждению, выглядит менее радикальной, в результате чего может восприниматься более лояльно к вопросу статуса коренных народов, поскольку в качестве единственно возможного условия, при котором было бы возможно оправдать использование по отношению к данным народам концепции «Справедливой войны», она называла стремление защитить достоинство и права последних от варварских обычаев своих соплеменников, противоречащих

сути христианского вероучения и общечеловеческим принципам морали и нравственности, устанавливающим запрет на людоедство, человеческие жертвоприношения и другие позорные индейские обычаи [12, с. 340].

Приведенное выше утверждение, включая упомянутую нами ранее «Вальядолидскую дискуссию», наводят нас на мысль о том, что, несмотря на некоторую предвзятость взглядов теоретиков Возрождения к образу жизни и обычаям коренных американцев, основной заслугой выдвинутых ими теорий являлось то, что они позволили оказать весьма позитивное влияние на дальнейший процесс формирования и закрепления прав данных этнических общностей в рамках системы «Права народов», тем самым способствовав установлению новой конструкции отношений между европейскими державами и их неевропейским населением.

В связи с этим, мы бы хотели довольно коротко остановиться на следующем периоде развития концепции о правах коренных народов, формирование которого пришлось на время вестфальской системы международных отношений, особую роль в становлении которой сыграли имена множества выдающихся деятелей, наибольший интерес из которых для нас представляет имя одного замечательного саксонского дипломата – Эмериха фон Ваттеля.

Так, в разработанной Ваттелем новой нормативной конструкции международного права, нашедшей отражение в его фундаментальном труде о «Праве народов, или Принципах естественного права, применяемых к поведению и делам наций и суверенов» (1758 г.), в вопросах организации и осуществления международного общения между цивилизованными и нецивилизованными народами, предлагалось использовать сформулированную в прошлые десятилетия естественно-правовую матрицу [14, с. 67]. В понимании Ваттеля все нации являлись «свободными и независимыми друг от друга», также как люди «естественно свободны… [и соответственно] каждая нация должна оставаться в мирном пользовании той свободой, которую она наследует от природы» [14, с. 74].

В случае коренных народов, данные слова выражают понимание и признание последних в качестве суверенных и независимых государств. В подтверждение сказанному, позволим себе возможным привести пример практики заключения европейскими державами политических и экономических договоров с представителями многих коренных народов, легитимирующих их суверенитет и независимое существование, а также и статус субъекта международного права и отношений. Следует при этом указать, что одним из существенных условий признания государств, всегда называлось заключение с новообразовывающимся государством политических и экономических соглашений, признающих международную правосубъектность последних [1, с. 280-281].

В соответствии с вышеизложенным укажем, что сформулированная Ваттелем новая нормативная конструкция международного права, хотя и носила преимущественно позитивный характер для признания прав коренных народов, на деле она все также осложнялась общеевропейскими предрассудками о варварстве и кровожадности аборигенов, об их отсталости и неспособности к самоуправлению. К примеру, даже сам Джордж Вашингтон в своей переписке неоднократно прибегал к уничижительным эпитетам по отношению к индейцам, часто называя их «дикарями», сравнивая их со стаей волков [6, с. 85-86], убежденно настаивая на необходи-

мости установления границы на западных рубежах страны, дабы оградить индейцев от цивилизованного населения Соединенных Штатов [17, с. 40].

В свою очередь, укоренение и развитие указанных стереотипов в мышлении европейских поселенцев, подпитываемых многочисленными художественными произведениями сочинителей XIX столетия, нашло свое воплощение и в ранней судебной практике Верховного суда Соединенных Штатов, более известной как «Трилогия правосудия Маршалла», названной так по имени председателя Верховного суда Соединенных Штатов – Джона Маршалла. Данная судебная практика представляла собой серию прецедентов, в которых Верховным Судом США была выработана «Доктрина открытия», позволившая узаконить европейскую агрессию и колонизацию Нового Света, лишив коренные народы Америки права на свои исконные земли [8, с. 15-16]. К числу таковых прецедентов относились дела: Johnson v. M'Intosh, 21 U.S. (8 Wheat.) 543 (1823) [18]; Cherokee Nation v. Georgia, 30 U.S. (5 Pet.) 1 (1831) [19]; Worcester v. Georgia, 31 U.S. (6 Pet.) 515 (1832) [20].

Главной же особенностью перечисленных нами дел стало то, что они выработали весьма двойственный подход к вопросу о статусе коренных американцев, а также к вопросу об их земельном титуле [4, с. 33]. К примеру, в деле «Джонсон против Макинтош» [18], ставшим первым делом, затрагивающим индейцев, последним было отказано в признании их статуса наций или государств, но также и в их праве на полную автономию, и праве на земли своих предков, что, в принципе, подтверждало стремление отцов-основателей видеть будущее своей страны без коренных американцев [3, с. 15].

Стоит при этом заметить, что рассматривавшие приведенное выше дело судьи были в достаточной степени знакомы, и даже руководствовались изложенным в сочинении Ваттеля аргументом «оседлости», согласно которому ключевым условием «цивилизованности», а, следовательно, и обладания правом на земли, назывались «обработка земли» и «ведение оседлого образа жизни», которые, в сравнении с традиционными для индейцев охотой, собирательством и кочевничеством, в большей степени выражали связь народа с землей. Приведенный нами аргумент может быть наиболее лучшим образом изложен в следующей фразе: «нация… в силу закона природы обязана обрабатывать землю, выпавшую на ее долю…. Те [нации], кто попрежнему придерживаются их бездействующего образа жизни…, продолжающие жить за счет своих стад…, не вправе жаловаться, если другие, более трудолюбивые народы, придут и займут часть их земель» [14, с. 129-130].

В другом, не менее известном деле «Чероки против штата Джорджии» [19], индейские племена были и вовсе признаны «внутренне зависимыми нациями» [19, с. 17], которые, подобно беспомощному и бесправному ребенку, должны были находиться под властью своих опекунов – бюрократов из Вашингтона, которым, в действительности, не было никакого дела до их культуры, религии и образа жизни [5, с. 133].

Отдельное упоминание, при этом, хочется уделить изложенному в обозначенном выше деле, особому мнении. Так, судьей Уильямом Джонсоном было указано, что концепция «Права народов» рассматривает индейские племена ни что иное, как «кочующие орды, удерживаемые вместе только узами крови и привычками …, [народами], не имеющими ни правил, ни правительства, кроме тех, которые требуется в диком государстве» [19, с. 27]. В свою очередь, несмотря на приведенный

судьей Джонсоном аргумент, судья Смит Томпсон, в своем особом замечании, высказался о том, что индейцы все же могут представлять собой «иностранное государство», в том смысле, что они продолжают сохранять «особые обычаи и самоуправление», отличные от общеамериканских [19, с. 60].

Следует заметить, что спустя год в решении по делу «Вустер против штата Джорджия» [20], Верховный Суд США подтвердил, что статус индейских племен соответствует «внутренне зависимым нациям», существующим в границах Соединенных Штатов, тем самым положив конец существующей в то время общественно-политической дискуссии о статусе и правах индейцев, в результате которой данные народы лишались своего статуса независимых наций, а следовательно, более не могли выступать субъектами международно-правовых отношений с другими государствами, поскольку представляли собой ничто иное, как «беспорядочную орду кочевых дикарей, не имеющих цивилизованного общества» [16, с. 50].

Из всего этого можно сделать вывод, что концепция «Права народов» или «Закона наций», созданная Эмерихом фон Ваттелем, в действительности оказалась применимой ни ко всем народам, что в очередной раз наглядно показывает и отражает во всей красе горькую политику двойных стандартов, используемую по отношению к коренным народам. Так в случаях, когда данные народы были необходимы «цивилизованным» европейцам в качестве орудия их междоусобных войн в Новом Свете, их представители совершенно не гнушались заключения политических договоров с вождями аборигенов, признавая за ними статус независимых государств и наций. Когда же необходимость использования военного потенциала индейцев отпала сама собой, по и без того известным причинам (под таковыми, в данном случае, мы имеем ввиду образование тринадцатью английскими колониями, в результате Войны за независимость 1775-1783 гг. государства Соединенных Штатов Америки), европейцами было умышлено сформулировано и закреплено, что данные народы не могут попадать под прямое действие «Закона наций» со всеми вытекающими отсюда преимуществами, прежде всего ввиду не соответствия их политических систем критериям, предъявляемым к полноценным государствам. В числе таковых, главным образом, называлось: осуществление эффективного контроля и господства над территорией, а также существование иерархической и централизованной власти [2, с. 15].

Примечательным здесь может выглядеть то, что многие из авторов объясняли свои аргументы ссылаясь на фразу, высказанную самим же Ваттелем, в своей фундаментальной работе «Право народов»: «[тот] народ..., который перешел под власть другого, больше не может быть признан государством и попадать под действие «Закона наций» [14, с. 85]. В соответствии с этим, признание неотъемлемых прав и суверенитета коренных народов, ставшее достижением эпохи натурализма к началу XIX столетия, было несколько омрачено появлением новой юридической теории – доктрины юридического позитивизма, сделавшейся господствующим направлением в праве, в том числе и в праве международном.

Известно, что в качестве основного тезиса, выдвинутого позитивистскими теоретиками, стал отказ от ваттелевского видения концепции «Права народов» с ее «всеобъемлющем» и универсально применимым ко всем политическим образованиям «естественным правом» и «порядком», в результате которого, ими была предложена совершенно иная конструкция, рассматривающая международное право ни как «право суверенных и независимых наций», но как «право государств…, находящее

свою теоретическую основу в их согласии» [2, с. 19]. Существующим образом, сфера международного права и международных отношений была объявлена исключительной прерогативой государств, признаваемых отныне в качестве единственно возможных субъектов международного общения со статусом единственного носителя суверенитета.

Стоит при этом заметить, что теоретики позитивизма были вынуждены, подобно их предшественникам, столкнуться с одной весьма щекотливой задачей, а именно – объяснением военной экспансии европейцев в Новом Свете, в результате чего они обратились к старым и проверенным временем методам соотнесения и деления народов на «цивилизованные» и «не совсем», в результате чего варварские, по их мнению, коренные народы, представляющие из себя «расы дикарей» и «банды пиратов», «не имеющие постоянной территории, которую можно назвать своей собственной», не могли быть признаны суверенными и самостоятельными нациями [9, с. 58].

Как представляется, объяснение данного положения кроется не столько в приводимых ими отличиях уровней развития социальных институтов аборигенов и европейцев, сколько в существовавших на тот период времени политических и экономических условиях развития общества, о чем может свидетельствовать факт, что на конец XIX столетия, фактически приходится пик расцвета колониализма, итогом которого стал раздел Мира, предпринятый Великими державами. Применимо же к коренным народам, данное обстоятельство могло означать лишь полное лишение последних их суверенного статуса, как в принципе и всех других, сходных по статусу образований, не удовлетворяющих общеевропейским критериям цивилизованности. В свою очередь, именно неспособность осуществлять контроль над территорией, по мнению приверженцев этой концепции, и мешало данным народам влиться в «семью цивилизованных народов», что также, довольно неплохим образом, было сформулировано во фразе известного американского юриста Вэстлэйка:

«Международное право рассматривает государства как политические единицы, обладающие имущественными правами на определенные участки земной поверхности, в соответствии с чем кочевое племя, даже если оно и обладает высокой степенью организации и цивилизованностью, все равно не может попадать под действие данного положения» [9, с. 58].

Таким образом, неевропейским образованиям было отказано в их суверенном статусе и праве членства в семье цивилизованных наций.

Подытоживая все сказанное ранее, можно констатировать, что рассмотренные в данной статье различные политико-правовые и философские теории и взгляды, несмотря на содержащееся в них, подчас предвзятое и в некоторой степени дискриминационное отношение к вопросам статуса и прав коренных народов, так или иначе, но имели возможность оказать весьма позитивное влияние на дальнейшее формирование в доктрине международного права совершенно нового направления юридической мысли, основанного на одинаково применимом ко всем народам естественном праве, связанного с признанием прав коренных народов. Основная веха развития этого направления пришлась на начало XX столетия, в результате чего, права данных этнических общностей смогли получить свое международно-правовое признание и оформление, сделавшись одним из самостоятельных межотраслевых сегментов международного права.

Список литературы
1. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. – С.-Пб.: Типография Министерства Путей Сообщений (А. Бенке), 1883. – 438 с.
2. Anaya J. S. Indigenous Peoples in International Law. Sec. ed. – Oxford University Press, 2000. – 266 p.
3. Calloway C. G. The American Revolution in Indian Country: Crisis and Diversity in Native American Communities. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 354 p.
4. Faulkner R. K. The Jurisprudence of John Marshall. – Princeton: Princeton University Press, 1968. –307 p.
5. Friedman L. M. American Law in the 20th Century. – New Haven, CN: Yale University Press, 2002. – 722 p.
6. Getches D. H., Wilkinson C. F., Williams R. A. Cases and Materials on Federal Indian Law. Fifth ed. – St. Paul, MN: Thomson West, 2005. – 1088 p.
7. Gilbert J. Indigenous Peoples' Land Rights under International Law: From Victims to Actors. – New York: Transnational Publishers Inc., 2006. – 349 p.
8. Harjo S. S. Nation to Nation: Treaties Between the United States and American Indians. First Edition. – Washington, DC: Smithsonian Books, 2014. – 272 p.
9. Lawrence T. The Principles of International Law. – Boston: D.C. Health, 1895. – 645 p.
10. López Bárcenas F. Territorios, tierras y recursos naturales de los pueblos indígenas [Electronic resource] // URL: https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/1/278/10.pdf (accessed: 11.11.2019).
11. Pagden A. Lords of All the World, Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c.1500-c.1800. – New Haven: Yale University Press, 1995. – 244 p.
12. Salas Jr., Victor M. Francisco de Vitoria on the Ius Gentium and the American Indios // Ave Maria Law Review. – Vol. 10:2. – 2012. – P. 331-341.
13. Thornberry P. Indigenous Peoples and Human Rights. – Manchester: Manchester University Press, 2002. – 288 p.
14. De Vattel E. The Law of Nations. – Indianapolis, IN: Liberty Fund, 2008. – 896 p.
15. Vitoria de, F. De Indis et de Ivre Belli Relectiones. Ernest Nys ed, John Pawley Bate trans. – Washington, D.C.: Carnegie Institution of Washington, 1917. – 475 p.
16. Wheaton H. Elements of International Law: With a Sketch of the History of the Science. 8th ed. – Boston: Little, Brown and Co., 1866. – 749 p.
17. Williams R. A. Like A Loaded Weapon. The Rehnquist Court, Indian Rights, and the Legal History of Racism in America. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. – 270 p.
18. U.S. Reports: Johnson v. McIntosh, 21 U.S. (8 Wheat.) 543 (1823) [Electronic resource] // URL: http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep021/usrep021543/usrep021543.pdf (accessed: 29.10.2019).
19. U.S. Reports: Cherokee Nation vs. the State of Georgia, The, 30 U.S. (5 Pet.) 1 (1831) [Electronic resource] // URL: http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep030/usrep030001/usrep030001.pdf (accessed: 29.10.2019).
20. U.S. Reports: Worcester v. the State of Georgia, 31 U.S. (6 Pet.) 515 (1832) [Electronic resource] // URL: http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep031/usrep031515/usrep031515.pdf (accessed: 29.10.2019).

Nikitin F. I. Formation and development of the concept of the rights of indigenous peoples in the period of colonization, early and classical international law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 153-161.

This article attempts to study the question of the evolution of the concept of the rights of indigenous peoples at the early stages of the development of international law. Analyzing the different political, legal and philosophical views and the theory proposed by thinkers and lawyers eras of the Enlightenment and modern times, including a separate regulatory setting, the author identified the most important stages in the development of this concept and relevant conclusions about the course of this development, including its importance, the main of which, of course, is that this concept was able to go quite a long and complicated path, which received international legal formalization and recognition, having managed to lay the foundations for the international legal status of these ethnic communities.

Keywords: indigenous peoples, international law, natural law, history and philosophy of international law, human rights, positive development, evolution, concept, theory.

Spisok literatury
1. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. – С.-Пб.: Типография Министерства Путей Сообщений (А. Бенке), 1883. – 438 с.
2. Anaya J. S. Indigenous Peoples in International Law. Sec. ed. – Oxford University Press, 2000. – 266 p.
3. Calloway C. G. The American Revolution in Indian Country: Crisis and Diversity in Native American Communities. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 354 p.
4. Faulkner R. K. The Jurisprudence of John Marshall. – Princeton: Princeton University Press, 1968. –307 p.

5. Friedman L. M. American Law in the 20th Century. – New Haven, CN: Yale University Press, 2002. – 722 p.
6. Getches D. H., Wilkinson C. F., Williams R. A. Cases and Materials on Federal Indian Law. Fifth ed. – St. Paul, MN: Thomson West, 2005. – 1088 p.
7. Gilbert J. Indigenous Peoples' Land Rights under International Law: From Victims to Actors. – New York: Transnational Publishers Inc., 2006. – 349 p.
8. Harjo S. S. Nation to Nation: Treaties Between the United States and American Indians. First Edition. – Washington, DC: Smithsonian Books, 2014. – 272 p.
9. Lawrence T. The Principles of International Law. – Boston: D.C. Health, 1895. – 645 p.
10. López Bárcenas F. Territorios, tierras y recursos naturales de los pueblos indígenas [Electronic resource] // URL: https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/1/278/10.pdf (accessed: 11.11.2019).
11. Pagden A. Lords of All the World, Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c.1500-c.1800. – New Haven: Yale University Press, 1995. – 244 p.
12. Salas Jr., Victor M. Francisco de Vitoria on the Ius Gentium and the American Indios // Ave Maria Law Review. – Vol. 10:2. – 2012. – P. 331-341.
13. Thornberry P. Indigenous Peoples and Human Rights. – Manchester: Manchester University Press, 2002. – 288 p.
14. De Vattel E. The Law of Nations. – Indianapolis, IN: Liberty Fund, 2008. – 896 p.
15. Vitoria de, F. De Indis et de Ivre Belli Relectiones. Ernest Nys ed, John Pawley Bate trans. – Washington, D.C.: Carnegie Institution of Washington, 1917. – 475 p.
16. Wheaton H. Elements of International Law: With a Sketch of the History of the Science. 8th ed. – Boston: Little, Brown and Co., 1866. – 749 p.
17. Williams R. A. Like A Loaded Weapon. The Rehnquist Court, Indian Rights, and the Legal History of Racism in America. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. – 270 p.
18. U.S. Reports: Johnson v. McIntosh, 21 U.S. (8 Wheat.) 543 (1823) [Electronic resource] // URL: http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep021/usrep021543/usrep021543.pdf (accessed: 29.10.2019).
19. U.S. Reports: Cherokee Nation vs. the State of Georgia, The, 30 U.S. (5 Pet.) 1 (1831) [Electronic resource] // URL: http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep030/usrep030001/usrep030001.pdf (accessed: 29.10.2019).
20. U.S. Reports: Worcester v. the State of Georgia, 31 U.S. (6 Pet.) 515 (1832) [Electronic resource] // URL: http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep031/usrep031515/usrep031515.pdf (accessed: 29.10.2019).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 5 (71). № 4. – С. 154-169.

УДК 342.724

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И РЕЛИГИЯ

Наумов С. П.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Руководствуясь своей свободной волей, действуя по собственному усмотрению человек может расширять пространство своей свободы и разрешать себе то, что, например, еще вчера считалось безнравственным или противоправным. Более того, он с неукротимым рвением готов отстаивать свои права на то, что по библейским меркам является грехом, если ему таковым не кажется. В своем развитии европейское общество стало строить право на иных основаниях.

Первым шагом было принятие постулата, что содомия не является уголовным преступлением. То есть декриминализация гомосексуализма. Далее последовало такое логическое рассуждение: если содомия не является уголовно наказуемым деянием, чем-то противозаконным, следовательно, это нормальное явление. Если это нормальное явление, то тогда и люди, которые занимаются этими «нормальными» деяниями, образуют такую же социальную группу, как, например, национальные, культурные, этнические меньшинства или же, если делить на социальные группы по другим критериям, женщины, дети, старики.

Защищающие меньшинства законы могли бы эффективно выполнять свою миссию только в обществе, которое не очень сильно разделено на группы с противоположными и несовпадающими представлениями о морали, о добре и зле. Нынешнее же общество хотя и не является войной всех против всех, но сплошь и рядом в нем сосуществуют традиционные христиане с разного рода обновленцами, более или менее далеко ушедшими от христианства, с людьми, которые имеют нехристианские и антихристианские взгляды. И поэтому в таком обществе создать законы, которые бы всех устраивали и никого не ущемляли, – задача достаточно сложная.

Ключевые слова: толерантность, политкорректность, высокомерие, психология, грех, Бог.

В позапрошлом веке великий английский писатель Оскар Уайлд был лишен свободы и посажен на два года в тюрьму за гомосексуализм. Брак его был расторгнут и ему было запрещено общаться с сыновьями. В то время в Англии чтили Библию, где сказано: «И не ложись с мужчиной как с женщиной, это мерзость». А мерзость в Англии была наказуема [1].

Спустя полтора века в Англии вы можете получить срок за то, что на основании Библии вы скажете, что гомосексуализм – это мерзость. Как шло освобождение мышления англичан от Нового и Ветхого Заветов?

Первым шагом было принятие постулата, что содомия не является уголовным преступлением. То есть декриминализация гомосексуализма. Далее последовало такое логическое рассуждение: если содомия не является уголовно наказуемым деянием, чем-то противозаконным, следовательно, это нормальное явление. Если это нормальное явление, то тогда и люди, которые занимаются этими «нормальными» деяниями, образуют такую же социальную группу, как, например, национальные, культурные, этнические меньшинства или же, если делить на социальные группы по другим критериям, женщины, дети, старики.

Антидискриминационное законодательство изначально имело благие намерения предохранить меньшинства (например, национальные) от какого-либо ущемления прав этих меньшинств со стороны большинства. Но теперь оно оказалось применя-

емо к совершенно новому меньшинству – к меньшинству, которое порождено грехами. Критической точкой, после которой произошел принципиальный разворот, была стадия декриминализации.

При этом не надо забывать, что всё происходит в том общем контексте безумия толерантности и политкорректности, которые мы наблюдаем в Соединенных Штатах и Европейских странах, когда начали с благого желания не обижать какие-то национальные, религиозные или этнические меньшинства, а кончили переписыванием, например, романа «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна», с тем чтобы убрать из его текста слово «негр» как неполиткорректное. Или вот еще пример. Несколько лет назад я натолкнулся на публикацию британской газеты «The Telegraph» от 25.09.2011 [2] о том, что психологи обеспокоены тем, как воспитываются детки в детских садах Великобритании, а именно: в детских сказках добрые феи ходят в одеждах розового цвета, а злые ведьмы – в одеждах черного цвета. Почему это вызвало беспокойство? Потому что такая цветовая гамма может привить маленьким детишкам мысль о том, что люди с темным цветом кожи плохие, раз у них тот же цвет кожи, что и цвет одежды плохих ведьм. Были даны рекомендации: ради политкорректности надо добрых фей переодеть в темные одежды, а злых ведьм – в разноцветные и розовые. И такого рода несмешных анекдотов из области политкорректности, и толерантности можно вспомнить достаточно много.

А раз происходит и в области межнациональных отношений, и в области межрелигиозных отношений такое безумие гипертерпимости, как это можно было бы назвать, то на этом фоне вполне логичным, хотя и неприемлемым для христианского традиционализма, выглядит повышенная забота о чувствах извращенцев.

Что же может остановить процесс трансформации изначально верных правовых установок защиты слабых в их абсурдную противоположность?

Защищающие меньшинства законы могли бы эффективно выполнять свою миссию только в обществе, которое не очень сильно разделено на группы с противоположными и несовпадающими представлениями о морали, о добре и зле. Нынешнее же общество хотя и не является войной всех против всех, но сплошь и рядом в нем сосуществуют традиционные христиане с разного рода обновленцами, более или менее далеко ушедшими от христианства, с людьми, которые имеют нехристианские и антихристианские взгляды. И поэтому в таком обществе создать законы, которые бы всех устраивали и никого не ущемляли, – задача достаточно сложная.

Христианский подход к праву исходит из того, что источником своим оно имеет Божественное Откровение и Священное Писание. Почему нельзя воровать, убивать и так далее? Потому что это Богом установленные заповеди.

Европейские ученые считают, что грехи вызываются генами. Испанский биолог Джон Медина в своей книге «Ген и семь смертных грехов» считает, что сопротивляться грехам бесполезно, потому что в наших проступках ощущаются отголоски животных инстинктов, которые и по сей день живут в человеческом сознании.

Возьмем главный грех – гордыню, высокомерие. Библейский грех высокомерия – доказательство типичного чувства неполноценности человека. Доктор Медина отмечает, что «этот недостаток зависит от нашей способности к обучению и принятию всего нового». Корень этого греха кроется в одном из генов, названном CaM-kII. Он, по мнению ученого, возбуждает наши амбиции и надменность. Кроме того, психологи утверждают, что гордость и чувство собственного достоинства являются важ-

нейшими составляющими ощущения того, что человек проживает счастливую и успешную жизнь. Люди, которые себя очень любят и чтят, безобидны по своей природе, а в некоторых случаях даже очень щедры. Они высокомерно могут дать в долг большую сумму денег и долго будут гордиться своим барским поступком. Какой же это грех?

Или блуд. Ну что зловредного в соитии двух тел, нашедших друг друга среди шести миллиардов? Как минимум это может доставить удовольствие, как максимум – стать причиной рождения еще одного землянина. По утверждению Медины, причины греха, связанного с сексуальной активностью, кроются в «специальных отделах мозга, в действии почти тридцати различных биохимических механизмов и более сотни специальных генов, отвечающих за этот процесс». Действительно, еще в конце XX века ученые точно установили, что интимная жизнь буквально пропитана особыми химическими реактивами. Вещество допамин рождает сексуальные фантазии. Серотонин заставляет людей испытывать сладостное томление в предвкушении интимной близости, вовремя и после нее. Гормон альфа-меланоцит, который вырабатывается гипофизом, возбуждает половые органы. Гормон окситоцин вызывает у партнеров непреодолимое желание ласкать друг друга и доводит до упоительных судорог при оргазме. Гормон эстроген, который вырабатывается яичниками у женщин, вызывает влечение. И, наконец, гормон тестостерон, без которого соитие было бы невозможно. У мужчин он вырабатывается в яичках, а у женщин – в яичниках. Настоящая биохимическая лаборатория внутри каждого из нас! И закрыть ее невозможно, как не остановить движение планет вокруг Солнца.

Или взять жадность, алчность, скупость. С психологической же точки зрения жадность – это навязчивая, но естественная борьба за право собственности, когда это право у тебя отнимают. Никому не удалось выделить конкретный отдел головного мозга, непосредственно отвечающий за жадность. А гены, определяющие два фактора, лежащие в основе этого греха, – страх и беспокойство, были выявлены. Доктор Медина указывает на «пять основных отделов головного мозга, отвечающих за появление «жадных» чувств: таламус, амигдала, гиппокамп, кора головного мозга и миндалевидное тело».

А последние эксперименты исследователей из Нью-Йоркского университета не только подтвердили предположение испанского ученого, но и уточнили местонахождение «центров скупости». Они выяснили, какой участок человеческого мозга возбуждается в предчувствии денежного вознаграждения. Наблюдая за мозговой деятельностью добровольцев, участвовавших в реальной компьютерной игре на деньги в лабораторных условиях, исследователи заметили: при появлении признаков выигрыша усиливается приток обогащенной кислородом крови к участку под названием «нуклеус аккумбенс». Когда игроку грозил проигрыш, такого явления не наблюдалось. Одним словом, нет ничего плохого в том, что ты не хочешь ни с кем делиться всем своим нажитым и заработанным.

А возьмем лень. Как можно с биологической точки зрения объяснить лень? По мнению Мединой, «у каждого человека есть что-то вроде сознания-будильника, работающего как часы и посылающего нам сигналы из мозга». И именно этот внутренний «будильник» составляет нам расписание, по которому должен жить наш организм. А сама программа, включающая и выключающая «звонок», записана в ге-

нах. Поэтому они – гены – и несут всю ответственность за наше нежелание работать, праздность или уныние.

Да и вообще без лени долго не проживешь. Людям просто необходимо время от времени баловать себя бездельем, чтобы «перезарядить свои батареи». Каждый из нас может вспомнить случаи, когда плодотворные идеи и решения приходили в наши головы в те моменты, когда мы полностью отрешались от напряженной работы по их поиску.

Более того, социологические исследования немецкого профессора Питера Акста показали, что лентяи и бездельники часто живут дольше и работают, когда захотят, лучше. Многие из них даже становятся гениями.

Те, кто умеет бездельничать по-настоящему, многого достигают в жизни, – считает кандидат психологических наук Алексей Миронов. Вспомните Илью Муромца: 33 года провалялся на печи, а потом встал и совершил много подвигов [4]. А если перегружаться, то можно и умереть. Джек Лондон, например, напряженно работая сутки напролет, написал много бессмертных произведений, но сам скончался в первом же за свою 40-летнюю жизнь отпуске. Сгорел как свечка, потому что не осталось жизненных сил. Итог: в «определенных дозах» именно лень позволяет неторопливо обдумать важные решения и сохранить жизненные силы для грядущих свершений.

Грехов много, они описаны в книге Э. А. Мельникова «О православии для интеллигенции» [5]. Остановимся еще на одном – чревоугодии, обжорстве. Голод, по убеждению ученого, является ощущением, «появляющимся у нас, когда человеческий организм начинает испытывать недостаток энергии». А к греховному поглощению яств нас подталкивают «находящиеся в носу и на языке вкусовые рецепторы и гормон лептин». Лептин отвечает за аппетит человека и находится в постоянном контакте с одним из отделов головного мозга – гипоталамусом. Эта зона нашего серого вещества действует в качестве сигнальной сирены и незамедлительно извещает нас, как только организму не хватает энергии и необходимо подкрепиться. Что-то вроде условного сигнала Павлова для людей. Вывод: обжорство не приносит существенного вреда никому, кроме самого любителя поесть.

Профессор Норберт Недопил, возглавляющий департамент судебной психиатрии в Мюнхенском университете, объявил о существовании гена преступности. Интересная получается картина: западные ученые «научно» подтверждают идеи вождя французского протестантизма Жана Кальвина, который учил, что спасение или неспасение человека заранее предусмотрено Богом. В своей книге «О христианской философии», написанной по просьбе ректора Парижского университета, он писал: «лишение свободы воли — благо для человека, ведь взамен ему дается сила «божественного духа», который, как утверждал Кальвин, не может быть ни побежден, ни сломлен». Этот догмат о предопределении к спасению, сформулированный Кальвином, стимулировал инициативу в борьбе с феодальными порядками и отражал реальные изменения в положении человека, утрачивающего сословные характеристики и становящегося слепым оружием в руках тогда еще не совсем ясно видимых социальных сил. Этот догмат служил и борьбе с народной Реформацией. Если в борьбе с католицизмом подчеркивалась свобода внутреннего мира человека, то народной Реформацией был усилен принцип принуждения в делах веры. Принудительная власть церкви над личностью ужесточила предписания католицизма, наста-

ивая на контроле за поведением, мыслями, совестью. Таким образом сегодняшние многие ученые на Западе подобно Кальвину утверждают, что человек появляется с генами грехов или святости. В последние годы на Западе в области прав человека набирают силу тревожащие верующих тенденции. Обнаруживается явно антихристианская направленность в их трактовке, стремление идти наперекор не только библейским заповедям, но и вообще элементарным нравственным нормам. Мы имеем дело с попытками псевдонаучного, фактического обоснования права на грех, будь то аборты, гомосексуализм или эвтаназия. Христиане не могут принять такого поворота в трактовке прав человека, с таким же правом можно отстаивать право человека принимать в пищу поганки [6].

Руководствуясь своей свободной волей, действуя по собственному усмотрению, человек может расширять пространство своей свободы и разрешать себе то, что, например, еще вчера считалось безнравственным или противоправным. Более того, он с неукротимым рвением готов отстаивать свои права на то, что по библейским меркам является грехом, если ему таковым не кажется.

В своем развитии европейское общество стало строить право на иных основаниях. Известны такие концепции, как естественно-правовая и позитивно-правовая. Естественное право попыталось обойтись без Бога и без Божественного откровения; оно утверждает, что право на жизнь, на свободу, на счастье и так далее существует, потому что оно заложено в самом естестве, в природе человека. Но естественно-правовая теория споткнулась на пункте о том, кто же определяет перечень этих природных прав. Если не Бог и не Божественное Откровение, кто же устанавливает, какие именно права являются естественными и прирожденными? Потому что список прав в разные времена составляли по-разному. И некоторые современные последователи этой теории права считают, что и право на гомосексуализм естественно, потому что в их фантазиях оно идет из самой человеческой природы содомитов.

Следующим шагом стала позитивно-правовая концепция. Она декларирует, что любой закон, который принят в соответствии с формальными процедурами, есть истинный закон, не задаваясь при этом вопросом о его соответствии Божественным заповедям или какой-то природе человека. Отсюда вывод: если закон об эвтаназии душевнобольных или младенцев, родившихся с дефектами, принят процессуально правильно, значит, этот закон правильный. Это уже конечная точка освобождения права от какого-либо соотнесения его с Божественной истиной.

В современном мире, когда общество разнородно и смешанно, состоит из людей с разными религиозно-этическими представлениями, выработать какой-то общий критерий для написания законов очень сложно. Приведу весьма актуальный пример.

С точки зрения христианской этики, семья должна быть моногамной. С точки зрения мусульманского, шариатского представления, если человек может обеспечить четырех жен, то тогда такое многоженство является вполне соответствующим исламской этике и морали. Вопрос в том, под какие именно традиционные религиозные ценности должно выстраиваться законодательство в многоконфессиональной стране? На этот вопрос пока нет ответа.

Конечно, право и правосудие не может искоренить порок, как утверждает – и в общем-то верно – старинная мудрость. Но право не должно пороку позволять шествовать с гордо поднятой головой. Вспомним и другой афоризм: право не должно

стремиться установить рай на земле – оно должно не допустить воцарения ада на земле.

Но, конечно, по мере того, как укрепляется плюрализм и развиваются противоречия между тем, что считать добром и злом, правовые сложности возрастают. И даже когда мы апеллируем к традиционным ценностям, мы не выходим из этого клубка противоречий. Потому, что традиционные ценности – они разные, и, например, у православного христианства и у иудаизма они не вполне совпадают. И кто здесь будет выступать арбитром, если мы не берем строго моноконфессиональное представление о Божественной истине, тоже остается непонятным.

В настоящее время приняты поправки в Конституцию РФ, где указывается, что строительство России осуществляется по Божьей воле. Основой государства является семья. Брак – это союз мужчины и женщины. Культура – ценности религиозных конфессий, разрешенных в России.

А возьмем главный закон нравственности Христа: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки». Против него выступают сатанисты. Сатанинская библия написана в позапрошлом веке в США [7]. Сегодня сатанизм распространяется в странах Европы. Основной стержень философии сатанистов таков: следует творить зло, так как оно правит миром и всегда побеждает. Почитать нужно сатану, а не Бога, ибо Бог в системе их взаимоотношений является более слабым. Сатана, дух злобы выдвигает на первый план человека как еще одно животное, которое благодаря разуму стало наиболее коварным среди всех остальных животных. Дух злобы – это грехи, ведущие к получению физического, духовного или эмоционального удовольствия.

Сегодня в США более трех миллионов сатанистов. Сколько сатанистов в Польше, в атеистической Франции, протестантской Германии, никто не считал.

Сатанинскую библию написал в 1969 году в США Антон Шандор Левей.

Сатанисты, наподобие масонов, разделяются на пять степеней [8].

«Девять заповедей сатанинской библии Антона Шандора Левея.

- 1. Сатана олицетворяет потворство, а не воздержание!
- 2. Сатана олицетворяет жизненную суть вместо несбыточных духовных мечтаний.
- 3. Сатана олицетворяет неосквернённую мудрость вместо лицемерного самообмана!
- 4. Сатана олицетворяет милость к тем, кто ее заслужил, вместо любви, потраченной на льстецов!
- 5. Сатана олицетворяет месть, а не подставляет после удара другую щеку!
- 6. Сатана олицетворяет ответственность для ответственных вместо участия к духовным вампирам.
- 7. Сатана представляет человека всего лишь еще одним животным, иногда лучшим, чаще даже худшим, чем те, кто ходит на четырех лапах; животным, которое вследствие своего «божественного, духовного и интеллектуального развития» стало самым опасным из всех животных!
- 8. Сатана олицетворяет все так называемые грехи, поскольку они ведут к физическому, умственному и эмоциональному удовлетворению!
- 9. Сатана был лучшим другом Церкви во все времена, поддерживая ее бизнес все эти годы!

Первая книга Сатанинской Библии не является лишь попыткой наибольшего богохульства, а есть изложение того, что можно назвать «дьявольским негодованием». Дьявол был атакован слугами Бога безжалостно и безоговорочно. Принцу Тьмы не было предоставлено ни единой возможности высказаться в манере ораторов Властелина Правоверных. Стучавшие по кафедрам проповедники прошлого были вольны определять «добро» и «зло» так, как устраивало их, и с радостью предавали забвению, как на словах, так и на деле, тех, кто не соглашался с их ложью. Их разговоры о «милосердии», едва речь заходит о Его Адском Величестве, становятся пустым притворством, и, что еще более несправедливо, — они осознают тот очевидный факт, что без их сатанинского врага разрушится сама их религия. Как печально, что аллегорический персонаж, которому духовные религии обязаны своим успехом, наделен наименьшим милосердием и удостаивается лишь постоянного издевательства от тех, кто помимо всего прочего наиболее елейно проповедует игру по правилам! За все века, в течении которых Дьявола закрикивали, он ни разу не повышал голоса, отвечая своим клеветникам. Он оставался джентльменом во все времена, несмотря на то, что те, кого он поддерживал, неистовствовали в своих речах. Он показал себя образцом хороших манер, но, теперь, считает он, пришло время крикнуть в ответ. Он решил, что пришел срок воздать должное. Отныне не нужны более своды правил лицемерия. Чтобы выучить Закон Джунглей надобна лишь краткая диатриба. Где каждый стих преисподняя. Каждое слово — язык пламени. Пламя Ада пылает буйно… и очищает! Прочтите же и выучите Закон».

Таковы возражения сатаны на Евангелие.

В Европе сатанизм оказался наиболее распространенным в Польше и не поэтому ли они стали ломать памятники русским православным воинам-освободителям [9]?

Список литературы

1.Козыленко П.В. Англиканская церковь как конфессиональный феномен // Диссертация на соискание уч. степ. Кандидата философс. наук М. 2006 г.
2.The Telegraph, 25.09.2011.
3.John Medina The Outer Limits of Life// Nashville, Oliver-Netson 1991
4.Андрей Миронов Сборник воспоминаний // М. Центрполиграф 1998
5.Мельников Э.А. О православии для интеллигенции // Курск 2016
6.Арнольди С.С. Современное учение о нравственности // Эсмо М. 2011
7.Евангелие от Матфея // Издательство Моск. Патриархии 2010
8.Антон Шандор Леви Сатанинская библия // UnholyWordsF.O.D.
9.Politnavigator.net>polsho-i…micist-i
10. Pravoslavie.ru>81102.gtml…

S.P. Naumov. European tolerance, human rights and religion // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 162-169.

Guided by his free will, acting at discretion of his own, a person tries to expand the space of his freedom and allows himself what, for example, yesterday was considered immoral or illegal. Moreover, he is ready to assert with indomitable zeal the rights to do what by biblical standards is considered to be a sin. Nowadays such “world integration” is widely enough spread in European countries. In its development, European society began to build law on other grounds. Acceptance of the postulate that sodomy is not a criminal offense was the first step. That was the decriminalization of homosexuality. Then followed logical reasoning: if sodomy is not a criminal act or something illegal, therefore, it is a normal phenomenon. If normal phenomenon, then people who are engaged in those "normal" acts form the same social group as, for example, national, cultural, ethnic minorities or, if divided into social groups by other criteria- women, children, the elderly. Protecting minority laws can effectively fulfill their mission only in a society, which is not too strongly divided into groups with opposite and mismatched views and ideas about morality, on good and evil. The current society, however, is

not a war of all against all, but it often co-exists between traditional Christians and various types of Renovationists who have more or less departed from Christianity, with people who have non-Christian and anti-Christian views. That is why, in such a society, it is quite a difficult task to create laws that would suit everyone and not infringe on anyone.

Keywords: tolerance, political correctness, arrogance, psychology, sin, God.

Spisok literatury

1. Kozylenko P.V. Anglikanskaya cerkov' kak konfessional'nyj fenomen// Dissertaciya na soiskanie uch. step. Kandidata filosofs. nauk M. 2006 g.
2. The Telegraph, 25.09.2011.
3. John Medina The Outer Limits of Life// Nashville, Oliver-Netson 1991
4. Andrej Mironov Sbornik vospominanij // M. Centrpoligraf 1998
5. Mel'nikov E.A. O pravoslavii dlya intelligencii // Kursk 2016
6. Arnol'di S.S. Sovremennoe uchenie o nravstvennosti // Esmo M. 2011
7. Evangelie ot Matfeya // Izdatel'stvo Mosk. Patriarhii 2010Антон Шандор Леви Сатанинская библия // UnholyWordsF.O.D.
8. Politnavigator.net>polsho-i…micist-i
9. Pravoslavie.ru>81102.gtml…
9. Politnavigator.no>went-and ... Mrs-and
10. Pravoslavie.ru>81102.html…

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 170-175.

УДК 342.7

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ВОПРОСАМ МИГРАЦИИ КАК ПРАВОЗАЩИТНЫЙ ИНСТИТУТ: ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Трифонова К. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматриваются особенности правового статуса уполномоченного по вопросам миграции, выступающего в качестве разновидности уполномоченного по правам человека. В этой связи автором статьи проанализированы отдельные принципы организации деятельности уполномоченного по правам миграции в целом, в США в частности. Автором рассмотрены Парижские Принципы как базовые международные стандарты, формирующие и определяющие работу национальных правозащитных организаций. Автором приведена классификация принципов деятельности омбудсмена по вопросам миграции. Проведен анализ зарубежного опыта, в котором автор приходит к выводу о том, что правовые основы статуса уполномоченного по вопросам миграции заложены в различных законодательных актах, регламентирующих деятельность института уполномоченного по вопросам миграции. В заключении автор приходит к выводу о том, что анализ механизмов назначения уполномоченных по вопросам миграции, их институциональные связи, законодательно определенные цели, задачи и компетенции института уполномоченного по вопросам миграции следует, а ряде зарубежных государств к так называемым «слабым» моделям «гибридного» (смешанного) типа, при которых омбудсмен не наделен широким кругом полномочий. В связи с этим, как правило, институт уполномоченного по правам мигрантов или миграционного омбудсмена в данных странах является дополнительным вспомогательным органом для мониторинга за проведением интеграционных программ и положением иммигрантов.

Ключевые слова: Парижские принципы, Генеральная Ассамблея ООН, уполномоченный по правам человека, уполномоченный по вопросам миграции, мигранты, правозащитные организации, правовой статус человека, принципы деятельности уполномоченного по вопросам мигрантов.

Одним из направлений совершенствования правового механизма защиты прав человека является формирование и улучшение взаимодействия правозащитных институтов, в частности, которые стоят на защите прав лиц, относящихся к категории наименее защищенных, в том числе мигрантов.

Значительная часть научного сообщества относит к значимым и существенным факторам в деле защиты прав личности обеспечения законности и правопорядка и важной легальной базой в деятельности государственного аппарата [1].

В определении правового статуса уполномоченного по правам человека решающую роль играют принципы организации функционирования вышеуказанного института. В основу деятельности института уполномоченного по правам человека положены так называемые «Парижские принципы», являющиеся приложением к Резолюции 48/134 ГА ООН от 20 декабря 1993 г. и носящие полное наименование принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека [2].

Содержащиеся в данном документе международно-правовые стандарты определяют функции, гарантии независимости и плюрализма, особенности формирования таких учреждений, закрепляет методы их работы, и содержат особые требования, касающиеся статуса комиссии, обладающих квазисудебными полномочиями [3].

Далее они были дополнительно уточнены Резолюцией 67/163 ГА ООН от 20 декабря 2012 г. уточняющей некоторые моменты, касающиеся правового статуса омбудсмена [4]. О принципах деятельности региональных, местных и специализированных уполномоченных по правам человека говорится также в резолюции 80 (1999) Конгресса местных и региональных властей Совета Европы, носящие название «О роли уполномоченных/омбудсменов в защите прав граждан».

Современные исследования преимущественно понимают принципы как «…синтезирующие основы, объединительные связи, идеологическую основу, направленную на возникновения, становления и функционирования» [5] института уполномоченного по правам человека. Но учитывая специфику, надлежит обратить внимание на морально-нравственные аспекты в деятельности омбудсмена и необходимо выделить принципы его деятельности среди вышеуказанных принципов видятся следующие принципы – гуманизма, справедливости, не дискриминации и толерантности, профессионализма и компетентности, соблюдения в работе норм международного права, мобильности и умения убеждать.

Считаем, что принципы деятельности омбудсмена по вопросам миграции можно классифицировать на следующие группы: принципы, касающиеся порядка учреждения института омбудсмена; принципы функционирования института; принципы профессиональной этики омбудсмена.

К первой группе относятся такие принципы, как принцип правовой (конституционной) гарантии; общие критерии для выбора и назначения омбудсмена; наделение статусом органа государственной власти или служащего высокого ранга; принцип независимости от государственных и политических структур, финансовая и материально-техническая независимость). Ко второй – принципы законности и верховенства права; демократичности; политической нейтральности; всеобщего уважения прав человека; доступности и гласности; принцип субсидиарности и взаимодействия с другими правозащитными органами. К третьей – принципы толерантности и не дискриминации, предотвращения расизма и ксенофобии, беспристрастности, честности и справедливости [6].

Принципы организации деятельности уполномоченного по вопросам миграции, как других омбудсменов, позволят повысить эффективность своих действий в сфере защиты прав человека, в данном случае человека-мигранта, предоставят возможность работать на перспективу, предвидеть и предупреждать проблемы, создающие угрозы правам человека, на основе личного примера омбудсмена позволят усилить влияние этического фактора в деятельности субъектов государственной власти.

Правовые основы статуса уполномоченного по вопросам миграции заложены в законах, регламентирующих деятельность этого института. Как показывает практика, такая регламентация может осуществляться или специально предназначенным для этого законодательным актом, или положения об омбудсмене включаются в общие законы, регулирующие отношения соответствующей сферы общественных отношений.

Так, в США должность омбудсмена по вопросам гражданства и иммиграционных служб (Citizenship and Immigration Services Ombudsman) введена в соответствии с законом «О национальной безопасности» [7]. Принятие этого закона и кардинальные изменения в современной миграционной системе США произошли после трагических событий 11 сентября 2001 г., когда для американского общества стало

очевидным, что вопросы безопасности и миграции являются взаимосвязанными. [8] Страна, динамичное развитие которой обязан именно мигрантам и в которой вопрос урегулирования миграционных процессов всегда были в центре внимания, взяв курс на усиление безопасности, реформировала органы власти, которые отвечают за внутреннюю безопасность.

В рамках реформирования государственного аппарата произошла централизация органов, ранее занимавшихся данными вопросами самостоятельно. В ходе этого процесса указанные органы вошли в состав Министерство внутренней безопасности США. Служба гражданской миграции стала одним из органов, вошедших в состав Министерство внутренней безопасности США, которая в виде Бюро по иммиграции и натурализации ранее входила в структуру Министерства юстиции США.

Приоритетными задачами USCIS является содействие национальной безопасности, устранения очереди в рассмотрении заявок на иммиграцию, а также улучшения обслуживания клиентов. Именно при этой Службе функционирует офис омбудсмена по вопросам гражданства и иммиграционных служб, который, в то же время, не является ее структурным подразделением, а самостоятельным и независимым органом.

В ФРГ омбудсмен по вопросам мигрантов имеет статус федерального, и относится к Федеральному управлении по делам миграции и беженцев (Die Beauftragte für Migration, Flüchtlinge und Integration) предусмотрена Законом о пребывании и интеграции иностранцев на территории Федерации (Aufenthaltsgesetz) [9]. Федеральное управление по делам миграции и беженцев – высший орган, который относится к ведомству Федерального МВД и является компетентным центром по вопросам миграции и интеграции в Германии. Управление решает вопросы предоставления политического убежища, защиты беженцев, осуществляет процедуры приема иммигрантов и добровольного возвращения на родину, способствует созданию условий для успешной интеграции и проводит программы языковой и социальной интеграции для иностранных граждан, проживающих в Германии [10]. При этом в первую очередь речь идет о разработке и организации интеграционных курсов переориентации и первичного консультирования по вопросам миграции, проектах по общественной и социальной интеграции иммигрантов, предоставление информационных материалов из предложений Федерации, земель и коммун в сфере интеграции, а также квалифицированного содействие Федеральному правительству в деле поощрения интеграции и разработки общих программ интеграции.

Следует отметить, что правомочия такого органа государственной власти правозащитного характера распространяется на Службу гражданства и иммиграции США, при этом не входят в его компетенцию вопросы, хотя формально и относящиеся к миграционному праву, но находящиеся в компетенции Госдепартамент США, Исполнительное Управление по вопросам иммигрантов или Департамент труда США и тому подобное.

Целью деятельности миграционного омбудсмена США является содействие в коммуникации и решения проблем, которые возникают у иммигрантов или иностранных рабочих в США при их обращении в USCIS, оказание помощи частным лицам и работодателям в решении спорных вопросов, входящих в компетенцию USCIS и выявление тех аспектов деятельности Службы, которые вызывают проблемы во взаимоотношениях с заявителями, путем проведения анализа фактов и действующих нормативных актов, соответствующих информационных систем, правил,

процедур и др., и подготовка рекомендаций по улучшению административной практики [11].

Омбудсмен не является апелляционным органом. Перед тем как обратиться к омбудсмену, заявитель должен использовать все другие доступные средства решения проблемы с USCIS, в частности, такие механизмы, как E-Service Request и InfoPass. E-Service Request («запрос на обслуживание») – просьба предоставить информацию для помощи в решении конкретного дела через систему Интернет, проверить статус заявления; InfoPass – это бесплатный сервис, который позволяет планировать встречи с USCIS онлайн, то есть, если у человека есть вопрос по поводу отложенного иммиграционного заявления или других услуг USCIS, он может запланировать встречу с офицером USCIS [12].

В основном, омбудсмен оказывает помощь при решении системных проблем и процедурных вопросов, связанных с выявлением явной ошибки, допущенной USCIS, или грубого неправильного применения соответствующего закона на любой стадии процесса рассмотрения заявлений иммигрантов. В случае выявления проступков должностных лиц омбудсмен выдает критические консультативные замечания или рекомендации должностным лицам USCIS. [13]

Как видим, модель миграционного омбудсмена США построена наподобие распространенной в мире формы «альтернативного урегулирования споров» (alternative dispute resolution) [14], то есть решения конфликта средствами, исключающими обязательные решения судов или арбитража. Такое регулирование предполагает участие третьего лица (в данном случае миграционного омбудсмена) для помощи в проведении переговоров между участниками конфликта с целью его урегулирования, а также «включает посредничество и примирение как комбинацию квазиюридических (adjudicative) методов разрешения споров» [15].

В то же время, миграционный омбудсмен США наделен широкими экспертно-аналитическими полномочиями. Т.е., выявляя и обобщая недостатки административной практики и установленных законодательством правил, омбудсмен разрабатывает и вносит предложения и рекомендации по внесению изменений и совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере миграционных отношений. Эти предложения включаются в ежегодный отчет омбудсмена о своей деятельности, который он подает Юридическому комитету Палаты представителей и Сената, а также могут подаваться в виде специальных докладов [16].

Несмотря на то, что ряд государственных органов, осуществляющих деятельность в сфере миграции не подконтролен миграционному омбудсмену, у него налажена тесная взаимосвязь с ними [17]. Институт омбудсмена по делам мигрантов в Соединенных Штатах Америки представляет собой гибридную омбудсменскую модель: назначается и подотчетен законодательному органу власти, но действует в рамках исполнительного органа государственной власти [18].

Таким образом, анализ механизмов назначения омбудсменов, их институциональных связей, законодательно определенных целей, задач и компетенции позволяет отнести существующие службы омбудсменов по вопросам миграции в зарубежных странах к так называемым «слабым» моделям «гибридного» (смешанного) типа, при которых омбудсмен не наделен широким кругом полномочий. Это объясняется, прежде всего, особенностями данных стран, которые с точки зрения миграционного права характеризуются как «страны-импортеры» или «принимающие»

страны, то есть основным направлением их миграционной политики является интеграция иностранных граждан в национальное общество. Поэтому институт уполномоченного по правам мигрантов или миграционного омбудсмена в данных странах является дополнительным вспомогательным органом для мониторинга за проведением интеграционных программ и положением иммигрантов.

Список литературы

1. Хаманева Н. Ю. Уполномоченный по правам человека - защитник прав граждан / отв. ред. Б. Н. Топорнин. Москва: Ин-т государства и права РАН, 1998. 80 с.
2. Резолюция 48/134 Генеральной Ассамблеи ООН "национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека" (Принята 20.12.1993 на 48-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН).// https://undocs.org/ru/A/RES/48/134
3. Резолюция 48/134 Генеральной Ассамблеи ООН "национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека" (Принята 20.12.1993 на 48-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН).// https://undocs.org/ru/A/RES/48/134
4. Резолюция 67/163 ГА ООН «Роль омбудсмана, посредника и других национальных правозащитных институтов по продвижению и защите прав человека» от 20.12. 2012 г.//СПС Консультант Плюс
5. Чуксина В.В. Государственные специализированные органы по содействию и защите прав человека в России и зарубежных странах. Монография. Иркутск: Изд-во ООО «Мегапринт», 2014. –147 с.
6. Чуксина В.В. Институты по содействию и защите прав человека в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование). Монография. Иркутск: Изд-во ООО «Мегапринт», 2012. – С.75.
7. An Act To establish the Department of Homeland Security, and for other purposes. Public Law 107-296—NOV. 25, 2002.
8. The National Security Strategy of the United States of America.September17.//URL: https: www. informational earinghouse.
9. Das Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet (Aufenthaltsgesetz - AufenthG). Ausfertigungsdatum: 30.07.2004 // URL: https: www.juris.de
10. Bericht der Beauftragten der Bundesregierung für Migration, Flüchtlinge und Integration über die Lage der Ausländerinnen und Ausländer in Deutschland. Berlin: Die Beauftragte der Bundesregierung für Migration, Flüchtlinge und Integration. Juni 2010. S. 356.
11. Immigration and America's Future: New Chapter: Report of the Independent Task Force on Immigration and America's Future. Spencer Abraham and Lee H. Hamilton, Co-Chairs. Washington, D.C.: Migration Policy Institute, September 2006, 24.
12. The Role of the Citizenship and Immigration Services Ombudsman // URL: https: //www.dhs. gov/topic/cis-ombudsman
13. About the Citizenship and Immigration Services Ombudsman//URL: https://www.dhs.gov/about-citizenship-and-immigration-services-ombudsman
14. Reif L. C. The ombudsman, good governance, and the international human rights system / Ed. by Linda C. Reif. Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 2004. P. 16.
15. Hamilton G. Alternative Dispute Resolution (ADR) - Definitions, Types and Feasibility //Investor-State Disputes: Prevention And Alternatives To Arbitration II. Proceedings of the Washington and Lee University and UNCTAD Joint Symposium on International Investment and Alternative Dispute Resolution, held on 29 March 2010 in Lexington, Virginia, United States of America / New York and Geneva, UN, 2011. P. 6-8.
16. The Office of the Citizenship and Immigration Services Ombudsman (Ombudsman's Office) 2012 Annual Report. United States Senate. Washington. June 25, 2012. 64 p.
17. Иванов А. Г. Государственное регулирование внешней трудовой миграции: опыт ЕС, Франции, Германии, США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Вып. № 3/2009. - С. 61
18. Трифонов С.Г. Конституционно-правовой институт уполномоченного по правам человека: формы и принципы организации деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2019.- № 4. - С. 77.

Trifonova (Kazaryan) K. V. Commissioner for migration as a human rights institution: principles of activity and analysis of foreign experience // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 170-175.

The article discusses the features of the legal status of the Commissioner for migration, acting as a kind of Commissioner for human rights. In this regard, the author analyzes some principles of the organization of the Commissioner for migration rights in General, in the United States in particular. The author considers the Paris Principles as the basic international standards that form and define the work of national human rights organizations. The author presents a classification of the principles of the migration Ombudsman. The analysis of foreign experience in which the author comes to the conclusion that the legal basis of the status of the Commissioner for migration is laid down in various legislative acts regulating the activities of the institution of the Commissioner for migration. In conclusion, the author comes to the conclusion that the analysis of the mechanisms of appointment of migration commissioners, their institutional relations, the legally defined goals, objectives and competencies of the institution of the migration Commissioner should, in a number of foreign countries, the so-called "weak" models of the "hybrid" (mixed) type, in which the Ombudsman is not endowed with a wide range of powers. In this regard, as a rule, the institution of the Commissioner for migrants ' rights

or the migration Ombudsman in these countries is an additional subsidiary body for monitoring the implementation of integration programs and the situation of immigrants.

Keywords: Paris principles, UN General Assembly, Commissioner for human rights, Commissioner for migration, migrants, human rights organizations, legal status of a person, principles of activity of the Commissioner for migrants.

Spisok literatury

1. Hamaneva N. YU. Upolnomochennyj po pravam cheloveka - zashchitnik prav grazhdan / otv. red. B. N. Topornin. Moskva: In-t gosudarstva i prava RAN, 1998. 80 s.
2. Rezolyuciya 48/134 General'noj Assamblei OON "nacional'nye uchrezhdeniya, zanimayushchiesya pooshchreniem i zashchitoj prav cheloveka" (Prinyata 20.12.1993 na 48-oj sessii General'noj Assamblei OON).// https://undocs.org/ru/A/RES/48/134
3. Rezolyuciya 48/134 General'noj Assamblei OON "nacional'nye uchrezhdeniya, zanimayushchiesya pooshchreniem i zashchitoj prav cheloveka" (Prinyata 20.12.1993 na 48-oj sessii General'noj Assamblei OON).// https://undocs.org/ru/A/RES/48/134
4. Rezolyuciya 67/163 GA OON «Rol' ombudsmana, posrednika i drugih nacional'nyh pravozashchitnyh institutov po prodvizheniyu i zashchite prav cheloveka» ot 20.12. 2012 g.//SPS Konsul'tant Plyus
5. CHuksina V.V. Gosudarstvennye specializirovannye organy po sodejstviyu i zashchite prav cheloveka v Rossii i zarubezhnyh stranah. Monografiya. Irkutsk: Izd-vo OOO «Megaprint», 2014. –147 s.
6. CHuksina V.V. Instituty po sodejstviyu i zashchite prav cheloveka v Rossijskoj Federacii (konstitucionno-pravovoe issledovanie). Monografiya. Irkutsk: Izd-vo OOO «Megaprint», 2012. – S.75.
7. An Act To establish the Department of Homeland Security, and for other purposes. Public Law 107-296—NOV. 25, 2002.
8. The National Security Strategy of the United States of Amegisa.September17.//URL: https: www. informational earinghouse.
9. Das Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet (Aufenthaltsgesetz - AufenthG). Ausfertigungsdatum: 30.07.2004 // URL: https: www.juris.de
10. Bericht der Beauftragten der Bundesregierung für Migration, Flüchtlinge und Integration über die Lage der Ausländerinnen und Ausländer in Deutschland. Berlin: Die Beauftragte der Bundesregierung für Migration, Flüchtlinge und Integration. Juni 2010. S. 356.
11. Immigration and America's Future: New Chapter: Report of the Independent Task Force on Immigration and America's Future. Spencer Abraham and Lee H. Hamilton, Co-Chairs. Washington, D.C.: Migration Policy Institute, September 2006, 24.
12. The Role of the Citizenship and Immigration Services Ombudsman // URL: https: //www.dhs. gov/topic/cis-ombudsman
13. About the Citizenship and Immigration Services Ombudsman//URL: https://www.dhs.gov/about-citizenship-and-immigration-services-ombudsman
14. Reif L. S. The ombudsman, good governance, and the international human rights system / Ed. by Linda C. Reif. Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 2004. R. 16.
15. Hamilton G. Alternative Dispute Resolution (ADR) - Definitions, Types and Feasibility //Investor-State Disputes: Prevention And Alternatives To Arbitration II. Proceedings of the Washington and Lee University and UNCTAD Joint Symposium on International Investment and Alternative Dispute Resolution, held on 29 March 2010 in Lexington, Virginia, United States of America / New York and Geneva, UN, 2011. R. 6-8.
16. The Office of the Citizenship and Immigration Services Ombudsman (Ombudsman's Office) 2012 Annual Report . United States Senate. Washington. June 25, 2012. 64 p.
17. Ivanov A. G. Gosudarstvennoe regulirovanie vneshnej trudovoj migracii: opyt ES, Francii, Germanii, SSHA // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. Vyp. № 3/2009. - S. 61
18. Trifonov S.G. Konstitucionno-pravovoj institute.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 176-184.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 342.951+34.07

ПРИМЕРНЫЙ АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПО ЗАЩИТЕ СВОИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ОТ НЕЗАКОННОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЛИЦАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ВИДЕОСЪЕМКУ

Адаховская С. В., Кобленков А. Ю.

Нижегородская академия МВД России

В статье анализируется практика общения полицейских с физическими лицами, осуществляющими видеосъемку в общественном месте. Предлагается алгоритм действий сотрудников полиции по защите их личных неимущественных прав, в частности персональных данных, от незаконного распространения (обнародования) с точки зрения действующих нормативных правовых актов. Авторами исследуется положения федеральных законов «О полиции», «О персональных данных», Гражданского Кодекса Российской Федерации, судебной практики по рассматриваемому вопросу. Исследователями подвергаются анализу видеозаписи, фотографии, статьи в сети Интернет, раскрывается возможность манипулирования психологическим отношением к сотрудникам полиции. Разбираются судебные постановления по вопросу передачи видеозаписи третьему лицу, опубликовавшему ее в сети Интернет, рассматриваются конкретные судебные решения о компенсации морального вреда за нарушение права истца на неприкосновенность частной жизни при распространении (обнародовании) изображения, и права истца на охрану изображения при использовании.

Обращается внимание, что использование без разрешения фотографии или видеозаписи истца, размещенной им самостоятельно в сети Интернет, признается судебной практикой правомерным. В результате исследования федерального закона «О полиции» применительно к рассматриваемой ситуации предлагаются изменения в диспозицию части первой статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Ключевые слова: незаконное распространение персональных данных, защита персональных неимущественных прав, сотрудники полиции.

В наши дни количество видеороликов в сети Интернет с участием сотрудников полиции стремительно растет. В основном «пользуются спросом» (по количеству комментариев и просмотров) записи с обвинительным, уничижительным уклоном в отношении сотрудников полиции. Вопросами тактики действий при столкновении интересов физических лиц и сотрудников полиции при осуществлении видеосъемки в общественных местах занимаются: Ф.П. Васильев, Н.Е. Ильина**,** Д.В. Сочнев и другие [1]. Однако имеющие исследования не в полной мере отвечают на вопрос тактики и законности действий сотрудников полиции в общественных местах при осуществлении видеозаписи с их участием.

Рассмотрим алгоритм общения сотрудника полиции с лицами, осуществляющими видеозапись и не обладающими правовым положением представителя средств массовой информации [2], а также способы защиты конституционных прав полицейского. В связи с тем, что законодательство о защите персональных данных [3] не предусматривает ответственность и способы защиты информации, а Гражданский

кодекс РФ [4] (далее – ГК РФ) требует при оформлении искового заявления указание ответчика (лица, осуществлявшего видеосъемку) и его места жительства, сотрудник полиции вынужден опосредованно применять федеральный закон «О полиции» [5] (далее – закон «О полиции»), а именно п. 2 ч. 1 ст. 13, предусматривающий возможность проверки документов, удостоверяющих личность.

При обращении к физическому лицу (гражданину) сотруднику полиции необходимо в соответствии со ст. 5 закона «О полиции» представиться, узнать цель видеосъемки.

Далее проверить документы, удостоверяющие личность лица, обосновав свои требования одним из оснований, регламентированных п. 2 ч. 1 ст. 13 закона «О полиции». Так, сотрудник полиции имеет право проверять документы, удостоверяющие личность, если имеются данные, дающие основания подозревать лицо в совершении преступления или полагать, что оно находится в розыске, либо если имеется повод к возбуждению в отношении него дела об административном правонарушении, или если имеются основания для задержания лица.

Особенностью проверки документов, удостоверяющих личность граждан РФ, является отсутствие законодательных положений, закрепляющих обязанность граждан России иметь при себе документ, удостоверяющий личность, что не распространяется на не граждан (иностранных граждан и лиц без гражданства).

В случае отсутствия у физического лица документа, удостоверяющего личность, оно подлежит доставлению в отдел полиции для установления личности в соответствии с п. 13 ч. 1 ст. 13 закона «О полиции».

Следовательно, сотруднику полиции при обращении к физическому лицу необходимо представиться, назвать основание для проверки документов, удостоверяющих личность, обратить внимание, что в случае отсутствия указанных документов лицо в соответствии с п. 13 ч. 1 ст. 13 закона «О полиции» подлежит доставлению в территориальный ОМВД для установления личности. А в случае оказания сопротивления или невыполнении требования сотрудника полиции к лицу может быть применена физическая сила и специальные средства (ст. 20, п. 6 ч.1 ст. 21 закона «О полиции»), а также рассмотрен вопрос привлечения к административной ответственности в соответствии с ч.1 ст. 19.3 КоАП РФ [6] в связи с неповиновением законному распоряжению или требованию сотрудника полиции в процессе исполнения им обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а равно воспрепятствованием исполнению сотрудником служебных обязанностей.

Еще одной принципиально необходимой особенностью при фиксации содержания документов, удостоверяющих личность физических лиц, является необходимость отметить для себя адрес места регистрации, что является обязательным элементом дальнейшей защиты прав сотрудников полиции в суде.

После установления личности физического лица и фиксации адреса места регистрации, информации из документов, видео или иная запись может быть продолжена в обычном режиме.

При осуществлении видеозаписи несения службы сотрудником полиции, ему необходимо помнить несколько моментов. Во-первых, люди психологически доверяют тому, что видят. Однако, необходимо понимать, что в зависимости от настроя оператора, поведения, нюансов, на которые будет обращено внимание зрителей,

мнение об одной и той же видеозаписи или факте действительности может меняться на противоположное. В действительности мы часто наблюдаем предвзятость по отношению к сотруднику полиции при подаче материала видеозаписи или в комментариях. Примером тому может быть видеозапись поведения участкового уполномоченного полиции в Новосибирске [7], когда сотрудник полиции в разорванной куртке выглядит пьяным на видео, а на самом деле куртка порвана при выполнении служебных обязанностей, а внешний вид обусловлен стрессом в результате нападения собаки бойцовской породы [8]. Во-вторых, гражданам законодательно не запрещено провоцировать представителей власти и иных должностных лиц до тех пор, пока они не нарушают закон, а сотрудники полиции не должны на провокации реагировать.

Поэтому при возникновении провокационных ситуаций при осуществлении видеосъемки с обращением в уничижительной манере необходима психологическая и юридическая подготовка сотрудников полиции. Юридическая подготовка предусматривает точное знание и соблюдение требований законодательства, психологическая – в выборе наиболее отвечающего ситуации стиля поведения. Одним из таковых психологи называют метод «заезженной пластинки»: сформулируйте краткую и понятную фразу и повторяйте ее в ответ на провокации и юридические штампы в ваш адрес. Например, «я действую в соответствии с положениями закона «О полиции».

Следующим этапом защиты прав сотрудников полиции будет поиск обнародованной записи с участием сотрудника полиции в сети Интернет путем целенаправленного просмотра Интернет-ресурсов, подписки на обновления страниц известных блогеров и т.д.

При обнаружении незаконно распространенной записи (фото, видео, аудио) сотруднику полиции следует сделать скриншот экрана, скачать запись на свой компьютер. Все это необходимо для дальнейшего самостоятельного в рамках гражданско-правовых взаимоотношений обращения в суд общей юрисдикции за защитой своих прав.

Скриншот экрана необходим для доказывания факта распространения изображения и места его обнародования (адреса сайта), который в последнее время суды принимают в качестве доказательства [9]. Поэтому необходимо обратить внимание на то, что на скриншоте должен быть виден полный адрес сети Интернет.

Другим вариантом обеспечения сохранности доказательств может стать привлечение нотариуса для удостоверения содержания сайта в сети Интернет по состоянию на определенный момент времени. Средства, потраченные на нотариальное удостоверение содержания сайта, в дальнейшем подлежат взысканию с ответчика в качестве судебных издержек.

Следующим этапом защиты прав будет написание искового заявления в суд общей юрисдикции. Для составления искового заявления в суд общей юрисдикции понадобится ранее полученная информация о данных ответчика (фамилия, имя, отчество, адрес регистрации по месту жительства), без которых исковое заявление не может быть принято судом.

В исковом заявлении сотрудник полиции может защищать свои права способами, закрепленными в ст. 12 ГК РФ (компенсация морального вреда, пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения с привлечением

Роскомнадзора РФ в виде блокировки контента, возмещение убытков – средств, потраченных на нотариальное удостоверение содержания сайта, юридические услуги).

Бременем доказывания с учетом положений статьи 56 ГПК РФ на сотруднике полиции (истце) будет: факт обнародования и факт использования изображения лицом (ответчиком) (подтверждается скриншотом), факт, что на записи именно сотрудник полиции, обращающийся в суд за защитой своих прав.

Обязанность доказывания правомерности обнародования и использования изображения гражданина возлагается на лицо, его осуществившее, то есть ответчика. Таким образом, ответчик обязан доказать наличие согласия субъекта персональных данных на обработку его персональных данных (то есть на распространение его изображения) или наличие оснований закона для обработки персональных данных без такового согласия.

Интересна судебная практика по вопросу передачи видеозаписи третьему лицу, опубликовавшему ее в сети Интернет. В этой ситуации ответственность будет возложена на лицо, осуществлявшее запись, с возможностью привлечения в качестве соответчика лицо, распространившее запись в сети Интернет, либо возможностью заявить автором записи регрессные требования [10].

Возможность избежать гражданско-правовой ответственности физическим лицом, осуществлявшим видеозапись, возможно в редких случаях, например, при выбытии источника видеозаписи из законного владения (например, после видеозаписи телефон был украден).

Интересно с позиции защиты прав сотрудников полиции судебное решение - пример того, что необходимо правильно формулировать исковые требования, так как суд принимает решение исключительно в рамках заявленных исковых требований.

Сотрудник полиции указал, что действиями лица, опубликовавшего видеоролик с его участием в сети Интернет был причинен вред здоровью истца, выразившиеся в тратах на лекарственные препараты по назначению врача в связи с обнародованным в сети интернет видео. Суд, не усмотрев прямой причинно-следственной связи, отказал в удовлетворении исковых требований [11].

Также необходимо обратить внимание на компенсацию морального вреда судом как один из основных способов защиты прав. Компенсация может осуществляться неоднократно, например, дважды взыскана компенсация морального вреда за совершение внешне одного действия. Имеется судебное решение о компенсации, во-первых, за обнародование изображения и, во-вторых, за использование изображения. Основанием компенсации морального вреда явилось нарушение ответчиком права истца на неприкосновенность частной жизни при распространении изображений, и права истца на охрану изображения при использовании. Указанные права по смыслу ст.ст. 150 и 152.1 ГК РФ являются самостоятельными объектами гражданско-правовой защиты, каждое из которых может защищаться, в том числе через компенсацию морального вреда [12].

Еще один момент, на котором необходимо остановиться для полноценной защиты прав сотрудников полиции. Использование ответчиками фотографии истца, размещенной истцом в сети Интернет в социальной сети или на любом сайте, судебная практика, как правило, признает правомерным, так как, разместив указанную фотографию на сайте в открытом для неопределенного круга лиц доступе, истец факти-

чески своими действиями уже выразил добровольное волеизъявление на обнародование своего изображения, его обсуждение, дачу пользователями сайта своих оценок фотографиям истца [13].

Любое не обнародованное самим гражданином собственное изображение следует предполагать сохраняемым им втайне от третьих лиц. Тайна внешнего облика гражданина является тем нематериальным благом, на охрану которого направлена ст. 152.1 ГК РФ. Поэтому, не разрешенное гражданином обнародование его изображения следует рассматривать как незаконное разглашение его личной тайны, за исключением случаев, когда такое обнародование прямо разрешено или предписано законом (например, фотография в удостоверении сотрудника полиции или бейдж оперативного дежурного дежурной части ОМВД на основании закона «О полиции»).

Содержание и логика искового заявления для защиты прав сотрудников полиции должна основываться на следующем.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» [3] под персональными данными понимается любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе фамилия, имя, отчество и изображение гражданина.

Распространение, предоставление, доступ, обнародование, любое использование персональных данных относится к обработке персональных данных, которая возможна лишь с согласия субъекта персональных данных.

В соответствии со ст. 9 закона «О персональных данных» согласие на обработку персональных данных может быть дано субъектом персональных данных в любой позволяющей подтвердить факт его получения форме. В случае отсутствия доказательств наличия такового согласия презюмируется его отсутствие. Поэтому, с юридической стороны будет индифферентным высказывание полицейским запрета на распространение видеозаписи в процессе ее осуществления.

Исключением являются лишь случаи обработки персональных данных без согласия, но на основании закона. Например, обжалование действий сотрудников полиции, формирование и ведение банков данных о физических лицах без их согласия на основании ст. 17 Закона «О полиции».

Кроме того, статья 152.1 ГК РФ указывает, что обнародование, то есть опубликование впервые в доступной для всех форме, в том числе в сети Интернет [14, п.43] и дальнейшее использование изображения гражданина допускаются только с согласия этого гражданина.

Такого согласия не требуется, если использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах. К общественным интересам Постановлением Пленума Верховного суда РФ отнесен не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде [15, п. 44]. Не требуется согласия на обнародование и использование изображения гражданина, если оно необходимо в целях защиты правопорядка и государственной безопасности (например, в связи с розыском граждан, в том числе пропавших без вести либо являющихся участниками или очевидцами правонарушения).

Также без согласия [14, п.44] гражданина обнародование и использование его изображения допустимо, когда имеет место публичный интерес, например, если

гражданин является публичной фигурой (занимает государственную или муниципальную должность, играет существенную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или любой иной области), а обнародование и использование изображения осуществляется в связи с политической или общественной дискуссией или интерес к данному лицу является общественно значимым. Вместе с тем согласие необходимо, если единственной целью обнародования и использования изображения лица является удовлетворение обывательского интереса к его частной жизни либо извлечение прибыли, чем пользуются блогеры, специально провоцируя сотрудников полиции. Названные условия обнародования и использования изображения гражданина являются кумулятивными, т.е. должны соблюдаться в совокупности, – иными словами, самого по себе отнесения лица к числу публичных фигур недостаточно для применения указанного законоположения [16].

Согласно подпункту 2 пункта 1 статьи 152.1 ГК РФ не требуется согласия гражданина для обнародования и дальнейшего использования изображения, полученного при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, в том числе открытых судебных заседаниях, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования.

Различными должны быть судебные решения в случае сообщения о фактах, способных оказать положительное влияние на обсуждение в обществе вопросов, касающихся, например, исполнения своих функций должностными лицами и общественными деятелями, и сообщением подробностей частной жизни лица, не занимающегося какой-либо публичной деятельностью. В первом случае реализуется общественный долг в деле информирования граждан по вопросам, представляющим общественный интерес, во втором случае такой роли не выполняется [15, п.25]. Примером этой ситуации может служить освещение в СМИ дорожно-транспортного происшествия с участием Виктора Пильганова, сына высокопоставленного чиновника МВД с пострадавшими детьми в г. Нижний Новгород [17].

Сотрудники полиции не лишены гражданских прав, следовательно, их изображение охраняется в полном объеме законом, что корреспондирует п. 9 ч. 1 ст. 28 закона «О полиции», в соответствии с которым сотрудник полиции имеет право на защиту своих персональных данных.

Нужно четко понимать, что осуществлять запись есть право абсолютное у всех, а обнародовать или распространять эту запись возможно только с условием соблюдения норм закона: либо получив согласие на распространение, либо распространение без согласия на основе норм закона.

Следует иметь в виду, что согласно судебной практике в качестве компенсации морального вреда при размещении материалов без согласия изображенного лица возможно требовать возмещение убытков одновременно за несколько видов нарушений:

- за нарушение права гражданина на неприкосновенность частной жизни (ст. 150 ГК РФ);
- нарушение порядка обнародования и использования изображения (ст. 152 ГК РФ) [18].

Отметим, что в исковом заявлении в связи с незаконным распространением изображения физического лица можно потребовать блокировки Роскомнадзором сайта, на котором обнародовано изображение [19].

Нахождение баланса между правами и свободами лица, осуществляющего видеозапись и общества, с одной стороны, и попавшего на видеозапись, с другой стороны, вот грань, на основании которой решение принимает судебная инстанция.

Так, Европейский Суд по правам человека неоднократно отмечал, что в делах, где необходимо установить баланс между защитой частной жизни и свободой выражения мнения, необходимо выяснить вклад, который фотографии или статьи в прессе или сети Интернет внесли в обсуждение, представляющее интерес для общественности [20].

Применимая к нашей ситуации ч. 1 статьи 19.3 КоАП РФ – неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а равно воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей – носит несколько избыточный характер.

Необходимо убрать из диспозиции статьи «в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности» (по аналогии с ч 1.1 или 3 ст. 19.3 КоАП РФ) для обеспечения возможности сотрудникам полиции привлекать к ответственности при нахождении физических лиц в зданиях и помещениях полиции и невыполнении ими законных требований об ограничении фото-, аудио-, видео фиксации без разрешения на основании п. 25 ч.1 ст. 13 Закона о полиции.

Список литературы

1. https://research-journal.org/politology/vzaimodejstvie-pravooxranitelnyx-organov-i-smi-na-primere-zabajkalya-k-postanovke-problemy/ https://yandex.ru/turbo/s/wiselawyer.ru/poleznoe/44563-vzaimodejstvie-organov-vnutrennikh-sredstvami-massovoj-informacii.; ttps://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-organov-vnutrennikh-del-so-sredstvami-massovoi-informatsii-v-formirovanii-pra. Дата обращения 21.07.2020.
2. Адаховская С.В., Кобленков А.Ю. Защита персональных данных сотрудника полиции от видеозаписи и незаконного распространения в средствах массовой информации// Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. № 3 (51). Н. Новгород. 2020. с 79-83.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»// Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.
5. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ, 14.02.2011, № 7, ст. 900.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
7. https://yandex.ru/video/preview?filmId=17268261944385201937&from=tabbar&parent-reqid=1578565165271368-1681542124449490391900119-sas1-5663&text=%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9+%D0%B2+%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B5. Дата обращения 30.01.2020.
8. Пара сибиряков получила условные сроки за драку с полицейским из-за бойцовой собаки // https://news.ngs.ru/more/66163963.
9. ВС разрешил использовать скриншоты в качестве доказательств // https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/27764/. Дата обращения 30.01.2020.
10. Решение № 2-453/2017 2-453/2017~М-404/2017 М-404/2017 от 18 октября 2017 г. по делу № 2-453/2017// https://sudact.ru/regular/doc/emoATa11N3dX. Дата обращения 30.01.2020.
11. Решение № 2-715/2016 2-715/2016~М-4830/2015 М-4830/2015 от 4 февраля 2016 г. по делу № 2-715/2016// https://sudact.ru/regular/doc/L2hisL4F7Nbj/?regular-txt=%D0%94%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D0%B0+%D0%92%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4+%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%85%D0%BD%D1%8F&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1579003350895&snippet_pos=952#snippet. Дата обращения 30.01.2020.
12. Апелляционное определение № 33-16111/2014 от 10 ноября 2014 г. по делу № 33-16111/2014 // https://sudact.ru/regular/doc/Be8gIGWyI6d8/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=152.1+%D0%B3%D0%BA+%D1%80%D1%84&_=1579000321762&regular-judge=&snippet_pos=852#snippet. Дата обращения 30.01.2020
13. Решение № 2-2084/2017 2-2084/2017~М-1162/2017 М-1162/2017 от 3 октября 2017 г. по делу № 2-2084/2017// https://sudact.ru/regular/doc/c8wLGEAZWfQw/?regular-txt=%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B8%D0%B7%D1%8A%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BD%D0%B0+%D0%BE%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5+&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-

workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1579693172562&snippet_pos=6224#snippet. Дата обращения 30.01.2020.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2015.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 N 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 8, август, 2010.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 12.02.2019 N 274-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безрукова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации»// Вестник Конституционного Суда РФ, 2019, N 3; Решение Конституционного Суда РФ от 25.04.2019 «Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2019 года» // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте http://www.ksrf.ru по состоянию на 26.04.2020.
17.https://www.nn.ru/news/articles/spustya_den_posle_avarii_vse_podrobnosti_o_smertelnom_dtp_s_detmi_na_ulitse_gorkogo/66390025/. Дата обращения 10.04.2020.
18. Фридман В.Э. Право на изображение: особенности правового регулирования и способы защиты // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. N 8. С. 45 - 56.
19. Закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и защите информации"// Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448.
20. Постановления по делу "Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против Германии", от 4 июня 2009 года по делу "Штандард Ферлагс ГмбХ" (Standard Verlags GmbH) против Австрии (N 2)"; постановления Европейского Суда по правам человека от 7 февраля 2012 года по делу "Фон Ганновер (Принц Ганноверский и Принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против Германии (N 2)" и от 28 октября 2014 года по делу "Йон Кэрстя (Ion Carstea) против Румынии".

Adakhovskaya S.V. Koblenkov A.U. An approximate algorithm for the actions of police officers to protect their personal data from illegal dissemination by video filmmakers // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 176-184.

The article analyzes the practice of communication between police officers and individuals filming in a public place. An algorithm for the actions of police officers to protect their personal non-property rights, in particular personal data, from illegal distribution (disclosure) from the point of view of the current regulatory legal acts is proposed. The authors investigate the provisions of the federal laws "On the Police", "On Personal Data", the Civil Code of the Russian Federation, judicial practice on the issue in question. Researchers analyze video recordings, photographs, articles on the Internet, reveals the possibility of manipulating psychological attitudes towards police officers. The court examines court decisions on the transfer of the video to a third party who published it on the Internet, considers specific court decisions on compensation for moral damage for violation of the plaintiff's right to privacy during the dissemination (disclosure) of the image, and the plaintiff's right to protect the image during use.

It is drawn attention that the use without permission of a photograph or video recording of the plaintiff, posted by him independently on the Internet, is recognized by judicial practice as lawful. As a result of the study of the federal law "On the Police" in relation to the situation under consideration, changes are proposed to the disposition of part one of Article 19.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Keywords: illegal distribution of personal data, protect personals non-property rights, police officers.

Spisok literatury

1. https://research-journal.org/politology/vzaimodejstvie-pravooxranitelnyx-organov-i-smi-na-primere-zabajkalya-k-postanovke-problemy/ https://yandex.ru/turbo/s/wiselawyer.ru/poleznoe/44563-vzaimodejstvie-organov-vnutrennikh-sredstvami-massovoj-informacii.; ttps://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-organov-vnutrennikh-del-so-sredstvami-massovoi-informatsii-v-formirovanii-pra. Date of application is 21.07.2020.
2. Adakhovskaya S.V., Koblenkov A.YU. Zashchita personal'nykh dannykh sotrudnika politsii ot videozapisi i nezakonnogo rasprostraneniya v sredstvakh massovoy informatsii// Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy Akademii MVD Rossii. № 3 (51). N. Novgorod. 2020. s 79-83.
3. Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nykh dannykh»// Sobraniye zakonodatel'stva RF, 31.07.2006, № 31 (1 ch.), st. 3451.
4. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ // Rossiyskaya gazeta, № 238-239, 08.12.1994.
5. Federal'nyy zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ «O politsii» // Sobraniye zakonodatel'stva RF, 14.02.2011, № 7, st. 900.
6. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva RF, 07.01.2002, № 1 (ch. 1), st. 1.
7. https://yandex.ru/video/preview?filmId=17268261944385201937&from=tabbar&parent-reqid=1578565165271368-1681542124449490391900119-sas1-5663&text=%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9+%D0%B2+%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B5. Date of application is 30.01.2020.
8. Para sibiryakov poluchila uslovnyye sroki za draku s politseyskim iz-za boytsovoy sobaki // https://news.ngs.ru/more/66163963.

9. VS razreshil ispol'zovat' skrinshoty v kachestve dokazatel'stv// https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/27764/. Data obrashcheniya 30.01.2020.
10. Resheniye № 2-453/2017 2-453/2017~M-404/2017 M-404/2017 ot 18 oktyabrya 2017 g. po delu № 2-453/2017// https://sudact.ru/regular/doc/emoATa11N3dX. Data obrashcheniya 30.01.2020.
11. Resheniye № 2-715/2016 2-715/2016~M-4830/2015 M-4830/2015 ot 4 fevralya 2016 g. po delu № 2-715/2016// https://sudact.ru/regular/doc/L2hisL4F7Nbj/?regular-txt=%D0%94%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D0%B0+%D0%92%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4+%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%85%D0%BD%D1%8F&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1579003350895&snippet_pos=952#snippet. Data obrashcheniya 30.01.2020.
12. Apellyatsionnoye opredeleniye № 33-16111/2014 ot 10 noyabrya 2014 g. po delu № 33-16111/2014 // https://sudact.ru/regular/doc/Be8gIGWyI6d8/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=152.1+%D0%B3%D0%BA+%D1%80%D1%84&_=1579000321762&regular-judge=&snippet_pos=852#snippet. Data obrashcheniya 30.01.2020
13. Resheniye № 2-2084/2017 2-2084/2017~M-1162/2017 M-1162/2017 ot 3 oktyabrya 2017 g. po delu № 2-2084/2017// https://sudact.ru/regular/doc/c8wLGEAZWfQw/?regular-txt=%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B8%D0%B7%D1%8A%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BD%D0%B0+%D0%BE%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5+&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1579693172562&snippet_pos=6224#snippet. Data obrashcheniya 30.01.2020.
14. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25 «O primenenii sudami nekotorykh polozheniy razdela I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii// Byulleten' Verkhovnogo Suda RF, № 8, avgust, 2015.
15. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15.06.2010 N 16 «O praktike primeneniya sudami Zakona Rossiyskoy Federatsii «O sredstvakh massovoy informatsii»// Byulleten' Verkhovnogo Suda RF, N 8, avgust, 2010.
16. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 12.02.2019 N 274-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhalob Bezrukova Sergeya Vital'yevicha na narusheniye yego konstitutsionnykh prav punktom 1 stat'i 152.2 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii»// Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF, 2019, N 3; Resheniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 25.04.2019 «Ob utverzhdenii Obzora praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii za pervyy kvartal 2019 goda» // Tekst dokumenta priveden v sootvetstvii s publikatsiyey na sayte http://www.ksrf.ru po sostoyaniyu na 26.04.2020.
17.https://www.nn.ru/news/articles/spustya_den_posle_avarii_vse_podrobnosti_o_smertelnom_dtp_s_detmi_na_ulitse_gorkogo/66390025/. Data obrashcheniya 10.04.2020.
18. Fridman V.E. Pravo na izobrazheniye: osobennosti pravovogo regulirovaniya i sposoby zashchity // IS. Avtorskoye pravo i smezhnyye prava. 2019. N 8. S. 45 - 56.
19. Zakon ot 27.07.2006 N 149-FZ "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i zashchite informatsii"// Sobraniye zakonodatel'stva RF, 31.07.2006, N 31 (1 ch.), st. 3448.
20. Postanovleniya po delu "Fon Gannover (Printsessa Gannoverskaya) (Von Hannover) protiv Germanii", ot 4 iyunya 2009 goda po delu "Shtandard Ferlags GmbKH" (Standard Verlags GmbH) protiv Avstrii (N 2)"; postanovleniya Yevropeyskogo Suda po pravam cheloveka ot 7 fevralya 2012 goda po delu "Fon Gannover (Prints Gannoverskiy i Printsessa Gannoverskaya) (Von Hannover) protiv Germanii (N 2)" i ot 28 oktyabrya 2014 goda po delu "Yon Kerstya (Ion Carstea) protiv Rumynii".

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 185-191.

УДК 343.1

СУЩНОСТЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА К МАТЕРИАЛАМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Алиева Н. Н.
ФГАУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела в рамках уголовного судопроизводства осуществляется на этапе окончания предварительного расследования. В следственной практике с этим возникают множество проблем, которые требует детального рассмотрения норм закона.

Установлено, что в уголовно-процессуальном кодексе право участников досудебного производства на ознакомление с материалами дела рассматривается как система всех участников судопроизводства, которая позволяет им получить информацию о ходе расследования по уголовному делу. Особое внимание следует обратить на факт, что обвиняемый имеет большие возможности по реализации своего права на заявление ходатайств.

Предложено внесение дополнений в статью 216 УПК РФ в пункте, о необходимости следователя разъяснять потерпевшему и его представителю о его праве заявлять ходатайства о проведении предварительного слушания.

Ключевые слова: материалы уголовного дела, досудебное производство, участники досудебного производства, ходатайство, ознакомление.

В Российской Федерации уголовный процесс представлен в виде постадийным производством по рассматриваемым уголовным делам. Уголовный процесс исследователи рассматривают как систему, в которую включены различные элементы, в том числе производство по уголовному делу также является элементом этой системы. Стадия — это связанные части уголовного судопроизводства, в основе которых имеются следующие составляющие. Задачи, поставленные из содержания судопроизводства. Круг участников, имеющих различные процессуальные отношения. Последовательность стадий уголовного процесса четко прописана законодателем. Подчеркнем, что каждая стадия характера набором признаков, таких как наличие задач, сроки, процессуальная форма, определенные процессуальные действия, направленные на решение поставленных задач, процессуальный акт.

Уголовное судопроизводство представлено двумя его частями, и именно досудебное и судебное производства. В ходе нашего исследования, нас интересует досудебное производство, которое начинается с момента сообщения о преступлении до его поступления в суд. Иными словами, досудебное производство включает в себя стадию возбуждения уголовного дела и стадию предварительного расследования. Одной из отличительных характеристик, рассматриваемой стадии производства, является ее прерывистый характер. В практике встречается наличие длительного периода времени от стадии возбуждения уголовного дела до стадии предварительного расследования. Досудебное производство начинается со стадии предварительного расследования, которая возникает с начала возбуждения уголовного дела. Производство предварительного расследования может иметь длительный временной интервал, так как оно может приостанавливаться, прекращаться и возобновляться.

С точки зрения Е.Е. Лысюк [7] На стадии предварительного расследования, согласно уголовному процессу, реализовывается такая же функция. В основе функции предварительного расследования находится деятельность органов предварительного следствия и дознания. Их основная задача состоит с установлением обстоятельств по уголовному делу, виновности лица, осуществлении уголовного преследования и в соответствии с процессуальной формой принятие решения об окончании предварительного расследования.

Соответственно, законодатель четко выделяет в досудебном производстве стадию возбуждения уголовного дела и стадию предварительного расследования. В законе нет четкого понимания относительно того, какое место в системе досудебного производства занимает окончание предварительного расследования, в которое входит производство по ознакомлению с материалами уголовного дела всех участников уголовного процесса. Согласимся с мнением А.В. Гриненко [2], который подчеркивает, что окончание предварительного расследования представляет собой совокупность действий следователя, обеспечивающие принятие законного решения.

Законодатель определил лиц, которые имеют право на ознакомление с материалами уголовного дела. Отметим, что ознакомление с материалами уголовного дела представляет собой самостоятельным институтом процессуального права, порядок которого прописан в главе 30 УПК РФ, ст. 225 УПК РФ, ст. 226 УПК РФ.

Законодатель позволяет всем участникам уголовного процесса получить информацию о ходе досудебного производства. Право участников досудебного производства на ознакомление с материалами уголовного дела включает в себя следующие составляющие: право участников судопроизводства на получение информации из материалов дела, процессуальные обязанности лиц по обеспечению реализации данного права, действия участников уголовного дела, связанные с получением сведений из материалов дела. Возникает вопрос, что включает в себя понятие материалы уголовного дела. Я.О. Мотовиловкер [9] подчеркивал, что уголовно дело трактуется в трех смыслах:

1. как производство органов следствия и суда;
2. как документы, в которых происходит фиксация фактов в рамках заявления пострадавшего;
3. как обстоятельства происшествия.

П.Г. Марфиции [8] уголовное дело понимает, прежде всего, как юридическое производство, которое включает в себя совокупность документов.

В уголовно-процессуальном кодексе уголовно дело представлено в нескольких значениях, а именно как юридическое производство, жизненная ситуация и совокупность явлений материального мира, связанных с процессом доказывания. Согласно статье 222 и статье 226 УПК РФ, после утверждения обвинительного акта, уголовное дело направляется в суд. При этом закон подразумевает, что в суд направляются дело и остальные предметы материально мира, которые, так или иначе, относятся к процедуре расследования. Мы имеем в виду разного рода доказательства, фотографии, аудио- или видеозаписи и т.п. Согласно ст. 84 УПК РФ данного вида носители называются иной документ. Как отмечают многие исследователи, понятие материалы уголовного дела включает в себя понятие уголовное дело.

В уголовно-процессуальном кодексе право участников досудебного производства на ознакомление с материалами дела рассматривается как система всех участ-

ников судопроизводства, которая позволяет им получить информацию о ходе расследования по уголовному делу. Право участников уголовного процесса на ознакомлении с материалами досудебного производства включает в себя следующие составляющие:

1. право на ознакомлении с материалами уголовного дела, которое находится в распоряжении должностных лиц;
2. право на получение копий документов, находящихся в материалах судопроизводства;
3. право на уведомление о ходе расследования и его результате.

Рассмотрим эти составляющие более детально. Право на ознакомление с материалами производства, находящимися у должностных лиц, различно по своей специфике. В одних случаях участники судопроизводства имеют право на ознакомление с материалами в полном объеме, в других, только с частью материалов. Так, согласно пункту 6 части 1 статьи 53 УПК РФ защитник имеет право на ознакомление с протоколом задержанного, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий. Под копиями документов из материалов уголовного дела понимаются копии тех документов, в которых зафиксированы решения по рассматриваемому уголовному делу. Каждый участник имеет право быть информированным о ходе и результатах расследования. Уведомление возможно в двух формах, письменной и устной. Мы считаем, чтобы исключить случаи, когда участники процесса не получают информацию о материалах расследования, необходимо закрепить в законе обязанность следователя реализацию данного права.

Рассмотренные составляющие права участников уголовного процесса на ознакомление с материалами досудебного производства, с одной стороны, индивидуальны, с другой стороны, взаимосвязаны между собой. Поэтому на основе анализа можно выделить три формы, обеспечивающие доступ всех участников досудебного производства к материалам дела.

Первая форма состоит в ознакомлении участников уголовного дела с материалами досудебного производства без права получения документов из уголовного дела. Иными словами, это ознакомление, реализующее в течение длительного времени на практике, можно сказать это классическая форма ознакомления с материалами уголовного дела. Когда участник производства усваивает материал и тем самым получает необходимые сведения о ходе уголовного дела. Стоит отметить, что на практике часто следователь ознакамливает участников с материалами дела путем пересказа. Данная форма не противоречит законодательству, но наш взгляд я валяется спорной.

Второй формой является ознакомление через получение копий документов. Копии процессуальных документов вручаются участникам процесса в их пользование.

Третья форма, получение информации из уведомлений, в которых ход производственных действий отражается опосредованно. Выделенные формы и их использование зависят от статуса участника уголовного процесс.

Следует указать, что процесс ознакомления с материалами уголовного дела зависит от его объема. В случае, когда участник имеет право ознакомления со всеми материалами дела без ограничений, такой процесс ознакомления называется полным. Если участнику процесса предоставляется право ознакомиться с частью материалов, то такой процесс, соответственно, называется частичный.

Ознакомление с материалами уголовного дела участников досудебного производства представляет собой институт уголовно-процессуального права, который оказывает воздействие на часть общественных отношений, которые возникают в процессе уголовного дела. Анализ уголовно-процессуального законодательства, научной литературы, судебной практики показывает, что процессу ознакомлению участников уголовного судопроизводства с материалами дела уделяют особое внимание. Это связано, прежде всего, с тем, что принципы уголовного судопроизводства направлены на обеспечение прав всех участников производства.

В уголовном процессе мы выделили несколько подходов к пониманию того, что представляют собой принципы уголовного судопроизводства. Принципы уголовного процесса, согласно мнению В.Т. Томина [10] представляет собой мировоззренческую идею совокупности уголовных норм.

Обеспечение прав участников с материалами уголовного дела именно как принцип уголовного процесса нашел свое объективное выражение в начале 90-х гг. XX века. Это вызвано тем, что была принята Декларация прав и свобод человека и Конституция РФ, где было четко закреплено право знакомиться с материалами, которые затрагивают право граждан. Эти события послужили расширение прав участников досудебного производства с его материалами. Принцип обеспечения прав участников досудебного производства при ознакомлении с материалами является, с одной стороны, отраслевым принципом, с другой стороны, общеправовым, затрагивает право человека, изложенное в Конституции.

Мы считаем, что в современной науке уголовного процесса обеспечение ознакомления с материалами уголовного дела недостаточны, поэтому необходимо детальное рассмотрение данного вопроса. Наличие разных форм предварительного расследования определяют особенности ознакомления с материалами уголовного дела. Так, например, если установлена причастность к совершению преступления несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности, уголовное дело прекращается. Ознакомление с материалами дела производится в соответствии с Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Законодателем определено право обвиняемого ознакомления с материалами уголовного дела при направлении его дела в суд. Если уголовное дело прекращено, то следователь должен направить уведомление о прекращении преследования всем участникам уголовного процесса. Отметим, что нормы уголовно-процессуального права направлены ко всем участникам уголовного процесса.

Ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела в рамках уголовного судопроизводства осуществляется на этапе окончания предварительного расследования. Данная процедура связана с обеспечением права обвиняемого во всесторонности, объективности и полноты расследования. Обратимся к конституции РФ. В ч. 2 ст. 24 речь идет о том, что человек имеет право ознакомиться с материалами, если они затрагивают его право и свободу. В УПК РФ в ч. 2 ст. 55 установлено, что участник досудебного производства имеет право на ознакомление со всеми материалами дела, что позволяет реализовать процессуальные функции участниками дела и установить все обстоятельства. В следственной практике с этим возникают множество проблем, которые требует детального рассмотрения норм закона.

Участники уголовного судопроизводства согласно статье 119 УПК РФ имеют право заявлять ходатайства, которые являются правовой гарантией для всех участников уголовного судопроизводства, влияющие на ход предварительного расследования.

Анализируя юридическую литературу, мы пришли к выводу, что УПК РФ не содержит законодательного определения ходатайств. Так, А.В. Гриненко отмечает, что ходатайством является официальная заявленная просьба в отношении осуществления каких-либо действий или принятия какого-либо решения, а также его отказ. Адресовано ходатайство участнику процесса, наделенный соответствующими полномочиями. И.А. Насонова подчеркивает, что ходатайство представляет собой официальную просьбу, адресованную субъектам, наделенных правами разрешить вопрос, по существу.

Учитывая особенности проанализированных дефиниций, мы предлагаем рассматривать ходатайство, как официальное обращение обвиняемого и его защитника в рамках уголовного судопроизводства о начале производства действий процессуального характера или принятие решений с целью установки обстоятельств важных в ходе уголовного дела.

Лицо, проводящее предварительное следствие, в случае удовлетворения заявленных ходатайств в рамках уголовного дела, обязан приобщить соответствующие документы к материалам дела. Следует обратить внимание, что производство действий по ходатайству не должно препятствовать для ознакомления с материалами уголовного дела других участников уголовного судопроизводства. Их статьи 215 УПК РФ участники процессы должны быть ознакомлены с дополнительными материалами, при условии удовлетворения ходатайства. Стоит отметить, что в законе не отражено необходимость ознакомления участников с дополнительными материалами вне следственных действий. В случае дополнительного ознакомления с материалами уголовного дела, предъявляются только документы, связанные с положительным решением об удовлетворении ходатайств. Согласно статьям 216, 218 УПК РФ В результате, после ознакомления с материалами уголовного дела составляется протокол. После завершения производства дополнительных следственных действий, в случае удовлетворения ходатайства, необходимо уведомить всех ранее ознакомившихся с материалами дела, и предоставить им возможность ознакомления с дополнительными материалами дела. Как обмечает К.Б. Калиновский, в уголовном судопроизводстве следователь часто нарушает ч. 3 ст. 217 УПК РФ в части права обвиняемого и его защитника в ознакомлении с материалами дела. Дело в том, что распространенной является тенденция, что следователи предъявляют обвинение в день ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. Автор статьи считает, что необходимо установить срок в 4 дня для заявления ходатайств о ознакомлении с материалами уголовного дела. Данное действие направлено на правильность предъявления обвинения. Следователь должен проверить повторно материалы уголовного дела после того как обвиняемый и его защитник были ознакомлены, далее он их отправляет к прокурору. Подчеркнем, что предложенные 4 дня для заявления ходатайства о ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела являются минимумом. Количество отведенных дней зависит от сложности уголовного дела, от характера причиненного вреда.

Помимо этого, в следственной практике распространена ситуация, когда адвокат обвиняемого не является на ознакомление с материалами дела. Согласно ч. 4 ст. 215 уголовно-процессуальный кодекс РФ предлагает следующее варианты разрешения ситуации: во-первых, следователь может предложить обвиняемому заявить ходатайство о замене адвоката. Во-вторых, возможность у обвиняемого ознакомиться с материалами уголовного дела без защитника. При этом в норме закона нет пояснений, какие действия должны быть у следователя, если обвиняемый не явился на ознакомление с материалами дела и отказывается на замену адвоката. Согласно ст. 51 УПК РФ выделены случаи, когда наличие адвоката является обязательным условием в ходе судопроизводства. Возникает вопрос, чем должен руководствоваться в своих действиях следователь, если возникают случаи, прописанные в ст. 51 УПК РФ.

Автор указывает, что особое внимание следует обратить на факте, что обвиняемый имеет большие возможности по реализации своего права на заявление ходатайств, нежели возможность других участников уголовного судопроизводства. Согласно части 2 статьи 229 УПК РФ, у обвиняемого есть право заявлять о наличии ходатайства о проведении судом предварительного слушания при наличии определенных оснований. Данная возможность не разъясняется потерпевшему и таким образом, нарушаются его права и интересы. Соответственно, во-первых, необходимо внести дополнения в статью 216 УПК РФ в пункте, что следователю необходимо разъяснять потерпевшему и его представителю о его праве заявлять ходатайства о проведении предварительного слушания. Второй момент состоит в том, что законодатель не оговаривает сроки подготовки и подачи ходатайства после ознакомления с материалами уголовного дела.

Таким образом, мы считаем, что данные дополнения направлены на регуляцию процесса в отношении подачи ходатайства, правил их рассмотрения следователем и обеспечение сторонам уголовного судопроизводства гарантии защиты прав и законных интересов. Исходя их проделанного анализа, заявление ходатайства является официальным обращением обвиняемого и его защитника, цель которого состоит в производстве процессуальных действий и принятия дальнейших решений, направленных на установление обстоятельств, имеющих особое значение в рамках уголовного дела.

Список литературы

1. Голова С. И. Процессуальная деятельность следователя по уведомлению участников уголовного судопроизводства об окончании предварительного следствия с обвинительным заключением / С. И. Голова // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 166–170.
2. Гриненко А.В. Окончание предварительного расследования / А.В. Гриненко // Уголовное судопроизводство. 2010. №4. С. 19-24.
3. Гриненко, А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий / А.В. Гриненко. М.: Проспект, 2017. С. 576.
4. Дубривный, В. А. Потерпевший на предварительном следствии / В. А. Дубривный. - М., 2006. С. 61.
5. Загвоздкин Н. Н. Об ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия / Н. Н. Загвоздкин // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2013. № 1 (24). С. 66–75.
6. Иванов Д.А. Актуальные проблемы осуществления потерпевшим права представлять доказательства в уголовном судопроизводстве / Д.А. Иванов // История государства и права. № 24, 2011. С. 29-31.

7. Лысюк Е.Е. Функциональная характеристика деятельности следователя // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения: сб. науч. Трудов адъюнктов и соискателей – Омск: Омская академия МВД России, 2005. Вып. 1.
8. Марфицин П.Г. К вопросу о понятии «уголовное дело» / П.Г. Марфицин // Научный вестник Омской академии МВД России. 2001. № 1. С. 32
9. Мотовиловкер Я.О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты / Я.О. Мотовиловкер. – Воронеж, 1984. С. 8.
10. Томин В.Т. Динамика взглядов процессуалиста на понятие и систему принципов уголовного процесса / В.Т. Томин // Правовая наука на рубеже XXI столетия. – М., 2000. С. 121.

Alieva N.N. Essence of ensuring the rights of participants in pre-trial proceedings to the materials of a criminal case // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 185-191.

Relevance and purpose of the work. Acquaintance of the accused with the materials of the criminal case in the framework of criminal proceedings is carried out at the stage of the completion of the preliminary investigation. In investigative practice, this raises many problems that require detailed consideration of the law.

The result of the work. It has been established that in the Code of Criminal Procedure, the right of participants in pre-trial proceedings to familiarize themselves with the case materials is considered as a system of all participants in the proceedings, which allows them to receive information about the progress of the investigation in a criminal case. Particular attention should be paid to the fact that the accused has great opportunities to exercise his right to file petitions.

It is proposed to amend Article 216 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the paragraph on the need for the investigator to explain to the victim and his representative about his right to file a petition for a preliminary hearing.

Key words: materials of the criminal case, pre-trial proceedings, participants in pre-trial proceedings, petition, familiarization.

Spisok literatury

1. Golova S. I. Processual'naya deyatel'nost' sledovatelya po uvedomleniyu uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva ob okonchanii predvaritel'nogo sledstviya s obvinitel'nym zaklyucheniem / S. I. Golova // Obshchestvo i pravo. 2014. № 3 (49). S. 166–170.
2. Grinenko A.V. Okonchanie predvaritel'nogo rassledovaniya / A.V. Grinenko // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2010. №4. S. 19-24.
3. Grinenko, A. V. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: postatejnyj nauchno-prakticheskij kommentarij / A.V. Grinenko. M.: Prospekt, 2017. S. 576.
4. Dubrivnyj, V. A. Poterpevshij na predvaritel'nom sledstvii / V. A. Dubrivnyj. - M., 2006. S. 61.
5. Zagvozdkin N. N. Ob oznakomlenii obvinyaemogo s materialami ugolovnogo dela po okonchanii predvaritel'nogo sledstviya / N. N. Zagvozdkin // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2013. № 1 (24). S. 66–75.
6. Ivanov D.A. Aktual'nye problemy osushchestvleniya poterpevshim prava predstavlyat' dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve / D.A. Ivanov // Istoriya gosudarstva i prava. № 24, 2011. S. 29-31.
7. Lysyuk E.E. Funkcional'naya harakteristika deyatel'nosti sledovatelya // Podhody k resheniyu problem zakonotvorchestva i pravoprimeneniya: sb. nauch. Trudov ad"yunktov i soiskatelej – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2005. Vyp. 1.
8. Marficin P.G. K voprosu o ponyatii «ugolovnoe delo» / P.G. Marficin // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2001. № 1. S. 32.
9. Motovilovker YA.O. Osnovnoj vopros ugolovnogo dela i ego komponenty / YA.O. Motovilovker. – Voronezh, 1984. S. 8.
10. Tomin V.T. Dinamika vzglyadov processualista na ponyatie i sistemu principov ugolovnogo processa / V.T. Tomin // Pravovaya nauka na rubezhe XXI stoletiya. – M., 2000. S. 121.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 192-197.

УДК 343

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПОКАЗАНИЙ ОБВИНЯЕМОГО, ПОЛУЧЕННЫХ БЕЗ ЗАЩИТНИКА

Арсентьева С. С.

Институт права ЧелГУ (Челябинский государственный университет)

В статье представлена точка зрения о нравственности нашего уголовно-процессуального закона с точки зрения отторжения нашим законом возможности использования в качестве доказательств показаний обвиняемого, полученных при допросе без участия защитника.

Ключевые слова: доказательства, допустимость доказательства, справедливость судебного разбирательства, ст. 6 ЕСПЧ, нравственность закона, внутреннее убеждение, совесть, судебная этика.

В юридической литературе всегда уделялось внимание доказыванию как составной части уголовно-процессуальной деятельности и поэтому доказательственное право органически включалось в систему норм уголовно-процессуального права [2].

«Перед следователем, прокурором и судом, осуществляющими производство по уголовному делу, в неразрывной связи с задачей обеспечить собирание всех необходимых фактических данных о существенных обстоятельств дела стоит также задача выяснить, собрана ли эта информация с соблюдением требований процессуального закона; имеет ли она отношение к предмету доказывания; могут ли служить собранные по делу доказательства основанием для принятия процессуальных решений (постановления о привлечении в качестве обвиняемого, задержании, обыске, выемке и т.д.); достаточно ли доказательств для достоверных выводов об обстоятельствах, составляющих предмет доказывания, и в конечном счете, представляют ли они достоверную и полную информацию об исследуемом событии в целом и отдельных его элементах» [2].

Каждое доказательство, в соответствии с правилами, установленными УПК (ст. 88 УПК РФ), подлежит оценки с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела.

Е. В. Марковичева в обзоре (далее по тексту Обзор) научно-практической конференции, посвященной 25-летию со дня проведения первого пленарного заседания Совета судей Российской Федерации «Актуальные вопросы производства по уголовным делам в суде первой инстанции» (конференция состоялась 1 июня 2017 г.) [1] представила анализ доклада К. Н. Белогубец «Актуальные вопросы применения Европейской конвенции о правах человека в сфере уголовного процесса». «К. Н. Белогубец, отмечается в Обзоре, обратил внимание на то, что, исходя из требований ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющей право на справедливое судебное разбирательство, проблемным в российском уголовном процессе является вопрос о допустимости обоснования обвинения показаниями, полученными с нарушением права на защиту» [1]. «Докладчик предложил при решении в судебной практике вопроса о допустимости таких показаний применять метод комплексной оценки ситуации. Справедливость судебного разбирательства должна презюмироваться, но стороне обвинения следует предоставить воз-

можность аргументировано доказать, что не было реальной возможности обеспечить реализацию права на защиту обвиняемого при получении доказательств» [1]. При этом К. Н. Белогубец заметил, что в п. 11 постановления Пленума ВС РФ № 55 «О судебном приговоре» разъяснено о недопустимости учета в качестве доказательств показаний, полученных без защитника, но, оценивая справедливость судебной процедуры, Европейский Суд в своих решениях «не формулирует столь категоричного вывода» [1].

Прежде чем перейти к анализу обозначенного К. Н. Белогубец как проблемного в российском уголовном процессе вопросу «о допустимости обоснования обвинения показаниями, полученными с нарушением права на защиту» считаем необходимым заметить, что пришло время пересмотреть правовое заблуждение о том, что у европейцев имеется понятие справедливости судебного разбирательства более «справедливого» чем в нашей судебной практике. Ограничимся этим замечанием, так как этот вопрос не является предметом настоящей статьи.

Что же касается «проблемного вопроса», обозначенного К. Н. Белогубец, то проведем его анализ в двух аспектах.

Для иллюстрации приведем примеры судебной практики по ситуации оценки показаний, полученных без участия защитника. В Обзоре Иркутского областного суда за четвертый квартал 2017 года приведен следующий тезис (позиция 17) (далее – Апелляционное постановление): «Неподтверждение подсудимым показаний, данных им в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, в силу пункта 1 части 2 статьи 75 УПК РФ влечет признание их недопустимым доказательством вне зависимости от причин, по которым подсудимый их не подтвердил».[1]

Извлечение из Апелляционного постановления.

«Приговором Черемховского городского суда Иркутской области В. осужден по ч. 1 ст. 264 УК РФ за нарушение лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека.

Проверяя доводы апелляционной жалобы защитника, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что протокол допроса В. в качестве свидетеля подлежит исключению из перечня доказательств, приведенных в приговоре, так как в судебном заседании В. указанные показания не подтвердил, допрос производился без участия защитника, что в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ исключает его использование для доказывания».[2]

В Обзоре апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Марий Эл за III квартал 2018 года приведен пример исключения из числа доказательств, допрос дознавателя в качестве свидетеля, подтверждающего показания обвиняемого, полученные в ходе следствия.

По делу П., апелляционная инстанция исключила из числа доказательств, приведенных в обвинительном приговоре «показания свидетеля Д. относительно сведе-

---

[1] См.: Обзор апелляционной, кассационной судебной практики по рассмотрению судами Иркутской области уголовных дел и материалов (IV квартал 2017). Апелляционное постановление № 22-3516/2017 http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=582

[2] Там же.

ний, которые ему стали известны из беседы с П., а также показания свидетеля О. в части пояснений П., данных им при допросе в качестве свидетеля». Мотивы принято решения апелляционная инстанция сформулировала в тезисе: «Недопустимо воспроизведение в ходе судебного разбирательства показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденных им в суде, путем допроса в качестве свидетеля дознавателя, производившего дознание».[3]

При этом суд апелляционной инстанции указал, что вносимые в приговор изменения не влияют на вывод суда о виновности П., поскольку к выводу о совершении им преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, суд первой инстанции пришел в результате исследования совокупности других допустимых доказательств, их всесторонней оценки.

Первый аспект, рассматриваемого проблемного вопроса.

Процессуальная ценность таких показаний как самостоятельного доказательства в российском уголовном процессе совершенно точно определил законодатель, закрепив норму, в которой прямо указал, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления (это можно отразить лишь в протоколе допроса) может быть положено в основу обвинения «лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств» (ч. 2 ст. 77 УПК РФ).

Приведенный пример судебной практики являются подтверждением значения показаний лица в качестве свидетеля, который в дальнейшем приобрел статус обвиняемого, без участия защитника – такие показания исключены без какого-либо юридического последствия на законность состоявшегося обвинительного приговора.[4]

Поэтому ошибки судов первой инстанции в данных примерах по использованию «порочных» доказательств, даже если они бы и стали обыкновением практики, то и в этом случае не являлись бы подтверждением наличия такой проблемы в нашем уголовном процессе.

Наша судебная практика не использует в качестве доказательств и показания подсудимых, полученные в процессе допросов с участием защитников и подтвержденные ими в ходе судебного разбирательства.

---

[3] См.: Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Марий Эл за III квартал 2018 года. Постановление № 22-502/2018 http://vs.mari.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=2404

См.: Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Марий Эл за III квартал 2018 года. Постановление № 22-502/2018 http://vs.mari.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=2404

[4] Данный пример примечателен тем, что В. был допрошен в качестве свидетеля, при наличии подозрения, что он совершил преступление. Анализируемая «ситуация» в российском уголовном процессе нашла свое разрешение в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, которую в тезисном варианте можно представить в следующем изложении: «право пользоваться помощью адвоката (защитника) в уголовном судопроизводстве принадлежит каждому лицу с момента… независимо от его статуса». Мы посчитали излишним приводить раскрытие содержание «момента», так как для темы статьи важно в каком статусе был допрошен В. См., к примеру, так как эта позиция выражена и в других решениях КС: Определение КС РФ № 505-О от 28 февраля 2019 года «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кудымова Сергея Олеговича на нарушение его конституционных прав положениями статей 38, 47, 56, 86, 166, 177 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

Приведем в подтверждении нашего мнения тезис из позиции 15 Апелляционного постановления того же Обзора Иркутского областного суда.

«В силу принципа презумпции невиновности обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, а все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих (формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т.д.) толкуются в пользу подсудимого. Признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора».[5]

Из приведенного извлечения по данному делу следует, что суд апелляционной инстанции пришел к выводу о необходимости изменения приговора, поскольку выводы суда в части доказанности вины Р. и М. соответственно в покушении на незаконный сбыт гражданину С. наркотического средства гашиш в количестве 6,38 и 10,64 гр., не подтверждены достаточной совокупностью доказательств.

«Как следует из приговора суда, в качестве доказательств суд сослался на показания Р. и М. в ходе предварительного следствия.

Вместе с тем не подтвержденные другими доказательствами, эти показания не могут расцениваться как достаточные для установления виновности лиц, обвиняемых в совершении преступлений, исходя из положений ст.ст. 14, 76, 77 УПК РФ».

Судебная коллегия мотивировала свое суждение тем, что показания осужденных (из судебного решения можно сделать вывод, что от этих показаний Р. и М. не отказались в суде) по обстоятельствам передачи ими С. гашиша (сам С., будучи допрошенным в суде, отрицал факт приобретения им гашиша у осужденных) «не конкретизированы и противоречивы», «не привязана к датам, без указания веса и стоимости наркотического средства», суд не располагал «заключениями экспертов по данному вопросу», исходя из специфики рассмотрения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

А в Обзоре практики рассмотрения судом Ямало-Ненецкого автономного округа уголовных дел в апелляционном порядке за 2 полугодие 2017 года, приведен пример отмены обвинительного приговора, по следующему основанию: «Обвинительный приговор не может быть постановлен лишь на признательных показаниях обвиняемого».[6]

Этот пример примечателен тем, что суд апелляционной инстанции пришел к такому выводу, отменяя обвинительный приговор суда первой инстанции постановленного в особом порядке, указав, что суд «не убедился в обоснованности предъявленного О. обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ, поскольку данное обвинение не может быть основано лишь на признании подсудимым своей вины».[7]

---

[5] Там же. Апелляционное определение № 22-4288/2017

[6] См.: Обзор практики рассмотрения судом Ямало-Ненецкого автономного округа уголовных дел в апелляционном порядке за 2 полугодие 2017 года. Утвержден президиумом суда Ямало-Ненецкого округа 31 января 2018 года. Апелляционное определение №22к-797/2017 от 05 октября 2017 года http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=361

[7] Там же.

Очевидно, ошибки судов первой инстанции исправлялись судами вышестоящей инстанции и, если приговоры основывались лишь на признательных показаниях обвиняемого вне зависимости процедуры допроса и подтверждения их или отказа от них, то такие приговоры отменялись как незаконные, а если «порочные» доказательства, основанные на признательных показаниях обвиняемого, были в числе других доказательств, их исключение из совокупности не влекли отмену приговора.

Другими словами, процессуальная ценность таких доказательств, как показывает наша судебная практика, юридически ничтожна.

Второй аспект, рассматриваемого проблемного вопроса касается судебной этики, так как он произрастает из требований ст. 6 ЕСПЧ, закрепляющей право на справедливое судебное разбирательство.

Значение судебной этики в процессе уголовно-процессуального доказывания общепризнано в научной сфере, но остается, по нашему мнению, недопонятой в практической деятельности как правоохранительных органов, так и в правоприменительной деятельности других субъектов применения права.

В соответствии с ч. 1 ст. 17 УПК (Свобода оценки показаний) судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь законом и совестью.

В связке «внутреннее убеждение» и «совесть» при оценке доказательств в законе заложен нравственный идеал оценки доказательств с точки зрения закона и сама духовность закона. Причем законом адресован этот идеал максимума по оценке доказательств не только судьям, но и присяжным заседателям, прокурору, следователю, дознавателю. Три последних субъекта уголовного процесса также обременены нравственным идеалом закона, но так сложилось в нашей практике, что их процессуальная деятельность по «безнравственному» представлению в суд «сомнительных во всех отношениях доказательств» остается вне анализа причин беспринципности, так как принимает окончательное решение судья и он и оказывается в поле критики. Мы тоже оставляем вне поля зрения данную тему, так как она выходит за рамки предмета исследования настоящей статьи.

Можно гордиться, по нашему мнению, что с точки зрения оценки показаний на основе внутреннего убеждения и совести, то есть нравственной составляющей и духовности закона, нам нечего заимствовать у ЕСПЧ. И прибегать к «комплексной оценке ситуации» по *оценке* показаний обвиняемого, которые получены по форме с нарушением действующего закона в силу различных причин, с целью использования их в качестве доказательства его вины.

Обратимся к первооткрывателю в разъяснении нравственных начал нашего российского уголовного процесса, когда Россия еще не имела Конституцию, а само понятие «правовое государство» (в отличие от нашего времени, когда права человека по Конституции возведены на олимп «высшей ценности») лишь было предметом исследования философов и юристов в поисках его признаков. Обратимся к мнению человеку с совестью, не лицемеру, патриоту своей страны, талантливому юристу с богатой практикой, ориентиром для которого служило внутреннее убеждение, основанное на духовности и совести, лишенной «смелостью незнания и аппетитов исключительно карьеристического свойства» Анатолию Федоровичу Кони.[8]

---

[8] Позиция А.Ф. Кони по «проблеме» (обозначенной в нашей статье - следовать практике ЕСПЧ),, когда он был обвинителем в суде: «При обвинениях на суде и я, и некоторые из моих товарищей старались не опираться на собственное /признательное показание/ подсудимого, даже сделанное на суде, и строить свою речь, как бы сознавая

Вот его завет нравственного долга судьи (в примечании 14 к нашей статье адресованной прокурору): «Нравственный долг судьи – не идти слепо по пути «собственного сознания», хотя бы наш старый закон в XV томе свода и считал его «лучшим доказательством всего света» и, хотя бы оно подтверждалось внешними обстоятельствами дела, – а свободно, вдумчиво и тревожно исследовать, в чем кроется истинный источник этого доказательства» [3].

Нам нечем усилить позицию А.Ф. Кони «не опираться на собственное (признательное показание) подсудимого» в обоснование его вины. Процессуальная нравственность нашего закона в аспекте настоящего исследования отражена в разъяснениях Верховного Суда РФ о недопустимости обоснования виновности лишь показаниями обвиняемого.

Поэтому рассуждения К. Н. Белогубец, о проблеме нашего уголовно-процессуального закона, которая заключается в расхождении с практикой ЕСПЧ и его рекомендации по приведению нашего законодательства в соответствие с этой практикой с помощью «комплексной оценки ситуации» показаний обвиняемого, по нашему мнению, можно рассматривать как недооценку духовности нашего закона и судейской этики его применения.

Список литературы

1. Марковичева Е. В. Актуальные вопросы производства по уголовным делам в суде первой инстанции // Российское правосудие. № 2 (142) 2018. С. 106-112

2. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Отв. редактор Н.В. Жогин, изд. 2-е исправленное и дополненное, М., «Юрид. лит.», 1973. С.4

3. Кони, Анатолий Федорович Закон и справедливость. Статьи и речи / А.Ф. Кони. - Москва: Издательство «Э», 2016. -640 с.: ил.- (Подарочные издания Российская императорская библиотека).

S. S. Arsentyeva. Procedural significance of the accused's testimony received without a lawyer // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 192-197.

The article presents the point of view of the morality of our criminal procedure law in terms of our law's rejection of the possibility of using as evidence the testimony of the accused, obtained during interrogation without the participation of a defense lawyer.

Keywords: evidence, admissibility of evidence, fairness of judicial proceedings, article 6 of the ECHR, morality of the law, internal conviction, conscience, judicial ethics.

Spisok literatury

1. Markovicheva E. V. Aktual'nye voprosy proizvodstva po ugolovnym delam v sude pervoj instancii // Rossijskoe pravosudie. № 2 (142) 2018. S. 106-112.

2. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom processe. Otv. redaktor N.V. ZHogin, izd. 2-e ispravlennoe i dopolnennoe, M., «YUrid. lit.», 1973. S. 4.

3. Koni, Anatolij Fedorovich Zakon i spravedlivost'. Stat'i i rechi / A.F. Koni. - Moskva: Izdatel'stvo «E», 2016. -640 s.: il.- (Podarochnye izdaniya Rossijskaya imperatorskaya biblioteka).

.

вовсе не было, почерпая из дела объективные доказательства и улики, не зависящие от того или другого настроения подсудимого, от его подавленности, нервности, желания принять на себя чужую вину или смягчить свою, сознаваясь в меньшем, чем то, в чем его обвиняют».

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 198-206.

УДК 343.851

ИНСТИТУТ ПОМИЛОВАНИЯ В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

Донская (Кавелина) О. Г.

Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В содержании статьи рассматриваются теоретические и практические вопросы применения помилования в Российской Федерации на современном этапе. Автором приводится краткий сравнительно–правовой анализ нормативной базы, регулирующей применение помилования, а также практики его применения и статистических данных, свидетельствующих о значительном снижении количества помилованных осужденных за последние 19 лет.

Автором дан подробный анализ порядка применения помилования, установленного Указом Президента РФ «О комиссиях по вопросам помилования на территории субъектов Российской Федерации» № 1500 от 28 декабря 2001г. Указанный порядок предполагает прохождение ходатайством о помиловании ряда инстанций до момента его поступления на рассмотрение Президенту РФ.

Автором предложено деление инстанций на три звена. Это техническое звено, которое не обладает правом принятия юридически значимых решений –администрация исправительного учреждения и территориальный орган уголовно–исполнительной системы в субъекте Российской Федерации. Звено, наделенное правом принятия предварительного юридически значимого решения – комиссия по вопросам помилования на территории субъекта РФ и высшее должностное лицо субъекта РФ. Основное звено – принимающее окончательное юридически значимое решение по вопросу применения помилования к осужденному – Президент Российской Федерации.

Автор предлагает выводы, согласно которым помилование в Российской Федерации на современном этапе практически не применяется, а в случаях редкого применения используется в качестве политического института, что попирает его правовую суть, как конституционно-правового инструмента проявления гуманности и милосердия к лицам, совершившим преступления со стороны Президента РФ.

Ключевые слова: администрация исправительного учреждения, государственная власть, гуманность, деятельность, комиссия, механизм, осужденный, политика, помилование, порядок, практика применения, правовая природа, реализация, справедливость, уголовно-исполнительное законодательство, ходатайство.

Отношение к помилованию, как к институту, смягчающему правовое положение осужденных, в России менялось на различных исторических этапах развития общества. Так, на протяжении последних 20 лет помилование в целом, и механизм его применения, претерпели значительные изменения. Как показала практика применения помилования в России в 21 веке опасения, относительно перспективы его применения, которые высказывались некоторыми исследователями, оказались полностью обоснованными. Институт помилования не просто претерпел изменения механизма реализации, в корне изменились масштабы и основания его применения.

Наибольшее распространение применение помилования получило в период с 1992 по 2001 г. Указом Президента РФ Б.Н. Ельцина № 17 от 12 января 1992 г. «О комиссии по вопросам помилования» была создана комиссия по вопросам помилования при Президенте РФ. Осужденный получил возможность направлять ходатайство через администрацию исправительного учреждения непосредственно в комиссию по помилованию. Ходатайство тщательно рассматривалось комиссией, выносилось заключение о целесообразности применения помилования, которое направлялось Президенту РФ. Окончательное решение принимал Президент РФ, с

учетом рекомендаций комиссии. Возглавлял комиссию по помилованию при Президенте РФ Анатолий Приставкин – советский и российский общественный деятель. В состав комиссии также писатель Булат Окуджава, Мариэтта Чудакова, Владимир Илюшенко, Лев Разгон, Марк Розовский, Владимир Борщев, Юлий Крелин, Феликс Светов, Александр Бовин, протоирей Александр Борисов и другие общественные деятели, деятельности искусства науки и профессиональные юристы.

Указ Президента № 17 от 12 января 1992 г. «О комиссии по вопросам помилования» не содержал ограничений по применению помилования к осужденным. И в полной мере соответствовал уголовному и уголовно – исполнительному законодательству, которое также не содержит критериев, касающихся личности осужденного, тяжести преступления, фактически отбытого срока наказания. За время работы комиссии с 1992 по 2001 г. было помиловано 69856 осужденных: из них 12856 смертников (смертный приговор был заменен на пожизненное заключение), а 57 тысячам приговор был смягчен [1, с. 4].

Безусловно, в указанный период помилование приобрело необоснованные масштабы. Политическая подоплека этого явления заключалась в фактической отмене смертной казни и замене наказания лицам, осужденным к исключительной мере, на пожизненное лишение свободы. Можно утверждать, что такая гуманность со стороны Президента РФ не способствовала укреплению авторитета судебной власти и, по своей сути, являлась вмешательством в ее деятельность. Более того столь массовая гуманность могла свидетельствовать о несовершенстве карательного института государства. Еще Ч. Беккария, рассуждая на эту тему, утверждал: «По мере смягчения наказаний милосердие и прощение становятся менее необходимыми. Счастлива та нация, у которой они считаются пагубными. Милосердие — это добродетель, которая иногда дополняет круг обязанностей, взятых на себя престолом. Ей не должно быть места в совершенном законодательстве, где наказания умеренны, а суд праведен и скор» [2, с. 155].

С избранием нового Президента РФ в 2001 г., произошли существенные изменения в уголовной политике нашей страны, что не могло не затронуть и институт помилования. Комиссия по помилованию при Президенте РФ, которой приписывали необоснованное проявление милосердия к преступникам, была расформирована. Указ Президента РФ «О комиссиях по вопросам помилования на территории субъектов Российской Федерации» № 1500 от 28 декабря 2001 г. (в последствии Указом Президента РФ от 16 марта 2007 г. N 359 «О Внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере юстиции» [3] в Указ № 1500 были внесены изменения, касающиеся механизма осуществления помилования, а Указом Президента Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 567 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации № 1500 от 28 декабря 2001 г. «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» и в положение, утвержденное этим Указом» - изменения, касающиеся сокращения сроков рассмотрения ходатайств о помиловании лиц, осужденных за совершение впервые преступлений небольшой и средней тяжести) [4]. Целью данного Указа являлось совершенствование механизма реализации конституционных полномочий Президента РФ по осуществлению помилования, обеспечение участия органов государственной власти субъектов РФ и

общественности в рассмотрении вопросов, связанных с помилованием.

Принятие Указа Президента РФ, полностью изменившего порядок и основания помилования, вызвало множество споров по поводу перспективы дальнейшего применения данного института. С учетом резкого сокращения помилованных в России за последние 19 лет, можно утверждать, что опасения были обоснованными. Помилование стало применяться только в исключительных случаях. С одной стороны – такой подход к применению помилования обоснован и логичен. Помилование по своей правовой природе не должно и не может быть институтом массового смягчения положения осужденных. Оно является актом, которым правовое положение осужденного подлежит смягчению вне обычного порядка. Это, скорее исключение из общих правил. И, более того, как показывают исследования, за помилованием в России обращаются лица, к которым обычный порядок смягчения их положения (условно – досрочное освобождение от отбывания наказания, амнистия) не применим, ввиду характеристик личности или тяжести деяния [5, с. 109].

Но есть и другая сторона, которая свидетельствует о негативной тенденции преобразования помилования в политический инструмент. Обратимся к статистике. С момента появления новых комиссий с 2002 и по 2018 г. (включительно), Президент РФ помиловал всего 890 человек — примерно 1% от общего числа помилованных с 1992 по 2001 гг. Но даже новая система сначала проявляла милосердие чаще: из 890 только 153 человека были помилованы после 2010 г. [6]. В 2019 г. было помиловано 7 человек [7]. При этом, общие характеристики личности помилованных за последние годы, подтверждают утверждение о политизированности данного института. Последнее время помилование в России происходят в основном по политическим причинам, в том числе для обмена российских заключенных на иностранных (украинцев Юрия Солошенко, Геннадия Афанасьева и Надежды Савченко, литовцев Аристидаса Тамошайтиса и Евгения Матайтиса, эстонцев Суси Райво и Эстона Кохвера) [7].

Конечно, нельзя отрицать, что новый порядок применения помилования, введенный Указом Президента РФ в 2001 г., способствует более тщательному рассмотрению ходатайств. В отличие от комиссии по помилованию при Президенте РФ, рекомендовавшей к помилованию практически всех осужденных, которые, исходя из представленных материалов, выявляли минимальные признаки становления на путь исправления, многоступенчатый механизм рассмотрения помилования, существующий в настоящее время, способствует «отсеиванию» лиц, не заслуживающих применения к ним снисхождения. Более того, Указ Президента № 1500 содержит ограничения (с формулировкой «помилование как правило на применяется») по применению помилования в отношении отдельных категорий осужденных. К ним относятся: лица, ранее освобождавшиеся от отбывания наказания условно – досрочно, по амнистии, на основании помилования; совершившие умышленное преступление в период назначенного судом испытательного срока, которым ранее наказание было заменено на более мягкое наказание, лицам, являющимся злостными нарушителями режима.

В настоящее время деятельность по применению помилования носит многоступенчатый характер. На высшем уровне – это конституционная деятельность Президента РФ, регламентированная ст. 89 Конституции РФ. На

среднем уровне – административная деятельность глав субъектов РФ, принимающих предварительное решение на уровне субъекта РФ. На низшем и, вместе с тем, основном уровне, стоит деятельность общественной комиссии по помилованию субъектов РФ. Порядок работы последних регламентируется Указом Президента РФ «О комиссиях по вопросам помилования на территории субъектов Российской Федерации» № 1500 от 28.12.2001 (в редакции Указов Президента РФ № 359 от 16.03.2007, № 567 от 19.05.2009), носит характер общественной нагрузки и осуществляется членами комиссии на добровольных началах. Лица, осуществляющие указанную деятельность, не относятся к числу правоприменителей и, в большинстве случаев, не имеют юридического образования. Этот подход к составу комиссии обеспечивает реализацию принципов гуманизма и справедливости при принятии решения о помиловании конкретных граждан.

Комиссия по помилованию на территории субъекта РФ не относится ни к числу государственных органов и учреждений, ни, тем более к институтам государственной власти, также она не является органом местного самоуправления, поскольку не обладает признаками этих структурных единиц власти, члены комиссии не являются государственными служащими.

Начало процессу помилования дает волеизъявление заинтересованного лица – осужденного, ибо правом ходатайствовать о помиловании, согласно Конституции РФ, и Указа Президента РФ № 1500 от 28 декабря 2001 года (в редакции Указов Президента РФ № 359 от 16 марта 2007 года, № 567 от 19 мая 2009 года, 25 июня 2012 года [8]) наделен только осужденный. В научных кругах обсуждается дискуссионный вопрос об иных лицах, имеющих возможность подачи ходатайства о помиловании. Некоторые ученые считают, что, исходя из имеющегося законодательства, ходатайство о помиловании может быть подано не только осужденным. По их мнению, ни из Конституции РФ (ст. 50), ни из норм Международного права (Пакт о гражданских и политических правах ст. 6), гарантирующих право каждого осужденного просить о помиловании, не следует, что иные лица не вправе подавать ходатайства о помиловании осужденных. Исходя из принципа «Разрешено все, что не запрещено», сторонники указанной позиции считают, что право осужденного просить о помиловании, не исключает такого – же права у других лиц (в частности, у его близких родственников или администрации учреждения) [9, с. 87]. В обоснование данной позиции также указывается и на то, что помимо конституционного права просить о помиловании, конституционной нормой гарантируется право каждого осужденного просить о смягчении наказания. Если же посмотреть на порядок решения вопросов об условно–досрочном освобождении, то там обладают правом направлять ходатайства об освобождении осужденный, его адвокат или законный представитель. Представление о замене неотбытой части наказания другим, более мягким, наказанием направляет в суд администрация исправительного учреждения (ст. 175 УИК РФ) [10, с.113].

Однако такой подход противоречит сути помилования по следующим причинам: во-первых, правовыми нормами, в том числе специальными подзаконными актами, разъяснен порядок подачи ходатайства и в этих нормах прямо предусмотрен единственный инициатор возникновения юридического факта, порождающего правоотношения по рассмотрению ходатайство о помиловании, – осужденный. Во-

вторых, рассмотрение ходатайств о помиловании носит вне судебного характера, что также выделяет его из обычных рамок, и, соответственно к нему не могут быть применены правила, предусматривающие смягчение наказания или освобождение от наказания судом. В связи с этим справедливо мнение Михлина А. С., заключающееся в том, что основанием для рассмотрения вопроса о помиловании в обязательном порядке должна быть просьба осужденного [11, с. 106]. При этом ходатайства о помиловании осужденных, подаваемые членами их семей, трудовыми коллективами, общественными и религиозными организациями могут рассматриваться вместе с ходатайствами осужденного о помиловании в качестве материалов, характеризующих личность осужденного. Однако, их рассмотрение в качестве самостоятельных ходатайств не допустимо еще и потому, что исключается возможность установления мнения самого осужденного на вопрос применения к нему помилования, его отношение к совершенному преступлению, признание или непризнание им своей вины.

Уголовно-исполнительным законодательством РФ закреплено право администрации исправительного учреждения представлять осужденного к помилованию. Так, статья 113 Уголовно-исполнительного кодекса РФ предусматривает возбуждение администрацией ходатайства о помиловании в отношении положительно характеризующихся осужденных. При этом, администрации исправительных учреждений, хотя и являются одним из технических звеньев, обеспечивающих прохождение ходатайства о помиловании, играют очень важную роль в этом процессе. Они осуществляют сбор и подготовку материалов, указанных в «Положении о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации». Администрация учреждения представляет характеристику осужденного, содержащую сведения о его поведении, отношении к труду во время отбывания наказания, отношении к совершенному деянию.

Администрация исправительного учреждения является единственной инстанцией, способной объективно и беспристрастно охарактеризовать осужденного в период отбывания им наказания, так как она, в отличие от осужденного и его родственников, не является заинтересованной стороной в вопросе применения помилования. Нами были исследованы 300 ходатайств о помиловании, поданные осужденными в Комиссию по помилованию на территории Ростовской области. Ни в одном случае администрация исправительного учреждения ходатайство не поддержала [12, с. 6.].

Считаем, что данная позиция администраций исправительных учреждений идет вразрез с основными функциями, возложенными на эти органы. Именно в полномочия исправительных учреждений входит исправление осужденного и формирование в нем законопослушного поведения. Неуверенность администрации в исправлении осужденного свидетельствует о признании неэффективности и недостаточности мер исправительного и воспитательного воздействия на осужденных, а также о нежелательности принятия на себя ответственности за дальнейшее (возможно противоправное) поведение осужденного. После подготовки всех необходимых материалов, ходатайство осужденного о помиловании направляется администрацией исправительного учреждения в территориальный орган уголовно–исполнительной системы в субъекте РФ. Копия представления администрации учреждения направляется прокурору, осуществляющему надзор за

соблюдением законов администрацией учреждения, в котором исполняется наказание.

Комиссия по вопросам помилования на территории субъектов РФ является одной из основных ступеней, участвующих в рассмотрении ходатайств, осужденных о помиловании. В состав комиссий по всей России входит около тысячи человек [13, с. 37]. Комиссией принимается предварительное юридически значимое решение по ходатайству осужденного. В связи с этим высказывалось мнение о необходимости укреплять состав комиссий независимыми представителями общественности, людьми, чье мнение авторитетно в регионе [14, с. 15]. К ним могут относиться педагоги, общественные деятели, ученые, писатели и др.

Задачей комиссий по помилованию на территории субъекта РФ является предварительное рассмотрение ходатайств о помиловании осужденных, отбывающих наказание в учреждениях уголовно–исполнительной системы Российской Федерации, находящихся на территории субъекта Российской Федерации, и лиц, отбывших назначенное судом наказание и имеющих неснятую судимость, а также подготовка заключений по материалам о помиловании для дальнейшего представления высшему должностному лицу субъекта РФ. Таким образом, комиссии дают юридически значимую оценку представленным материалам о помиловании осужденного и, путем голосования, выносят первое решение по вопросу возможности применения помилования к осужденному.

В положении о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в РФ, содержатся некоторые рекомендации, адресованные комиссиям, которые следует учитывать при рассмотрении ходатайств о помиловании. Так, согласно п. 12 Положения при рассмотрении ходатайства о помиловании принимаются во внимание а) характер и степень общественной опасности совершенного преступления; б) поведение осужденного во время отбывания или исполнения наказания; в) срок отбытого (исполненного) наказания; г) совершение осужденным преступления в период назначенного судом испытательного срока условного осуждения; д) применение ранее в отношении осужденного акта амнистии, помилования или условно–досрочного освобождения от наказания; е) возмещение материального ущерба, причиненного преступлением; ж) данные о личности осужденного: состояние здоровья, количество судимостей, семейное положение, возраст; з) другие обстоятельства, если комиссия сочтет их существенными для рассмотрения ходатайства. Хотя приведенные рекомендации не носят характера ограничений, однако должны учитываться комиссиями при принятии решения по ходатайству.

Таким образом, Указ Президента № 1500 закрепил формальные ограничения применения помилования к определенным категориям граждан, исходя из степени тяжести деяния и личности осужденного, чего ранее законом предусмотрено не было. После заключения комиссии ходатайство направляется высшему должностному лицу субъекта, которое вносит Президенту РФ представление о целесообразности применения помилования в отношении осужденного. К указанному представлению прилагается ходатайство и все представленные с ним документы, характеризующие личность осужденного, называется совершенное им преступление, его поведение во время отбывания наказания, а также заключение комиссии по помилованию. После прохождения указанных этапов на территории

субъекта РФ, ходатайство о помиловании, а также материалы, характеризующие личность осужденного и совершенное им преступление, направляются в Администрацию Президента РФ.

Департамент организационной работы по вопросам помилования Управления по защите конституционных прав граждан Администрации Президента РФ, куда направляется ходатайство о помиловании на следующем этапе своего рассмотрения, обладает основной наиболее важной функцией – представление ходатайств о помиловании с прилагаемыми к ним материалами, представленными администрацией исправительного учреждения, заключением комиссии по вопросам помилованию и представлением высшего должностного лица субъекта РФ о целесообразности применения помилования на рассмотрение Президенту РФ, который является единственным конституционным субъектом помилования и он, осуществляя право, предоставленное ему Конституцией РФ, принимает окончательное решение по вопросу применения помилования к осужденному либо об отклонении его ходатайства. При этом некоторые исследователи утверждают, что Президент при принятии решения о помиловании не связан предварительной процедурой помилования, предполагающей выработку только рекомендательной позиции, которой глава государства юридически может пренебречь, то есть принять решение о помиловании в обход этой процедуры. Основанием для такого пренебрежения, по мнению И.А Гукасова, являются «высшие интересы» [15, с. 9].

Таким образом, институт помилования в РФ за последние годы претерпел существенные изменения. Эти изменения касаются механизма его реализации, практики его применения и фактической деформации правовой природы. Механизм помилования из предельно простого, существовавшего в период с 1992 по 2001 г., преобразовался в многоступенчатый. Учреждения и органы, принимающие участие в прохождении ходатайства о помиловании, в настоящее время условно можно разделить на технические звенья (администрация исправительного учреждения, территориальный орган уголовно–исполнительной системы в субъекте Российской Федерации), звенья, принимающие предварительные юридически значимые решения (комиссия по вопросам помилования на территории субъекта РФ, Высшее должностное лицо субъекта РФ) и основное звено – Президент РФ, принимающий окончательное юридически значимое решение. Значимым представляется лишь последнее звено, остальные можно рассматривать как формальные. Однако исследования, проведенное на территории Ростовской области, показывает, что отсутствие поддержки на первичном уровне подачи ходатайства (если администрации исправительных учреждений массово не поддерживают ходатайства), приводит к невозможности реализации осужденными права на просьбу о помиловании.

Приведенная практика применения помилования в России за 2002-2020 гг. свидетельствует о фактическом упразднении этого института. Помилования трансформировано в политический институт. При чем оно служило политическим целям как при ранее существовавшем порядке, когда было проведено массовое помилование осужденных к смертной казни, так и на современно, когда оно применяется в отношении иностранных граждан с целью их обмена на граждан РФ.

В настоящее время интерес граждан России к помилованию и вера в возможность его применения практически потеряны. Об этом свидетельствует и

значительное сокращение подаваемых ходатайств о помиловании. Так, комиссией по вопросам помилования на территории Ростовской области за 2019 г. рассмотрено 150 ходатайств, за 2018 год – 129 ходатайств, за 2017 г. 139 ходатайств [16]. При этом до 2010 г. среднее количество ходатайств о помиловании, рассмотренных комиссией в календарный год составляло около 300 ходатайств. Считаем, что снижение числа осужденных, ходатайствующих о помиловании, связано с тем, что помилование в России практически не применяется.

Список литературы

1.Гордиенко И. Не верь, на бойся, не проси // Новая газета. № 46. С. 4.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. - М.: Инфра-М, 2004. С. 155.
3. Указ Президента РФ от 16 марта 2007г. N 359 «О Внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере юстиции» // Российская газета. 2007. 22 марта.
4. Указ Президента РФ от 19 мая 2009 г. № 567 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации № 1500 от 28 декабря 2001 года «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» и в положение, утвержденное этим Указом» // Российская газета. 2009. 20 мая.
5. Кавелина О.Г. Институт помилования: криминологические и уголовно – правовые аспекты: монография - М.: Юрлитинформ, 2011, С. 109.
6. Аренина Е. Немилостивый государь. Исследование о том, как российская власть перестала быть милосердной, 20.03.2019 [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.proekt.media/research/statistika-pomilovaniya/ (дата обращения: 15.09.2020).
7. Михайлова А. Помилование в России и в мире [электронный ресурс]. Режим доступа: Право RU //https://pravo.ru/story/217990/ (дата обращения: 16.09.2020).
8. Указ Президента Российской Федерации от 25 июня 2012г. N 890 [электронный ресурс]. Режим доступа: Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.09.2020).
9. Кондратьев П.Е. Выступление на Всероссийской конференции по проблемам помилования. Великий Новгород, 25-26 октября 2000г. М.: Юрид. Лит., 2001. С.87.
10. Саженков Ю.В. Селиверстов В.И. Правовые проблемы помилования в России. М. 2007. С. 113.
11. Михлин А.С. Понятие смертной казни. // Государство и право. 1995. № 10. С. 106.
12. Кавелина О.Г. Институт помилования: криминологические и уголовно–правовые аспекты: автореф. дисс. к. ю. н. / Рост. юрид. ин-т МВД РФ. Ростов-на-Дону, 2009. С. 6.
13. Приставкин А. Коллективное помилование // Закон и право. 2003. № 13. С. 37.
14. Коган – Ясный В. О помиловании. Выступления на совещаниях и семинарах по вопросам помилования, 2000-2003 г. М. 2006г. Московская область 4-6 декабря 2002 г. Всероссийское совещание представителей комиссий по вопросам помилования. С. 15.
15. Гукасов И.А., Гукасов И.А. Институт помилования в Российской Федерации: конституционно – правовые начала: автореф. дисс. к. ю. н. / Ростов-на-Дону, 2008, С. 9.
16. Деятельность комиссии по вопросам помилования на территории Ростовской области и отдела по вопросам помилования Правительства Ростовской области [электронный ресурс]. Режим доступа://www/donlend.ru(дата обращения: 17.09.2020).

O. Donskaya (Kavelina). Institute of pardons in Russia: present stage // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 198-206.

The article deals with theoretical and practical issues of applying pardons in the Russian Federation at the present stage.

The author provides a brief comparative legal analysis of the regulatory framework governing the use of pardons, as well as the practice of its application and statistical data indicating a significant decrease in the number of pardoned convicts over the past 19 years.

The author gives a detailed analysis of the procedure for applying pardons established by the decree of the President of the Russian Federation "on commissions on pardons in the territory of the subjects of the Russian Federation" No. 1500 of December 28, 2001. This procedure involves the passage of a petition for clemency in a number of instances until it is submitted to the President of the Russian Federation. The author suggests dividing instances into three levels. This is a technical link that does not have the right to make legally significant decisions –the administration of a correctional institution and the territorial body of the criminal Executive system in the subject of the Russian Federation. The link with the right to make a preliminary legally significant decision is the Commission on pardons in the territory of the subject of the Russian

Federation and the highest official of the subject of the Russian Federation. The main link that makes the final legally significant decision on the issue of applying a pardon to a convicted person is the President of the Russian Federation.

The author offers insights, according to which pardon in the Russian Federation at the present stage is almost never used, and in rare cases used as a political institution that flouts its legal essence, as a constitutional legal instrument for the manifestation of humanity and mercy to the perpetrators of the crime by the President of the Russian Federation.

Keyword: correctional institution administration, state authority, humanity, activity, Commission, mechanism, convict, policy, pardon, procedure, practice of application, legal nature, implementation, justice, penal enforcement legislation, petition.

Spisok literatury

1.Gordienko I. Ne ver', na bojsya, ne prosi // Novaya gazeta. № 46. S. 4.
2. Bekkaria CH. O prestupleniyah i nakazaniyah. - M.: Infra-M, 2004. S. 155.
3. Ukaz Prezidenta RF ot 16 marta 2007g. N 359 «O Vnesenii izmenenij v nekotorye akty Prezidenta Rossijskoj Federacii v svyazi s sovershenstvovaniem gosudarstvennogo upravleniya v sfere yusticii» // Rossijskaya gazeta. 2007. 22 marta.
4. Ukaz Prezidenta RF ot 19 maya 2009 g. № 567 «O vnesenii izmenenij v Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 1500 ot 28 dekabrya 2001 goda «O komissiyah po voprosam pomilovaniya na territoriyah sub"ektov Rossijskoj Federacii» i v polozhenie, utverzhdennoe etim Ukazom» // Rossijskaya gazeta. 2009. 20 maya.
5. Kavelina O.G. Institut pomilovaniya: kriminologicheskie i ugolovno – pravovye aspekty: monografiya - M.: YUrlitinform, 2011, S. 109.
6. Arenina E. Nemilostivyj gosudar'. Issledovanie o tom, kak rossijskaya vlast' perestala byt' miloserdnoj, 20.03.2019 [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.proekt.media/research/statistika-pomilovaniya/ (data obrashcheniya: 15.09.2020).
7. Mihajlova A. Pomilovanie v Rossii i v mire [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: Pravo RU //https://pravo.ru/story/217990/ (data obrashcheniya: 16.09.2020).
8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 25 iyunya 2012g. N 890 [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii www.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 14.09.2020).
9. Kondrat'ev P.E. Vystuplenie na Vserossijskoj konferencii po problemam pomilovaniya. Velikij Novgorod, 25-26 oktyabrya 2000g. M.: YUrid. Lit., 2001. S.87.
10. Sazhenkov YU.V. Seliverstov V.I. Pravovye problemy pomilovaniya v Rossii. M. 2007. S. 113.
11. Mihlin A.S. Ponyatie smertnoj kazni. // Gosudarstvo i pravo. 1995. № 10. S. 106.
12. Kavelina O.G. Institut pomilovaniya: kriminologicheskie i ugolovno–pravovye aspekty: avtoref. diss. k. yu. n. / Rost. yurid. in-t MVD RF. Rostov-na-Donu, 2009. S. 6.
13. Pristavkin A. Kollektivnoe pomilovanie // Zakon i pravo. 2003. № 13. S. 37.
14. Kogan – YAsnyj V. O pomilovanii. Vystupleniya na soveshchaniyah i seminarah po voprosam pomilovaniya, 2000-2003 g. M. 2006g. Moskovskaya oblast' 4-6 dekabrya 2002 g. Vserossijskoe soveshchanie predstavitelej komissij po voprosam pomilovaniya. S. 15.
15. Gukasov I.A., Gukasov I.A. Institut pomilovaniya v Rossijskoj Federacii: konstitucionno – pravovye nachala: avtoref. diss. k. yu. n. / Rostov-na-Donu, 2008, S. 9.
16. Deyatel'nost' komissii po voprosam pomilovaniya na territorii Rostovskoj oblasti i otdela po voprosam pomilovaniya Pravitel'stva Rostovskoj oblasti [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa://www/donlend.ru(data obrashcheniya: 17.09.2020).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 4 (70). № 4. – С. 207-214.

УДК 343.14

СПЕЦИФИКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

Поддубняк А. А., Алиева А. А.

Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского

В статье рассматриваются проблемы отделения на законодательном уровне электронных доказательств в самостоятельный вид доказательств, различные подходы к классификации электронных доказательств, особенности доказывания в свете современных тенденций интернет-пространства. В результате анализа многообразия критериев классификации цифровых доказательств и изучения позиций ряда авторов по указанному вопросу, сделан вывод о том, что на электронные доказательства может распространяться как классификация, традиционная для большинства уголовно-процессуальных доказательств, так и основанная на специфических признаках, присущих только цифровым доказательствам. В заключении представлен ряд основных проблем в области доказательственного значения электронных доказательств и сделаны предложения по их преодолению, ведущие к повышению эффективности доказательственной деятельности правоохранительной системы по преступлениям, совершенным с использованием электронных носителей информации.

Ключевые слова: доказательства по уголовному делу, электронные (цифровые) доказательства, классификация доказательств, электронный носитель информации, стандарт доказывания в уголовном процессе.

Цифровой мир стал неотъемлемой частью жизни общества. Киберпространство стало популярной средой совершения преступлений в связи с трудностями идентификации, разнообразию способов и средств сокрытия электронной информации и деятельности. По электронным следам правоохранительные и судебные органы восстанавливают картину происшедшего события. Интерес для уголовного процесса представляют различные по своим функциональным, накопительным свойствам цифровые устройства (мобильные телефоны, планшеты, смартфоны, флеш-накопители, жесткие диски и т.п.), несущие важную для органов предварительного расследования и суда информацию. Изъять, исследовать, закрепить данную информацию без участия специалиста представляется сложной задачей, а в соответствии с законом это и вовсе запрещено. Действующее уголовно-процессуальное законодательства не в полной мере адаптировано к таким источникам доказательств.

Однако в современных условиях в качестве доказательств по уголовным делам все шире применяются так называемые электронные (цифровые) доказательства, это обусловлено в первую очередь динамичным развитием телекоммуникационных, цифровых технологий. Всё чаще встречаются преступления с использованием интернет-технологий, мобильных устройств, персональных компьютеров. Среди самых распространённых можно выделить экстремизм, незаконный оборот наркотических средств и торговлю оружием, экономические преступления, мошенничество. Практика использования доказательственной информации, содержащейся в интернет-пространстве или на портативном устройстве, до сих пор в полной мере не устоялась.

В своем выступлении на оперативном совещании 26 октября 2018 г. Председатель Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин подчеркнул, что «...за первое полугодие 2018 года следователями-криминалистами принято участие в осмотре почти двух тысяч электронных устройств. В числе осмотренных объектов — компьютеры, ноутбуки, планшеты, мобильные телефоны, съёмные носители информации...» [6].

Новеллы законодательства в области цифровых доказательств были введены Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ [1]. В соответствии с указанным законом статья 164 УПК РФ была дополнена частью 4.1, согласно положениям которой при производстве следственных действий по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности, не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации. Законодатель обозначил предусмотренные ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ случаи, являющиеся исключениями из указанного правила [2].

Вопрос законодательного закрепления электронного доказательства представляет интерес для многих ученых-правоведов [7, с. 306; 8, с. 2; 9, с. 137]. Эффективность доказывания по уголовным делам, при совершении которых использовались IT-технологии, может быть повышена посредством качественной регламентации процессуального механизма собирания, проверки и оценки различных видов электронных доказательств.

Уголовно-процессуальный закон в настоящее время не выделяет электронные (цифровые) доказательства в качестве самостоятельного вида, а относит их к иным документам. Однако тенденция для выделения подобных доказательств в отдельный вид уже наметилась в УПК (изъятие носителей цифровой информации должно осуществляться исключительно в присутствии специалиста, особые условия и порядок копирования цифровой информации в ходе производства следственных действий) [14, с. 80].

Собиранию и проверке электронных доказательств присуща определенная специфика, однако на них может распространяться классификация, принятая для традиционных доказательств: они могут подразделяться на первоначальные и производные, прямые и косвенные, вещественные и личные, обвинительные и оправдательные [13, с. 364].

Среди видов электронных доказательств можно назвать следующие: электронные документы, электронные материалы, электронные сообщения, электронную переписку. Критериями отграничения их друг от друга служат особенности создания, хранения, передачи, а также характер сведений, содержащихся в определенном виде цифровых доказательств.

В соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», электронные документы — это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [3]. Документированная информация представляет собой зафиксированную на материальном носителе путём документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях её материаль-

ный носитель. Из вышесказанного следует, что электронным документом может быть признан документ с реквизитами, то есть с такими элементами оформления, как «наименование организации, справочные данные об организации, наименование вида документа, дата документа, адресат, подпись и оттиск печати» [10].

Значимость подписи определяется тем, что она позволяет достоверно установить личность автора документа. Электронная подпись – информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с ней и используемая для идентификации лица, подписавшего информацию. Выделяют простую и усиленную электронные подписи. Простая электронная подпись – это коды, номера карт и ПИН-коды, логины и соответствующие пароли и другие средства, подтверждающие факт подписи определенным лицом.

Усиленная электронная подпись подразделяется на неквалифицированную и квалифицированную.

Неквалифицированная электронная подпись – это электронная подпись, которая получена в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи; позволяет определить лицо, подписавшее электронный документ; позволяет обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания; создается с использованием средств электронной подписи.

Квалифицированную электронную подпись отличает то, что помимо названных характеристик она имеет ключ проверки, указанный в квалифицированном сертификате, а также для ее создания и проверки используются средства электронной подписи, имеющие подтверждение соответствия требованиям, установленным Федеральным законом от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [4].

При доказывании важно учитывать следующие обстоятельства:

1) скрепленная квалифицированной электронной подписью информация, содержащаяся на электронном носителе, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, за исключением случаев, когда законодательством предусмотрено обязательное составление документа на бумажном носителе;

2) электронной подписью могут быть подписаны несколько связанных между собой электронных документов, объединенных в пакет, и при этом каждый из них считается подписанным данной подписью.

К электронным материалам целесообразно отнести все цифровые видео-, аудиоматериалы, цифровые изображения в различных форматах, а также текстовые документы, не имеющие реквизитов.

Электронная переписка определяется авторами по-разному, однако суть её сводится к совокупности электронных сообщений, переданных посредством сети «Интернет» или факсимильной связи. Электронные сообщения создаются на персональном устройстве с использованием электронной почты, специальных мессенджеров, социальных сетей и отражаются на устройствах участников переписки. Соответственно, удаление переписки на устройстве одного из абонентов может быть не фатально для расследования, за исключение случаев использования форм переписки с

автоматически ликвидируемыми при прочтении или по истечению специально отведенного для этого короткого промежутка времени сообщениями.

Нельзя оставить без внимания внедрение такой новой функции, уже широко практикуемой в социальных сетях, как «удалить для всех». С ее помощью нежелательное сообщение в течение суток может быть удалено отправителем не только с его аккаунта и устройства, но и всех собеседников. Касаемо возможности редактировать сообщения, которая также сравнительно недавно стала доступной для пользователей, с ее помощью также в течение суток можно внести изменения в текст сообщения, произвести замену прикрепленных к нему материалов. Если участников переписки было не два, а более, то вероятность сохранения информации, в виде переписки возрастает. Это нужно учитывать при проведении расследования.

С 1 июля 2017 года в России вступил в силу так называемый закон Яровой, который обязывает операторов телекоммуникационных услуг хранить записи телефонных сообщений и интернет-трафик их клиентов на протяжении полугода.

Во «ВКонтакте» подтвердили, что «будут хранить необходимую информацию в течение требуемого и установленного действующим законодательством срока». Социальная сеть как организатор распространения информации шесть месяцев хранит переписку и год — другую информацию, а также предоставляет данные по запросу правоохранительных органов. В ноябре 2018 года компания разрешила своим пользователям скачать архив собственного профиля с информацией, которая хранится на серверах с момента создания страницы. Решение связано с резонансом вокруг уголовных дел за картинки, мемы и репосты, которые чаще всего были размещены именно во «ВКонтакте».

Сложнее дело обстоит с кроссплатформенным мессенджером Telegram, набирающим все большую популярность, не смотря на запрет использования и блокировку Роскомнадзором в связи с конфликтом основателей мессенджера и государственной властью. Вследствие вступления в силу закона Telegram обязан хранить ключи для расшифровки переписки пользователей и предоставлять их по запросу правоохранительных органов РФ [5]. Руководство Telegram настаивает на том, что это требование технически неисполнимо, поскольку ключи хранятся на устройствах пользователей, а сервера мессенджера их не получают.

В уголовно-процессуальном доказывании электронные документы могут использоваться как вещественные доказательства и как иные документы (в случае если текстовые электронные документы содержат реквизиты) [12, с.170].

По степени открытости можно представить классификацию электронных доказательств на электронные источники свободного и ограниченного доступа. Защищенное электронное доказательство может быть вскрыто, а содержащаяся в нем информация – скопирована, но возможно это при использовании специальных знаний.

Место хранения доказательства может лечь в специализированную классификацию электронных доказательств. Электронные доказательства могут содержаться в дата-цетрах, на сервере или персональном компьютере, смартфоне либо на портативном накопителе информации (флеш-накопителе, CD-диске, карте памяти).

Существуют отличительные черты собирания и проверки названных видов доказательств. Такие источники, как портативные накопители информации, можно изъять и направить эксперту. При помощи копирования документа целиком могут быть изъяты доказательства из компьютера, смартфона. Скриншоты сайта в интернет-

пространстве также могут служить электронным доказательством (например, скриншоты текстов и изображений, содержащих призывы к осуществлению террористической деятельности). Важно иметь в виду, что копирование цифровых доказательств в интернет-пространстве может повлечь их изменение или даже уничтожение.

Классификация цифровых доказательств по способу воспроизведения может включать следующие виды: изображение, аудио, видео, текст. Такая классификация дает возможность при проведении судебной экспертизы или оценки специалистом установить достоверность, качественные свойства, а также отсутствие вмешательства в цифровое доказательство.

Оригинальность цифровых доказательств служит критерием выделения видов: оригинал и копия. При копировании информация, содержащаяся в электронном доказательстве, может быть искажена, преобразована в другой формат. Использование копии в качестве доказательства может привести к оспариванию допустимости электронного доказательства. Скриншоты изображений и документов следует отличать от их копий.

Важной и, в достаточной степени конкретной, является классификация электронных доказательств на нематериализованные и материализованные. Первые из них хранятся в памяти электронных носителей информации, вторые – на пластике, картоне и т. п. (например, кредитные, дебетовые карты). Указанная классификация имеет значение при назначении вида судебной экспертизы, проводимой с тем или иным цифровым доказательством. Материализованные доказательства могут быть объектом криминалистической экспертизы, в то время как нематериализованные – компьютерно-технической экспертизы [11, с. 97].

Новеллы российского уголовно-процессуального законодательства обусловили возникновение ряда проблем теоретического, нормативного и правоприменительного характера. Наиболее значимыми из них представляются следующие:

1. Отсутствие законодательного определения понятия «электронный носитель информации», что позволяет с позиций формальной юридической логики отнести к этой категории достаточно широкий круг предметов и документов – от бытовой техники до электронных паспортов и полисов обязательного медицинского страхования.

2. Малое число и недостаточная доступность для органов предварительного расследования и судов компетентных специалистов, без которых невозможно в установленном уголовно-процессуальным законом порядке провести отдельные следственные действия, связанные с изъятием электронных носителей и копированием с них компьютерной информации, имеющей доказательственное значение.

3. Отсутствие полноценных научно обоснованных рекомендаций по оптимальному получению, оценке и использованию электронных доказательств. В связи с чем, в правоприменительной практике очень часто возникают различные процессуальные ошибки. Например, установление вида, юридической силы, срока действия и возможностей использования электронной подписи для удостоверения документов в тех или иных информационных системах (общего пользования или корпоративных) очень часто осуществляется путем назначения судебной компьютерно-технической экспертизы, что является неправильным.

Подводя итог, необходимо отметить то, что электронные доказательства обладают спецификой, позволяющей классифицировать их по ряду признаков. Данная проблематика, как и выделение электронных доказательств в отдельный вид, нуждается в фиксации, путем закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве. Более того, в УПК РФ должно быть дано определение электронного доказательства со всеми базовыми признаками. Также в УПК РФ целесообразно, по нашему мнению, отразить, что электронные доказательства должны обязательно направляться на экспертизу для установления их достоверности, что, в свою очередь, будет обеспечивать их допустимость. Это необходимо по той причине, что существует программное обеспечение, позволяющее вносить изменения в исходный вариант электронного доказательства, будь то аудио-, видео-, текстовый материал или изображение, что выявить без проведения экспертизы бывает практически невозможно.

Также следует отметить, что, исходя из содержания ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, при производстве любого следственного действия участие специалиста обязательно в случае изъятия всех видов и типов электронных устройств, где может накапливаться и храниться информация. Беря во внимание распространенность электронных носителей информации, можно предположить, что исполнение правила, установленного ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, однозначно ведет к стабильному отвлечению экспертов от производства иных компьютерных экспертиз, потребность в которых в настоящее время и так продолжает возрастать.

С учетом вышесказанного, руководствуясь основными целями и задачами уголовно-процессуального законодательства, необходимо оптимизировать доказательственную деятельность правоохранительных органов по преступлениям, совершенным с использованием электронных носителей информации. Это представляется возможным посредством многоаспектного теоретического и прикладного анализа вопроса численности экспертов государственных учреждений с учетом их востребованности при раскрытии и расследовании преступлений, а также внесения соответствующих результатам такого анализа корректировок.

Список литературы

1. О внесении изменений в статьи 761 и 1451 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [принят Государственной думой 18 декабря 2018 года: одобрен Советом Федерации 21 декабря 2018 года] : [электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314650/

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: УПК: текст с изменениями и дополнениями на 24.04.2020: [принят Государственной думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]: [электронный ресурс]// СПС Консультант плюс. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: [принят Государственной думой 8 июля 2006 года: одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года]: [электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

4. Об электронной подписи: [принят Государственной думой 25 марта 2011 года: одобрен Советом Федерации 30 марта 2011 года]: [электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/

5. О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: [принят Государственной думой 24 июня 2016 года: одобрен Советом Федерации 29 июня 2016 года]: [электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/

6. Расширенное оперативное совещание по вопросам развития Криминалистического центра СК России 26 октября 2018 года [Электронный ресурс] / — Режим доступа: https://sledcom.ru/news/item/1266876 (дата обращения: 03.06.2020)
7. Родивилина, В. А. Использование электронной информации при раскрытии и расследовании преступлений / В.А. Родивилина, И.П. Родивилин // Проблемы современного российского законодательства: матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. — Иркутск: Изд-во Ирк. инст. (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. — С. 305—308.
8. Финогенов, Н. А. Проблемы использования средств компьютерной техники и звукозаписи при протоколировании следственных действий / Н.А. Финогенов, Р.Б. Хаметов // Российский следователь. — М.: Юрист, 2012 – № 16. — С. 2—5.
9. Третьякова, Е. И. Проблемы изъятия криминалистически значимой информации из сети «Интернет» / Е.И. Третьякова // Алтайский юридический вестник. — Изд. ФГКОУ ВПО "Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации", Барнаул, 2018. — № 4 (24). — С. 137— 140.
10. Мичугина, О. В. Электронная переписка как доказательство [Электронный ресурс] / О.В. Мичугина // Практическая бухгалтерия. — 2013. — № 1. — С. 72—73. – Режим доступа https://base.garant.ru/57795832/
11. Гонгало, С. И. Классификация электронных документов как объектов судебной технико-криминалистической экспертизы документов / С.И. Гонгало// Вестн. Том. гос. ун-та. — Изд. ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Томск, 2013. — № 367. — С. 95—97.
12. Поддубняк А.А. Правовое регулирование процедуры представления доказательств // Юридическая наука и практика: история и современность: II Международная научно-практическая конференция, г. Рязань, 17 июня 2014 г.,– С.170-172.
13. Поддубняк А.А. Институт доказывания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации// Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации: Научно-практическая конференция, г. Симферополь, 13 марта 2015 г. – С. 362-365.
14. Поддубняк А.А. Доказывание в уголовном судопроизводстве: место и роль// Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: Материалы международной научно-практической конференции, г. Симферополь-Алушта, 24-25 апреля 2014 г. – С. 80-81;

Poddubniak A., Alieva A. Specific evidence value of separate types of electronic information media // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 5 (73). № 4. – P. 207-214.

The article deals with the issues of legislative separation of digital evidence into an independent type of evidence, various approaches to digital evidence classification, peculiarities of proof in the context of the current Internet trends. As a result of the analysis of the variety of digital evidence classification criteria and the study of the views of several authors on the subject, the article concluded that types of digital evidence can be classified both traditionally, like the most types of criminal evidence, and based on specific features unique to digital evidence. In conclusion, the article considers a number of the main issues of evidential significance of electronic evidence and proposes ways to resolve the issues, which increases the effectiveness of the law enforcement system's proof activities in regard to electronic media-related crimes.

Keywords: evidence in a criminal case, electronic (digital) evidence, classification of evidence, electronic storage medium, standard of proof in criminal proceedings.

Spisok literatury

1. O vnesenii izmenenij v stat'i 761 i 1451 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: [prinyat Gosudarstvennoj dumoj 18 dekabrya 2018 goda : odobren Sovetom Federacii 21 dekabrya 2018 goda]: [elektronnyj resurs]// SPS Konsul'tant plyus. — Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314650/
2. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : UPK : tekst s izmeneniyami i dopolneniyami na 24.04.2020 : [prinyat Gosudarstvennoj dumoj 22 noyabrya 2001 goda : odobren Sovetom Federacii 5 dekabrya 2001 goda] : [elektronnyj resurs]// SPS Konsul'tant plyus. — Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

3. Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii : [prinyat Gosudarstvennoj dumoj 8 iyulya 2006 goda : odobren Sovetom Federacii 14 iyulya 2006 goda] : [elektronnyj resurs] // SPS Konsul'tant plyus. — Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
4. Ob elektronnoj podpisi : [prinyat Gosudarstvennoj dumoj 25 marta 2011 goda : odobren Sovetom Federacii 30 marta 2011 goda] : [elektronnyj resurs]// SPS Konsul'tant plyus. — Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/
5. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "O protivodejstvii terrorizmu" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nyh mer protivodejstviya terrorizmu i obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti: [prinyat Gosudarstvennoj dumoj 24 iyunya 2016 goda : odobren Sovetom Federacii 29 iyunya 2016 goda] : [elektronnyj resurs] // SPS Konsul'tant plyus. — Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/
6. Rasshirennoe operativnoe soveshchanie po voprosam razvitiya Kriminalisticheskogo centra SK Rossii 26 oktyabrya 2018 goda [Elektronnyj resurs] / — Rezhim dostupa: https://sledcom.ru/news/item/1266876 (data obrashcheniya: 03.06.2020)
7. Rodivilina, V. A. Ispol'zovanie elektronnoj informacii pri raskrytii i rassledovanii prestuplenij / V.A. Rodivilina, I.P. Rodivilin // Problemy sovremennogo rossijskogo zakonodatel'stva: mater. IV Vseros. nauch.-prakt. konf. — Irkutsk: Izd-vo Irk. inst. (filiala) VGUYU (RPA Minyusta Rossii), 2015. — S. 305—308.
8. Finogenov, N. A. Problemy ispol'zovaniya sredstv komp'yuternoj tekhniki i zvukozapisi pri protokolirovanii sledstvennyh dejstvij / N.A. Finogenov, R.B. Hametov // Rossijskij sledovatel'. — M.: YUrist, 2012 – № 16. — S. 2—5.
9. Tret'yakova, E. I. Problemy iz"yatiya kriminalisticheski znachimoj informacii iz seti «Internet» / E.I. Tret'yakova // Altajskij yuridicheskij vestnik. — Izd. FGKOU VPO "Barnaul'skij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii", Barnaul, 2018. — № 4 (24). — S. 137— 140.
10. Michugina, O. V. Elektronnaya perepiska kak dokazatel'stvo [Elektronnyj resurs] / O.V. Michugina // Prakticheskaya buhgalteriya. — 2013. — № 1. — S. 72—73. – Rezhim dostupa https://base.garant.ru/57795832/
11. Gongalo, S. I. Klassifikaciya elektronnyh dokumentov kak ob"ektov sudebnoj tekhniko-kriminalisticheskoj ekspertizy dokumentov / S.I. Gongalo // Vestn. Tom. gos. un-ta. — Izd. FGBOU VPO «Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet», Tomsk, 2013. — № 367. — S. 95—97.
12. Poddubnyak A.A. Pravovoe regulirovanie procedury predstavleniya dokazatel'stv // YUridicheskaya nauka i praktika: istoriya i sovremennost': II Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, g. Ryazan', 17 iyunya 2014 g.,– S.170-172.
13. Poddubnyak A.A. Institut dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii// Problemy perekhodnogo perioda: adaptaciya normativno-pravovyh aktov Krymskogo federal'nogo okruga k zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: Nauchno-prakticheskaya konferenciya, g. Simferopol', 13 marta 2015 g. – S. 362-365.
14. Poddubnyak A.A. Dokazyvanie v ugolovnom sudoproizvodstve: mesto i rol'// Ugolovnoe proizvodstvo: processual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Simferopol'-Alushta, 24-25 aprelya 2014 g. – S. 80-81.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 215-222.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

УДК 342.951

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ ПРАВОПОРЯДКА, КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Басова Ю. Ю.
Крымский юридический института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье осуществлен анализ отдельных международно-правовых средств обеспечения международных обязательств в сфере правопорядка. Выделена система международно-правовых средств обеспечения международных обязательств в сфере правопорядка, к которым отнесены: международно-правовые гарантии; международно-правовой контроль; образование и деятельность специальных международных органов, способствующих реализации договора; принятие специальных обязательств в соответствии с требованиями соглашений общего характера по политическим или иным вопросам; заключение дополнительных договоров на основе соглашений по специальным вопросам; регулярное контактирование между участниками договора в целях проведения консультаций по поводу его реализации; финансовое обеспечение договора. Проведенный анализ показывает, что на сегодня вопрос относительно разработки и закрепления международно-правовых средств обеспечения международных обязательств в сфере правопорядка не стоит кране актуально. Как видим, государства на международном уровне прикладывают значительные усилия для выработки и закрепления таких средств. Однако, достаточно остро стоит вопрос относительно выполнения взятых на себя международных обязательств.

Ключевые слова: международно-правовые средства, обеспечение правопорядка, законность, чрезвычайные ситуации, средство обеспечения.

Постоянное развитие общественных отношений приводит к появлению новых актуальных теоретических и практических вопросов, которые в силу своей важности и сложности становятся предметом дискуссии среди научного сообщества, практиков, а также политиков. Одним из таких вопросов является реализация международно-правовых гарантий в сфере обеспечения международного правопорядка и безопасности. Особую актуальность данный вопрос приобретает в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций природного, техногенного, социально-политического и военного характера. Именно в таких условиях происходит изменение функционирования многих институтов государства, что в свою очередь обуславливает применение специальных мер направленных на нормализацию обстановки.

Международные события последних десяти лет характеризуются динамичностью и нестабильностью событий и процессов. Происходящее свидетельствует, что в настоящее время говорить о наличии международной стабильности (социальной, экономической, политической, ресурсной, экологической, продовольственной)

нельзя. В то же время, ликвидация негативных последствий чрезвычайных ситуаций давно прекратило быть сферой заинтересованности отдельных государств, международных организаций и перешло в разряд приоритетных для всего мирового сообщества. Это наглядно продемонстрировано такими событиями:

– во-первых, в результате революции «Достоинства» в Киеве за двое суток (в 19–21 февраля 2014 г.) погибло 121 человек (из них 21 – сотрудник правоохранительных органов) ранено более 5 тыс. человек (из них 810 работников органов внутренних дел, 42– медицинских работника, 29 – представителей СМИ) [1]. Последующие события на территории Украины развивались динамично. В результате возникновения внутреннего вооруженного конфликта на востоке Украины погибло более 13300 и ранено более 25000 человек. Более 1,4 миллиона человек стали беженцами и были вынуждены покинуть свое место жительства и перебраться в другие регионы Украины, и около 1 миллиона беженцев выехало в соседние государства. Территория Донбасса стала одним из самых заминированных регионов мира, наряду с Афганистаном и Ираком [2], разрушены объекты промышленной и социальной инфраструктуры, а также жилые дома. Вместе с тем, осуществлена транспортная, энергетическая, финансовая блокады не подконтрольных территорий [3]. Такие решения могут привести к гуманитарной катастрофе в указанном регионе;

– во-вторых, нестабильностью социально-экономической ситуации в отдельных европейских странах (например, Греция – акции протеста, массовые беспорядки, забастовки и т.д. (2010, 2011, 2012г.), Бельгия – акции протеста, забастовки, террористические акты (2011 – 2016, 2018г..), Чехия – массовые беспорядки, забастовки (2009 – 2014 г..);

– в-третьих, несбалансированная политика относительно миграции привела к «миграционному хаосу» в отдельных странах Европейского Союза. Последствиями такой политики стал неконтролируемый приток беженцев из стран Африки и Ближнего Востока, в результате чего в указанных странах значительно ухудшилась криминогенная обстановка (возникли факты нападения на женщин, сексуального насилия, участились нарушения общественного порядка, совершение крупномасштабных террористических актов (2015–2016 гг.). Кроме того, в начале 2017-2018 годах в указанных странах Европейского Союза произошли так называемые миграционные бунты, в которых пострадало свыше 300 сотрудников полиции, 1200 человек задержаны, причинен значительный материальный ущерб. Такие обстоятельства усложняют политическую и социально-экономическую ситуацию в государстве, ведут к формированию социальной напряженности, а также формированию и усилению существующих ультранациональных идей, существенного изменения деятельности органов власти, уничтожением материальных объектов различных форм собственности;

– в-четвертых, возникновением чрезвычайных ситуаций природного характера (крупномасштабные наводнения в Польше, Германии, Чехии, Франции [4], России. Так, в результате интенсивного таяния снега, стока талых вод в русла рек и обильного выпадения осадков с апреля 2017 г. в 28 населенных пунктах Тюменской области произошло подтопление 167 жилых домов и придомовых территорий с населением 572 чел., в том числе 129 детей; 7146 нежилых садоводческих участков; 11 низководных мостов и 77 участков автомобильных дорог [5]. В Иркутской области летом 2019 г. в результате выпадения обильных и продолжительных осадков оказа-

лись в зоне затопления 135 населенным пунктам в 11-ти районах региона. Подтопленными оказались 11 169 жилых домов. В них проживало 45 999 человек, в т. ч. 7 921 ребенок. Были повреждены 56 участков автодорог, 23 автомобильных моста. Наиболее пострадавшие от наводнения города - Тулун и Нижнеудинск [6]; крупномасштабные лесные пожары – вследствие жаркой погоды и дефицита осадков чрезвычайная пожарная опасность в Российской Федерации в 2019 г. отмечалась с апреля по сентябрь. Наибольшее количество лесных пожаров, зарегистрировано в Сибири и на Дальнем Востоке. Наиболее сложная лесопожарная обстановка в 2019 г. складывалась на территории республик Бурятия и Саха (Якутия), Забайкальского, Красноярского и Хабаровского краев, Иркутской, Амурской и Еврейской автономной областей, на которые пришлось около 70 % количества очагов и более 80 % от общей площади, пройденной лесными пожарами. Всего с начала пожароопасного периода 2019 г. на территории Российской Федерации возникло более 10 тыс. очагов лесных пожаров на общей площади 2,5 млн. га. [7]; возникновение пандемии COVID-19. Распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 приобрело общемировой масштаб. На 30 октября 2020, ежедневный мировой прирост заболевших составляет около 500 тыс. человек. На 3 ноября 2020 года инфицировано 46,9 млн млн. человек, умерли 1,21 млн. человек. Статистика COVID-19 в России также не утешительна. Итак, на 3 ноября 2020 зарегистрировано 1,46 млн. случаев, 28 228 тыс. умерли. Показатель смертности в нашей стране является одним из самых низких в мире [8]. С целью сдерживания распространения пандемии правительства многих стран вводят временные ограничительные меры, связанные с ограничением работы мест массового пребывания населения, запрета нахождения на улице в определенное время суток;

– в-пятых, возникновением широкомасштабных чрезвычайных ситуаций различной генезиса в регионах мира (Япония – землетрясение, обусловил возникновение цунами и аварии на атомной электростанции 2011 г .; социально-политические конфликты на в странах Ближнего Востока 2011, 2012–2016 г. Так, например, в результате вооруженного конфликта в странах ближнего востока по данным ООН, за время конфликта погибло свыше 430 тыс. человек, включая порядка 11500 детей, уничтожены исторические памятники, разрушено свыше 176 тыс. инфраструктурных объектов, что составляет около 70 % всех объектов страны [9]. В свою очередь, указанный конфликт спровоцировал неограниченный объем беженцев в страны Европейского союза. По данным ООН их количество в 2015–2016 году составило свыше 1,2 млн. человек [10], что в свою очередь не может отразиться на социальной и экономической ситуации в регионе. В результате попытки военного переворота в Турции (15–16 июля 2016 г.) 265 человек погибли, около 2 тыс. ранены. За неделю в стране задержаны или арестованы 9,3 тыс. человек, в том числе 6 тысяч солдат и 103 генерала и адмирала, что составляет 24% высших офицерских чинов, задержаны 1481 судей и прокуроров и 650 гражданских лиц, уволены 8 тысяч полицейских и 100 разведчиков. Министерство образования Турции приняло решение об отстранении 15,2 тысяч учителей школ и частных учебных заведений, в отношении них начато расследование. Совет по высшему образованию призвал отправить в отставку 577 университетских деканов, из них 176 деканов государственных вузов, 401 – частных. Профессорско-преподавательскому составу вузов также запрещен выезд из страны [11]. В результате массовых беспорядков в Белоруссии (2020 г.) задержа-

ны – 10,8 тыс. человек, погибли– 4 человека, пострадало силовиков – около 140 человек, пострадавших среди гражданского населения – более 700 человек [12]; террористические акты, совершенные во Франции (ноябрь 2020); конфликт высокой интенсивности между вооружёнными силами Азербайджана и вооружёнными формированиями непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (октябрь 2020 и др.

Итак, приведенные события, кроме значительного материального ущерба, разрушение инфраструктуры, изменения или вообще прекращения функционирования социальных и государственных институтов, характеризуются значительными человеческими потерями, значительными объемами беженцев, усложнением геополитической обстановки как в определенном регионе, так и в мире, в целом.

В столь непростых условиях, одной из задач является скорейшая ликвидация негативных последствий чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, а также пресечений незаконных действий. Однако, при значительных человеческих потерях, разрушениях объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения выполнения этой задачи усложняется или становится невозможным. В связи с указанным, с целью реализации международно-правовых обязательств государства-участники могут предоставить необходимую помощь.

Говоря о видах международно-правовые средства обеспечения международных обязательств отметим, что в настоящее время государствами используются разнообразные международно-правовые средства обеспечения международных обязательств: международно-правовые гарантии; международно-правовой контроль; образование и деятельность специальных международных органов, способствующих реализации договора; принятие специальных обязательств в соответствии с требованиями соглашений общего характера по политическим или иным вопросам; заключение дополнительных договоров на основе соглашений по специальным вопросам; регулярное контактирование между участниками договора в целях проведения консультаций по поводу его реализации; финансовое обеспечение договора и др. [13, с. 93].

Итак, анализируя указанные международно-правовые средства обеспечения международных обязательств, отметим, что обеспечение законности и правопорядка требует наличия целой системы гарантий, которые в международном праве выступают как составная часть международно-правовых отношений. Не вдаваясь в детальный анализ теоретических подходов относительно определения понятия и видов международных гарантий, отметим, что мы поддерживаем позицию тех ученых, которые данные гарантии разделяют на общие и специальные.

Так, общие международно-правовые гарантии многостороннего характера могут предоставляться в рамках международных организаций коллективной безопасности. Такие гарантии закреплены, например, в Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. В Договоре о коллективной безопасности закреплены обязательства воздерживаться от применения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях, а также если одно из государств – участников подвергнется агрессии (вооруженному нападению, угрожающему безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету), то это будет рассматриваться государствами – участниками как агрессия (вооруженное нападение, угрожающее безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету) на все государства – участники настоящего Договора [14].

Общие международно-правовые гарантии обеспечения коллективной безопасности, законности и правопорядка предусмотрены Уставом ООН, в соответствии с которым члены ООН должны создавать условия, обеспечивающие справедливость уважение обязательств. Члены ООН должны разрешать свои споры, в том числе и соблюдение договоров, мирными средствами, чтобы не подвергать угрозе международную безопасность и правопорядок государств [13, с. 94].

Под специальными гарантиями следует понимать акт в которых участники-государства обязуются в случае необходимости принять все необходимые меры по защите определенных интересов и прав государства, которому предоставлена гарантия. Важнейшими элементами подобной защиты являются: принятие государствами-гарантами мер с целью заставить уважать гарантируемый юридический режим в случае его нарушения третьими государствами; неукоснительное добросовестное выполнение гарантами взятых обязательств, т. е. они не освобождаются от выполнения обязательств даже в случае нарушения соглашения другими гарантами и должны обеспечивать подвергшиеся нарушению права интересы независимо от того, насколько это может оказаться невыгодным для самого гаранта [13, с. 94].

В Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой закреплено, что договаривающиеся Стороны осуществляют сотрудничество в области предупреждения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в обоих государствах и ликвидации их последствий [15]. Из сказанного следует, что специальная гарантия предусматривает защиту определенных (особых) прав или интересов государств.

Еще одним видом международно-правовых средств обеспечения международных обязательств в сфере правопорядка, как средство обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях является принятие специальных обязательств в соответствии с требованиями соглашений общего характера по политическим или иным вопросам. Обозначим, что в международно-правовом регулировании обеспечения законности и правопорядка в чрезвычайных ситуациях, традиционно выделяют несколько направлений: 1) международно-правовое регулирование военных конфликтов немеждународного характера, которые могут быть основанием для введения чрезвычайного положения; 2) международно-правовое регулирование реализации принципов применения института «чрезвычайного положения» и ограничения прав человека в данных условиях. Рассмотрим более детально указанные направления.

1. Международно-правовое регулирование военных конфликтов немеждународного характера, которые могут быть основанием для введения чрезвычайного положения. Основными международно-правовыми актами, нормы которых регулируют общественные отношения в данной сфере являются: Женевские конвенции 1949 г. («Об улучшении участи раненых и больных в действующей армии», «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море», «Об обращении с военнопленными», «О защите гражданского населения во время войны» от 12 августа 1949 г. и двух Дополнительных протоколов к ним (Первый и Второй Дополнительные протоколы, касается защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 8 июня 1977 года)) [16].

Отметим, что анализ международно-правовой практики разрешения военных конфликтов (кризисов) немеждународного характера дает основания выделить их

классификацию, базируясь, прежде всего на критерии интенсивности применения в них насилия противоборствующими сторонами и соответствующей «силовой и политической реакцией» со стороны государства для его разрешения. Основываясь на научной позиции А.П. Короткова, Ю.Ю. Соковых обозначим, что на сегодня выделяют следующие виды социальных конфликтов (кризисов): 1) внутренние волнения и беспорядки, которые не достигли уровня вооруженного конфликта; 2) внутренний вооруженный конфликт низкой интенсивности; 3) внутренний вооруженный конфликт высокой интенсивности; 4) международный вооруженный конфликт [16, с. 67].

2. Международно-правовое регулирование реализации принципов применения института «чрезвычайного положения» и ограничения прав человека в данных условиях.

Необходимо отметить, что указанные принципы содержатся в Международном Пакте «О гражданских и политических правах» [18]. Они являются обязательными для законодательства государств, участвующих в настоящем Пакте. Так, в соответствии с положениями Международного Пакта «О гражданских и политических правах» во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии, которого официально объявляется, государства-участники Пакта могут принимать меры в отступление от своих обязательств, установленных данным пактом. Из содержания Пакта вытекают принципы предъявляемым к чрезвычайному положению, а именно: принцип исключительной угрозы; принцип официального объявления и официального сообщения; принцип размерности; принцип неотъемлемости абсолютных прав и свобод.

Проведенный анализ показывает, что на сегодня вопрос относительно разработки и закрепления международно-правовых средств обеспечения международных обязательств в сфере правопорядка не стоит кране актуально. Как видим, государства на международном уровне прикладывают значительные усилия для выработки и закрепления таких средств. Однако, достаточно остро стоит вопрос относительно выполнения взятых на себя международных обязательств.

Анализ международной практики по данному вопросу свидетельствует, что на сегодня данный вопрос возникает, прежде всего, в связи с отсутствием реально действующим механизмом обеспечения международных обязательств. Существующий механизм международных санкций не имеет должного эффекта. Справедливо по данному поводу отмечает О. И. Тиунов: «принятие специальных мер по обеспечению выполнения международно-правовых обязательств является юридическим правом государств, выступающих суверенными участниками международного общения. Страны реализуют это право в зависимости от потребностей межгосударственного сотрудничества, степени важности, обеспечиваемой специальными мерами международно-правовой нормы для безопасности народов» [13, с. 85]. В то же время, на сегодня, в международном праве отсутствует перечень правонарушений, как и отсутствует конкретный перечень «наказаний», установленных за их совершение.

Список литературы

1. Вечная память погибшим правоохранителям [Электронный ресурс] URL: http://mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/989593/ (дата обращения 23.10.2020).

2. Ситуация в Украине: деятельность Франции [Электронный ресурс] URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/bezopasnost-razoruzhenie-i-neraspostranenie/crises-et-conflits/ukraine/ (дата обращения 23.10.2020).
3. К чему приведет решение Киева о блокаде Донбасса [Электронный ресурс] URL: https://www.dw.com/ru (дата обращения 21.10.2020).
4. Ученые отметили уникальность наводнений, происходящих в Европе [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20200723/1574778677.html (дата обращения 25.10.2020)
5. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2017 году» / – М.: МЧС России. ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2018 [Электронный ресурс] URL: https://www.mchs.gov.ru/activities/results/2017_god (дата обращения 29. 10.2020)
6. Евгений Зиничев подвел итоги работы МЧС России в Иркутской области [Электронный ресурс] URL: https://www.mchs.gov.ru/dop/info/smi/news/item/34186623 (дата обращения 29.10.2020)
7. Действующих очагов лесных пожаров в 5 км зоне от населённых пунктов нет [Электронный ресурс] URL: https://www.mchs.gov.ru/dop/info/smi/news/item/34178211 (дата обращения 29.10.2020).
8. Оперативные данные. Самое актуальное на 3 ноября 2020 [Электронный ресурс] URL: https://xn--80aesfpebagmfblc0a.xn--p1ai/ (дата обращения 03.11.2020).
9. За родину, за Асада!: оглашено число жертв войны в Сирии, включая боевиков «Хизбаллы» [Электронный ресурс] URL: http://9tv.co.il/news/2015/06/09/206078.html (дата обращения 23.10.2020)
10. Количество беженцев в Европе перевалило за полмиллиона – ООН [Электронный ресурс] URL: http://zn.ua/WORLD/kolichestvo-bezhencev-v-evrope-perevalilo-za-polmilliona-oon-190263_.html (дата обращения 27.10.2020).
11. Большая чистка. Что происходит в Турции после попытки переворота [Электронный ресурс] URL: http://news.liga.net/articles/world/11823629-bolshaya_chistka_chto_proiskhodit_v_turtsii_posle_popytki_perevorota.htm (дата обращения 27.10.2020).
12. Последние данные по ситуации в Белоруссии. Статистика и хроника противостояния [Электронный ресурс] URL: https://www.kommersant.ru/doc/4451480?from=doc_vrez (дата обращения 24.10.2020).
13. Тиунов О. И. Международно-правовые гарантии как средство обеспечения международных договоров // Журнал российского права. 2011. №4 (172). С. 93.
14. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года [Электронный ресурс] URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения 25.10.2020).
15. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3418 (дата обращения 23.10.2020)
16. Действующее международное право: В 3-х т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривченки. – М. : Изд-во Московского независимого института Международного права, 1999. – Т. 2. – 832 с.
17. Коротков А.П., Соковых Ю.Ю. Правовые средства управления кризисными ситуациями: сравнительный анализ международно-правового и внутригосударственного регулирования // Государство и право. 1997. №10. С. 67.
18. Международный Пакт «О гражданских и политических правах» [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 29.10.2020).

Basova J. J. International legal means of ensuring international obligations in the field of law and order as a means of ensuring the rule of law in emergency situations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 215-222.

The article analyzes individual international legal means of ensuring international obligations in the field of law and order. The system of international legal means of ensuring international obligations in the field of law and order is highlighted, which include: international legal guarantees; international legal control; the formation and activities of special international bodies contributing to the implementation of the treaty; acceptance of special obligations in accordance with the requirements of agreements of a general nature on political or other issues; conclusion of additional agreements on the basis of agreements on special issues; regular contact between the parties to the agreement in order to consult on its implementation; financial security of the contract. The analysis shows that today the question of the development and consolidation of

international legal means of ensuring international obligations in the field of law and order is not worth the tap. As you can see, states at the international level are making significant efforts to develop and consolidate such funds. However, the issue of fulfilling the assumed international obligations is quite acute.

Key words: international legal means, law enforcement, legality, emergency situations, security means.

Spisok literatury

1. Vechnaya pamyat' pogibshim pravoohranitelyam [Elektronnyj resurs] URL: http://mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/989593/ (data obrashcheniya 23.10.2020).
2. Situaciya v Ukraine: deyatel'nost' Francii [Elektronnyj resurs] URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/bezopasnost-razoruzhenie-i-neraspostranenie/crises-et-conflits/ukraine/ (data obrashcheniya 23.10.2020).
3. K chemu privedet reshenie Kieva o blokade Donbassa [Elektronnyj resurs] URL: https://www.dw.com/ru (data obrashcheniya 21.10.2020).
4. Uchenye otmetili unikal'nost' navodnenij, proiskhodyashchih v Evrope [Elektronnyj resurs] URL: https://ria.ru/20200723/1574778677.html (data obrashcheniya 25.10.2020)
5. Gosudarstvennyj doklad «O sostoyanii zashchity naseleniya i territorij Rossijskoj Federacii ot chrezvychajnyh situacij prirodnogo i tekhnogennogo haraktera v 2017 godu» / – M.: MCHS Rossii. FGBU VNII GOCHS (FC), 2018 [Elektronnyj resurs] URL: https://www.mchs.gov.ru/activities/results/2017_god (data obrashcheniya 29. 10.2020)
6. Evgenij Zinichev podvel itogi raboty MCHS Rossii v Irkutskoj oblasti [Elektronnyj resurs] URL: https://www.mchs.gov.ru/dop/info/smi/news/item/34186623 (data obrashcheniya 29.10.2020)
7. Dejstvuyushchih ochagov lesnyh pozharov v 5 km zone ot naselyonnyh punktov net [Elektronnyj resurs] URL: https://www.mchs.gov.ru/dop/info/smi/news/item/34178211 (data obrashcheniya 29.10.2020).
8. Operativnye dannye. Samoe aktual'noe na 3 noyabrya 2020 [Elektronnyj resurs] URL: https://xn--80aesfpebagmfblc0a.xn--p1ai/ (data obrashcheniya 03.11.2020).
9. Za rodinu, za Asada!: oglasheno chislo zhertv vojny v Sirii, vklyuchaya boevikov «Hizbally» [Elektronnyj resurs] URL: http://9tv.co.il/news/2015/06/09/206078.html (data obrashcheniya 23.10.2020)
10. Kolichestvo bezhencev v Evrope perevalilo za polmilliona – OON [Elektronnyj resurs] URL: http://zn.ua/WORLD/kolichestvo-bezhencev-v-evrope-perevalilo-za-polmilliona-oon-190263_.html (data obrashcheniya 27.10.2020).
11. Bol'shaya chistka. CHto proiskhodit v Turcii posle popytki perevorota [Elektronnyj resurs] URL: http://news.liga.net/articles/world/11823629-bolshaya_chistka_chto_proiskhodit_v_turtsii_posle_popytki_perevorota.htm (data obrashcheniya 27.10.2020).
12. Poslednie dannye po situacii v Belorussii. Statistika i hronika protivostoyaniya [Elektronnyj resurs] URL: https://www.kommersant.ru/doc/4451480?from=doc_vrez (data obrashcheniya 24.10.2020).
13. Tiunov O. I. Mezhdunarodno-pravovye garantii kak sredstvo obespecheniya mezhdunarodnyh dogovorov // ZHurnal rossijskogo prava. 2011. №4 (172). S. 93.
14. Dogovor o kollektivnoj bezopasnosti ot 15 maya 1992 goda [Elektronnyj resurs] URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (data obrashcheniya 25.10.2020).
15. Dogovor o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdu Rossijskoj Federaciej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj ot 16 iyulya 2001 g. [Elektronnyj resurs] URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3418 (data obrashcheniya 23.10.2020)
16. Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo: V 3-h t. / Sost. YU.M. Kolosov, E.S. Krivchenki. – M. : Izd-vo Moskovskogo nezavisimogo instituta Mezhdunarodnogo prava, 1999. – T. 2. – 832 s.
17. Korotkov A.P., Sokovyh YU.YU. Pravovye sredstva upravleniya krizisnymi situaciyami: sravnitel'nyj analiz mezhdunarodno-pravovogo i vnutrigosudarstvennogo regulirovaniya // Gosudarstvo i pravo. 1997. №10. S. 67.
18. Mezhdunarodnyj Pakt «O grazhdanskih i politicheskih pravah» [Elektronnyj resurs] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (data obrashcheniya 29.10.2020).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 223-230.

УДК 347.72.023

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ

Браузман О. А., Филиппова О. С.

ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет»

В статье авторами рассмотрено правовое положение единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью по законодательству Российской Федерации, проведен сравнительно-правовой анализ положений законодательства Российской Федерации и Федеративной Республики Германии в отношении статуса директора общества с ограниченной ответственностью. Авторами сделан вывод о целесообразности заимствования из германского законодательства в российское положений относительно введения критериев определения кандидатур на избрание руководителя общества, увеличение солидарной ответственности исполнительных органов, а также устранение правового пробела в отношении защиты прав и законных интересов бывших руководителей общества.

Ключевые слова: единоличный исполнительный орган, множественность единоличного исполнительного органа, права и законные интересы действующего и прежнего директора, участники (учредители) общества.

В настоящее время в условиях рыночной экономики самой распространенной организационно-правовой формой юридических лиц является общество с ограниченной ответственностью (далее по тексту – ООО, общество).

Значительный интерес к данной форме юридических лиц не случаен, так как именно при учреждении ООО законодательно предусмотрен минимальный размер уставного капитала, который в настоящее время, несмотря на прошедшую реформу корпоративного права, является несоизмеримо малым с возможными дальнейшими обязательствами корпорации. Экономическая привлекательность, а также отсутствие дополнительной ответственности учредителей привели к широкому распространению данной организационно-правовой формы корпорации.

Развитие любой компании, в первую очередь, зависит от эффективности ее управления, что напрямую влияет на благосостояние как отдельно взятого предприятия, так и экономики страны в целом. Многочисленные кризисы происходят зачастую из-за неумелого руководства, поэтому очевидным остается тот факт, что лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа, должно обладать не только профессиональными знаниями, но и лидерскими качествами, поскольку на него возлагается руководство деятельностью хозяйственного общества [15, с. 49].

В виду данных факторов интерес к органам управления становится более значим, поскольку, руководствуясь пунктом 1 статьи 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ), юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом.

Любое юридическое лицо, в том числе ООО нуждается в органах ее управления, к которым в соответствии с Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее по тексту – ФЗ «Об ООО») относится: общее собрание участников общества, совет директоров (наблюдательный совет), единоличный исполнительный орган (генеральный директор, президент и другие) (далее по тексту – ЕИО), коллегиальный исполнительный орган (правление, дирекция), а также законом предусмотрено создание ревизионной комиссии (ревизора) [5, с. 104].

По германскому законодательству, руководствуясь Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (Закон об обществах с ограниченной ответственностью Германии) (далее по тексту – GmbHG), органами управления являются исполнительный орган – директор (один управляющий или несколько) (раздел 6 GmbHG) – осуществляет общее руководство текущей деятельностью общества, представляет интересы общества как во внесудебном, так и в судебном порядке; общее собрание участников (раздел 48 GmbHG) – решает наиболее важные вопросы в деятельности компании; наблюдательный совет (раздел 52 GmbHG) – если уставом общества предусмотрено его назначение [24].

Таким образом, ЕИО, как орган управления юридического лица имеет весомую значимость, так как данный орган в соответствии с законодательством России и Германии является обязательным, а также именно данный орган непосредственно осуществляет руководство текущей деятельностью компании (статья 40 ФЗ «Об ООО», раздел 6 GmbHG), то есть через него осуществляется деликтоспособность ООО, выражение воли корпорации.

В доктрине германского корпоративного права доминирует органическая теория происхождения юридического лица, которая признает орган управления частью компании [3, с. 94].

В Российской Федерации (далее – РФ, Россия) ЕИО также признается частью юридического лица, однако данное утверждение не всегда было таковым. До реформы гражданского законодательства в 2014 г. судебная практика в большей степени исходила из того, что ЕИО является частью юридического лица, а не его представителем. Данное мнение долгое время доминировало в судебной практике. Например, Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее по тексту – ВАС РФ) в своем Постановлении от 9 февраля 1999 г. № 6164/98 указал, что органы юридического лица, к числу которых относится и руководитель, не могут рассматриваться как самостоятельные субъекты гражданских правоотношений и являются частью юридического лица [7].

Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ были внесены изменения в пункт 1 статьи 53 ГК РФ, согласно которым появилась отсылка на нормы представительства. Однако после многочисленных споров федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 210-ФЗ вновь были внесены изменения, и отсылка на нормы представительства была исключена [15, с. 50].

Как отмечал по этому вопросу Б.Б. Черепахин: «Разумеется, в известном смысле можно считать, что и орган представляет юридическое лицо, которое в его лице совершает правомерные юридические действия: сделки, процессуальные действия и другое. Однако ни в коем случае нельзя сказать, что орган представительствует от имени юридического лица» [16, с. 45].

Тот же подход к органу юридического лица через категорию «дееспособность юридического лица» аргументируется Е. Л. Невзгодиной: «Попытка рассматривать орган как представителя юридического лица приводит к противоположному и неприемлемому выводу о том, что юридические лица недееспособны, ибо могут действовать только через посредство представителей, то есть пришлось бы признать, что юридическое лицо подобно малолетнему ребенку или абсолютно недееспособному лицу, не имеющим юридически значимой воли, не способным сознавать и осуществлять свои интересы и потребности [17, с. 159].

В соответствии с подразделом 2 раздела 1 ГК РФ к субъектам гражданского права относятся физические и юридические лица, Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования. Орган управления юридическим лицом в качестве субъекта гражданского права в указанном перечне отсутствует. Поскольку орган юридического лица не является самостоятельным субъектом права, соответственно, он и не может являться представителем [18, с. 115].

Таким образом, на сегодняшний день в российской доктрине и законодательстве сформирована единая позиция, которая заключается в том, что ЕИО является частью общества, аналогично, как и в законодательстве Германии.

Учитывая тот факт, что в законодательство об ООО в России положены в основном общие принципы и нормы законодательства об ООО Германии, можно увидеть и некоторые различия относительно органов управления в двух различных системах законодательства.

Например, директором общества по германскому законодательству может быть только физическое лицо (раздел 6 GmbHG), в российском праве функции ЕИО могут осуществляться как физическим, так и юридическим лицом (пункт 3 статьи 65.3 ГК РФ). Учитывая тот факт, что германское право близко российскому, можно предположить, что данное положение было заимствовано российским корпоративным правом из английского права или схожих с ним правопорядков.

На наш взгляд, сравнительно-правовой анализ норм германского корпоративного права позволит усовершенствовать правовое регулирование деятельности ЕИО в России [15, с. 50].

Так, согласно разделу 6 GmbHG компания может иметь как одного, так и несколько директоров. Множественность единоличного исполнительного органа в праве Германии называют ещё принципом «двух ключей» [4].

Шиткина И.С. по данному поводу высказывается следующим образом: «…практика назначения нескольких директоров известна зарубежным правопорядкам и преследует цели защиты интересов участников, каждый из которых вправе назначить директоров различных категорий, действующих соответственно в их интересах, и предусмотреть, что наиболее значимые сделки и действия будут одобряться всеми или большинством директоров. Именно поэтому такой принцип формирования единоличного исполнительного органа получил наименование принципа «двух ключей»….» [23, с. 12].

Суханов Е.А. утверждает, что такое положение делает возможным одновременное существование в ООО двух равноправных руководителей (директоров), назначенных двумя его участниками, имеющими равные доли участия (в том числе когда один из них является иностранным лицом, а само общество - предприятием с иностранными инвестициями) [2].

В разделе 35 GmbHG конкретизируется порядок осуществления деятельности компании при множественности директоров. В свою очередь, российский законодатель в 2014 г. перенял имеющийся в германской цивилистике опыт и закрепил аналогичное положение в пункте 3 статьи 65.3 ГК РФ [17]. Однако, по мнению некоторых авторов, российское законодательство нуждается в детализации указанной нормы права, поскольку в отличие от положений германского права институт множественности единоличного исполнительного органа в России создает дополнительные угрозы для стабильности сделок. Но следует согласиться с О. В. Осипенко в том, что институт «двух ключей» имеет свои преимущества, но при этом необходимо детально и без противоречий описать в уставе процедурные механизмы его применения [6].

Также, по GmbHG устанавливается повышенная ответственность для директоров, в частности раздел 43 содержит указание на то, что директора должны вести дела общества с должной осторожностью благоразумного предпринимателя, а также устанавливается солидарная ответственность перед обществом за любой возникший ущерб, например, директор обязан компенсировать ущерб в случае нарушения положений о выплатах, необходимых для поддержания уставного капитала, предусмотренных разделом 30 GmbHG либо нарушения положений о покупке собственных долей (акций) (раздел 33 GmbHG).

Данное положение норм германского законодательства может оказать положительное влияние на правовое положение ЕИО в российском законодательстве через установление солидарной ответственности. Таким образом, введение в корпоративное законодательство указанной выше ответственности, на наш взгляд, положительно скажется на честном и добросовестном ведении бизнеса.

В российском законодательстве имеется пробел относительно правового положения прежнего ЕИО в отношении представления интересов общества без доверенности. Данная ситуация может произойти вследствие прекращения полномочий ЕИО в связи с истечением его срока, либо досрочного прекращения полномочий ЕИО участниками компания, либо прекращение трудовых отношений между прежним ЕИО и обществом, а также в других подобных ситуациях, когда ЕИО более не может представлять интересы общества перед третьими лицами в виду отсутствия полномочий, а участники общества не избрали нового директора. Таким образом, для внесения в единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) необходима подача заявления о регистрации изменений в регистрирующий орган новым директором, избранным протоколом общего собрания (либо единоличным решением). ЕГРЮЛ является достоверным источником информации для третьих лиц, следовательно, содержащаяся в нем информация относительно полномочий прежнего директора будет являться неверной, однако, действующее российское законодательство не может отвечать реалиям относительно сложившейся ситуации.

В судебной практике существует множество решений арбитражных судов в отказе прежнему исполнительному органу об исключении информации относительно него из ЕГРЮЛ ввиду отсутствия законодательных положений, а также в силу того, что корпорация не может остаться без директора в тех случаях, когда прежний директор уволен, а новый не назначен.

Например, Постановлением Четвертого арбитражного апелляционного суда от 13 февраля 2020 г. по делу № А19-23298/2019 было рассмотрено дело по иску прежне-

го директора общества к налоговым органам о признании незаконным бездействие, выразившееся в не исключении из ЕГРЮЛ недостоверных сведений о прежнем директоре, как о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени ООО. Истец указал, что трудовые отношения прекращены, в связи с чем регистрирующим органом на него незаконно возложены обязанности директора, а также, информация содержащаяся в ЕГРЮЛ носит недостоверный характер и подлежит исключению.

При принятии данных решений арбитражные суды руководствовались в первую очередь пунктом 2 статьи 17 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (далее по тексту – ФЗ № 129), согласно которому для внесения в ЕГРЮЛ изменений, касающихся сведений о юридическом лице в регистрирующий орган представляется подписанное заявителем заявление о внесении изменений в ЕГРЮЛ по форме, утверждённой уполномоченным Правительством РФ, федеральным органом исполнительной власти. В заявлении подтверждается, что вносимые изменения соответствуют установленным законодательством РФ требованиям и содержащиеся в заявлении сведения достоверны.

В соответствии с пунктом 1.3 статьи 9 ФЗ № 129, правом подписания (быть заявителем) заявления о внесении в ЕГРЮЛ изменений, касающихся сведений о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, в данном случае обладает только руководитель постоянно действующего исполнительного органа или иное лицо, имеющее право без доверенности действовать от имени этого юридического лица.

Приказом Федеральной налоговой службы от 25 января 2012 г. № ММВ-7-6/25@ утверждена форма № Р14001 «Заявление о внесении изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в Едином государственном реестре юридических лиц». Форма указанного заявления предусматривает необходимость заполнения сведений, как в отношении прежнего руководителя, так и в отношении нового руководителя юридического лица.

Законодательством не предусмотрена возможность отражения в ЕГРЮЛ информации о прекращении полномочий единоличного исполнительного органа юридического лица без одновременного внесения сведений о вновь назначенном на эту должность лице.

Следовательно, при подаче заявления по форме № Р14001 заявителем не может быть бывший руководитель юридического лица. Правом подписи указанного заявления обладает вновь избранный руководитель. Арбитражный апелляционный суд руководствуясь указанными выше нормами пришел к выводу, что исковое заявление прежнего директора общества не может быть удовлетворено.

Аналогичная судебная практика содержится в Решении Арбитражного суда Новосибирской области от 19 апреля 2019 г. по делу № А45-46246/2018, Решении Арбитражного суда Пермского края от 19 января 2019 г. по делу № А50-30256/2018, Решении Арбитражного суда Ростовской области от 4 июля 2018 г. по делу № А53-5869/2018, Решении Арбитражного суда города Москвы от 28 ноября 2018 г. по делу № А40-220667/18-122-2484, Решении Арбитражного суда Новосибирской области от 9 июля 2018 г. по делу № А45-37682/2017, Решении Арбитражного суда Волгоградской области от 5 июля 2018 г. по делу № А12-13936/2018 и многие другие решения судов. Приведенные выше решения судов были полностью поддержаны апелляционной инстанцией, подтверждены кассационной инстанцией, а также

оставлены без изменений Верховным судом Российской Федерации, что может говорить о подтверждении законодательных норм судебной практикой и невозможностью защитить в данном случае права и законные интересны прежнего директора.

В российском законодательстве не предусмотрено внесение изменений в ЕГРЮЛ только о прекращении полномочий прежнего директора, необходимо внесение изменений также о возложении полномочий на нового директора, в виду того, что общество не может существовать без ЕИО.

В виду наличия правового пробела в законодательстве РФ целесообразным является обратить внимание на европейский опыт разрешения данном ситуации.

В частности, согласно пункту 5 раздела 6 GmbHG участники, которые намеренно или по грубой небрежности убирают лицо, которое не может выступать в качестве директора для управления бизнесом компании, несут совместную и индивидуальную ответственность перед компанией за тот ущерб, который возникает из-за того, что это лицо нарушает обязательства, которые оно несет по отношению к компании.

Таким образом, если участники общества намеренно не избирают нового ЕИО, либо уклоняются от проведения собрания по избранию нового директора, то должны нести ответственность за свое бездействие. В данном случае, прежний директор может исключить себя из реестра, что приведет к регистрации участников общества в качестве лиц, имеющих право действовать без доверенности и осуществлять руководство текущей деятельностью компании, а также нести ответственность перед третьими лицами.

На наш взгляд, данное законоположение позволило бы исключить правовой пробел в законодательстве РФ и защитить права и законные интересы прежнего директора, в виду отсутствия как трудовых отношений, так и корпоративных отношений с обществом.

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что опыт Германии в отношении правового положения ЕИО может оказаться положительным для российских правопорядков. В частности, в российское законодательство целесообразно ввести положения в части закрепления солидарной ответственности для управляющих директоров. Возможно введение определенных критериев для кандидатур на избрание на должность директора компании. Данные мероприятия позволят вести более честный, прозрачный бизнес, а также снизить риск по отношению к контрагентам, что приведет к более доверчивым и порядочным правоотношениям. Также, целесообразным является введение в российское законодательство положений относительно защиты прав и законных интересов прежних директоров общества, которое позволит устранить правовой пробел в законодательстве, а также устранить злоупотребление правом участниками общества по отношению ЕИО и прежнему директору.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон № 52-ФЗ от 30 ноября 1994 г. «О порядке введения в действие части первой Гражданского кодекса РФ». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица: Постатейный комментарий к главе 4 / Е.В. Бадулина, К.П. Беляев, А.С. Васильев и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут. – 2014. – С. 524.
3. Дубовицкая Е.А. Европейское корпоративное право: свобода перемещения компаний в Европейском сообществе // Изд.: Волтерс Клувер. М. – 2004. – С. 94.
4. Крашенинникова И.С. Органы управления общества с ограниченной ответственностью по законодательству Германии // Евразийский юридический журнал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurasialaw.ru/nashi-rubriki/yuridicheskie-stati/organy-upravleniyaobshchest va-s-ogranichennoj-otvetstvennostyu-po-zakonodatelstvu-germanii.

5. Ленковская Р.Р., Мамаев И.Я. Особенности формирования и полномочий органов управления общества с ограниченной ответственностью // Пробелы в российском законодательстве. Издательство: Издательский дом «Юр-ВАК» (Москва). – 2016. – № 8. – С. 103-106.
6. Осипенко О.В. Институты корпоративного управления и акционерные конфликты в России / ИКФ «ЭКСМОС». – 2004. – С. 464.
7. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 9 февраля 1999 г. № 6164/98 по делу № А40-7356/08-22-53. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Приказ ФНС России от 25 января 2012 г. № ММВ-7-6/25@ «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 5 июля 2018 г. по делу № А12-13936/2018. URL: https://ras.arbitr.ru.
10. Решение Арбитражного суда города Москвы от 28 ноября 2018 г. по делу № А40-220667/18-122-2484. URL: https://ras.arbitr.ru.
11. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 19 апреля 2019 г. по делу № А45-46246/2018. URL: https://ras.arbitr.ru.
12. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 9 июля 2018 г. по делу № А45-37682/2017. URL: https://ras.arbitr.ru.
13. Решение Арбитражного суда Пермского края от 19 января 2019 г. по делу № А50-30256/2018. URL: https://ras.arbitr.ru.
14. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 4 июля 2018 г. по делу № А53-5869/2018. URL: https://ras.arbitr.ru.
15. Седгарян К.А. Единоличный исполнительный орган хозяйственных обществ по законодательству России и Германии: сравнительно-правовой анализ // Право и экономика. – 2019. – № 8. – С. 48 - 53.
16. Черепахин Б.Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица. // Правоведение. 1958. № 2.С.45.
17. Невзгодина Е.Л. Представительство (гражданско-правовой аспект): монография/под ред. А.И. Казанника. Омск. 2007. С. 159.
18. Филиппова О.С. Крупные сделки акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 192 с.
19. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 210-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
20. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
21. Федеральный закон от 8 августа 2001г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
22. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
23. Шиткина И.С. Изменения в положения Гражданского кодекса РФ о юридических лицах: анализ новелл и практические советы // Хозяйство и право. – 2014. – № 7. – С. 3-21.
24. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (Закон об обществах с ограниченной ответственностью) от 20 апреля 1892 года (изм. от 17 июля 2017 года) // Федеральный вестник законов, часть III, подразделение № 4123-1. Доступ из Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz (Федеральное Министерство юстиции и защиты прав потребителей).

O.A. Brauzman, O.S. Filippova. Legal status of the sole executive body of a limited liability company under the laws of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 223-230.

The article examines the legal position of the sole Executive body of a limited liability company under the legislation of the Russian Federation, conducted a comparative legal analysis of the provisions of the legislation of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany concerning the status of the Director of the limited liability company. The authors concluded that it is appropriate to borrow provisions from German legislation to Russian legislation regarding the introduction of criteria for determining candidates for election of the company's chief Executive, increasing the joint and several liability of Executive bodies, as well as eliminating the legal gap in protecting the rights and legitimate interests of former managers of the company.

Keywords: sole Executive body, plurality of sole Executive body, rights and legal interests of the current and former Director, participants (founders) of the company.

Spisok literatury

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya): Federal'nyj zakon № 52-FZ ot 30 noyabrya 1994 g. «O poryadke vvedeniya v dejstvie chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa RF». Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. YUridicheskie lica: Postatejnyj kommentarij k glave 4 / E.V. Badulina, K.P. Belyaev, A.S. Vasil'ev i dr.; pod red. P.V. Krasheninnikova. M.: Statut. – 2014. – S. 524.
3. Dubovickaya E.A. Evropejskoe korporativnoe pravo: svoboda peremeshcheniya kompanij v Evropejskom soobshchestve // Izd.: Volters Kluver. M. – 2004. – S. 94.

4. Krasheninnikova I.S. Organy upravleniya obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu po zakonodatel'stvu Germanii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://eurasialaw.ru/nashi-rubriki/yuridicheskie-stati/organy-upravleniyaobshchest va-s-ogranichennoj-otvetstvennostyu-po-zakonodatelstvu-germanii.
5. Lenkovskaya R.R., Mamaev I.YA. Osobennosti formirovaniya i polnomochij organov upravleniya obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Izdatel'stvo: Izdatel'skij dom «YUr-VAK» (Moskva). – 2016. – № 8. – S. 103-106.
6. Osipenko O.V. Instituty korporativnogo upravleniya i akcionernye konflikty v Rossii / IKF «EKSMOS». – 2004. – S. 464.
7. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego arbitrazhnogo suda Rossijskoj Federacii ot 9 fevralya 1999 g. № 6164/98 po delu № A40-7356/08-22-53. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Prikaz FNS Rossii ot 25 yanvarya 2012 g. № MMV-7-6/25@ «Ob utverzhdenii form i trebovanij k oformleniyu dokumentov, predstavlyaemyh v registriruyushchij organ pri gosudarstvennoj registracii yuridicheskih lic, individual'nyh predprinimatelej i krest'yanskih (fermerskih) hozyajstv». Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
9. Reshenie Arbitrazhnogo suda Volgogradskoj oblasti ot 5 iyulya 2018 g. po delu № A12-13936/2018. URL: https://ras.arbitr.ru.
10. Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 28 noyabrya 2018 g. po delu № A40-220667/18-122-2484. URL: https://ras.arbitr.ru.
11. Reshenie Arbitrazhnogo suda Novosibirskoj oblasti ot 19 aprelya 2019 g. po delu № A45-46246/2018. URL: https://ras.arbitr.ru.
12. Reshenie Arbitrazhnogo suda Novosibirskoj oblasti ot 9 iyulya 2018 g. po delu № A45-37682/2017. URL: https://ras.arbitr.ru.
13. Reshenie Arbitrazhnogo suda Permskogo kraya ot 19 yanvarya 2019 g. po delu № A50-30256/2018. URL: https://ras.arbitr.ru.
14. Reshenie Arbitrazhnogo suda Rostovskoj oblasti ot 4 iyulya 2018 g. po delu № A53-5869/2018. URL: https://ras.arbitr.ru.
15. Sedgaryan K.A. Edinolichnyj ispolnitel'nyj organ hozyajstvennyh obshchestv po zakonodatel'stvu Rossii i Germanii: sravnitel'no-pravovoj analiz // Pravo i ekonomika. – 2019. – № 8. – S. 48 - 53.
16. CHerepahin B.B. Voleobrazovanie i voleiz"yavlenie yuridicheskogo lica. // Pravovedenie. 1958. № 2.S.45.
17. Nevzgodina E.L. Predstavitel'stvo (grazhdansko-pravovoj aspekt): monografiya/pod red. A.I. Kazannika. Omsk. 2007. S. 159.
18. Filippova O.S. Krupnye sdelki akcionernyh obshchestv i obshchestv s ogranichennoj otvetstvennost'yu. – M.: YUrlitinform, 2016. – 192 s.
19. Federal'nyj zakon ot 29 iyunya 2015 g. № 210-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu otdel'nyh polozhenij zakonodatel'nyh aktov Rossijskoj Federacii». Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
20. Federal'nyj zakon ot 5 maya 2014 g. № 99-FZ «O vnesenii izmenenij v glavu 4 chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i o priznanii utrativshimi silu otdel'nyh polozhenij zakonodatel'nyh aktov Rossijskoj Federacii». Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
21. Federal'nyj zakon ot 8 avgusta 2001g. № 129-FZ «O gosudarstvennoj registracii yuridicheskih lic i individual'nyh predprinimatelej». Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
22. Federal'nyj zakon ot 8 fevralya 1998 g. № 14-FZ «Ob obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennost'yu». Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
23. SHitkina I.S. Izmeneniya v polozheniya Grazhdanskogo kodeksa RF o yuridicheskih licah: analiz novell i prakticheskie sovety // Hozyajstvo i pravo. – 2014. – № 7. – S. 3-21.
24. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (Zakon ob obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennost'yu) ot 20 aprelya 1892 goda (izm. ot 17 iyulya 2017 goda) // Federal'nyj vestnik zakonov, chast' III, podrazdelenie № 4123-1. Dostup iz Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz (Federal'noe Ministerstvo yusticii i zashchity prav potrebitelej).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 5 (71). № 4. – С. 231-240.

УДК 343

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Волков В. Ю., Клемешев В. Б.

В настоящей статье автором осуществлен анализ действующего законодательства об административных правонарушениях Республики Крым, вносимые в него изменения, а также недостатки, пробелы и коллизионные нормы в данной сфере. Определено, что в настоящее время в региональном законодательстве об административных правонарушениях не определены такие термины, как «дериват», «квота», «квотирование рабочих мест», не установлен перечень обстоятельств, смягчающих административную ответственность. На основе статистических данных, материалов правоприменительной практики автором установлены проблемные аспекты исследуемой сферы, требующие внимания и доработки со стороны регионального законодателя.

Ключевые слова: законодательство об административных правонарушениях, Республика Крым, изменения, дериват, квота, квотирование рабочих мест, копирование, коллизия, региональное законодательство, непредставление билета пассажиру.

К настоящему времени Республика Крым (далее – РК), как новый субъект Российской Федерации, органично встроилась в законодательное поле российского государства.

Отличительной особенностью законодательства об административных правонарушениях РК является недавнее его принятие парламентом региона – Государственным Советом РК – менее 5 лет назад. Условия, в которых происходило формирование законодательства об административных правонарушениях РК, оказали существенное влияние на весь процесс его становления.

Появление регионального законодательства об административных правонарушениях в Республике Крым в соответствии с российским законодательством относится к июню 2015 года. Следует уточнить, что к настоящему времени Закон РК «Об административных правонарушениях в Республике Крым» №117-ЗРК/2015 от 25 июня 2015 г. претерпел более 20 изменений за 5 лет своего существования [8]. С одной стороны, это свидетельствует о процессе дальнейшей интеграции регионального законодательства в законодательное поле России. С другой стороны, такое количество различных поправок обеспечивает высокую степень адаптации законодательства Республики Крым в сфере административных правонарушений к специфическим особенностям региона и его стремительного социально-экономического развития в рассматриваемый период.

Так, первые поправки в данный закон были внесены уже в феврале и октябре 2016 года и касались ряда статей. В частности, статья 3.5 Закона РК от 25 июня 2015 г. №117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым» об умышленном неисполнении или ненадлежащим исполнении требований и предписаний, содержащихся в нормативных правовых актов государственных органов РК, за исключением предписаний и требований, содержащихся в нормативных правовых актах государственных органов, осуществляющих государственный

надзор и государственный контроль, а также умышленное не предоставление или несвоевременное предоставление сведений в государственный орган или должностному лицу РК, воспрепятствование законной деятельности должностных лиц органов государственной власти была признана утратившей силу.

В связи с тем, что статья 3.5 настоящего Закона дублировала аналогичную норму статьи 19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, то региональные законодатели приняли решение об ее изъятии в соответствии с Законом РК от 5 октября 2016 г. №274-ЗРК/2016 [10].

Приведенный пример дублирования нормы федерального законодательства в региональном нормативном правовом акте наглядно демонстрирует поспешность, обусловленную необходимостью скорейшей разработки и принятия важнейшего закона региональным законодателем.

Одна из первых поправок коснулась статьи 9.1 Закона РК «Об административных правонарушениях в Республике Крым». В статье речь идет о составлении протоколов об административных правонарушениях, которые предусмотрены частью 1 статьи 19.4, частью 1 статьи 19.4.1, частью 1 статьи 19.5, статьей 19.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях, должностными лицами исполнительной государственной власти РК при осуществлении регионального государственного надзора, государственного финансового контроля государственной власти РК и их территориальных органов в пределах их полномочий. Эти изменения были закреплены в статье 10 Закона РК «О внесении изменений в некоторые законы Республики Крым» от 26 октября 2016 г. №288-ЗРК/2016.

Актуально, что одни из последних по времени изменения в региональном законодательстве об административных правонарушениях были внесены 10 апреля 2020 г. и были связаны с введением на территории РК режима повышенной готовности с целью обеспечения санитарно-эпидемиологических мер в период мировой пандемии, характеризуемой распространением новой коронавирусной инфекции, получивший название SARS/CoVID19. Затем 30 июня 2020 г. Законом РК № 100-ЗРК/2020 были внесены изменения в Закон РК «Об административных правонарушениях», которыми установлены меры по защите прав несовершеннолетних в сфере охраны здоровья от негативного воздействия сосательных и жевательных смесей, содержащих никотин и/или его производные. Это, на наш взгляд, еще раз свидетельствует о постоянной и систематичной работе специалистов и экспертов над совершенствованием регионального законодательства.

Статья 1.1. Закона РК «Об административных правонарушениях» посвящена задачам законодательства об административных правонарушениях. В частности, задачами законодательства об административных правонарушениях являются: защита личности, прав и свобод гражданина, охрана здоровья и санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Однако статья 1.1 регионального законодательства копируется, то есть, дословно воспроизводит статью 1.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях [1]. Необходимо также отметить, что данный пример воспроизводства целой статьи с практической точностью, слово в слово, в этом законе РК не является единичным, что будет подробно рассмотрено далее.

Следует иметь ввиду, что часть 3 статьи 3.2 КоАП РФ определяет в качестве мер наказания за совершение административных правонарушений в законодательстве

субъектов РФ только предупреждение или административный штраф [13, с. 62]. В данной статье предусмотрено, что остальные виды наказаний устанавливаются только федеральным законом.

Необходимо уточнить, что предупреждение как мера наказания за совершение административного правонарушения в виде предупреждения не является редкостью в соответствующем законодательстве Республики Крым.

Анализируя содержание Закона РК «Об административных правонарушениях в Республике Крым», представляется возможным выделить такие группы составов административных правонарушений:

1.Административные правонарушения, посягающие на права граждан.

Сюда относятся, такие составы административных правонарушений, как несоблюдение установленных требований к обеспечению мер по предупреждению причинения вреда здоровья, физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию несовершеннолетних, неправомерный отказ должностными лицами исполнительных органов государственной власти в оказании экстренной юридической помощи тем гражданам, которые оказались в трудной жизненной ситуации, нарушение регионального законодательства о квотировании рабочих мест для трудоустройства отдельных категорий граждан, а также нарушение тишины и покоя граждан.

27 августа 2018 г. распоряжением Правительства РФ № 1761-р МВД России приняло определенные законодательством полномочия по составлению протоколов об административных правонарушениях на территории региона [3]. По данным УМВД России по городу Симферополю, в 2019 г. и в феврале 2020 г. сотрудниками полиции города Симферополя по этой статье был составлен 41 протокол [17].

Впервые в январе 2019 г. появилась статья 2.4 важной социальной направленности. Статья 2.4 настоящего закона предусматривает административную ответственность за нарушение законодательства о квотировании рабочих мест для трудоустройства отдельных категорий граждан, и дополняет главу 2. Таким образом, региональный законодатель установил административную ответственность за нарушение данной нормы в виде санкций. В связи с этим, Закон РК от 2 июля 2014 г. №24-ЗРК «О квотировании и резервировании рабочих мест для инвалидов и граждан, особо нуждающихся в социальной защите» стал исполняться на территории республики, а права указанных лиц в данном законе начали соблюдаться.

Необходимо отметить, что пункт 1 статьи 2.4 Закона РК «Об административных правонарушениях в Республике Крым» определяет отдельные категории граждан путем отсылки к пункту 2 части второй статьи 2 Закон Республики Крым от 2 июля 2014 г. № 24-ЗРК «О квотировании и резервировании рабочих мест для инвалидов и граждан, особо нуждающихся в социальной защите» [6].

Относительно широкий круг лиц, упоминаемых ранее в законе и имеющих право на предоставление квотированных рабочих мест, объясняется специфическими особенностями переходного периода нового субъекта РФ – Республики Крым и отражает конкретные исторические события в регионе в указанный период, в частности, наплыв беженцев из Украины, потерю крымскими военнослужащими работы в новой реальности. Анализ статьи 2.4. настоящего закона, который предусматривает административную ответственность за нарушение регионального законодательства о квотировании рабочих мест для трудоустройства отдельных категорий граждан,

показывает отсутствие таких примененных в данном нормативном правовом акте понятий, как: «квота», «квотирование рабочих мест». В законодательствах об административных правонарушениях других субъектов РФ, в основном, содержатся основные определения, упоминаемые в данных нормативных актах.

В Законе РК «Об административных правонарушениях в Республике Крым» вообще не даются определения употребляемых понятий.

В том числе, и в статье 2.3 данного закона отсутствует понятие «экстренная юридическая помощь», как и в самом Законе РК «О бесплатной юридической помощи» № 59-ЗРК от 1 сентября 2014 года [7]. Причем, в последнем законодательном акте в пункте 2 статьи 1 дано определение бесплатной юридической помощи. Под этим термином законодатель подразумевает предоставление консультации по правовым вопросам, за исключением вопросов, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, на бесплатной основе, а также составление документов правового характера и представление интересов граждан в судах и иных организациях.

В статье 2.3 регионального закона особо подчеркивается, что если данный отказ гражданам в приеме документов, установленных региональным законодателем с целью получения указанной помощи, привел к наступлению одного из перечисленных последствий в части 5 статьи Закона РК «О бесплатной юридической помощи» от 1 сентября 2014 г., то наступает административная ответственность за совершенное административное правонарушение.

Так, часть 5 статьи 15 данного закона определяет следующие экстренные случаи для граждан, при наступлении которых им положена экстренная юридическая помощь: причинение значительных убытков, если они подтверждены документально и составляют не менее половины среднедушевого дохода пострадавшего при условии его, отдельного проживания (всех членов семьи) или не менее половины величины прожиточного минимума; пропуск процессуальных сроков и срока исковой давности; утрата документов и иные обстоятельства, которые возникли в результате происшествий, угрожающих жизни и здоровья граждан.

Так как в части 5 статьи 15 данного закона дается только определение экстренных случаев, поэтому формулировка названия статьи 2.3 Закона РК является некорректной, поскольку содержит в названии юридической термин «экстренная юридическая помощь», который является неопределенным.

2.Административные правонарушения, посягающие на институты государственной власти и местного самоуправления и установленный порядок управления.

Так, статья 3.1, предусматривающая административную ответственность за незаконные действия по отношению к государственным символам РК имеет неопределенное правовое регулирование. Норма не отсылает к конкретному правовому акту. Региональный законодатель сформулировал, что нарушение порядка официального использования государственных символов является административным правонарушением. В данной статье не указано, что порядок использования государственных символов РК установлен Законом РК «О государственных символах Республики Крым», последние изменения в который были внесены 30 мая 2018 г. [5].

Вместе с тем, отдельной статьи о проявлении неуважения (надругательстве) к государственным символам региона, в отличие от законодательных актов об административных правонарушениях других субъектов РФ, нет. Административная от-

ветственность за публичное проявление неуважения к государственным символам РК предусмотрена частью 3 статьи 3.1 регионального законодательства об административных правонарушениях. Данная статья содержит конкретные действия, образующие состав административного правонарушения: оскорбительные надписи, повреждение, уничтожение и использование государственных символов РК способами, указывающими на явное пренебрежение к ним.

Аналогичная ситуация характерна для статьи 3.4, которая предусматривает административную ответственность за незаконные действия по отношению к официальным символам муниципальных образований в РК. Причем, к незаконным действиям относятся нарушение порядка использования официальных символов муниципальных образований региона и публичное проявление неуважения к ним (соответственно часть 1 и часть 3 статьи 3.4). То есть, в части 1 статьи 3.4 законодатель не установил, что нарушение порядка использования официальных символов региональных муниципальных образований устанавливаются непосредственно уставами самих муниципальных образований и законодательными актами советов (собраний) депутатов муниципальных образований.

Как правило, нормы, предусматривающие административную ответственность за воспрепятствование деятельности Уполномоченного по правам ребенка в какомлибо регионе нормы, предусматривается ответственность за вмешательство в деятельность Уполномоченного по правам человека, составляют отдельные статьи регионального законодательства об административных правонарушениях и относят к группе административным правонарушениям, посягающим на институты государственной власти какого-либо субъекта Российской Федерации.

Однако, в Законе РК «Об административных правонарушениях в Республике Крым» нормы, предусматривающие административную ответственность за воспрепятствование деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в РК, Уполномоченного по правам ребенка в РК и Уполномоченного по правам человека в РК, объединены законодателем в одну статью настоящего закона. В части 1 статьи 3.9 данного закона не указаны прямые ссылки на законодательные акты, регламентирующие деятельность указанных должностных лиц, воспрепятствование которой влечет за собой административную ответственность.

Например, деятельность Уполномоченного по правам ребенка в РК регламентируется Законом РК «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Крым» с внесенными изменениями в полномочия данного должностного лица в 2019 г. [11].

Кроме того, часть 2 статьи 3.9, устанавливающая ответственность за несоблюдение должностными лицами порядка и сроков предоставления информации, определенной соответствующими законодательными актами региона, не предусматривает наличие обстоятельств, смягчающих административную ответственность. Статья 4.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусматривает 10 обстоятельств, смягчающих административную ответственность.

Однако, Закон РК «Об административных правонарушениях в Республике Крым» вообще не выделяет никаких обстоятельств, которые смягчают или отягчают административную ответственность, что скорее, можно отнести к существенным законодательным недостаткам настоящего закона.

Статья 3.11 в последней редакции от 14 июля 2019 г. не содержит конкретных действий или бездействий, которые бы образовывали состав административного правонарушения, то есть нуждается в доработке и уточнении материальной нормы.

Следует уточнить, что статья 3.11 входит в главу 3, к которой относятся административные правонарушения, посягающие на институты государственной власти и местного самоуправления и установленный порядок управления. Однако большинство региональных законодателей Российской Федерации относят правонарушения в сфере благоустройства в отдельной главе.

Статья 3.18, которая предусматривает административную ответственность за нарушение в сфере благоустройства территории, появилась в июле 2019 г. и может быть выделена вместе со ст. 3.11 в отдельную главу.

При этом, реализация данных норм в 2019 г. позволила в г. Симферополе составить 773 административных протоколов по фактам нарушения Правил благоустройства столицы Крыма. В том числе, по недавно принятой статье 3.18, предусматривающей ответственность за размещение транспортных средств на территории, занятой зелеными насаждениями было составлено 59 административных протоколов в столице Крыма [15].

В январе 2018 г. глава 3 настоящего закона была дополнена статьей 3.17, предусматривающей ответственность за невыполнение решений антитеррористической комиссии [10]. Необходимо уточнить, что рассматриваемая статья практически слово в слово копирует текст материальной нормы аналогичной статьи 2.10 Кодекса Московской области об административных правонарушениях [9]. Если административная ответственность за неисполнение решения антитеррористической комиссии должностных лиц в Московской области составляет от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей, а на от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей, а на юридических лиц – от тридцати тысяч рублей до пятидесяти тысяч рублей, то санкции статьи 3.17 данного закона РК намного выше: для должностных лиц совершение этого правонарушения влечет наложение административного штрафа от 30 тыс. руб. от 50 тыс. руб.: на юридических лиц – от 300 тыс. до 1 мил. руб. Жизненно необходимой статьей Закона РК №117-ЗРК/2015 является статья 3.12 настоящего закона, предусматривающая административную ответственность за нарушение правил охраны жизни людей на водных объектах, которые установил Совет министров.

Следует отметить, что такие требования разрабатываются субъектами РФ и самостоятельно. Например, в законодательстве об административных правонарушениях Краснодарского края такая норма отсутствует [4].

По данным МЧС, ежегодно в РК в результате происшествий на воде погибают 70-80 человек. Так, в 2018 г. в числе 70 погибших человека зарегистрировано две детские смерти. Одной из самых распространенных причин гибели на воде на регионе является купание в так называемых местах неорганизованного отдыха. Так, на начало летнего сезона 2018 г. таких пляжей насчитывалось более сотни [14]. Из этого следует, что требования, предъявляемые соответствующими органами к организованным пляжам на территории полуострова, имеющего 2300 км. Береговой линии, из них 700 километров – курортная зона в целом, выполняются. В основу требований МЧС, изложенных в Приложении № 7 Правил охраны жизни людей на водных объектах на территории муниципального образования, легли Правила охраны жизни людей на внутренних водоемах РСФСР и прибрежных участках морей [2].

Следует отметить, что в настоящее время МЧС России планирует установить единые требования для всех российских пляжей обеспечения безопасности людей. Проект данного ведомственного приказа направлен в федеральные органы исполнительной власти для дальнейшего согласования, соответствующие положения, как предполагается, будут включены в КОАП РФ.

Итак, статья 3.12 Закона «Об административных правонарушениях в Республике Крым» предусматривает административную ответственность за открытие использования пляжа без паспорта пляжа, необеспечение исполнения функций спасательного поста, необеспечение узнаваемости спасателей (наличие формы определенного образца); не оборудование надлежащим образом границ участка акватории, отведенного для купания, неисполнение обязанностей по оборудованию пляжа схемой акватории с уточнением глубин и опальных мест, стендами со сведениями о пользователе пляжа, данными о волнении воды, температурных показателей воздуха и воды и так далее.

3.Административные правонарушения в области охраны окружающей среды.

Глава содержит 2 статьи, предусматривающих административную ответственность за уничтожение редких видов животных, растений, занесенных в Красную книгу РК (статья 4.1) и незаконные повреждения (снос) зеленых насаждений на землях, находящихся в собственности республики (статья 4.2). Следует отметить, что Красная книга РК вышла в 2015 г. и включает 405 редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений [16]. При этом, в статье 4.1 употребляется термин «дериваты», который не раскрыт региональным законодателем. Браконьерство представляет существенную угрозу окружающей среды Крыма.

Вместе с тем, увеличение в санкции статьи 9.1 размера штрафов для граждан и должностных лиц, в значительной мере, способствовало бы снижению количества административных правонарушений по данной статье. А принятие законодателем процессуальной нормы о повторном совершении правонарушения, предусмотренного статьей 4.1 данного закона в течение года, способствовало бы сохранению видового многообразия природы Крыма.

4.Административные правонарушения на транспорте.

К административным правонарушениям на транспорте региональный законодатель отнес 4 статьи. В 2019 г. законодатель РК пошел по пути увеличения размеров штрафов для административных правонарушений, указанных в статье 5.1 и статье 5.2. В том числе, штраф за безбилетный проезд (статья 5.1) для граждан увеличился со ста рублей и предусматривает штраф от ста до пятисот рублей за проезд в транспорте городского и пригородного сообщения, а за безбилетный проезд в транспорте междугороднего сообщения штраф составит от трехсот до семисот рублей. В некоторых субъектах РФ, например, в Московской области, штраф за безбилетный проезд составляет одну тысячу рублей.

Необходимо уточнить, что наличие нормы об административной ответственности водителя транспортного средства за непредставление билета пассажиру на транспорте городского сообщения повысило бы размер собираемых денежных средств.

Кроме того, в 2019 г. была введена норма за повторное совершение данного административного правонарушения без указания временного срока.

Изменение санкции статьи 5.2 в мае 2019 г. в сторону увеличения административного штрафа вызвано ростом административных правонарушений, которые связаны с опасным приближением маломерных судов к границам участка, отведенного для плавания на воде.

5. Административные правонарушения в сфере торговли.

В данную главу входят 2 типичные для всех законодательных актов субъектов РФ субъектов РФ об административных правонарушениях статьи о реализации товаров и оказание услуг в неустановленных для этого местах (статья 6.1), о нарушении порядка занятия мест, предназначенных для функционирования нестационарных торговых объектов. Характерной особенностью стихийной торговли на территориях муниципальных образований Крыма 2014-2017 гг. стало значительное количество продавцов, имеющих гражданство в ближнем зарубежье. В связи с этим, к рейдам городских областей присоединялись представители силовых структур [18].

В 2018 г. санкции данных статей (статья 6.1.-1) для физических лиц были увеличены законодателем вдвое с целью ликвидации стихийной торговли в неустановленных для этого местах и обеспечения надлежащего санитарного состояния территорий муниципальных образований. В целом, принятые меры сработали и улучшили показатели по ситуации.

6.Административные правонарушения в области охраны общественного порядка.

Глава 7 включает статью 7.2, предусматривающую административную ответственность за приставание к гражданам в общественных местах. Под этим подразумевается навязывание услуг, обмена, купли-продажи вещей, а также гадание и попрошайничество. Длительное время данная статья являлась нерабочей из-за отсутствия соответствующих полномочий МВД по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных Законом РК №117-ЗРК/2015. Передача таких полномочий произошла на основании распоряжения Правительства РФ №1761-р от 27 августа 2018 года [3]. По данным УМВД России по Симферополю, в 2019 г. и за январь-февраль 2020 г. по статье 7.2 за нарушение, связанные с приставанием к гражданам в общественных местах составлено 43 протокола [17].

Глава 7 была дополнена статьей 7.3 11 апреля 2020 г. и касается установления административной ответственности за нарушение требований нормативных правовых актов Республики Крым, которые направлены на введение и обеспечение режима повышенной готовности в регионе. Причем, введение данного режима было обеспечено положениями Указа главы РК от 17 марта 2020 г. №63-У «О введении режима повышенной готовности на территории Республики Крым» [12].

Необходимо отметить, что статья 7.3 Закона РК «Об административных правонарушениях в Республике Крым» практически дословно копирует нормы аналогичной статьи части 1 и части 2 статьи 3.6 Кодекса Московской области об административных правонарушениях [9]. Однако, такое копирование нормы одного регионального законодателя другим является допустимым, так как не создает ситуацию правовой коллизии.

Таким образом, существенными недостатками регионального законодательства РК об административных правонарушениях являются: отсутствие в законе определений употребляемых терминов: «дериват», «квота», «квотирование рабочих мест» и других, и отсутствие перечня обстоятельств, смягчающих административную ответственность.

С целью повышения сбора денежных средств за проезд на городском транспорте предлагается внести в статью 5.1 Закона об административных правонарушениях в РК административную ответственность для водителей транспортных средств за непредоставление билета пассажиру.

Для упорядочения объекта посягательства статью 2.1 о нарушении тишины и покоя граждан Закона РК об административных правонарушениях в РК перенести из Главы 2 «Административные правонарушения, посягающие на права граждан», в Главу 7 «Административные правонарушения в области охраны общественного порядка».

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) // СЗ РФ. – 2002. - № 1 (часть 1). – Ст. 1.
2. Приказ Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР от 23 декабря 1988 г. № 351 «Об утверждении Правил охраны жизни людей на внутренних водоемах РСФСР и прибрежных участках морей» // [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/6783113 (дата обращения: 04.08.2020).
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.08.2018 г. №1761-р «Об утверждении Соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Советом министров Республики Крым о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях» // СЗ РФ. – 2018. - № 36. – Ст. 5672.
4. Закон Краснодарского края от 23 июля 2003 года № 608-КЗ «Об административных правонарушениях» // Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края. – 2003. - № 11 (82). – Ч.1.
5. Закон Республики Крым от 5 июня 2014 года №13-ЗРК «О государственных символах Республики Крым» // Крымские известия. – 2014. - № 118-119. – 11 июня.
6. Закон Республики Крым от 2 июля 2014 г. № 24-ЗРК «О квотировании и резервировании рабочих мест для инвалидов и граждан, особо нуждающихся в социальной защите // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. – 2014. - №1 (часть 2).
7. Закон Республики Крым от 1 сентября 2014 года №59-ЗРК «О бесплатной юридической помощи в Республике Крым» // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. – 2014. - № 3 (часть 1). – 09 октября.
8. Закон Республики Крым от 25 июня 2015 года №117-ЗРК «Об административных правонарушениях в Республике Крым» // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. – 2015. - № 6. – Ст. 318.
9. Закон Московской области от 04 мая 2016 года № 37/2016-03 «Кодекс Московской области об административных правонарушениях»// [Электронный ресурс]. – URL: http: //docs.cntd.ru/document/456005029 (дата обращения 05.08.2020).
10. Закон Республики Крым от 05.10.2016 № 274-ЗРК/2016 «О внесении изменений в Закон Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» // [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/9100201610100016 (дата обращения: 10.08.2020).
11. Закон Республики Крым от 02.07.2019 № 625-ЗРК/2019 «О внесении изменений в статью 23.1 Закона Республики Крым «О Государственном Совете Республики Крым – Парламента Республики Крым» и Закон Республики Крым «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Крым» // Ведомости Государственного Совета РК. – 2019. - № 6 (часть 2). – 26 июля.
12. Указ Главы Республики Крым от 17 марта 2020 года № 63-У «О введении режима повышенной готовности на территории Республики Крым» // [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2020/03/17/krym-ukaz67-reg-dok.html (дата обращения: 10.08.2020).
13. Аржанов В.В. О целесообразности ужесточения наказания как способа обеспечения законности / В.В. Аржанов // Административное право и процесс. – 2015. – № 6. – С. 61-63.
14. Безопасность на отдыхе: что надо знать туристам в Крыму // [Электронный ресурс]. – URL: http: //sevastopol.su/news/bezopasnost-na-otdyhe-chto-nado-znat-turistam-v-krym (дата обращения 17.08.2020).
15. За парковку на тротуарах и зеленых зонах – штраф // [Электронный ресурс]. – URL: http://simadm.ru/press/government/22982 (дата обращения: 08.08.2020).
16. Красная книга Республики Крым в 2-х томах. – том 1. Растения, водоросли и грибы/ Под ред. А.В. Ены. – Симферополь: ООО НТ «АРИАЛ». – 481 с. Т. 2 – Животные/ Под ред. С.П. Иванова. – Симферополь: ООО НТ «АРИАЛ». – 478 с.
17. Министерство внутренних дел по Республике Крым. Информация для граждан от 16 февраля 2020 года // [Электронный ресурс]. – URL: - http://82МВД.рф/news/item/19548337/year=2020&month=5&day=26 (дата обращения: 01.08.2020).
18. Новые меры борьбы. Почему власти Симферополя не могут победить «стихийки» // Аргументы и факты. – № 27. – 05.07.2017.

Volkov V. Y., Klemeshev V. B. Legislation of the Republic of Crimea on administrative offenses: formation and prospects of development // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 231-240.

In this article, the author analyzes the current legislation on administrative offenses of the Republic of Crimea, changes made to it, as well as shortcomings, gaps and conflict of laws rules in this area. It is determined that currently the regional legislation on administrative offenses does not define such terms as "derivative", "quota", "quota of jobs", and does not establish a list of circumstances that mitigate administrative liability. On the basis of statistical data and materials of law enforcement practice, the author has identified problematic aspects of the research area that require attention and improvement by the regional legislator.

Keywords: legislation on administrative offenses, Republic of Crimea, changes, derivative, quota, job quotas, copying, conflict, regional legislation, failure to provide a ticket to a passenger.

Spisok literatury

1. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (red. ot 31.07.2020 g.) // SZ RF. – 2002. - № 1 (chast' 1). – St. 1.
2. Prikaz Ministerstva zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva RSFSR ot 23 dekabrya 1988 g. № 351 «Ob utverzhdenii Pravil ohrany zhizni lyudej na vnutrennih vodoemah RSFSR i pribrezhnyh uchastkah morej» // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://base.garant.ru/6783113 (data obrashcheniya: 04.08.2020).
3. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 27.08.2018 g. №1761-r «Ob utverzhdenii Soglasheniya mezhdu Ministerstvom vnutrennih del Rossijskoj Federacii i Sovetom ministrov Respubliki Krym o peredache Ministerstvu vnutrennih del Rossijskoj Federacii chasti polnomochij po sostavleniyu protokolov ob administrativnyh pravonarusheniyah» // SZ RF. – 2018. - № 36. – St. 5672.
4. Zakon Krasnodarskogo kraya ot 23 iyulya 2003 goda № 608-KZ «Ob administrativnyh pravonarusheniyah» // Informacionnyj byulleten' Zakonodatel'nogo Sobraniya Krasnodarskogo kraya. – 2003. - № 11 (82). – CH.1.
5. Zakon Respubliki Krym ot 5 iyunya 2014 goda №13-ZRK «O gosudarstvennyh simvolah Respubliki Krym» // Krymskie izvestiya. – 2014. - № 118-119. – 11 iyunya.
6. Zakon Respubliki Krym ot 2 iyulya 2014 g. № 24-ZRK «O kvotirovanii i rezervirovanii rabochih mest dlya invalidov i grazhdan, osobo nuzhdayushchihsya v social'noj zashchite // Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym. – 2014. - №1 (chast' 2).
7. Zakon Respubliki Krym ot 1 sentyabrya 2014 goda №59-ZRK «O besplatnoj yuridicheskoj pomoshchi v Respublike Krym» // Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym. – 2014. - № 3 (chast' 1). – 09 oktyabrya.
8. Zakon Respubliki Krym ot 25 iyunya 2015 goda №117-ZRK «Ob administrativnyh pravonarusheniyah v Respublike Krym» // Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym. – 2015. - № 6. – St. 318.
9. Zakon Moskovskoj oblasti ot 04 maya 2016 goda № 37/2016-03 «Kodeks Moskovskoj oblasti ob administrativnyh pravonarusheniyah»// [Elektronnyj resurs]. – URL: http: //docs.cntd.ru/document/456005029 (data obrashcheniya 05.08.2020).
10. Zakon Respubliki Krym ot 05.10.2016 № 274-ZRK/2016 «O vnesenii izmenenij v Zakon Respubliki Krym «Ob administrativnyh pravonarusheniyah v Respublike Krym» // [Elektronnyj resurs]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/9100201610100016 (data obrashcheniya: 10.08.2020).
11. Zakon Respubliki Krym ot 02.07.2019 № 625-ZRK/2019 «O vnesenii izmenenij v stat'yu 23.1 Zakona Respubliki Krym «O Gosudarstvennom Sovete Respubliki Krym – Parlamenta Respubliki Krym» i Zakon Respubliki Krym «Ob Upolnomochennom po pravam rebenka v Respublike Krym» // Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta RK. – 2019. - № 6 (chast' 2). – 26 iyulya.
12. Ukaz Glavy Respubliki Krym ot 17 marta 2020 goda № 63-U «O vvedenii rezhima povyshennoj gotovnosti na territorii Respubliki Krym» // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://rg.ru/2020/03/17/krym-ukaz67-reg-dok.html (data obrashcheniya: 10.08.2020).
13. Arzhanov V.V. O celesoobraznosti uzhestocheniya nakazaniya kak sposoba obespecheniya zakonnosti / V.V. Arzhanov // Administrativnoe pravo i process. – 2015. – № 6. – S. 61-63.
14. Bezopasnost' na otdyhe: chto nado znat' turistam v Krymu // [Elektronnyj resurs]. – URL: http: //sevastopol.su/news/bezopasnost-na-otdyhe-chto-nado-znat-turistam-v-krym (data obrashcheniya 17.08.2020).
15. Za parkovku na trotuarah i zelenyh zonah – shtraf // [Elektronnyj resurs]. – URL: http://simadm.ru/press/government/22982 (data obrashcheniya: 08.08.2020).
16. Krasnaya kniga Respubliki Krym v 2-h tomah. – tom 1. Rasteniya, vodorosli i griby/ Pod red. A.V. Eny. – Simferopol': OOO NT «ARIAL». – 481 s. T. 2 – ZHivotnye/ Pod red. S.P. Ivanova. – Simferopol': OOO NT «ARIAL». – 478 s.
17. Ministerstvo vnutrennih del po Respublike Krym. Informaciya dlya grazhdan ot 16 fevralya 2020 goda // [Elektronnyj resurs]. – URL: - http://82MVD.rf/news/item/19548337/year=2020&month=5&day=26 (data obrashcheniya: 01.08.2020).
18. Novye mery bor'by. Pochemu vlasti Simferopolya ne mogut pobedit' «stihijki» // Argumenty i fakty. – № 27. – 05.07.2017.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 6 (72). № 1. – С. 241-251.

УДК 342.951: 336.221

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ИГОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Евсикова Е. В., Булахова И. А.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье авторы анализируют и раскрывают особенности осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр в Российской Федерации в целом, а также в Республике Крым. Кроме того, исследуются механизмы осуществления игорной деятельности в зарубежных странах. Авторы изучают особенности установления налога на игорный бизнес в соответствии с федеральным налоговым законодательством и налоговым законодательством Республики Крым проводится, анализируют размеры ставок налога на игорный бизнес, предусмотренных федеральным законодателем, а также законодательством Республики Крым, исследуют динамику поступлений по налогу на игорный бизнес и планируемые показатели на 2020 год, на основе чего, авторы приходят к выводу о незначительной доле налога на игорный бизнес в разрезе других налогов и в объеме общих поступлений в региональный бюджет и необходимости детальной проработки вопроса об обоснованности создания игорной зоны в Республике Крым.

Ключевые слова: деятельность по организации и проведению азартных игр; налог на игорный бизнес, игорная зона; Республика Крым.

Происходящие сегодня процессы государственно-правового реформирования всех сфер управленческой деятельности, в том числе финансовой сферы, требует выработки новой концепции построения и формирования финансовой системы государства, поиска новых источников доходов и финансирования, в том числе, и в новых субъектах РФ, которые переживают бурный процесс формирования и развития системы нормативно-правовых актов, регламентирующих все сферы общественной и государственной жизни [1].

Сегодня, как никогда, вопросы создания игорной зоны в Республике Крым приобретают особую актуальность, а также требуют проведения дополнительных научных исследований проблем и перспектив развития данной сферы правоотношений на территории нового субъекта РФ.

Важность изучения игорного бизнеса определяется рядом обстоятельств. Прежде всего, казино - это привлекательный высокодоходный бизнес. Второй фактор - наличие большого количества проблем, связанных с азартными играми. Третье обстоятельство связано с большим количеством фактов незаконной организации и проведения азартных игр на территории Российской Федерации, за исключением специально отведенных мест в соответствии с законодательсьтвом.

Напомним, что Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2006 № 244-ФЗ (далее – ФЗ № 244-ФЗ) [2] был принят еще в 2006, т.е. почти 14 лет назад, однако, про-

блемы, которые связаны с ведением игорного бизнеса и созданием, и функционированием игорных зон актуальны и сегодня.

Так, в соответствии с ФЗ № 244-ФЗ, под деятельностью по организации и проведению азартных игр понимается деятельность по оказанию услуг по заключению с участниками азартных игр основанных на риске соглашений о выигрыше и (или) по организации заключения таких соглашений между двумя или несколькими участниками азартной игры. Такая деятельность осуществляется на основе разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, т.е. выдаваемого в соответствии с ФЗ № 244-ФЗ документа, предоставляющего организатору азартных игр право осуществлять деятельность по организации и проведению азартных игр в одной игорной зоне без ограничения количества и вида игорных заведений. Также, согласно ФЗ № 244-ФЗ, игорная зона - часть территории Российской Федерации, которая предназначена для осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр и границы которой установлены в соответствии с ФЗ № 244-ФЗ. Однако, вне игорных зон, деятельность по организации и проведению азартных игр осуществляется только в букмекерских конторах и тотализаторах на основе лицензии на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах – документа, выдаваемого в соответствии с ФЗ № 244-ФЗ и предоставляющий организатору азартных игр право осуществлять деятельность по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и (или) тотализаторах вне игорных зон, с обязательным указанием вида оказываемых услуг (услуг по заключению с участниками азартных игр основанных на риске соглашений о выигрыше и (или) услуг по организации заключения основанных на риске соглашений о выигрыше между двумя или несколькими участниками азартной игры), места нахождения процессингового центра букмекерской конторы или тотализатора либо процессингового центра интерактивных ставок букмекерской конторы или тотализатора, количества и места нахождения филиалов, пунктов приема ставок букмекерских контор или тотализаторов либо иных мест осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах.

Следует отметить, что ФЗ № 244-ФЗ предусматривает создание игорных зон на территории следующих субъектов: Республика Крым, Алтайский край, Краснодарский край, Приморский край и Калининградская область. Вместе с тем, принятие ФЗ № 244-ФЗ почти четырнадцать лет назад не решило проблемы с легализацией азартных игр, а поставило перед российским обществом и государством все новые вопросы и вызовы, на которые современные законодатели и правоприменители должны дать однозначный ответ: нужна ли и экономически обоснована организация и создание игорных зон, в том числе, в Республике Крым? [1, с. 35].

Так, по мнению некоторых ученых-правоведов, закрепление определенных игорных зон не сможет в полной мере обеспечить посещаемость данных заведений, и соответственно уменьшит притоков денежных средств. Данные авторы считают, в таком случае уменьшиться налог на игорный бизнес, так как лица – будущие налогоплательщики, не смогут передвигаться из одного субъекта РФ в другой [3]. Другие ученые, считают, что вследствие выделения игорных зон в большинстве субъектов РФ данный налог больше не взимается, соответственно в региональный бюджет не поступают денежные средства. По их мнению, данное явление привело к умень-

шению доли налоговых доходов бюджетов субъектов РФ, а также к снижению самостоятельности региональных бюджетов [4].

Так, понятие азартной игры объясняется как нечто такое, что приводит к перераспределению благ между людьми на основе случайного стечения обстоятельств, не связанных с полезной деятельностью. Наиболее очевидные примеры - игра в казино или игровые автоматы.

В соответствии с законодательством Российской Федерации азартными играми считается основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры [2].

Рассматривая исторический аспект развития игорного бизнеса в мире, мы можем заметить, что впервые легальное казино было открыто в 1638 г. в Венеции. В 1765 г. было основано казино в Париже, основной целью которого было пополнение казны Людвика XIV. История азартных игр в России, появилась еще в далекой древности, однако до XVI в. не рассматривалась как объект законодательства, в большинстве случаев регулировался религиозными, нравственными и социальными нормами.

Впервые запрет на азартные игры был закреплен в Стоглаве в 1551 г. [5]. Рассматривая толкование главы 92, где был установлен запрет, то мы можем увидеть, что данная норма права того времени, предписывала наказание всем участникам азартных игр: организаторам, наблюдателям и игрокам. С приходом к власти Романовых, политика в отношении игорной деятельности становится неоднозначной, она характеризуется, то усилением, то послаблением наказаний за игорную деятельность [6, с.51]. В 1696 г. 1717 г. были изданы указы Петра I к «простому люду и военному», где закрепился запрет на игры на амуницию, оружие во время военных походов и на деньги. В период правления Елизаветы Петровны, а именно в 1761 г., впервые в России была создана первая классификация азартных игр. Азартные игры поделились на 2 категории:

1) запрещенные азартные игры, никто не имел право в них играть, кроме как во дворцах Елизаветы Петровны;

2) другие карточные игры, возможность поиграть в данные игры была позволена лишь в дворянских домах и на маленькие суммы денег.

Определение понятия азартных игр, была закреплена лишь в параграфе 67 «Устава благочестия» [7, с. 368]. Ужесточенную политику против игорной деятельности на нормативно-правовой основе продолжил Николай I. В период своего правления, было принято «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», где закрепилось что «Уголовно наказуемым деянием является участие в запрещенных играх в карты, кости, и т. п., если это осуществляется вопреки изданных о сем постановлений» [8]. В 1831 г. указом Сената общество конской скачки, получает земельный участок для будущего Московского ипподрома, в дальнейшем, в период правления Александра II, на данной территории будет разрешено создать первый в России законный тотализатор.

Рассматривая дореволюционный период, мы пришли к выводу, что на законодательном уровне государство всячески вводило запретные нормы на проведение азартных игр, однако в реальности, на протяжении всего времени, игорная деятельность все больше распространялась и развивалась на территории России, становясь одним из источников пополнения государственного бюджета.

После в ноябре 1917 г., на заседании Петроградского Военно-революционного комитета было предложено и принято предложение товарища И. Ф. Быдзана «о закрытии всех клубов и притонов, где производится азартная игра» [9]. В 1923 г. был принят новый декрет, закрепляющих порядок выдачи разрешений на устройство местных лотерей [10]. Спустя определенное время, в УК появилась статья, запрещающая игорную деятельность, с этого момента игорный бизнес в СССР перешел на нелегальное положение. Однако, не смотря на запрет такой деятельности, государство не раз само становилось организатором лотерей (денежно-вещевых, Спортлото и др.), из которых получало дополнительных доход в бюджет.

Для развлечения иностранных туристов в рамках гостиничной системы «Интурист», в 1988 г. СССР в качестве эксперимента установил первые игровые автоматы. В 1989 г. в московской гостинице «Савой», финская компания Casino Amherst открыло первое в СССР казино. В дальнейшем, несмотря на использование государством лотерей как источника средств для разрешения определенных социальных проблем, запрещаются все игорные заведения и само участие в азартных играх.

С распадом СССР, игорных бизнес лишь в 1993 г. начинает распространяться по всех территории РФ, начиная с городов федерального значения. В 1998 г. вступил в силу Федеральный закон «О налоге на игорный бизнес», именно с этого момента игорная деятельность могла осуществляться на законной основе.

С 1 января 2007 г. на территории России вступил в законную силу ФЗ № 244-ФЗ, который предусматривал запрет деятельности по организации азартных игр вне зон установленных ФЗ, включая казино, игровые залы, покер-румы, игровые автоматы, а также азартные игры через телекоммуникационные сети Интернет [2].

Действие закона не распространяется на тотализаторы и пункты приема ставок букмекерских контор. Организация игорного бизнеса возможно лишь в определенных игорных зонах. На основании ФЗ № 244-ФЗ, данные ограничения в сфере организации и эксплуатации азартных игр, являются необходимым средством для защиты законных интересов и прав граждан [11].

Как было указанно ранее, «азартные игры» – это основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры. Однако, не смотря на очевидность и подобность значения данного понятия, страны различных стран, на законодательном уровне поразному трактуют данное определение.

Так, например, в Латвии азартная игра – это «такая игра, которая имеет характер договора, основанного на риске, и в которой получаемые участниками выигрыши носят полностью или частично случайный характер; а также игра на игровых автоматах, требующая физического умения и сноровки, в которой ее участники имеют возможность выигрывать в зависимости от ловкости и счастливого случая» [12].

В Бельгии азартная игра – это любая игра (или ставка), которая приводит либо к проигрышу существующей ставки, либо к выигрышу в любом эквиваленте в пользу одного или нескольких игроков или организатора игры; Игра, в которой шанс является одним из элементов, определяющих победителя или распределение выигрыша. Игры, связанные со спортом и спортивными ставками, не считаются азартными играми. В Бельгии, как и в Литве, доступ в казино возможен только после 21 года [12].

В Швейцарии азартная игра – это игра, в которой делается ставка и которая дает шанс получить выигрыш или другие материальные блага. Шансы зависят только от случая, или в основном от случая [12].

В Словакии лотереи и другие подобные игры предполагают игру, в которой кто-то участвует добровольно и платит гонорар, который не гарантируется вернуть. Выигрыш или проигрыш определяется исключительно случайным или непредвиденным возникновением особых обстоятельств или событий, определенных оператором при заранее определенных условиях. Не имеет значения, если в игру играют механические, электронно-механические, электронные или другие подобные устройства [12].

Современные формы европейского игорного бизнеса, его управление и законодательное регулирование являются наиболее полными и многострунными. Азартные игры разрешены во всех европейских странах, кроме Сан-Марино, Лихтенштейна и Кипра (греческая часть).

Почти все виды азартных игр (казино, покер-румы, лотереи, тотализаторы, бинго) легализованы и управляются частными предприятиями. Определенные ограничения, в том числе государственная монополия на отдельные виды игорной деятельности (организация азартных игр в казино), действуют в Швеции, Финляндии, Австрии, Нидерландах, Монако, Германии и др. Использование игровых автоматов вне казино запрещена в Греции, Франции, Португалии, Монако и Люксембурге [13].

Значение государства в европейской игорной деятельности различная. В одних странах она непосредственно участвует в уставном фонде учреждений (например, Монако), в других (например, Австрия, Финляндия, Швеция, некоторые немецкие земли, Нидерланды) – государство контролирует только определенные виды деятельности (например, казино), в то время как доходы от других видов игорного бизнеса поступают частным компаниям. Есть страны, где государство полностью отстраняет себя от финансового участия в игорном бизнесе, только с функционированием сбора налогов, лицензий, таможни и сертификации доходов, а также контроля (надзора) (например, Болгария, Польша, Румыния, Чехия, Словакия, Хорватия, Македония, Черногория) [14].

Во множестве стран лотерея считается азартной игрой, но только в Великобритании, Германии, Финляндии, Латвии, Словакии, Гонконге и Швеции она юридически классифицируется и относится к игорному бизнесу. Чаще всего эта деятельность рассматривается как самостоятельная отрасль.

В Испании, наряду с казино, игровыми автоматами и играми в бинго, в азартные игры включаются аттракционы и парки развлечений. В Кыргызстане для целей налогообложения азартные игры (помимо казино и игровых автоматов) включают организацию видеосалонов, видеопроекции, прокат аудио- и видеокассет и записей на них, проведение массовых концертно-зрелищных мероприятий на открытых площадках, стадионах на более чем 2 тыс. мест. Во многих зарубежных странах с недавнего времени уплачивается налог на развлечения (налог на развлекательные мероприятия, налог на развлекательные объекты и т. д.).), но сами они не имеют отношения к азартным играм. Однако известны случаи, когда организаторы азартных игр уплачивают этот вид налога вместе с налогом на азартные игры (США (Невада), Португалия) [10].

Что касается крупнейшей части света не только по терртории, но и по населению – Азии, то некоторые авторы утверждают, что на данной территории произошло основание азартных игр. Впервые игорные заведения появились в Китае и Японии, на законодательном уровне урегулирование игорной деятельности произошло в 1847 г. в Макао. Сегодня игорная деятельность получила развитие в Индии, Кипре (турецкая часть), Вьетнаме, Грузии, Армении, Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане, Камбодже, Мьянме, Непале, Северной Корее, Южной Корее, Лаосе, Ливане, Макао, Гонконге, Монголии, Филиппинах, Сингапуре, Шри-Ланке и Японии [15].

В других странах, игорный бизнес практически запрещен, разрешены только лотереи , тотализаторы и пари, а именно – в Афганистане, Пакистане, Катаре, Кувейте, Йемене, Бахрейне, Саудовской Аравии, Омане, Сирии, Бангладеш, Китае, Таиланде, Бутане, Мальдивских островах, Иордании, Восточном Тиморе, Иране, Узбекистане, Азербайджане и Турции [15].

Азартные игры в северной, южной и центральной Америке отличаются от европейской модели. В настоящее время азартные игры (в той или иной форме) разрешены в США, Канаде, Панаме, Коста-Рике, Арубе, Багамских островах, Белизе, Гватемале, Гондурасе, Доминике, Доминиканской Республике, Никарагуа, Гаити, Сальвадоре, Тринидад и Тобаго, Ямайке, Колумбии, Венесуэле, Суринаме, Эквадоре, Перу, Боливии, Аргентине, Чили, Уругвае, Парагвае.

Ограничения, особенно невозможность открыть казино, существуют в Мексике и Бразилии. Азартные игры на Кубе полностью запрещены, а в некоторых странах разрешены только азартные игры онлайн. К ним относятся: Ангилья, Антигуа и Барбуда, Антильские острова (Нидерланды), Барбадос, Виргинские острова (Британские), Гренада, Каймановы острова, Сент-Китс и Невис [16].

Игорная деятельность в странах Африки, начала организовываться после открытия первого казино в 1956 г. На сегодняшний день, в более чем 30 странах Африки игорный бизнес разрешен, но также, как и в Америке и Европе, есть свои определенные особенности. Так, в Северной части Африки возможно существование игорной деятельности только в виде казино, они должны быть расположены исключительно в отелях и управлять ими могут лишь иностранные компании. Самой главной особенностью игорной деятельности Африки является его местоположение, в большинстве случаев все игорные заведения находятся в отелях [14].

Сегодня игорный бизнес отсутствует или запрещен на законодательном уровне в Ливии, Алжире, Судане, Эфиопии, Эритрее, Сомали, Бурунди, Руанде, Западной Сахаре и Нигере.

Что касается Австралии и Океании, то данный континент был последним, разрешившим на своей территории деятельность предприятий, организаций, которая направлена на получение денежных средств с азартных игр. Законодательство имеет схожесть с европейским регулированием. Первые законы Австралии и Новой Зеландии были разработаны на примере британской модели нормативно-правового регулирования игорной деятельности.

В большинстве развитых стран Западной Европы и Северной Америки отсутствуют региональные ограничения на размещение объектов игорного бизнеса. Так, например, в США игорная деятельность легализована в большинстве штатов в 36 из 50. Важность азартных игр для развития экономики и инфраструктуры США отражена в законах многих штатов. В частности, закон штата Невада провозглашает, что

игровая индустрия жизненно важна для экономики государства и общего благосостояния его населения. Все учреждения, где проводятся азартные игры и находится игорное оборудование, лицензируются, проходят аудит и содействуют обеспечению безопасности, нравственности, порядка и общественного благосостояния населения государства, укреплению стабильности и успеха в играх, поддержанию конкурентоспособной экономики и государственной политики свободной конкуренции. Кроме того, для обеспечения справедливости, конкуренции и отсутствия криминальных и коррупционных элементов все игорные заведения в государстве должны оставаться открытыми. Поэтому игорные заведения разрешены по всему штату [12].

Подобная ситуация присутствует и в других западных странах. В Германии азартный бизнес разрешен на всей территории государства; региональные ограничения состоят в том, что игровые автоматы должны быть отделены от помещений казино. В каждом крупном немецком городе есть несколько крупных казино, в стране насчитывается несколько сотен тысяч игровых автоматов.

Помимо Германии и США, так и в других странах Европы и Америки, отсутствуют определенные зоны для игорного бизнеса, так к таким странам можно отнести, Венгрию, Швейцарию, Чешскую Республику, Канаду, Финляндию. В Великобритании и Франции, присутствуют определенные ограничения, но они имеют свое влияния не на игорную деятельность крупных городов и курортов национального значения, а на иной территории государства. В Великобритании легально казино можно открывать лишь в 53 специально отведенных правительствах зонах. Что касается Франции, то как было сказано ранее, деятельность игорного бизнеса разрешена в крупных городах с населением свыше 500 000 человек, а также в нескольких городах на Лазурном берегу [12].

В мировой практике игорная деятельность подлежит лицензированию. Практически везде лицензии выдаются специально для открытия того или иного игорного заведения в определенном месте. Стоимость лицензии в большинстве стран закрепляется на высоком уровне. Так, в США (особенно в Лас-Вегасе) – до 1 мил. дол., в Латвии – 500 тыс. долларов, в Греции — 730 тыс. евро в год для казино. В некоторых странах (Германия, Словения) размер лицензионного сбора рассчитывается исходя из валового дохода игорного заведения. Часто роялти носят характер регулярно уплачиваемых налогов (ежегодно, ежеквартально или ежемесячно).

При анализе законодательства развитых стран мира, нами было обнаружено, что основным методом регулирования игорной деятельности является не запрет, закрепление определенных требований к порядку и работе, а также условий выдачи лицензий. Так, например, в США в штате Невада, лицо вовлеченные в игорный бизнес должны получить лицензию. В данном случае она может быть 2 – х видов:

1) ограниченная – возможна работа с 15 игровыми машинами;
2) неограниченная – работа с более 15 машинами, и возможность соединять их в одни игровые системы.

За выдачу лицензии взимаются лицензионные сборы. В дальнейшем, при осуществлении игорной деятельности, будут периодически оплачиваться налоги и сборы. Самый важный налог – налог с прибыли игорных заведений. Данный налог взимается по указанным ставкам: 3% ñ с прибыли от 0 до 50 000 дол., 4 % ñ с прибыли от 50 000 до 134 000 дол. и 6,25 % ñ с прибыли выше 134 000 дол. Помимо

всего выше указанного, закреплены определенные требования к помещениям игровых залов. По нашему мнению, данные меры направлены на придание игорной деятельности цивилизованной формы, а также контроль над ними, но ни в коем случае запрет [12].

Что касается РФ, то налог на прибыль от игорного бизнеса отменен для организаций. Однако В России существует немного иная система сбора налога. В российском законодательстве существуют ставки налога на игорный бизнес, предусмотренные в НК РФ, исходя, от которых субъекты РФ могут установить свои размеры налоговой ставки налога на игорный бизнес.

Так, ст. 369 НК РФ предусматривает, что налоговые ставки устанавливаются региональным законодателем в следующих пределах [17]: 1) за один игровой стол - от 50 тыс. до 250 тыс. руб.; 2) за один игровой автомат - от 3 тыс. до 15 тыс. руб.; 3) за один процессинговый центр букмекерской конторы - от 50 тыс. до 250 тыс. руб.; 4) за один процессинговый центр тотализатора - от 50 тыс. до 250 тыс. руб.; 5) за один процессинговый центр интерактивных ставок тотализатора - от 2,5 млн. до 3 млн. руб.; 6) за один процессинговый центр интерактивных ставок букмекерской конторы - от 2,5 млн. до 3 млн. руб.; 7) за один пункт приема ставок тотализатора - от 10 тыс. до 14 тыс. руб.; 8) за один пункт приема ставок букмекерской конторы - от 10 тыс. до 14 тыс. руб.

В то же время, в случае, если налоговые ставки не определены региональным законодателем, то НК РФ предусматривает минимальные ставки в пределах, установленных ст. 369 НК РФ, а именно: 1) за один игровой стол - 50 тыс. руб.; 2) за один игровой автомат - 3 тыс. руб.; 3) за один процессинговый центр букмекерской конторы - 50 тыс. руб.; 4) за один процессинговый центр тотализатора - 50 тыс. руб.; 5) за один процессинговый центр интерактивных ставок тотализатора – 2,5 млн. руб.; 6) за один процессинговый центр интерактивных ставок букмекерской конторы – 2,5 руб.; 7) за один пункт приема ставок тотализатора - 10 тыс. руб.; 8) за один пункт приема ставок букмекерской конторы – 10 тыс. руб.

Однако, в рамках данного исследования, следует также обратиться к налоговому законодательству РК. Так, Законом РК «О внесении изменения в Закон Республики Крым «О налоге на игорный бизнес» № 455-ЗРК/2018 от 09.01.2018 г. [18], были внесены изменения в соответствии с требованиями НК РФ и ставки налога на игорный бизнес установлены по максимальной шкале, а именно:

Ставки налога на игорный бизнес в РК устанавливаются вследующих размерах: 1) за один процессинговый центртотализатора –250000,0 руб.; 2)заодин процессинговый центр букмекерской конторы –250000,0 руб.; 3) за один пункт приема ставок тотализатора –14000,0 руб.; 4) за один пункт приема ставок букмекерской конторы – 14000,0 руб.; 5) за один игровой стол –250000,0 руб.; 6) за один игровой автомат – 15000,0 руб.; 7) за один процессинговый центр интерактивных ставок тотализатора –3000000,0 руб.; 8) за один процессинговый центр интерактивных ставок букмекерской конторы –3000000,0 руб.

Согласно статистическим данным Министерства финансов РК, налоговые отчисления от игорного бизнеса в бюджет РК за январь-ноябрь 2019 г. составили более 10 млн. руб. Так, 1 декабря 2019 г. исполненные бюджетные назначения по налогу на игорный бизнес составляют 10,3 млн. руб., а за ноябрь 2019 г. сумма налога составила 900 тыс. руб. Утвержденные бюджетные назначения на 2019 г. составляют 11

млн. руб. из общей суммы доходов – 181 млрд. руб. Однако, бюджет РКна 2020 г. предусматривает поступления от налога на игорный бизнес в объеме 11 млн. руб. из общей суммы доходов – 185 млрд. руб. Как видим, поступления по налогу на игорный бизнес составляют лишь малую часть бюджета РК, несмотря на максимальные размеры ставок налога на игорный бизнес/ Интересно, что в 2018 г. поступления от налога на игорный бизнес в бюджет РК составили 12 млн. руб. из общей суммы доходов – 170 млрд. руб., а в 2017 г. – 8 млн. руб. из общей суммы доходов – 131 млрд. руб., а в 2016 г. – 6,5 млн. руб. из общей суммы доходов – 67 млрд. руб. [11].

Как видим, на сегодняшний день, налог на игорный бизнес составляет лишь малую часть бюджета Республики Крым, а именно: 0,3%, и то в рамках общего количества иных налоговых поступлений, т.е. в качестве самостоятельного источника налоговых поступлений бюджет он даже не анализируется в силу своей малозначительности, что, особенно, в современных реалиях достаточно сложной экономической ситуации, вызванной режимом всеобщего карантина, еще более понизится.

Вместе с тем, перед РК отсро стоит вопрос о создании игорной зоны, поскольку в октябре 2019 г. было принято Распоряжение Правительства РФ от 22.10.2019 № 2487-р «О создании игорной зоны «Золотой берег» на территории муниципального образования городской округ Ялта Республики Крым» [19], которое предусматривает, создать игорную зону «Золотой берег» на территории муниципального образования городской округ Ялта РК площадью 146851 кв. метр, а также принять к сведению, что органами исполнительной власти РК границы игорной зоны определены в границах земельного участка, имеющего кадастровый номер 90:25:070501:1019.

Таким образом, исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что в мировой практике существуют свои определенные механизмы государственного регулирования и система налогообложения на игорный бизнес. В первую очередь, необходимо отметить, что в большинстве зарубежных стран присутствует разрешительный механизм игорного бизнеса в виде лицензии. За получение лицензии лицо уплачивает установленный размер пошлины. Лицензии выдаются на основание конкретное игорное заведение в конкретном местоположении.

Вторым аспектом, имеющим значение, является то что, административный запрет не имеет в большинстве стран большого распространения, так как по нашему мнению, данное явление способствует созданию теневого или незаконного игорного бизнеса. Из-за этого государство не может получить в полной мере доходы от игорного бизнеса и в полной мере влиять на него.

Налог на игорный бизнес носит специфических характер в силу объектного и субъектного состава налогообложения данным налогом и является источником дополнительного финансирования региональных бюджетов., что, по нашему мнению, будет способствовать развитию регионов в целом. Однако, установление и создание на территории отдельных субъектов РФ игорных зон имеет, как ряд положительных, так и отрицательных моментов, обусловленных рядом задач, на которые направлено создание таких зон на специально отведенных территориях субъектов РФ, и целей, которые они преследует, и которой, как показывает практика, не достигаются в конечном итоге при функционировании соответствующих зон, что требует более детальной проработки и исследования вопросов необходимости их создания и развития на территории РФ, в том числе, на территории РК с учетом всех

возможных рисков и отрицательных последствий, а также соотносимости их с ожидаемыми результатами от создания и функционирования данной игорной зоны.

В современных реалиях перед РК, РФ и мировым сообществом в целом стоит множество более насущных проблем, в том числе, борьба с пандемией и ее профилактика, в силу чего, считаем, что на сегодняшний день создание игорной зоны в Республике Крым является нецелесообразным, поскольку, может значительно усложнить и усугубить ситуацию с пандемией на территории полуострова, а также потребует значительных затрат из бюджета и поиска инвесторов, что в условиях режима санкций в отношении РК будет очень затруднительно.

Список литературы

1. Евсикова Е.В. К вопросу о создании игорной зоны в Республике Крым: проблемы и перспективы / Евсикова Е.В.// Сборник научных статей по итогам II Севастопольского юридического форума. Сер. "Научный фонд" Ответственный редактор С.А. Васильев. 2020. Издательство: Общество с ограниченной ответственностью "Центркаталог" (Москва). – С. 35-42.
2. Федеральный закон РФ от 29 декабря 2006 г. № 244 ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета от 31 декабря 2006 г. № 4263.
3. Амирханова Х.М., Заикин В.В., Совершенствование налоговой политики в отношении игорного бизнеса // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 12-7. С. 12-14.
4. Головин А. Ю. Проблемы правового регулирования налогообложения игорного бизнеса [Электронный ресурс] / А. Ю. Головин. - Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Стоглав: Собор бывший в Москве при великом государе, царе и великом князе Иване Васильевич // Хронос [Электронный ресурс] URL: http://www.hrono.info (дата обращения: 05.07.2020).
6. Ковтун Е. В. История правового регулирования азартных игр в России. М.: ИПЦ «Маска», 2009. 240 с.
7. Устав Благочиния, или Полицейский. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Законодательство периода расцвета абсолютизма. Т. 5 / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1987. С. 368.
8. Ассоциация Деятелей Игорного Бизнеса [Электронный ресурс] URL: http://vib.adib92.ru (дата обращения: 05.07.2020).
9. Документ № 480. Документы великой пролетарской революции. Том 1. Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского совета. ОГИЗ, 1938. С. 297–300.
10. Декрет СНК РСФСР от 31.05.1923 «О порядке выдачи разрешений на устройство местных лотерей» // «Известия ВЦИК». № 132. 16.06.1923.
11. Евсикова Е.В., Булахова И.А. Некоторые аспекты создания игорной зоны в Республике Крым /Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 1. – С. 431-444.
12. Катков К.А. Зарубежный опыт налогообложения игорного бизнеса / Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2008. № 4 (23). – С. 92-94.
13. Горский И.В., Медведева О.В. Практика налогообложения игорного бизнеса / журнал Налоговая политика и практика. – 2009. №3. – с.67-72.
14. Князев В.Г., Черник Д.Г. Налоговые системы зарубежных стран. М.: ЮНИТИ, 2001. С. 124.
15. Гузинец К.В., Игорный бизнес в России и за Рубежом / журнал Микроэкономика. – 2014. № 3. – с.79-82.
16. Stinchfield R. Reliability, Validity, and Classification Accuracy of a Measure of DSMIV Diagnostic Criteria for Pathological Gambling // Am. J. Psychiatry. – 2003. – № 160. – P. 180–182.
17. Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая от 31 июля 1998 г. N 146-ФЗ (с изменениями и дополнениями) и часть вторая от 5 августа 2000 г. N 117-ФЗ (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://base.garant.ru/10900200/1/#block_20001.
18. Законом Республики Крым «О внесении изменения в Закон Республики Крым «О налоге на игорный бизнес» № 455-ЗРК/2018 от 09.01.2018 г. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://www.nalog.ru/html/sites/www.rn91.nalog.ru/doc/pub_377039.pdf.
19. Распоряжение Правительства РФ от 22.10.2019 N 2487-р «О создании игорной зоны "Золотой берег" на территории муниципального образования городской округ Ялта Республики Крым». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336323/

Evsikova E.V., Bulahova I.A. To the question about the organization of gaming activities in the republic of Crimea, the Russian Federation and foreign countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 241-251.

In the article, the authors analyze and reveal the features of the implementation of activities for the organization and conduct of gambling in the Russian Federation as a whole, as well as in the Republic of Crimea. In addition, the author studies the mechanisms of gambling in foreign countries. The authors study the specifics of establishing a gambling tax in accordance with the federal tax legislation and the tax legislation of the Republic of Crimea, analyze the size of the tax rates on gambling business provided for by the federal

legislator, as well as the legislation of the Republic of Crimea, investigate the dynamics of tax revenues on gambling business and the planned indicators for 2020, on the basis of which, the authors come to the conclusion about an insignificant share of the tax on gambling business in the context of other taxes and in the volume of total revenues to the regional budget and the need for a detailed study of the feasibility of creating a gambling zone in the Republic of Crimea.

Key words: activities for the organization and conduct of gambling; gambling business tax, gambling zone; Republic of Crimea.

Spisok literaturi

1. Evsikova E.V. K voprosu o sozdanii igornoj zony v Respublike Krym: problemy i perspektivy / Evsikova E.V.// Sbornik nauchnyh statej po itogam II Sevastopol'skogo yuridicheskogo foruma. Ser. "Nauchnyj fond" Otvetstvennyj redaktor S.A. Vasil'ev. 2020
Izdatel'stvo: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Centrkatalog" (Moskva). – S. 35-42.
2. Federal'nyj zakon RF ot 29 dekabrya 2006 g. № 244 FZ «O gosudarstvennom regulirovanii deyatel'nosti po organizacii i provedeniyu azartnyh igr i o vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta ot 31 dekabrya 2006 g. № 4263.
3. Amirhanova H.M., Zaikin V.V., Sovershenstvovanie nalogovoj politiki v otnoshenii igornogo biznesa // Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tekhnologij. 2016. № 12-7. S. 12-14.
4. Golovin A. YU. Problemy pravovogo regulirovaniya nalogooblozheniya igornogo biznesa [Elektronnyj resurs] / A. YU. Golovin. - Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
5. Stoglav: Sobor byvshij v Moskve pri velikom gosudare, care i velikom knyaze Ivane Vasil'evich // Hronos [Elektronnyj resurs] URL: http://www.hrono.info (data obrashcheniya: 05.07.2020).
6. Kovtun E. V. Istoriya pravovogo regulirovaniya azartnyh igr v Rossii. M.: IPC «Maska», 2009. 240 s.
7. Ustav Blagochiniya, ili Policejskij. Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HKH vekov: v 9 t. Zakonodatel'stvo perioda rascveta absolyutizma. T. 5 / pod obshch. red. O. I. CHistyakova. M.: YUridicheskaya literatura, 1987. S. 368.
8. Associaciya Deyatelej Igornogo Biznesa [Elektronnyj resurs] URL: http://vib.adib92.ru (data obrashcheniya: 05.07.2020).
9. Dokument № 480. Dokumenty velikoj proletarskoj revolyucii. Tom 1. Iz protokolov i perepiski Voenno-revolyucionnogo komiteta Petrogradskogo soveta. OGIZ, 1938. S. 297–300.
10. Dekret SNK RSFSR ot 31.05.1923 «O poryadke vydachi razreshenij na ustrojstvo mestnyh loterej» // «Izvestiya VCIK». № 132. 16.06.1923.
11. Evsikova E.V., Bulahova I.A. Nekotorye aspekty sozdaniya igornoj zony v Respublike Krym /Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2020. – T. 6 (72). № 1. – S. 431-444.
12. Katkov K.A. Zarubezhnyj opyt nalogooblozheniya igornogo biznesa / Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta.- 2008. № 4 (23). – S. 92-94.
13. Gorskij I.V., Medvedeva O.V. Praktika nalogooblozheniya igornogo biznesa / zhurnal Nalogovaya politika i praktika . – 2009. №3. – s.67-72.
14. Knyazev V.G., CHernik D.G. Nalogovye sistemy zarubezhnyh stran. M. : YUNITI, 2001. S. 124.
15. Guzinec K.V., Igornyj biznes v Rossii i za Rubezhom / zhurnal Mikroekonomika. – 2014. № 3. – s.79-82.
16. Stinchfield R. Reliability, Validity, and Classification Accuracy of a Measure of DSMIV Diagnostic Criteria for Pathological Gambling // Am. J. Psychiatry. – 2003. – № 160. – P. 180–182.
17. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii chast' pervaya ot 31 iyulya 1998 g. N 146-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami) i chast' vtoraya ot 5 avgusta 2000 g. N 117-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://base.garant.ru/10900200/1/#block_20001.
18. Zakonom Respubliki Krym «O vnesenii izmeneniya v Zakon Respubliki Krym «O naloge na igornyj biznes» № 455-ZRK/2018 ot 09.01.2018 g. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : https://www.nalog.ru/html/sites/www.rn91.nalog.ru/doc/pub_377039.pdf.
19. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 22.10.2019 N 2487-r «O sozdanii igornoj zony "Zolotoj bereg" na territorii municipal'nogo obrazovaniya gorodskoj okrug YAlta Respubliki Krym». [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336323/

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 6 (72). № 4. – С. 252-267.

УДК 342.951

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ СТОРОН В ДЕЛАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ, В РАМКАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Евсикова Е. В., Оголь В. Л.

Крымский филиал ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"

В статье проводится анализ и раскрываются некоторые аспекты института представительства интересов сторон в делах, возникающих из налоговых правоотношений, в рамках административного судопроизводства. Авторы анализируют научные подходы к пониманию категории «представительство», как через процессуальную деятельность, так и через правоотношения, изучают действующее налоговое законодательство, регламентирующее вопросы представительства и предлагают собственное понимание категорий «налоговое представительство» и «процессуальное налоговое представительство», а также анализ положений Кодекса административного судопроизводства РФ, регламентирующих вопросы представительства сторон в административных делах, виды представительства, полномочия представителей, а также анализируют категории «административная процессуальная правоспособность», «административная процессуальная дееспособность», «административная процессуальная правосубъектность», на основе проведенного исследования авторами предлагается ряд изменений в Налоговый кодекс и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

Ключевые слова: представительство; налоговое представительство; процессуальное налоговое представительство; представительство в делах, возникающих из налоговых правоотношений, в судебных инстанциях; административная процессуальная правосубъектность.

Сегодня, как никогда, вопросы реформирования административно-процессуального законодательства продолжают быть и остаются весьма актуальными, что позволяет говорит о необходимости проведения научных исследований проблем, возникающих в ходе осуществления и реализации административно-процессуального законодательства, в том числе, законодательства, регламентирующего порядок осуществления административного судопроизводства в Российской Федерации, а также поиска путей усовершенствования его реализации в правоприменительной практике.

Несмотря на значительное количество научных исследований в сфере представительства в административном судопроизводстве (Кайжакпаровой А.Б., Ермекбаева Б.Б. [1], Ивакина В.Н. [2], Татьянин Д.В. [3], Януш Е.В. [4], Позднякова Е.А. [5], Васильчикова Н.А. [6] и налогового представительства (Артемьева Ю.А. [7]), аспекты представительства интересов сторон в делах, возникающих из налоговых правоотношений, требуют проведения дополнительных научных исследований и разработок.

Так, публичная сущность налоговых правоотношений как отношений власти и подчинения предусматривает наличие двух сторон – властной в лице налоговых органов и обязанной в лице налогоплательщиков, которые могут представлены физическими и юридическими лицами, самозанятыми лицами, а также, в установленных законодательством случаях, их представителями, налоговыми агентами и т.д.

Вместе с тем, учитывая все многообразие научных подходов к пониманию налоговых правоотношений, следует отметить, что в рамках данного исследования, мы будем исходить из понимания налоговых правоотношений, как гарантированных силой государственного принуждения общественных отношений, которые возникают, изменяются и прекращаются в соответствии с нормами налогового законодательства и юридическими фактами между плательщиками налогов и сборов, контролирующими органами и иными субъектами этих отношений по поводу установления, введения, изменения, приостановления, администрирования, отмены налогов и сборов, их уплаты плательщиками налогов и сборов в доходную часть федерального, региональных и местных бюджетов, то есть исполнение налоговой обязанности плательщиков налогов и сборов по налоговой регистрации, ведению налогового учета, подаче налоговой отчетности, погашению налогового обязательства, и реализации полномочий контролирующих органов по исчислению, контролю и обеспечению внесения соответствующих сумм налогов и сборов, привлечению к ответственности за налоговые правонарушения, а также отношения по обжалованию уведомлений, требований, решений, действий или бездействия контролирующих органов и их должностных лиц [8].

Соответственно в делах, возникающих из налоговых правоотношений, интересы сторон могут осуществлять представители. При этом, анализ действующего законодательства показывает, что институт представительства регламентирован нормами Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) [9], а также непосредственно нормами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [10]. Следует отметить, что в рамках данного исследования, определенный интерес представляет изучение института представительства, а также налогового представительства и представительства в делах, возникающих из налоговых правоотношений, в судах РФ.

Анализ научных исследований в рамках исследуемой проблемы свидетельствует о том, что некоторые ученые определяют представительство через процессуальную деятельность представителя, а другие – через правоотношения. Однако, представители обоих подходов целиком логично обосновывают свою позицию, каждая из которых имеет право на существование.

Так, одни ученые считают процессуальным представительством в судебном административном процессе совершение представителем в пределах предоставленных полномочий процессуальных действий (юридически значимых действий) от имени лица, которое принимает участие в деле, с целью защиты его прав, свобод и интересов в сфере публично-правовых отношений, и определяют представительство в административном судопроизводстве РФ [16, с.83; 17, с. 218; 18, с.119], как установленный нормами административно-процессуального права вид деятельности одного лица (представителя) с целью оказания юридической помощи, защиты прав и законных интересов другого лица (представляемого) [4], указывая на то, что понимание представительства как деятельности является более правильным [2].

Иные определяют административное судебное представительство как правоотношения, которые предусматривают, что одно лицо – представитель – исполняет на основе полномочий, которые ему предоставлены законом, уставом, положением или договором, процессуальные действия в административном судопроизводстве в интересах другого лица – доверителя, которые направлены на защиту прав, свобод и

интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц в сфере публично-правовых отношений, в результате чего у представителя возникает комплекс прав и обязанностей [11, с. 394].

Вместе с тем, в современной правовой науке существуют и иные подходы к этому вопросу. Так, все большее распространение получают взгляды на представительство как на сложное явление, которым охватывается и правоотношение представительства, и юридическая деятельность представителя [2]. Некоторые ученые, выходя за рамки уже существующих концепций о представительстве, рассматривают его в аспекте процессуального правового средства (А.Ф. Козлов, И.М. Зайцев, Е.Г. Лисицина) [1].

По нашему мнению, представительство в делах, которые возникают из налоговых правоотношений, в судах, представляет собой не одно правовое отношение, процессуальное действие, а целый комплекс правоотношений, как внутренних, так и внешних правоотношений представительства (материальных и процессуальных), в силу которых совершаются процессуальные действия, поэтому наиболее полно данное понятие раскрывается именно через категорию «правоотношения», в рамках которого осуществляется соответствующая деятельность.

В то же время, одной из дискуссионных остается проблема видов процессуального представительства, ведь основания и поводы для приобретения лицом статуса представителя, влияет на осуществление защиты нарушенных прав, свобод и интересов лица.

Так, некоторые авторы выделяют такие виды процессуального представительства по признаку правовой природы статуса лиц, которые имеют право быть представителями и осуществлять процессуальное представительство, а именно: договорное, законное, общественное, официальное (представительство, которое осуществляется прокурором, Уполномоченным РФ по правам человека, органами публичной власти, физическими и юридическими лицами) [19].

Другие отмечают, что в зависимости волеизъявления сторон, явившегося основанием для возникновения правоотношений, представительство делится на два вида: 1) обязательное представительство, которое обусловлено законом и не зависит от воли того, кого представляют (законное); 2) добровольное, которое основывается на воле доверителя и определяет полномочия представителя (договорное) [11, с. 397].

Кроме того, не менее актуальным остается вопрос налогового представительства, которое недостаточно регламентировано в НК РФ, который раскрывает только понятие «налогоплательщик» и регламентирует отдельные аспекты осуществления «налогового представительства», однако понятие «представительство налогоплательщика» является более узким понятием по отношению к понятию «налоговое представительство» в целом.

Так, НК РФ не раскрывает понятие «налоговое представительство», а только устанавливает, что налогоплательщики могут участвовать в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах через законного или уполномоченного представителя, если иное не предусмотрено НК РФ. При этом, личное участие налогоплательщика в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, не лишает его права иметь представителя, равно как участие представителя не лишает налогоплательщика права на личное участие в указанных правоотношениях.

Однако, полномочия представителя должны быть документально подтверждены в соответствии с НК РФ и иными федеральными законами.

Следует отметить, что отношения налогового представительства не распространяются на плательщиков сборов, плательщиков страховых взносов и налоговых агентов. Вместе с тем, НК РФ прямо предусмотрено, что налоговое представительство может быть двух видов:

1) Законное представительство (законными представителями налогоплательщика-организации признаются лица, уполномоченные представлять указанную организацию на основании закона или ее учредительных документов; законными представителями налогоплательщика - физического лица признаются лица, выступающие в качестве его представителей в соответствии с гражданским законодательством РФ);

2) Уполномоченное представительство (Уполномоченным представителем налогоплательщика признается физическое или юридическое лицо, уполномоченное налогоплательщиком представлять его интересы в отношениях с налоговыми органами (таможенными органами), иными участниками налоговых правоотношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах. При этом, уполномоченный представитель налогоплательщика-организации осуществляет свои полномочия на основании доверенности, выдаваемой в порядке, установленном гражданским законодательством РФ, если иное не предусмотрено НК РФ, а уполномоченный представитель налогоплательщика - физического лица осуществляет свои полномочия на основании нотариально удостоверенной доверенности или доверенности, приравненной к нотариально удостоверенной в соответствии с гражданским законодательством РФ).

Анализ научных исследований, посвященных данной проблеме, свидетельствует о том, что ученые определяют налоговое представительство как правоотношения, в силу которых юридические действия, совершаемые налоговым представителем от имени субъекта, которого он представляет, в пределах его полномочий, создают, изменяют и прекращают налоговые права и обязанности для лица, которое они представляют.

Следует отметить, что проведенная учеными классификация представительства в системе обязанных субъектов (налогоплательщиков) позволяет выделить следующие виды представительства: законное (вытекает из нормы закона или иного нормативно-правового акта); уполномоченное (договорное) представительство (возникает на договорной основе); официальное (возникает по инициативе налоговых или иных органов публичной власти) [20, с. 175-176].

По нашему мнению, представительство в делах, возникающих из налоговых правоотношений, в судах можно определить как налоговое представительство, поскольку, оно осуществляется лицом, которое как правило ведет дела налогоплательщика, связанные с уплатой налогов и сборов (обязательных платежей), которое представляет интересы налогоплательщика в налоговых органах и судебных инстанциях, совершает от имени налогоплательщика и в его интересах комплекс процессуальных действий, на которые уполномочен такой представитель законом или доверенностью. Однако, на данном этапе развития налоговых правоотношений в РФ и субъектах РФ несколько преждевременно говорить о представительстве налогоплательщиков в судебных инстанциях и налоговом представительстве как о целиком сформированных правовых явлениях с надлежащей правовой регламентацией и реализованных на практике, поэтому можно утверждать, что представительство

сторон в делах, возникающих из налоговых правоотношений, в судебных инстанциях имеет комплекс признаков налогового представительства, которое имеет перспективы развития в один из видов института налогового представительства: представительства плательщика налогов и сборов и представительство налоговых органов в судебных инстанциях, что требует качественной нормативно-правовой регламентации и проведения самостоятельного научного исследования в современных реалиях правовой действительности.

В силу чего, можно предложить свое видение трактовки категории «представительство в делах, возникающих из налоговых правоотношений» (процессуальное налоговое представительство) – как правоотношения, которые возникают на основе закона, устава, положения или административного акта (законное представительство), на основе договора, удостоверенной надлежащим образом доверенности, которая определяет объем полномочий представителя, ордера, который выдан соответствующим адвокатским объединением, к которому прилагается выписка из договора (договорное представительство), в отдельных случаях, предусмотренных законодательством, по инициативе суда (например, в случае отсутствия представителя у лица, которое принимает участие в деле, и не имеет административной процессуальной дееспособности, а также, в случае, если законный представитель этих лиц не имеет права вести дело в суде по основаниям, установленным законом; а также , если лицо, которое принимает участие в деле, не может принимать участие в его рассмотрении в силу объективных причин), содержанием которых являются процессуальные права и обязанности, которые своими действиями создают, изменяют, реализуют, прекращают представители от имени и в интересах лица, которое они представляют (истца, ответчика, заинтересованных лиц).

Таким образом, по нашему мнению, можно предложить внести соответствующие изменения в ст. 11 и 26 НК РФ, которыми предусмотреть общее понятие «налоговое представительство» и раскрыть его основные виды: «представительство плательщика налогов», «представительство контролирующих органов», «налоговое представительство налоговых агентов», их полномочия, основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений налогового представительства.

Кроме того, ряд авторов поддерживает мнение о том, что основной целью налогового представительства выступает выполнение налогового долга. Так, взятие на налоговый учет налогоплательщика и плательщика сборов и получение соответствующего документа выступает юридическим фактом для возникновения процессуального правоотношения в пределах следующей стадии — уплаты налога или, если для этого нет оснований — представления налоговой отчетности [7]. По нашему мнению, использование такой формулировки является не совсем корректным, т.к. речь идет не о выполнении «налогового долга», а об «исполнении налоговой обязанности», вернее ее «погашении».

Так, представляется целесообразным использовать термин «погашение налогового обязательства», что представляет собой погашение обязательства по уплате (погашению) налогов и сборов, и более «широкий» термин «исполнение налоговой обязанности», которая представлена целой совокупностью действий налогоплательщиков и контролирующих органов, направленных на «погашение налогового обязательства» налогоплательщика по уплате налогов и сборов, и обязанности по государственной регистрации и постановке на налоговый учет, ведению налогового

учета, подаче налоговой отчетности, а также реализации полномочий налоговых органов по исчислению, контролю и обеспечению внесения соответствующих сумм налогов и сборов, а не термин «взыскание», который является также элементом «погашения налогового обязательства» и «исполнения налоговой обязанности» и состоит лишь в применении мер принудительного характера к налогоплательщику в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения налоговой обязанности [8].

Следует отметить, что в юридической литературе бытует мнение о том, что в спорах, возникающих из налоговых правоотношений, представителями налогоплательщиков являются налоговые агенты. Наряду с налоговыми агентами представителями налогоплательщика в налоговых спорах являются его представители, участвующие в судебном процессе на основании доверенности. Участие представителя, при определенных условиях, обеспечивает реализацию налогоплательщиком его процессуальных прав и обязанностей и, тем самым, способствует процессу выяснения объективной истины, принятия правильного решения. В то же время материалы судебной практики свидетельствуют о том, что не всегда в них фиксируются данные о представителе, хотя сторонами по делу являются юридические лица. Одной из причин этого является наличие пробелов в законодательстве среди норм, которыми урегулированы процедуры, подтверждающие полномочия представителей [8].

По нашему мнению, представителями сторон, в делах, возникающих из налоговых правоотношений, являются законные или уполномоченные налоговые представители физического, самозанятого или юридического лица, а также обязательные представители контролирующих органов.

Из анализа положений КАС РФ следует, что стороны в делах, возникающих из налоговых правоотношений – это истец и ответчик, т.е. это не просто лица, которые принимают участие в административном судебном процессе, а его главные участники, поскольку предмет судебного разбирательства составляет публично-правовой спор между сторонами (в нашем исследовании – это спор, возникающий из налоговых правоотношений). Как видим, стороны –это лица, которые принимают участие в деле от своего имени и с целью защиты своих собственных прав и интересов, спор между которыми об их субъективных правах и обязанностях должен быть разрешен судом. Характерным признаком сторон является то, что процесс в административном деле ведется от имени и в интересах сторон. Даже в том случае, когда дело инициирует не лично истец, а иные лица в его интересах или стороны лично не принимают участие в процессе [11, с.365].

Так, КАС РФ определяет, что к лицам, участвующим в деле, относятся стороны. В свою очередь, сторонами в административном деле являются административный истец и административный ответчик. Под административным истцом понимается лицо, которое обратилось в суд в защиту своих прав, свобод, законных интересов, либо лицо, в интересах которого подано заявление прокурором, органом, осуществляющим публичные полномочия, должностным лицом или гражданином, либо прокурор, орган, осуществляющий публичные полномочия, или должностное лицо, обратившиеся в суд для реализации возложенных на них контрольных или иных публичных функций (ч. 2 ст.38). Административными истцами могут быть граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства, российские, иностранные и международные организации, общественные объединения и религиозные организации, а также общественные объединения и религиозные организа-

ции, не являющиеся юридическими лицами. В случаях, предусмотренных КАС РФ, административными истцами могут быть органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, избирательные комиссии, комиссии референдума, иные органы и организации, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностные лица (ч. 3 ст. 38).

Вместе с тем, под административным ответчиком понимается лицо, к которому предъявлено требование по спору, возникающему из административных или иных публичных правоотношений, либо в отношении, которого административный истец, осуществляющий контрольные или иные публичные функции, обратился в суд (ч. 4 ст. 38). В свою очередь, административными ответчиками могут быть органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, избирательные комиссии, комиссии референдума, иные органы и организации, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностные лица, государственные и муниципальные служащие. В случаях, установленных КАС РФ, административными ответчиками могут быть граждане, их объединения и организации, не обладающие государственными или иными публичными полномочиями в спорных правоотношениях (ч. 5 ст. 38).

Обычно, в делах, возникающих из налоговых правоотношений, с одной стороны выступают налогоплательщики, а с другой – налоговые органы. В качестве третьих лиц – заинтересованных лиц в деле, права и обязанности которых могут быть затронуты в ходе рассмотрения административного дела, привлекаются органы прокуратуры, таможенные органы, органы Казначейства, иные плательщики налогов и сборов, иные органы и лица, которые имеют специальные полномочия в налоговой сфере или помогают надлежащему исполнению налоговой обязанности [8, с. 152].

Как правило, истцом в делах, которые возникают из налоговых правоотношений, выступает налогоплательщик – лицо, которое считает, что его права, свободы и законные интересы в сфере налоговых правоотношений были нарушены, на защиту прав, свобод и законных интересов которого в суд подается административное исковое заявление. Однако, в некоторых случаях, предусмотренных законодательством, истцом могут быть и контролирующие органы, т.е. органы, уполномоченные на осуществление налогового контроля в данной сфере – субъект властных полномочий, а в отдельных случаях – иные лица, к которым обращены требования истца (т.е. они по его мнению нарушили его права, свободы и законные интересы и должны устранить эти нарушения и/или возместить ущерб).

Отдельно следует выделить публично-правовые споры, которые возникают из налоговых правоотношений, между субъектами властных полномочий – публичными субъектами по поводу реализации их компетенции в сфере управления, в том числе в части делегированных полномочий

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 1 КАС РФ, суды рассматривают и разрешают административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) некоммерческих организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, в том числе саморегулируемых организаций субъектов профессиональной деятельности, если оспариваемые решения, действия (бездействие) являются результатом осуществления (неосуществления) указанных полномочий. В то же время не подлежат рассмотрению по правилам КАС РФ, не связанные с реализацией публичных полномочий дела по внутрикорпоративным спорам, возникающим

между адвокатами и адвокатскими палатами, нотариусами и нотариальными палатами, медиаторами и постоянно действующим коллегиальным органом управления саморегулируемой организации медиаторов, а также между членами и органами управления иных саморегулируемых организаций, которые подлежат разрешению в исковом порядке [12].

Так, можно провести следующую классификацию дел, возникающих из налоговых правоотношений по исковым требованиям (предмету спора) и выделить следующие категории лиц, участвующих в делах, возникающих из налоговых правоотношений: 1) в делах об оспаривании решений, действий (бездействия) налоговых органов, о возмещении НДС (взыскании бюджетной задолженности по НДС), по иным искам налогового и неналогового характера истцами выступают налогоплательщики: физические лица (граждане, иностранцы, лица без гражданства, беженцы и вынужденные переселенцы и члены их семей, физические лица – индивидуальные предприниматели, самозанятые лица (плательщики налога на профессиональный доход), юридические лица – резиденты и нерезиденты, их обособленные подразделения, которые имеют статус налогоплательщиков, а ответчиком - налоговые органы); 2) О взыскании задолженности – денежных сумм в счет уплаты установленных законом обязательных платежей и санкций с физических лиц (истцами выступают – налоговые органы, а ответчиками – налогоплательщики физические лица [13], поскольку дела по спорам с юридическими лицами рассматриваются рамках (о взыскании задолженности; о прекращении государственной регистрации, о несостоятельности (банкротстве) и т.д.) [14]. Арбитражно-процессуального кодекса [15].

Как правило, при судебном рассмотрении дел, возникающих из налоговых правоотношений, в судебных заседаниях принимают участие как сами стороны, так и их представители в соответствии с действующим законодательством.

КАС РФ определяет, что граждане, обладающие административной процессуальной дееспособностью, могут вести свои административные дела в суде лично и (или) через представителей. Однако, личное участие в административном деле гражданина не лишает его права иметь по этому делу представителя.

При этом, права и законные интересы недееспособных граждан защищают в суде их законные представители – родители, усыновители, опекуны или иные лица, которым это право предоставлено федеральным законодательством, которые могут поручить ведение дел, возникающих из налоговых правоотношений, в суде избранному ими представителю. В случае, если КАС РФ предусмотрено обязательное участие представителя в судебном процессе, законные представители обязаны поручить ведение дел, возникающих из налоговых правоотношений, в суде избранному ими представителю.

Кроме того, права и законные интересы граждан, ограниченных в дееспособности, граждан, которые не достигли возраста восемнадцати лет, могут защищать в судебном процессе представители или законные представители - родители, усыновители, попечители или иные лица, которым это право предоставлено федеральным законодательством, которые совершают от имени представляемых ими лиц все процессуальные действия, право совершения которых принадлежит представляемым лицам, с ограничениями, предусмотренными федеральными законами. Законные представители могут поручить ведение дел, возникающих из налоговых правоотношений, в суде в суде избранному ими представителю. В случае, если настоящим

КАС РФ обязательное участие представителя в судебном процессе, законные представители обязаны поручить ведение дел, возникающих из налоговых правоотношений, в суде лицу, избранному ими в качестве представителя.

Кроме того, в случае, если у административного ответчика, место жительства которого неизвестно, нет представителя, а также в других предусмотренных федеральным законом случаях суд назначает в качестве представителя адвоката. А дела, возникающие из налоговых правоотношений, в суде от имени организации могут вести в суде единоличный орган управления этой организацией или уполномоченные ею лица, действующие в пределах полномочий, предоставленных им федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или учредительными документами организации, либо представители организации, как правило, это руководитель организации, заместитель руководителя, главный бухгалтер и т.д.

При этом, представителями в суде по делам, возникающим из налоговых правоотношений, могут быть адвокаты и иные лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Однако, представителями в суде не могут быть судьи, следователи, прокуроры, должностные лица налоговых органов иные лица, участие которых в качестве представителей в судебном процессе запрещено федеральным законом, за исключением случаев участия их в судебном процессе в качестве представителей соответствующих органов или законных представителей. Лица, содействующие осуществлению правосудия по административному делу, не могут быть представителями лиц, участвующих в этом деле.

Следует отметить, что адвокаты должны представить суду документы, удостоверяющие статус адвоката в соответствии с ФЗ и их полномочия, а иные представители - документы о своем образовании и удостоверяющие их полномочия.

КАС РФ достаточно подробно регламентирован порядок осуществления представительства, а именно: представитель вправе совершать от имени представляемого им лица все процессуальные действия, а при обязательном ведении дел, возникающих из налоговых правоотношений, в суде с участием представителя - совершать вместо представляемого лица все процессуальные действия, за исключением действий, связанных с получением объяснений и пояснений у самого представляемого лица и привлечением его к участию в осуществлении иных процессуальных прав, если суд признает это необходимым.

При этом, в доверенности, выданной представляемым лицом, или ином документе, подтверждающим полномочия представителя, должно быть строго определено право представителя: 1) на подписание административного искового заявления и возражений на административное исковое заявление, подачу их в суд, на подписание и подачу мировому судье заявления о вынесении судебного приказа; 2) на заявление о применении мер предварительной защиты по административному иску; 3) на подачу встречного административного искового заявления; 4) на заключение соглашения о примирении сторон или соглашения сторон по фактическим обстоятельствам административного дела, что в практике производства по делам, возникающих из налоговых правоотношений, бывает крайне редко и применяется только в исключительных случаях; 5) на полный либо частичный отказ от административного иска или на признание административного иска, что в практике производства

по делам, возникающих из налоговых правоотношений, бывает крайне редко и применяется только в исключительных случаях; 6) на изменение предмета или основания административного иска; 7) на передачу полномочий представителя другому лицу (передоверие); 8) на подписание заявления о пересмотре судебных актов по новым или по вновь открывшимся обстоятельствам; 9) на обжалование судебного акта; 10) на предъявление исполнительного документа к исполнению; 11) на получение присужденных денежных средств или иного имущества.

Следует отметить, что полномочия законных представителей подтверждаются представленными ими суду документами, удостоверяющими их статус и полномочия. Так, полномочия руководителей налоговых органов подтверждаются представляемыми ими суду документами, удостоверяющими их служебное положение, а полномочия руководителей организаций, действующих от имени организаций в пределах полномочий, предусмотренных федеральным законом, иным нормативным правовым актом или учредительными документами, подтверждаются представляемыми ими суду документами, удостоверяющими их статус и факт наделения их полномочиями.

Вместе с тем, полномочия адвоката в качестве представителя в суде удостоверяются ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием, а в случаях, предусмотренных КАС РФ, также доверенностью.

Кроме того, полномочия других представителей на ведение дел, возникающих из налоговых правоотношений, в суде должны быть отражено в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с федеральным законом, а в случаях, предусмотренных международным договором РФ или федеральным законом, – в ином документе. Полномочия представителя также могут быть выражены в заявлении представляемого лица, сделанном в судебном заседании в устной форме, на что указывается в протоколе судебного заседания, или представленном в суд в письменной форме. При предъявлении к представителю квалификационных требований представитель должен представить в суд соответствующие документы, подтверждающие выполнение этих требований.

Следует отметить, что доверенность на представление интересов: организации-налогоплательщика должна быть подписана ее руководителем или иным уполномоченным на это ее учредительными документами лицом и скреплена печатью организации (при ее наличии); индивидуального предпринимателя должна быть им подписана и скреплена его печатью или может быть удостоверена нотариально; граждан на ведение дел, возникающих из налоговых правоотношений, удостоверяются нотариально или должностным лицом организации, в которой доверитель учится, работает или проходит службу, а также товариществом собственников жилья, жилищным, жилищно-строительным или иным специализированным потребительским кооперативом, осуществляющим управление многоквартирным домом, управляющей организацией по месту жительства доверителя, администрацией стационарной организации социального обслуживания, в которой проживает доверитель, и медицинской организации, в которой доверитель находится на излечении в стационарных условиях; военнослужащих, работников воинских частей, соединений, учреждений, военно-учебных заведений или членами их семей, удостоверяются командиром (начальником) соответствующей части, соединения, учреждения, военно-

учебного заведения; лиц, находящихся в местах содержания под стражей или в местах лишения свободы, удостоверяются начальником соответствующего учреждения.

В то же время, в рамках данного исследования, определенный научный интерес представляют вопросы административной процессуальной правосубъектности лиц, участвующих в делах, возникающих из налоговых правоотношений.

КАС РФ строго определяет, что граждане, обладающие административной процессуальной дееспособностью, могут вести свои административные дела в суде лично и (или) через представителей.

Анализируя положения КАС РФ, отметим, что способность иметь процессуальные права и нести процессуальные обязанности в административном судопроизводстве (административная процессуальная правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами, органами государственной власти, иными государственными органами, органами местного самоуправления, их должностными лицами, общественными объединениями, религиозными и иными организациями, в том числе некоммерческими, а также общественными объединениями и религиозными организациями, не являющимися юридическими лицами, если они согласно КАС РФ и другим федеральным законам обладают правом на судебную защиту своих прав, свобод и законных интересов в публичной сфере.

Отметим, что «административная процессуальная правоспособность» – это способность лица иметь процессуальные права и обязанности в административном судопроизводстве. Она присуща гражданам, иностранцам, лицам без гражданства, беженцам и вынужденным переселенцам, индивидуальным предпринимателям, лицам, самозанятым лицам (уплачивающим налог на профессиональный доход), публичным органам власти, их должностным и служебным лицам, предприятиям, учреждениям, организациям (юридическим лицам).

У физических лиц административная процессуальная правоспособность возникает с момента их рождения и прекращается в связи со смертью такого физического лица, однако, для участия в административном судопроизводстве, по нашему мнению, кроем общей административной правоспособности лицу необходимо иметь конкретной административно-процессуальной правоспособностью (правоспособностью участия в конкретном административном деле, возникающем из налоговых правоотношений) [11, с. 352]. Однако, у физических лиц индивидуальных предпринимателей – административная процессуальная правоспособность возникает с момента государственной регистрации факта приобретения статуса предпринимателя физическим лицом, а заканчивается государственной регистрацией факта лишения статуса предпринимателя физическим лицом, а у юридических лиц – она возникает с момента государственной регистрации факта создания юридического лица, а прекращается со дня внесения в Единый государственный реестр юридических лиц записи о ее прекращении.

Кроме того, КАС РФ предусматривает такое понятие как «административная процессуальная дееспособность». Так, способность своими действиями осуществлять процессуальные права, в том числе поручать ведение административного дела представителю, и исполнять процессуальные обязанности в административном судопроизводстве (административная процессуальная дееспособность) принадлежит: 1) гражданам, достигшим возраста восемнадцати лет и не признанным недееспособными; 2) несовершеннолетним гражданам в возрасте от четырнадцати до восем-

надцати лет и гражданам, ограниченным в дееспособности, - по административным делам, возникающим из спорных административных и иных публичных правоотношений, в которых указанные граждане согласно закону, могут участвовать самостоятельно. В случае необходимости суд может привлечь к участию в рассмотрении административного дела законных представителей этих граждан; 3) налоговым органам; 4) общественным объединениям и религиозным организациям, не являющимся юридическими лицами, – по административным делам, возникающим из спорных административных и иных публичных правоотношений, в которых эти объединения и организации согласно законодательству, могут участвовать.

Таким образом, «административная процессуальная дееспособность» – это способность лично осуществлять административные процессуальные права и обязанности, в том числе, поручать ведение дела представителю. Она принадлежит физическим лицам (которые достигли совершеннолетия и не признаны судом недееспособными, а также физическим лицам до достижения указанного возраста в спорах, по поводу публично-правовых отношений, в которых они в соответствии с законодательством могут самостоятельно принимать участие), индивидуальным предпринимателям – налогоплательщикам, самозанятым лицам – налогоплательщикам, органам публичной власти, их должностным и служебным лицам, предприятиям, учреждениям, организациям (юридическим лицам), их обособленным подразделениям.

В то же время, следует учитывать, что физические лица всегда имеют процессуальные права и обязанности в административном судопроизводстве (административную процессуальную правоспособность), то реализовать эти права и обязанности могут не все (например, несовершеннолетние лица; лица, признанные судом недееспособными), т.е. не все физические лица могут самостоятельно обратиться в административный суд и принимать участие в административном процессе (не все физические лица имеют административную процессуальную дееспособность).

Однако, субъекты властных полномочий (налоговые органы), иные юридические лица, а также индивидуальные предприниматели всегда наделены административной процессуальной правоспособностью, административной процессуальной дееспособностью и административной процессуальной деликтоспособностью.

По нашему мнению, наличие в административном процессуальном законодательстве (КАС РФ) норм, предусматривающих ответственность лиц, участвующих в деле, за неисполнение своих процессуальных обязанностей, в виде: 1) ограничения выступления участника судебного разбирательства или лишение участника судебного разбирательства слова; 2) предупреждения; 3) удаления из зала судебного заседания; 4) привода; 5) обязательства о явке; 6) судебного штрафа, свидетельствует о существовании в административном процессе такого явления, как «административная процессуальная деликтоспособность», которая является составным элементом понятия «административная процессуальная правосубъектность». В связи с чем, предлагаем, дополнить ст. 5 КАС РФ п. 10 «Административная процессуальная деликтоспособность», который определяет данное понятие и круг лиц, которые имеют способность лично нести ответственность за свои действия или бездействия в административном судопроизводстве.

Вместе с тем, понятие «административная процессуальная правосубъектность» КАС РФ не раскрывает, а только лишь указывает, что иностранная организация, не обладающая процессуальной правосубъектностью в соответствии с правом страны,

в которой организация учреждена, может быть признана на территории РФ с российским правом. Также, административная процессуальная правосубъектность международной организации устанавливается на основе международного договора, в соответствии с которым она создана, ее учредительных документов или соглашения с компетентным органом РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что «административная процессуальная правосубъектность» представляет собой не только способность лица иметь административные процессуальные права и обязанности (административная процессуальная правоспособность) и лично осуществлять свои административные процессуальные права и обязанности, в том числе поручать ведение дела представителю, в административном судопроизводстве (административная процессуальная дееспособность), а также способность лица нести ответственность за свои действия или бездействия в административном судопроизводстве (неисполнение своих процессуальных обязанностей) – административная процессуальная деликтоспособность, которая также выступает неотъемлемым элементом административной процессуальной правосубъектности.

Наличие у лица «административной процессуальной правосубъектности» дает возможность принимать участие (быть участником) в административно-процессуальных правоотношениях, которые возникают, изменяются и прекращаются в ходе рассмотрения дел, возникающих из налоговых правоотношений, в судебных инстанциях РФ.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. «административная процессуальная правосубъектность» представляет собой не только способность лица иметь административные процессуальные права и обязанности (административная процессуальная правоспособность) и лично осуществлять свои административные права и обязанности, в том числе, поручать ведение дела представителю, в административном судопроизводстве (административная процессуальная дееспособность), а также способность лица нести ответственность за свои действия или бездействия в административном судопроизводстве (административная процессуальная деликтоспособность), которая также является необходимым элементом административной процессуальной правосубъектности.
2. В связи с чем, предлагается добавить ст. 5 КАС РФ п. 10 «Административная процессуальная деликтоспособность», который определяет данное понятие и круг лиц, которые имеют способность лично нести ответственность за свои действия или бездействия в административном судопроизводстве, а именно: «..10. Способность лично нести ответственность за свои действия или бездействия в административном судопроизводстве (административная процессуальная деликтоспособность) принадлежит лицам, участвующим в деле, и не исполнившим свои процессуальные обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом: 1) физическим лицам, достигшим совершеннолетия и не признанным судом недееспособными; 2) несовершеннолетним гражданам в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет и гражданам, ограниченным в дееспособности, – по административным делам, возникающим из спорных административных и иных публичных правоотношений, в которых указанные граждане согласно закону могут участвовать самостоятельно.

В случае необходимости суд может привлечь к участию в рассмотрении административного дела законных представителей этих граждан; 3) органам государственной власти, иным государственным органам, органам местного самоуправления, избирательным комиссиям, комиссиям референдума, общественным объединениям, религиозным и иным организациям, в том числе некоммерческим; 4) общественным объединениям и религиозным организациям, не являющимся юридическими лицами, – по административным делам, возникающим из спорных административных и иных публичных правоотношений, в которых эти объединения и организации согласно законодательству могут участвовать».

3. Представительство в делах, возникающих из налоговых правоотношений, в судебных инстанциях (процессуальное налоговое представительство) – это правоотношения, которые возникают на основе закона, устава, положения или административного акта (законное представительство), на основании договора, удостоверенной надлежащим образом доверенности, которая определяет объем полномочий представителя, ордера, который выдан соответствующим адвокатским объединением, к которому прилагается выписка из договора (договорное представительство), в отдельных случаях, предусмотренных законодательством, по инициативе суда, содержанием которых являются процессуальные права и обязанности, которые своими действиями создают, изменяют, реализуют, прекращают представители от имени и в интересах лица, которое они представляют (истца, ответчика, заинтересованных лиц).

4. По основаниям возникновения можно выделить следующие виды представительства в делах, возникающих из налоговых правоотношений:

В рамках законного представительства в делах, возникающих из налоговых правоотношений, можно выделить: 1) законное представительство плательщика-физического лица (осуществляют родители, усыновители, опекуны, попечители и т.д.); 2) законное представительство плательщика-юридического лица (осуществляет руководитель или иное лицо, уполномоченное законом, положением, уставом); 3) законное представительство, которое осуществляют органы и иные лица, которым законом предоставлено право защищать права, свободы и интересы других лиц; 4) законное представительство интересов контролирующих органов в судебных инстанциях осуществляет: лицо, уполномоченное на основе закона, положения, устава (руководитель, его заместитель, главный бухгалтер и т.д.); на основании административного акта – сотрудники юридических подразделений контролирующих органов (при участии специалистов других подразделений в случае необходимости).

В рамках договорного представительства в делах, возникающих из налоговых правоотношений, в судебных инстанциях можно выделить: 1) договорное представительство плательщика-физического лица (осуществляет адвокат или юрист); 2) договорное представительство плательщика-юридического лица (осуществляет заместитель руководителя, руководитель, главный бухгалтер (если она не являются законными представителями), бухгалтер, юрисконсульт, адвокат)).

Представительство по инициативе суда может быть в случае отсутствия представителя у стороны или заинтересованного лица, которое не имеет административной процессуальной дееспособности, а также в случае, если законный представитель этих лиц не имеет права вести дело в суде по основаниям, предусмотренным законом.

Список литературы

1. Кайжакпарова А.Б., Ермекбаев Б.Б. О правовой природе института представительства в административном судопроизводстве / Кайжакпарова А.Б., Ермекбаев Б.Б. // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. № 2 (56), 2019. – С. 51-57.
2. Ивакин В.Н. Представительство в административном судопроизводстве / Ивакин В.Н. // Lex Russica. № 6 (127), 2017. – С. 129-140.
3. Татьянин Д.В. Представительство в административном судопроизводстве (дискуссионные вопросы) / Татьянин Д.В. // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». Т. 26., вып. 4. – 2016. – С. 154-157.
4. Януш Е.В. Представительство в административном судопроизводстве Российской Федерации / Януш Е.В. // Сибирский юридический вестник. № 3 (74). – 2016. – С. 54-61.
5. Позднякова Е.А. Институт Представительства в контексте Кодекса административного судопроизводства / Позднякова Е.А. // Евразийская адвокатура. № 5 (24). – 2016. – С. 36-41.
6. Васильчикова Н.А. Некоторые новеллы представительства в административном судопроизводстве // Васильчикова Н.А. // Ленинградский юридический журнал, 2016. – С. 231-240.
7. Артемьева Ю.А. Налоговое представительство / Артемьева Ю.А. // Всероссийский журнал научных публикаций. № 4 (14). – 2012. – С. 38-41.
8. Евсикова Е.В. Систематизация основных подходов к определению понятия «налоговые правоотношения» / Е.В. Евсикова // Евразийский юридический журнал. – 2015 № 4 (83). – С. 149-152.
9. "Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 20.07.2020)/ [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/4b1f9f0c281418ae24ef72b321b74614d444c071.
10. "Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/.
11. Научно-практичесий комментарий к Кодексу административного судопроизводства Украины в 2-х тт. Том 1 / Под общ. ред. В.К. Матвейчука / Матвейчук В.К., Хар И.О./ К.: КНТ, 2007. – 788с.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 (ред. от 09.07.2020) О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-27092016/.
13. Решение № 2А-878/2016 2А-878/2016~М-922/2016 М-922/2016 от 21 ноября 2016 г. по делу № 2А-878/2016. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: https://sudact.ru/regular/doc/8McEigXmqsUo/.
14. Письмо Федеральной налоговой службы от 9 июля 2018 г. № ГД-4-14/13083 Об обзоре судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов N 2 (2018). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71893514/#37.
15. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/.
16. Заяц В.С. Сущность процессуального представительства в судебном административном процессе / В.С. Заяц // предпринимательство, хозяйство и право, - 2010. - № 5. – с. 81-83.
17. Кравчук В.Н. Научно-практический комментарий к Кодексу административного судопроизводства Украины // Кравчук Владимир Николаевич // Х. : Фактор, 2011. – 800с.
18. Джафарова М.В. Представительство в административном судопроизводстве украины / М.В. Джафарова // Форум права. – 2010. - № 2. – С. 115-120.
19. Заяц В.С. Види процессуального представительства в судебном административном процессе / В.С. Заяц // Государственное управление и местное самоуправление : тезисы X Межд. Науч. конгресса, 26.03.2010 г. – Х. : Изд-во ХАРИНАГУ «Магистр», 2010. – 372 с.
20. Кучерявенко Н.П. налоговое право Украины: Академический курс : Учебник / Кучерявенко Николай Петрович // К. : Всеукраинская ассоциация издателей «Правовое единство», 2018. – 701 с.

Evsikova E.V., Ogol V.L. Some problems of drawing up the protocols and attraction to the administrative responsibility by the federal authority on the basis of the transfer of authorities and perspectives its reformed // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 252-267.

The article analyzes and reveals some aspects of the institution of representation of the interests of the parties in cases arising from tax legal relations within the framework of administrative proceedings. The authors analyze scientific approaches to understanding the category of "representation", both through procedural activities and through legal relations, study the current tax legislation governing representation issues and offer their own understanding of the categories "tax representation" and "procedural tax representation", as well as an analysis of the provisions of the Code administrative proceedings of the Russian Federation, regulating the issues of representation of parties in administrative cases, types of representation, powers of representatives, and also analyze the categories of "administrative procedural legal capacity", "administrative procedural legal capacity", "administrative procedural legal personality", based on the study, the authors propose a number of changes in The Tax Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation.

Key words: representation; tax representation; procedural tax representation; representation in cases arising from tax legal relations in courts; administrative procedural legal personality.

Spisok literaturi

1.Kajzhakparova A.B., Ermekbaev B.B. O pravovoj prirode instituta predstavitel'stva v administrativnom sudoproizvodstve / Kajzhakparova A.B., Ermekbaev B.B. // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. № 2 (56), 2019. – S. 51-57.
2.Ivakin V.N. Predstavitel'stvo v administrativnom sudoproizvodstve / Ivakin V.N. // Lex Russica. № 6 (127), 2017. – S. 129-140.
3.Tat'yanin D.V. Predstavitel'stvo v administrativnom sudoproizvodstve (diskussionnye voprosy) / Tat'yanin D.V. // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». T. 26., vyp. 4. – 2016. – S. 154-157.
4.YAnush E.V. Predstavitel'stvo v administrativnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii / YAnush E.V. // Sibirskij yuridicheskij vestnik. № 3 (74). – 2016. – S. 54-61.
5.Pozdnyakova E.A. Institut Predstavitel'stva v kontekste Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva / Pozdnyakova E.A. // Evrazijskaya advokatura. № 5 (24). – 2016. – S. 36-41.
6.Vasil'chikova N.A. Nekotorye novelly predstavitel'stva v administrativnom sudoproizvodstve // Vasil'chikova N.A. // Leningradskij yuridicheskij zhurnal, 2016. – S. 231-240.
7.Artem'eva YU.A. Nalogovoe predstavitel'stvo / Artem'eva YU.A. // Vserossijskij zhurnal nauchnyh publikacij. № 4 (14). – 2012. – S. 38-41.
8.Evsikova E.V. Sistematizaciya osnovnyh podhodov k opredeleniyu ponyatiya «nalogovye pravootnosheniya» / E.V. Evsikova // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2015 № 4 (83). – S. 149-152.
9."Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya)" ot 31.07.1998 N 146-FZ (red. ot 20.07.2020)/ [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/4b1f9f0c281418ae24ef72b321b74614d444c071.
10. "Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii" ot 08.03.2015 N 21-FZ (red. ot 31.07.2020) (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.08.2020). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/.
11. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Kodeksu administrativnogo sudoproizvodstva Ukrainy v 2-h tt. Tom 1 / Pod obshch. red. V.K. Matvejchuka / Matvejchuk V.K., Har I.O./ K.: KNT, 2007. – 788s.
12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.09.2016 N 36 (red. ot 09.07.2020) O nekotoryh voprosah primeneniya sudami Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii. Sudebnye i normativnye akty RF. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-27092016/.
13. Reshenie № 2A-878/2016 2A-878/2016~M-922/2016 M-922/2016 ot 21 noyabrya 2016 g. po delu № 2A-878/2016. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: https://sudact.ru/regular/doc/8McEigXmqsUo/.
14. Pis'mo Federal'noj nalogovoj sluzhby ot 9 iyulya 2018 g. № GD-4-14/13083 Ob obzore sudebnoj praktiki po sporam s uchastiem registriruyushchih organov N 2 (2018). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71893514/#37.
15. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 24.07.2002 N 95-FZ (red. ot 08.06.2020). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/.
16. Zayac V.S. Sushchnost' processual'nogo predstavitel'stva v sudebnom administrativnom processe / V.S. Zayac // predprinimatel'stvo, hozyajstvo i pravo, - 2010. - № 5. – s. 81-83.
17. Kravchuk V.N. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Kodeksu administrativnogo sudoproizvodstva Ukrainy // Kravchuk Vladimir Nikolaevich // H. : Faktor, 2011. – 800s.
18. Dzhafarova M.V. Predstavitel'stvo v administrativnom sudoproizvodstve ukrainy / M.V. Dzhafarova // Forum prava. – 2010. - № 2. – S. 115-120.
19. Zayac V.S. Vidi processual'nogo predstavitel'stva v sudebnom administrativnom processe / V.S. Zayac // Gosudarstvennoe upravlenie i mestnoe samoupravlenie : tezisy H Mezhd. Nauch. kongressa, 26.03.2010 g. – H. : Izd-vo HARINAGU «Magistr», 2010. – 372 s.
20. Kucheryavenko N.P. nalogovoe pravo Ukrainy : Akademicheskij kurs : Uchebnik / Kucheryavenko Nikolaj Petrovich // K. : Vseukrainskaya associaciya izdatelej «Pravovoe edinstvo», 2018. – 701 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020 – Т. 6 (72). № 4. – С. 268-274.

УДК 343.359

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ

Кравченко Н. А.

Крымский филиал ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"

В статье проводится анализ понятия и соотношения категорий «налоговые правонарушения», «налоговые преступления» и «уклонение от уплаты НДС». Автор рассматривает систему налогов и сборов Российской Федерации, исходя из того факта, что уклонение от уплаты налогов следует оценивать, как общественно-опасное деяние. Высказывается авторская позиция относительно бланкетности налогового законодательства и возможности двойственной интерпретации одних и тех же норм в контексте выгоды для налогоплательщика и недофинансирования бюджета для государства. Акцентируется внимание на неоднозначности в понимании причин правонарушений и проблем причинности в административном праве, когда законодательно предполагается, что основные принципы детерминации налоговых правонарушений должны быть разработаны на общетеоретическом уровне и восприняты правовой наукой как единые. В реальности причины и условия правонарушений следует рассматривать как негативно окрашенные социальные явления, свойственные определённой общественной группе (формации). Выделены две группы детерминант противоправных деяний, связанных с уклонением от налогообложения НДС, определены причины уклонения от уплаты НДС, а также эффективные меры предупреждения и противодействия уклонению от налогообложения.

Ключевые слова: налоговые правонарушения, налоговые преступления, уклонение от уплаты налогов и сборов, уклонение от уплаты НДС, предупреждение налоговых правонарушений.

В современном мире основой фискальной политики является налоговая политика государства, от эффективности реализации которой зависит социально-экономическое развитие любого государства. Российские реалии в этом аспекте свидетельствуют, что в акцент налоговой политики сделан на налогообложение ресурсодобычи (36%, в т.ч. налог на добычу полезных ископаемых и вывозные таможенные пошлины) и на налоги на потребление, которые обеспечивают около 64% налоговых поступлений федерального бюджета. На налог на добавленную стоимость (далее – НДС) приходится 37% всех налогов на потребление – что объясняется широким кругом плательщиков, высокой ставкой этого налога (20%) и его низкой чувствительностью к колебаниям экономической конъюнктуры [1].

Весомый вклад НДС в формировании доходов бюджета требует непрерывного мониторинга его эффективности и применения мер по выявлению и пресечению фактов уклонения от уплаты НДС. Система налогообложения призвана формировать общественные социально-экономические блага, но при этом она не может не затрагивать личные интересы каждого человека, который заинтересован, в первую очередь, в увеличении собственного дохода. Этот конфликт интересов и порождает довольно обширное пространство для предпосылок и мотивов, побуждающих к уклонению от уплаты налогов.

С началом экономических преобразований в России появилась острая потребность в выявлении и раскрытии преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов. Уклонение от уплаты налогов является неотъемлемой составляющей тенизации экономики, деятельности конвертационных центров и преступных группиро-

вок. Такой процесс начинается с уклонения от уплаты налогов в сфере легального предпринимательства, а завершается переходом в тень. Объемы теневой экономики в России, по некоторым экспертным оценкам, составляют 12,7% внутреннего валового продукта. Расширение сферы теневой экономики представляет собой реальную угрозу национальной безопасности государства.

К основным сегментам теневой экономики и механизмам получения теневых доходов можно отнести: коррупцию; сокрытие реальных доходов граждан, а также доходов предприятий от налогообложения (уклонение от уплаты налогов); незаконную приватизацию государственной собственности; нелегальный экспорт капиталов; нелегальные валютные и внешнеэкономические операции (контрабанда); получение теневых доходов вследствие изъятия из оборота разницы между официальными и реальными ценами на товары и услуги; мелкие хищения на государственных, акционерных и коллективных предприятиях; выпуск и реализация неучтенной продукции и предоставление неучтенных услуг; уголовные преступления; финансовое мошенничество и пр.

Основными причинами, способствующими усилению и росту теневого сектора экономики на современном этапе, являются: налоговое давление, которое не выдерживают в сегодняшних экономических условиях большинство физических и юридических лиц, действующих в рамках законодательного поля; правовая незащищенность субъектов экономической деятельности от злоупотреблений, притеснений, противодействия со стороны чиновников государственного аппарата на всех его уровнях; незащищенность граждан и предприятий от посягательств преступных формирований; отсутствие стабильного и сбалансированного законодательства, которое бы регламентировало экономическую деятельность; законодательную неурегулированность многих сторон деятельности коммерческих банков; отсутствие инвестиционной альтернативы теневым капиталам; межгосударственную интеграцию теневого сектора и субъектов теневой экономической деятельности; тотальную криминализацию предпринимательских структур и пр.

Вместе с тем, к наиболее распространенным способам совершения налоговых преступлений и правонарушений относятся: непредставление документов, связанных с исчислением и уплатой налогов, сборов, других обязательных платежей; сокрытие и занижение объекта налогообложения.

Сокрытие объекта налогообложения, определяется в зависимости от вида обязательного платежа, взимаемого с юридических и (или) физических лиц, характеризуется тем, что прибыль или другой объект налогообложения у плательщика налогов и сборов фактически существует, однако он не декларируется, не упоминается в документах, связанных с исчислением и уплатой налогов и других обязательных платежей, которые представляются в налоговые или иных контролирующих органов, а потому никакие налоги на такие объекты не начисляются и не уплачиваются.

Занижения объекта налогообложения означает частичное уклонение от уплаты налогов, сборов, других обязательных платежей. Занижение прибыли как объекта налогообложения может достигаться за счет незаконного завышения валовых расходов, в т.ч. путем заключения псевдосделок с фиктивными предприятиями и пр.

Классифицировать вышеназванные действия можно и как правонарушения, и как преступления. В соответствии с Налоговым кодексом РФ (далее – НК РФ) за налоговое правонарушение (ст. 3 НК РФ) предусмотрена ответственность (ст. 3 НК РФ),

которая реализуется через налоговые санкции, в форме денежных взысканий (ч. 1 ст. 114 НК РФ) [2]. Неуплата налогов и сборов кроме налоговой ответственности (ст. 122 НК РФ) зачастую влечет за собой и административную ответственность (ст. 15.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях, далее − КоАП РФ) [3]. Иными словами, состав налогового правонарушения может быть определен как с точки зрения НК РФ, так и КоАП РФ: глава 15 КоАП РФ и глава 16 НК ФР закрепляют санкции, о взаимосвязанные по составу правонарушения и влекут за собой наложение штрафа и пени (например, ст. 125 НК РФ и ст. 17.7 КоАП РФ). НК РФ при этом регламентирует и сугубо налоговые правоотношения (ст. 122, 123 НК РФ). Часть правонарушений подпадает под действие Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ): налоговые преступления в крупных и особо крупных размерах (ст. 198 УК РФ) [4]. Сложность процессуальных процедур по налоговым правонарушениям связана еще и с разными сроками давности привлечения к ответственности (ст. 113 НК РФ – 3 года, ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ – 1 год).

Важно отметить, что несмотря на множество законодательных норм и исследований по налоговому праву, однозначной трактовки понятий «уклонение от уплаты налогов», «схема уклонения от налогов», «избежание налогообложения» нет, что существенно усложняет налоговый контроль. Кроме того, постоянно появляются новые понятия: «обход налога», «минимизация налогов», «налоговое планирование» и тому подобное. Поэтому, объективно сформировалась необходимость законодательного разделения разумного выбора способа налогообложения от злоупотребления этим правом [5].

Ст. 57 Конституции РФ обязует каждого гражданина уплачивать налоги и сборы, установленные законодательством [6]. При этом умышленное или по неосторожности уменьшение размеров налоговых обязательств рассматривается как нарушение закона и считается уклонением от уплаты налогов. Если рассматривать этимологическое значение и различные подходы ученых по определению таких категорий, как «уклонение» и «избежание», то можно выделить два пути, которыми пользуются налогоплательщики: законный (который достигается путем налогового планирования с поисками пробелов в налоговом законодательстве – его можно назвать уходом, обходом налогообложения) и незаконный (уклонение от уплаты налогов, обязательных платежей) [7].

Справедливо отметить, что уклонение от уплаты налогов следует оценивать, как общественно-опасное деяние. Выплаты, которые не поступают в бюджет вследствие неуплаты налогов и сборов, влекут за собой дефицит бюджета, недофинансирования государственных целевых программ, правоохранительной оборонной деятельности, что целом негативно сказывается на государстве.

За уклонение от уплаты как федеральных налогов и сборов, так и налогов субъектов Российской Федерации и местных налогов предусмотрена уголовная ответственность по ст. 198 или ст. 199 УК РФ. По данным судебной статистики за 2019 г. по числу осужденных лиц за налоговые преступления, по видам наказания, по срокам реального лишения свободы, доминирует привлечение к ответственности лиц по ч. 2 ст. 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией-плательщиком страховых взносов, совершенное в особо крупном размере) [4].

Рассматривая объективную сторону двух базовых налоговых преступлений: уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица-плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов (ст. 198 УК РФ); уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией-плательщиком страховых взносов (ст. 199 УК РФ), можно отчетливо видеть бланкетность законодательных норм, в которой проявляется сложность и комплексность налогового права [4]. Так, к примеру, в соответствии с п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» [8] (далее – Постановление), в процессуальных документах следует указывать те нормы налогового законодательства, которые были нарушены обвиняемым, т.к. именно они позволяют определить объем обвинения и пределы судебного разбирательства. Без указания контентных норм и/ или неверных отсылок дело может быть возвращено прокурору. Следует отметить, что уголовное законодательство в отношении налоговых преступлений относительно стабильно, в то время как налоговое – постоянно изменятся, на что в п.3 Постановления определены вопросы обратной силы закона в ситуациях изменения налогового законодательства. Изменения налогового законодательства могут иметь как положительное, так и отрицательное влияние на ход рассмотрения дела. То есть п. 3 Постановления допускает отступление от общего принципа обратной силы более мягкого уголовного закона и воспроизводит правила ст. 5 НК РФ о том, что налоговый закон, смягчающий положение налогоплательщика, имеет обратную силу только в том случае, если он это прямо предусматривает.

Учитывая тот факт, что НДС является основным источником формирования доходной части бюджета РФ, вопрос уклонения от уплаты НДС и применения инструментов неправомерного возмещения НДС стоит особенно остро. Уклонение от уплаты НДС следует определять, как форму незаконной минимизации налогового обязательства по уплате НДС, которая осуществляется плательщиками данного налога путем совершения налоговых правонарушений (проступков и преступлений).

Так, уклонение от уплаты НДС рассматривается как противоправное нарушение налогового обязательства, совершенное с помощью соответствующих способов, которые составляют его схему, направленную на достижение желаемого результата – незаконной НДС. Содержанием неправомерного возмещения НДС, как самостоятельного правонарушения, является противоправное получение из бюджета путем обмана ненадлежащих плательщику НДС средств для дальнейшего использования их в собственных интересах. Понятие «неправомерное возмещение» можно рассматривать как с точки зрения правоприменительной практики, так и с точки зрения бюджетного возмещения, определенного законодательством. Исходя из этого мотивы «неправомерного возмещения» можно условно разделить на стремление уклониться от погашения недоимки в бюджет по взимаемым НДС, акцизам и сборам, и на стремление к незаконному владению распоряжению государственными средствами. Разграничить совокупность попыток неправомерного возмещения НДС можно по видам возмещения (непосредственные выплаты из бюджета или налоговое зачисление), а также по направленности умысла правонарушителя [9].

Проблема усугубляется тем, что в условиях мирового финансового кризиса, связанного с распространением коронавирусной инфекции, значительно снижаются

объемы потребления и сокращаются объемы добычи нефти. Несоответствие между налоговыми поступлениями НДС в бюджет и финансовыми потребностями государства обостряет проблему повышения эффективности администрирования этого налога и поиска резервов по увеличению поступлений этого налога, ведь дефицит финансовых ресурсов негативно сказывается на уровне благосостояния населения, что не только углубляет кризисные явления в экономике, но усложняет процесс их преодоления.

Необходимо также акцентировать внимание на неоднозначности в понимании причин правонарушений и проблем причинности в административном праве, что обусловлено их комплексным характером. Учитывая существующие теории и уровни изучения причин правонарушений (преступлений и административных проступков), а также требования законодателя относительно установления причин и условий, способствовавших их совершению, считается, что основные принципы детерминации налоговых правонарушений должны быть разработаны на общетеоретическом уровне и восприняты отраслями правовой науки как единые. Причины и условия правонарушений следует рассматривать как негативно окрашенные социальные явления, свойственные определенной общественной формации, которые определяют правонарушение как свое следствие [10].

В этом контексте целесообразно выделить две группы детерминант противоправных деяний, связанных с уклонением от налогообложения НДС: общие, к которым следует отнести те факторы, которые одинаково влияют на правонарушения любого вида (социально – экономическое, политическое положение в государстве, недостатки в работе субъектов профилактики, недостатки правового регулирования); специальные – то есть те, которые главным образом предопределяют существование данного конкретного вида правонарушений.

К уклонению от уплаты НДС, в основном, побуждают несколько причин, которые создавая определенную совокупность, иногда способствуют совершению противоправных действий даже законопослушными гражданами. Знания о причинах и условиях совершения уклонений от налогообложения при разработке административно-правовых мер противодействия этим негативным явлениям позволяют концентрировать усилия не только на локализации последствий, вызванных такими противоправными действиями (как правило, благодаря принудительным методам), но и на устранении причин, порождающих мотивацию к совершению таких негативных проявлений в поведении человека и условий, способствующих их совершению.

Основными факторами уклонения от налогообложения следует считать: многочисленные изменения и сложность налогового законодательства (законодательная нестабильность); отсутствие полноценной рыночной среды и недостаточность его инстанционного обеспечения; недостатки регуляторного механизма и правового обеспечения предпринимательской деятельности; фискальный характер налоговой политики (высокие ставки НДС); отсутствие связи налогов с конечными результатами деятельности; отсутствие четкой определенности относительно ответственности за нарушение законодательства о налогообложении; недоверие граждан к государству и неуважение к закону.

Для разработки эффективных мер предупреждения и противодействия уклонению от налогообложения необходимо изучать общие причины совершения правонарушений данного вида, исходя из совокупности негативных социально-экономических, политических, нормативно-правовых и организационно-

управленческих факторов, а также тот факт, что ментальность, обычаи и традиции, отсутствие стабильного законодательства, высокий уровень коррумпированности государственных служащих, несовершенная налоговая политика, социально-экономический кризис, последствия советской жизни – сформировали условия для распространения противоправных уклонений от налогообложения и, как следствие, к незаконному вымогательство от государства возврат (возмещение) НДС.

Отсутствие надлежащего контроля за уплатой и возмещением НДС приводит к созданию самодостаточной и самообновляемой системы его теневого возмещения за счет бюджетных средств. Фактические требования по возмещению плательщикам НДС постоянно оказываются большими, чем ожидаемые, что препятствует его возврату в полном объеме, способствует росту бюджетной задолженности и негативно сказывается на выполнении плана бюджетных расходов [11].

Можно выделить специальные причины уклонения от уплаты НДС: проблемы в администрировании; налоговое давление на плательщиков НДС; корыстные побуждения, направленные на обеспечение личного дохода; стремление развития предпринимательства, выплаты заработной платы работникам, недопущения банкротства. К условиям, которые способствуют совершению уклонения от НДС, относятся: наличие пробелов в законодательстве по НДС; возможность использования схем минимизации платежей, осуществление зачетов по налоговым обязательствам по НДС; отсутствие согласованной государственной политики в отношении льгот по НДС; высокий уровень коррумпированности в органах государственной власти, правоохранительных и судебных органах; ошибки в деятельности органов государственной налоговой службы при осуществлении контрольных мероприятий; отсутствие слаженной системы мер административно-правового противодействия уклонению от НДС.

Итак, по результатам проведенного исследования можно сделать вывод о комплексности и сложности применения правовых норм, имеющих отношение к одному правонарушению или преступлению, но относящихся к различным отраслям права. Выявление и предупреждение фактов уклонения от уплаты налогов и сборов имеет ключевое значение для реализации эффективной фискальной политики России. Учитывая значительный вес НДС в объеме налоговых поступлений в бюджет, проблема уклонения от уплаты НДС стоит особенно остро и требует применения научно-обоснованного и практико-ориентированного нормотворчества.

Список литературы

1. Официальный сайт ФНС России. Налоговая аналитика. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая от 31 июля 1998 г. N 146-ФЗ (с изменениями и дополнениями) и часть вторая от 5 августа 2000 г. N 117-ФЗ (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://base.garant.ru/10900200/.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020) [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020), ст. 198,199 [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/e270bffc924c8d102ca5740e5b8c405a451734a8/
5. Иксанов Р. А. Налоговые преступления: понятие и механизм привлечения к юридической ответственности / Р.А. Иксанов, А.Г. Гараев, А.Э Янгазина //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. − 2018. − № 4. − С. 267-270.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г.) [Электронный ресурс] http://base.garant.ru/10103000/.
7. Гулькова Елена Леонидовна Трансформация регулирования ответственности за налоговые правонарушения в Российской Федерации // Вестник ГУУ. 2019. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-regulirovaniya-otvetstvennosti-za-nalogovye-pravonarusheniya-v-rossii-skoi-federatsii.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 N 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления». [Электронный ресурс] // [Режим доступа]:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338712.
9. Антонов В.А. Проблемы выявления и раскрытия мошенничеств при возмещении налога на добавленную стоимость / В.А. Антонов, В.С. Белохребтов // ЮП. 2015. №4 (71). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vyyavleniya-i-raskrytiya-moshennichestv-pri-vozmeschenii-naloga-na-dobavlennuyu-stoimost.
10. Габдинуров А. И. Проблемы квалификации преступных действий по уклонению от уплаты платежей в бюджеты России //Юридическая мысль. – 2020. – № 1 (117). – С. 152–156.
Николаева Ю. В. Тенденции развития уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: политика либерализации / Ю. В. Николаева О. А. Северюхина // Образование и право. 2020. №3. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]:https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-nalogovye-prestupleniya-politika-liberalizatsii.

Kravchenko N. A. Some aspects of value added tax evasion // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 268-274.

In the article are analyzed the concept and correlation of the categories "tax offenses", "tax crimes"and "VAT evasion". The author considers the system of taxes and fees of the Russian Federation, based on the fact that tax evasion should be assessed as a socially dangerous act. The author's position is expressed regarding the blankness of tax legislation and the possibility of dual interpretation of the same rules in the context of benefits for the taxpayer and budget underfunding for the state. The author focuses on the ambiguity in understanding the causes of offenses and the problems of causality in administrative law, when it is legally assumed that the basic principles of determining tax offenses should be developed at the General theoretical level and accepted by legal science as unified. In reality, the causes and conditions of offenses should be considered as negatively colored social phenomena peculiar to a certain social group (formation). Two groups of determinants of illegal acts related to VAT evasion are identified, the reasons for VAT evasion are identified, as well as effective measures to prevent and counteract tax evasion.

Keyword: tax offenses, tax crimes, tax evasion, VAT evasion, prevention of tax offenses.

Spisok literaturi

1.Oficial'nyj sajt FNS Rossii. Nalogovaya analitika. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm.
2.Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii chast' pervaya ot 31 iyulya 1998 g. N 146-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami) i chast' vtoraya ot 5 avgusta 2000 g. N 117-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : https://base.garant.ru/10900200/.
3.Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah" ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 31.07.2020) (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.08.2020) [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
4.Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 31.07.2020), st. 198,199 [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/e270bffc924c8d102ca5740e5b8c405a451734a8/
5.Iksanov R. A. Nalogovye prestupleniya: ponyatie i mekhanizm privlecheniya k yuridicheskoj otvetstvennosti / R.A. Iksanov, A.G. Garaev, A.E YAngazina //Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. − 2018. − № 4. − S. 267-270.
6.Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.) (s uchetom popravok, (s popravkami ot 30 dekabrya 2008 g., 5 fevralya, 21 iyulya 2014 g., 14 marta 2020 g.) [Elektronnyj resurs] http://base.garant.ru/10103000/.
7.Gul'kova Elena Leonidovna Transformaciya regulirovaniya otvetstvennosti za nalogovye pravonarusheniya v rossiĭskoĭ Federacii // Vestnik GUU. 2019. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-regulirovaniya-otvetstvennosti-za-nalogovye-pravonarusheniya-v-rossii-skoi-federatsii.
8.Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 26.11.2019 N 48 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya». [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338712.
9.Antonov V.A. Problemy vyyavleniya i raskrytiya moshennichestv pri vozmeshchenii naloga na dobavlennuyu stoimost' / V.A. Antonov, V.S. Belohrebtov // YUP. 2015. №4 (71). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vyyavleniya-i-raskrytiya-moshennichestv-pri-vozmeschenii-naloga-na-dobavlennuyu-stoimost.
10. Gabdinurov A.I. Problemy kvalifikacii prestupnyh dejstvij po ukloneniyu ot uplaty platezhej v byudzhety Rossii //YUridicheskaya mysl'. – 2020. – № 1 (117). – S. 152–156.
11. Nikolaeva YU.V. Tendencii razvitiya ugolovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya: politika liberalizacii / YU.V. Nikolaeva O. A. Severyuhina // Obrazovanie i pravo. 2020. №3. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]:https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-nalogovye-prestupleniya-politika-liberalizatsii.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 275-279.

УДК 349.6

О СООТНОШЕНИИ ПРИНЦИПОВ ПЛАТНОСТИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК БАЗОВЫХ ПРИНЦИПОВ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Марьин Е. В.
Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК)

В статье рассматривается актуальнейшая проблема современного права- проявление принципа справедливости в экологическом законодательстве на примере принципа платности природопользования. По мнению автора, основным преимуществом экологических платежей является то, что они позволяют корректировать ошибочные рыночные ценовые сигналы. Для достижения структурных изменений, требуемых устойчивым развитием, необходимы более комплексные реформы для поощрения социально полезных факторов, таких как стимулирование природосберегающих технологий и предотвращения нежелательных факторов, таких как загрязнение и деградация окружающей среды. При условии, что экологические платежи хорошо разработаны и апробированы, они могут стать источником прогресса в четырех ключевых областях государственной политики: экология, инновации и конкурентоспособность, налоговое реформирование.

Ключевые слова: принцип платности природопользования, принцип справедливости, природоресурсные платежи, экологический налог, экономическое стимулирование, правовая охрана окружающей среды, загрязнитель платит.

Принцип платности природопользования относительно недавний правовой принцип, но всё же его широкое распространение в природно-ресурсных отношениях позволяет говорить о том, что этот принцип очень значителен для экономики нашего государства. Платежи, налоги и сборы за пользование природными ресурсами и загрязнение окружающей среды, наряду с поступлениями от внешнеэкономической деятельности, относятся к бюджетообразующим поступлениям.

Содержание принципа платности за пользование природой не поясняется и не раскрывается полностью или, хотя бы, частично в современном экологическом законодательстве. Но, если, взглянуть на положения ФЗ от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», то можно понять, что этот самый принцип осуществляется путём платежей за пользование природой и её ресурсами.

Платежи за пользование природой и природными ресурсами является основной формой исполнения принципа платности природопользования. Вышесказанное указывает на то, что данный принцип имеет межотраслевую природу, он устанавливается не только экологическим законодательством и реализуется инструментами природноресурсных отраслей, но и такими отраслями как налоговое,бюджетное право. Также одним из фундаментыльных прицнипов современного в том числе и экологического права является принцип справедливости.

По мнению С.Н. Ревина: «неукоснительное следование принципу справедливости должно в перспективе стать особенностью российского правового устройства,

неизменным вектором развития политико-правовой системы, поскольку он является организующим началом самой системы» [6, с. 132].

Фактически экономические инструменты переносят от чиновников на рынок ответственность за выявление и использование новых и дополнительных источников контроля загрязнения. Системы на основе стимулов предоставляют регулирующим органам возможность достигать и контролировать ранее нерегулируемые источники ухудшения состояния окружающей среды.

Другим преимуществом экономических инструментов, которое имеет огромное значение как для внутренней, так и для международной экологической политики (и, в конечном счете, устойчивого развития), является разделение вопроса о том, кто контролирует загрязнение или, кто занимается природоохранной деятельностью, и вопрос о том, кто за него платит. Это делает возможным достижение справедливого распределения затрат и выгод без ущерба для эффективности или рентабельности, что является еще одним необходимым условием устойчивого развития.

Справедливо, что затраты на борьбу с загрязнением должны оплачивать те, на кого общество возложило эту плату. Если чувство справедливости в обществе, определяемое политическим процессом и формализованное в правовых нормах предоставляет право на благоприятную окружающую среду обществу в целом, пользователи окружающей среды (загрязнители), будь то производители или потребители, должны оплатить расходы по контролю и борьбе с загрязнением. Действительно, в этом случае загрязнители несут ответственность не только за затраты на борьбу с загрязнением до социально оптимальных уровней, но и за использование ассимиляционного потенциала окружающей среды, дефицитного, возобновляемого, но истощаемого ресурса. В.А. Виноградов и Л.В. Солдатова подчеркивают, что это известно, как «принцип загрязнитель платит» и широко признано большинством стран на международном уровне как справедливое распределение затрат на борьбу с загрязнением [3].

Следует согласиться с позицией А.Р. Швандеровой и Р.В. Асташева понимающих «принцип справедливости как один из базовых – «весы», на которых государство и право взвешивает различные явления, ценности, действия субъектов и соответственно осуществляет воздаяние каждому за его поступки в виде наступления тех или иных последствий; понимая справедливость одновременно и как внутреннее качество человека, своеобразный «саморегулятор», основанный на признании равенства прав и обязанностей всех людей, на уважении права и закона, нетерпимости к любому проявлении зла (несправедливости)» [8, с. 316].

Этот принцип – утверждение о распределении затрат или справедливости, а не об эффективности. Он не говорит, кто и как контролирует загрязнение окружающей среды, а лишь о том, что загрязнители оплачивают расходы. Другое распространенное заблуждение заключается в том, что частный сектор является наиболее важным, если не единственным источником загрязнения и деградации окружающей среды, тогда как государства рассматриваются главным образом в роли регуляторов окружающей среды.

В действительности, государственные структуры, например, в лице государственных предприятий могут сами являются источниками загрязнения и деградации окружающей среды. Распределить затраты на борьбу с загрязнением между загрязнителями сложно.

Справедливость здесь требует, чтобы затраты распределялись пропорционально ущербу, причиненному каждым загрязнителем (которые считаются пропорциональными выбросам и сбросам в пределах одного и того же воздушного бассейна или водораздела), а не в соответствии с затратами на борьбу с загрязнением [5].

Сочетание эффективности и справедливости (с принципом «платит загрязнитель» в качестве действующего правила справедливости) диктует, что загрязнение контролируется: до того момента, когда предельные издержки контроля равны предельной выгоде; контроль проводится теми, кто имеет минимально возможную стоимость контроля загрязнения.

Одним из базовых принципов экологического права выступает принцип платности природопользования, который закреплён в экологическом законодательстве (ст. 3 ФЗ 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и отдельных природноресурсных кодексах – Земельном (ст. 1), Лесном (ст. 1), Водном (ст. 3).

Принцип платности природопользования был предопределен действием двух фундаментальных социальных факторов: 1) Сами по себе природные ресурсы являются формой общественного достояния, их хозяйственные возможности и перспективы экономической эксплуатации весьма велики. Именно поэтому их использование должно носить справедливый характер, и не причинять ущерба тем или иным социальным стратам, а монополизация права на использование природных богатств является недопустимой практикой. 2) Необходимо строго учитывать риски для окружающей среды, всемерно их минимизировать, а также формировать источники «для воспроизводства ресурсов окружающей природной среды» [4, с. 48].

Следует иметь ввиду, что слишком низкий налог не оказывает достаточно сдерживающего воздействия, чтобы направлять налогоплательщиков к более экологически безопасным методам. И наоборот, слишком высокий налог может привести к значительным экономическим рискам для конкурентоспособности компаний и покупательной способности.

Исследуемые принципы направлены на обеспечение публичных экологических интересов. Профессор М.М. Бринчук выделяет следующие постулаты, «характеризующие принцип платности природопользования: а) природа не есть продукт результата человеческого труда; б) природопользование является основой предпринимательства; в) получение в результате этой деятельности прибыли; г) предпринимательская деятельность сопровождается разнообразными негативными воздействиями на состояние природы; д) платежи за пользование природой как публичным дарованным благом должны использоваться для публичных нужд и восстановления благоприятного состояния природы» [2, с. 127].

Принцип «загрязнитель платит» – не единственно возможное правило распределения. Разные общества в разных случаях могут распределять права на использование окружающей среды для загрязнителей, и в этом случае действующее правило распределения является принципом «получатель платит». Согласно этому принципу, те, кто рассчитывает получить выгоду от контроля или сохранения загрязнения, должны оплачивать расходы в соответствии с теми выгодами, которые они ожидают получить. Это может показаться несправедливым и регрессивным, поскольку непрофессионалы воспринимают загрязнителей в лице крупных, богатых транснациональных корпорации, в то время как пострадавшие стороны воспринимаются как бедные и беспомощные. Классическим примером является катастрофа в Бхопа-

ле в Индии, когда богатые многонациональные корпорации уничтожили жизни тысяч бедных индийских рабочих [9].

Однако, есть много контр-примеров бедных «загрязнителей» и богатых затронутых сторон (потенциальных бенефициаров контроля загрязнения). Рассмотрим, например, случай возделывания на склонах плантаций, которые обезлесивают водосборные бассейны, вызывая затопление вниз по течению и осаждение ирригационных стоков в гидроэлектрических резервуарах, которые обеспечивают «богатых» городских жителей и промышленные предприятия водой и энергией. Очевидно, что в этом случае принцип «получатель платит» представляется справедливым и прогрессивно распределенным. Следует еще раз пояснить, что, хотя в целом можем охарактеризовать как позитивно распределенную или прогрессивную политику и инструменты, которые благоприятствуют бедным по сравнению с богатыми (помогают сократить неравенство в распределении доходов), именно конкретное заинтересованное общество определяет, что является справедливым распределением затрат и выгод.

Другой пример применения «получатель платит», который также рассматривается как справедливый и равноправный, касается сохранения так называемых глобальных общих ресурсов. Широко признано, что расходы на сохранение биоразнообразия и контроль за парниковыми газами должны нести развитые страны, основные бенефициары. Опять же, это не означает, что только развитые страны могут реально сохранить свое биоразнообразие или контролировать выбросы парниковых газов. Эффективность требует, чтобы сохранение биоразнообразия и сокращение и поглощение выбросов CO_2 происходили там, где их можно достичь при минимальных затратах. Справедливость или равноправие в соответствии с принципом «получатель платит» требует, чтобы расходы на сохранение биоразнообразия и выбросы CO_2 в основном покрывались развитыми странами [7]. Наконец, что не менее важно, экономические инструменты приносят большие суммы дохода, которые могут быть на общественные блага, которые улучшают качество окружающей среды.

Анисимов А.П. выдвигает весьма интересное и дискуссионное утверждение, о том, что «справедливое правовое регулировании (баланс) экологических, экономических и социальных интересов, созвучно менталитету российского народа и отражают его представления о данной категории» [1, с. 63].

Следовательно, принцип платности природопользования и принцип справедливости находятся в тесной взаимосвязи, они являются взаимообусловленными. Весьма интересно соотношение международного принципа «загрязнитель платит» и принципа «платности природопользования»". В последнем случае плательщик может и не является загрязнителем, однако за право или возможности использовать тот или иной природный ресурс, как общественное и государственное благо, он обязан вносить определенную плату. Другой вопрос как эта плата будет распределяться в дальнейшем? Будет ли она носить целевой системообразующий характер?

На конкурентном рынке, если спрос неэластичен, именно потребитель будет нести бремя применения принципа «загрязнитель платит», так как вероятнее всего все издержки хозяйствующего субъекта будут заложены в стоимость продукции и соответственно товара. Необходимо помнить, что основная функция природоресурсных платежей должна быть не фискальная, а охранительная, направленная на воспрепятствование поведению, наносящему вред окружающей среде.

Таким образом, государство должно всячески поддерживать эколого-ориенированную деятельность с тем, чтобы хозяйствующие субъекты получали

«двойные дивиденды»: с одной стороны, серьезные налоговые льготы, возможность внедрения инноваций и инвестиции, с другой стороны минимизация негативного воздействия на окружающую среду. Грамотные и научно- обоснованные изменения экономической и правовой системы страны в сторону её экологизации могут «выровнять», в том числе социально-экологическую ситуацию и привести жизнь общества в состояние устойчивого баланса.

Список литературы

1. Анисимов А. П О некоторых особенностях реализации концепции устойчивого развития в российском экологическом законодательстве //Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (60).
2. Бринчук М.М. Принципы экологического права. М.: Юрлитинформ. 2013. 208 с
3. Виноградов В.А., Солдатова Л.В. Реализация принципа "загрязнитель платит": сравнительно-правовой аспект // Правоприменение. 2019. №4.
4. Гайфуллина А. Р. Правовое содержание принципа платности природопользования//Аграрное и земельное право. 2017. № 8 (152).
5. Громов В.В. Экологические налоги: классическое и современное понимание сущности // Статистика и экономика. 2014. №4.
6. Ревина С.Н., Саменкова С.Е. Место и роль принципа справедливости в системе принципов российского права//Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 2. С. 132
7. Тихонова Т.В.Экосистемные услуги: пути практического использования // Проблемы развития территории. 2019. №1 (99).
8. Швандерова А.Р., Асташев Р.В.Реализация принципа справедливости в праве // В сборнике: Правоприменительная деятельность: история и современность. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. 2019. С. 313-317.
9. Эрматов Т., Илхомжонова Ф. Экологический аудит как фактор снижения экологического риска // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. №6-1.

Marin E. W. To the question of the correlation between the principles of paid nature management and the principle of justice as the basic principles of modern law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 275-279.

The article deals with the most urgent problem of modern law - the manifestation of the principle of justice in environmental legislation on the example of the principle of paid nature management. According to the author, the main advantage of environmental payments is that they allow you to correct erroneous market price signals. In order to achieve the structural changes required by sustainable development, more comprehensive reforms are needed to promote socially beneficial factors, such as promoting green technologies and preventing undesirable factors, such as pollution and environmental degradation. Provided that environmental payments are well developed and tested, they can be a source of progress in four key areas of public policy: environment, innovation and competitiveness, and tax reform.

Keywords: the principle of paid use of natural resources, the principle of justice, natural resource payments, environmental tax, economic incentives, legal protection of the environment, the polluter pays.

Spisok literatury

1. Anisimov A. P O nekotoryh osobennostyah realizacii koncepcii ustojchivogo razvitiya v rossijskom ekologicheskom zakonodatel'stve //Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 2 (60).
2. Brinchuk M.M. Principy ekologicheskogo prava. M.: YUrlitinform. 2013. 208 s
3. Vinogradov V.A., Soldatova L.V. Realizaciya principa "zagryaznitel' platit": sravnitel'no-pravovoj aspekt // Pravoprimenenie. 2019. №4.
4. Gajfullina A. R. Pravovoe soderzhanie principa platnosti prirodopol'zovaniya//Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2017. № 8 (152).
5. Gromov V.V. Ekologicheskie nalogi: klassicheskoe i sovremennoe ponimanie sushchnosti // Statistika i ekonomika. 2014. №4.
6. Revina S.N., Samenkova S.E. Mesto i rol' principa spravedlivosti v sisteme principov rossijskogo prava//Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2018. T. 1. № 2. S. 132
7. Tihonova T.V.Ekosistemnye uslugi: puti prakticheskogo ispol'zovaniya // Problemy razvitiya territorii. 2019. №1 (99).
8. SHvanderova A.R., Astashev R.V.Realizaciya principa spravedlivosti v prave // V sbornike: Pravoprimenitel'naya deyatel'nost': istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnyh statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2019. S. 313-317.
9. Ermatov T., Ilhomzhonova F. Ekologicheskij audit kak faktor snizheniya ekologicheskogo riska // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2018. №6-1.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 280-287.

УДК 342.951.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ПРИМЕНЯЕМОГО В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Пономарев А. В., Русанова С. Ю., Османов Э. А.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье раскрываются проблемы, связанные с определением сущности и особенностей административной ответственности несовершеннолетних. Учитывая положения юридической доктрины, авторы проводят анализ мер административного принуждения, применяемых в отношении несовершеннолетних, а также определяют их характерные признаки. На основе проведенного исследования авторы определяю пробелы в правовом регулировании исследуемой проблемы, а также вносят предложения нормативной регламентации и совершенствованию механизма применения профилактических мер, которые играют важную роль в предотвращении административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними.

Ключевые слова: «административная ответственность», «административное принуждение», «ответственность несовершеннолетних», «предотвращение правонарушений», «признаки административного принуждения», «меры административно-правового принуждения».

Масштабные процессы (особенно негативные), происходящие в экономической, политической, социально-культурной и морально-психологической сферах, имеют существенные, часто неблагоприятное влияние на несовершеннолетних. Проявление девиантного поведения детей, совершение ими правонарушений является определенным индикатором, определяющим уровень морального состояния общества. Так, в 2018 г., как отмечает МВД РФ, выявлено почти 40,86 тыс. несовершеннолетних правонарушителей, из которых более 70% совершают правонарушения в составе групп, в том числе с участием взрослых, а количество малолетних правонарушителей значительно возросла в 34 регионах страны. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2018 г. уровень преступности среди подростков снизился почти на 5%, а в период с января по сентябрь 2019 г. картина по уровню подростковой преступности оставалась практически такой же, как и в первые три месяца 2018 г.

Кроме того, растет количество совершения административных проступков среди несовершеннолетних, что вызывает озабоченность общественности и правоохранительных органов и необходимость использования и совершенствования эффективных мер воздействия, которые бы снизили уровень правонарушений среди несовершеннолетних.

Мотивация поведения несовершеннолетних преимущественно обусловлена возрастными особенностями: неустойчивый мировоззрение и недостаточный жизненный опыт, подвижная система ценностей и склонность к подражанию, желание выделиться и показать себя самостоятельным, отсутствие критического отношения к своим поступкам и тому подобное. Существенно способствует девиантному поведению несовершеннолетних также отсутствие действенных профилактических мер, бесконтрольность со стороны родителей, незанятость и безработица, обнищание и прочее.

К сожалению, реалии сегодняшнего дня свидетельствуют о высоком уровне латентности административных деликтов среди подростков, недостаточно урегулирован перечень мер воздействия на несовершеннолетних, отсутствуют законодательное закрепление процедур их применения и пренебрежение ими административно-юрисдикционных органов. Поэтому важным в этом аспекте является использование законодательно закрепленных, эффективных методов и средств предупреждения и борьбы с девиантным поведением несовершеннолетних, но обязательно на основе принципа гуманности. Учитывая это, совершенствование института административной ответственности несовершеннолетних и мер административного воздействия на них является актуальной проблемой в правовой науке.

Вопросы административной ответственности в целом исследовали такие ученые: В. Б. Аверьянов, Д. М. Бахрах, С. Т. Гончарук, О. В. Горбач, Е. В. Додин, И. К. Игошев, С. В. Кивалов, Т. Г. Корж, Л. В. Коваль, Т. О. Коломоец, И. Д. Пастух, О. Ф. Скакун, Ю. А. Тихомиров, Я. Ю.Шевченко, О. М. Якуба, и др.

Современная юридическая доктрина содержит достаточное количество исследований, касаемо административной ответственности несовершеннолетних, но проблемные вопросы применения мер административного воздействия на несовершеннолетних, а также профилактическая (предупредительная) деятельность в отношении данных правонарушений исследовались лишь частично в трудах А. С. Васильева, В. К. Колпакова, А. Т. Комзюка, В. О. Продаевича, В. П. Таранухи и т.п.

Специфика административной ответственности несовершеннолетних дает основания для выделения соответствующих мер правового воздействия, необходимых для перевоспитания правонарушителей, предупреждения совершения новых проступков, воспитания правосознания и правовой культуры этой категории лиц для соблюдения законодательства Российской Федерации и морально-этических основ существования и развития общества.

В науке выделяют три цели административной ответственности: воспитательную, общую превенцию, частную превенцию. Первостепенной целью превенции административных проступков несовершеннолетних выступает раскрытие причин и условий, способствующих совершению проступков, что является сущностью профилактической деятельности. Но, к сожалению, система таких причин и условий до сих пор четко не определена в юридической литературе, а в правоприменительной деятельности при рассмотрении дел об административных правонарушениях, которые совершили несовершеннолетние, существует лишь формальная фиксация и отсутствуют предложения о принятии мер по устранению этих причин и условий.

Первоначальной целью привлечения лиц к юридической ответственности, в том числе и административной, является предупреждение правонарушений. Однако, способы профилактического влияния напрямую зависят от конкретного субъекта, к которому применяются данные меры. Профилактические, превентивные и иные меры административно-правового характера зачастую используются правоохранительными органами как один из наиболее действенных методов борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. В. Додин отмечает, что «предупреждение административной деликтности должно представлять собой организованную государством деятельность формальных и неформальных объединений и отдельных граждан, которая осуществляется на основании и для выполнения законов для искоренения причин и условий, способствующих совершению административных проступ-

ков, и которая обеспечивает формирование законопослушного поведения граждан в сфере государственного управления» [5, с. 72].

Стоит также согласиться с выводами О. Г. Стрельченко и А. Е. Намазова, что «предупреждение административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, является гуманным, действенным и наиболее эффективным средством (способом) сокращения количества административной деликтности, поскольку оно связано с такими мерами со стороны государства и общества, которые направлены не только на выявление и устранение причин и условий, способствующих правонарушениям, но и на содержание несовершеннолетнего от их совершения, прекращение правонарушений и привлечение их к ответственности» [9, с. 45].

Ю.И. Ковальчук определяет административную ответственность несовершеннолетних как применение в установленном порядке судебными органами административных взысканий и мер превентивного влияния на несовершеннолетних граждан, виновных в совершении административных проступков, для воспитания у них уважения к законам, к правилам социального общежития, а также предупреждения совершения ими новых правонарушений. По мнению ученого, меры воздействия, применяемые к несовершеннолетним, – это разновидность мер административной ответственности, заключающиеся в государственном осуждении неправомерного поведения лица и определенном ограничении ее прав и законных интересов. Эти меры обусловлены тем, что действующее законодательство России должно отражать принцип гуманизма, а именно, учитывать особенности психики несовершеннолетнего правонарушителя и его социальный статус [6, с. 111]. Прежде всего необходимо изучить психологические особенности личности, ее поведение, а лишь затем определяться с тем, какие именно профилактические и правовые меры необходимо принять. Поэтому встает вопрос о применении к несовершеннолетним мер не только правового, но и педагогического, психологического и медицинского характера.

Предупреждение административных правонарушений в целом и правонарушений несовершеннолетних в частности осуществляется через так называемые меры противодействия антиобщественной мотивации: экономические, социальные, технические (например, экономическая защита наименее обеспеченных слоев населения, влияние на различные социальные институты, установления технических средств тайного наблюдения в торговых точках, на дискотеках и ночных клубах и др.).

Правовое обоснование административной ответственности несовершеннолетних в современных условиях отражены в целом ряде нормативно-правовых актов, но имеет существенные недостатки. Так, нормативные акты, определяющие профилактику правонарушений несовершеннолетних, как одну из основных задач государства (Федеральный закон от 24.07.1998 N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»[4]), а также определяют понятие «ребенок» и возрастную градацию на малолетних и несовершеннолетних («Конвенция о правах ребенка» [2]); формулируют нормативную регламентацию функционирования ювенальных органов, учреждений и служб (Федеральный закон №120-ФЗ от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3]); устанавливающие особенности ответственности несовершеннолетних и меры административного воздействия на них (КоАП РФ) и тому

подобное. Но на сегодняшний день, назрела острая необходимость в приведение в соответствие с современными условиями и международными стандартами по защите прав несовершеннолетних ювенальное законодательство и государственную ювенальную политику в целом (например, к требованиям Минимальных стандартных правил осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних, принятых Генеральной Ассамблеей ООН от 29 ноября 1985 г.).

Кроме того, «применение административного воздействия на несовершеннолетних должно осуществляться на принципах неукоснительного соблюдения процессуальных норм, гуманного отношения к их духовному состоянию, обеспечение права на защиту, справедливой оценки совершенного проступка и неотвратимого применения мер соответствующего влияния», как справедливо отмечает О. О. Кукшинова [7, с. 56].

Основной нормативный акт, регулирующий вопросы административной ответственности несовершеннолетних, – Кодекс РФ об административных правонарушениях, закрепляющий основные правовые гарантии несовершеннолетних в случае привлечения их к административной ответственности [1]: возраст, с которого наступает административная ответственность, а также особенности ответственности несовершеннолетних.

Анализ законодательства об административной ответственности несовершеннолетних дает возможность утверждать о наличии целого ряда пробелов и недостатков, которые в современных условиях создают существенные препятствия в борьбе с девиантным поведением несовершеннолетних. Среди них стоит отметить, во-первых, что КоАП РФ не закрепляет целого ряда существенных сроков и дефиниций. Так, например, Кодекс не дает определение административной ответственности (хотя Глава 2 имеет название «Административные правонарушения и административная ответственность»); не закрепляет широко применяемые понятия «несовершеннолетний» и «ребенок» (определение этих терминов приводится в Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3]); устанавливает систему мер воздействия на несовершеннолетних предусмотренную ст. 90 УК РФ. Следует обратить внимание, что на наш взгляд, отождествление уголовно-предупредительных мер и мер, предусмотренных по административно-правовым деликтам является недопустимым.

Во-вторых, законодательство не указывает целей применения мер воздействия на несовершеннолетних, поэтому их воспитательную цель можно понять только, анализируя содержание этих мер. Кроме того, отсутствует указание на основания административной ответственности несовершеннолетних в целом и основания применения каждой конкретной меры воздействия в частности. Отсутствует четкая дефиниция содержания административного правонарушения несовершеннолетних, не определены условия освобождения несовершеннолетних от административной ответственности и возможности применения к ним различных мер государственного принуждения. Также следует отметить, что не определена градация мер административного воздействия в отношении несовершеннолетним в зависимости от оснований их применения и целевого назначения. Также, как справедливо указывает В. О. Продаевич, «отсутствует указание на то, что эти меры воздействия применяются как замена административным наказаниям; нет положений, которые бы объясняли, сколько мер воздействия можно применить к несовершеннолетнему: одну или

несколько; не указаны сроки применения мер воздействия на несовершеннолетних и т. д» [8, с. 14-15]. Поэтому уместно было бы определить понятие, цель мер воздействия на несовершеннолетних и правовые последствия применения каждого из мероприятий.

В-третьих, действующее законодательство лишь частично и в общих чертах определяет механизм применения мер административного принуждения, применяемых к несовершеннолетним. Достаточно спорным является вопрос относительно должностных лиц и органов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях на несовершеннолетнего, а и применять меры административно-правового воздействия, в то время как КоАП РФ закрепляет исключительную компетенцию по рассмотрению дел об административных правонарушениях, совершенных лицами в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, за районными, районными в городе, городскими или горрайонными судами [8].

Кроме того, порядок составления протокола об административном правонарушении и само производство осуществляется на общих основаниях, что не учитывает возрастных особенностей несовершеннолетнего правонарушителя и отходит от гуманистических принципов.

В-четвертых, законодатель недостаточно четко очерчивает перечень административных взысканий, которые могут применяться к несовершеннолетним за совершение ими отдельных правонарушений (в свое время в одном из проектов КоАП РФ был предусмотрен перечень административных взысканий, которые могут быть применены к несовершеннолетним). Только анализируя ст. 3.9 КоАП РФ, возможно понять, что только административный арест не может быть применен к несовершеннолетним, хотя было бы уместным, учитывая принцип гуманизма и имплементации международных стандартов прав человека, исключить возможность применения также исправительных работ.

Меры административного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, характеризуются следующими признаками [6]:

1. Применяются на основе норм административного права и являются мерами государственного принуждения, что делает их похожими на административные взыскания. К сожалению, как уже отмечалось, национальное законодательство недостаточно регламентирует механизм применения этих мер принуждения.

2. Могут быть применены органом административной юрисдикции только к лицу, которое непосредственно совершило административный проступок и есть деликтоспособному, но могут быть применены только к несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет, а учитывая темпы акселерации молодежи в современной жизни, возможно, является уместным снижение возраста для привлечения несовершеннолетних к административной ответственности.

3. Создают для правонарушителя неблагоприятные юридические последствия, которые выражают осуждение поведения правонарушителя и содержат ограничения его личных благ и других правовых интересов (например, морально-психологическое воздействие такого мероприятия, как выговор или строгий выговор).

4. Применяется к правонарушителю для достижения определенных целей, хотя законодательство не закрепляет такой цели нормативно (в отличие от четко определенной в ст. 3.1 КоАП РФ цели административных наказаний). Кроме того, в мерах

воздействия отсутствует элемент кары, который присутствует в административных наказаниях.

5. Основанием применения является административный проступок.

Учитывая указанные признаки, можно отметить, что меры воздействия на несовершеннолетних, как и административные наказания, являются мерами административной ответственности. Но они имеют определенные отличия. К последним В. О. Продаевич относит: 1) применение административного наказания вызывает возникновение состояния, когда лицо считается таким, что в течение года привлекалось к административной ответственности; применение же мер воздействия таких правовых последствий не порождает; 2) элемент кары более присущ административным наказаниям, чем мерам влияния на несовершеннолетних; 3) меры воздействия на несовершеннолетних применяются лишь как замена административных наказаний [8, с. 199]. Кроме того, меры административного воздействия должны иметь четко выраженный превентивно-воспитательный характер, поскольку правильное и своевременное применение их к несовершеннолетнему правонарушителю позволит выработать у него чувство личной ответственности. Стоит также отметить, что административно принудительные меры применяются не только к несовершеннолетним, но и к их родителям в случае ненадлежащего воспитания своих детей.

Учитывая вышесказанное, меры воздействия, применяемые к несовершеннолетним, – это особая разновидность мер административной ответственности, что является государственным осуждением неправомерного поведения лица, имеет предохранительно-воспитательный характер и заключается в ограничении личных благ и других правовых интересов несовершеннолетнего и на основе принципа гуманности.

Однако вызывает сомнения эффективность, действенность предусмотренных в национальном законодательстве мер воспитательного воздействия, поскольку они основываются на психологическом, моральном факторе и тесно взаимосвязаны с уровнем правого сознания, правовой культуры, моральных и этических принципов и ценностей несовершеннолетнего. Исходя из этого, рационально было бы пересмотреть меры воздействия на несовершеннолетних, рассмотреть вопросы расширения круга действующих мер воздействия (например, особых требований к поведению несовершеннолетнего, использования определенных форм досуга, запрет посещать определенные места и т. п). А также уместным было бы создание надзорных инстанций для обеспечения реализации этих мер.

Так, например, О. Л. Чернецкий предлагает «пересмотреть перечень мер воздействия, которые применяются к несовершеннолетним. В частности, меры дисциплинарной ответственности следует заменить на: 1) обнародование информации о совершение административного проступка несовершеннолетним, что является формой внешнего осуждения противоправной деятельности несовершеннолетнего; 2) корректировка отдыха и санкционирование правил поведения несовершеннолетнего, которые будут выражаться в запрете посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, запрет на пребывание вне места жительства в течение определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа, обязанность являться для регистрации; 3)

обязательства посещать учебные программы правоохранительного направления с установлением дней, продолжительности и времени начала и окончания занятий, а также учреждений; 4) общественные работы состоят в выполнении правонарушителем в свободное от работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ» [10, с. 19].

Подводя итог исследованию вопроса применения мер административного воздействия, применяемого в отношении несовершеннолетних, следует отметить, что сегодня профилактическое значение мер воздействия, применяемых к ним – незначительное. Исходя из этого, назрела острая необходимость в усовершенствовании правового регулирования института административной ответственности несовершеннолетних. Нормативного регулирования требуют вопросы определения понятия, а также формулирование целей мер воздействия, применяемых к несовершеннолетним. Правовой регламентации требуют также правовые последствия применения административных мер. Необходимо законодательно определить и перечень правонарушений, за совершение которых применяются меры воспитательного воздействия, определить понятие для последних, детально прописать процедуру применения таких мер. Стоит сочетать меры правового характера с мерами педагогического, психологического и медицинского характера.

Для систематизации нормативного закрепления административной ответственности несовершеннолетних и ее дальнейшего совершенствования целесообразно в КоАП РФ предусмотреть отдельную главу «Административная ответственность несовершеннолетних», в которой необходимо раскрыть: цели административной ответственности несовершеннолетних; функции субъектов, имеющих право привлекать к ответственности несовершеннолетних; виды основных и дополнительных мер административного воздействия и процедуру их применения; порядок освобождения несовершеннолетних от административной ответственности; порядок привлечения к ответственности родителей и лиц, их заменяющих. , ввиду сказанного, поддержим мнение А.А. Кукшиновой о необходимости выделения в отдельный раздел особенностей производства по делу об административных правонарушениях несовершеннолетних, «в котором целесообразно отразить перечень правонарушений, за совершение которых применяются меры воспитательного воздействия, и их понятие» [7, с. 62].

Вместе с тем законодательство должно быть максимально гуманным к несовершеннолетним правонарушителям. Предупреждение является самым эффективным и самым гуманным способом борьбы с правонарушениями, является эффективным средством сокращения количества детской административной деликтности. Также стоит применять наиболее эффективные методы и средства борьбы с подобными правонарушениями, учитывая неуклонный рост их количества среди указанной группы субъектов административных правоотношений.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. М., cop.1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения 30.09.2020)
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) (последняя редакция) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. М., cop.1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения 30.09.2020)
3. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ (последняя редакция) // Гарант [Электронный ресурс]. М., cop.1997-2019. URL: https://base.garant.ru/12116087/ (дата обращения 30.09.2020)
4. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 N 124-ФЗ (последняя редакция) // Гарант [Электронный ресурс]. М., cop.1997-2019. URL:https://base.garant.ru/179146/ (дата обращения 30.09.2020)

5. Додин Е. В. Административная деликтология / Е. В. Додин. - О. : АО БАХВА. 1997. – 408 с.
6. Ковальчук Ю.И. Особенности административной ответственности несовершеннолетних / Ю.И. Ковальчук. 2003. № 6. – С. 111-114.
7. Кукшинова О. О. особенности административной ответственности несовершеннолетних / О. О. Кукшинова / / Таможенное дело. 2015. № 5(101). – С. 55-63.
8. Продаевич В. А. Место административной ответственности в системе мер административного принуждения: автореф. дисс. канд. юр. Наук / В. О. Продаевич. 2007. – 20 с.
9. Стрельченко О. Г. Направления предупреждения административной деликтности несовершеннолетних / О. Г. Стрельченко // Аактуальные проблемы государства и права. 2014. № 71. – С. 43-49.
10. Чернецкий А. Л. Правовое регулирование административной ответственности несовершеннолетних в России: автореф. дисс. канд. юр. наук / О. Л. Чернецкий. 2012. – 22 с.

Ponomarev A., Rusanova S., Osmanov E. Problems of application and prospects for improving the administrative impact used in regarding minors // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 280-287.

The article reveals the problems associated with the definition of the essence and features of administrative responsibility of minors. Taking into account the provisions of the legal doctrine, the authors analyze the measures of administrative coercion applied to minors, and also determine their characteristic ones. On the basis of the study, the authors identify gaps in the legal regulation of the problem under study, and also make proposals for normative regulation and improving the mechanism for applying preventive measures, which play an important role in preventing administrative offenses committed by minors.

Key words: “administrative responsibility”, “administrative coercion”, “responsibility of minors”, “prevention of offenses”, “signs of administrative coercion”, “measures of administrative and legal coercion”.

Spisok literatury

1.Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 N 195-FZ (poslednyaya redakciya) // Konsul'tant Plyus [Elektronnyj resurs]. M., cop.1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (data obrashcheniya 30.09.2020)
2. Konvenciya o pravah rebenka (odobrena General'noj Assambleej OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990) (poslednyaya redakciya) // Konsul'tant Plyus [Elektronnyj resurs]. M., cop.1997-2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (data obrashcheniya 30.09.2020)
3. Federal'nyj zakon «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih» ot 24 iyunya 1999 g. №120-FZ (poslednyaya redakciya) // Garant [Elektronnyj resurs]. M., cop.1997-2019. URL: https://base.garant.ru/12116087/ (data obrashcheniya 30.09.2020)
4. Federal'nyj zakon «Ob osnovnyh garantiyah prav rebenka v Rossijskoj Federacii» ot 24.07.1998 N 124-FZ (poslednyaya redakciya) // Garant [Elektronnyj resurs]. M., cop.1997-2019. URL:https://base.garant.ru/179146/ (data obrashcheniya 30.09.2020)
5. Dodin E. V. Administrativnaya deliktologiya / E. V. Dodin. - O. : AO BAHVA. 1997. – 408 s.
6. Koval'chuk YU.I. Osobennosti administrativnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih / YU.I. Koval'chuk. 2003. № 6. – S. 111-114.
7. Kukshinova O. O. osobennosti administrativnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih / O. O. Kukshinova / / Tamozhennoe delo. 2015. № 5(101). – S. 55-63.
8. Prodaevich V. A. Mesto administrativnoj otvetstvennosti v sisteme mer administrativnogo prinuzhdeniya: avtoref. diss. kand. yur. Nauk / V. O. Prodaevich. 2007. – 20 s.
9. Strel'chenko O. G. Napravleniya preduprezhdeniya administrativnoj deliktnosti nesovershennoletnih / O. G. Strel'chenko // Aaktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2014. № 71. – S. 43-49.
10. Cherneckij A. L. Pravovoe regulirovanie administrativnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih v Rossii: avtoref. diss. kand. yur. nauk / O. L. Cherneckij. 2012. – 22 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 288-296.

УДК 347.1

ЗАЩИТА ПРАВ МИНОРИТАРНЫХ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСВЕНОСТЬЮ ПРИ УВЕЛИЧЕНИИ УСТАВНОГО КАПИТАЛА

Потопальский С. С.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

Статья посвящена проблемам защиты прав миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью при увеличении уставного капитала за счет дополнительных вкладов участников общества. Автор изучил теоретические наработки, законодательство и судебную практику в данной области и обосновал необходимость устранения в них некоторых противоречий, допускающих преднамеренное уменьшение размера долей миноритариев. По результатам исследования выдвинуты предложения по совершенствованию российского законодательства в части защиты прав миноритариев при увеличении уставного капитала.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, общее собрание участников, уставной капитал, увеличение уставного капитала, миноритарные участники, уменьшение долей миноритариев, судебная практика.

Общество с ограниченной ответственностью является самой распространенной формой юридических лиц в Российской Федерации. Популярность такой организационно-правовой формы среди мелких и средних предпринимателей обусловлена прежде всего тем, что последние не хотят рисковать всем своим имуществом ведя предпринимательскую деятельность в качестве индивидуальных предпринимателей или в форме полных и коммандитных товариществ. Так же организовать предпринимательскую деятельность в форме Общества с ограниченной ответственностью значительно проще чем в форме акционерных обществ, поскольку у последних достаточно сложная процедура эмиссии акций.

В настоящее время, регистрируя общество с ограниченной ответственностью (далее – общество), большинство учредителей формально формируют уставной капитал в минимально допустимом законодательством размере в десять тысяч рублей.

Маловероятно, что такой размер уставного капитала общества сможет в дальнейшем гарантировать интересы его кредиторов по обязательствам, вытекающим из договоров, но это упрощает процедуру создания общества, не требуя от учредителей значительных финансовых и имущественных вложений на этой стадии.

Участники общества, как правило, не увеличивают размер уставного капитала длительное время, не видя в этом особой необходимости. Однако такая необходимость может возникнуть, например, в случаях нехватки оборотных средств для финансово-хозяйственных нужд предприятия, вхождения третьего лица в состав участников общества, желания одного или нескольких участников общества увеличить собственную долю в обществе.

К сожалению, встречаются случаи увеличения размера уставного капитала общества за счет дополнительных вкладов участников с целью уменьшения размера долей миноритарных участников общества.

Правоведами неоднократно высказывалось мнение, что такой «вариант (увеличение уставного капитала за счет вкладов участников) зачастую используют для размывания доли миноритарного участника, поскольку решение об увеличении уставного капитала данным способом не требует единогласия участников» [2, с. 461].

Так, согласно абз. 1 п. 1 ст. 19 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) [1], общее собрание участников общества большинством не менее двух третей голосов участников общества, может принять решение об увеличении уставного капитала за счет внесения дополнительных вкладов всеми участниками общества.

Исходя из положений абз. 2 п. 1 ст. 19 Закона об ООО каждый участник общества вправе внести дополнительный вклад пропорционально размеру доли этого участника.

Вышеуказанные нормы Закона об ООО дают возможность мажоритарным участникам, обладающим двумя третями голосов в обществе, принять решение об увеличении уставного капитала за счет внесения дополнительных вкладов всеми участниками общества, не учитывая одной трети голосов миноритарных участников, которые в силу разных причин (например, в связи отсутствием необходимой суммы денежных средств) не согласны с увеличением уставного капитала и голосовали против такого решения.

Тем не мене, в случае невнесения дополнительных вкладов миноритарными участниками их доли уменьшаются пропорционально сумме увеличения уставного капитала. Таким образом, миноритарные участники общества всегда находятся под угрозой значительного уменьшения своих долей, в случае если сумма дополнительных вкладов заведомо им непосильна. Более того, если уставной капитал общества составляет минимальный размер (10 000 руб.), то значительное увеличение уставного капитала приводит фактически к полному нивелированию размера доли миноритарных участников.

Вместе с тем, по смыслу п. 2 ст. 19 Закона об ООО, если кто-то из участников желает увеличить только свою долю, то за такое решение должны проголосовать все участники общества единогласно, тем самым давая согласие на увеличении доли отдельных участников либо передачу доли третьему лицу и пропорциональное уменьшение долей остальных участников.

Такая конструкция ст. 19 Закона об ООО, в одном случае (увеличение уставного капитала за счет вкладов отдельных участников либо третьих лиц), гарантирует права участников общества, поскольку допускает такое увеличение (уменьшение долей остальных участников) только с согласия всех участников. В другом случае (увеличение уставного капитала за счет вкладов всех участников по решению, принятому двумя третями голосов участников) существенно ущемляет права миноритарных участников, которые голосовали против такого решения.

Таким образом, положения п. 1 ст. 19 Закона об ООО при определенных обстоятельствах дают возможность обойти положения п. 2 ст. 19 Закона об ООО и увеличить уставной капитал за счет вкладов отдельных участников по решению, принятому не всеми участниками, а лишь двумя третями голосов участников общества.

В правовой литературе небезосновательно высказывалась обеспокоенность по тому поводу, что «при всем многообразии причин утраты корпоративного контроля

наибольшую опасность представляют собой случаи, когда захват контроля маскируется за законными корпоративными процедурами. Одним из основных способов перераспределения корпоративного контроля в хозяйственном обществе является увеличение его уставного капитала» [3, с. 58].

Каким образом в подобных случаях защитить права миноритарных участников от преднамеренного уменьшения их долей со стороны мажоритариев? Абз. 5 п. 2 ст. 19 Закона об ООО, в изначальной редакции данного Закона, содержал достаточно эффективный механизм защиты прав миноритарных участников, поскольку предусматривал, что в случае несоблюдения сроков внесения дополнительных вкладов участниками увеличение уставного капитала общества признается несостоявшимся. Таким образом, если хотя бы одним из участников не вносил свой вклад (независимо от причин невнесения), то увеличение уставного капитала общества за счет вкладов всех участников признавалось несостоявшимся. Такое правовое регулирование исключало возможность преднамеренно обойти положения п. 2 ст. 19 Закона об ООО и увеличить уставной капитал за счет вкладов отдельных участников по решению общего собрания, принятому не всеми участниками, а только двумя третями голосов участников общества.

Эту же позицию поддержали высшие судебные инстанции в совместном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ N 90 и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации РФ N 14 от 09.12.1999 "О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" [4]. Так, из п. 10 указанного Постановления следует, что несоблюдение сроков внесения вкладов отдельными участниками влечет признание увеличения уставного капитала несостоявшимся. При фактическом внесении участниками и третьими лицами соответствующих вкладов они в этом случае подлежат возврату им в разумный срок.

Однако Федеральным законом от 30.12.2008 N 312-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" [5] внесены изменения в ст. 19 Закона об ООО, согласно которым исключен абз. 5 п. 1 ст. 19 Закона об ООО, предусматривающий признание несостоявшимся увеличения уставного капитала в случае несоблюдения сроков внесения дополнительных вкладов участниками общества. Также, указанным законом включен в ст. 19 Закона об ООО пункт 2.2, по смыслу которого несоблюдение сроков внесения вкладов, предусмотренных абз. 2 п. 1 ст. 19 Закона об ООО, исключено из оснований признания увеличения уставного капитала несостоявшимся.

Таким образом, законодатель исключил один из механизмов защиты прав миноритарных участников при увеличении уставного капитала, допустив возможность увеличения уставного капитала за счет вкладов отдельных участников по решению общего собрания участников общества, принятому двумя третями голосов участников общества.

Однако судебные инстанции, исходя из комплексного толкования пп. 1, 2 ст. 19 Закона об ООО, продолжали разрешать судебные споры в пользу миноритарных участников и признавать решения об увеличении уставного за счет дополнительных вкладов всех участников недействительными, а само увеличение несостоявшимся в случае невнесения вкладов отдельными участниками, хотя Закон об ООО уже не содержал таких предписаний.

Указанное толкование судебных инстанций состояло в том, что увеличение уставного капитала по решению общего собрания, принятому двумя третями голосов участников общества согласно п.1 ст. 19 Закона об ООО (если дополнительные вклады не внесены всеми участниками общества) противоречит п. 2 ст. 19 Закона об ООО, который предусматривает увеличение уставного капитала за счет вкладов отдельных участников только по решению общего собрания, принятому участниками единогласно (постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.06.2012 по делу N А60-56609/2011 [6], постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 18.10.2012 по делу N А60-56609/2011) [7].

Также суды ссылались на Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.05.2010 N 446/10 по делу N А40-43960/08-134-345 [8], в котором отмечалось, что интерес общества в привлечении дополнительного капитала может не соответствовать интересам конкретных участников общества в сохранении размера своих долей и существующего соотношения между ними. С учетом этого Закон требует единогласного решения общего собрания, дающего право на дополнительный вклад (вклады) не всем, а лишь отдельным участникам (такая же позиция изложена в определении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.09.2013 г. N ВАС-13296/13 по делу N А41-10596/12 [9].

Такой подход позволял миноритариям защитить свои права на сохранение размера долей в уставном капитале общества.

В 2014 г. указанным положениям ст. 19 Закона об ООО дал толкование Конституционный Суд РФ. Так, в п. 3.3 Постановления Конституционного Суда РФ от 21.02.2014 № 3-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 19 Федерального Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой ООО «Фирма Рейтинг» (далее – Постановление КС РФ № 3-П) [10] указано, что несмотря на изменения, внесенные в правовое регулирование данного вопроса ФЗ от 30.12.2008 г. N312-ФЗ, практика арбитражных судов, основанная на постановлении ВАС РФ от 04.03.2008 г. N13554/07, сохранилась до настоящего времени.

В резолютивной части Постановления КС РФ №3-П, сделан вывод, что положения п. 1 ст. 19 Закона об ООО по своему конституционно-правовому смыслу не предполагают признания принятого необходимым квалифицированным большинством голосов участников общества решения об увеличении уставного капитала общества за счет внесения дополнительных вкладов всеми его участниками недействительным, а увеличения уставного капитала несостоявшимся на том основании, что участники, оставшиеся при голосовании в меньшинстве, не внесли дополнительные вклады в установленные законом сроки.

Казалось бы, при таком толковании Конституционным Судом п. 1 статьи 19 Закона об ООО правоприменительная практика по данному вопросу должна сложиться окончательно не в пользу миноритарных участников общества.

Однако, при разрешении судебных споров суды руководствуются положениями абз. 2 п. 3.3. мотивировочной части Постановления КС РФ № 3-П из которого следует, что нормативная конструкция п. 1 ст. 19 Закона об ООО, находящаяся в неразрывной связи с п. 2 той же статьи, рассчитана на различные ситуации, в которых у общества может возникнуть потребность в увеличении уставного капитала, например в случае необходимости выплатить долги кредиторам и тем самым избежать банкротства.

Кроме того, согласно абз. 5 п. 3.2. мотивировочной части Постановления КС РФ № 3-П, уменьшение в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью доли одного из его участников может быть признано допустимым с точки зрения конституционных принципов, если это вызвано целями достижения общего для данного общества интереса и участнику, доля которого уменьшается, обеспечены эффективные механизмы защиты его интересов.

Исходя из приведенных выше утверждений, суды толкуют само Постановление КС РФ № 3-П как допускающее признание недействительным решения общего собрания участников об увеличении уставного капитала общества по иску миноритариев, голосовавших против такого решения, если будет доказано, что такое увеличение не преследует цель общего для данного общества интереса. При этом, суды снова-таки исходят из того, что нарушен не п. 1 ст. 19 Закона об ООО (применение которого ограничено в силу разъяснений, указанных в резолютивной части Постановления КС РФ № 3-П), а п. 2 той же статьи, устанавливающий необходимость единогласного решения всех участников при внесении дополнительных вкладов отдельными участниками общества.

При таком подходе легитимность увеличения уставного капитала в порядке, установленном п. 1 ст. 19 Закона об ООО, ставиться в зависимость от наличия достаточных доказательств, обосновывающих цель увеличения уставного капитала в интересах всего общества.

Например, в постановлении Первого арбитражного апелляционного суда от 06.04.2018 по делу N А43-723/2018 [11], оставленного в силе постановлением Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.07.2018 [12], суд отклонил утверждение ответчиков о том, что увеличение уставного капитала до 30 млн. руб. за счет дополнительных вкладов каждого участника в размере 10 млн. руб. необходимо обществу для осуществления строительства и расчетов по своим обязательствам перед кредиторами. По мнению суда, ответчик не доказал, что решение об увеличении уставного капитала в действительности обусловлено необходимостью достижения общего для общества интереса, который в соотношении с интересом истца, голосовавшего против увеличения уставного капитала и не внёсшего дополнительный вклад, являлся более значимым (приоритетным), а интересу истца обеспечен эффективный механизм защиты. Исходя из указанного, апелляционным арбитражным судом по данному делу признано недействительным решения общего собрания участников общества об увеличении уставного капитала.

Казалось бы, судебные инстанции выработали механизм защиты прав миноритарных участников и установили определенный баланс между интересами мажоритарных и миноритарных участников в подобных ситуациях. Вместе с тем, такой подход дает возможность принимать решение как в пользу мажоритарных участников, так и в пользу миноритарных участников общества исходя из толкования в каждом конкретном случае обстоятельств по делу в разрезе достижения общего для данного общества интереса.

В правовой литературе небезосновательно высказывалось сомнение по тому поводу «может ли суд оценивать разумность или неразумность увеличения уставного капитала, экономическую обоснованность и необходимость такого увеличения?» [13, с. 44].

По смыслу абз. 2 п. 3.3. Постановления КС РФ № 3-П потребность общества в увеличении уставного капитала может быть обусловлена необходимостью выплатить долги кредиторам и тем самым избежать банкротства, или намерением общества выйти на новый товарный рынок, для осуществления деятельности на котором законом предусматриваются особые требования к размеру уставного капитала.

Однако, само по себе намерение общества выйти на новый товарный рынок с установленными законодательством предписаниями к размеру уставного капитала не требует особых доказательств, кроме как представления соответствующих бизнес-проектов, решений органов управления общества о таких намерениях и т.п. То есть, обоснованием такого намерения является подтверждение будущих планов общества, а не состоявшихся фактов и действий, независимо от последующей реализации таких планов. Необходимость выплатить долги кредиторам так же представляет собой обычное явление в предпринимательской деятельности, что всегда может быть указано в качестве обоснования увеличения уставного капитала. Такой подход не защищает миноритариев от преднамеренного уменьшения их долей путем увеличения уставного капитала на сумму дополнительных вкладов заведомо им непосильную.

Например, Постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.06.2017 по делу N А56-63390/2016 [14] удовлетворено требование о признании недействительным решения общего собрания участников об увеличении уставного капитала общества с 10 тыс. руб. до 10 млн. руб. за счет внесения дополнительных вкладов участниками общества. По мнению истцов, увеличение уставного капитала имело цель уменьшить их доли в уставном капитале, поскольку в результате увеличения уставного капитала доля истцов уменьшилась в 750 раз (истца – 1: с 15% до 0,020%; истца – 2: с 10% до 0,014). Апелляционный суд согласился с позицией истцов в той части, что увеличение уставного капитала для финансирования текущих расходов (арендная плата, проведение ребрендинга наименования ресторана) необоснованно, поскольку бухгалтерский отчет за 2016 год свидетельствует об улучшении финансового состояния по сравнению с двумя предыдущими годами.

Однако, Арбитражный суд Северо-Западного округа в постановлении от 20.10.2017 по данному делу [15] принял во внимание довод ответчиков о том, что увеличение размера уставного капитала было обусловлено, в том числе невозможностью дальнейшего использования коммерческого обозначения и необходимостью проведения мероприятий, влекущих незапланированные траты, связанные с поиском и заменой наименования, заменой полиграфических, рекламных и иных материалов, некоторых элементов интерьера, в связи с чем постановление апелляционной инстанции отменено, а решение суда первой инстанции об отказе в иске оставлено в силе.

Таким образом, разрешение подобных споров исходя из толкования в каждом конкретном случае обстоятельств по делу в разрезе достижения общего для данного общества интереса не способствует утверждению принципа стабильности гражданского оборота, поскольку такое толкование по большей мере носит субъективный характер и не вносит определенности относительно разрешения спорных ситуаций при увеличении уставного капитала.

Кроме того, необходимость привлечения дополнительных финансовых ресурсов не может служить достаточным обоснованием увеличении уставного капитала в

ущерб правам миноритарных участников, поскольку финансовые ресурсы могут быть привлечены другими способами (заключение договоров займа как с участниками общества, так и с третьими лицами; заключение кредитных и лизинговых договоров; привлечение средств инвестиционных фондов; выпуск векселей, облигаций, и т.д.).

Относительно намерений общества выйти на новые рынки с целью осуществления новых видов деятельности с особыми требования к размеру уставного капитала общества, то очевидно, что реализация такого намерения влечет существенные последствия для деятельности всего общества, и должна согласовываться со всеми участниками общества.

Какие же существуют законодательные гарантии защиты прав миноритарных участников общества в подобных ситуациях от возможных злоупотреблений со стороны мажоритариев?

В качестве одной из гарантий является предусмотренное абз. 2 п. 2 ст. 23 Закона об ООО право участника, голосовавшего против принятия решения об увеличении уставного капитала или не принимавшего участия в голосовании, требовать выкуп принадлежащей ему доли. Однако, во-первых, такая гарантия носит компенсационный, а не превентивный характер. Во-вторых, она не направлена на защиту от возможных злоупотреблений мажоритарными участниками своими правами, когда увеличение уставного капитала прикрывается необходимостью привлечения дополнительных финансовых ресурсов или намерениями выйти на новые рынки.

Некоторыми правоведами высказывалось мнение, что «в случае неправомерного "размывания" доли миноритарного участника в результате увеличения уставного капитала общества или реорганизации… миноритарию должно быть предоставлено право подать прямой иск к мажоритарию о возмещении причиненных убытков» [16, с. 217].

Однако реализация такого способа защиты связана с определенными трудностями в части доказывания неправомерности действий мажоритариев с целью «размывания» долей миноритариев, поскольку такая скрытая цель прикрывается интересами всего общества и не всегда доказуема.

Для защиты прав миноритариев целесообразно установить в законодательстве условие о том, что решение об увеличении уставного капитала за счет вкладов всех участников принимается единогласно общим собранием участников, так же как это предусмотрено:

- п. 2 ст. 19 Закона об ООО для случаев увеличения уставного капитала за счет вкладов отдельных участников общества и третьих лиц;

- п. 8 ст. 37 Закона об ООО для случаев принятия решения о реорганизации общества, когда тоже возможно размывание доли миноритариев в уставном капитале общества.

При этом необходимо установить, что положения устава, предусматривающие иной порядок принятия решений об увеличении уставного капитала общества, могут быть предусмотрены в уставе общества при его учреждении, или внесены в устав по решению общего собрания участников, принятому единогласно.

Такое нормативное регулирование устранит возможность намеренного обхода мажоритариями требований, установленных п. 2 ст. 19 Закона об ООО относительно принятия единогласно решения общим собранием участников об увеличении

уставного капитала за счет вкладов отдельных участников общества, а также позволит сохранить баланс интересов миноритариев и мажоритариев путем разрешения указанного вопроса в уставе общества при его образовании, либо в последствии путем внесения изменений в устав общества с соблюдением прав и интересов всех участников общества.

Список литературы

1. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закона N 14-ФЗ от 08.02.1998: с изм. на 31.07.2020 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
2. Корпоративное право: Учебник / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина [и др.]; под общ. ред. И.С. Шиткина. – Москва: Статут, 2019. – 735 с. – Текст : непосредственный.
3. Ерахтина О.С., Широкова А.Д. Перераспределение и утрата корпоративного контроля в хозяйственном обществе: анализ судебно-арбитражной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – N 2. – С. 58-64. – Текст: непосредственный.
4. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ N 90 и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации РФ N 14 от 09.12.1999 "О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
5. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон N 312-ФЗ от 30.12.2008 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
6. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.06.2012 по делу NA60-56609/2011 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
7. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 18.10.2012 по делу N A60-56609/2011 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.05.2010 N 446/10 по делу N A40-43960/08-134-345 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
9. Определение Высшего арбитражного суда РФ от 30 сентября 2013 года N ВАС-13296/13 по делу N A41-10596/12 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.02.2014 № 3-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 19 Федерального Закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" в связи с жалобой ООО "Фирма Рейтинг» // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
11. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 06.04.2018 по делу N A43-723/2018 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
12. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 06.04.2018 по делу N A43-723/2018// СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
13. Макарова О.А. Позиция Верховного Суда РФ по рассмотрению некоторых корпоративных споров (в свете Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2020. – N 3. – С. 43-48. – Текст : непосредственный.
14. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.06.2017 по делу NA56-63390/2016 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
15. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.10.2017 по делу NA56-63390/2016 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
16. Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании : монография / Т.С. Бойко. – Москва : Статут, 2019. – 256 с. – Текст : непосредственный.

Potopalsky S. S. Protection of the rights of minority participants in a limited liability company when increasing the authorized capital // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 288-296.

The article is devoted to the problems of protecting the rights of minority participants in a limited liability company while increasing the authorized capital at the expense of additional contributions of the company's participants. The author studied theoretical developments, legislation and judicial practice in this area and substantiated the need to eliminate some of the contradictions in them, allowing for a deliberate reduction in the size of minority shareholders' shares. Based on the results of the study, proposals were put forward for improving Russian legislation in terms of protecting the rights of minority shareholders while increasing the authorized capital.

Keywords: limited liability company, general meeting of shareholders, authorized capital, increase in authorized capital, minority shareholders, decrease in the shares of minority shareholders, court practice.

Spisok literatury

1. Ob obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennost'yu: Federal'nyj zakona N 14-FZ ot 08.02.1998: s izm. na 31.07.2020 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
2. Korporativnoe pravo: Uchebnik / A.V. Gabov, E.P. Gubin, S.A. Karelina [i dr.]; pod obshch. red. I.S. SHitkina. – Moskva: Statut, 2019. – 735 s. – Tekst : neposredstvennyj.
3. Erahtina O.S., SHirokova A.D. Pereraspredelenie i utrata korporativnogo kontrolya v hozyajstvennom obshchestve: analiz sudebno-arbitrazhnoj praktiki // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2017. – N 2. – S. 58-64. – Tekst : neposredstvennyj.
4. Postanovlenii Plenuma Verhovnogo Suda RF N 90 i Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii RF N 14 ot 09.12.1999 "O nekotoryh voprosah primeneniya Federal'nogo zakona "Ob obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennost'yu" // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
5. O vnesenii izmenenij v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon N 312-FZ ot 30.12.2008 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
6. Postanovlenie Semnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 08.06.2012 po delu NA60-56609/2011 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
7. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 18.10.2012 po delu N A60-56609/2011 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
8. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25.05.2010 N 446/10 po delu N A40-43960/08-134-345 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
9. Opredelenie Vysshego arbitrazhnogo suda RF ot 30 sentyabrya 2013 goda N VAS-13296/13 po delu N A41-10596/12 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
10. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21.02.2014 № 3-P «Po delu o proverke konstitucionnosti p. 1 st. 19 Federal'nogo Zakona "Ob obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennost'yu" v svyazi s zhaloboj OOO "Firma Rejting» // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
11. Postanovlenie Pervogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 06.04.2018 po delu N A43-723/2018 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
12. Postanovlenie Pervogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 06.04.2018 po delu N A43-723/2018// SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
13. Makarova O.A. Poziciya Verhovnogo Suda RF po rassmotreniyu nekotoryh korporativnyh sporov (v svete Obzora sudebnoj praktiki po nekotorym voprosam primeneniya zakonodatel'stva o hozyajstvennyh obshchestvah // ZHurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava. – 2020. – N 3. – S. 43-48. – Tekst : neposredstvennyj.
14. Postanovlenie Trinadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 05.06.2017 po delu NA56-63390/2016 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
15. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 20.10.2017 po delu NA56-63390/2016 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
16. Bojko T.S. Zashchita prav i interesov minoritarnyh uchastnikov nepublichnogo obshchestva v prave Rossii, SSHA i Velikobritanii : monografiya / T.S. Bojko. – Moskva : Statut, 2019. – 256 s. – Tekst : neposredstvennyj.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 297-307.

УДК 342.9

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Равнюшкин А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Проводимая реформа законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях привела к намерению законодателя выделить из КоАП РФ его процессуальную составляющую в отдельный нормативный акт, результатом чего явилось создание проекта Процессуального КоАП РФ. Однако проведенный анализ показал, что, как действующий КоАП РФ, так и проект Процессуального КоАП РФ уделяют недостаточное внимание содержанию стадии возбуждения дела об административном правонарушении: не определены круг процессуальных действий и порядок проверки и рассмотрения материалов, заявлений и сообщений об административных правонарушениях должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, не устранены пробелы в содержании процессуальных документов рассматриваемой стадии. На основе изучения статистических данных, научной литературы и судебной практики автор предлагает восполнить данный пробел и внести дополнения в проект Процессуального КоАП РФ. Предлагаемые нормы усовершенствуют механизм реализации прав граждан на обжалование принятых решений на стадии возбуждения дела об административном правонарушении.

Ключевые слова: стадия возбуждения дела об административном правонарушении, процессуальные действия, рассмотрение заявлений и сообщений об административных правонарушениях, определение, постановление, право на обжалование решений на стадии возбуждения дела.

В ходе реформирования системы административных наказаний Минюст России, ответственный за данную реформу, принял решение выделить из КоАП РФ его процессуальную составляющую в отдельный закон. Вскоре проект Процессуального КоАП РФ был размещен на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов [1]. Однако нормы, составляющие стадию возбуждения дела, по мнению автора, и в данном проекте требуют пристального внимания законодателя. Насколько положения проекта Процессуального КоАП РФ в рассматриваемой части являются более проработанными, можно определить, сравнив с аналогичными нормами действующего КоАП РФ.

Стадия возбуждения дела об административном правонарушении – первая в производстве по делам об административных правонарушениях. Бесспорно, данная стадия фактически может быть объединена со стадией рассмотрения, когда на месте совершения правонарушения должностное лицо в рамках предоставленных ему полномочий вправе сразу вынести постановление в отношении физического лица, предусматривающего наказание, либо административное правонарушение регистрируется прибором, имеющим функцию фото и видео фиксации. Однако по значительному количеству правонарушений дело об административном правонарушении возбуждается составлением протокола об административном правонарушении должностным лицом, его выявившем. Для начала рассмотрим сроки составления протокола.

В действующем КоАП РФ сроки его составления предусмотрены в ст. 28.5. Протокол может быть составлен немедленно в случае, когда должностное лицо, уполномоченное составлять протоколы об административных правонарушениях, обнаруживает административное правонарушение, совершенное физическим лицом, фактически сразу или в течение короткого времени на месте выясняет все обстоятельства, определяет состав административного правонарушения, затем заполняет протокол. Если необходимо дополнительное выяснение каких-либо обстоятельств правонарушения, либо сведений о лице, в отношении которого возбуждается дело, подтверждение совершения правонарушения данным лицом, составление данного протокола возможно в течение двух суток. На практике, как правило, если у должностного лица, уполномоченного на составление протоколов, непосредственно выявившего административное правонарушение, совершенное физическим лицом, нет возможности немедленно установить все обстоятельства административного правонарушения, то ему необходимо провести проверку полученных сведений, то есть совершить определенные действия для установления достаточных данных, указывающих на совершение конкретного административного правонарушения. В том случае, если полученные материалы убедительно демонстрируют наличие состава административного правонарушения, то составляется протокол об административном правонарушении. Административное расследование, как известно, осуществляется в определенных областях административного законодательства при необходимости осуществления экспертизы или других процессуальных действий, для осуществления которых необходимы значительные временные затраты, а также в других установленным КоАП РФ случаях.

В проекте Процессуального КоАП РФ требования к содержанию протокола об административном правонарушении, а также к срокам его составления определены те же, что и в действующем КоАП РФ, за исключением сроков, когда завершается административное расследование.

Фактически проверка полученных сведений об административном правонарушении, в рамках которой должностным лицом осуществляются процессуальные действия, в действующем КоАП РФ не определена. Не уточняет закон и то, что следует понимать под процессуальными действиями. В ст. 28.7 прямо упоминается только об экспертизе и иных процессуальных действиях, на осуществление которых необходимы значительные временные затраты. В ч. 3 ст. 5.6 проекта Процессуального КоАП РФ впервые упоминается, что в определении о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования указывается перечень процессуальных действий, подлежащих проведению. Однако в данном проекте указанный перечень данных действий не приводится и не раскрывается их содержание. По мнению автора, данное упущение носит существенный характер.

Действительно, если необходимо дополнительное выяснение обстоятельств, которое невозможно осуществить на месте выявления административного правонарушения, тем более в случаях, когда поводом к возбуждению дела об административном правонарушении является, например, поступившие из правоохранительных органов материалы, либо от физических или юридических лиц сообщения и заявления об административном правонарушении (п.п. 2 и 3 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ), то должностное лицо, уполномоченное составлять протоколы об административных право-

нарушениях, вынуждено осуществить определенные действия для их проверки. Такими действиями, фактически, являются установление личности возможных участников производства, обнаружение и приобщение доказательств. Должностное лицо, таким образом, осуществляет действия по выяснению перечисленных в ст. 26.1 действующего КоАП РФ обстоятельств правонарушения. Данные действия являются по сути процессуальными, так как уже проводятся в рамках стадии возбуждения дела об административном правонарушении, когда решение о возбуждении дела должностным лицом не принималось в виду недостаточности имеющихся данных. Фактически дела об административном правонарушении еще нет.

Соответственно, следует сделать вывод о том, что определенный должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административном правонарушении, комплекс процессуальных действий, осуществлением которых им устанавливаются обстоятельства административного правонарушения и собираются доказательства его совершения, и является содержанием проверки и, следовательно, рассмотрения информации об административном правонарушении (поводов для возбуждения дела).

Кроме того, отсутствие в действующем КоАП РФ, а также в проекте Процессуального КоАП РФ правовых норм, определяющих содержание процессуальной деятельности или действий по проверке и рассмотрению материалов, заявлений и сообщений об административных правонарушениях является существенным недостатком, влекущем определенные сложности правоприменителям. Часть 2 ст. 28.1 действующего КоАП РФ указывает лишь на то, что материалы, заявления и сообщения рассматриваются должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях. В таком случае, автор согласен с мнением, что содержание практических действий по проверке и рассмотрению материалов, заявлений и сообщений об административных правонарушениях уполномоченным должностным лицом нормативно никак не определено [2, с. 148]. Ничего не поменялось и в содержании проекта нового закона. В проекте Процессуального КоАП РФ предусмотрена ст. 5.2. «Заявление, сообщение о наличии события административного правонарушения». Однако данная норма также не определяет содержания процессуальных действий по проверке и рассмотрению материалов, заявлений и сообщений. Законодатель не уделил должного внимания данному вопросу.

Между тем поступающие в правоохранительные и другие органы материалы, заявления и сообщения об административных правонарушениях являются одним из самых распространенных поводов к возбуждению дела об административном правонарушении. Например, только статистические сведения МВД России ясно демонстрируют, что в 2017 г. органами внутренних дел было рассмотрено 30,5 млн. заявлений и сообщений граждан о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях. Из них 10,3 млн. (33,8%) были зарегистрированными заявлениями (сообщениями) о преступлениях, остальные – об административных правонарушениях и происшествиях [3]. В 2019 г. органами внутренних дел рассмотрено уже 32,9 млн. таких заявлений и сообщений, что на 5,5% больше, чем за 2018 г. Из них 9,9 млн. (30,0%) были зарегистрированы, как заявления (сообщения) о преступлениях, остальные (70,0%) – административные правонарушения и происшествия [4].

Рост количества поступающих заявлений и сообщений об административных правонарушениях обуславливает необходимость детальной регламентации деятельности должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административном правонарушении, по их проверке и рассмотрению. Должностным лицам, проверяющим материалы, заявления и сообщения об административных правонарушениях, должна быть установлена обязанность и предоставлены права в данной сфере.

Поэтому предлагаем процессуальные действия, проводимые должностным лицом в рамках стадии возбуждения дела об административном правонарушении в целях объективного и всестороннего рассмотрения материалов, заявлений и сообщений об административных правонарушениях (п.п. 2 и 3 ч. 1 ст. 28.1 действующего КоАП РФ, фактически аналогичные нормы содержатся в п.п. 3 и 4 ч. 2 ст. 5.1 проекта Процессуального КоАП РФ), а также сроки их проведения законодательно закрепить в Процессуальном КоАП РФ отдельной нормой, и регламентировать ст. 5.2.1 «Порядок рассмотрения материалов (заявлений, сообщений) об административном правонарушении» (аналогично ст. 144 УПК РФ «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении»):

«Поступившие согласно п. п. 3 и 4 ч. 2 ст. 5.1. настоящего закона из органа предварительного расследования, органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, прокуратуры или суда либо из других государственных или муниципальных органов материалы, содержащие сведения, указывающие на событие административного правонарушении; сообщения или заявления физического лица, юридического лица или общественного объединения, а также сообщения в средствах массовой информации, содержащие данные, указывающие на событие административного правонарушения, рассматриваются должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административном правонарушении.

При этом должностное лицо вправе осуществлять процессуальные действия, предусмотренные ст. 5.1.1 настоящего закона, при проведении административного расследования – экспертизу и иные процессуальные действия, требующие значительных временных затрат».

В главу 5 «Порядок возбуждения дела об административном правонарушении» проекта Процессуального КоАП РФ необходимо ввести ст. 5.1.1 «Процессуальные действия должностного лица, уполномоченного составлять протоколы об административном правонарушении»:

«Должностное лицо, уполномоченное составлять протоколы об административных правонарушениях, в целях выяснения обстоятельств административного правонарушения и установление фактических данных, указывающих на его совершение, вправе осуществлять процессуальные действия: устанавливать личность лица, в отношении которого решается вопрос о возбуждении дела, свидетелей и потерпевших, получать от них объяснения и брать показания; брать пробы и образцы, выявлять и приобщать вещественные доказательства и документы, снимать показания специальных технических средств, направлять и исполнять поручения и запросы, осуществлять осмотр места совершения административного правонарушения, вещей, документов, являющихся предметами или орудиями правонарушения; применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях».

По завершении процессуальных действий и рассмотрения данных материалов, сообщений и заявлений должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях, составляется протокол об административном правонарушении или принимается иное процессуальное решение. Нормы, предусматривающие порядок рассмотрения материалов, заявлений, и сообщений об административном правонарушении, применяются должностным лицом в случаях, когда протокол об административном правонарушении невозможно составить немедленно, как это изначально требуется.

По мнению автора, данный пробел следует устранить именно в Процессуальном КоАП РФ, а не в каком-либо другом законе или ведомственном нормативном акте. Полагаем, что предлагаемая регламентация процессуальных действий должностного лица в ходе проверки и рассмотрения им материалов, содержащих сведения об административном правонарушении, будет способствовать соблюдению принципа законности при принятии решения о возбуждении дела об административном правонарушении. Должностное лицо может сослаться на положения закона, гарантирующего права при осуществлении действий по проверке указанных материалов, заявлений и сообщений.

В соответствии с ч. 5 ст. 28.1 действующего КоАП РФ стадия возбуждения дела об административном правонарушении может завершится оформлением определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении при неполучении достаточных данных, подтверждающих наличие события административного правонарушения. Фактически проверка не дала таких результатов, чтобы можно было составить протокол. Перечисленные в пунктах 2 и 3 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ поводы для возбуждения дела являются должностному лицу, уполномоченного составлять протоколы об административных правонарушениях, по существу неочевидными в виду того, что оно не могло лично обнаружить уже произошедшее ранее событие возможного административного правонарушения. Кроме того, с момента совершения правонарушения может пройти значительное время, затрудняющее выяснение его обстоятельств. Осуществив необходимые процессуальные действия, должностное лицо не выявило оснований для возбуждения дела. Однако это не значит, что никакие процессуальные действия не осуществлялись.

При этом в ч. 5 ст. 28.1 действующего КоАП РФ отсутствует прямая ссылка на ст. 24.5 КоАП РФ. Кроме того, в данной норме нет указания на возможность обжалования принятого решения об отказе в возбуждении дела. В соответствии ч. 4 ст. 30.1 КоАП РФ определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении обжалуется также, как и постановление по делу об административном правонарушении. Однако согласно ч. 1 ст. 30.1 КоАП РФ правом на обжалование обладают лица, перечисленные в статьях 25.1 - 25.5.1 КоАП РФ, среди которых, например, отсутствуют физические лица, сообщившие или заявившие информацию об административном правонарушении. На момент подачи или направления сообщения, или заявления ни физические, ни юридические лица формально не могут являться участниками производства, так как дело об административном правонарушении не возбуждено. В последствии, с момента возбуждения дела лицо, сообщившие или заявившие информацию об административном правонарушении, может быть признано потерпевшим, свидетелем и даже лицом, в отношении которого будет осуществляться производство по делу. Однако формально в данный мо-

мент - это физическое лицо, не являющееся участником производства. Как правильно отмечено, законодательство об административных правонарушениях не предусматривает признание лица в качестве потерпевшего специальным процессуальным актом. Лицо, считающее себя потерпевшим, может иметь сложности с реализацией его прав [5, с. 35]. Поэтому органы, лица и организации, перечисленные в п. п. 3 и 4 ч. 2 ст. 5.1. проекта Процессуального КоАП РФ, необходимо признать участниками стадии возбуждения дела об административном правонарушении отдельной нормой.

Одновременно ч. 5 ст. 28.1 действующего КоАП РФ не закрепляет обязанности должностных лиц вручать или направлять копию определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении участникам производства, не определяет сроки, в течение которого выносится данное определение.

Следует отметить, что отчасти действия должностного лица, уполномоченного составлять протоколы об административном правонарушении (и тем самым на возбуждение дела об административном правонарушении), направленные на соблюдение прав физического лица, сообщившего или заявившего информацию об административном правонарушении, определены в отдельных ведомственных нормативных правовых актах. Например, МВД России был издан приказ, утвердившем Инструкцию о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД РФ заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [6]. В частности, п. 58 данной Инструкции предписывает, что срок рассмотрения заявлений и сообщений об административных правонарушениях начинает исчисляться с момента их регистрации в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, преступлениях, определяется руководителем территориального органа МВД России. В п. 70 указано, что информация о принятых решениях о возбуждении дела об административном правонарушении, об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, о передаче заявления (сообщения) по подведомственности или по территориальности в течение 24 часов с момента их принятия письменно направляется заявителю, при этом разъясняется право и порядок обжалования. В то же время о направлении копии о принятых решениях ничего не указано. Однако автор полагает, что действия должностных лиц государственных органов, органов местного самоуправления, напрямую касающиеся реализации прав граждан, все же должны регламентироваться не ведомственным нормативным правовым актом, а законом.

Несмотря на то, что в ч. 5 ст. 5.1. «Поводы и основания к возбуждению дела об административном правонарушении» проекта Процессуального КоАП РФ предусмотрено, что в случае отказа в возбуждении дела об административном правонарушении при наличии материалов, сообщений, заявлений о событии административного правонарушения, должностным лицом выносится мотивированное определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, требования к содержанию данного документа по-прежнему отсутствуют.

В случае, если дело об административном правонарушении было возбуждено, но затем выяснилось, что имеется одно из обстоятельств, указанное в статье 24.5 КоАП РФ, то, согласно ч. 1 ст. 28.9 КоАП РФ, дело подлежит прекращению до передачи дела на рассмотрение. Однако ст. 28.9 КоАП РФ не содержит указаний о том, что физическое лицо подлежит уведомлению о прекращении производства по делу об административном правонарушении до передачи дела на рассмотрение и необходи-

мости вручения (направления) копии постановления. Статья 29.10 КоАП РФ не оговариваются требования о направлении копии постановления.

Имеется точка зрения о том, что смысл рассматриваемых положений сам по себе сводится к тому, что постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении, вынесенное до рассмотрения дела, подлежит направлению тем участникам производства по делам об административном правонарушении, которые обладают правом на его обжалование, что выдача потерпевшему копию определения или постановления только по его просьбе не является настоящим, реальным препятствием реализации его права обжаловать данный акт [5, с. 37]. Данное мнение обосновывается сохранением возможности получения копии потерпевшим в случае, если он не получил ее сразу после оглашения вынесенного постановления, а также тем, что срок на подачу жалобы начинает исчисляться со дня вручения или получения копии постановления (часть 1 ст. 30.1 КоАП РФ).

Автор настоящей статьи не согласен с данным мнением. Несмотря на то, что в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П указано, что необходимо учитывать не только формальное процессуальное, а также и реальное положение лица, в отношении которого фактически осуществляется публичное преследование за совершение административного правонарушения [7], по мнению автора, далеко не каждое должностное лицо находит такой смысл указанных в законе положений и учитывает данное положение лица. Проблема соблюдения должностными лицами и судьями прав заявителя в качестве участника производства, в том числе потерпевшего, остается актуальной, что подтверждается судебной практикой.

Как следует из решения Верховного суда Российской Федерации от 2 марта 2017 г. № 5-ААД17-1, гражданин Шкабаро Ю. И., не согласившись с определением об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении по ст. 5.59 КоАП РФ, вынесенным Первым заместителем Генерального прокурора Российской Федерации от 22 января 2016 г., и решением судьи Мещанского районного суда г. Москвы от 30 августа 2016 г., которое оставило данное определение без изменения, обратился с жалобой в Московский городской суд. Однако, как было установлено Верховным судом РФ, гражданин Шкабаро Ю. И. копии подлежащих обжалованию решений от Генеральной Прокуратуры и Мещанского районного суда г. Москвы не получил. 2 декабря 2016 г. Московский городской суд вынес определение о снятии данной жалобы с рассмотрения и возвращении заявителю.

Судья Московского городского суда принял такое решение в виду того, что к жалобе гражданином Шкабаро Ю. И. не приложены копии обжалуемых определения и решения [8]. Данное решение было принято Московским городским судом несмотря на то, что оба обжалуемых решения были приложены Мещанским районным судом г. Москвы. В данном случае только Верховный суд РФ, куда обратился Шкабаро Ю. И. с жалобой на определение Московского городского суда, «нашел смысл указанных законоположений» и вынес решение в пользу гражданина, признающее определение Московского городского суда о снятии жалобы с рассмотрения незаконным и необоснованным. Полагаем, что в данном случае судья ВС РФ, принимая решение по жалобе Шкабаро Ю. И., принял во внимание в том числе вышеупомянутое Постановление Конституционного суда.

Приведем еще один пример из судебной практики, подтверждающий, что правовой механизм реализации прав граждан на обжалование принятых решений на ста-

дии возбуждения дела об административном правонарушении нуждается в законодательном совершенствовании.

Как установил Ломоносовский районный суд г. Архангельска, Управление Росреестра по Архангельской области и Ненецкому автономному округу обратилось в суд с административным исковым заявлением к прокуратуре Архангельской области, в котором просит признать незаконным его представление в части требования об обеспечении соблюдения прав заявителей на получение копии процессуального решения в случае отказа в возбуждении дела об административном правонарушении. В заявлении указано, что по результатам проведенной прокуратурой Архангельской области проверки в адрес Управления Росреестра внесено представление от 06.06.2016 № 7-32-2016 об устранении нарушений законодательства, в том числе речь шла о не направлении в адрес обратившихся в Управление Росреестра с жалобами на действия должностных лиц, копий определений об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении. По мнению прокурора, данная практика противоречит требованиям действующего законодательства и лишает заявителей права на обжалование и пересмотр принятых Управлением Росреестра процессуальных решений. В данном случае прокурор увидел в не направлении копии решения нарушение конституционного права.

Управление Росреестра не согласилось с представлением прокурора, так как считает, что в нем не указана конкретная норма закона, которая была нарушена. Обязанность направлять копию определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении не установлена ни КоАП РФ, ни каким-либо другим нормативно правовым актом. Кроме того, Управление Росреестра считает, что постановление по делу об административном правонарушении может быть обжаловано только лицами, указанными в ст.ст. 25.1-25.5.1 КоАП РФ, в том числе потерпевшим. Лица, обратившиеся в Управление Росреестра, потерпевшими не являются. По мнению Управления Росреестра, указанный статус приобретается лицом с момента, когда данное лицо фиксируется как потерпевшее в протоколе об административном правонарушении либо в постановлении о возбуждении дела об административном правонарушении. Только с этого момента у потерпевшего возникают процессуальные права и обязанности. В данном случае, по мнению должностных лиц Управления Росреестра, обратившиеся к ним лица потерпевшими не являются [9].

Должностные лица Управления Росреестра, приняв решение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, по-своему истолковали рассматриваемые нормы КоАП РФ, не направили копии определения, что, следовательно, повлекло нарушение прав граждан на обжалование. Точка зрения прокурора являлась абсолютно противоположной. Причиной же не направления копии определения послужило отсутствие закрепления данной обязанности в законе, в действующем КоАП РФ. В действительности, не каждое должностное лицо и не каждый судья дотошно изучает судебную практику и акты Конституционного или Верховного судов РФ для последующего их использования в практической деятельности.

Отсюда наблюдается различное понимание должностными лицами и судьями требований действующего законодательства в части реализации прав заявителей на обжалование и пересмотр принятых процессуальных решений на стадии возбуждения дела об административном правонарушении.

Актуальной рассматриваемая проблема остается и при вынесении постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении до передачи дела на рассмотрение. В ст. 5.8 проекта Процессуального КоАП РФ, предусматривающей вынесение данного постановления, не содержит предписания о том, что лицо подлежит уведомлению о принятом решении и необходимости вручения (направления) копии постановления. В то же время следует отметить, что в ч. 10 ст. 6.8 проекта Процессуального КоАП РФ, закрепляющей требования к содержанию постановления по делу об административном правонарушении, установлена обязанность вручения копии данного документа лицу, в отношении которых оно вынесено, а также потерпевшему или его законному представителю по его просьбе.

Указанное дополнение является важной новеллой, направленной на реализацию прав на обжалование, но предусматривает вручение копии данного документа потерпевшему только по его просьбе. В случае, если потерпевший по каким-либо причинам сразу не воспользовался возможностью получить копию постановления, то ему придется обратиться за ее получением в соответствующий орган либо суд. Представляется целесообразным законодательно закрепить обязанность вручать (направлять) копию постановления независимо от наличия просьбы участников. Отказ же в получении копии необходимо удостоверять документально.

Итак, и действующий КоАП РФ, и проект Процессуального КоАП РФ не предусматривают законодательного закрепления процессуальных действий, проводимых должностным лицом, уполномоченным на составление протоколов об административных правонарушениях, посредством которых устанавливаются обстоятельства административного правонарушения и собираются доказательства. Не предусмотрена отдельная норма, раскрывающая содержание проверки и, следовательно, рассмотрения информации об административном правонарушении. Не достаточно регламентируются вопросы реализации прав лиц на обжалование решений, принятых должностным лицом на стадии возбуждения дела об административном правонарушении. Автор разделяет точку зрения, что есть необходимость законодательного закрепления содержания рассматриваемых определений и постановлений [10, с. 170]. По мнению автора, содержание определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении следует указать в ст. 5.1.2, а недостатки содержания постановления по делу об административном правонарушении, касающиеся направления его копии, могут быть устранены путем внесения дополнений в имеющуюся ч. 10 ст. 6.8 проекта Процессуального КоАП РФ.

Внесение дополнений в проект Процессуального КоАП РФ исключит недопонимание должностными лицами и судьями требований закона, приведет к единообразию правоприменения, в целом, так и на стадии возбуждения дела об административном правонарушении, в частности.

Таким образом, предложенные автором выше дополнения в проект Процессуального КоАП РФ устранят пробелы в содержании стадии возбуждения дела об административном правонарушении, будут способствовать как законности и единообразию принятия должностными лицами и судьями процессуальных решений, так и реализации прав граждан на их обжалование.

Список литературы

1. Проект Процессуального КоАП РФ (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099061, не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.01.2020) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. URL: https://regulation.gov.ru (дата обращения – 18.06.2020).
2. Кисин В. Р., Попугаев Ю. И. О содержании стадии возбуждения дела об административном правонарушении и совершенствовании ее правового регулирования // Теория и практика административного права и процесса: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.Д. Сорокина (Небугские чтения). – Челябинск. – 2016. – С. 147-156.
3. Статистический сборник «Преступность и правонарушения» (2013-2017). Москва. – 2018. // Центр статистической информации ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: http://10.5.0.16/csi/modules php?name=SbLong&go=showcat&cid=134 (дата обращения – 18.06.2020).
4. Статистический сборник «Состояние преступности в России за 2019 год». Москва. – 2020 // Центр статистической информации ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=SbLong&go=showcat&cid=147 (дата обращения – 18.06.2020).
5. Новиков А. В. Прекращение производства по делу об административном правонарушении // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.Д. Сорокина (к 90-летию со дня рождения), 21 марта 2014 года. В 3-х частях. СПб: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2014. Ч. 2. – 244 с.
6. Приказ МВД России от 29 августа 2014 №736 (в ред. от 9 октября 2019) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД России заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» //СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170872/ (дата обращения – 18.06.2020).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова» // Законы, Кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16062009-n/ (дата обращения – 18.06.2020).
8. Решение Верховного суда Российской Федерации от 2 марта 2017 г. № 5-АД17-1 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02032017-n-5-aad17-1/ (дата обращения – 18.06.2020).
9. Решение Ломоносовского районного суда г. Архангельска Архангельской области от 26 октября 2016 г. № 2А-5059/2016 2А-5059/2016~М-4457/2016 М-4457/2016 по делу № 2А-5059/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/7P0lRhOedX6x/ (дата обращения – 18.06.2020).
10. Закопырин В. Н. Задачи производства по делу об административном правонарушении и его прекращение // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : в 8 т. Т. 3 : Материалы Международной научно-практической конференции «Исполнение отдельных видов уголовных наказаний: проблемы и пути совершенствования». – Рязань: Академия ФСИН России, 2017. – 329 с.

Ravnushkin A. V. Regulatory and legal improvement of the content of the stage of initiation of an administrative offense case // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 297-307.

The ongoing reform of the Russian legislation on administrative offences has led to the intention of the legislator to allocate administrative code the procedural component in a separate normative act, which was the result of the project creation Procedure of the administrative code. However, the analysis showed that, as the current administrative code and the draft Procedural administrative code did not pay sufficient attention to the content stage of initiation of proceedings about an administrative offence: not defined range of proceedings and the procedure for the review and consideration of the materials, statements and reports of administrative offences of officials authorized to draw up protocols on administrative offences, are not eliminated gaps in the content of procedural documents present stage. Based on the study of statistical data, scientific literature and judicial practice, the author proposes to fill this gap and make additions to the draft Procedural Code of the Russian Federation. The proposed rules will improve the mechanism for implementing the rights of citizens to appeal against decisions made at the stage of initiating an administrative offense.

Keywords: stage of initiation of an administrative offense case, procedural actions, consideration of applications and reports on administrative offenses, definition, resolution, right to appeal decisions at the stage of initiation of the case.

Spisok literatury

1. Proekt Processual'nogo KoAP RF (podgotovlen Minyustom Rossii, ID proekta 02/04/01-20/00099061, ne vnesen v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 30.01.2020) // Federal'nyj portal proektov normativnyh pravovyh aktov: oficial'nyj sajt dlya razmeshcheniya informacii o podgotovke federal'nymi organami ispolnitel'noj vlasti proektov normativnyh pravovyh aktov i rezul'tatah ih obshchestvennogo obsuzhdeniya. URL: https://regulation.gov.ru (data obrashcheniya – 18.06.2020).
2. Kisin V.R., Popugaev YU.I. O soderzhanii stadii vozbuzhdeniya dela ob administrativnom pravonarushenii i sovershenstvovanii ee pravovogo regulirovaniya // Teoriya i praktika administrativnogo prava i processa: materialy IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj pamyati professora V.D. Sorokina (Nebugskie chteniya). – CHelyabinsk. – 2016. – S. 147-156.
3. Statisticheskij sbornik «Prestupnost' i pravonarusheniya» (2013-2017). Moskva. – 2018. // Centr statisticheskoj informacii FKU «GIAC MVD Rossii». URL: http://10.5.0.16/csi/modules php?name=SbLong&go=showcat&cid=134 (data obrashcheniya – 18.06.2020).
4. Statisticheskij sbornik «Sostoyanie prestupnosti v Rossii za 2019 god». Moskva. – 2020 // Centr statisticheskoj informacii FKU «GIAC MVD Rossii». URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=SbLong&go=showcat&cid=147 (data obrashcheniya – 18.06.2020).
5. Novikov A.V. Prekrashchenie proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava: materialy ezhegodnoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati doktora yuridicheskih nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii V.D. Sorokina (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya), 21 marta 2014 goda. V 3-h chastyah. SPb: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2014. CH. 2. – 244 s.
6. Prikaz MVD Rossii ot 29 avgusta 2014 №736 (v red. ot 09.10.2019) «Ob utverzhdenii Instrukcii o poryadke priema, registracii i razresheniya v territorial'nyh organah MVD Rossii zayavlenij i soobshchenij o prestupleniyah, ob administrativnyh pravonarusheniyah, o proisshestviyah» //SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170872/ (data obrashcheniya – 18.06.2020).
7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16 iyunya 2009 № 9-P «Po delu o proverke konstitucionnosti ryada polozhenij statej 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 i 30.7 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah, punkta 1 stat'i 1070 i abzaca tret'ego stat'i 1100 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat'i 60 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan M.YU. Karelina, V.K. Rogozhkina i M.V. Filandrova» // Zakony, Kodeksy i normativno-pravovye akty Rossijskoj Federacii: sajt. URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16062009-n/ (data obrashcheniya – 18.06.2020).
8. Reshenie Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii ot 2 marta 2017 g. № 5-AAD17-1 // Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossijskoj Federacii: sajt. URL: https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02032017-n-5-aad17-1/ (data obrashcheniya – 18.06.2020).
9. Reshenie Lomonosovskogo rajonnogo suda g. Arhangel'ska Arhangel'skoj oblasti ot 26 oktyabrya 2016 g. № 2A-5059/2016 2A-5059/2016~M-4457/2016 M-4457/2016 po delu № 2A-5059/2016 // Sudebnye i normativnye akty Rossijskoj Federacii: sajt. URL: https://sudact.ru/regular/doc/7P0lRhOedX6x/ (data obrashcheniya – 18.06.2020).
10. Zakopyrin V.N. Zadachi proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii i ego prekrashchenie // III Mezhdunarodnyj penitenciarnyj forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii) : sb. tez. vystup. i dokl. uchastnikov (g. Ryazan', 21–23 noyab. 2017 g.) : v 8 t. T. 3 : Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Ispolnenie otdel'nyh vidov ugolovnyh nakazanij: problemy i puti sovershenstvovaniya». – Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2017. – 329 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 308-312.

УДК: 341.1/8

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА О ПРИЗНАНИИ И ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Розенцвайг А. И., Ахмадиева Г. Р., Соколова А. С., Коваленко Н. Е.

В статье рассматриваются основные проблемы, возникающие при признании и приведении в исполнение решений арбитражей в государственной юрисдикции, обусловленные особенностями третейского разбирательства, позволившими ему быстрее адаптироваться к изменяющимся условиям социального взаимодействия в условиях информатизации общества, путем предоставления сторонам технологической возможности разрешить спор в режиме онлайн. Эволюция третейского разбирательства в результате стремительного развития информационных технологий требует изменения подходов государственных судов к правопониманию и правоприменению. В настоящее время, несмотря на все преимущества онлайн-арбитража перед традиционным судебным разбирательством, его широкому распространению препятствует ряд проблем, возникающих в связи с признанием и исполнением онлайн-решений. Важным видится принятие специального акта международного характера, регламентирующего порядок разрешения споров онлайн, по существу.

Ключевые слова: онлайн-арбитраж, третейское разбирательство, признание и исполнение решений иностранных третейских судов.

Третейское (арбитражное) разбирательство является одним из наиболее востребованных альтернативных способов разрешения споров. И хотя частноправовая природа третейской формы защиты предполагает, что стороны обращаются к ней по своей воле, на практике не всегда арбитражные решения исполняются добровольно. В этой связи возможность признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений является своего рода гарантией обеспечения процессуальных прав стороны, в пользу которой вынесено решение.

Регламентация данной процедуры нашла свое отражение как в международном, так и в национальном праве. Основным международным правовым актом, регулирующим признание и исполнение иностранных арбитражных решений, является Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. (далее – Нью-Йоркская конвенция). При этом Нью-Йоркская конвенция отражает лишь общие условия осуществления данной судебной процедуры, а сам порядок устанавливается внутренним процессуальным законодательством той страны, на территории которой испрашивается признание и исполнение решение арбитража [2, с. 215].

В Российской Федерации признание и приведение в исполнение решений иностранных третейских судов, в целом, подчиняется общим правилам, установленным применительно к решениям иностранной государственной юрисдикции. Особенности осуществления данной процедуры отражены в Конституции РФ (ст.79), гражданско-процессуальном законодательстве (ст. 416 и 417 ГПК РФ) и заключаются в перечне представляемых документов и основаниях для отказа в признании и исполнении арбитражных решений.

Одним из главных преимуществ третейского разбирательства является его быстрая адаптация к изменяющимся условиям развития общественных отношений. Наблюдаемая последние десятилетия информатизация общества существенно повлияла на эволюцию права, а вместе с тем предопределила изменение подходов к правопониманию и правоприменению [4, с. 170].

Современный арбитраж при разрешении трансграничных торговых споров постепенно отходит от позитивистской теории права, все чаще обращаясь к концепции lex mercatoria, представляющей собой систему негосударственных норм, регулирующих частноправовые отношения в сфере международного коммерческого оборота [3, с. 545]. И если государственные суды относятся к происходящим переменам с настороженностью, третейские суды, в частности, международный коммерческий арбитраж, являются одними из главных стимуляторов развития права, создаваемого сторонами. Толчок к активному применению норм lex mercatoria был дан в 2015 г. Международной торговой палатой (далее – МТП), принявшей документ «Вненациональные нормы как применимое право в международных коммерческих контрактах, инкорпорирующих типовые контракты МТП». Поворотное значение данного акта выразилось в том, что он позволил сторонам выбирать вненациональные нормы в качестве применимого права. Так, например, по делу Sapphire International Petroleums Ltd v. National Iranian Oil Company арбитр применил lex mercatoria, указав, что национальное право не только зачастую является недостаточно известным для одной из сторон, но и может быть в любой момент изменено государством [7, p. 517]. Но, если в коммерческом арбитраже практика обращения к lex mercatoria растет, национальные суды стараются избегать применения негосударственных норм при разрешении торговых споров. В этой связи возникает вопрос: есть ли возможность признания и исполнения иностранного арбитражного решения, вынесенного на основе норм lex mercatoria, в рамках гражданского судопроизводства?

Попытка решения данной проблемы была предпринята МТП, которая в вышеуказанном документе сделала важную оговорку о том, что непризнание национальными судами lex mercatoria в качестве применимого права, не препятствует признанию и приведению в исполнение иностранных решений, вынесенных на основе lex mercatoria. Однако национальные суды вправе не применять данную норму, используя оговорку о публичном порядке, являющейся основанием для отказа в признании и исполнении иностранного арбитражного решения согласно положениям Нью-Йоркской конвенции, а также гражданского процессуального кодекса РФ.

По мнению М.В. Мажориной, перспективы того, что национальные суды в ближайшем будущем будут активно использовать результаты работы МТП крайне малы ввиду того, что в российской практике концепция lex mercatoria не рассматривается в качестве применимого права [5, с. 100]. Однако в условиях стремительного развития международной торговли представляется назревшей необходимость изменения подхода к правопониманию. Признание возможности исполнения решений, вынесенных на основе норм негосударственного регулирования, является гарантией обеспечения процессуальных прав взыскателя, а также выступает важным шагом на пути дальнейшего развития международного гражданского процесса.

Еще одним следствием цифровизации общественных отношений стало увеличение количества сделок, совершаемых в сети Интернет. Это потребовало создания специальной системы разрешения споров при помощи электронных средств без

непосредственного взаимодействия сторон. В результате арбитраж оптимизировал процедуру судебного разбирательства за счет предоставления сторонам новых технологических возможностей. В настоящее время в качестве такой системы выступает онлайн-арбитраж, в котором судебное разбирательство осуществляется на специальных онлайн-платформах с использованием технологий удаленной коммуникации между участниками процесса [1, с. 134]. Однако в связи с тем, что государственные суды пока что придерживаются очной формы рассмотрения дел, сетевизация арбитражного разбирательства существенным образом затрудняет процедуру признания и исполнения арбитражных решений.

Прежде всего, причиной, усложняющей соответствующую процедуру, является нарушение установленных Нью-Йоркской конвенцией правил судебного разбирательства. Так, одним из оснований для отказа в удовлетворении ходатайства стороны, испрашивающей исполнение, является ненадлежащее уведомление о назначении арбитра и арбитражном разбирательстве. В некоторых странах легально закреплена возможность направления уведомления с помощью электронных средств связи (например, England Arbitration Act), однако при таком способе возникает высокая вероятность его неполучения другой стороной. В этой связи представляется целесообразным предусмотреть дополнительные гарантии, позволяющие снизить риск ненадлежащего уведомления. В частности, по мнению Галковской Н.Г. и Вутын В.Е., в качестве такой гарантии может быть направление сторонам разбирательства постановления о возбуждении арбитражного разбирательства онлайн-заказным письмом с обратным уведомлением о вручении [1].

Основной особенностью онлайн-арбитража является отсутствие непосредственного взаимодействия сторон и арбитра [1], поскольку разбирательство осуществляется на онлайн-платформе. В связи с этим рассмотрение дела осуществляется без проведения устного слушания на основании исследования представленных сторонами письменных документов и доказательств [1]. Согласно некоторым регламентам онлайн-арбитражей, представление доказательств осуществляется исключительно путем загрузки документа на платформу [1], что обуславливает специфику реализации процессуальных прав сторон. В качестве примера нарушения равенства процессуальных возможностей можно привести отсутствие технической возможности представить имеющиеся доказательства, либо ознакомиться с документами по делу, размещенными на онлайн-платформе. Можно предложить несколько путей решения данной проблемы: 1) заранее определение сторонами допустимых форматов электронных документов; 2) приведение администратором арбитража электронных документов к единому формату; 3) альтернативные способы обмена данными между сторонами и арбитром, например, факс, факсимиле, использование обычной почты и т.д.

Рассмотрение дела в режиме онлайн заканчивается вынесением арбитражного решения, разрешающего спор, по существу. В отличие от регламентов онлайн-платформ, устанавливающих обязательность его вынесения в электронной форме, Нью-Йоркская конвенция не содержит каких-либо специальных требований на этот счет [1]. На основании ст. III Конвенции, форма судебного решения определяется процессуальным законодательством того государства, в котором оно вынесено. Признание и исполнение арбитражных онлайн решений, подписанных с помощью электронной подписи, осуществляется беспрепятственно в том случае, когда нор-

мами внутреннего законодательства установлены эквивалентность электронной и письменной формы документов, а также электронной и собственноручной подписи [6, p. 25].

Проблемы возникают, когда национальное право устанавливает требования к форме арбитражного решения в условиях отсутствия законодательства об использовании электронного документооборота и электронной подписи [1]. В этой связи некоторые администраторы онлайн-арбитражей гарантируют изготовление арбитражного решения в письменной форме, заверенного собственноручной подписью арбитра, и направления его по почте по ходатайству сторон [1]. Однако в случае, когда арбитры, разрешающие спор, находятся на территории разных государств, реализация такой возможности является невозможной.

Как видно, третейское разбирательство обладает значительным количеством нюансов, определяющих специфику процедуры признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений. Однако представляется, что российское процессуальное законодательство уделяет данному вопросу недостаточное внимание. Эволюция третейского разбирательства в результате стремительного развития информационных технологий требует изменения подходов государственных судов к правопониманию и правоприменению. В настоящее время, несмотря на все преимущества онлайн-арбитража перед традиционным судебным разбирательством, его широкому распространению препятствует ряд проблем, возникающих в связи с признанием и исполнением онлайн-решений. Поэтому в первую очередь, представляется необходимым разработать нормативно-правовую базу, учитывающую особенности арбитражного разбирательства в режиме онлайн и обеспечивающую возможность исполнения вынесенных решений. Однако реализация данной задачи поставлена под условие, что в каждом государстве будет принято законодательство об использовании электронных документов и электронной подписи. Не менее важным видится принятие специального акта международного характера, регламентирующего порядок разрешения споров онлайн [1], который администраторы онлайн-платформ могли бы использовать в качестве руководящих правил при создании регламентов, а арбитражи при разрешении споров, по существу. Реализация указанных мер значительно упростит процедуру признания и приведения в исполнение арбитражных онлайн решений, что даст толчок к глобальной сетевизации арбитражного разбирательства, которая в условиях развития информационного пространства общественного взаимодействия является неизбежным процессом.

Список литературы

1. Галковская, Н.Г. Онлайн-арбитраж как средство разрешения трансграничных экономических споров. Проблемы принудительного исполнения онлайн-арбитражных решений / Н.Г. Галковская, В.Е. Вутын. – Текст : непосредственный. // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2017. - С. 133-147.

2. Кравцов, С.А. Общая характеристика признания и исполнения решений международного коммерческого арбитража / С.А. Кравцов – Текст : непосредственный. // Правоприменение. - 2017. - С. 212 – 218.

3. Липовцев, В.Н. Коллизионное регулирование в lex mercatoria / В.Н. Липовцев– Текст : непосредственный. // Международное право и международные организации. - 2014. - №4. - С. 545-550.

4. Мажорина, М. В., Международное частное право в условиях развития информационно-коммуникационных технологий/ М. В. Мажорина, Л.В. Терентьева, Б.А. Шахназаров – Текст : непосредственный. // Актуальные проблемы российского права. - 2019. - № 5. - С. 169-182.

5. Мажорина, М.В. Вненациональные нормы как применимое право / М.В. Мажорина – Текст : непосредственный. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. - 2016. - С. 93-103.
6. Amroю Ihab. Enforcement of Cross-Border Online Arbitral Awards and Online Arbitration Agreements in National Courts // Slovenska arbitražna praksa. Ljubljana. - 2016. - № 5 (2). - P. 18– 41.
7. Kurkela, M. Letters of Credit Under International Trade Law: U.C.C., U.C.P. and Law Merchant. - 1985. – 517 p.

Rosenzweig A. I., Akhmadieva G. R., Sokolova A. S., Kovalenko N. E. The main trends in the reform of proceedings on the recognition and enforcement of decisions of foreign arbitration courts in the context of the informatization of society // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 308-312.

The article examines the main problems in the recognition and enforcement of arbitration awards in state jurisdiction depending on the peculiarities of the arbitration proceedings, which allowed it to adapt more quickly to the changing conditions of social interaction in the context of informatization of society by providing the parties with the technological opportunity to resolve the dispute online. The evolution of arbitration as a result of the rapid development of information technology requires a change in the approaches of state courts to legal thinking and law enforcement. Currently, despite all the advantages of online arbitration over traditional litigation, a number of problems arising in connection with the recognition and enforcement of online awards hinder its widespread use. The adoption of a special international act regulating the procedure for resolving disputes online on the merits is seen as important.

Key words: online arbitration, arbitration, recognition and enforcement of foreign arbitral awards.

Spisok literatury

1. Galkovskaya, N.G. Onlajn-arbitrazh kak sredstvo razresheniya transgranichnyh ekonomicheskih sporov. Problemy prinuditel'nogo ispolneniya onlajn-arbitrazhnyh reshenij / N.G. Galkovskaya, V.E. Vutyn. – Tekst : neposredstvennyj. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. - 2017. - S. 133-147.
2. Kravcov, S.A. Obshchaya harakteristika priznaniya i ispolneniya reshenij mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha / S.A. Kravcov – Tekst : neposredstvennyj. // Pravoprimenenie. - 2017. - S. 212 – 218.
3. Lipovcev, V.N. Kollizionnoe regulirovanie v lex mercatoria / V.N. Lipovcev– Tekst : neposredstvennyj. // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii. - 2014. - №4. - S. 545-550.
4. Mazhorina, M. V., Mezhdunarodnoe chastnoe pravo v usloviyah razvitiya informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij/ M. V. Mazhorina, L.V. Terent'eva, B.A. SHahnazarov – Tekst : neposredstvennyj. // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. - 2019. - № 5. - S. 169-182.
5. Mazhorina, M.V. Vnenacional'nye normy kak primenimoe pravo / M.V. Mazhorina – Tekst : neposredstvennyj. // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. - 2016. - S. 93-103.
6. Amroyu Ihab. Enforcement of Cross-Border Online Arbitral Awards and Online Arbitration Agreements in National Courts // Slovenska arbitražna praksa. Ljubljana. - 2016. - № 5 (2). - P. 18– 41.
7. Kurkela, M. Letters of Credit Under International Trade Law: U.C.C., U.C.P. and Law Merchant. - 1985. – 517 p.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 131-320.

УДК 342.92

ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН, ЗАДЕЙСТВОВАННЫХ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Султанов К. А.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Рассмотрены актуальные проблемные вопросы и роль органов внутренних дел в реализации законодательства об охране общественного порядка силами народных дружинников и общественных объединений. Предметом исследования выступает законодательство Российской Федерации об участии граждан в охране общественного порядка и принятые в соответствии с ним нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Исследуется вопрос о применении федеральных и региональных норм об административной ответственности за невыполнение требований народных дружинников. Автором проводится анализ принятого Федерального закона от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» на предмет возможности реализации отдельных его положений. Рассматриваются позиции автора в части усиления гарантий лицам, участвующим в охране общественного порядка в административном законодательстве на примере Калужской, Пензенской области и Республики Крым. Предлагаются конкретные рекомендации, способствующие повышению престижа участия граждан в охране общественного порядка.

Ключевые слова: правовое регулирование, общественный порядок, граждане, формы участия, объединения правоохранительной направленности, безопасность, субъекты РФ, полиция, административный процесс, правонарушитель.

Согласно Концепции общественной безопасности, утвержденной Президентом Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685, основными направлениями деятельности в области противодействия преступным и иным противоправным посягательствам являются: совершенствование системы профилактики правонарушений, включающей в себя выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также принятие мер по их устранению; реализация федеральных, региональных, муниципальных и отраслевых программ по предупреждению правонарушений, социальных и межнациональных конфликтов; привлечение граждан к участию в охране общественного порядка; развитие правовой грамотности и правосознания населения [1]. Еще в 2014 г. в целях популяризации участия граждан в охране общественного порядка, на федеральном уровне был принят Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» [2]. Во исполнение 44-ФЗ многие субъекты РФ утвердили региональные законы. Основной принцип действия вышеуказанных законов, это недопустимость подмены полномочий органов внутренних дел (полиции) и иных правоохранительных структур.

Например, в Республике Крым был принят закон РК, от 26.10.2016 г. № 288-ЗРК/2016 «Об отдельных вопросах участия граждан в охране общественного порядка в Республике Крым» [3]. В рамках исполнения данного закона был создан региональный реестр народных дружин, народных дружин из числа членов казачьих обществ, общественных объединений правоохранительной направленности на терри-

тории РК. По состоянию на 01.01.2020 г. в реестр внесены 2 народные дружины: «Народное ополчение – народная дружина Республики Крым» численностью 438 дружинников. Место дислокации г. Симферополь, территория обслуживания – РК и дружина «Чистопольская» численностью 16 дружинников. Место дислокации с. Чистополье, Ленинского района, территория обслуживания – с. Чистополье, Либкнехтовка, Затишное. За истекший 2018 г. на территории РК в совместных патрулях с сотрудниками полиции задействовалось 10 120 народных дружинника, из них 7005 дружинника в пеших патрулях и 785 в автопатрулях. Наибольшее количество членов Народного ополчения задействуется в городах Симферополе – 1572, Керчи – 2123, Евпатории – 2010. Также в 2018 г. при несении службы по охране общественного порядка нарядами комплексных сил совместно с членами Народного ополчения раскрыто 119 преступлений, задержано 3520 правонарушителей, выявлено 3318 административных правонарушений, задержано 114 лиц, подозреваемых в совершении преступления [1].

В Пензенской области в целях реализации ФЗ от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» в пределах полномочий субъекта Российской Федерации принят Закон Пензенской области «О профилактике правонарушений в Пензенской области». Правительством Пензенской области разработан типовой алгоритм формирования народных дружин. На территории Пензенской области по состоянию на 01.01.2020 г. насчитывалось 452 народных дружин общей численностью 7102 человека [2], 295 штабов народных дружин [3].

Весьма продуктивной является выстроенная работа сотрудников полиции и народных дружинников в области охраны общественного порядка в Калужской области. В 2014 г. был принят региональный закон Калужской области от 27.06.2014 № 602-ОЗ «О регулировании отдельных правоотношений, связанных с участием граждан в охране общественного порядка» [4]. В дальнейшем постановлением Правительства Калужской области от 24.10.2014 был создан областной штаб народных дружин. Аналогичные штабы созданы в 12 муниципальных районах и городских округах региона. В УМВД РФ по Калужской области ведется реестр народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности [5]. По состоянию на 01.03.2020 в него внесено 52 общественных формирования, в том числе 47 народных дружин, общей численностью 839 человек. Наибольшее число граждан вступили в ряды народных формирований в Калуге (130), Ульяновском (75), Сухиничском (74) и Дзержинском районах Калужской области (54).

В соответствии с федеральным законодательством органы местного самоуправления для обеспечения деятельности народных дружин запланировано выделение почти 3,5 млн. руб. Для стимулирования работы народных дружинников, в ряде муниципалитетов предусмотрены денежные выплаты за проведение рейдовых мероприятий. В областном центре члены народной дружины застрахованы на 100 тыс. руб. каждый. В районных центрах для сбора и осуществления деятельности дружинникам выделены помещения [6]. В целях подготовки дружинников к действиям в условиях, связанных с применением физической силы и по оказанию первой помощи, УМВД России по Калужской области разработана тематика инструктажей и методическое пособие по их проведению. Только в 2016–2018 гг. членами народных дружин обеспечен общественный порядок при проведении 119 массовых мероприя-

тий и более 150 рейдов. Дружинниками уже пресечено почти 500 административных правонарушений и раскрыто 5 преступлений. Так, в 2017 г. в г. Людиново Калужской области нарядом патрульно-постовой службы совместно с двумя дружинниками был задержан подозреваемый в совершении ограбления магазина.

В настоящее время в РФ продолжается законодательная деятельность по правовому оформлению систематического участия наиболее сознательных граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности в составе предусмотренных законодательством формирований населения [7].

В целях создания правовых условий для добровольного участия граждан Российской Федерации в охране общественного после принятия Федерального закона от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», депутатами Государственной думы РФ был предложен законопроект, обеспечивающий соответствующую уголовно-правовую защиту граждан, привлекаемых к охране общественного порядка.

В частности, законопроектом предлагалось ст. 317 УК РФ изложить в следующей редакции: «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа» дополнить нормой о привлечении к уголовной ответственности за посягательство на жизнь народного дружинника, внештатного сотрудника полиции, члена казачьего общества. Кроме того, законопроектом предусматривалось аналогичное дополнение примечания к ст. 318 УК РФ. Ввиду того, что охрана общественного порядка не есть для народного дружинника, внештатного сотрудника полиции, члена казачьего общества должностными обязанностями, в проекте предусмотрено, что эти лица могут выступать в качестве потерпевших по ст. 318 только в период осуществления установленной законом деятельности по охране общественного порядка.

Предлагаемое проектом дополнение по мнению депутатов обеспечило уголовно-правовую охрану не только сотрудников правоохранительных и контролирующих органов, военнослужащих, но и граждан, участвующих в обеспечении общественной безопасности и охране общественного порядка, а также их близких. Установление такой защиты способствовало развитию общественных институтов охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, что в конечном итоге служит целям защиты жизни и здоровья граждан, собственности, интересов общества и государства от противоправных посягательств, совершаемых в общественных местах [8].

Однако данный законопроект Верховный суд РФ и Правительство РФ отклонили по следующим основаниям. Так, ст. 63 УК РФ совершение преступления в отношении лица, в связи с его общественной деятельностью, является отягчающим обстоятельством. В ст. 105 «Убийство», ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью», ст. 117 «Истязание» УК РФ — это обстоятельство является квалифицирующим признаком, предполагающим повышенную ответственность. Соответственно, правовое регулирование вопроса обеспечения адекватного наказания в случае посягательства на жизнь и здоровье народного дружинника или внештатного сотрудника полиции представляется достаточным и не требует дополнительного урегулирования [9].

Интересно отметить, что во времена СССР у народных дружинников были весьма обширные полномочия. Так, в соответствии с п. 22 действовавшего до 17 июля 1995 г. Примерного положения о добровольных народных дружинах по охране об-

щественного порядка народный дружинник кроме указанных полномочий имел право, в частности: составлять в отсутствие работников милиции или иных уполномоченных на это лиц протокол в случаях злостного нарушения общественного порядка или причинения правонарушением имущественного или иного ущерба гражданину, предприятию, учреждению, организации с последующей передачей протокола начальнику штаба (командиру) дружины; требовать от нарушителей общественного порядка предъявления паспорта или других документов, удостоверяющих личность, в случаях, когда установление личности необходимо для выяснения обстоятельств совершения правонарушения или причастности к нему [10]. Конечно, это однозначно позволяло относить его к лицам, исполняющим функции представителя власти [5].

В совокупности приведенные правовые нормы позволяют сделать вывод о том, что народные дружинники фактически осуществляют функции представителя власти (их законные требования о прекращении противоправных действий обязательны для исполнения всеми гражданами и должностными лицами; за невыполнение этих требований предусмотрена административная ответственность), но юридически не обладают таким статусом в уголовном праве [9,10,11]. Представитель власти – это должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости (примечание к ст. 318 УК РФ). Поэтому, народные дружинники не могут быть признаны должностными лицами, поскольку входят в состав общественного объединения. В п. 6 Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции подчеркивается, что они не являются должностными лицами органов внутренних дел РФ [11].

Важно отметить, что в УК РСФСР 1960 г. деятельность народных дружинников по охране общественного порядка по существу приравнивалась к аналогичной службе сотрудников милиции, вследствие чего предусматривалась одинаковая ответственность за сопротивление им (ст. 191.1) или посягательство на их жизнь (ст. 191.2) [6]. Кроме того, Пленум Верховного Суда СССР разъяснял, что субъектом должностного преступления могут быть лица, которые выполняют соответствующие функции, возложенные на них правомочными на то органами, в частности члены добровольных народных дружин [12].

В 2014 г. в целях усиления защиты народных дружинников был принят Федеральный закон N 70-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам участия граждан в охране общественного порядка" [13], согласно которому в РФ вводится административная ответственность за воспрепятствование осуществляемой на законном основании деятельности народного дружинника в связи с его участием в охране общественного порядка либо невыполнение их законных требований о прекращении противоправных действий (ст. 19.35 КоАП РФ, предусмотрено наложение наказания в виде административного штрафа до 2500 рублей) [14]. В соответствии со ст. 2 ФЗ от 02.04.2014 N 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» народным дружинником признается гражданин РФ, являющийся членом народной дружины и принимающий в ее составе участие в охране общественного порядка. Дела по статье 19.35 КоАП РФ

возбуждают сотрудники полиции, как правило участковые уполномоченные полиции (п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ), а рассматриваются судами общей юрисдикции.

Данные нововведения, с одной стороны, призваны создать правовые гарантии участия граждан в охране общественного порядка, с другой - устанавливают определенный правовой «заслон» возможности превышения народным дружинником или внештатным сотрудником полиции полномочий в связи с их участием в охране общественного порядка [7].

Вместе с тем обывателю не совсем понятно чьи именно необходимо выполнять требования если народный дружинник к участвует в охране общественного порядка совместно с сотрудниками полиции. Неисполнение требований сотрудников полиции образует состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.3 КоАП РФ, а игнорирование требований народного дружинника – 19.35 КоАП РФ. При этом возникает правовое расхождение, если требования о прекращении противоправных действий выдвигают одновременно сотрудник полиции и народный дружинник, по какой статье будет привлечен нарушитель? Наряду с этим, нельзя не отметить наличие в региональных законах об административных правонарушениях статей схожих по объективной стороне со ст. 19.35 КоАП РФ [8].

Так, в Республике Башкортостан действует в настоящее время наряду со ст. 19.35 КоАП РФ норма регионального закона – ст. 13.2 Кодекса Республики Башкортостан об административные правонарушениях, согласно которой неповиновение законному требованию члена общественного органа правоохранительного характера (члена социально-профилактического центра в микрорайоне, совета профилактики в организации независимо от форм собственности, добровольной народной дружины, рабочего отряда содействия полиции) при осуществлении указанным членом охраны общественного порядка в соответствии с Законом Республики Башкортостан от 28 июля 1997 года N 114-З «Об общественных органах правоохранительного характера в Республике Башкортостан» – влечёт влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трехсот до пятисот рублей.

Аналогичные нормы действуют как ни странно еще в ряде субъектах РФ: г. Москва, Волгоградская область, Республики Калмыкия и Башкортостан (таблица 1).

Таблица 1. Законы субъектов Российской Федерации, устанавливающие административную ответственность за невыполнение требований народных дружинников

№№ п/п	Статья закона	Закон субъекта РФ	Административное наказание
1.	Статья 13.8. Воспрепятствование законной деятельности члена муниципальной казачьей дружины	Кодекс Волгоградской области об административной ответственности от 11 июня 2008 г. N 1693-ОД	Влечёт наложение штрафа до 7 тыс. руб.
2.	Статья 13.2. Неповиновение законному требованию члена общественного органа правоохранительного характера	"Кодекс Республики Башкортостан об административных правонарушениях" от 23.06.2011 N 413-з	Влечёт наложение штрафа до 500 руб.
3.	Статья 29. Воспрепятствование законной деятельности народного дружинника	Закон Республики Калмыкия от 19.11.2012 N 384-IV-З "Об административных правонарушениях в Республике	Влечёт наложение штрафа до 1,5 тыс. руб.

		Калмыкия"	
4.	Статья 3.3. Воспрепятствование законной деятельности народного дружинника или члена общественного пункта охраны порядка	Закон г. Москвы от 21.11.2007 N 45 "Кодекс города Москвы об административных правонарушениях"	Влечёт наложение штрафа до 2 тыс. руб.

Особенно важно необходимо отметить, что у народных дружинников помимо прав имеются и обязанности, за нарушение которых возникает соответствующая ответственность. В соответствии с ч. 7 ст. 10 и ст. 20 ФЗ N 44 за противоправные действия внештатные сотрудники полиции и народные дружинники несут ответственность, установленную законодательством РФ. Ст. 19.36 КоАП предусмотрена ответственность за совершение народным дружинником или внештатным сотрудником полиции, участвующими в охране общественного порядка, действий, повлекших нарушение или незаконное ограничение прав и законных интересов граждан или организаций, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

При наличии признаков преступления в деяниях рассматриваемых субъектов должна наступать уголовная ответственность (например, при нарушении народным дружинником запрета на применение физической силы для пресечения правонарушений в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен, за исключением случаев совершения указанными лицами вооруженного либо группового нападения, ч. 7 ст. 19 ФЗ N 44).

В идеальном варианте, по нашему мнению, участие граждан в охране общественного порядка должно осуществляться в форме расширенного и систематического взаимодействия с правоохранительными органами, выработки у населения правильных стереотипов поведения в ответ на противоправные действия, широкой доступности школ (секций) по обучению приемам личной самообороны (возможно, путем создания сети таких школ). Полагаем, что именно правоохранительные органы должны взять на себя основную нагрузку по содержательному наполнению такой деятельности, в том числе путем направления в такие секции в качестве преподавателей своих действующих сотрудников. Это позволит не только повысить уровень знаний в сфере правопорядка у простых граждан, но и укрепит сотрудничество населения с полицией на межличностном уровне.

Таким образом, совместная работа Федерации и ее субъекта (на примере Калужской области) по привлечению граждан к охране общественного порядка дает положительные результаты. После принятия Закона №44-ФЗ, дальнейшее нормативное регулирование должно, по нашему мнению, осуществляться субъектом Российской Федерации с учетом местных особенностей. Совокупные мероприятия региональных органов власти и органов внутренних дел несомненно приведут к увеличению граждан, желающих участвовать в охране общественного порядка.

Региональные нормы об установлении административной ответственности за игнорирование требований народных дружинников должны быть исключены из законов субъектов РФ, так как возникает необоснованная «конкуренция» федеральных и региональных положений административного принуждения.

Список литературы

1. Савочкина Д. О. Участие граждан в охране общественного порядка в Республике Крым актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в крымском феде-

ральном округе // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 271-276
2. О порядке взаимодействия территориальных органов внутренних дел на районном уровне, органов местного самоуправления с гражданами, участвующими в охране общественного порядка на территории Пензенской области // https://58.xn--b1aew.xn--p1ai/umvd/%(дата обращения 03.09.2020 г.).
3. Об участии жителей Калужской области в охране общественного порядка // УМВД России по Калужской области. 24.03.2017 г. https://40.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/3246871(дата обращения 03.09.2020 г.).
4. Еропкин М. И. Управление в области охраны общественного порядка. М., 1965.
5. Пивоваров Д. В. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, применяемые сотрудниками полиции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017.
6. Шнитенков А. В. Уголовно-правовое положение народного дружинника и внештатного сотрудника полиции // Законность, 2017, N 7.
7. Костенников М. В. Куракин А.В. Административно-правовая охрана полицией общественного порядка // Вестник ВИПК МВД России. 2017. № 3. С. 38-48.
8. Султанов К. А. Административные проблемы реализацией полицией законодательства субъектов Российской Федерации в сфере охраны общественного порядка // Вестник ВИПК МВД России. М.: 2019. № 3 (51). С. 83-87.
9. Еропкин М. И. Сущность и содержание общественного порядка // Проблемы теории и практики административной ответственности. М., 1983.
10. Веремеенко И. И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. М., 1981. Ч. 1.
11. Бельский К. С. О функциях исполнительной власти // Государство и право. 1997. N 3.

Sultanov K. A. About administrative and legal responsibility for violation of the rights of citizens involved in public order protection according to the legislation of subjects of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 313-320.

The article Deals with topical issues and the role of internal Affairs bodies in the implementation of legislation on the protection of public order by the forces of people's vigilantes and public associations. The subject of the study is the legislation of the Russian Federation on the participation of citizens in the protection of public order and the normative legal acts of the subjects of the Russian Federation adopted in accordance with it. The article examines the application of Federal and regional norms on administrative responsibility for non-compliance with the requirements of people's vigilantes. The author analyzes the adopted Federal law of 02.04.2014 No. 44-FZ "on the participation of citizens in the protection of public order" for the possibility of implementing some of its provisions. The author's positions regarding strengthening of guarantees to the persons participating in protection of a public order in the administrative legislation on an example of the Kaluga, Penza region and the Republic of Crimea are considered. Specific recommendations are proposed to increase the prestige of citizens ' participation in the protection of public order.

Keywords: legal regulation, public order, citizens, forms of participation, law enforcement associations, security, subjects of the Russian Federation, police, administrative process, offender.

Spisok literatury

1. Savochkina D. O. Uchastie grazhdan v ohrane obshchestvennogo poryadka v Respublike Krym aktual'nye voprosy obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstviya prestupnosti v krymskom federal'nom okruge // Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Krasnodarskij universitet MVD Rossii. 2016. S. 271-276
2. O poryadke vzaimodejstviya territorial'nyh organov vnutrennih del na rajonnom urovne, organov mestnogo samoupravleniya s grazhdanami, uchastvuyushchimi v ohrane obshchestvennogo poryadka na territorii Penzenskoj oblasti // https://58.xn--b1aew.xn--p1ai/umvd/%(data obrashcheniya 03.09.2020 g.).
3. Ob uchastii zhitelej Kaluzhskoj oblasti v ohrane obshchestvennogo poryadka // UMVD Rossii po Kaluzhskoj oblasti. 24.03.2017 g. https://40.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/3246871(data obrashcheniya 03.09.2020 g.).
4. Eropkin M. I. Upravlenie v oblasti ohrany obshchestvennogo poryadka. M., 1965.

5. Pivovarov D. V. Mery obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah, posyagayushchih na obshchestvennyj poryadok i obshchestvennuyu bezopasnost', primenyaemye sotrudnikami policii: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2017.
6. SHnitenkov A. V. Ugolovno-pravovoe polozhenie narodnogo druzhinnika i vneshtatnogo sotrudnika policii // Zakonnost', 2017, N 7.
7. Kostennikov M. V. Kurakin A.V. Administrativno-pravovaya ohrana policiej obshchestvennogo poryadka // Vestnik VIPK MVD Rossii. 2017. № 3. S. 38-48.
8. Sultanov K. A. Administrativnye problemy realizaciej policiej zakonodatel'stva sub"ektov Rossijskoj Federacii v sfere ohrany obshchestvennogo poryadka // Vestnik VIPK MVD Rossii. M.: 2019. № 3 (51). S. 83-87.
9. Eropkin M. I. Sushchnost' i soderzhanie obshchestvennogo poryadka // Problemy teorii i praktiki administrativnoj otvetstvennosti. M., 1983.
10. Veremeenko I. I. Mekhanizm administrativno-pravovogo regulirovaniya v sfere ohrany obshchestvennogo poryadka. M., 1981. CH. 1.
11. Bel'skij K. S. O funkciyah ispolnitel'noj vlasti // Gosudarstvo i pravo. 1997. N 3.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 5 (71). № 4. – С. 321-328.

УДК 340.34.03

СУДЕБНАЯ ОШИБКА КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Ерёмина И. С.
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматриваются основные закономерности возникновения и преодоления судебных ошибок.. Автор раскрывает отличительные признаки понятия «судебная ошибка»; определяет факторы, способствующие возникновению судебных ошибок; предложил превентивные меры для профилактики совершения судебных ошибок. В статье рассмотрен механизм зарождения судебных ошибок, который кроется в заблуждении субъекта правоприменительной деятельности (его внутреннем состоянии), которое происходит из-за безответственного отношения к служебным обязанностям или добросовестного заблуждения в силу объективных обстоятельств. Проанализированы факторы, способствующие совершению судебных ошибок, такие как: отсутствия профессиональных компетенций; предубежденность, самоуверенность и обвинительный уклон субъекта правоприменительной деятельности; казуистичность и декларативность некоторых норм права; недолжное внимание на юридическую грамотность при принятии решений при апелляционном, кассационном и надзорном производстве; неблагоприятные условия труда и др. Предложены следующие меры, направленные на профилактику совершения судебных ошибок: составление обзора судебных ошибок при анализе судебной практики; правовое воспитание и поощрение качественного труда правоприменителя; модернизация системы профессионального образования и отбора кадров для судебной системы и др. В исследовании применялись общенаучные и частнонаучные методы: диалектический, сравнительный, формально-юридический, моделирования и др.

Ключевые слова: правоприменение; судебная ошибка; субъект правоприменительной деятельности; правовое воспитание; правовая культура; законодательство, добросовестное заблуждение, эффективное правовое регулирование, качество правоприменения, профилактика.

Увеличение правоприменительной нагрузки на судей неразрывно связано с устранением и сокращением ошибок у субъектов данной деятельности. Для чего необходимо разобраться в механизме их возникновения. Изучение вопроса причин и условий, способствующих совершению судебных ошибок имеет практическое значение - позволит создать основу для их предотвращения; управлять на качественном уровне правоприменительной деятельностью судей.

Раскрытие генезиса судебных ошибок имеет ряд сложностей: во-первых, совершению каждой судебной ошибки способствуют разнохарактерные обстоятельства; во-вторых, для выяснения истоков ошибочных действий правоприменителя необходим анализ полного спектра детерминант, процессов и состояний. Так, достаточно часто судебные постановления подлежит отмене (замене) из-за незаконных или необоснованных процессуальных решений судей, по причине неправильно выполненных или не проведенных ими действий. Например, отсутствие не извещенных сторон при рассмотрении иска, неточная оценка доказательств, способствуют неправомерному разрешению дела по существу. При аналогичных обстоятельствах, несомненно, есть причинно-следственная связь между неправильным решением судьи и сделанными ранее им нарушениями.

Но это бесспорные основания для совершения судебных ошибок, которые фиксируются в документах, завершающих производство по делу. При обнаружении та-

ких ошибок достаточно сложно объяснить, что способствовало их совершению. Причины и условия, способствующие совершению судебных ошибок, лежат за пределами сферы правоприменительной деятельности.

Общепринятый подход по данному вопросу заключается в следующем: многие ученые-юристы являются сторонниками позиции, что судебные ошибки совершаются вследствие объективных причин. Так, интерес заслуживает мнение А.С. Грицанова, который называет «…несовершенство некоторых процессуальных институтов, пробелы и коллизии в праве, сложности в условиях труда судей…» являются причинами судебных ошибок [1, с. 129]. Петрухин И.Л. и Морщакова Т.Г. утверждают, что «… полученная информация в ходе судебного процесса не всегда является надежной; ограниченность сроков рассмотрения дела; индуктивный характер рассуждений создают опасность подмены истины высокой степенью вероятности…» [2, с. 260-261]. Подобная позиция является односторонней.

Мы согласны с мнением Зайцева И.М., который считает теоретически несостоятельной и вредной в практическом плане концепцию объективизации генезиса судебных ошибок [3, с. 65]. Первопричины данного феномена преимущественно заключаются в субъективных факторах:

- дефекты правосознания;
- низкий уровень правового воспитания и правовой культуры;
- морально-нравственные качества субъекта правоприменительной деятельности.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что механизм зарождения судебных ошибок кроется в заблуждении субъекта правоприменительной деятельности (его внутреннем состоянии, которое происходит из-за безответственного отношения к служебным обязанностям или добросовестного заблуждения в силу объективных обстоятельств. На практике достаточно редко правоприменитель добросовестно заблуждается, и, как правило, это связано с обстоятельствами от него не зависящими. Например, отсутствие необходимой информации в силу некомпетентности эксперта или оперативного работника.

Основной текст. Больше всего судебные ошибки совершаются по причине отсутствия профессиональных компетенций (знаний, умений и навыков). Анализ обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации показывает, что достаточно часто дела направляются на дополнительное расследование по причине «юридической неосведомленности» [4].

Не каждый становится высококвалифицированным специалистом, если даже он отлично учился в вузе. Например, неразвитое логическое мышление способствует созданию нелогичных, противоречивых, непоследовательных и неубедительно аргументированных правоприменительных актов.

Еще один фактор, который влияет на совершение судебных ошибок – определенные качества и способности субъекта правоприменительной деятельности. Преимущественно нравственные качества правоприменителя влияют на равнодушное отношение к выполнению профессионального долга: формальное осуществление правоприменения; бесчувствие к человеческим судьбам; отсутствие желания разобраться в деле; подкупность; недобросовестное, некорректное составление юридических документов. А в результате - совершение судебной ошибки.

Предубежденность, самоуверенность и обвинительный уклон субъекта правоприменительной деятельности приводят к одностороннему рассмотрению материалов дела. Проверка только избранной правоприменителем версии, шаблонность в процессуальных действиях мешает установлению истины по делу. Вследствие чего вероятность совершения судебной ошибки высока.

Неопытность субъекта правоприменительной деятельности может также быть причиной судебных ошибок. Молодые специалисты не всегда в совершенстве владеют навыками грамотной оценки обстоятельств по делу; недооценивают или переоценивают значение некоторых данных; неверно выстраивают иерархию фактов, что имеет важное значение для грамотной квалификации и принятии безошибочного решения.

Вместе с тем, профессиональный опыт дает возможность оптимального выбора решения. Узкий, несформировавшийся практический кругозор молодого специалиста-правоприменителя может привести к изданию ошибочного правоприменительного акта.

Кроме того, опыт правоприменения позволяет лицу выбрать оптимальный вариант решения из тех, что ему предлагает норма, учитывая практику применения в подобных ситуациях в прошлом. Таким образом, опытный правоприменитель обладает более широким практическим кругозором, по сравнению с «молодым» специалистом. Не обладающий большим опытом правоприменения сотрудник в ситуации, где у него есть выбор из нескольких возможных решений, может остановиться на нецелесообразном, издать ошибочный акт применения права.

Впрочем, опыт правоприменителей со стажем имеет свои отрицательные стороны: консервативность и стандартность в решениях; невосприимчивость к новой информации и подходам в работе.

Следует отметить, что причины, без соответствующих условий не порождают ошибочных решений. На причинно-следственные связи влияют разнообразные события и факты, совокупность которых называется - условиями.

Рассмотрим базовые условия, которые способствуют совершению судебных ошибок:

- казуистичность и декларативность некоторых норм права. Большое количество оговорок, исключений в нормативно-правовых актах влияют на правильность правоприменительной деятельности. Декларативные нормы препятствуют эффективному правовому регулированию.

- низкое качество законодательной техники: двусмысленность, неясность формулировок, обозначение одинаковыми терминами различных явлений, большое количество оценочных понятий способствуют совершению судебных ошибок;

- несогласованность, противоречивость федерального законодательства и субъектов Российской Федерации; коллизии в праве приводят к вынужденным ошибкам правоприменительной деятельности;

- слабая, недостаточная работа контролирующих органов. Несовершенство прокурорского надзора, в основе которого заложен общепредупредительный характер воздействия;

- недолжное внимание на юридическую грамотность при принятии решений при апелляционном, кассационными надзорном производстве;

- отсутствие заинтересованности в выполнении качественного правоприменения. Работа по стимулированию сотрудников за добросовестное, профессиональное исполнение служебных обязанностей осуществляется не должном уровне, что снижает качество выполненных работ;

- низкий уровень правового воспитания и правовой культуры правоприменителей. Отсутствие системной работы в данном направлении со стороны руководителей и наставников. Несвоевременное реагирование со стороны руководства на нарушения подчиненных;

- ошибки работодателя при подборе кадров на должности. Не учитываются при назначении на должность интеллектуальные и профессиональные способности;

- неблагоприятные условия труда: отсутствие ремонта в служебных помещениях; неравномерное распределение нагрузки; плохой морально-психологический климат в коллективе; утомляемость и усталость сотрудников;

- необеспеченность необходимой литературой, нормативными источниками; отсутствие занятий по профессиональной подготовке;

- судебное усмотрение. Некоторая произвольность при принятии решения по делу может повлечь совершение судебных ошибок.

Все вышесказанное обуславливает необходимость поиска путей преодоления судебных ошибок. Рассмотрим наиболее важные, по нашему мнению, пути преодоления судебных ошибок.

Безусловным условием результативной работы по устранению судебных ошибок является обладание о них в большом объеме аутентичной информации.

Статистические данные – это один из источников достоверной информации с широким охватом явлений судебной практики. В улучшении судебной практики существенное значение отводится обобщениям, которые способствуют раскрытию причин и условий судебных ошибок.

Составление обзора судебных ошибок при анализе судебной практики существенно повлияют на качество правоприменения. При составление таких обзоров можно включать не только собственную «базу» ошибок, но и разных правоохранительных органов. Акцент в таких обзорах следует делать на сущности ошибок, их оценки различными специалистами в области права; применяемых мерах к нарушителю. Целесообразно аккумулировать не только ошибки в правоприменении, но и положительный опыт в этой сфере.

Анкетирование и опрос как социологические методы приемлемы для выявления и изучения факторов, обуславливающих судебные ошибки. Их систематическое использование покажет распространенные виды и характер совершаемых шибок, сотрудников их совершающих.

Полученная информация из социологических исследований коллектива существенно повлияет на выбор форм правовоспитательной работы. Мы считаем, что правовое воспитание должно заключаться в развитии таких морально-нравственных качеств сотрудника как ответственность, гуманизм, самосознание, совесть, самоконтроль, долг, уважение к другим людям [5. С. 164]. Бесспорно, что в правовом воспитании также следует развивать такие качества как уважительное отношение к праву, осознание его социальной ценности.

Наибольший результат в правовом воспитании достигается путем стремлений самого специалиста к повышению своего профессионализма, то есть в самовоспитании.

Полагаем, что заинтересованность и стремление к повышению уровня профессиональной пригодности достигается путем поощрения качественного труда правоприменителя. Так, мотивация специалиста на профессионально грамотную работу вызывает стремление к точному и неуклонному исполнению своих должностных обязанностей. Заинтересованность в результатах своей работы значительно улучшает ее качество.

Добиться качественных результатов правоприменительной деятельности можно путем поощрения за достигнутые профессиональные успехи. Так, на практике применяются следующие разновидности вознаграждений: объявление благодарности; ценный подарок; премирование; повышение по службе; внеочередное получение звания и т.п. В свою очередь поощрение как разновидность реализации права должно осуществляться только в строго установленном законном порядке, основанном на принципах справедливости и целесообразности.

Значительным способом профилактики совершения судебных ошибок будет законодательное определение ее понятия. Любой участник правоприменительного процесса должен знать, что правореализация – «нормативно-признанное явление» [6. С. 144]. Отсутствие четкого однозначного определения понятия как правоприменительной ошибки, так и судебной, в частности, способствуют противоречиям в их толковании.

Важным фактором устранения судебных ошибок является коллегиальность рассмотрения дел, которая приведет к преодолению субъективизма. Использование опыта и знаний нескольких специалистов будет способствовать полному, объективному и всестороннему рассмотрению дел по существу.

Одним из серьезных условий грамотной правоприменительной деятельности является наличие у каждого правоприменителя необходимой информации. Обеспеченность актуальными справочно-правовыми системами, научной и справочной литературой будет способствовать высокому качеству правоприменительной деятельности сотрудников. А регулярно проводимые семинары авторитетных практиков дополнительно окажут помощь в профилактике совершения судебных ошибок.

Разумный контроль и проверка правоприменительной деятельности – важное направление в сфере предупредительного воздействия на субъект правоприменительной деятельности. Сам факт существования контроля стимулирует правоприменителя к внимательности, ответственности и добросовестности.

Проведенный анализ причин и условий, способствующих совершению судебных ошибок показывает, что одна из основных проблем – отсутствие профессионализма, достаточных знаний и умений для грамотного правоприменения. Наличие диплома, подтверждающего юридическое образование не всегда показатель высококвалифицированного специалиста.

Исходя из сказанного, представляется, что модернизирование системы профессионального образования и отбора кадров для судебной системы – важное направление в преодолении судебных ошибок. Обучение не только теоретическим знаниям, но и практическому опыту предотвращения правоприменительных ошибок позволит подготовить специалиста с критическим мышлением. Детальный разбор пра-

вопримениительных ошибок; обучение поиску новых путей их преодоления; анализ и обсуждение конкретных практический ситуаций будут способствовать формированию мыслящего, уверенного и профессионально грамотного юриста.

Престиж профессии судьи позволяет требовательнее проводить отбор претендентов. В соответствии со ст. 119 Конституции Российской Федерации

«… судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет…» [7]. Также отмечается, что федеральный закон может устанавливать дополнительные требования к данной должности. Полагаем, что включение морально-этических норм и требований на должность судьи является действенной превентивной мерой предотвращения судебных ошибок.

Значительное влияние на правоприменительную деятельность оказывает качество и совершенство законодательства, его соответствие требованиям происходящих социальных процессов. Эквивалентность действующих норм права существующим представлениям в обществе о добре и зле, справедливости, гуманизме будет способствовать должному исполнению предписаний в праве.

Существенное влияние на качество правоприменительной деятельности оказывает правильное понимание воли законодателя и одинаковое ее исполнение. В этой связи ясность, доступность, понятность правовых норм – обязательное условие, которым должны руководствоваться государственные органы при осуществлении правотворческой деятельности.

Высокая активность правотворческой работы зачастую приводит появлению коллизий в праве, которые могут привести некоторых правоприменителей к совершению судебных ошибок. Отсутствие знаний и навыков и системного толкования норм права, недооценка и несоблюдение правил разрешения коллизий правовых норм, отсутствие адекватного механизма преодоления коллизий приводит к нарушению законности, и как следствие – совершению судебной ошибки. Как верно подчеркивает Лаврентьев А.Р. следует законодательно закрепить иерархию коллизионных норм, которая снимет ряд ошибочных решений со стороны правоприменителя [8. С. 177].

Действенным условием выявления и устранения судебных ошибок является право лица на обжалование действий должностных лиц. Обязанность государства в полном объеме обеспечить это право. Так, в уголовно-процессуальном законодательстве достаточно установления факта нарушения законности влечет отмену или изменение правоприменительного акта [9]. Принудительное исполнение обязанностей также является правовосстановительной мерой ликвидации судебной ошибки.

Заслуживают отдельного внимания в вопросах защиты прав граждан от последствий совершения судебных ошибок меры реабилитационного характера. Институт реабилитации призван устранить судебные ошибки, восстановить нарушенные права и возвратить доброе имя гражданина и причиненный ему ущерб. Конституция Российской Федерации в ст. 53 закрепляет право каждого «… на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц» [7]. Данное конституционное положение нашло свое отражение в уголовно-процессуальном кодексе, где возложена обязанность суда принять меры к возмещению вреда, причиненного незаконными действиями [9]. Правовосстановительные мероприятия включают в себя: воз-

мещение материальных благ; отмена ошибочных запретов или ограничений; восстановление на работе; возмещение морального вреда и т.п. Кроме того, к лицу, вынесшему ошибочный правоприменительный акт могут быть применены меры юридической ответственности [10. С. 87].

Все вышесказанное обуславливает необходимость дальнейшей работы по научно-практической разработке законодательного закрепления правоприменительной (в том числе судебной) ошибки. Рассмотренные причины и условия, способствующие совершению судебных ошибок, позволят усовершенствовать мероприятия по их профилактике. Предложенные пути преодоления судебных ошибок носят дискуссионный характер, что показывает важность и значимость рассматриваемого вопроса.

Список литературы:

1. Грицанов А.С. Кассационное производство в советском гражданском прцессе. Томск, 1980. 259 с.
2. Право и социология. М., 1973. 325 с.
3. Зайцев И.М Теоретические вопросы устранения судебных ошибок в гражданском процессе. Дис... д-ра юрид. наук. Саратов, 1986. 364 с.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4, 2019. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019. Документ опубликован не был.
5. Ерёмина И.С. Педагогическое управление становлением гражданственности будущих специалистов в образовательной системе вуза. Дис... д-ра пед. наук. Благовещенск, 2015. 366 с.
6. Лашков А.С. Правотворческие ошибки. Проблемы теории и прктики. Дис ... канд. юрид. наук. СПб, 1999. 154 с.
7. Конституция Российской Федерации (с изм.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 15. Ст. 1691.
8. Лаврентьев А.Р. Коллизии института юридической ответственности в России. Дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 155 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921
10. Мурсалимов К.Р. Правоприменительные ошибки: проблемы теории. Дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 182 с.

Eremina I.S. Judicial error as a socio-legal phenomenon: ways to overcome // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 5 (73). № 4. – P. 321-328.

The article discusses the main patterns of occurrence and overcoming of judicial errors. The author reveals the distinctive features of the concept of "judicial error"; identifies factors contributing to the occurrence of miscarriages of justice; proposed preventive measures to prevent miscarriages of justice. The article discusses the mechanism of the origin of judicial errors, which lies in the delusion of the subject of law enforcement activity (his internal state), which occurs due to an irresponsible attitude to official duties or a conscientious delusion due to objective circumstances. The factors contributing to the commission of judicial errors are analyzed, such as: lack of professional competencies; prejudice, self-confidence and accusatory bias of the subject of law enforcement; casuistry and declarativeness of some norms of law; inadequate attention to legal literacy when making decisions in appeal, cassation and supervisory proceedings; unfavorable working conditions, etc. The following measures are proposed to prevent miscarriages of justice: compiling a review of miscarriages of justice in the analysis of judicial practice; legal education and encouragement of high-quality work of the law enforcement officer; modernization of the vocational education system and selection of personnel for the judicial system, etc. The study used general scientific and specific scientific methods: dialectical, comparative, formal legal, modeling, etc.

Key words: law enforcement; judgement mistake; subject of law enforcement; legal education; legal culture; legislation, good faith delusion, effective legal regulation, quality of law enforcement, prevention.

Spisok literatury:

1. Gricanov A.C. Kassacionnoe proizvodstvo v sovetskom grazhdanskom prcesse. Tomsk, 1980. 259 s.
2.Pravo i sociologiya. M., 1973. 325 s.

3.Zajcev I.M Teoreticheskie voprosy ustraneniya sudebnyh oshibok v grazh¬danskom processe. Dis... d-ra yurid. nauk. Saratov, 1986. 364 s.
4.Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 4, 2019. Utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 25.12.2019. Dokument opublikovan ne byl.
5.Eryomina I.S. Pedagogicheskoe upravlenie stanovleniem grazhdanstvennosti budushchih specialistov v obrazovatel'noj sisteme vuza. Dis... d-ra ped. nauk. Blagoveshchensk, 2015. 366 s.
6.Lashkov A.C. Pravotvorcheskie oshibki. Problemy teorii i prktiki. Dis ... kand. yurid. nauk. SPb, 1999. 154 s.
7.Konstituciya Rossijskoj Federacii (s izm.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2014. № 15. St. 1691.
8.Lavrent'ev A.R. Kollizii instituta yuridicheskoj otvetstvennosti v Ros¬sii. Dis... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 1999. 155 s.
9.Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. N 174-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001. № 52 (chast' I). St. 4921
10. Mursalimov K.R. Pravoprimenitel'nye oshibki: problemy teorii. Dis... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2000. 182 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 329-338.

УДК: 342.95

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Цындря В. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализируется потребность в характеристике основных стадий государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний: её формирования и реализации.

Охарактеризованы политологический, управленческий и правовой аспекты сущности первой стадии.

Установлено, что цели формирования государственной политики области административных наказаний, связаны с: выявлением и обобщением, в том числе и использованием возможностей экспертного сообщества и общественности, проблем, связанных с административными наказаниями, то есть оформление «общественного запроса»; упорядочиванием различных идей, концепций, отражающих предложения по их устранению; разработкой модели закрепления принятых решений в проектах нормативных правовых актов; выработкой методологии доведения соответствующих государственно-политических решений до сознания общественности.

Детализировано содержание принципов социального гуманизма и взаимосвязи частных государственных политик в едином ценностно-целевом пространстве. Высказаны предложения по закреплению системы таких принципов в концепции административно-наказательной политики.

Под источниками этой политики предложено понимать совокупность нормативных правовых актов и политических документов, решений и публичных действий (выступлений, сообщений), закрепляющих (содержащих, отражающих) доминирующие в обществе идеи, взгляды, представления о сущности и системе административных наказаний, подходах к их установлению и эффективности исполнения.

В контексте политологического, управленческого и нормативного подходов раскрыты основные модели процесса формирования государственной политики, выделены её общие этапы и особенности формирования государственной политики в области административных наказаний.

Ключевые слова: государственная политика, административно-наказательная политика, стадии государственной политики, цели, принципы, источники и модели административно-наказательной политики.

Российская Федерация сегодня находится на важном этапе реформирования правовой базы деятельности органов государственной власти, совершенствования конституционного и иного отраслевого законодательства, перестройки организационно-правового механизма защиты прав и свобод человека, обеспечения интересов личности, общества и государства.

Инициированная Президентом России конституционная реформа, как ответ на запросы общества, обеспечила принятие изменений в Конституцию Российской Федерации, касающихся ключевых вопросов государственной власти на всех её уровнях, усиления социальной защиты граждан Российской Федерации, повышения роли России в поддержании международного мира, подержания доверия к власти и межнационального согласия и др. В свою очередь, принятие поправок в Основной закон нашего государства, требует модернизации отечественного законодательства путем обновления действующих законов и принятия новых нормативных правовых актов.

В этой связи, остается актуальным вопрос о завершении подготовки и принятия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в решении Правительства России обозначен срок принятия нового КоАП – 01.01.2021 г.) [1]. Новый КоАП РФ должен отразить баланс общественных и государственных интересов в правовом регулировании административно-деликтных отношений и закономерности формирования соответствующей разновидности государственной политики.

Теоретическое осмысление сущности государственной политики в этой области тесно связано с изучением общих подходов к государственно-политическим процессам. Так, формирование и реализация государственной политики рассматривается как цикл, состоящий из нескольких последовательных действий и включающий такие этапы: инициирование государственной политики (определение проблем, установление целей и задач органов государственной власти); формирование государственной политики (разработка стратегии и плана решения проблем, а также нормативного правового акта, отражающего основы того или иного аспекта государственной политики); реализация государственной политики (исполнением запланированных мероприятий и мониторинг осуществления государственной политики); оценка государственной политики (регулирование хода реализации государственной политики и оценка полученных результатов) [2].

В свою очередь, нами высказано предположение о двух фазах развития государственной политики в области административных наказаний: формирование, включающего в себя и инициирование её разработки, и реализации – практического воплощения разработанных мероприятий, контроль за состоянием их выполнения и корректировку соответствующих процессов в зависимости от сложившейся ситуации и оценки эффективности того или иного мероприятия.

В данной публикации акцентируется концептуальные основы её первой фазы – формирование.

Изучения теоретических основ формирования административно-наказательной политики предусматривает: систематизацию основных подходов к формулированию терминов, раскрывающих сущность этой деятельности; определение её целей, принципов и источников, а так же типологизацию моделей этого процесса.

Определяя ранее государственную политику в области административных наказаний, как сложное политико-правовое явление и результат государственной управленческой деятельности, считаем, что её формированию свойственны признаки политико-правовой и государственно-управленческой деятельности [3-5]. В связи с этим, предлагаем обратить внимание на политологический, управленческий и правовой аспекты этой категории.

Анализ научных публикаций показывает, что базовые положения теории формирования государственной политики в целом и её разновидностей, сформулированы политологической наукой. В общем смысле, под формированием (выработкой) государственной политики понимают совокупность стадий, факторов, условий, деятельности субъектов политики и групп влияния в процессе выбора стратегических целей, а также их закрепления в соответствующих документах (законах, программах, доктринах и др.) [6, с. 23].

Среди комплексных исследований процессов и механизмов формирования государственной политики в современном российском обществе, выделяются работы В.И. Якунина, в которых: обосновывается рациональный характер формирования

государственной политики; делается вывод о том, что политические механизмы выработки государственных решений являются составляющей государственного администрирования, наиболее глубоко сочетающиеся с административными формами деятельности исполнительной власти; акцентируется внимание на ценностных ориентирах как базовых предпосылках формирования государственной политики; раскрывается связь между политическими и юридическими технологиями в процессе формирования государственной политики и т.д. [7, с.15-16]

Рассматривая специфику формирования государственной политики в сфере высшего профессионального образования, Д.В. Суслова отмечает тесную связь между политикой и управлением, дополнительно аргументирует наличие в подходах к пониманию механизма принятия государственно-управленческих решений рыночно-либеральной концепции (теория нового государственного управления (new public management) и концепции политических сетей (теория «governance» – «рецептивного администрирования, «участвующего менеджмента»), выявляет систему субъектов формирования государственной политики в исследуемой ей области, в том числе и конкретизирует роль экспертно-аналитических структур в разработке и принятии политико-государственных решений и др. [8].

В политологическом аспекте формирование (выработка) государственной политики рассматривается с позиций: места и роли участников (акторов) политики; соотношения властных уровней в формировании и принятии соответствующих государственно-политических решений, цикличности политического процесса, способов имплементации политических решений в положения нормативных правовых актов.

Управленческий аспект к формированию государственной политики проявляется в её понимании как «…провозглашения принципов и ценностей, постановки целей государственной политики, разработки и принятия решений по их достижению, определения управленческих мер и действий, направленных на их достижение» [9, с. 32; 10].

Характеристика процессов формирования (выработки) государственной политики осуществляется с использование следующих подходов [11, 12]: ценностно-ориентированного, предусматривающего учёт значения политических явлений для общества и личности, их оценку с позиции общего блага, справедливости, свободы, уважения человеческого достоинства и построения на основе этих ценностей государственно-политического поведения и институтов; нормативно-правового, определяющего основой формирования государственной политики – нормативные предписания, отраженные в нормативных правовых актах (программах, доктринах, концепциях); системно-управленческого, основанного на единстве и взаимодействии процессов формирования государственной политики, а так же рассмотрения их взаимоотношении с процессами, протекающими в других сферах общественной жизни, в первую очередь экономике и политики; проектного, при котором тщательная проработка всех ресурсных составляющих принимаемых политических решений и их предполагаемых последствий ещё на стадии проектирования мероприятий приоритетных национальных проектов, является залогом эффективности государственной политики.

В рамках управленческой науки формирование государственной политики рассматривается контексте управленческого процесса, при котором учитываются субъекты принятия соответствующих решений, объекты – конкретные процессы обще-

ственной жизни, требующие соответствующего управленческого воздействия, формы прямой и обратной связи между субъектами и объектами управления. Кроме этого, наукой государственного управления, выработан комплекс методов разработки, принятия, контроля за исполнением и корректировки соответствующих решений [13].

В контексте предмета нашего исследования, основным следует признать правовой подход, в соответствии с которым формирование государственной политики рассматривается как правотворческий процесс воплощения государственно-политического решения в соответствующую правовую норму.

Нами отмечается, что формирование государственной политики рассматривается и как «…научно обоснованная, последовательная и системная деятельность, направленная на создание необходимых правовых и политических условий для достижения стратегических целей и решения тактических задач правового развития страны» [14, с. 7-8], и как «…выработка стратегического курса государства в определённой сфере общественной жизни и его дальнейшее нормативно-правовое закрепление» [15-17].

Правовой подход позволяет определить перечень легитимных субъектов, уполномоченных разрабатывать основы государственной политики, а также их взаимодействие с другими участниками этой деятельности, создать процессуальную модель её формирования (этапы, стадии), установить способы юридического оформления результатов принятия соответствующих решений, порядок их официального доведения до адресатов политики, разграничить нормативные и политические документы и др.

Рассмотренные выше подходы целесообразно использовать в комплексе. Комплексность в данной ситуации обуславливается многоаспектностью политики и потребностью в применении междисциплинарных методов выработки соответствующих решений.

Например, использование политологического подхода в процессе формирования административно-наказательной политики позволяет выявить роль политических сил в формировании идеологии реформирования системы и особенностей административных наказаний, а правового – при анализе воплощения позиции политических партий в нормотворческой деятельности.

Кроме этого, построение государственной политики в области административных наказаний невозможно без структурирования основных ценностей, прав и свобод, законных интересов, воздействуя на которые достигаются цели административной ответственности. Определяя объемы такого ограничения в законодательстве об административных правонарушениях, его временный характер легитимная власть соотносит их с общечеловеческими ценностями, стремясь к соблюдению баланса между личностью правонарушителя, вредом, причиненным охраняемым законом интересам и тяжестью назначаемого ему административного наказания.

Что касается целей формирования государственной политики области административных наказаний, то они, по нашему мнению, связаны с: выявлением и обобщением, в том числе и использованием возможностей экспертного сообщества и общественности, проблем, связанных с административными наказаниями, то есть оформление «общественного запроса»; упорядочиванием различных идей, концепций, отражающих предложения по их устранению; разработкой модели закрепления

принятых решений в проектах нормативных правовых актов; выработкой методологии доведения соответствующих государственно-политических решений до сознания общественности.

Например, к основным целям обновления законодательства об административной ответственности как отражения административно-деликтной политики, которые выступили в качестве аргументов для разработки КоАП РФ, являлись: 1) в 2015 г. – потребность в трансформации института административной ответственности из орудия чрезмерного давления на граждан и, особенно на субъекты предпринимательской деятельности, в цивилизованное правовое средство охраны нарушенных прав и законных интересов государства, общества, граждан, предупреждения новых правонарушений; создание условий для недопустимости установления данной ответственности за любые, даже совершенно не значимые, формальные нарушения требований нормативных правовых актов, бездумного и бессистемного роста числа составов административных правонарушений, постоянного повышения размеров административных штрафов [18-20]; 2) в 2020 г. – обеспечение согласованности процессов совершенствования законодательства об административной ответственности и реформы контрольно-надзорной деятельности; создание условий для трансформации этого института из преимущественно карательно-фискального инструмента в институт назначения наказания, подлежащего дифференцированному применению с учетом риск-ориентированного подхода в случае, если профилактические и принудительно-профилактические меры не имели должного воздействия [21]. Таким образом, и в 2015 г. и в 2020 г. основные цели реформирования института административных наказаний остаются неизменными – обеспечение прав и свобод человека, защита интересов личности и общества, соответствие государственной репрессии характеру совершенного противоправного деяния и личности правонарушителя.

Отдельное внимание следует уделить принципам формирования административно-наказательной политики. Так, С.С. Сулакшин, М.Ю. Погорелко, И.В Репин к универсальным началам формирования государственной политики относят принципы: социального гуманизма; множественности и баланса интересов; ценностного целеполагания решений и действий; сочетания долгосрочного, среднесрочного и текущего планирования и управления; взаимосвязи частных государственных политик в едином ценностно-целевом пространстве; алгоритмизации проектирования решений в их связи с объявленными ценностными целями; реалистичности и политической реализуемости; разделения целей и средств, политических и управленческих решений; системности государственной политики [9, с. 30].

Соглашаясь с вышеуказанной позицией, охарактеризуем в качестве примера, принципы социального гуманизма и взаимосвязи частных государственных политик в едином ценностно-целевом пространстве.

Например, принцип социального гуманизма – максимального уважения в первую очередь личности человека, независимо от его правового статуса – в контексте административного наказания предусматривает приоритетное удовлетворение интересов потерпевшей стороны и общества и оказание справедливого и адекватного воздействия на правонарушителя [22].

В связи с этим, при определении характера административного наказания необходимо учитывать его способность восстановить нарушенные правонарушением

права и свободы человека, в том числе и компенсировать имущественный вред, а так же вред, причиненный нормальному развитию общественных отношений в конкретной отрасли и сфере.

С целью реализации принципа социального гуманизма необходимо: исключать возможность назначения нескольких административных наказаний при одновременном выявлении однородных административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена одной статьей (частью статьи) Особенной части КоАП; ввести правило, при котором назначение гражданам административного наказания в виде предупреждения за впервые совершенные административные правонарушения, не являющиеся грубыми, при отсутствии отягчающих обстоятельств; предусмотреть замену административного наказания в виде административного штрафа на предупреждение; решить вопрос о целесообразности назначения административного штрафа ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части КоАП или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, с учетом имущественного и финансового положения лица, привлекаемого к административной ответственности; создать условия для стимулирования позитивного постделиктного поведения (предотвращения лицом, совершившим административное правонарушение, вредных последствий административного правонарушения, добровольного устранения или возмещения лицом, совершившим административное правонарушение, причиненного административным правонарушением вреда или ущерба и др.); обеспечить возможность определения размера административного штрафа от наличия каждого смягчающего или отягчающего обстоятельства и др.

Необходимо отметить, что административно-наказательная политика тесно связана с соответствующими элементами уголовно-правовой, уголовно-исполнительной и другими частными деликтными политиками. Так, необходимо обеспечить соразмерность уголовных и административных наказаний (например, административного и уголовного штрафов), сходных по способу воздействия на правонарушителя, а также назначаемых за сходные противоправные деяния (например, побоев, мелкого и злостного хулиганства и др.); создать условий для соблюдения режима исполнения отдельных административных и уголовных наказаний (например, административного ареста, дисквалификации, конфискации).

Что касается источников формирования административно-наказательной политики, то традиционно их проблематика рассматривается с позиций легистского, политико-правового, экономико-политического и общественно-политического подходов, которые в дальнейшем трансформируется в отраслевых исследований (общетеоретических, конституционно-правовых, административно-правовых, криминологических и др.) [9, с. 23; 23].

В частности, М. Погорелко, И. Репин, С. Сулакшин под источниками ГП понимают «…документарно воплощенное содержание государственной политики, различные виды соответствующих политических и правовых документов», обличенные в нормативно-политическую (заявления, обращения, выступления, программы, послания, платформы и иные документы, выражающие намерения и обязательства политических лидеров и лиц, принимающих решения) или нормативно-правовую (письменные документы, устанавливающие правила поведения (правовые нормы) форму [9, с. 23].

Рассмотрев основные подходы к пониманию сущности источников государственной политики можно сделать вывод о том, что в контексте государственной политике РФ в части административных наказаний целесообразно будет использовать политико-правовой подход (Т. Гуржий, Д. Заброда, М. Погорелко, И. Репин, С. Сулакшин, В. Якунин и др.). Он включает в число источников государственной политики не только правовые, но и политические акты (документы) (декларации, заявления, послания, официальные выступления). При применении такого подхода состав источников государственной политики зависит от субъектов политико-правовой деятельности, которые их создают.

Такой подход позволит: проанализировать законодательные и другие нормативные правовые акты, содержащие общие правила назначения административных наказания, положения о введении, изменении, отмене, применении отдельных их разновидностей; раскрыть нормативно закреплённые направления реформирования этого административно-деликтного института; проследить исторические этапы становления и развития законодательства об административной ответственности в целом, и части административных наказаний, в РФ и закономерности его генезиса; рассмотреть законопроекты, касающиеся административных наказаний, с позиций активности субъектов законодательной инициативы, а также результаты прохождения ими законотворческой процедуры; оценить влияние политических решений, в первую очередь руководителей российского государства, на формирование подходов к развитию административно-наказательной политики; выявить вклад политических партий, их лидеров, а также других политических сил в воплощение интересов представляемых ими групп, связанных с административными наказаниями; определить барьеры, препятствующие претворению нормативных правовых актов и политических документов в жизнь, а также разработать предложения по их устранению др.

С учетом сформулированного нами ранее понятия «государственная политика РФ в области административных наказаний» [3-5] под её источниками предлагается понимать совокупность нормативных правовых актов и политических документов, решений и публичных действий (выступлений, сообщений), закрепляющих (содержащих, отражающих) доминирующие в обществе идеи, взгляды, представления о сущности и системе административных наказаний, подходах к их установлению и

эффективности исполнения.

Моделирование процессов формирования государственной политики, выделения её общих этапов, может быть рассмотрено в контексте политологического, управленческого и нормативного подходов. В частности, политологической наукой сформированы модели выработки и реализации политики и описания политического цикла. Так, в зависимости от: 1) основного типа отношений между центральной и местной властью, государством и гражданским обществом, выделяют: модель «сверху – вниз»; модель «снизу – вверх»; «централизованная модель»; «демократическая модель»; 2) степени и характера участия акторов политики в процессе её выработки: модель открытых систем (выработка политики – это последовательный переход от более «широких» и неопределенных условий к оформленному правилами (нормами, законами) поведению элит в процессе обсуждения политических целей и выработке решений); модель «институционального рационального выбора» (политика – это результат индивидуальных действий, участников политического процесса, осуществляемых в условиях персонального, коллективного или нормативного выбора); модель «политических потоков» (процесс разработки политики состоит из проблемного, экспертного и практического потоков); модель «конкурирующих защищающих коалиций» (синтезирование идей и подходов, свойственных нескольким моделям) [24].

Среди управленческих подходов к формированию государственной политики выделяют: перспективный подход, когда на основе анализа тенденций и прогнозирования развития ситуации заранее стараются спланировать и осуществить мероприятия, работая на опережение; реагирующий подход, при котором активно начинают действовать уже после того, как проблема приобретет серьезный характер для общества и государства; рациональный подход, базирующийся на экономико-математических методах и принципе рациональности [2].

Таким образом, формирование государственной политики с позиции правового подхода следует рассматривать как способ реализации полномочий соответствующих государственных органов по установлению основ и определению основных направлений федеральной политики в различных отраслях общественной жизни, разработке государственной политики в определённых областях и сферах, обеспечению участия институтов гражданского общества в выработке государственной политики и др.

Список литературы

1. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=326534&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.008020878875042 88#019061831112247418 (дата обращения: 16 июля 2020 г.).
2. Система государственного управления : учеб. пособие / С. Ю. Наумов [и др.]. – М. : ФОРУМ, 2009, 303 с.
3. Цындря В.Н. Административно-наказательная политика в Российской Федерации: актуализация проблемы // Евразийский юридический журнал.2018. №9 (124). С. 146-148.
4. Цындря В.Н. К определению понятия «административно-наказательная политика» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т.4 (70). № 4. С.277-283.
5. Цындря В.Н. Государственная политика Российской Федерации в области административных наказаний: понятие, функции, принципы. Учебное пособие. – Симферополь, Полипринт, 2019, 67 с.
6. Государственная политика : учебник. – К. : НАГУ, 2014, 448 с.
7. Якунин В.И. Процессы и механизмы формирования государственной политики в современном российском обществе : автореф. дисс... д-ра полит. наук. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2007, 38 с.

8. Суслова Д.В. Формирование государственной политики России в сфере высшего профессионального образования : проблемы и практики : автореф. дисс.... канд. полит. наук. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2010, 30 с.
9. Сулакшин С.С., Погорелко М. Ю., Репин И.В. Источники и основания государственных политик в России. Монография. – М.: Научный эксперт, 2010, 224 с.
10. Сулакшин С. Современная государственная политика и управление. Курс лекций. – М.: Директ-Медиа, 2013, 386 с.
11. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ: Учеб. пособие. – К.: МАУП, 2003, 368 с.
12. Чаркина Е.С. Развитие проектного подхода в системе государственного управления: методология, опыт, проблемы: Научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2017, 54 с.
13. Горб В. Г. Принятие и исполнение государственных и муниципальных решений : учебное пособие / В. Г. Горб. – Екатеринбург : изд-во Урал. ин-та управления – филиала РАНХиГС, 2017, 240 с.
14. Титенко Ю.А. Принципы, виды и механизм реализации российской правовой политики (общетеоретический аспект) : автореф. дисс... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007, 24 с.
15. Левченко К.Б. Управление процессами формирования гендерной политики в Украине (организационно-правовые аспекты): автореф. дис ... д-ра юрид. наук: Нац. ун-т внутр. дел. – Х., 2003, 35 с.
16. Фрис П.Л. Уголовно-правовая политика Украины: автореф. дис ... д-ра юрид. наук. Нац. акад. внутр. дел Украины. – М., 2005, 35 с.
17. Аристова И.В. Государственная информационная политика и ее реализация в деятельности органов внутренних дел Украины: организационно-правовые основы: автореф. дис ... д-ра юрид. наук: Нац. ун-т внутр. дел. – Х., 2002, 39 с.
18. Кодекс Российской Федерации об административной ответственности: Законопроект № 917598-6: Пояснительная записка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/917598-6 (дата обращения: 16 июля 2020 г.).
19. Реформа административной ответственности в России [Текст] : кол. моногр. / А. В. Кирин, В. Н. Плигин, А. Г. Агишева и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; под общ. ред. А. В. Кирина, В. Н. Плигина. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018, 477 с.
20. Концепция реформирования законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях / Е. В. Овчарова, А. Р. Агишева, В. А. Витушкин и др. – ИД Юриспруденция Москва, 201, 60 с.
21. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: решение совещания у Председателя Правительства Российской 05.06.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: // http://government.ru/news/36971/(дата обращения: 16 июля 2020 г.).
22. Кашкина Е. В. Гуманизм как принцип юридической ответственности по российскому законодательству : автореф. дис…канд. юрид. наук. – М., 2003, 25 с
23. Бузгалин А., Колганов А. Политическая экономия и экономическая политика. Рынок. Капитал. Общество [Электронный источник] – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2016/04/02/1251032216/journal14.1-3.pdf (дата обращения: 16 июля 2020 г.).
24. Болгонова А.Б. Анализ государственной политики. Учебно-метод.пособие. – Б.: Maxprint, 2020, 200 с.

Tsyndrya V.N. Conceptual approaches to shaping state policy of the Russian Federation in the field of administrative penalties // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 1. – P. 329-338.

The article updates the need to study the main stages of the state policy of the Russian Federation in the field of administrative penalties: its formation and implementation.

Political, managerial and legal aspects of the essence of the first stage are described.

It was established that the goals of the formation of state policy in the field of administrative punishments are related to: identifying and summarizing, including using the capabilities of the expert community and the public, problems related to administrative punishments, that is, issuing a "public request"; streamlining of various ideas, concepts reflecting proposals for their elimination; development of a model for fixing decisions in draft normative legal acts; developing a methodology for bringing relevant public-political decisions to the public consciousness.

The content of the principles of social humanism and the relationship of private public policies in a single value-target space is detailed. Proposals have been made to consolidate the system of such principles in the concept of administrative and punitive policy.

The sources of this policy are a set of normative legal acts and political documents, decisions and public actions (speeches, messages) that consolidate (contain, reflect) ideas, views, ideas about the essence and system of administrative penalties, approaches to their establishment and effectiveness of execution.

In the context of political, managerial and normative approaches, the main models of the process of forming state policy are revealed, its general stages and features of the formation of state policy in the field of administrative penalties are highlighted.

Key words: state policy, administrative-punitive policy, stages of state policy, goals, principles, sources and models of administrative-punitive policy.

Spisok literatury

1. Koncepciya novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=326534&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.008020878875042 88#019061831112247418 (data obrashcheniya: 16 iyulya 2020 g.).
2. Sistema gosudarstvennogo upravleniya : ucheb. posobie / S. YU. Naumov [i dr.]. – M. : FORUM, 2009, 303 s.
3. Cyndrya V.N. Administrativno-nakazatel'naya politika v Rossijskoj Federacii: aktualizaciya problemy // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal.2018. №9 (124). S. 146-148.
4. Cyndrya V.N. K opredeleniyu ponyatiya «administrativno-nakazatel'naya politika» // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2018. T.4 (70). № 4. S.277-283.
5. Cyndrya V.N. Gosudarstvennaya politika Rossijskoj Federacii v oblasti administrativnyh nakazanij: ponyatie, funkcii, principy. Uchebnoe posobie. – Simferopol', Poliprint, 2019, 67 s.
6. Gosudarstvennaya politika : uchebnik. – K. : NAGU, 2014, 448 s.
7. Yakunin V.I. Processy i mekhanizmy formirovaniya gosudarstvennoj politiki v sovremennom rossijskom obshchestve : avtoref. diss... d-ra polit. nauk. Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova. – Moskva, 2007, 38 s.
8. Suslova D.V. Formirovanie gosudarstvennoj politiki Rossii v sfere vysshego professional'nogo obrazovaniya : problemy i praktiki : avtoref. diss.... kand. polit. nauk. Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova. – Moskva, 2010, 30 s.
9. Sulakshin S.S., Pogorelko M. YU., Repin I.V. Istochniki i osnovaniya gosudarstvennyh politik v Rossii. Monografiya. – M.: Nauchnyj ekspert, 2010, 224 s.
10. Sulakshin S. Sovremennaya gosudarstvennaya politika i upravlenie. Kurs lekcij. – M.: Direkt-Media, 2013, 386 s.
11. Surmin YU. P. Teoriya sistem i sistemnyj analiz: Ucheb. posobie. – K.: MAUP, 2003, 368 s.
12. Charkina E.S. Razvitie proektnogo podhoda v sisteme gosudarstvennogo upravleniya: metodologiya, opyt, problemy: Nauchnyj doklad. – M.: IE RAN, 2017, 54 c.
13. Gorb V. G. Prinyatie i ispolnenie gosudarstvennyh i municipal'nyh reshenij : uchebnoe posobie / V. G. Gorb. – Ekaterinburg : izd-vo Ural. in-ta upravleniya – filiala RANHiGS, 2017, 240 s.
14. Titenko YU.A. Principy, vidy i mekhanizm realizacii rossijskoj pravovoj politiki (obshcheteoreticheskij aspekt) : avtoref. diss... kand. yurid. nauk. Tambov, 2007, 24 s.
15. Levchenko K.B. Upravlenie processami formirovaniya gendernoj politiki v Ukraine (organizacionno-pravovye aspekty): avtoref. dis ... d-ra yurid. nauk: Nac. un-t vnutr. del. – H., 2003, 35 s.
16. Fris P.L. Ugolovno-pravovaya politika Ukrainy: avtoref. dis ... d-ra yurid. nauk. Nac. akad. vnutr. del Ukrainy. – M., 2005, 35 s.
17. Aristova I.V. Gosudarstvennaya informacionnaya politika i ee realizaciya v deyatel'nosti organov vnutrennih del Ukrainy: organizacionno-pravovye osnovy: avtoref. dis ... d-ra yurid. nauk: Nac. un-t vnutr. del. – H., 2002, 39 s.
18. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnoj otvetstvennosti: Zakonoproekt № 917598-6: Poyasnitel'naya zapiska [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://sozd.duma.gov.ru/bill/917598-6 (data obrashcheniya: 16 iyulya 2020 g.).
19. Reforma administrativnoj otvetstvennosti v Rossii [Tekst] : kol. monogr. / A. V. Kirin, V. N. Pligin, A. G. Agisheva i dr. ; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki» ; pod obshch. red. A. V. Kirina, V. N. Pligina. – M. : Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2018, 477 s.
20. Koncepciya reformirovaniya zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah / E. V. Ovcharova, A. R. Agisheva, V. A. Vitushkin i dr. – ID YUrisprudenciya Moskva, 201, 60 s.
21. Koncepciya novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: reshenie soveshchaniya u Predsedatelya Pravitel'stva Rossijskoj 05.06.2019 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http: // http://government.ru/news/36971/(data obrashcheniya: 16 iyulya 2020 g.).
22. Kashkina E. V. Gumanizm kak princip yuridicheskoj otvetstvennosti po rossijskomu zakonodatel'stvu : avtoref. dis…kand. yurid. nauk. – M., 2003, 25 s
23. Buzgalin A., Kolganov A. Politicheskaya ekonomiya i ekonomicheskaya politika. Rynok. Kapital. Obshchestvo [Elektronnyj istochnik] – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2016/04/02/1251032216/journal14.1-3.pdf (data obrashcheniya: 16 iyulya 2020 g.).
24. Bolponova A.B. Analiz gosudarstvennoj politiki. Uchebno-metod.posobie. – B.: Maxprint, 2020, 200 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 339-348.

УДК 340

УПОРЯДОЧЕНИЕ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ НА ЧАСТНЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО

Гаук А. М.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье рассмотрен процесс нормативно-правового обеспечения закрепления прав собственности на железные дороги в Великом княжестве Финляндском, происходивший с опорой на нормативные акты, относящиеся к урегулированию деятельности государственных железных дорог, в том числе в отношении изъятия из частной и общественной собственности имущества и земель для нужд железнодорожного строительства; формирования правовой базы княжества в вопросах функционирования частных железных дорог и путей; оформления их собственности, залога, кредитования, обеспечения прав владельцев, заимодавцев, держателей закладных; интересов государства и пользователей.

Особо защищались права владельцев отчуждаемого имущества, которые имели право на полную компенсацию понесенного ущерба, с одной стороны, а с другой стороны, не имели права отказать в отчуждении различного рода имущества при предоставлении компенсации законных размеров; кроме того, в случае ликвидации железной дороги, прнежние владельцы отчужденного имущества получали первостепенное право его выкупа (получения в собственность).

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, частные железные дороги, эксплуатация, право собственности, выкуп.

Необходимость утверждения важность деятельности дорожного торгового и пассажирского движения для экономики любой страны сегодня не требует особых доказательств. Имеющая всемирная сеть водных, железных, воздушных и т.п. является артериями современной экономики, а потому всячески развивается и защищается как каждым государством в отдельности, так и всем мировым сообществом.

Развитие этого процесса происходило в различных регионах мира не равномерно – параллельно с экономическим освоением территорий, развитием государств, средств передвижения, техники и, наконец, опыта правового регулирования возникающих в данной сфере деятельности.

Основное внимание развитию железнодорожной сети Финляндии высшие органы власти стали уделять в ходе завершения постройки и начала эксплуатации Сайменского канала. Первой такой линией стала дорога Гельсингфорс — Тавастгус [1. с, 121-122]. Причины к тому находятся «на поверхности», это 1) весьма значительные расходы по постройке данного канала; 2) всевозрастающая потребность в развитии железнодорожной сети.

Тем не менее, следует особо отметить, что государством не спервых дней существования железных дорог в Финляндии была создана соответствующая административная вертикаль их управления.

Так, лишь 18 мая 1872 г. свет увидела «Высочайшая Его Императорского Величества Инструкция», изданная для управления и заведывания правительственными

железными дорогами Великого княжества Финляндского, со штатом окладов содержания чиновников и служителям оных дорог. [2, с. 208].

Данным доекментом предусматривалось, что:

– высший надзор за правительственными железными дорогами Финляндии вверялся главному управлению путей сообщения, которому подчинялись и состоящие при железной дороге чины и служители во всем относящимся к их должности (п. 1).

Непосредственное заведование дорогами и управление ими поручалось начальнику железных дорог, которому предписывалось иметь свое местопребывание в Гельсингфорсе и которому непосредственно были подчинены состоящие при дорогах чины, служители и рабочие (п. 2).

Кроме того, для части железной дороги, проходящей через С. Петербургскую губернию, начальнику дорог назначался помощник, находящийся в С. Петербурге [2, с. 1]. Очевидно, это было вызвано особым государственно-административным статусом Финляндии в этот период, которая влялась особой территориальной единицей, практически с правами самостоятельного государства.

3. Управление железными дорогами разделяется на 4 отделения, а именно:

а) Отделение общего управления;

б) Отделение движения;

в) Инженерное отделение.

г) Машинное отделение (п. 3).

На отделение общего управление дорогами, составляющего вместе с тем и канцелярию начальника дорог, было возложено занятие не только делами, состоящими в непосредственном ведении начальника дорог, но и делами, поступающими туда из других отделений.

Этому отделению непосредственно подведомственны запасы материальой и учебная часть (п. 4).

В свою очередь отделение движения должно было занимается всем, что касалось перевозки пассажиров и товаров по железным дорогам. Отделение это должно было следить за исчислением и сбором взносов по движению, а также правильным составлением, отправлением и ходом поездов; кроме того, оно на него возлагалось наблюдениет за сохранением порядка в станционных заведениях, на самих станциях, в товарных магазинах и у пристаней, а также не только за телеграфом железных дорог (линии которого шли параллельно самой дороге), с принадлежащими к нему учреждениями, но и за всеми предоставленными в распоряжение данного отделениями недвижимым и движимым имуществом (п. 5).

Инженерное отделение должно было наблюдать за самими путями и за всеми принадлежащими к нему строениями, водоснабжением, мостами, пристанями, вагонными весами, кранами, траверсами, поворотными досками, сигналами и проч., а также за всем подвижным и неподвижным составом, необходимым для содержания в исправности и для ремонта пути и принадлежащих к нему заведений (п. 6).

В свою очередь на машинное отделение возлагалось заведование содержанием двигательных сил подвижного состава. Находящиеся на пути мастерские и паровозные здания были непосредственно подведомственны этому отделению (п. 7).

Пунктом 8. Постановления при указанных выше отделениях был закреплен соответствующий штат чинов и служащих (п. 8) [2, с. 2].

Следует также указать, что последующие, принятые в данном направлении нормативные акты закрепили такие нормы: «Встречающимися при железных дорогах и на отчужденные под них земле делами по части полиции заведуют местные губернаторы, подлежащие магистраты или полицейские управы и чиновники земской полиции». Однако же начальник железных дорог, директор, инженеры и станционные начальники имеют наблюдать за порядком на месте и в этом отношении принимают необходимые по обстоятельствам меры.

Что же касается части финляндской железной дороги, находящейся в пределах империи, то чины и служители железной дороги обязаны были соблюдать действующие в С.-Петербургской губернии постановления, в следствие чего помощник начальника дорог имел право, для сохранения днеобходимого порядка, в случае необходимости, обращаться к соответствующим присутственным местам об оказании необходимого содействия.

Возвращаясь к изучению непосредственного объекта изучения данной работы, укажем, что учитывая дороговизну постройки железных дорог и их эксплуатацию, а также относительно слабый уровень промышленности Финляндии в середине XIX в., первые десятилетия железнодорожное строительство велось лишь государственными органами. И лишь 15 апреля 1889 г. было принято «Высочайшее Его Императорского Величества Постановление о частных железных дорогах, открываемых для общественного движения» [3, с .11].

Как нам представляется из его анализа, данный акт содержал в себе следующие основные составляющие: а) порядок организации, оформления и постройки частных железных дорог; б) контроль со стороны государства за обеспечением безопасности их эксплуатации; в) защита интересов всех заинтересованных сторон; г) помощь государства в выделении (выкупе) необходимых участков для дороги земли; д) деятельность частных дорог в военный период; е) тщательный надзор за нахождением железных дорог в руках подданных империи, заслуживающих доверия власти; ж) особенности выкупа частных дорог государством и их продажа иным собственникам.

Дополнительно права владельцев защищались применением во время постройки к частным железным дорогам тех же норм права, что действовали и по отношению к государственным; в том числе право использовать подобие третейского суда в отдельных спорах с Сенатом (п. 18), как и возможность защищать свои права в судебных учреждениях, находящихся в ближайшей местности.

Как мы также можем отметить, что при разработке данного Положения, законодатель применил комбинированную схему, в которой попытался, с одной стороны,

максимально возможно влиять (контролировать) на стратегические предприятия, каковыми являлись частные железные дороги, а с другой стороны, обеспечить им достаточно комфортные, в правовом плане, условия деятельности, защищенности [2, с. 3-5].

В ходе развития правового регулирования вопросов, возникающих при строительстве железных дорог в ВКФ, в декабре 1864 г. было принято постановление «о вменении владельцам или содержателям земель в обязанность, за вознаграждение уступать землю на общественные потребности» [3].

Эта практика в последствии стала стандартной, о чем говорят и нормативные акты, принятые даже в начале XX в. При этом, следует отметить то, что одновременно с земельными участками железным дорогам (в первую очередь государственным) переходили и иные права на данную отчуждаемую территори.

Примером тому может служить принятое 23 ноября 1903 г. постановление «О присоединении участка, отчужденного от земель Тавасгусского сельского прихода под Таваскусскую железнодорожную станцию, в духовном, административном и судебном отношении к городу Тавастгусу» [4, с. 11]. Как помним, данный путь был первым железнодорожным путем в Финляндии, а потому вопросы и принципы его расширения были уже неоднократно апробированны на практике.

Подтверждает сделанные нами выше выводы и принятый 15 апреля 1889 г. закон «о порядке совершения крепостных и закладных записей на частные железные дороги, открытые для общественного движения», который был призван упорядочить отношения прав собственности на такие железные дороги т пути (частные), обеспечить порядок закрепления за их владельцами этих прав, посредством действующих в ВКФ правовых механизмов и их конкретизации [5, с. 6-7].

Обратимся более детально к его рассмотрению. Данный документ состоял из 3-х основных частей: «о совершении крепостных записей», «о совершении закладных записей» и «особые постановления».

Закон, в частности, предусматривал, что по выделении и принятии земли под частную железную дорогу, открываемую для общественного движения, совершается «крепостная запись», с помощью занесения ее в поземельную книгу. Ведение таких книг возлагалось на суды, которым была подведомственна та или иная дорога на основании п. 24) (п. 1). Как видим, в данном случае, суды исполняли нотариальные функции (регистрации прав пользования, собственности).

При записи железной дороги в суде, в соответствующей поземельной книге следовало указывать:

1) название и конечные пункты дороги, кому разрешено сооружение ее, а также день утверждения Сенатом территории дороги;

2) размер и последовательный порядок земельных участков, вошедших в территорию дороги, а также имения и городские земли, из которых эти участки выделены;

3) сервитут (т.е. право ограниченного пользования участком) в пользу дороги и находящегося на ней имущества;

4) фамилию, имя и место жительство владельца дороги, а также, если уже зарегистрированное судом железнодорожное пространство было уступлено ему другим строителем, то время и способ сего приобретения;

5) день записи (п. 2).

Строитель железной дороги обязан был подать сам заявление о ее регистрации (записи) судом, вместе с которым также предоставлялись: документы о разрешении постройки дороги и о утверждении ее пространства; план утвержденного пространства и документы о ведении его, удостоверение утвержденные губернским землемером и выясняющие предписанные в п.п. 2 и 3 определения; удостоверение губернатора о том, что все земли, вошедшие в пространство железной дороги, переданы ее владельцу законным порядком, а вознаграждение за нее выдано, кому следовало или же обеспечено установленным порядком (п. 3).

По занесении железной дороги в поземельную книгу, суд о том должен был уведомить соответствующей выпиской из книги все судебные учреждения низшей инстанции, в округах которых какой-либо участок земли был уступлен под железную дорогу. В свою очередь, эти суды в своих крепостных протоколах должны были сделать соответствующую выписке отметку, а о состоянии крепостной записи сообщать ко всеобщему сведению, согласно установленному в отношении первого опубликования о переходе недвижимого имущества к новому владельцу (п. 4).

В случае, когда территория зарегистрированной железной дороги с соответствующего разрешения изменялась, то следовало совершать запись нового участка или заявлять об уменьшении первоначального, с соблюдением, в применимых частях, вышеизложенных правил. О произошедшем следовало производить запись в поземельную книгу, в связи с первоначально зарегистрированным пространством дороги (п. 5).

При переходе же зарегистрированной железной дороги к другому владельцу, об этом следовало делать соответствующую отметку в поземельной книге. Новый владелец обязан был просить о том письменно и подтвердить свои права документами приобретения, после чего в книге отмечались его имя, фамилия и место жительства, способ приобретения дороги и день записи (п. 6).

Законом четко оговаривалось, что без соблюдения просителем предписанных в пар. 3 и 6 правил, ходатайство о крепостной записи на железную дорогу не подлежало удовлетворению.

Если же проситель, ходатайствующий в указанный в п. 8 срок о крепостной записи, не мог представить таких полных доказательств, на основании которых крепостная запись могла бы немедленно быть разрешена, то суд, по требованию просителя, производил о таком ходатайстве отмену в поземельной книге; эта отметка получала установленную в пар. 16 силу, если проситель в назначенный судом срок получал крепостную запись на эту дорогу (п. 7).

Ходатайство о крепостной записи на железную дорогу следовало подавать до истечения 3-х месяцев по совершении выделения предназначенной под дорогу земли и

поступлении строителя во владение ей или по переходе железной дороги, с разрешения Сената, в собственность нового владельца.

В случае, когда строитель или иной владелец железной дороги не сделал запрос о крепостной записи в установленный срок, или же ходатайство его, на основании пар. 7, не было удовлетворено, то суд, по требованию соответствующего обвинителя, или лица, право которого затрагивалось этой записью, должен быть побуждать «нерадивого», под угрозой денежного взыскания (штрафа), к исполнению своих непосредственных обязанностей (п. 8).

Что касается совершения закладных записей на частные железные дороги, то следует указать, что подобные нормы являются классическими и предусмотрены и ныне действующим законодательством Российской Федерации [6].

Рассматриваемым же нами законом устанавливалось, что в случае если владелец железной дороги пожелал, чтобы она служила залогом в обеспечение какого-либо требования, то это следовало отмечать в поземельной книге (п. 9).

При этом, закладная запись не могла быть совершена без согласия владельца железной дороги, выраженного в документе, который служил основанием или доказательством требования. Если же согласие не было заявлено суду лично владельцем железной дороги, то оно его следовало удостоверить у публичного нотариуса, коронного фохта или ленсмана (п. 10).

Очевидно, следует указать, что, согласно административной системе ВКФ, коронные фохты возглавляли уезды княжества и непосредственно подчинялись губернскому правлению. Они взымали налоги по своему уезду и сосредоточивали в своих руках полицейскую власть уезда [7].

В свою очередь термин «ленсман», в отношении Швеции и Финляндии в исследуемый период определялся как представитель полицейской и налоговой власти «в пригородах и сельской местности» [8].

Ходатайство о законной записи следовало заявлять владельцу железной дороги письменно.

В случае, когда владелец железной дороги давал кредитору согласие на закладную запись, в порядке, установленном в пар. 10, то кредитор также получал право просить о такой записи (п. 11).

При прошении владельца дороги о закладной записи для обеспечения займа, заключенного с выпуском печатных или гравированных облигаций, ему следовало при том представить и разрешение Сената на заключение такого займа [5, с. 6-7].

Закон особо оговаривал, что закладная запись не разрешалась, если лицо, изъявившее согласие на нее, не значилось в поземельной книге в качестве владельца этой железной дороги.

Также не разрешается закладная запись на железную дорогу, пока она находилась под запретом для продажи за долги или была представлена на конкурс (п. 12).

Особо оговаривалось, что закладная запись разрешалась только по требованиям на определенную денежную сумму, но не разрешалась ни на часть дороги, ни на

одну железную дорогу совместно с другой такой же дорогой или с иным недвижимым имуществом (п. 13).

При совершении закладной записи в поземельной книге следовало указывать кредитора, сумму и свойство требования, день выдачи долгового документа, размер процента, если такой был оговорен, условия погашения, когда и кем закладная запись разрешалась, а также день ее совершения.

Суд также отмечал и в долговом документе о совершении закладной записи, с показанием общей суммы требований по предыдущим записям, а еще о закладных записях, в тот же день состоявшихся, или же удостоверял, что разрешения на другую закладную запись не последовало (п. 14).

При разрешении закладной записи по займу, заключаемому с выпуском печатных или гравированных облигаций, следовало записывать совместно все облигации займа, с показанием как общей суммы займа, количества и обозначения облигаций; при чем каждую облигацию полагалось снабдить указанной в пар. 14 отметкой (п. 15).

В случае, когда на железную дорогу, по переходе ее в собственность другого владельца, была совершена закладная запись по долговому обязательству прежнего владельца, то такая запись не имела силы по отношению к первому владельцу, если он предъявлял ходатайство о крепостной записи дороги в установленный пар. 8 срок. При упущении этого и если долговое обязательство, по которому была совершена закладная запись, выдана до перехода железной дороги, то закладная запись оставалась в силе.

Если же в поземельную книгу было занесено ходатайство о крепостной записи, согласно предусмотренному в последнем пункте пар. 7, и до истечения срока, установленного судом для совершения записи, поступало прошение о закладной записи по договору записи на прежнего владельца, то закладная разрешалась только под условием, чтобы она не влияла на права нового владельца, если он в течение указанного срока запрашивал крепостную запись.

Когда же дорога, путем протеста против приобретения ее владельцем, у него осуждалось, то закладная запись, совершенная после перехода этой дороги из рук законного владельца, безусловно, считалась недействительной (п. 16).

При совершении закладной записи, железная дорога служила обеспечением той суммы с процентами, на которую состоялась запись, считая однако проценты не более, как за последние 3 года; при чем запись предоставляла право преимущества, сопряженное с закладной записью на недвижимое имущество.

Следует отметить, что одинаковым правом, как и на саму дорогу, залогодержатель пользовался и на паровозы, вагоны и прочие принадлежности дороги (п. 17) [5, с. 6-7].

Особыми постановлениями данного закона предусматривалось, что:

1) по делам о крепостных и закладных записях железные дороги подведомственны Ратгаузскому суду того при дороге или по близости ее находящегося города, который для этого указал царь при разрешении ее постройки;

2) при обжаловании приобретения железной дороги или возникшем споре о деятельности совершенной закладной записи, дело подлежало рассмотрению того же суда (п. 24);

3) местом пребывания железнодорожного общества (юридический адрес) считалось место, где находилось его правление;

4) обязанности, по этому закону лежащие на владельце железной дороги, выполнялись от имени акционерного общества членом распорядителем его правления. Если же такой член не был избран, то все члены правления были ответственны в исполнении этих обязанностей (п. 25);

5) подробнейшие правила о форме и порядке ведения поземельной книги устанавливались Сенатом, а сама поземельная книга должна была быть открыта для публики и доступна каждому в обычное присутственное время; выписки из неё выдавались судом за установленную пошлину (п. 26);

6) распоряжения по крепостным и закладным записям, а также любые отметки в поземельной книге скреплялись подписью председателя суда (п. 27);

7) по делам о крепостных и закладных записях следовало вести особый для каждой дороги протокол с внесением в него для прослушания и краткого содержания дела, а также сделанного судом распоряжения. Выписка из протокола выдавалась просителю не иначе, как по его просьбе о том (п. 28);

8) устанавливалось, что не могут быть проданы с принудительного публичного торга ни железная дорога без ее принадлежностей, ни принадлежности дороги отдельно от нее (п. 32);

9) устанавливалось, что железные дороги продавались с публичного торга в губернском правлении (п. 35), а в случае выкупа железной дороги в казну она исключалась из поземельной книги (п. 37) [4, с. 7].

Как видно из представленного анализа рассмотренных законоположений, начиная с 1870-х гг. и к концу XIX в. в Финляндии был разработан и внедрен достаточно прозрачный и защищающий интересы всех заинтересованных сторон механизм постройки частных железных дорог; их оформления; эксплуатации; изменения права собственности и обеспечения прав владельцев, заимодавцев (держателей закладных; интересов государства и пользователей. Это создало необходимые предпосылки для последующего развития частной железнодорожной сети с инкорпорацией ее в единую железнодорожную систему Финляндии.

Список литературы:

1. В. Суни. Великое княжество Финляндское (первая половина XX в.). Становление автономии. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2013. – 137 с.
2. 18 мая 1872 г. Высочайшая Его Императорского Величества Инструкция, для управления и заведывания Правительственными железными дорогами Великого

Княжества Финляндского, со штатом окладов содержания чиновников и служителям оных дорог. №20. 1872. Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. 1872. №20. С. 208.
3. «Высочайшее Его Императорского Величества Постановление о частных железных дорогах, открываемых для общественного движения». Дано в Гельсингфорсе, 15 апреля 1889 г. Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. 1889. - №16.С. 3-5.
4. 23 ноября 1903 г. О присоединении участка, отчужденного от земель Тавасгусского сельского прихода под Таваскусскую железнодорожную станцию, в духовном, административном и судебном отношении к городу Тавастгусу. Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. 1908. №132. С. 11.
5. №28. 12 Декабря 1864 г. Высочайшее Его Императорского Величества Постановление, о вменении владельцам или содержателям земель в обязанность, за вознаграждение уступать землю на общественные потребности. №28, 2 листа, печатан в Гельсингфорсе 3 июня 1865 г. Гельсингфорс, в Сенатской типографии 1865 г.
6. Закон о порядке совершения крепостных и закладных записей на частные железные дороги, открытые для общественного движения». Гельсинфорс, 15.04.1889 г. С. 6-7.
7. Федеральный закон от 16.07.1998 №102-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об ипотеке (залоге недвижимости». КонсультатПлюс. Статья 49. Залог закладной / КонсультантПлюс (consultant.ru).
8. Историческая справка. Архивы Ленинградской области (archiveslo.ru).
9. Новый словарь иностранных слов.- by EdwART, , 2009.; Большой словарь иностранных слов. – Издательство «ИДДК», 2007.; Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина. – М: Русский язык, 1998.

Gauck M. M. Regulation of ownership rights to private railways of the Grand Duchy of Finland // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 339 -348.

The article considers the process of legal support for the consolidation of ownership rights to railways in the Grand Duchy of Finland, which took place based on the regulations related to the regulation of the activities of state railways, including the withdrawal of property and land from private and public ownership for the needs of railway construction; the formation of the legal framework of the principality in the functioning of private railways and railways; registration of their property, collateral, lending, securing the rights of owners, lenders (mortgage holders; interests of the state and users.

he rights of the owners of the alienated property were particularly protected, who had the right to full compensation for the damage suffered, on the one hand, and on the other hand, did not have the right to refuse to alienate various types of property when providing compensation of legal amounts; in addition, in the event of the liquidation of the railway, the former owners of the alienated property received the primary right to buy it out (take ownership).

Keywords: Grand Duchy of Finland, private railways, operation, ownership, redemption.

Spisok literatury:

1. 18 maya 1872 g. Vysochajshaya Ego Imperatorskogo Velichestva Instrukciya, dlya upravleniya i zavedyvaniya Pravitel'stvennymi zheleznymi dorogami Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo, so shtatom okladov soderzhaniya chinovnikov i sluzhite-lyam onyh dorog. №20. 1872. Sbornik postanovlenij Velikogo Knyazhestva Fin-lyandskogo. 1872. №20. S. 208.

V. Suni. Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe (pervaya polovina HKH v.). Stanovlenie avtonomii. – Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2013. – 137 s.
2. «Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva Postanovlenie o chastnyh zheleznyh dorogah, otkryvaemyh dlya obshchestvennogo dvizheniya». Dano v Gel'singforse, 15 aprelya 1889 g. Sbornik postanovlenij Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo. 1889. - №16. (1, s. 3-5).
3. №28. 12 Dekabrya 1864 g. Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva Postanovlenie, o vmenenii vladel'cam ili soderzhatelyam zemel' v obyazannost', za voznagrazhdenie ustupat' zemlyu na obshchestvennye potrebnosti. №28, 2 lista, pechatan v Gel'singforse 3 iyunya 1865 g. Gel'singfors, v Senatskoj tipografii 1865 g.
4. Zakon o poryadke soversheniya krepostnyh i zakladnyh zapisej na chastnye zheleznye dorogi, otkrytye dlya obshchestvennogo dvizheniya». Gel'sinfors, 15.04.1889 g. S. 6-7.
5. Federal'nyj zakon ot 16.07.1998 №102-FZ (red. ot 30.04.2021) «Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti». Konsul'tatPlyus. Stat'ya 49. Zalog zakladnoj / Konsul'tantPlyus (consultant.ru).
6. Istoricheskaya spravka. Arhivy Leningradskoj oblasti (archiveslo.ru).
7. Novyj slovar' inostrannyh slov.- by EdwART, , 2009.; Bol'shoj slovar' inostrannyh slov. – Izdatel'stvo «IDDK», 2007.; Tolkovyj slovar' inostrannyh slov L. P. Krysina. – M: Russkij yazyk, 1998.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 349-353.

УДК 347.998.74

СУЩНОСТЬ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Борецкая Л. Р., Потапова Л. В.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В данной статье осуществлен анализ правовых аспектов института примирения в цивилистическом процессе. Проводится анализ нормативных правовых актов, регламентирующих институт примирения в РФ. Проиллюстрированы преимущества обращения сторон как гражданского, так и арбитражного процесса к процедуре примирения. Рассматриваются последние изменения, внесенные в Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ, описываются основные нововведения в области примирения сторон, а также раскрываются особенности медиации, переговоров и судебного примирения. На основе проведенного анализа выработаны предложения по усовершенствованию норм, регламентирующих институт примирения.

Ключевые слова: примирительные процедуры, медиатор, медиация, переговоры, судебное примирение, примиритель, урегулирование спора, разрешение спора.

Проводимая в России в настоящее время судебная реформа привнесла масштабный пакет поправок в процессуальные кодексы. Глобальные изменения как гражданского процессуального, так и арбитражного процессуального законодательства являются огромным шагом на пути к эволюции существующей судебной системы к той, которая бы отвечала современным запросам гражданского общества, пользовалась доверием этого общества и обеспечивала высочайший уровень правовой защищенности.

Отдельного внимания заслуживает внимание законодателя развитию примирительных процедур.

Однако, в настоящее время, в связи с изменениями законодательства относительно института примирения, актуальным представляется исследование института примирения как правового явления, но и осмысление сущности и правовой природы примирительных процедур.

О.Н. Здрок в диссертационном исследовании, посвященном примирительным процедурам, дает следующее понятие примирительных процедур: «как предусмотренных законом, договором или существующих на уровне обычая процедур, имеющих целью урегулирование конфликта его сторонами путем выработки в ходе переговоров с привлечением или без привлечения иных лиц соглашения, результатом которого становится отказ сторон конфликта от обращения за его разрешением в юрисдикционные органы либо окончание юрисдикционного процесса без вынесения правоприменительного акта, разрешающего дело по существу» [1, с.7].

Исследование института примирения и расширение практики реализации примирительных процедур, в частности в цивилистическом процессе, актуальны и заслуживают особого внимания. Институт примирения имеет не только четкую регламентацию в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном зако-

нодательстве РФ, но и является приоритетным в урегулировании не только гражданско-правовых споров, но и споров отнесенных к компетенции арбитражных судов.

Использование сторонами цивилистического процесса, в силу принципа диспозитивности, примирительных процедур, позволит расширить возможности по добровольному и взаимовыгодному урегулированию спора, а также приведет к более оперативному правосудию.

Именно институт примирения должен стать действенным механизмом оптимизации и снижения нагрузки на судебную систему.

М.И. Дячук при анализе примирительных процедур отмечает их ценность, которая «заключается в воплощении общей свободной воли, интересов субъектов права, а также способствованию развития и сохранения отношений, в которых заинтересованы как отдельные субъекты права, так и государство в целом» [2, с.142].

Основаниями для расширения практики применения института примирения в цивилистическом процессе, в будущем можно назвать, во-первых, рост социальной напряженности в обществе и значительные возможности примирительных процедур в ее преодолении.

Во-вторых, исторические предпосылки. В общественном правосознании деятельность по примирению сторон конфликта не всегда ассоциировалась с функционированием определенных негосударственных институтов, которые создавались исключительно с этой целью, так называемых посредников, медиаторов, примирителей, арбитров и т.д. Например, во второй половине XIX в. в Российской империи существовал мировой суд, который хоть и входил в ряд общих судебных учреждений, однако, в отличие от последних, должен был объединять в себе разнородные обязанности - в том числе и примирения, как высочайшее качество правосудия.

В-третьих, на современном этапе обязанность судей поощрять стороны к дружественному урегулированию не просто задекларировано международным сообществом, но и признано одним из средств укрепления независимости судей.

И, наконец, сегодня, примирение сторон признается самостоятельным институтом и является одним из средств достижения цели как гражданского судопроизводства России, так и судопроизводства в арбитражных судах РФ.

Примирение сторон – позволит не только более оперативно, в сравнении с судебным разбирательством; с большей вероятностью исполняемости договоренностей которые приняты самими сторонами; с более низкими судебными расходами урегулировать спор, но и сохранить деловые отношения.

Наиболее благоприятный исход конфликта, который позволяет уменьшить нагрузку на судей, сохранить партнерские отношения между сторонами и в целом снизить конфликтность в обществе. Именно поэтому неоспорима важность детального законодательного закрепления данных процедур.

Необходимо согласиться с мнением В.М. Жуйкова, который полагает, что «высшим достижением правосудия при разрешении споров является окончание производства по делу таким образом, чтобы из суда удовлетворенными выходили не только истец или ответчик, а обе стороны, т.е. чтобы в деле не оставалось стороны побежденной, униженной, недовольной как другой стороной, так и судом, вынесшим решение» [3, с. 26].

В настоящее время при подаче искового заявления необходимо указать сведения о предпринятых стороной (сторонами) действий, направленных на примирение. Хотя формально примирение основывается на принципах добровольности и сотрудничества, и суд не может обязать стороны помириться, обойти внесудебные способы разрешения спора будет сложнее.

К видам примирительных процедур статья 138.2. Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [4] (далее – АПК РФ) и статья 153.3. Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [5] (далее – ГПК РФ), относят переговоры, посредничество, в том числе медиация, судебное примирение. Стоит заметить, несмотря на то, что ГПК РФ и АПК РФ содержит открытый перечень примирительных процедур.

Несмотря на наличие в ГПК РФ и АПК РФ термина «Примирительные процедуры», ни в ГПК РФ, ни АПК РФ не дает его легальное определение.

Необходимо остановиться на новеллах примирительных процедур.

Так, введенная в действие с 2010 г. медиация, понесла некоторые изменения. Устанавливая, что соглашение может быть удостоверено нотариусом и в таком случае приобретает силу исполнительного листа, новая редакция закона увеличивает роль медиативного соглашения, подписанного до судебного разбирательства [6].

То есть, в случае его нарушения заинтересованная сторона может заставить нарушителя исполнить соглашение через приставов, не тратя время на судебное разбирательство.

Статья 153.4 ГПК РФ устанавливает, что переговоры осуществляются на условиях, определяемых сторонами, и не дает подробных разъяснений. Известно лишь, что спорящие могут предусмотреть их как в тексте договора, так и позже, если дело всё-таки дойдет до суда.

Наибольший интерес вызывает новая процедура – судебное примирение. Вследствие ее введения появляется и новое процессуальное лицо – судебный примиритель, полномочия которого принадлежат только судьям в отставке [7].

Судебный примиритель вправе вести переговоры со сторонами и другими лицами, участвующими в деле; изучать представленные сторонами документы; знакомиться с материалами дела с согласия суда; осуществлять другие действия, необходимые для эффективного урегулирования спора и предусмотренные Регламентом проведения судебного примирения, в том числе давать сторонам рекомендации в целях скорейшего урегулирования спора и сохранения деловых отношений [8].

На первый взгляд кажется, что роли судебного примирителя и медиатора совпадают. Но если разобраться глубже, становится ясно – это не так. Разница в том, что медиатор ориентируется, прежде всего, на неформальные способы урегулирования спора, используя знания в сфере конфликтологии и психологии.

Судебный примиритель, применяя свой опыт работы судьей, осуществляет полномочия независимого юриста и не считается участником цивилистического процесса.

Результатами примирительной деятельности традиционно являются мировое соглашение, отказ от иска, признание иска либо отказ от апелляционной, кассационной жалобы и т.д.

Дополнительным стимулом для истцов прибегнуть к помощи специалистов предусмотрено увеличение процента возврата государственной пошлины при положительных результатах примирения.

В целом, вышеперечисленные новеллы, безусловно, носят позитивный характер и являются большим шагом вперед. Примирительные процедуры направлены на оптимизацию действующей системы судопроизводства и призваны закрепить на практике правила урегулирования споров, которые давно установлены международными стандартами.

Однако, для получения действительно эффективных показателей применения института примирительных процедур, необходимо в первую очередь, как в ГПК РФ, так и в АПК РФ закрепить легальное определение «Примирительные процедуры».

Во-вторых, наличие как в судах общей юрисдикции, так и арбитражных судах «комнат примирения», оборудованных компьютерной техникой.

В-третьих, обязательное установление в зданиях судов информационных стендов, содержащих подробную информацию о видах примирительных процедур и порядке применения той или иной примирительной процедуры.

Предложенные выше предложения, позволят не только популяризировать примирительные процедуры, повысить эффективность применения примирительных процедур, позволят формированию культуры урегулирования спора на взаимовыгодных для сторон интересах, но и будут способствовать формированию гражданского общества в целом.

Список литературы

1. Здрок О.Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе : автореферат дис. ... доктора юридических наук: по специальности 12.00.15 Гражданский процесс; хозяйственный процесс; арбитражный процесс. - Минск, 2019. - 52с.

2. Дячук М.И. Примирительные процедуры в гражданском судопроизводстве // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – 2019. – №2 (56) - С.140-147

3. Жуйков В.М. Роль суда в примирении сторон по гражданским делам // Российский судья. 2019.- № 9. – С. 24 - 30.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

6. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредников (процедуре медиации)» (ред. от 23.07.2013) // Собрание законодательства РФ. - 2010. № 31. Ст. 4162.

7. Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный источник] / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329959/ (дата обращения 29.10.2020)

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» [Электронный источник] / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336707/ (дата обращения 29.10.2020).

Boretskaya L. R., Potapova L. V. The essence and legal nature of conciliation procedures in the civil process // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 5 (73). № 4. – P. 339-353.

This article analyzes the legal aspects of the institution of reconciliation in the civil process. The analysis of normative legal acts governing the institution of reconciliation in the Russian Federation is carried out. The

advantages of the parties in both civil and arbitration proceedings to the conciliation procedure are illustrated. The article considers the latest changes made to the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, describes the main innovations in the field of reconciliation of the parties, and reveals the features of mediation, negotiations and judicial reconciliation. On the basis of the analysis, proposals were developed to improve the norms governing the institution of reconciliation.

Key words: conciliation procedures, mediator, mediation, negotiations, judicial conciliation, conciliator, dispute settlement, dispute resolution.

Список литературы

1.Здрок О.Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе : автореферат дис. ... доктора юридических наук: по специальности 12.00.15 Гражданский процесс; хозяйственный процесс; арбитражный процесс. - Минск, 2019. - 52с.

2.Дячук М.И. Примирительные процедуры в гражданском судопроизводстве // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – 2019. – №2 (56) - С.140-147

3.Жуйков В.М. Роль суда в примирении сторон по гражданским делам // Российский судья. 2019. - № 9. – С. 24 - 30.

4.Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

5.Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

6.Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредников (процедуре медиации)» (ред. от 23.07.2013) // Собрание законодательства РФ. - 2010. № 31. Ст. 4162.

7. Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный источник] / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329959/ (дата обращения 29.10.2020)

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» [Электронный источник] / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336707/ (дата обращения 29.10.2020).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 5 (71). № 4. – С. 354-360.

УДК 347.1

МЕСТО СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СДЕЛКИ В СИСТЕМЕ ОХРАНИТЕЛЬНЫХ МЕР РОССИЙСКОГО ПРАВА

Гончарова В. А.

Томский государственный университет, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Представленная статья посвящена исследованию места способов защиты прав и законных интересов участников недействительной сделки в системе охранительных мер отечественного права. С опорой на системный подход сделан вывод как о вхождении указанной совокупности способов в данную систему, так и о возможности рассмотрения способов защиты прав и законных интересов участников недействительной сделки в качестве самостоятельного системного образования, которому свойственны признаки целостности и целевого характера, открытости, структурности, эмерджментности и иерархичности. В статье приведен анализ каждого из указанных признаков применительно к системе способов защиты участников недействительной сделки. Установлено, что поскольку данные способы направлены на защиту не только частных, но и публичных интересов, то закономерно, что элементами их системы являются не только меры гражданско-правовой защиты, но и меры других отраслей российского права (уголовного и административного права).

Ключевые слова: способ защиты, защита, охрана, недействительность сделок, система, системный подход, реституция, признание сделки недействительной, субъективное гражданское право, охраняемый законом интерес.

Проблема обеспечения всесторонней и эффективной защиты гражданских прав является одной из наиболее актуальных проблем отечественной цивилистической науки. Реформирование гражданского законодательства России 2013 и 2015 годов поставило перед доктриной частного права ряд вопросов, касающихся правовой природы применяемых для защиты участников оборота мер, их внутреннего функционального взаимодействия.

Методологическим приемом, способным дать наиболее полное и комплексное представление об изучаемой совокупности явлений, и в том числе способах защиты гражданских прав, выступает системный подход. Данный метод способствует достижению «наиболее полного единства научного знания, которое раскрывается в процессе его развития, возникновения все более полных и глубоких систем» [1, с. 33]. По справедливому утверждению А. А. Капустина, «прикладное значение системного подхода… состоит в том, что он упорядочивает ход размышлений исследователя… Системное исследование ориентирует в сторону выяснения большей связи явлений и, следовательно, большей перспективы; является основой для более обобщенного научного подхода» [1, с. 45].

Метод системного исследования активно используется в цивилистической науке для изучения общего механизма защиты гражданских прав. Особого внимания заслуживает позиция Т. И. Илларионовой, согласно которой гражданско-правовая охранительная система является совокупностью особых мер правового понуждения, обладающих восстановительным (компенсационным) и пресекающе-поражающим действием, организация которых, подчиненная началам всесторонней охраны нарушенных интересов, обеспечивает становление общеотраслевых охрани-

тельных функций этой совокупности» [2, с. 46]. Элементом такой системы выступает мера охраны, понимаемая указанным автором в широком смысле и включающая в себя предусмотренные законом меры защиты и меры ответственности.

Близкого мнения придерживается С.А. Краснова. Выделяя свойственные всем способам защиты как элементам соответствующей системы характеристики в виде обеспечительной способности, общих целей, а также инициативного характера применения, автор соглашается со сформированной Т.И. Илларионовой позицией о «существовании в гражданском праве обособленной, внутренне целостной совокупности элементов охранительного характера, обладающих интегративными свойствами – системы способов защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов» [3, с. 43].

Следует отметить, однако, что с терминологических позиций понятия «охрана» и «защита» не тождественны. Согласно наиболее распространенной в юридической литературе точке зрения охрана представляет собой систему мер, которая предназначена для того, чтобы не допустить нарушений прав и интересов участников гражданских правоотношений, а защита вступает в действие, когда нарушение прав и интересов уже произошло. Так, В.А. Тархов полагал, что охрана каждого права существует постоянно и имеет целью обеспечить его осуществление, не допустить его нарушения, а в защите проявляется необходимость прибегнуть лишь при угрозе их нарушения [4, с. 8]. Иногда, напротив, отмечается, что к правовым мерам охраны относятся все меры, с помощью которых обеспечивается как развитие гражданских правоотношений в их ненарушенном состоянии, так и восстановление нарушенных или оспоренных прав и интересов. Охрана в узком смысле именуется защитой гражданских прав, которая направлена на восстановление или признание гражданских прав и защиту интересов при их нарушении или оспаривании [5, с. 540]. Д. Н. Кархалев придерживается той же позиции, однако выделяет в гражданско-правовой охране два аспекта – предупредительный (охрана в регулятивной сфере, до непосредственного нарушения) и восстановительный (охрана в узком смысле, в смысле защиты) [6].

Думается, что с данными подходами, едиными по своей сути, следует согласиться. Термин «защита» характеризует ситуация нарушения права, в то время как термин «охрана» имеет более широкий спектр действия, означает общую обеспеченность нормальных условий товарооборота. Специфика охраны состоит в ее всеобъемлющем характере, в том, что она, в отличие от защиты, не только обеспечивает восстановление уже нарушенных прав, но и создает общие условия для его ненарушения в целом, создает предпосылки нормального поведения участников гражданского оборота за счет доведения до их сведения возможных последствий их неправомерного поведения.

Таким образом, предусмотренная ст.12 ГК РФ и иными нормами гражданского законодательства совокупность способов защиты, образующая, по справедливым утверждениям Т.И. Илларионовой и С.А. Красновой, систему, формирует нормативную основу не только защиты уже нарушенных прав, но и за счет собственной

регламентации создает условия для их охраны, выступая, таким образом, частью охранительной системы гражданского права в целом.

В рамках системы способов защиты прав и охраняемых законом интересов закономерным представляется выделение подсистем способов защиты. Многогранность регулируемых гражданских правом общественных отношений позволяет выделить подсистемы, направленные на восстановление личных неимущественных, обязательственных, корпоративных и вещных прав.

В качестве подсистемы в рамках общей системы способов защиты прав и законных интересов субъектов гражданского права может быть охарактеризована и предусмотренная законодателем совокупность защитных механизмов, используемых в деле о недействительности сделки. Доказательством ее включения в данную систему является общая направленность на защиту прав и законных интересов участников оборота. Аргументом же в пользу ее автономности является собственное основание применения ее элементов – совершение (или) исполнение сделки с дефектом, нарушающей права и законные интересы ее добросовестных участников (сторон, иных, третьих лиц).

Данное основание влечет возникновение охранительного правоотношения по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки, в котором реализуются признание сделки недействительной, действительной, реституция, возмещение убытков. Все указанные способы в деле о недействительности сделки преследуют цели восстановления как публичного порядка в целом, так и имущественной сферы конкретных лиц-субъектов гражданских правоотношений за счет нейтрализации совершенной и (или) исполненной сделки с дефектом. Субъектами данного правоотношения являются потерпевший (сторона недействительной сделки, иное или третье лицо) и нарушитель (нарушители) – сторона (стороны) недействительной сделки. Объектом правоотношения по защите выступает имущественная сфера потерпевшего, которая подвергается негативному влиянию совершенной и (или) исполненной сделки, а также иногда – публичные интересы, реализуемые субъектами, осуществляющими контрольные полномочия. Содержанием правоотношения является охранительное право на защиту, обращенное к суду, и охранительная обязанность нарушителя (нарушителей) претерпеть негативные последствия совершенной и (или) исполненной им (ими) сделки [7].

Совокупность таких способов защиты также может быть охарактеризована как система, поскольку обладает *целостностью и целевым характером, открытостью и структурностью, эмерджментностью и иерархичностью* [8, с. 21].

1) Целостность и целевой характер. Общей целью предусмотренных законодательством способов защиты в деле о недействительности сделок является устранение из совокупности регулируемых гражданским правом общественных отношений сделки с дефектом, приводящей к нарушению прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота (к внесению правовой неопределенности). Посредством подобного устранения достигается и защита правопорядка в целом: он ограждается от дефектного в структуре юридического факта, получает возможность развиваться в прежней, регулятивной правовой плоскости. Указанная цель объединяет способы защиты в деле о недействительности сделки в целостное образование.

2) Открытость и структурность. Система способов защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки включает в

себя ряд элементов – мер защиты и мер ответственности, определенных преимущественно в ст.ст.166 и 167 ГК РФ.

Расположение института недействительности сделок в рамках общей части ГК РФ указывает на универсальный характер положений о недействительности сделки для всей системы гражданского права. Из этого следует, что применение таких способов защиты, как признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, а также признание ничтожной сделки действительной служит интересам защиты прав участников как вещных, так и обязательственных правоотношений. Защита таких лиц достигается путем установления отсутствия оснований нахождения имущества у тех или иных субъектов права и указания на необходимость его возврата (защита вещных прав), а также путем внесения ясности в порядок осуществления прав и исполнения обязанностей в связи с выбытием из оборота дефектной сделки (защита обязательственных прав). Реституционное обязательство выступает частным случаем обязательства из неосновательного обогащения и в этой связи является элементом системы кондикционных обязательств. Требование о возмещении убытков, применяемое в ряде составов недействительности сделок и вовсе является общим для всего гражданско-правового охранительного механизма, которое, однако, в рамках института недействительности обладает определенной спецификой. Все изложенное свидетельствует в пользу открытости системы способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки.

Как было отмечено, нормами института недействительности сделок обеспечивается не только защита прав и охраняемых законом интересов частных лиц (сторон недействительной сделки, иных и третьих лиц), но и восстановление публичного порядка. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что элементы рассматриваемой системы следует охарактеризовать как способы защиты одновременно и частных, и публичных интересов. Аргументом в пользу такого, комплексного рассмотрения элементов системы способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки является приобретающий распространение и признание в литературе подход о системной взаимосвязи отраслей права. По мнению В.М. Лебедева, сторонника указанного взгляда, «существует принцип взаимного обогащения отдельных групп права. С этих позиций следует критически отнестись к тем разделам учебной литературы, где предпринимается попытка разграничить во что бы то ни стало, отделить одну отрасль права от другой. Может быть, целесообразно подчеркивать, а лучше показывать взаимную связь, взаимную зависимость их отдельных норм, институтов, подинститутов, практическую значимость их совместного применения» [9, с. 112].

Изложенная точка зрения допускает возможность рассмотрения конкретных, традиционно существующих в рамках той или иной правовой отрасли защитных механизмов как элементов не только данных отраслей, но и элементов общеправовой системы защиты прав и охраняемых законом интересов в целом. В необходимости построения такой системы убеждает общетеоретический подход к праву как регулятору общественных отношений, формируемому государством на основе интересов членов общества и для организации адекватных взаимоотношений между ними [10, с. 9]. Каждый закрепленный в частном праве способ защиты направлен не только на защиту интересов конкретного лица (частная, первоочередная цель), но и

на восстановление всего публичного порядка (общая, вторичная цель). На данное обстоятельство неоднократно обращалось внимание в литературе. Так, по мнению Е.Э. Черенковой, «нужно вести о сочетании частноправовых и публично-правовых начал в структуризации системы права. Этот принцип является системообразующим фактором права и определяет единство всей системы» [11, с. 9]. Лишь взятые в совокупности акты реальной защиты конкретных субъектов права служат надежным обеспечением функционирования правопорядка как такового.

В свете данных положений признание сделки недействительной, применение последствий ее недействительности, а также иные способы защиты гражданских прав (элементы системы способов защиты прав и охраняемых законом интересов) обеспечивают защиту как частных интересов, так и в целом публичного порядка, что также позволяет охарактеризовать рассматриваемую систему как открытую. Так, например, применение реституции в деле о недействительности сделки, с одной стороны опосредует восстановление имущественных сфер сторон сделки, иных и третьих лиц, а с другой – гарантирует устранение неопределенности в распределении прав и обязанностей, принадлежности имущества в масштабах всего правопорядка, во всей совокупности гражданских правоотношений. Иными словами, реституция выступает *частноправовым* способом защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки, опосредует возвращение сторонам недействительной сделки имущества, утраченного ими без правового основания. Кроме того, данный способ защиты представляет собой и *публично-правовой* механизм, связанный с «принудительным нивелированием и искоренением любых правовых последствий, которые стороны желали создать недействительной сделкой» [12], изъятием из гражданского оборота дефектного перемещения благ, восстановления прежнего, предсделочного положения. Таким образом, реституция представляет собой правовой механизм, защищающий как частные интересы (что допускает применение к исполнению реституционных обязательств общих положений об обязательствах (ст.307.1 ГК РФ)), так и публичные интересы (что проявляется в ограничениях применения некоторых положений раздела III ГК РФ об исполнении и обеспечении исполнения, прекращении, а также перемене лиц в реституционных обязательствах). Изложенное позволяет отметить комплексную правовую природу рассматриваемого способа защиты.

Более того, как свидетельствует анализ положений §2 гл.9 ГК РФ, в ряде случаев последствиями недействительности сделок могут выступать и меры уголовной и административной ответственности, определенные формулировками «другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки» (ст.168 ГК РФ) и «иные последствия, установленные законом» (ст.169 ГК РФ), устанавливаемые за совершение и (или) исполнение сделок, противоречащих закону или иному правовому акту, а также совершенных с целью, противной основам правопорядка и нравственности. Важно заметить при этом, что с учетом соотношения составов недействительности сделок, предусмотренных ст.ст.168 и 169 ГК РФ, «иные последствия, установленные законом» включают в себя «другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки». Под такими «иными последствиями» также можно понимать меры публично-правовой и частноправовой ответственности, определяемые за совершение сделки, противоречащей закону или иному правовому акту как частному случаю сделки, противной основам правопорядка или нравствен-

ности (в частности, административные и уголовные наказания). Совокупность «иных последствий» составляют также и другие формы государственной реакции на антисоциальную и противозаконную сделку (судебный штраф (гл. 15.2 УК РФ), меры процессуального принуждения (раздел IV УПК РФ) и т.д.) [13].

Указанное обстоятельство дает основания для вывода о том, что предусмотренные гражданским законодательством как путем прямого указания, так и путем закрепления бланкетных норм способы нейтрализации недействительной сделки и ее последствий являются по своей отраслевой принадлежности не только гражданско-правовыми, но и уголовно и административно-правовыми мерами.

3) Эмерджентность и иерархичность. Достижению эффекта одновременной защиты частных и публичных интересов способствует четкое функциональное разграничение применяемых в деле о недействительности сделки способов защиты (элементов системы) и их взаимосвязь. Признание сделки недействительной, а также конвалидация ничтожной сделки способствуют устранению неопределенности в распределении прав и обязанностей, принадлежности имущества. Применение последствий недействительности сделки в виде реституции завершает процесс признания недействительности сделки, возвращая имущество, переданное в рамках ее исполнения, или его денежный эквивалент (ст.167 ГК РФ) первоначальным его владельцам. Взыскание убытков, как и в его классическом варианте, а также ряд иных мер защиты и ответственности, предусматриваемых в соглашениях сторон оспоримого предпринимательского договора, обеспечивают дополнительную имущественную компенсацию лицу, пострадавшему от проявленной его контрагентом недобросовестности при совершении сделки.

В основании иерархии системы способов защиты участников недействительной сделки лежит признание сделки недействительной, признание ничтожной сделки действительной, использование которых правоприменителем предопределяет дальнейшее успешное применение последствий недействительности сделки.

Следует заключить, что предусмотренные законодательством способы защиты прав и охраняемых законом интересы участников недействительной сделки являются подсистемой наиболее общей системы охранительных мер, включающих в себя не только меры гражданско-правовой защиты, но и меры других отраслей российского права.

Список литературы

1.Капустин А.А. Системное мышление для правоведов (вопросы методологии) : монография / А.А. Капустин. – СПб. : СПбГИЭУ, 2011. 157 с.
2.Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. 166 с.
3.Краснова С.А. Система способов защиты вещных прав: Монография. – М.: ИНФРА-М, 2014. 147 с.
4.Тархов В.А. Охрана имущественных прав трудящихся по советскому гражданскому законодательству: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1966. 30 с.
5.Гражданское право : учебник: в 3 т. Т.1. / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ре. А.П. Сергеева. – Изд-во РГ-Пресс, 2011. 1008 с.
6.Кархалев Д.Н. Принуждение и охранительное правоотношение в гражданском праве // Право и государство: теория и практика. 2008. №6(42).
7.Гончарова В.А. Правоотношение по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки: понятие, элементы, особенности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12 (97). С. 78–84.
8.Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Основы системного анализа: Учеб. 3-е изд. – Томск: Изд-во НТЛ, 2001. 389 с.

9.Лебедев В.М. Системный анализ в частном праве //Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. №4(18). С.110-113.
10. Першин М.В. Частно-правовой интерес : Понятие, правообразование, реализация: автореф. дис. …канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 35 с.
11. Черенкова Е.Э. Система права и система законодательства Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 164 с.
12. Синицын С.А. Реституционные правоотношения: понятие, содержание, проблемы классификации // Юрист. 2015. №19 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Гончарова В.А. Система и классификация способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки // Юридические исследования. 2019. №7. С. 68-79.

Goncharova V.A. Place of remedies of the rights and legitimate interests of participants in an invalid bargain in the system of protective measures of Russian law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 5 (73). № 4. – P. 354-360.

The presented article is devoted to the study of the place of remedies of the rights and legitimate interests of participants in an invalid bargain in the system of protective measures of domestic law. Based on a systematic approach, it was concluded that both the specified combination of methods is included in this system, and that it is possible to consider remedies of the rights and legitimate interests of participants in an invalid bargain as an independent system, which is characterized by signs of integrity and purposeful nature, openness of structure, emergence and hierarchy. The article provides an analysis of each of these signs in relation to the system of methods for protecting participants in an invalid bargain. It has been established that since these methods are aimed at protecting not only private, but also public interests, it is natural that the elements of their system are not only civil protection measures, but also measures of other branches of Russian law (criminal and administrative law).

Key words: remedy, defense of rights, protection, invalidity of bargains, system, systematic approach, restitution, invalidation of a transaction, legal right, interest protected by law.

Spisok literatury

1. Kapustin A.A. Sistemnoe myshlenie dlya pravovedov (voprosy metodologii) : monografiya / A.A. Kapustin. – SPb. : SPbGIEU, 2011. 157 s.
2. Illarionova T.I. Sistema grazhdansko-pravovyh ohranitel'nyh mer. – Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1982. 166 s.
3. Krasnova S.A. Sistema sposobov zashchity veshchnyh prav: Monografiya. – M.: INFRA-M, 2014. 147 s.
4. Tarhov V.A. Ohrana imushchestvennyh prav trudyashchihsya po sovetskomu grazhdanskomu zakonodatel'stvu: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 1966. 30 s.
5. Grazhdanskoe pravo : uchebnik: v 3 t. T.1. / E.N. Abramova, N.N. Averchenko, YU.V. Bajgusheva [i dr.]; pod re. A.P. Sergeeva. – Izd-vo RG-Press, 2011. 1008 s.
6. Karhalev D.N. Prinuzhdenie i ohranitel'noe pravootnoshenie v grazhdanskom prave // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2008. №6(42).
7. Goncharova V.A. Pravootnoshenie po zashchite prav i ohranyaemyh zakonom interesov uchastnikov nedejstvitel'noj sdelki: ponyatie, elementy, osobennosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2018. № 12 (97). S. 78–84.
8. Peregudov F.I., Tarasenko F.P. Osnovy sistemnogo analiza: Ucheb. 3-e izd. – Tomsk: Izd-vo NTL, 2001. 389 s.
9. Lebedev V.M. Sistemnyj analiz v chastnom prave //Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2015. №4(18). S.110-113.
10. Pershin M.V. CHastno-pravovoj interes : Ponyatie, pravoobrazovanie, realizaciya: avtoref. dis. …kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2004. 35 s.
11. CHerenkova E.E. Sistema prava i sistema zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii : dis. … kand. yurid. nauk. M., 2005. 164 s.
12. Sinicyn S.A. Restitucionnye pravootnosheniya: ponyatie, soderzhanie, problemy klassifikacii // YUrist. 2015. №19 // SPS «Konsul'tantPlyus».
13. Goncharova V.A. Sistema i klassifikaciya sposobov zashchity prav i ohranyaemyh zakonom interesov uchastnikov nedejstvitel'noj sdelki // YUridicheskie issledovaniya. 2019. №7. S. 68-79.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 361-369.

УДК: 340, 347.1

КОНКРЕТИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН В РФ

Коваленко К. Е., Угрюмов Р. Ш., Коваленко Н. Е.

Алтайский государственный университет

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования института самозанятых граждан с точки зрения критериев предпринимательской и профессиональной деятельности. В рамках проведенного анализа законодательства и доктринальных источников была разработана памятка по организации деятельности самозанятых граждан в РФ. В данном исследовании основной упор делается на теоретических, доктринальных аспектах в рассмотрение поставленных задач, однако с целью освещения прикладного характера рассказано о процедуре легализации деятельности самозанятых граждан, т.е. сделана пошаговая инструкция, которая будет полезна не только юристам, но и обычным гражданам. В качестве практического материала разработана «Памятка по легализации деятельности самозанятых граждан» с пошаговыми операциями в указанном направлении. Информация собрана с официальных сайтов ФНС, Сбербанка, Госуслуг и т.д.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, профессиональная деятельность, самозанятые граждане, соотношение понятий, проблемы правового регулирования, конкретизация.

Осуществление экономической деятельности лицами без образования юридического лица является составной частью правосубъектности гражданина. В процессе данной деятельности происходит существенное преобразование всех сфер жизнедеятельности государства (социальной, экономической, политической и т.д.), а также позволяет самому гражданину достойно существовать и удовлетворять свои личные потребности.

Актуальность данная тематика получила в связи с принятием ФЗ от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» (далее – Закон о самозанятых) и дальнейшими внесениями в данный нормативно-правовой акт изменений. Фактически рассматриваемый закон вводит новую правовую категорию лиц – самозанятые граждане.

Появление такой категории в праве и законодательстве объясняется рядом причин, главные из которых - развитие рыночных отношений, потребность государства в увеличение бюджетных средств, а также обеспечение правовой защиты лиц осуществляющие свою деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей [1]. Самозанятые граждане являются одной из форм осуществления экономической деятельности лицами без образования юридического лица наравне с индивидуальными предпринимателем и другими.

Безусловно, деятельность самозанятых граждан существовала на протяжении всей истории России, только в различных ее формах и проявлениях и, как правило, находилась за пределами правового регулирования отечественного законодателя.

Существования социального явления «самозанятых граждан» и его неурегулированность на протяжении всей истории российской государственности повлекло за собой определение последствия. Во-первых, снисходительное отношение общества к рассматриваемой категории. Во-вторых, неуплату НДФЛ. В-третьих, самозанятые граждане лишались определенных социальных гарантий, например, право на страховую пенсию и т.д.

Стоит отдать должное явлению самозанятых граждан. В переходный период с момента распада СССР и становлению современной РФ именно «самозанятость» помогла гражданам обеспечить необходимые средства для существования.

Современное мировое сообщество находится на этапе существенного преобразования всех сфер деятельность общества и модернизации общественных институтов. Это влечет за собой особую потребность в увеличении бюджетных средств.

Законодательные и исполнительные ветви государственной власти Российской Федерации прорабатывают различные варианты к бюджетным средствам через налогообложение. Практически ежемесячно вносятся изменения в Налоговый кодекс РФ и предлагаются различные законопроекты.

Идеологическим началом правового регулирования деятельности самозанятых граждан принято считать выступление Президента РФ В.В. Путина в 2016 г. на одном из заседаний Совета при Президенте по стратегическому развитию и приоритетным проектам [2]. В процессе данного выступления особое значение В.В. Путин уделил проблеме самозанятых граждан, он отмечал, что причины существования теневой самозанятости – бюрократия, постоянные налоговые проверки и иные обременительные финансовые нагрузки. Президент отменил важность и необходимость существования института самозанятых граждан, поставил задачу законодательным органа разработать правовую регламентацию института самозанятых граждан [3].

Для полного и объективного изучения проблемы самозанятых граждан необходимо исследовать законодательство зарубежных стран. В законодательстве Великобритании одинаково оцениваются понятия «самозанятого гражданина» и «индивидуального предпринимателя», законодатель не разделяет данные институты, что порождает дополнительные коллизии.

Гражданин Англии, желающий зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, подлежит регистрации в службе доходов и таможни в статусе самозанятого гражданина. Рассматриваемая процедура носит информативный (уведомительный) характер, за которую не уплачивается государственная пошлина.

Исходя из выше изложенного, можно заметить, что самозанятые граждане – это лица, которые занимаются предпринимательской деятельностью, самостоятельно, т.е. без соответствующего найма работников. Однако государство идет на встречу гражданам и предоставляет упрощённую процедуру легализации такой деятельности, которая носит уведомительный характер.

В правовой среде российской действительности в достаточной степени не регламентирован статус самозанятых граждан. Впервые правовая регламентация рассматриваемого института произошла с принятием Закона № 401-ФЗ от 2016 от 30.12.2016 года «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. В данном нормативном акте, по мнению Е.Н. Паршиной, обозначались

определение лица, которые попадали под категорию самозанятых граждан (помощники по хозяйству, репетиторы, няни), помимо этого предоставлялся мораторий на уплату налогов [5]. Данная законодательная попытка привлечь внимание к развитию легального института самозанятых не дала ожидаемого результата, за целый год данного эксперимента было зарегистрировано менее тысячи человек.

Следующим периодом развития правового регулирования института самозанятых граждан является принятие федерального закона от 27 ноября 2018 г. N 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» (далее- ФЗ № 422) [5]. В связи с тем, что прошлая попытка не принесла ожидаемого результата, было решено в рамках эксперимента ввести новый специальный налоговый режим, считает Е.Н. Паршина [6]. Поправки в ФЗ № 422 в декабре 2019 года произошли в части изменения не только названия федерального закона, но и расширив его юрисдикцию до 19 субъектов РФ, где было возможно осуществление данного эксперимента, с 1 июля 2020 г. данный налоговый режим начинал действовать на территории всей России.

Основным источником нормативной базы института «самозанятых граждан» является упомянутый выше федеральный закон от 27 ноября 2018 г. N 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"», также Федеральный закон от 27.11.2018 № 423-ФЗ «О внесении изменений в статьи 56 и 146 Бюджетного кодекса Российской Федерации», ФЗ от 27.11.2018 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации», помимо этого можно отнести и положения ГК РФ.

Проанализировав положения ФЗ № 422, следует выделить его основные положения [5]:

1) по составу участников он является открытым, но есть определённые ограничения, во-первых, это только физические лица; во-вторых, ФЗ № 422 сам определил в ст. 4 лиц, которые не могут участвовать в рассматриваемом эксперименте [5];
2) регламентирована территория проведения эксперимента, ранее в нем принимало участие четыре субъекта Российской Федерации, но начиная с 1 июля 2020 года эксперимент переходит на «всероссийский уровень» [5];
3) определены начальные и конечные сроки проведения данного эксперимента [5];
4) принимающие участия в эксперименте физические лица подлежат обязательной регистрации в разработанном приложении «Мой налог», с помощью которого ежемесячно уплачивается налог на профессиональный доход [5];
5) освобождаются от уплаты обязательных страховых взносов [5].

В целом данный эксперимент специалисты оценивают положительно, но, как и любой иной институт, в нем есть существенные проблемы, о которых мы далее поговорим.

Проблемы с данной категорией граждан начинаются с определения понятия «самозанятые». Законодательство РФ, доктрина и органы государственной власти неоднозначно трактуют его. Так, Пенсионный фонд Российской Федерации говорит нам о том, что самозанятое население – это индивидуальные предприниматели, гла-

вы и члены крестьянских (фермерских) хозяйств, адвокаты, арбитражные управляющие, нотариусы, занимающиеся частной практикой и не являющиеся индивидуальными предпринимателями [7].

В п. 3.18 ГОСТа 12.0.004-2015. «Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организация обучения безопасности труда. Общие положения» (далее- ГОСТ), «самозанятое лицо» – это «человек, самостоятельно занятый трудом по оказанию услуг в рамках договоров гражданско-правового характера, в том числе в форме индивидуального предпринимательства» [8].

Так п. 7.3 ст. 83 Налогового кодекса РФ (далее- НК РФ), прямо не закрепляет понятие самозанятых граждан, а только выделяет их признаки. К ним относятся:

- только физические лица;
- не являющимися индивидуальными предпринимателями;
- осуществляют свою деятельность без привлечения наемных рабочих;
- целью данной деятельности является удовлетворение личных, домашних и иных потребностей физических лиц.

В доктрине тоже встречаются различные попытки дать исчерпывающее определения самозанятым гражданам, так по мнению Грабовой О. Н. и Суглобову А. Е., самозанятые лица – это «граждане, самостоятельно осуществляющие на свой риск основанную на личном трудовом участии деятельность по оказанию услуг, выполнению работ для физических лиц, направленную на систематическое получение прибыл; не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей; не имеющих наемных работников» [9].

В данных понятиях мы видим разрозненность позиций по терминологии, так в ГОСТе и НК РФ возникает противоречие по вопросу соотношения самозанятых граждан с индивидуальными предпринимателями, та же самая проблема и в определении, указанной ПФР РФ. Предпочтителен вариант, закреплённый законодателем в НК РФ, но его, по нашему мнению, необходимо доработать.

Для эффективного правового регулирования правового статуса самозанятых граждан необходимо определить – к какому из видов экономической деятельности следует отнести данную категорию лиц. Выбор должен быть между предпринимательской и профессиональной деятельностью, т.к. именно эти виды экономической деятельности больше всего подходят по признакам к самозанятым гражданам.

Можно ли отнести деятельность самозанятых граждан к предпринимательской? Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) закрепил признаки предпринимательской деятельности, но их недостаточно для точного и четкого понимания данного института [10]. Об этом говорит судебная практика, а также научная литература. Помимо признаков, закрепленных в ГК РФ можно выделить и иные – масштабность и профессионализм.

Исходя из признаков, закрепленных в Налоговом кодексе РФ [11] о самозанятых гражданах, можно будет определить является ли эта данный вид деятельности предпринимательской или же относится к профессиональной.

Предпринимательскую деятельность можно осуществлять как лично, так и с привлечением наемных рабочих. Так, оказывать услуги самозанятые граждане могут только лично, без помощи наемных работников, что также является отличительной чертой от лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Если мы будем говорить о масштабности, как признаке, то самозанятые граждане также не подпадают под него, т.к. они не могут производить какие-либо укрупнения своей деятельности, т.е. строить помещения для расширения деятельности или, открывать филиалы, нанимать наемных работников и т.д.

Хотя самозанятые лица, как правило, знают «свою работу», т.е. имеют определенные навыки и умения для осуществления деятельности, им присущ признак профессионализма.

Законодатель в ст. 2 ГК РФ, делает небольшую отсылку к самозанятым гражданам, употребляя следующее словосочетание: «Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом» [10], а также в п. 1 ст. 23 ГК РФ косвенно говоря нам о том, что самозанятые – это лица, которые осуществляют предпринимательскую деятельность [11]. Исходя из вышеизложенного, в полной мере мы не может утверждать, что самозанятые граждане – это лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность. Сфера деятельности самозанятых граждан – это нечто среднее между лицами, осуществляющие предпринимательскую деятельность и лицами, работающие по трудовому договору.

Указанное выше склоняет нас именно к профессиональной деятельности. В подтверждении данного подхода можно привести п. 7 ст. 6 ФЗ № 422, где говориться о профессиональном доходе - доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества [5]. Таким образом, в процессе осуществления своей деятельности самозанятые граждане получают профессиональный доход, который свойственен для лиц осуществляющих профессиональную деятельность.

Говоря о проблемах института самозанятых граждан стоит отметить, что разрешение индивидуальным предпринимателям применять специальный налоговый режим «налог на профессиональный доход» дало возможность недобросовестным предпринимателям скрывать фактические трудовые отношения под обличием гражданско-правового договора [13-14]. Это делается для того, чтобы снизить суммы налоговых отчисления на социальные взносы и увеличить прибыль [15-16].

Часто самозанятых граждан приравнивают к индивидуальным предпринимателям, например, об этом сказано в ГОСТе [8], который был упомянут ранее, но это утверждение является не верным.

Можно выделить следующие отличительные черты самозанятых граждан:

- установлено ограничение по максимальному доходу, которое составляет 2,4 млн. рублей в год;
- ограничена территориальная сфера деятельности. Лицо указывает субъект на территории которого осуществляет деятельность при переходе на режим самозанятого, изменить территорию деятельности допускается 1 раз в год;
- есть категория лиц, которые не могут стать самозанятыми лица, занимающиеся добычей и (или) реализацией полезных ископаемых; лица, имеющие работников, с которыми они состоят в трудовых отношениях [11];
- осуществления деятельности носит личных характер, т.е. нельзя нанимать наемных рабочих;

- упрощённая процедура государственной регистрации, носит уведомительный характер;

- освобождаются от уплаты НДФЛ и т.д.

Самозанятые граждане и индивидуальные предприниматели хотя и являются физическими лицами, но в правосубъектности они кардинально отличаются.

Хотелось бы поддержать идею законодательного регулирования, предлагаемую Министерством юстиции РФ [17]. Необходимо четко определить эту категорию, т.е. формально закрепить понятие «самозанятые граждане».

Так, Министерство юстиции РФ предложило внести изменения в ст. 2 закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации», были разработаны следующие критерии самозанятых граждан [17]:

- физическое лицо, самостоятельно осуществляющее на свой риск направленную на систематическое получение прибыли деятельность по оказанию услуг, выполнению работ для физических лиц, основанную исключительно на личном трудовом участии, в том числе вовремя, свободное от исполнения обязанностей по трудовому договору [17];

- не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя [17];

- достигшее 16-летнего возраста [17];

- представившее уведомление об осуществлении указанной деятельности в налоговый орган в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах [17].

При выборе организационно-правовой формы деятельности, следует обращать внимание на преимущества и недостатки. К преимуществам самозанятых граждан безусловно относится отсутствие налоговых выплат и страховых взносов, достаточно простая процедура легализации деятельности, отсутствие обязанности сдавать финансовые отчетности и т.д.

При всем этом у данного режима налогообложения есть и недостатки, если в текущем периоде ФНС относится лояльно к гражданам, осуществляющим приносящую доход деятельность, то не факт, что это продолжиться после 31 декабря 2028 года. Самым главным минусом является невозможность масштабироваться, производить укрупнения своей деятельности, поскольку это связано с привлечением наемного труда.

Первоначально, перед тем как выбирать организационно-правовую форму деятельности, необходимо учитывать ряд факторов: род деятельности; финансовое положение. Исходя из этих положений следует уже выбирать, какой формат ведения деятельности подходит под конкретный случай.

В данном исследовании основной упор делается на теоретических, доктринальных аспектах в рассмотрение поставленных задач, но хотелось бы осветить прикладной характер, а именно рассказать о процедуре легализации деятельности самозанятых граждан, т.е. сделать пошаговую инструкцию, которая будет полезна не только юристам, но и обычным гражданам. В качестве практического материала была разработана памятка. Информация собрана с официальных сайтов ФНС, Сбербанка, Госуслуг и т.д.

Подводя итог вышесказанному, следует сказать, что институт самозанятых до конца не изучен в законодательстве и юридической доктрине, содержит ряд коллизий и пробелов, что затрудняет развитие данного института в РФ

Памятка по легализации деятельности самозанятых граждан [19].

Шаг 1. Выбрать способ регистрации. Можно выделить четыре основных способа:

1) мобильное приложение «Мой налог». Для этого следует скачать приложение из Google Play для Android или Apple Store для IOS и зарегистрироваться. Этому способу посвящена ст. 3 Закона о самозанятых;

2) кабинет налогоплательщика. Следует зайти на официальный сайт ФНС РФ и воспользоваться кабинетом налогоплательщика;

3) уполномоченные банки. Есть ряд банков, например, Сбербанк, куда можно обратиться с просьбой о регистрации физического лица в качестве самозанятого гражданина, это можно сделать лично, либо с помощью мобильного приложения банка;

4) остальные способы. Это может быть личное посещение ФНС РФ, либо через многофункциональный центр, либо через госуслуги, либо через Почту России.

Шаг 2. Отправить заявление в налоговый орган, в т.ч. онлайн.

Чтобы зарегистрироваться онлайн необходимо верифицировать свою личность. Это можно сделать по паспорту РФ, необходимо открыть приложение «Мой налог», указать номер телефона, выбрать регион осуществления деятельности, далее необходимо отсканировать паспорт на страницы с фотографией, затем сфотографировать свое лицо. Также верифицировать свою личность можно через кабинет налогоплательщика. Для этого необходимо ИНН и пароль, который можно получить в ФНС РФ, затем отправить заявление о регистрации физического лица в качестве самозанятого гражданина.

Шаг 3. Дождаться уведомления от налогового органа. При отсутствии нарушения ФНС РФ регистрирует физическое лицо в качестве самозанятого гражданина, либо отказывает в такой регистрации. В течение дня придёт СМС уведомление в приложении. Если индивидуальный предприниматель зарегистрировался в качестве самозанятого гражданина, то ему в течении месяца необходимо отказаться от других специальных налоговых режимов.

Шаг 4. Начать работу и оформлять чеки. Чек выписывают по факту получения денег, а не по дате выполнения договора. Для этого необходимо в приложении «Мой налог» нажать «новая продажа» и указать кому выписывается чек, физическому или юридическому лицу, от этого зависит размер налога. В новом окошке необходимо указать стоимость, название и дату оказания услуги. Преимущество данной функции в том, что налог считать не нужно, система самостоятельно высчитывает сумму за физическое лицо.

Список литературы

1. Попов, А.В. Административно-правовой статус самозанятых граждан: проблемы определения и возможные пути их решения / А.В. Попов //Научный вестник Омской академии МВД России. -2018.- № 2 (69). -С. 53-59. - Текст: непосредственный.

2. Паршина, Е.Н. Проблема налогообложения самозанятых в России/ Е.Н. Паршина// Проблемы налогообложения, предпринимательства и менеджмента. Сборник материалов XV научно-практической конференции с международным участием. Ответственный редактор А.И. Пономарев.- 2019. -С. 84-92. - Текст: непосредственный.

3. Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам : сайт / Официальный сайт Президента России.-.-URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/52929 (дата обращения: 01.10.2020). – Загл. с экрана. –Текст : электронный.

4. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30.11.2016 № 401-ФЗ (ред. от 27.11.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 49. – Ст. 6844. – Текст: непосредственный.

5. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федеральный закон от 27 ноября 2018 г. N 422-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2018 г. N 49 (часть I) ст. 7494. – Текст: непосредственный.

6. Паршина, Е.Н. Налогообложение самозанятых в России: современное состояние и дальнейшие перспективы/ Е.Н. Паршина // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. -2020. -№ 3 (118).- С. 49-53. - Текст: непосредственный.

7. Кто относится к самозанятому населению : сайт / Официальный сайт Пенсионного Фонда Российской Федерации.-.-URL: http://www.pfrf.ru/strahovatelyam/samozaniatoe/kto_otnos/ (дата обращения: 01.10.2020). – Загл. с экрана. –Текст : электронный.
8. ГОСТ 12.0.004-2015. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организация обучения безопасности труда. Общие положения : введен в действие Приказом Росстандарта от 09.06.2016 № 600-ст // Официальные документы в образовании. – № 36. – 2016. - Текст: непосредственный.
9. Грабова, О. Н. Проблемы выхода «Из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления / О. Н. Грабова, А.Е. Суглобов // Экономика. Налоги. Право. – 2017. – №6. – С. 108 – 116. - Текст: непосредственный.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ (часть первая) //Собрание законодательства РФ от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301. - Текст: непосредственный.
11. Бондаренко, Д.В. Самозанятые лица как субъекты предпринимательской деятельности/ Д.В. Бондаренко // Право и политика. - 2018. - № 5. - С. 62 - 74. - Текст: непосредственный.
12. Правильная ссылка на статью: Бондаренко Д.В. — Самозанятые лица как субъекты предпринимательской деятельности // Право и политика. – 2018. – № 5. – С. 62 - 74. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.5.24636 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24636
13. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. N 146-ФЗ (часть первая) // Собрание законодательства РФ от 3 августа 1998 г. № 31 ст. 3824. - Текст: непосредственный.
14. Гаджиев, Г. А. Право и экономика (методология) : учебник для магистрантов / Г. А. Гаджиев. – М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. - 256 с. - Текст: непосредственный.
15. Гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 1 / С. С. Алексеев [и др.] ; под. ред. Б. М. Гонгало. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – 511 с. - Текст: непосредственный.
16. Губин, Е. П. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / Е. П. Губин, П. Г. Лахно. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Норма; Инфра-М, 2017. – 992 с. - Текст: непосредственный.
17. Долинская, В. В. Проблемы правового статуса самозанятых / В. В. Долинская, Л. М. Долинская // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. – 2018. – № 1. – С. 113-128. - Текст: непосредственный.
18. О внесении изменений в статью 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации»: проект Федерального Закона подготовленным Минюстом России от 05.07.2017 // КонсультантПлюс : [сайт]. – 2020. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=161024#07749201130131005 (дата обращения 20.01.2020). – Текст : электронный.
19. Ершова, И. В. Современное предпринимательское право: монография / И.В. Ершова И. В. – М. : Проспект, 2014. – 352 с. - Текст: непосредственный.
20. Угрюмов, Р.Ш. Правовые формы осуществления экономической деятельности граждан без образования юридического лица: выпускная квалификационная работа по направлению подготовки: 40.03.01 - Юриспруденция. - Барнаул, 2020. – . – URL: http://elibrary.asu.ru/xmlui/ (дата обращения: 14.10.2020). – Режим доступа: для авториз. пользователей. – Текст: электронный.

Kovalenko K.E., Ugryumov R. S., Kovalenko N. E. Concretization of the civil legal status of self-employment in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 5 (73). № 4. – P. 361–369.

The article deals with the issues of legal regulation of the institution of self-employed citizens from the point of view of the criteria of entrepreneurial and professional activity. As part of the analysis of legislation and doctrinal sources, a memo was developed for organizing the activities of self-employed citizens in the Russian Federation. In this study, the emphasis is on theoretical, doctrinal aspects in consideration of the tasks, but to highlight the applied character is told about the procedure of legalization of self-employed people, i.e. this is a step by step instruction which will be useful not only to lawyers, but also to ordinary citizens. As a practical material, a "Memo on the legalization of the activities of self-employed citizens" with step-by-step operations in this direction has been developed. The information is collected from the official websites of the Federal Tax Service, Sberbank, State Services, etc.

Key words: entrepreneurial activity, professional activity, self-employed citizens, correlation of concepts, problems of legal regulation, concretization.

Spisok literatury

1. Popov, A.V. Administrativno-pravovoj status samozanyatyh grazhdan: problemy opredeleniya i vozmozhnye puti ih resheniya / A.V. Popov //Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. -2018.- № 2 (69). -S. 53-59. - Tekst: neposredstvennyj.
2. Parshina, E.N. Problema nalogooblozheniya samozanyatyh v Rossii/ E.N. Parshina// Problemy nalogooblozheniya, predprinimatel'stva i menedzhmenta. Sbornik materialov XV nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Otvetstvennyj redaktor A.I. Ponomarev.- 2019. -S. 84-92. - Tekst: neposredstvennyj.

3. Zasedanie Soveta po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam : sajt / Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii.-.-URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/52929 (data obrashcheniya: 01.10.2020). – Zagl. s ekrana. –Tekst : elektronnyj.
4. O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon ot 30.11.2016 № 401-FZ (red. ot 27.11.2018) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2016. – № 49. – St. 6844. – Tekst: neposredstvennyj.
5. O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu special'nogo nalogovogo rezhima «Nalog na professional'nyj dohod»: federal'nyj zakon ot 27 noyabrya 2018 g. N 422-FZ// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 3 dekabrya 2018 g. N 49 (chast' I) st. 7494. – Tekst: neposredstvennyj.
6. Parshina, E.N. Nalogooblozhenie samozanyatyh v Rossii: sovremennoe sostoyanie i dal'nejshie perspektivy/ E.N. Parshina // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. -2020. -№ 3 (118).- S. 49-53. - Tekst: neposredstvennyj.
7. Kto otnositsya k samozanyatomu naseleniyu : sajt / Oficial'nyj sajt Pensionnogo Fonda Rossijskoj Federacii.-.-URL: http://www.pfrf.ru/strahovatelyam/samozaniatoe/kto_otnos/ (data obrashcheniya: 01.10.2020). – Zagl. s ekrana. –Tekst : elektronnyj.
8. GOST 12.0.004-2015. Mezhgosudarstvennyj standart. Sistema standartov bezopasnosti truda. Organizaciya obucheniya bezopasnosti truda. Obshchie polozheniya : vveden v dejstvie Prikazom Rosstandarta ot 09.06.2016 № 600-st // Oficial'nye dokumenty v obrazovanii. – № 36. – 2016. - Tekst: neposredstvennyj.
9. Grabova, O. N. Problemy vyhoda «Iz teni» samozanyatyh lic v Rossii: riski i puti ih preodoleniya / O. N. Grabova, A.E. Suglobov // Ekonomika. Nalogi. Pravo. – 2017. – №6. – S. 108 – 116. - Tekst: neposredstvennyj.
10. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 1994 g. N 51-FZ (chast' pervaya) //Sobranie zakonodatel'stva RF ot 5 dekabrya 1994 g. № 32 st. 3301. - Tekst: neposredstvennyj.
11. Bondarenko, D.V. Samozanyatye lica kak sub''ekty predprinimatel'skoj deyatel'nosti/ D.V. Bondarenko // Pravo i politika. - 2018. - № 5. - S. 62 - 74. - Tekst: neposredstvennyj.
12. Pravil'naya ssylka na stat'yu: Bondarenko D.V. — Samozanyatye lica kak sub''ekty predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Pravo i politika. – 2018. – № 5. – S. 62 - 74. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.5.24636 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24636
13. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 31 iyulya 1998 g. N 146-FZ (chast' pervaya) // Sobranie zakonodatel'stva RF ot 3 avgusta 1998 g. № 31 st. 3824. - Tekst: neposredstvennyj.
14. Gadzhiev, G. A. Pravo i ekonomika (metodologiya) : uchebnik dlya magistrantov / G. A. Gadzhiev. – M.: YUr.Norma, NIC INFRA-M, 2016. - 256 s. - Tekst: neposredstvennyj.
15. Grazhdanskoe pravo : uchebnik. V 2 t. T. 1 / S. S. Alekseev [i dr.] ; pod. red. B. M. Gongalo. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Statut, 2017. – 511 s. - Tekst: neposredstvennyj.
16. Gubin, E. P. Predprinimatel'skoe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik / E. P. Gubin, P. G. Lahno. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Izdatel'stvo Norma; Infra-M, 2017. – 992 s. - Tekst: neposredstvennyj.
17. Dolinskaya, V. V. Problemy pravovogo statusa samozanyatyh / V. V. Dolinskaya, L. M. Dolinskaya // Vestnik MGOU. Seriya: YUrisprudenciya. – 2018. – № 1. – S. 113-128. - Tekst: neposredstvennyj.
18. O vnesenii izmenenij v stat'yu 2 Zakona Rossijskoj Federacii «O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii»: proekt Federal'nogo Zakona podgotovlennym Minyustom Rossii ot 05.07.2017 // KonsulʹtantPlyus : [sajt]. – 2020. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=161024#07749201130131005 (data obrashcheniya 20.01.2020). – Tekst : elektronnyj.
19. Ershova, I. V. Sovremennoe predprinimatel'skoe pravo: monografiya / I.V. Ershova I. V. – M. : Prospekt, 2014. – 352 c. - Tekst: neposredstvennyj.
20. Ugryumov, R.SH. Pravovye formy osushchestvleniya ekonomicheskoj deyatel'nosti grazhdan bez obrazovaniya yuridicheskogo lica: vypusknaya kvalifikacionnaya rabota po napravleniyu podgotovki: 40.03.01 - YUrisprudenciya. - Barnaul, 2020. – . – URL: http://elibrary.asu.ru/xmlui/ (data obrashcheniya: 14.10.2020). – Rezhim dostupa: dlya avtoriz. pol'zovatelej. – Tekst: elektronnyj.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 370-375.

УДК 347.1

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЕДИНОЙ ТЕХНОЛОГИИ В АСПЕКТЕ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Щербаков М. Г.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме правового режима технологии для использования ее в машинном обучении искусственного интеллекта. Целью статьи является анализ природы единой технологии, созданной для машинного обучения искусственного интеллекта. Статья подводит к пониманию необходимости определения правового режима сложного объекта, включающего в себя базу данных и программу ЭВМ. В статье анализируются признаки единой технологии, применяемой для машинного обучения в форме общедоступной платформы. Автором рассматривается возможность включения единой технологии в перечень результатов интеллектуальной деятельности. В статье проводится аналогия дефиниции сложный объект и сложная вещь. Автором подчеркивается необходимость баланса между правами и обязанностями организатора единой технологии и создателями базы данных.

Ключевые слова: искусственный интеллект, общедоступная платформа, нейронная сеть, единая технология, база данных, программа ЭВМ, машинное обучение.

В современных условиях развития информационного общества возрастает необходимость в обработке, поиске и структурировании больших массивов информации. Между тем физические и интеллектуальные способности человека ограничены, поэтому современному человеку необходим цифровой помощник, способный обрабатывать огромные массивы информации и самостоятельно принимать решения. Таким цифровым помощником является искусственный интеллект. Что такое искусственный интеллект? В национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Национальная стратегия), утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 года № 490, дано следующее определение: искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [1]. Таким образом, можно сказать, что искусственный интеллект – это сложный искусственный интеллектуальный объект, который способен к самостоятельному нахождению решения и к самообучению (имитация когнитивных функций человека). А. Тьюринг отмечал, способность машины мыслить, как игру в имитацию [2]. Между тем способность машины имитировать мыслительный процесс человека обуславливается наличием у нее искусственной нейронной сети. Что такое искусственная нейронная сеть? О.В. Крючин отмечал, что искусственная нейронная сеть представляет собой математическую модель человеческого мозга, состоящую из частиц, соединенных между собой

связями, передающими сигналы [3]. Нейронные сети обладают рядом уникальных свойств, делающих их мощным инструментом для создания систем управления: способностью к обучению на примерах и обобщению данных, способностью адаптации к изменению внешней среды, пригодностью для синтеза нелинейных регуляторов, высокой устойчивостью к повреждениям своих элементов в силу изначально заложенного в нейросетевую архитектуру параллелизма [4]. Нейронные сети нашли широкое применение, например, в поисковом алгоритме, который позволяет точнее понимать запрос, а также находить его смысл («Палеха» в Яндексе, «Колибри» и Rank Brain в Google), в распознавании изображения (FindFace), в распознавании речи (Окей Гугл), в программах по имитации речи (Deep Mind).

Важной особенностью искусственной нейронной сети является то, что она не программируется, а обучается. Что такое машинное обучение? Машинное обучение (machine learning) представляет собой процесс подбора коэффициентов связей между нейронами. При успешном обучении нейронная сеть сможет дать верный результат на основании данных, отсутствовавших в обучающей выборке, а также неполных и (или) «зашумленных», частично искаженных данных [4] Между тем обучение нейронных сетей невозможно без специальных программ (технологий) – нейросетевых симуляторов, а также больших баз данных. О.В. Крючин указывал, что структура нейросетевого симулятора состоит из трех основных частей: библиотеки служебных инструментов; структур искусственной нейронной сети и алгоритмов обучения; параллельных алгоритмов обучения искусственной нейронной сети [3]. Таким образом, необходимо и достаточно разработать правовой режим использования технологий для машинного обучения, который позволит беспрепятственно использовать данные технологии на коммерческой основе.

Гражданское законодательства РФ признает право на технологию как выраженный в объективной форме результат научно-технической деятельности, который включает в том или ином сочетании изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для ЭВМ или другие результаты интеллектуальной деятельности, подлежащие правовой охране, который может служить технологической основой определенной практической деятельности в гражданской или военной сфере (ст. 1542 ГК РФ). Между тем гражданское законодательство, на мой взгляд, необоснованно ограничило правовой режим единой технологии только государственным участием. А.В. Латынцев отмечал, что за рамками правового регулирования фактически остаются единые технологии, созданные за счет частных и иных негосударственных инвестиций, а также за счет или с привлечением средств федерального бюджета либо бюджетов субъектов Российской Федерации на возмездной основе в форме бюджетного кредита, за счет средств бюджетов местного самоуправления [5]. В связи с этим целесообразно закрепить в гражданском законодательстве правовой режим единой технологии не только с государственным, но и частным финансированием. Кроме того, предлагается дифференцировать режим единой технологии на общего и специального назначения. В общий режим распространить, в том числе на случаи использования единой технологии для машинного обучения нейронных сетей. Основой технологии машинного обучения нейронной сети является обращение сети к огромному массиву информации. Например, обучение искус-

ственной нейронной сети распознанию образов требует доступ к большому объему данных разных образов. В национальной стратегии указано, что увеличение объема доступных данных, в том числе данных, прошедших разметку и структурирование, и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры для обеспечения доступа к наборам таких данных необходимо создания (модернизации) общедоступных платформ для хранения наборов данных, соответствующих методологиям описания, сбора и разметки данных [1]. Таким образом, создание искусственного интеллекта невозможно без нейронной сети, которая должна проходить процесс обучения на основе использования технологий и больших данных. В связи с этим предлагается использовать открытые платформы, включающие в себя открытые (общедоступные) единые технологии и базы данных.

Что такое общедоступная платформа? Согласно национальной стратегии общедоступная платформа – информационная система для сбора, обработки, хранения и опубликования наборов данных, доступная в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В соответствии с федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств [6]. Таким образом, общедоступная платформа – это база данных, представляющая собой не просто большой массив информации, а единую технологию, включающую в себя систематизированные в строгую логически обусловленную структуру сведения (информацию) для обеспечения возможности эффективного поиска и обработки с помощью ЭВМ необходимой информации. Словосочетание «база данных» – буквальный перевод с английского правового термина «database», обозначающего массив сведений, подобранных и упорядоченных заданным образом и обработанных с помощью ЭВМ [7]. В соответствии с Соглашением ТРИПС компиляции данных или иная информация в машиночитаемой или иной форме, представляющие собой по подбору и расположению материалов результат интеллектуального творчества, охраняются как таковые (п. 2 ст. 10) [8]. Договор ВОИС по авторскому праву относит компиляции данных или другой информации в любой форме, которые по подбору и расположению содержания представляют собой результат интеллектуального творчества, охраняются как таковые (ст. 5) [9]. Директива Европейского Союза «О правовой охране баз данных» определила базу данных как коллекцию независимых произведений, данных или иных материалов, организованных системным или методическим образом, и к которым возможен индивидуальный доступ с помощью электронных или иных средств» (п. 2 ст. 1) [10]. В соответствии со ст. 1260 ГК РФ [11] база данных представляет собой представленную в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ). Е.В. Суханов отмечал, что с точки зрения авторского права во всяком сборнике, в том числе и в базах данных, результат творческой деятельности выражается в особом подборе, расположении и организации данных [12]. Между тем база данных, будучи составным произведением, является неотъемлемой частью сложного объекта – единой технологии машинного обучения. По мнению Исследовательского центра частного

права при Президенте РФ, выраженному по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой ГК РФ, сложными объектами могут быть признаны только такие объекты, которые, объединяя несколько охраняемых объектов в качестве структурных элементов, образуют не простую совокупность, а именно сложный структурный состав, характеризующийся как некое единое целое, в том числе посредством структурных и функциональных взаимосвязей [13]. А. Юмашев отмечал, что результаты интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта не просто комбинируются друг с другом, а включаются в структуру такого объекта, который существует уже как единое целое, а не как совокупность разнородных объектов [14]. Е.В. Домовская отмечает, что сложный объект рассматривается в качестве «двухуровневой модели прав»: на первом уровне права возникают у авторов составных произведений, а на втором – у лица, организовавшего создание сложного объекта и получившего исключительное право на сложный объект в результате сделок [15]. Таким образом, в юридическом аспекте общедоступная платформа, с одной стороны, является базой данных, а, с другой стороны, единой технологией, созданной, в том числе для машинного обучения (сложный объект). Кроме того, базу данных можно обозначить как совокупность (технологию) интеллектуальных объектов первого уровня, а единую технологию, включающую в свой состав базу данных, как совокупность (технологию) второго уровня. В соответствии с Методическими рекомендациями Минобрнауки РФ особенностью знания как «технологической основы» является его практическая применимость, возможность реального использования знаний на практике, реализации применительно к конкретным научнотехническим задачам, проблемам определенной практической деятельности [16]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что единая технология, способная стать основой для машинного обучения, представляет собой многоуровневую структуру, которая является технологической основой для процесса обучения искусственной нейронной сети.

Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7, определены следующие цели развития искусственного интеллекта: создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на гибком подходе в каждой сфере, а также внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий; обеспечение благоприятных правовых условий для сбора, хранения и обработки данных с использованием новых технологий, в части установления порядка обезличивания персональных данных, условий и порядка их использования, уточнения ответственности за их ненадлежащую обработку, порядка получения согласия на их обработку; создание правовых условий для наиболее эффективного использования результатов интеллектуальной деятельности в условиях цифровой экономики [17]. Таким образом, необходимым и достаточным условием развития машинного обучения является создание экспериментального правового режима, устанавливающего благоприятные условия использования для включения в гражданский оборот единой технологии, которая используется для машинного обучения нейронных сетей. В связи с этим предлагается рассмотреть вопрос об открытом использовании

единых технологий, представляющих собой базовые элементы для машинного обучения нейронных сетей.

В заключение необходимо отметить, что единая технология, связанная с процессом машинного обучения, является сложным результатом интеллектуальной деятельности, включающим в себя несколько самостоятельных объектов гражданских прав, которые находятся в функциональной взаимосвязи (базы данных, программы ЭВМ, и т.д.).

Список литературы

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [электронный ресурс] http://kremlin.ru/acts/bank/44731
2. А. Тьюринг. Может ли машина мыслить? / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Гос. изд-во физико-математической литературы, 1960. С. 34.
3. О.В. Крючин Искусственные нейронные сети и кластерные системы [электронный ресурс] - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennye-neyronnye-seti-i-klasternye-sistemy-realizatsiya-neyrosetevogo-simulyatora
4. В.А. Терехов, Д. В. Ефимов, И. Ю. Тюкин, Нейросетевые системы управления. Высшая школа, Москва, 2002. 184 с.
5. А.В. Латынцев Правовой режим единой технологии [электронный ресурс] - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-rezhima-edinoy-tehnologii
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/
7. Вайшнурс А.А. Современность и перспективы правовой охраны баз данных в России, США и Европейском союзе // Юрист. 2003. № 11. С. 47
8. Соглашение о торговых аспектах прав на интеллектуальную собственность (Соглашение ТРИПС). Марракеш, 15 апреля 1994 г.: Программа ТАСИС Интеллектуальная Собственность Финансирована Европейской Комиссией, 1999.1. Научная литература
9. Договор ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 г. Вступил в силу 6 марта 2002 г. // Официальная публикация ВОИС №226 (R). Женева, 1997.
10. Council Directive on the legal protection of databases 1996 // Official Journal of the EC. L. 77. March 27, 1996. P. 20 etseq
11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 52 (Часть 1). Ст. 5496
12. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова и др. ; отв. ред. Е. А. Суханов. - 2-е изд., стереотип. - М.: Статут, 2011. - Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. - 958 с.
13. Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (редакционный материал) // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 120 - 130.
14. Юмашев А. Музыкальное произведение с текстом: объект или объекты авторских прав? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2008. № 8. С. 17; Постатейный научно-практический комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: В 2 кн. / Ю.А. Дмитриев и др. М.: Буквовед, 2008. Кн. 1. С. 134, 350.
15. Домовская Е.В. Способы создания сложных объектов авторского права и распоряжения правами на них [электронный ресурс] - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-sozdaniya-slozhnyh-obektov-avtorskogo-prava-i-rasporyazheniya-pravami-na-nih
16. Методические рекомендации по признанию результатов интеллектуальной деятельности единой технологией (утв. Минобрнауки РФ 01.04.2010)
17. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [электронный ресурс] - Режим доступа: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?rnd=DA0EAB522AC4C86C7EA94BDB160FAC3F&req=doc&base=LAW&n=328854&REFFIELD=134&REFDST=100014&REFDOC=326762&REFBASE=LAW&stat=refcode%3D10881%3Bindex%3D22#ofu0wfyzfp

M.G. Sherbakov The legal regime of a single technology in the aspect of machine learning of machine learning // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 5 (73). № 4. – P. 370-375.

The article is devoted to the current problem of the legal regime of technology for use in machine learning of artificial intelligence. The purpose of the article is to analyze the nature of a single technology created for machine learning of artificial intelligence. The article leads to an understanding of the need to determine the legal regime of a complex object, which includes a database and a computer program. The article analyzes the features of a single technology used for machine learning in the form of a public platform. The author considers the possibility of including a single technology in the list of results of intellectual activity. The article draws an analogy of the definition of a complex object and a complex thing. The author emphasizes the need for a balance between the rights and obligations of the organizer of a single technology and the creators of the database.

Keywords: artificial intelligence, public platform, neural network, unified technology, database, computer program, machine learning.

Spisok literatury

1. National strategy for the development of artificial intelligence for the period until 2030 [electronic resource] http://kremlin.ru/acts/bank/44731
2. A. Turing. Can a machine think? / Per. from English Yu.A. Danilova. M .: State. publishing house of physical and mathematical literature, 1960.P. 34.
3. O.V. Kryuchin Artificial neural networks and cluster systems [electronic resource] - Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennye-neyronnye-seti-i-klasternye-sistemy-realizatsiya-neyrosetevogo-simulyatora
4. V.A. Terekhov, D.V. Efimov, I. Yu. Tyukin, Neural network control systems. Higher School, Moscow, 2002.184 s.
5. A.V. Latyntsev Legal regime of unified technology [electronic resource] - Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-rezhima-edinoy-tehnologii
6. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-ФЗ "On Information, Information Technologies and Information Protection" [electronic resource] - Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/
7. Vaishnurs A.A. Modernity and prospects of legal protection of databases in Russia, the USA and the European Union // Lawyer. 2003. No. 11. P. 47
8. Agreement on trade-related aspects of intellectual property rights (TRIPS Agreement). Marrakesh, April 15, 1994: TACIS Intellectual Property Program Funded by the European Commission, 1999.1. Scientific literature
9. WIPO Copyright Treaty of December 20, 1996. Entered into force on March 6, 2002 // WIPO Official Publication No. 226 (R). Geneva, 1997.
10. Council Directive on the legal protection of databases 1996 // Official Journal of the EC. L. 77. March 27, 1996. P. 20 etseq
11. Civil Code of the Russian Federation. Part Four: Federal Law of December 18, 2006 No. 230-FZ // Sobr. legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (Part 1). Art. 5496
12. Russian civil law: a textbook: in 2 volumes / V. S. Em, I. A. Zenin, N. V. Kozlova and others; open ed. E. A. Sukhanov. - 2nd ed., Stereotype. - M.: Statute, 2011. - T. 1: General part. Property law.Inheritance law.Intellectual rights.Personal non-property rights. - 958 s.
13. Conclusion of the Private Law Research Center on the interpretation and possible application of certain provisions of part four of the Civil Code of the Russian Federation (editorial material) // Bulletin of Civil Law. 2007. No. 3. P. 120 - 130.
14. Yumashev A. Musical work with text: object or objects of copyright? // Intellectual property. Copyright and related rights.2008. No. 8. P. 17; Article-by-article scientific and practical commentary on the fourth part of the Civil Code of the Russian Federation: In 2 vol. / Yu.A. Dmitriev et al. M .: Bookwright, 2008. Book.1, p. 134, 350.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 376-388.

УДК: 343

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛОЦМАНОВ АРХАНГЕЛЬСКА В НАЧАЛЕ XX ВВ.

Киров А. А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В данной статье рассмотрены основы правового регулирования деятельности и организации лоцманов Архангельска в начале XX в., основой которого стал Устав 1900 г. и сменивший действовавшее до него временные правила для Общества Архангельских лоцманов от 18 января 1886 г.

Устав 1900 г. состоит из следующих частей: «Общие постановления», «Права и обязанности лоцкомандира», «О правах и обязанностях лоцманского старосты»; «Лоцманские ученики»; «О взаимных отношениях шкипера и лоцмана»; «Управа, ее права и обязанности»; «Денежные средства и хозяйственное управление общества». Это был достаточно современный документ, базировавшийся на основных профильных нормативных актах рассматриваемого периода, в первую очередь, на Положении о морских лоцманах 1891 г.

Ключевые слова: архангельские лоцманы, устав, указ, лоцманская проводка, ученики, лоцдистанция, лоцманский староста, управа.

Как указывают современные источники «Именно деревня Пустошь Приморского района Архангельской области по праву считается родиной лоцманов» [1].

«Возжи», как ранее называли лоцманов, действовали в Архангельске еще с допетровских времен. Однако именно при Петре I они получили свое законодательное и организационное оформление.

14 июля 1685 г. был издан указ «О пропуске Голландского конвойного корабля в устье Двины вместе с купеческими кораблями, о найме вольных лоцманов для проводу кораблей, об установлении особой заклеймённой гири для весу принимаемых в пошлину червонцев, и о взимании пошлины по покупаемым ценам товаров в город Архангельск» [2, с. 675-676].

Суть этого документа в том, что работа с иностранцами была отдана, официально, на откуп. Иные лоцманы, очевидно, не были допущены к работе с иностранцами. Из-за откупной системы иностранные торговцы вынуждены были значительно переплачивать за лоцманские услуги. Это положение указом отменялось, откупные платежи в казну по 92 руб. в год тоже были отменены. В последующем с лоцманов запрещалось брать налоги, а им самим находится при таможне. Ведать лоцманами указ предписывал «Гостю с товарищи, а Воеводом бы ни в чем не ведать». Впредь голландцам было позволено нанимать лоцманов по свободной цене.

Впрочем, на подобные ситуации возникали и далее и требовали вмешательства высшей власти. Так, 26 июня 1717 г. был издан указ «О неотдавании на откуп у города Архангельского, корабельного привода и вывода на море, и о даче подвод как иноземцам, так и Русским торговым людям» [3, с. 498-499].

Не смотря на всю важность для Российской торговли северных портов, в особенности Архангельска, первый консолидированный нормативный акт, регулировавший деятельность лоцманов этого города был принят достаточно поздно.

Так, лишь 18 января 1886 г. был принят указ «Об утверждении Временных Правил для Общества Архангельских лоцманов» [4, с. 15].

В 1898 г. железная дорога соединила Архангельск с Вологдой. Эти два фактора – дноуглубление и проведение в Архангельск железной дороги резко повысило конкурентоспособность порта, позволило принимать суда с большой осадкой, а доставка товаров в порт и из порта значительно ускорилась. В этих, условиях и был разработан и введен в 1900 г. «Устав общества Архангельских лоцманов».

Данный документ был выполнен в сложившихся к началу XX в. соответственно лоцманских уставов правил и традиций и, безусловно, максимально приближен к положению о морских лоцманах от 1 мая 1890 г., с учетом местных особенностей.

Устав 1900 г. состоит из следующих частей: «Общие постановления», «Права и обязанности лоц-командира», «О правах и обязанностях лоцманского старосты»; «Лоцманские ученики»; «О взаимных отношениях шкипера и лоцмана»; «Управа, ее права и обязанности»; «Денежные средства и хозяйственное управление общества».

Уставом предусматривалось, что общество Архангельских лоцманов составляют: а) члены общества: лоцманский староста и лоцманы (старшие и младшие), и б) лоцманские ученики. Количество лоцманов и учеников определялось по потребности и мнению начальника лоцманского округа (п. 1).

Как и большинство иных лоцманских обществ, во главе его был поставлен лоцкомандир, а ближайшее заведование возложено на начальника Беломорского лоцманского округа (п. 2).

Общество получило исключительное право проводить мореходные суда по всему протяжению фарватеров реки Северной Двины, с моря в Архангельск и его окрестности и обратно (п. 3).

Безусловно устанавливалось, что приходящие и отходящие от Архангельска суда обязаны брать лоцманов за установленную плату, кроме стандартного списка судов (военных, спортивных, путей сообщения), а также поморские мореходные суда, буксирные пароходы (п. 4).

Для качественного осуществления лоцманами своих функций создавались две лоцманские станции: в Соломбале, а другая на плавучем Северо-Двинском маяке. В случае отсутствия плавучего маяка эта станция переносилась на береговой Мудьюгский маяк до создания обществом собственной станции (п. 5).

Что касается платы за проводку, то предусматривалось, что, а) за проводку паровых и парусных судов с моря через Березовый бар до Соломбальского рейда, а также от ближайших и дальних на р. Маймаксе лесопильных заводов за Березовый бар – взимается по 12 коп. с ласта вместимости в один конец;

б) при приеме на судно лоцмана не со станции, а где-либо на фарватере, а также при передвижении судов в район действий общества от одного лесопильного завода к другому взималась такая плата в пользу общества: на расстоянии: до 5 верст по 1 коп., до 10 верст по 2 коп., до 15 верст по 3 коп., до 20 верст по 4 коп. и т.д., прибавляя по1 коп. на каждые 5 верст с ласта вместимости судна в один конец;

в) буксирные пароходы, взявшие лоцмана должны были уплачивать в пользу общества по 3 руб. за каждые сутки. Если же на буксире этого парохода находились догрузные суда, то за каждое из них следовало взимать отдельно по 3 руб. за один конец при наличии лоцмана на пароходе. Буксируемые суда оплачивали услуги лоцманов по общей таксе. При этом сама такса должна была пересматриваться управляющим морским министерством каждые 5 лет. (п. 7) [5, с. 5].

Традиционно предусматривалось, что лоц-командир и лоцманы обязаны наблюдать за исполнением предписанных правил судоходства в районе своих вод, и любом их нарушении были обязаны, по возможности, немедленно сообщать соответствующим органам власти (п. 10).

Одной из особенностей Устава было то, что он предусматривал, что район расстановки на Соломбальском и Архангельском городских рейдах судов, которые приводились лоцманами с моря, должен был заблаговременно определятся по соглашению начальника лоцманского округа с местными: городской управой, управляющим таможней и начальником судоходной дистанции, расстановка же судов в этом районе возлагалась на лоц-командира, который о месте постановки судна каждый раз должен был уведомлять запиской корабельного смотрителя. Переводить же суда с места на место лоц-командир мог только по соглашению с корабельным чиновником таможни (п. 11) [5, с. 6].

Как видим, в данном случае таким предписанием стремился к учету интересов всех заинтересованных сторон: лоцманского общества, города, таможни, судоходных органов, что, очевидно, не всегда было просто сделать.

Традиционными для лоцманских уставов были положения, согласно которым общество должно было самостоятельно заводить все необходимое для своей работы (п. 12); оказывать помощь попавшим в сложную ситуацию судам в пределах лоцманской проводки (п. 12); в случае поручения ему ограждения фарватеров, наблюдать чтобы предметы по лоцмейстерской части были в исправности и в достаточном количестве, для чего заранее через лоц-командира сообщать о нужных предметах тому ведомству, которому принадлежат ограждаемые воды. Это же ведомство обязано было отпускать знаки ограждения и их принадлежности и, по мере надобности, давать средства для постановки или снятия ограждения (п. 13); установление формы лоцманский флаг и места его выставления (п. 15); наличие собственной печати (п. 16) [5, с. 7].

Устав предусматривал, что предостерегательные знаки для постановки в Двинских устьях, на рейдах, гаванях и фарватерах, с открытием и в продолжении навигации, отпускаются и принимаются от дирекции маяков и лоции Белого моря. Как известно многие другие лоцманские общества обязывались их заготавливать за свой счет. Интересно новеллой в этом плане было то, что в уставе содержится норма, которая снимала с дирекции маяков и лоции в этом случае обязанность содействия обществу при принятии и снятии предостерегательных знаков рабочей силой со стороны дирекции (п. 17).

Учитывая важность знать точно уровень воды в фарватерах, устанавливалось, что в продолжение всей навигации из лоцманов и учеников следовало назначать, поочередно по 3 человека на Мудьюгский маяк, для соответствующих промеров на Березовом баре (п. 19).

В вопросе прав и обязанностей лоц-командира в уставе 1900 г. Архангельских лоцманов в основном (пп.19-39) содержаться уже ставший к этому периоду стандартный перечень этих норм, с определенным учетом местных условий. Так, на эту должность начальнику лоцманского округа следовало избирать кандидатуру из флотских или штурманских офицеров, служащих или находящихся в отставке (п. 19), который впоследствии ему и подчинялся (п. 20).

К обязанностям лоц-командира относилось то, что он при бедствии судов на Березовом баре или на фарватере был обязан оказывать помощь и докладывать о том начальнику лоцманского округа (п. 21).

По вскрытии Северной Двины от льда под его руководством выставлялись вехи и бакены, проверка глубин на фарватерах и устьях, рейдах и гаванях; контроль за верностью сигналов о высоте воды на Березовом баре; обозначать буями места затонувших судов и других предметов в районе действия лоцманов. Перед закрытием навигации – распоряжается снятием вех и бакенов с замеными их обычными вехами на водах, находящихся в ведении морского ведомства (п. 22).

Наблюдать за верностью сигналов на баре и морском канале и футштоков, установленных по его распоряжению (п. 23, 24) [5, с. 9].

На него возлагалось, через директора маяков и лоции Белого моря, ГГУ руководство и другими работами по гидрографии: промеры, наблюдение за маячными огнями, сигнальной частью (п. 25); вести журнал о движении судов, особые случаи; жалобы на лоцманов и наоборот (п. 26); наблюдать за работой лоцманов, их нравственностью как на службе, так и вне ее; вести штрафной журнал (п. 27); лично и через старосту лоцманов контролирует состояние всего общественного имущества общества, частных строений для чего ведутся описи судов, строений и движимого общественного, а также недвижимого частного имущества отдельных членов с расценкой его (п. 28) [5, с. 10]. Как во многих других лоцманских общества лоц-командиру позволялось нанимать письмоводителя, учителя, сторожей, машинистов, кочегаров и пр., с включением платы им в утвержденную смету (п. 29).

По окончании года лоц-командир должен был представлять начальнику лоцманского округа утвержденную обществом смету всех предстоящих в течение будущего года не предусмотренных штатом расходов на постройку, обзаведение, исправление, ремонт имущества и проч. На мелкие непредвиденные расходы – лоц-командиру разрешалось тратить не более 100 руб. в год. Средства сверх этой суммы позволялось расходовать лишь с разрешения начальника округа и при наличии о том решения общества (п. 30) [5, с. 11].

В конце навигации лоц-командир должен был представить отчет начальнику лоцманского округа с указанием в нем: а) количество проведенных судов; б) полученная за провод сумма; в) случаи аварий; г) о движимом и недвижимом имуществе, д) о денежных капиталах общества, е) о количество лоцманов и лоцманских учеников (п. 31).

Как и в других обществах, лоц-командир имел право зимой увольнять в отпуск с содержанием на более половины лоцманов, а в течении навигации увольнять по уважительным причинам не более как на 10 дней; на большее время – лишь с разрешения начальника округа по представлению лоц-командира (п. 32).

Традиционно, за проступки лоцманов и их учеников он мог налагать такие взыскания: а) штраф до 5 руб.; б) арест до 3-х суток, в) смещение из старших лоцманов в младшие и г) увольнение из общества (п. 33).

Кроме прочего лоц-командир обязывался содействовать лоцманами карантинных и таможенных правил (п. 34); наблюдать, чтобы суда не крепились за бакены или вехи и становились на якорь в фарватерах и таких местах, где они препятствовали свободному проходу судов (п. 35) [5, с. 12]; по уборке лоцманами вех и бакенов лично осматривать их и докладывать о всем необходимом начальнику лоцманского

округа. При этом, при необходимости в зимнее время лоцманы обязывались уставом содействовать имеющимися средствами в перевозке лоц-знаков к дирекции (п. 36); следить за действиями управы по содержанию всего имущества общества в исправном состоянии (п. 37).

И, наконец, устанавливалось, что жалобы посторонних лиц на лоц-командира следует передавать начальнику лоцманского округа (п. 39) [5, с. 13].

Что касается прав и обязанностей лоцманского старосты, то и в этом случае Устав Архангельских лоцманов не отступал от стандартных положений. Так, в частности, устанавливалось, что старосту следовало избирать из старших лоцманов, не менее 30 лет от роду, прослуживших в звании старшего лоцмана не менее 3-х лет. Кандидат утверждался начальником округа; мог быть вновь переизбран на должность (п. 40). Кроме прочего, староста должен был владеть русским языком и писать по-русски (п. 41).

Что касается обязанностей, то по указанию лоц-командира он распределял лоцманов, наблюдал за исполнением ими своих обязанностей, за вольной прислугой, как в местах их проживания, так и на станциях; назначал учеников к лоцманам (п. 42); замещал лоц-командира во время его отсутствия во всем, кроме командования плавучим маяком и брандвахтенным надзором (п. 44) [5, с. 14].

Права и обязанности лоцманов также уставом определялись весьма традиционно. Устанавливалось, что в лоцманы принимаются лица всех сословий, преимущественно из лоцманских учеников, а при их недостатке – из местных жителей, знакомых с местным мореходством.

Требования к кандидатам были стандартными: не менее 5 лет в русском подданстве; уметь читать и писать по-русски или каком-нибудь иностранном языке; минимальный возраст устанавливался для лоцманов не менее 21 лет, а учеников – 16; трезвое поведение и добрая нравственность; обладание крепким здоровьем и хорошим зрением, правильно различать цвета; знание местных фарватеров, течений и пр.

При этом, при поступлении преимущество давалось детям лоцманов если они представляли свидетельства об успешном окончании курса городского или равного с ним училища (п. 45) [5, с. 15].

Прием в общество новых членов происходил большинством голосов членов общества и согласия лоц-командира. Утверждение – начальником лоцманского округа (п. 47). Прошения о поступлении следовало подавать начальнику округа, который удостоверившись что проситель удовлетворяет требованиям ст. 45. предлагал лоц-командиру подвергнуть его экзамену. От заявителя также требовалось иметь паспорт, удостоверение что за просителем нет долгов по налогам. При этом лоц-командир сообщал обществу о приеме кандидата (п. 48).

Как и в большинстве обществ, экзамен проводил лоц-командир вместе с членами управы и присутствии большинства лоцманов (п. 49). Это условие было вызвано тем, что лоцманы должны были доверять знаниям и умениям своего будущего коллеги, разделяя с ним и ответственность за проводку судов.

О сдавшем экзамен составлялся письменный приговор за подписью всех наличных членов общества, после чего он приносил присягу (п. 51) [5, с. 16] и вносил в аварийный капитал 150 руб. (п. 51).

Из общества можно было выйти, лишь предупредив лоц-командира за 2 месяца, при этом возвращался сделанный при поступлении залог [5, с. 17]. Выход в течении навигации не допускался (п. 52).

Все лоцманы, во время нахождения на службе получали виды на жительство с их семьями от лоц-командира, а вот семьи умерших на службе лоцманов обязаны были приписаться к городским или сельским обществам (п. 53).

Лоцманы разделялись на старших и младших, в звании которых всегда зачислялись. В старшие можно было попасть лишь после 3-х лет службы (п. 54). В обязанности лоцманов входило наблюдать чтобы не засоряли фарватер, не велась ловля рыбы сетями и удочками, не портили предостерегательных знаков и т.д. (п. 55) [5, с. 18]; промер рейдов и фарватеров, постановка вех и бакенов, наблюдение за правильностью ограждения фарватеров. ГГУ дано право возлагать на лоцманов заведывание предостерегательными знаками и огнями (п. 56). Обязательным было и ношение установленной униформы (п. 57) [5, с. 19]. Рабочее время лоцманов устанавливалось от восхода до захода солнца, но с разрешения лоц-командира можно работать ночью, после заката (п. 58).

Без разрешения лоц-командира лоцманам и ученикам запрещалось удаляться от станции. Зимой же позволялось увольнять 2/3 лоцманов в отпуск (п. 59). Традиционно содержались в Уставе и запреты на сообщения посторонним об особенностях фарватера (п. 60), перевозить без ведома таможни перевозить людей, товары, предметы (п. 61). Суда с опасными и взрывчатыми веществами следовало ставить в определенное место (п. 62) [5, с. 20]. Впрочем, лоцман всегда должен был ставить судна на указанное место стоянки, однако запрещалось ставить на маячном створе и в углах освещения (п. 77) [5, с. 21].

При встрече судов, лоцманы Архангельска, как и прочие лоцманы России, представляли их капитанам особый бланкет с извлечением из правил (п. 63). Жалобы на лоцманов следовало приносить лоц-командиру (п. 64), которому лоцманы и их ученики были во всем подчинены, даже находясь на берегу (п. 66).

От лоцманов требовалось умение вести судно, знать фарватер, течения, правила для предупреждения столкновения судов (п. 75), а в случае происшествия с судном лоцман должен был о том доложить лоц-командиру (п. 76).

Отдельные нормы Устава 1900 г. Архангельских лоцманов посвящены вопросам, регулирующих увольнение лоцманов от службы, особенности назначения пенсий, иные средства социальной защиты. Так, в принципе традиционно для лоцманских обществ, устанавливалось, что увольнение лоцманов из общества могло произойти лишь согласно постановления большинства участвующих общего собрания (п. 67).

Лоцман, даже не выслуживший положенный срок имел право уйти на пенсию из-за увечья, полученному на службе, но лишь по освидетельствованию врачей (п. 68) [5, с. 24]. Стандартная же пенсия гарантировалась лоцманам, прослужившим в этой должности 25 лет или достигшим 60 и прослуживший не менее 10 лет в обществе (п. 69).

Традиционно также устанавливалось, что по смерти лоцмана пенсия дается вдове, сыновьям (до достижения возраста 21 года или вступления в казенное обеспечение), дочерям до замужества или до вступления в общественное заведение на казенное содержание (п. 70).

Особенность данного устава, в отличии от уставов иных лоцманских обществ было, то что в нем предусматривалось, что пенсия семействам лоцманов, прослуживших менее 5 лет и умерших в ходе исполнения своих служебных обязанностей, прекращается, если эта семья была законным порядком обеспечена вознаграждением со стороны лица, виновного в причинении смерти, увечья, или неизлечимого нездоровья лоцману. Однако и в этом случае общество имело право сохранить за такой семьей всю пенсию, или часть ее, если указанное вознаграждение признавалось недостаточным (прим. п. 70).

Кроме того, в уставе предусматривалось, что если по смерти лоцмана оставались, дети одержимые тяжкими болезнями, лишающими их возможности самостоятельно себя обеспечивать, то они имели право на пенсию и сверх указанного в ст. 70 возраста (п. 71). В любом случае размер пенсии определялся большинством голосов общества, очевидно, с учетом размера имеющегося пенсионного капитала (п. 72).

Будучи подчинены Морскому министерству, вполне логично выглядит тот факт, что лоцманам их ученикам гарантировалось лечение в военно-сухопутном лазарете (п. 73). Кроме того, устанавливалось, что во время болезни лоцман не лишался зарплаты, до 3-х месяцев, а если его семье нужны были дополнительные средства, то они могли выделятся по решению общества (п. 74) [5, с. 23].

Лоцманским ученикам в уставе были посвящены статьи 78-84. Ими предусматривалось, что при обществе состоят 15 учеников, преимущественно из детей Архангельских лоцманов (п. 77). Количество учеников при обществе устанавливалось в 15 человек, «преимущественно из детей Архангельских лоцманов» (п. 78). Все время нахождения их в обществе на них распространялись ст. 46, 52, 68. 70, 72, 73 и 74, а также 33 (п. 79).

Традиционно устанавливалось, что прием в ученики происходил по приговору общества, с согласия лоц-командира и утверждения начальника округа (п. 82).

Очевидно, здесь следует отметить, что не во всех обществах устанавливалось четко определенное количество учеников. Тот факт, что преимущество отдавалось детям лоцманов, и об этом в уставе оговаривается дважды, лишний раз доказывает, что данное общество, не смотря на провозглашенную открытость для людей всех сословий, было закрытым, сложившимся на протяжении многовековых устоев и традиций.

Также одной из особенностей в отношении лоцманских учеников Архангельского общества, является то, что 83 они разделялись на 2 разряда, при этом в первом разряде не должно было быть более 10 учеников. Перемещение учеников из 2-го в 1-й допускалось не ранее выслуги двух лет во втором разряде по приговорам общества и с утверждения лоц-командира (п. 83). При этом лоцманские ученики первого разряда имели преимущество перед прочими лицами для поступления в лоцманы (п. 84), чем практически перекрывался доступ в цех посторонним лицам.

Одним из важнейших разделов Устава 1900 г., был раздел №6, посвященный взаимоотношениям шкиперов и лоцманов, т.к. именно его положения позволяли определить, при необходимости, виновность того или иного в случае возможных происшествий. Многие положения содержащиеся в этом разделе достаточно стандартные, однако отдельные их положения отображают как специфику местной проводки, так и развитие соответствующих требований к безопасной проводке как в отношении лоцманов, так и проводимых ими судов.

Устав предписывал штурманам судов производить требование лоцмана производить:

– днем: а) подъемом на фок-мачте лоцманского флага или национального флага окаймленного белой полосой; б) международным сигналом;

– ночью: а) фальшвейерами, показываемыми каждые 15 минут; б) показанием выше борт в продолжение минуты, белого огня, повторяемым через короткие промежутки времени.

Во время тумана, пасмурности и т.п., лоцманов следовало вызывать паровыми свистками, ревунами или с помощью рупоров, при чем короткие или продолжительные звуки полагалось повторять попеременно (п. 86) [5, с. 26].

Также Устав устанавливал ответственность шкипера за шлюпку лоцмана (п. 89); форму лоцманского бланкета и правила его заполнения (п. 90) [5, с. 28].

Одним из редких положений Устава Архангельских лоцманов, по отношению к иным подобным документам, было то, что он требовал от лоцмана, прежде поднятия на судно спросить нет ли на нем «заразных болезней». В случае сомнения лоцман, не входя на судно, должен был указывать ему путь идя на своей шлюпке впереди. В случае, когда шкипер неверным ответом завлек лоцмана на судно, то обязан был платит штраф 5 руб. за каждый день карантина лоцмана (п. 91).

Кроме того, прежде чем вести судно лоцман обязан был проверить его углубление (осадку). Если оно было больше чем указано на Березовом баре, то такое судно не следовало вести (п. 92).

Уставом также предусматривалось, что если шкипер спустя 2 часа по прибытии лоцмана на судно не снимется с якоря, то он обязывался заплатить лоцману 2 руб. за дорогу на судно и обратно (п. 94) [5, с. 28].

Устав, безусловно, устанавливал ответственность лоцмана за проводку судна (п. 95). Однако новеллой этого документа было требование, согласно которому при «плавании по компасу фарватерами или морем, лоцман обязан давать шкиперу истинный курс, который шкипер переводит на компасный».

К нормам, которые стали уже классическими практически во всем мире, а тем более Российской империи, можно отнести то, что:

– при отлучке шкипера с палубы он обязан указать замещающее его лицо (п. 96);

– лоцману запрещалось оставлять судно без разрешения шкипера, до выполнения проводки, без смены иным лоцманом (п. 97);

– шкипер обязан поставить судно на то место, которое ему укажет лоцман (п. 98). Это положение, дополнялось п. 112 Устава, согласно которому, лоцман ставил судно по указанию начальства, но не на маячном створе и в углах освещения маяков;

– если шкипер не следует указаниям лоцмана, то последний имеет право от ответственности за последствия, но помогать шкиперу вести судно (п. 100);

– на судне лоцман и ученик обеспечиваются пищей и место для ночлега отдельно от команды (п. 102);

– задержка лоцмана в случае плохой погоды оплачивалась отдельно. В отношении данного Устава, устанавливалась сумма в 5 руб. в сутки. Если же шкипер увез лоцмана за пределы лоцманской проводки, до обязан был оплатить ему обратный билет соответствующего класса, билет или прогонные деньги (п. 103) [5, с. 30];

– спор о возможности или невозможности вести судно между лоцманом и шкипером решает лоц-командир (п. 99). В отдельных случаях, когда лоцманы были подчинены начальнику порта – начальник порта;

– лоцманам запрещалось требовать от шкиперов чего-либо еще кроме оплаты по таксе (п. 107);

– лоцманам запрещалось предлагать шкиперам свои услуги по нагрузке-выгрузке, иметь отгрузные (перегрузочные) суда и иные приспособления, вступать с ними в любые отношения кроме провода судов (в основном в России) (п. 108);

– судно обязано отпустить лоцмана выйдя с лоцманской дистанции (п. 110);

– лоцман обязан не допустить выброс с судна балласта и мусора в неустановленном месте (п. 114);

– шкипер мог потребовать лоцмана на неготовое к отходу судно, но тогда платил ему сверхурочные (в случае с Уставом Архангельских лоцманов – по 5 руб. в сутки) (п. 115);

– все капиталы общества следовало хранить в ценных бумагах, гарантированных правительством, кроме суммы, определенной на ежегодный текущий расход (п. 136);

– средства общества должны храниться в Архангельской конторе государственного банка. Расходные средства, в размере не более месячного расхода общества – в несгораемом шкафу в конторе общества, а ключ от него – у лоц-командира (п. 137). В уставах иных обществ существовали вариации последнего положения, однако общая суть не менялась.

Устав также предписывал, что в случае, если темнота или густой туман застигнут судно на фарватерах, то лоцман обязан был потребовать от шкипера стать на якорь. Какие ночи считать темными возлагалось решать лоц-командиру (п. 101) [5, с. 29].

Выводить судна на рейд лоцману позволялось лишь по предъявлению шкипером судовой роли с отметкой таможни о разрешении отхода и оплатой лоцманского сбора (п. 104). Лишь по оплате этих взысканий шкипер имел право жаловаться на распоряжения лоц-командира начальнику округа, или же требовать возврата взысканной суммы через суд (п. 105).

Кроме того, шкипер обязан был заплатить за любое повреждение предостерегательного знака (п. 109).

Весьма вариативно устанавливались способы оплаты услуг лоцмана: а) шкипер мог оплатить его лично в контору общества; б) оплатить через доверенное лицо; в) оплатить лично лоцману, получая взамен соответствующую квитанцию (п. 111) [5, с. 32].

Достаточно незначителен раздел устава, посвященный вопросам регулирования деятельности Управы общества лоцманов (пп. 117-124). Ее права и обязанности в целом схожи с подобными нормами в уставах иных лоцманских обществ, однако прописаны чаще всего достаточно общими словами. Очевидно, что в этом не было особой необходимости, так как за много веков существования общества Архангельских лоцманов были выработаны определенные нормы и традиции, которые не обязательно было узаконивать, тем более учитывая обособленность жизни общества.

На управу, традиционно, возлагалось «Ближайшее заведование обществом» (п. 117) и следить за исправностью лоцманского имущества (п. 124); сама она состояла из старосты и двух членов, которые подчинены лоц-командиру (п. 118). Члены

управы избирались из старших лоцманов общим собранием на 3 года (с правом переизбрания) перед открытием навигации, но не ранее предоставления отчета и завершения ревизии за прошедший год и утверждались начальником лоцманского округа (п. 119-120). При этом члены управы в очередной проводке не участвовали, разве-что по приказу лоц-командира.

Постановления управы, для вступления в законную силу, утверждались лоц-командиром (п. 121) [5, с. 34].

Значительно больше внимания в Уставе, нежели работе Управы, уделено вопросам, посвященным финансовым вопросам и хозяйственному управлению общества. Впрочем, и этот раздел достаточно стандартен по своему содержанию, не только в отношении лоцманских общества, но и других относительно самостоятельных хозяйственных, общественных и государственных единиц.

Устанавливалось, что доходы общества, стандартно для всех лоцманских обществ, формируются от средств за проводку судов, взносов вновь поступающих членов и, что не встречается в других уставах «от продажи негодного имущества» (п. 127). П. 128 Устава предусматривал распределение средств по капиталам (аварийный, запасный, расходный и пр.) и остатков их между лоцманами [5, с. 35]. Одной из особенностей было наличие специальной статьи расходов – средства на содержание училища лоцманов (п. 129).

Учитывая специфику нашего исследования, нужно указать, что на возмещение убытков от аварии, согласно уставу, в первую очередь поступал взнос самого лоцмана, а далее «не свыше половины всего аварийного капитала Общества», если же и этого оказывалось недостаточно, «то на эту надобность обращается не более половины имеющегося у общества особого запасного капитала, а при неимении такового не более 1/6 части общего капитала Общества» (п. 131) [5, с. 36]. На этом ответственность лоцмана и общества прекращалась. В тоже время, уставом предусматривалось, что аварийный капитал, при острой необходимости, мог пополняться из любого другого, даже из валового, пенсионного и пр. (п. 135), что было еще одной особенностью положений Устава Архангельских лоцманов 1900 г.

Не менее интересным является норма Устава, согласно которой ГГУ обязывалось публиковать в «Правительственном Вестнике» отчет о состоянии денежных средств и имущества общества.

Что касается иных капиталов и способов их использования, то можно указать, что расходный капитал предназначался для страхования, обзаведения и ремонта имущества общества (п. 132). При достаточном наличии пенсионного капитала общество могло назначать пенсии вольнонаемным служащим (учителю, бухгалтеру, кочегарам, машинистам, гребцам, сторожам и пр.) (п. 133).

В тоже время устанавливалось, что запасный капитал расходуется только по ст. 131, а за исключением того – в чрезвычайных потребностях по приговору общества и с разрешения начальника округа (п. 134) [5, с. 37].

Шнуровые книги (т.е. прошнурованные книги обязательной отчетности), с указанием всех доходов и расходов следовало проверять в конце года и засвидетельствовать подписями лоц-командира, старосты, 1/3 наличных лоцманов по выбору общества и письмоводителем (п. 138) [5, с. 39].

Проверку материального имущества общества полагалось производить один раз в год, по окончании навигации (п. 140) [5, с. 40]. А вот ежегодную ревизию обще-

ства следовало производить по приказу начальника лоцманского округа. Ревизоры должны были проверять имущество, шнуровые книги, имеют ли лоцманы претензии, в каком состоянии строения и плавучие средства и т.п. (п. 142) [5, с. 43].

Штат общества устанавливался следующий: лоц-командир; староста; по 20 лоцманов 1-го и 2-го разрядов; 10 учеников первого и 5 второго разрядов; по штату деньги выделялись на наем дома для лоцманской станции в Соломбале; наем помещения для конторы, письмоводителя, канцелярские материалы; дрова для отопления лоцманской станции и конторы 250 руб.; приобретение материалы для освещения тех же помещений и помещения лоцманского училища – 100 руб.; наем 3-х сторожей (контора; лоцманская станция, училище) – 540 руб.; за пользование телефоном – 200 руб.; содержание и ремонт лоцманских гребных судов – 250 руб. [5, с. 43].

И, очевидно, следует указать, что 17 сентября 1913 г., в ознаменование слуг лоцманов Архангельска, был принят указ «О наименовании общества Архангельских лоцманов – обществом Архангельских лоцманов Имени Царя Михаила Феодоровича, об установлении знака в память трехсотлетия существования этих лоцманов и об установлении дня 8 ноября – днем праздника этого общества» [6, с. 1194-1195].

Список литературы

1. Пустошь — родина лоцманов. URL: https://cultprim.ru/пустошь-родина-лоцманов/.
2. «О пропуске Голландского конвойного корабля в устье Двины вместе с купеческими кораблями, о найме вольных лоцманов для проводу кораблей, об установлении особой заклеймленной гири для весу принимаемых в пошлину червонцев, и о взимании пошлины по покупаемым ценам товаров в город Архангельск» от 14 июля 1685 г // ПСЗ, Собрание (1649-1825): Т. II (1676-1688), №1129. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. С. 675-676.
3. «О неотдавании на откуп у города Архангельского, корабельного привода и вывода на море, и о даче подвод как иноземцам, так и Русским торговым людям» от 26 июня 1717 г. // ПСЗ, Собрание (1649-1825): Т. V (1713-1719), №3093. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. С. 498-499.
4. «Об утверждении Временных Правил для Общества Архангельских лоцманов» от 18 января 1886 г. // ПСЗ, Собрание (1881-1913): Т. VI (1886), №3459. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1888. С. 15.
5. Устав общества Архангельских лоцманов. СПб, 1900.
6. «О наименовании общества Архангельских лоцманов – обществом Архангельских лоцманов Имени Царя Михаила Феодоровича, об установлении знака в память трехсотлетия существования этих лоцманов и об установлении дня 8 ноября – днем праздника этого общества» от 17 сентября 1913 г. // ПСЗ, Собрание (1881-1913): Т. XXXIII (1913), №40273. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1916. С. 1194-1195.

Kirov A. Regulation of the activity of Arkhangelsk pilots in the early twentieth century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 376-387.

This article discusses the basics of legal regulation of the activities and organization of pilots in Arkhangelsk in the early twentieth century, which was based on the Charter of 1900 and replaced the previous temporary rules for the Society of Arkhangelsk Pilots of January 18, 1886.

The Charter of 1900 consists of the following parts: "General regulations", "the Rights and duties of lots-commander", "On the rights and duties of a pilot elders"; "a Pilot students"; "On the mutual relations of the master and pilot"; "Justice, rights and responsibilities"; "the funds and management companies". It was a fairly modern document, based on the main relevant regulations of the period under review, primarily on the Regulations on Sea Pilots of 1891.

Keywords: Arkhangelsk pilots, charter, decree, pilotage, students, pilot distance, pilot headman, administration.

Spisok literatury

1. Pustosh' — rodina locmanov. URL: https://cultprim.ru/pustosh'-rodina-locmanov/.
2. «O propuske Gollandskogo konvojnogo korablya v ust'e Dviny vmeste s kupecheskimi korablyami, o najme vol'nyh locmanov dlya provodu korablej, ob ustanovlenii osoboj zaklejmlennoj giri dlya vesu prinimaemyh v poshlinu chervoncev, i o vzimanii poshliny po pokupaemym cenam tovarov v gorod Arhangel'sk» ot 14 iyulya 1685 g // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. II (1676-1688), №1129. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. S. 675-676.
3. «O neotdavanii na otkup u goroda Arhangel'skogo, korabel'nogo privoda i vyvoda na more, i o dache podvod kak inozemcam, tak i Russkim torgovym lyudyam» ot 26 iyunya 1717 g. // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. V (1713-1719), №3093. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. S. 498-499.
4. «Ob utverzhdenii Vremennyh Pravil dlya Obshchestva Arhangel'skih locmanov» ot 18 yanvarya 1886 g. // PSZ, Sobranie (1881-1913): T. VI (1886), №3459. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1888. S. 15.
5. Ustav obshchestva Arhangel'skih locmanov. SPb, 1900.
6. «O naimenovanii obshchestva Arhangel'skih locmanov – obshchestvom Arhangel'skih locmanov Imeni Carya Mihaila Feodorovicha, ob ustanovlenii znaka v pamyat' trekhsotletiya sushchestvovaniya etih locmanov i ob ustanovlenii dnya 8 noyabrya – dnem prazdnika etogo obshchestva» ot 17 sentyabrya 1913 g. // PSZ, Sobranie (1881-1913): T. XXXIII (1913), №40273. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1916. S. 1194-1195.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 388-432.

УДК 343.97

ТОЧНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ. ОТВЕТ ПРОФЕССОРА С. Г. ОЛЬКОВА АДОЛЬФУ КЕТЛЕ

Олькова О. А.
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

«Небываемое бывает».[1]

Цель статьи – исследовать предсовременные и современные подходы к измерению латентной преступности в России и мире; представить критический обзор научных исследований латентной преступности крупными научными коллективами, исследовавшими латентную преступность в начале 21 века в РФ; показать роль и значение в исследовании латентной преступности мультипликатора латентности и основного криминологического тождества, разработанных проф. С. Г. Ольковым.

Ключевые слова: точная юриспруденция, криминология, латентная преступность, мультипликатор латентности, основное криминологическое тождество, осужденные, зарегистрированные преступления, латентные преступления, валовое число преступлений, фактическая преступность, коэффициент преступности, коэффициент криминогенной пораженности.

Точное измерение латентной преступности несбыточная мечта и ***petra scandali***[2] не одного поколения криминологов во всем мире.

Одним из важнейших показателей качества жизни, ее безопасности в любом обществе является уровень преступности. Адекватная оценка уровня жизни в обществе невозможна без адекватного оценивания уровня преступности. Не говоря уже о выстраивании уголовной политики в государстве, о формировании кадрового состава в правоохранительной системе (количественно и качественно), планировании материальных, административных и временных ресурсов, необходимых для борьбы с преступностью. Не зная реального положения дел с преступностью, ее реальных масштабов – невозможно осуществлять эффективные меры по ее сдерживанию и борьбе с ней.

Глядя на преступность, словно в перевернутый бинокль, можно говорить о ее низком уровне, регулярном снижении, и в качестве «адекватной» реакции – проводить очередную волну «оптимизаций» и сокращать численность сотрудников правоохранительной системы. А потом в результате иметь, то, что имеем…

Почему то, прежде чем построить какое-либо здание, мы обязательно проведем инженерно-геологическое изыскание земельного участка, а уже потом на основе результатов исследования, будем принимать решение о постройке, количестве этажей, расположении застройки и т.д. Мы прекрасно понимаем, что без прохождения этого обязательного предварительного этапа, мы рискуем получить здание непригодное к эксплуатации или вовсе полное разрушение нашей постройки.

Но, почему то, при «строительстве здания социальной и политической жизни» мы уверены, что справимся и так, на глазок – без каких-либо предварительных исследований. – «А давайте сократим штат МВД?» – «А давайте!». – «А зачем?» –«А просто так…». А то что объем работы не сократился (преступнлений меньше не стало) – так это не важно.

В настоящее время статистическая наука находится на достаточно высоком уровне развития, что позволяет собирать количественный материал, открывающий широкие исследовательские возможности для криминолога. И что бы ни говорили

---

[1] Надпись на медали в честь первой победы русского флота на Балтике в 1703 году. Монеты и медали Петровского времени. Л., 1974. С. 27–28.

[2] Лат. Камень преткновения.

про «ложь, большую ложь и статистику», а факт остается фактом – зарегистрированная преступность является выборочной совокупностью, причем, весьма репрезентативной. И никакие пикировки, пусть даже стилистически очень удачные, не в состоянии отменить выборочный метод, как самый распространенный в статистической практике, и не мене удачно применяющийся. В поддержку приведем высказывание известного отечественного криминолога Г.А. Аванесова: «Математическая статистика дает такое эффективное средство, как выборочный метод, на основе которого по «ограниченному» числу единиц (выборочной совокупности) можно составить точную характеристику всей массы исследуемых единиц (генеральной совокупности), в рассматриваемом случае — всей преступности (с учетом латентной). Регистрируемая преступность является, на наш взгляд, той весьма представительной выборкой, на основе которой вполне допустимо проводить исследования. Это организованная выборка. Она серьезно представляет всю генеральную совокупность — фактическую преступность» [1, с. 177].

Но, к сожалению, до недавнего времени отсутствовал инструмент измерения реального уровня преступности. Те преступления, которые попадают в статистический учет, составляют лишь часть реального числа совершаемых преступлений (в этом криминологи всего мира единодушны). А вот какую часть фактической преступности составляет латентная преступность – это правильный вопрос!

Работ, посвященных вопросу латентной преступности, существует множество. Не будем тратить время на исторический экскурс и философские рассуждения о природе латентности (и без того в российской криминологии этому уделено непомерно большое внимание).

Сосредоточим наше внимание на вопросе первостепенной важности – как максимально точно измерить уровень латентной преступности?

К решению остальных задач и рассмотрению прочих вопросов можно приступать только после решения этого главного вопроса – вопроса измерения латентной преступности!

К числу задач, решить которые становится возможным после и только после измерения уровня латентной преступности, относятся: сравнительный анализ латентной, зарегистрированной и фактической преступности; прогнозирование латентной преступности; выявление закономерностей, которым подчинятся латентность и т.д. Все эти задачи будут автоматически решаться неверно, если изначально неточно измерен уровень латентной преступности – ошибки будут расти, как снежный ком.

Поэтому, анализируя существующие подходы к определению уровня латентной преступности, мы будем обращать пристальное внимание именно на предлагаемый способ измерения уровня латентной преступности. Потому как, если этот вопрос не решен или решен неверно, то нет смысла изучать ту часть научной работы, которая построена на ложных данных.

Приступая к изучению латентной преступности, криминологи очень любят начинать свои работы с красочных литературных образов, сравнивая латентную преступность с различными явлениями природы. И даже пытаются делать выводы о природе латентной преступности на основе этих метафор. Но, к сожалению, и метафоры, и сделанные на их основе выводы, кроме красоты слога и эстетического удовольствия несут читателю псевдонаучные заблуждения.

Начало этой череде порочных метафор положил, наверное, японский прокурор Сигема Оба, который в своей немецкой диссертации впервые использовал понятие «тёмное число» – неправильный перевод английского выражения «dark number» (неизвестная величина). Этот ошибочный перевод, тем не менее, понравился немцам и быстро прижился в немецкоязычных криминологических исследованиях: «тёмному числу» противостоит «светлое число» и т.д. [39, с. 125].

Далее русский ученый Ф. Захаревич для раскрытия сущности латентной преступности использовал красочный образ: «Число арестантов, переданных в руки правосудия, не есть еще средство вполне достаточное для установления числа преступлений, истинно совершаемых, подобно тому, как число рыб, пойманных неводом, не указывает числа рыб, плавающих в реке» [10, с. 258]. С ним, в частности, соглашается известный российский исследователь латентности, профессор Сергей Михайлович Иншаков [12, с. 107–130].

Этот образ, может и красочный, но в корне неверный. Невозможно представить себе более меткого «попадания впросак», ведь дело обстоит с точностью до наоборот.

Сказать такое или согласиться с таким высказыванием мог только человек незнакомый с курсом Теории вероятностей и статистики для 10 и 11 классов общеобразовательных учреждений [33, с. 22]. Ибо любой, кто ознакомился с этим школьным курсом, знает, как посчитать рыбу в водоеме именно с помощью «числа рыб, пойманных неводом».

Не будем держать интригу, и выложим карты на стол: как же посчитать рыбу в водоеме? Очень просто – с помощью метода двойного отлова.

1. Производим отлов, например, мы поймали 20 рыбок – обозначим это малой буквой ***n*** латинского алфавита.

2. Помечаем этих рыбок, и отпускаем обратно в водоем.

3. Производим вторичный отлов через некоторое время. Например, мы поймали 30 рыбок, что обозначим большой буквой ***M***, и среди них помеченных нами (то есть попались второй раз) – 5 рыбок – ***m***.

4. Подставляем наши данные в формулу, и получаем приближенное значение количества рыб в водоёме:

$$\frac{N}{n} \approx \frac{M}{m}, \text{ откуда } N \approx \frac{nM}{m} \approx \frac{20 \cdot 30}{5} = 120,$$

где ***N*** – число рыб в водоеме в штуках; ***n*** – первый отлов (штук); ***M*** – второй отлов (штук), ***m*** – помеченные рыбки, которые попались второй раз (штук). Вот такой нехитрый расчёт, позволяющий примерно оценить неизвестное общее число рыбок в данном пруду. Ясно, что реальное число рыб в пруду с высокой долей вероятности не будет строго равно ста двадцати штукам, а будет немного больше или меньше данного числа.

Многочисленные варианты метода двойного случайного выбора применяются и в других науках, когда требуется дать оценку численности совокупности.

Ученье свет, а неученых – тьма. Незнание основ теории вероятностей и математической статистики приводит к подобным литературным ошибкам. В погоне за «красным словцом», за красивой метафорой авторы пренебрегают порой не только здравым смыслом, но и установленными, и эмпирически доказанными законами мироздания, что приводит к появлению и укоренению ошибочных убеждений во многих научных сферах. В результате эти псевдонаучные идеи завладеют умами на многие годы (иногда столетия), тормозя развитие истинно научных идей. Правило «Прав самый красноречивый» допустимо в литературе, но не в науке.

Или вот еще один красочный образ – криминологи очень любят сравнивать преступность с айсбергом. Одни потому, что считают подводную часть айсберга точно неизвестной, лишь предполагаемой величиной, другие напротив – «точно знают», что подводная часть айсберга составляет всегда 7/8.

И те, и другие опять «сели в лужу». Под водой может находится от 70 до 90 % объёма айсберга [8, с. 110], в зависимости от концентрации соли в воде. Расчет точного размера подводной части айсберга – это задача по физике для 7 класса [15, с. 218].

Вот так и живем – пытаемся из литературных конструкций «извлекать» научные результаты[3], а элементарные школьные задачи решать так и не научились.

Попав впросак с рыбками, криминологи попались на ту же удочку и с преступностью. Убедив себя в невозможности измерения латентной преступности, они принялись убеждать в этом всех вокруг, причем довольно успешно. Ошибочное представление о том, что точный, простой, быстрый и дешевый инструмент измерения латентной преступности не существует, укоренился в научной юридической среде, политическом истеблишменте и широком общественном сознании. За этим последовали громоздкие, долговременные и весьма затратные попытки исследования в области измерения латентной преступности. В результате титанических усилий появились многочисленные криминологические труды, посвященные латентной преступности.

Существующие в современной криминологии предлагаемые способы измерения латентной преступности мы разберем на примере двух наиболее крупных и авторитетных (имеется в виду, вызывающих доверие и одобрение в среде российских криминологов и не только) исследований, которые, по сути, являются ярким примером и иллюстрацией плачевного состояния научной мысли в данной сфере.

Не вызывать доверия и одобрения эти исследования не могут по определению, потому как проведены двумя ключевыми (в вопросах преступности) ведомствами нашего государства – Министерством внутренних дел РФ и Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Пословица гласит: «Встречают по одежке, а провожают по уму». Проводы иногда затягиваются.

Интересен тот факт, что аналогичные (если не сказать больше – идентичные) по содержанию и методологии исследования латентной преступности за один и тот же период проводились сразу двумя ведомствами. Если учесть, что, как заявляют сами исследователи, мероприятия по изучению криминальной латентности очень трудоемкие, объемные, финансово высоко затратные и т.д., то не вполне понятна причина дублирования ведомствами работы друг друга. Боюсь даже предположить, сколько денег было выделено на проведение одной и той же работы в обеих организациях.

Далее представлена таблица с основными характеристиками исследований латентной преступности, проведенных Генеральной прокуратурой РФ и МВД РФ.

Таблица № 1

<table>
<tr><td></td><td colspan="2">Генеральная прокуратура РФ [13, с. 6]</td><td>МВД РФ
[17, с. 174]</td></tr>
<tr><td>Объект исследования</td><td colspan="3">Латентная преступность</td></tr>
<tr><td>Временной период исследования</td><td colspan="3">2001-2006 годы</td></tr>
<tr><td>Метод исследования</td><td colspan="3">интервьюирование граждан; опрос специалистов; опрос осужденных; изучение журналов регистрации заявлений и сообщений, представления и постановления прокуратуры, «отказных материалов».</td></tr>
<tr><td>Объем представительной выборки</td><td colspan="2">7000 граждан (почти во всех регионах РФ)</td><td>6074 граждан в 21 регионе России</td></tr>
<tr><td rowspan="5">Выявленный объем латентной преступности</td><td>2001г.</td><td>19 300 000</td><td rowspan="5">22-23 млн. преступлений в год</td></tr>
<tr><td>2002г.</td><td>20 500 000</td></tr>
<tr><td>2003г.</td><td>20 600 000</td></tr>
<tr><td>2004г.</td><td>20 500 000</td></tr>
<tr><td>2005г.</td><td>20 200 000</td></tr>
</table>

[3] О том, что такое научный результат читайте: Ольков С.Г. Откровенный разговор о юридической науке: значение и недостатки отрасли // Российский криминологический взгляд. – 2007. - №2. - С. 117-127.

	2006г.	20 400 000	

Итак, мы видим, что по основным параметрам исследования были, мягко говоря, аналогичны.

Разницу между ними составляют лишь полученные результаты: в среднем разница оцениваемого уровня латентной преступности по версии МВД и Генеральной прокуратуры составила 2 250 000 преступлений в год[4].

Далее будет показано, что в результате грубых арифметических ошибок, допущенных при расчете латентной преступности ВНИИ МВД, эта разница составит около 7 млн. преступлений.

И вот эта разница ничуть не смутила исследователей, более того она никак не помешала им подобно «кукушке и петуху» [19, с. 5] нахваливать друг друга:

1. «Весьма показательно, что коллектив НИИ при Генеральной прокуратуре РФ под руководством С. М. Иншакова, используя другие методики, получил почти аналогичный показатель латентности в 2006 г.: 21,4 млн. преступлений[5]» [17, с. 178-179];

2. «Аналогичные цифры были получены в ходе исследований, осуществленных сотрудниками ВНИИ МВД РФ» [13, с. 6].

И как бы вы себе думали – «весьма показательно» для чего? Для того, что МВД и Генеральная прокуратура в результате «трудоемкого и весьма непростого процесса» [11, с. 42] изучения латентной преступности, проведенного параллельно (за тот же период на той же территории), получили результаты, существенно отличающие друг от друга? Нет! Оказывается, это показывает надежность обоих исследований – ведь раз цифры «аналогичные» (плюс минус 7 миллионов – к чему мелочиться в таком важном вопросе), то мы все правы, мы все молодцы!

Опять же таки тот факт, что величина латентной преступности за один и тот же период, на одной и той же территории оценивается по-разному (разница достигает 1 000 000 преступлений) в различных работах под авторством С.М. Иншакова – никого не смущает. Так, например, упомянутый выше 2006 год имеет как минимум три различные характеристики по уровню латентных преступлений: 1) 20 400 000 [13, с. 9]; 2) 21 357 000 [11, с. 42-45]; 3) 21 400 000 [17, с. 174].

Понять стремление исследовательских коллективов прийти к сходным результатам не сложно, ведь эта сходность будет указывать на валидность (действительность) обоих исследований. И, напротив, если данные не согласуются – то ставится под сомнение валидность одного или обоих методов оценки того или иного показателя преступности (в нашем случае – это латентность) [37, с. 122].

Это мы обрисовали картину в целом, теперь давайте подробно разберемся, как измеряли латентную преступность в МВД РФ и в Генеральной прокуратуре РФ. Начнем с МВД РФ.

Способ измерения латентной преступности ВНИИ МВД России.

Ход исследования латентной преступности, проведенного ВНИИ МВД России, довольно подробно описывают Л.В. Кондратюк и В.С. Овчинский в работе «Криминологическое измерение» [17, с. 178-179] на примере 2000 года.

Этап № 1. ВНИИ МВД России проводит опрос представительной выборки 6074 граждан в 21 регионе России. Итог этапа № 1: 26,5% опрошенных заявили, что в 2000 году они подвергались преступным посягательствам; 55% из них (из 26,5 %) по фактам посягательства обращались в письменной или устной форме в милицию.

---

[4] Сравниваются средние арифметические показатели латентных преступлений (19,3+20,5+20,6+20,5+20,2+20,4/6)-(22 000 000+23 000 000/2)= 2,25 млн. преступлений

[5] На самом деле по данным НИИ ГП уровень латентной преступности составлял 20,4 млн., а не 21,4 млн. преступлений – опять не состыковка с цифрами.

Этап № 2. Полученные данные сотрудники ВНИИ МВД распространяют на все население России, и находят, что: 38 000 000 граждан считали себя потерпевшими от преступлений в 2000 г.; 20 000 000 – 21 000 000 из них (из 38 000 000) сделали об этом заявление в органы милиции; 17 000 000 – 18 000 000 из них (из 38 000 000) таких заявлений не делали.

Итог этапа № 2: 17 000 000 или, всё-таки, 18 000 000 (это не уточняется) граждан считали себя потерпевшими от преступлений в 2000 году, но не заявили об этом в соответствующие государственные органы.

Этап № 3. Далее полученную цифру 17 000 000 или 18 000 000 уменьшают на ⅓ (одну треть). Почему именно на ⅓ спросите вы, а потому что, цитирую: «как показывает практика проверки заявлений и сообщений, граждане примерно в каждом третьем случае ошибочно относят случившиеся с ними происшествия к категории преступлений» [17, с. 178-179]. Чья практика показывает? Где соответствующие эмпирические данные, на основании которых был сделан такой вывод? Где расчеты? Где всё это? Ответов нет…

Ну да ладно – на ⅓, так на ⅓ - в конце концов, у нас в стране свобода слова и Бог с ним, что это вроде как научное исследование. Уменьшили и уменьшили.

Итог этапа № 3: 14 000 000 фактических преступлений в 2000 году.

Этап № 4. Далее 14 000 000 фактических преступлений уменьшают на число зарегистрированных преступлений 2 950 000. Получают 11 000 000 латентных преступлений.

Возникает вопрос: почему исследователи считают, что 14 000 000 – это фактическая преступность (т.е. зарегистрированная + латентная), ведь если я правильно помню, на этапе № 2 они уже исключали из расчетов граждан, которые сделали заявление в милицию? А, следовательно, получившаяся цифра по логике проводимых расчетов должна отображать уровень латентной преступности…или здесь другая логика…

Но оставим и это – бумага все стерпит…

Итог этапа № 4: 11 000 000 латентных преступлений в 2000 году.

Этап № 5. А вот тут уже совсем интересно – ***hanky-panky***[6] - полученную цифру: 11 мил. латентных преступлений исследователи берут и удваивают, то есть просто умножают на 2.

Исходя, из каких соображений – спросите вы, а оказывается, что «исходя из тех же пропорций среди «незаявленных» фактов скрывается ориентировочно около 11 млн. преступлений» [17, с. 178-179]. Каких ещё «тех же пропорций»? Пропорция – это верное равенство двух соотношений. Насколько я помню в ходе проводимого МВД исследования ни на одном этапе, ни одна пропорция не фигурировала. Как среди незаявленных фактов «скрылось» еще одиннадцать миллионов преступлений? И как их нашли? Ответов опять нет…

Итог этапа № 5: 22 миллиона латентных преступлений в 2000 г.

Вот таким «интересным» способом ВНИИ МВД измерило уровень латентной преступности в 2000 году, и получило цифру в 22 миллиона преступлений.

Вы думаете, что интересное на этом закончилось, а вот и нет! Самое интересное начинается в тот момент, когда у нас возникает желание проверить порядок расчетов. Ведь ценность любого научного исследования заключается в том, что полученный результат можно проверить (верифицировать). Так давайте проверим, пройдя самостоятельно последние 4 этапа исследования.

[6] Фокус-покус.

Итак, далее представлена сравнительная таблица расчетов латентной преступности в 2000 году по методу ВНИИ МВД.

Таблица № 2

Этап	**Расчеты ВНИИ МВД**	**Проверочные расчеты**
1	- 26,5% опрошенных заявили, что в 2000 г. они подвергались преступным посягательствам, - 55% из них (из 26,5 %) по фактам посягательства обращались в письменной или устной форме в милицию.	
2	Полученные данные распространяем на все население России[34]	
	Число граждан, считавших себя потерпевшими от преступлений в 2000 г.	
	26,5% от 146 890 128 = **38 000 000** (потеряли ***925 883***)	26,5% от 146 890 128 = **38 925 883**
	Число граждан, сделавших об этом заявление в органы милиции в 2000 г.	
	55% от 38 000 000 = **20 000 000 или 21 000 000** хотя должно было получиться: 55% от 38 000 000 = ***20 900 000***	55% от 38 925 883 = **21 409 236**
	Число граждан, НЕ сделавших об этом заявление в органы милиции в 2000 г.	
	38 000 000 - 20 000 000 = **18 000 000** или 38 000 000 - 21 00 000 = **17 000 000**	38 925 883 - 21 409 236 = **17 516 646**
3	Число граждан, считавших себя потерпевшими от преступлений и НЕ сделавших об этом заявление в органы милиции[7] уменьшаем на ⅓	
	18 000 000-(18 000 000*0,3333)=**14 000 000**, хотя должно было получиться: 18 000 000-(18 000 000*0,3333)= 18 000 000-5 999 400=***12 000 600*** или 17 000 000-(17 000 000*0,3333)=**14 000 000**, хотя должно было получиться: 17 000 000-(17 000 000*0,3333)= 17 000 000-5 666 100=***11 333 900***	17 516 646- (17 516 646*0,3333)= 17 516 646-5 838 298=**11 678 347**
4	14 000 000 «фактических» преступлений уменьшаем на число зарегистрированных преступлений в 2000г. [34]	
	14 000 000 - 2 952 367 = **11 000 000** хотя должно было получиться: 14 000 000 - 2 952 367 = ***11 047 633***	11 678 347 - 2 952 367 = **8 725 980**
5	Число латентных преступлений умножаем на два	
	11 000 000 * 2 = **22 000 000** (ну хоть на два правильно умножили)	8 725 980 * 2 = **17 451 960**
Итого: 22 000 000 - 17 451 960 = **4 548 040**		

Проведение аналогичных расчетов в 2001—2006 гг. давало показатель текущей криминальной латентности в пределах 22— 23 млн. криминальных проявлений [17, с. 178-179].

Таким образом, пересчитав следом за ВНИИ МВД размер латентной преступности по их же методике, мы получаем никак не 22 000 000, а 17 451 960 преступлений в год. Разница составила 4 548 040 преступлений в год! Ничего себе погрешность! Да вся зарегистрированная преступность в том же 2000 году составила 2 952 367 (в 1,5 раза меньше чем величина ошибки). А тут целое ВНИИ 4,5 млн. преступлений потеряло и не заметило.

[7] Можно было на этапе № 2 уменьшить на ⅓ общее число лиц, считающих себя жертвами криминальных проявлений и продолжить расчеты, тогда результат составил бы 11 400 570, что привело бы к еще более грубой ошибке исследователей ВНИИ МВД (полученная разница в 200 тыс. не принципиальна для демонстрации чудовищных ошибок, исчисляемых миллионами).

Вот теперь становится понятно, что это действительно *«весьма показательно, что коллектив НИИ при Генеральной прокуратуре РФ под руководством С. М. Иншакова, используя другие методики, получил почти аналогичный показатель латентности в 2006 г.: 21,4 млн. преступлений»* [17, с. 178-179]. Да это просто чертовски показательно: считали-считали и насчитали ровно столько, сколько было нужно – а нужно было примерно столько же, сколько и у Генпрокуратуры. Вот только забыли, что другие люди тоже считать умеют, и могут взять, да и пересчитать. И получается, что показатели уже не такие и аналогичные, как хотелось бы…

В свете вскрывшихся обстоятельств никак не могу не отдать должное правоте С.М. Иншакова в том, что «особую ценность имеет сопоставление данных о латентной преступности, полученных различными научными коллективами с использованием различных методов [13, с. 5]».

Но это всё не просто весьма показательно, это ещё весьма и весьма интересно, каким же это образом НИИ при Генеральной прокуратуре РФ получило этот аналогичный показатель? Давайте это выясним.

Способ измерения латентной преступности НИИ при Генеральной прокуратуре РФ (далее по тексту – НИИ ГП).

Приступая к изучению способов измерения латентной преступности НИИ ГП, сразу обозначим один очень важный, я бы даже сказала ключевой момент, а именно – верификация! Верификация – (от лат. verificatio — доказательство, подтверждение) – понятие, используемое в логике и методологии научного познания для обозначения процесса установления истинности научных утверждений посредством их эмпирической проверки.

Прошу обратить на это самое пристальное внимание – ведь именно полное отсутствие возможности верификации данных, полученных НИИ ГП, проходит красной нитью сквозь всё их исследование.

Научный коллектив не приводит никаких данных, связанных с расчетами: ни первичных статистических данных, ни порядка проведения опросов, ни результатов проведенных опросов, ни порядка расчетов – ничего этого нет. Конечные цифры по уровню латентной преступности всегда выдаются в готовом виде. Понять, как их получили, проверить порядок и правильность расчетов не представляется возможным.

Как указывает известный американский криминолог Дж. Ф. Шели: «Очень важно понимать, как собираются эти данные, какие показатели можно рассчитать на их основе, и каковы их сильные и слабые стороны» [37, с. 131].

Любой научный результат[8] должен соответствовать одному из основных принципов любого научного познания – принципу воспроизводимости. Принцип воспроизводимости заключается в том, что в случае повторения какого-либо научного исследования должны получаться результаты схожие, не противоречащие результатам самого исследования. Это будет означать, что это исследование достоверно.

Принимая на веру невоспроизводимые или хуже того неподдающиеся проверке (в силу отсутствия и исходных данных, и описания самого решения), а, следовательно, недостоверные данные, можно легко оказаться в роли слепого лося, бегущего через горящий лес.

А теперь о самом исследовании латентной преступности НИИ ГП.

В основе гипотез о масштабах криминальной латентности научного коллектива НИИ при Генеральной прокуратуре лежат данные о преступности в зарубежных

[8] О том, что такое научный результат читайте: Ольков С.Г. Откровенный разговор о юридической науке: значение и недостатки отрасли // Российский криминологический взгляд. – 2007. - №2. - С. 117-127.

странах. Цитирую: «Например, в Швеции ежегодно регистрируется 12 тыс. преступлений на 100 тыс. населения. В России в шесть раз меньше. Логично предположить, что в маленькой, ***благополучной*** Швеции уровень фактической преступности не выше, чем в России. Скорее всего, в этой стране лучше поставлено дело с регистрацией преступлений. Соответственно, логично предположить, что реальный уровень преступности в нашей стране как минимум выше в шесть раз: коэффициент латентности равен 6, а в абсолютных показателях фактическая преступность – не менее 18 млн. преступлений в год. Если за основу сравнения взять США, то уровень нашей фактической преступности можно оценить цифрой порядка 50 млн. преступлений в год» [13, с. 6].

Цифры конечно устрашающие – 18 млн., 50 млн. преступлений в год, но давайте по порядку разберемся, откуда взялись такие астрономические цифры по латентной преступности в России. Все просто! Научный коллектив НИИ ГП просто берет и сравнивает Россию по уровню преступности со страной, из года в год занимающей второе почетное место в мире по уровню преступности – со Швецией [14, с. 59]. Почему не сравнили Россию с лидером (Новой Зеландией) – не знаю – возможно, просто не нашлись данные?

Чем объяснить столь интересный выбор страны для сравнения? Возможно, Россия и Швеция схожи степенью распределения доходов населения, политической системой или экономическим устройством? Или может быть, в обеих странах сопоставимое уголовное законодательство, и порядок учета преступлений? Это неизвестно - поскольку перед проведением сравнительного анализа преступности в различных странах этими «второстепенными» вопросами никто не задавался.

Далее включаем логику… Логично предположить, что страна, занимающая 2-е место в мире по уровню преступности, является «благополучной»? Конечно, логично!

Логично предположить, что уровень преступности России не может быть меньше чем в Швеции? Конечно, логично!

Поэтому нужно смело умножить на шесть зарегистрированную преступность в России, и получить минимальный уровень преступности в России – 18 млн. преступлений в год.

Опять же таки за год или годы проводится сравнение – не понятно – исследователи не затрудняют себя подобными мелочами. Но так как в работе в основном приводятся данные за период с 2002 по 2009 годы, то, наверное, и указанное выше сравнение проводилось в этом временном диапазоне.

Давайте приведем первичные статистические данные.

Таблица №1. Первичные статистические данные о зарегистрированной преступности в России и Швеции за период с 2002 по 2009 годы.

Таблица № 3

годы	Абсолютное число зарегистрированных преступлений (Россия) [21]	КП[9] Швеция (на 100 тыс. населения) [36]	КП Россия (на 100 тыс. населения) [21]	Соотношение КП Швеция и КП Россия
2002	2526305	11937	1739	6,8
2003	2756398	12282	1906	6,4
2004	2893810	12133	2009	6,0
2005	3554738	11951	2477	4,8

[9] Коэффициент преступности, приведенный на 100 000 населения.

2006	3855373	11451	2695	4,2
2007	3582541	12086	2509	4,8
2008	3209862	12433	2249	5,5
2009	2994820	12588	2097	6,0

Как видно из приведенной таблицы, только в 2004 и 2009 годах уровень преступности в Швеции был в 6 раз больше чем в России. Почему автор для расчета взял именно этот показатель - в 6 раз больше, а не в 4 или в 5? – Не понятно. Может, логичнее было бы взять для расчета среднее арифметическое соотношений коэффициентов преступности России и Швеции равное 5,6, но, если сказать по-честному подобные манипуляции – чистейший абсурд и грубая антинаучная фальсификация.

Российская и шведская преступность никак не связаны между собой, а де-факто НИИ ГП утверждает, что российская преступность выражается через шведскую линейным уравнением: ***y=6x***, где **y** – абсолютное число преступлений в России, ***x*** – абсолютное число преступлений в Швеции, и при этом коэффициент корреляции между переменными модели равен единице. Соответственно шведская преступность связана с российской обратным уравнением: $x=\frac{y}{6}$. Это полный абсурд и полное непонимание существа вопроса. Если исследователей из НИИ ГП интересовал, по каким-то непонятным причинам, вопрос связи между временными рядами шведской и российской преступности, то можно было бы это сделать, и получить в результате уравнение: $\hat{y} = 7691 - 0{,}453x$ (поучено по статистическим данным, приведенным в таблице). При этом оба параметра уравнения статистически не значимы на пятипроцентном уровне значимости (p-значение для свободного члена 0,11>0,05; p-значение для коэффициента регрессии и того больше 0,23>0,05), и также уравнение в целом не значимо на 5% уровне значимости.

Но, это часть вопроса. Вообще говоря, работая с временными рядами, нужно проверять их на наличие тенденции, возможность коинтеграции, при необходимости переходить от уровней ряда к их первым разностям и так далее, чего в данном случае мы делать не собираемся, поскольку изучать связь между значениями шведской и российской преступности не имеет смысла – это разные, и не имеющие связи социально-правовые явления. Разной является структура шведской и российской преступности, различается причинный комплекс, включая демографические характеристики соответствующих групп населения, проживающих на данных территориях, экономические детерминанты и так далее. Совершенно не случайно знак при коэффициенте регрессии в уравнении, связывающем преступность в России и Швеции, отрицательный, а не положительный, а, следовательно, и уравнение ***y=6x*** никак получить нельзя.

Дальше – больше. Пусть, как полагают авторы из НИИ ГП, российская преступность выше шведской в шесть раз …. но вот только откуда тогда взялась цифра в 18 млн. преступлений? Ведь если умножить на 6 абсолютное количество зарегистрированных преступлений в России за 2004 год мы получим 2893810*6=17 362 860 преступлений, а если за 2009 год, то получим 2994820*6=17 968 920 преступлений. 18 000 000 не получается ни в одном из расчетов, хотя данные 2009 года очень близки. Ну да ладно, ведь точность – это же вежливость королей, а не юристов – у юристов все примерно, на глазок. Хотя? казалось бы в таком важном вопросе, как измерение преступности, можно было бы поднапрячься – как ни как речь о человеческих судьбах.

Вот так легко: бац! – И уровень латентной преступности в России равен 18 млн. преступлений.

А дальше ещё логичней… Далее автор сравнивает по уровню преступности Россию и США. Здесь уже исследователи и вовсе не утруждают читателя ненужными подробностями, а именно порядком расчетов. Научный коллектив просто берет, и выдает нам величину фактической преступности в России в размере 50 млн. преступлений в год.

Как и откуда взялась эта цифра непонятно. Можно было бы предположить, что исследователи провели аналогичные со Швецией расчеты, т.е. сравнили уровень преступности в США и России, а потом умножили зарегистрированную преступность в России на полученный показатель. Но нет, ведь тогда результат будет другой.

Таблица № 4

Год	КП (Россия) [13, с. 6]	КП (США) [20, с. 51]	Соотношение КП США и России
1999[10]	2051	4267	4267/ 2051 = 2,1

Теперь, умножаем зарегистрированную преступность в России в 1999 на полученный показатель:

3 002 000 * 2,1 = 6 304 200 преступлений в год, а никак не 50 000 000 преступлений.

Вопрос – как научный коллектив получил не 6 304 200, а целых 50 000 000 (а мы еще в примере со Швецией жаловались на отсутствие точности и ясности в расчетах…)? Ответа на этот вопрос нет – научный коллектив не утруждает себя посвящением читателя в методику расчетов. Сказали 50 000 000, значит 50 000 000 – торг здесь не уместен!

Видимо, проведя при сравнении России и США расчеты, аналогичные расчетам при сравнении России и Швеции, научный коллектив не удовлетворился полученным результатом – слишком мало – всего то, 6 304 200 преступлений.

Тогда было решено идти другим путем – не умножать зарегистрированную преступность в России на 2,1, а разделить на 2,1, но только не зарегистрированную преступность в США равную 11 635 100 [14, с. 138] преступлений, а предполагаемый возможный уровень совершенных преступлений в США равный 100 000 000 преступлений[11] [20, с. 51]: 100 000 000 / 2,1 ≈ 50 000 000 преступлений в год.

Вообще то, если быть точным, то 100 000 000 / 2,1=47 619 047 преступлений, но мы уже привыкли к «юридической точности».

Ловкость рук и никакого мошенничества – главное с «умом» подойти к расчетам и уровень криминальной латентности в России будет зашкаливать при сравнении с любой страной мира. А ведь это – «основа гипотез о масштабах криминальной латентности» [13, с. 6], что же нас ждет дальше с такой основой…

Ну что же, с основными научными гипотезами НИИ при Генеральной прокуратуре мы разобрались, теперь приступим к научной методологии. Т.е. какими способами измерялась латентная преступность.

Способ № 1. Исследование виктимизации.

Если коротко, то ВНИИ МВД у граждан спрашивали, считают ли они себя потерпевшими от преступлений.

Перед проведением самого опроса научный коллектив, надо отдать ему должное, задумался о надежности данных, полученных в результате опроса граждан. У ис-

[10] Этот год для сравнения выбран С.М. Иншаковым

[11] Данное предположение было высказано В.В. Лунеевым (по его словам – цифра «серьезно завышена».

следователей возникли обоснованные сомнения по поводу того, а не изменяет ли память нашим потенциальным жертвам, а не привирают ли наши опрашиваемые? Но эти сомнения были с легкостью развеяны в результате проведения «специального исследования», призванного рассчитать примерную погрешность данных, полученных в результате опроса населения.

Результат исследования – погрешности практически нет, данные достоверны!

Что же это за «специальное исследование», гарантирующее достоверность данных?

Все гениальное просто! Просто берем и спрашиваем у самих опрашиваемых:

- «Возможно ли забыть о том, что в отношении вас было совершено преступление?»

- «Возможно ли при совершении в отношении Вас преступных деяний переоценить степень их тяжести, добавив то, чего не было?»

Если ответ «НЕТ», то смело делаем вывод – данные надежны.

История из серии «нарочно не придумаешь»: проверять память человека, спрашивая у него самого, не забыл ли он о чем то! Да как он может адекватно оценить состояние своей памяти, если у него амнезия, например, или просто забыл, или девичья память плавно переросла в женскую забывчивость, а она в свою очередь скоро перейдет в старческий склероз…

А между тем наши американские коллеги ещё в далеком 1972 году придумали и внедрили в практику куда более адекватный способ проверки достоверности данных, полученных из виктимологических опросов. А именно, Дж. Тернер проводил опросы жертв преступлений, указанных в полицейских отчетах за последний год. В результате было обнаружено, что доля указанных в ходе опроса инцидентов зависит от промежутка времени, прошедшего с момента правонарушения до взятия интервью. Если с момента совершения преступления прошло не более 3 месяцев, респонденты вспоминали о 69% случаев виктимизации, 6 месяцев – о 50%, 9 месяцев – о 46%, а если год – лишь о 30% правонарушений. Именно поэтому интервью NCVS (National Crime Victimization Survey – Национальный виктимологический опрос) проводятся один раз в 6 месяцев, а не раз в год. [37, с. 116]

Вот вам наглядная демонстрация надежности виктимологических опросов. Это отнюдь не означает, что данные опросы абсолютно бесполезны и не информативны. Просто нужно адекватно оценивать данные, полученные таким путем, делать соответствующие поправки при их интерпретации. А не так как это делают «герои нашего исследования».

А теперь разберемся, как использовали в НИИ ГП эти «надежные» данные виктимизационных опросов для измерения уровня латентной преступности на примере 2009 года (расчетов за остальные годы они не представили).

Основные этапы измерения латентной преступности НИИ ГП с помощью виктимизационных опросов [13, с. 6]**:**

Этап № 1. НИИ ГП проводит опрос представительной выборки 7000 граждан практически во всех регионах России (каких именно – не уточняется).

Итог этапа № 1: – 15% опрошенных заявили, что в 2009 г. они подвергались преступным посягательствам.

Сразу обратим внимание, что не указывается и далее в расчетах никак не учитывается, сколько граждан из этих 15% обращались в правоохранительные органы.

Этап № 2. Полученные данные сотрудники НИИ ГП распространяют на все население России, и находят, что: – 21 000 000 граждан считали себя потерпевшими от преступлений в 2009 г.

Хотя, если вычислить 15% от 142 700 000 жителей России в 2009 [34], то должно получиться 21 405 000. 405 000 – куда-то потерялось.

Этап № 3. Полученную цифру увеличивают на 20%, и получают уровень фактической преступности в России в 2009 г.

Почему увеличивать? И почему именно на 20%?

Если вы помните, МВД РФ, напротив, полученную цифру уменьшало на ⅓. Но у НИИ ГП своя, отличная от МВД РФ логика. Оказывается, увеличивать нужно потому, что «далеко не все преступления причиняют вред конкретной жертве» [13, с. 6]. Допустим, но почему на 20%, если согласно расчетам, того же НИИ ГП «176 статей УК РФ устанавливают уголовную ответственность за деяния, причиняющие вред конкретным людям, что составляет почти 70% анализируемых составов преступлений» [13, с. 87].

100% - 70% = 30%. Следовательно 30% составов не причиняют вред конкретной жертве, а не 20%. Опять 2 и 3 в кучу не связали…

Ладно, едем дальше. Увеличиваем 15% населения РФ в 2009 на 20%.

21 405 000 + (21 405 000 * 20%) = 21 405 000 + 4 281 000 = 25 686 000.

А если умножить, как положено на 30%, то получаем: 21 405 000 + (21 405 000 * 30%) = 21 405 000 + 6 421 500 = 27 826 500

Получаем 27 826 500 фактической преступности в России в 2009 г. Точную цифру НИИ ГП не указывало – мы ее рассчитали самостоятельно по их методике.

Этап № 4. Сравнивают полученное число фактических! преступлений с данными о числе латентных! преступлений, полученными другими методами – методом экспертных оценок и методом С.Е. Вицина.

Таблица № 5

По данным исследований НИИ ГП			
2009 год	Уровень фактической преступности согласно виктимологическому опросу	Уровень латентной преступности согласно экспертным оценкам	Уровень латентной преступности рассчитанный по методу С.Е. Вицина
	27 826 500	**23 000 000**	**21 500 000** ± 2,5 млн.

По результатам сравнения исследователи приходят к выводу, что минимальный уровень латентных преступлений в 2009 составляет 23 000 000 преступлений.

Почему из всех цифр выбрали именно 23 000 000 – непонятно.

Далее исследователи к 23 000 000 прибавляют 3 000 000 зарегистрированных преступлений (хотя по данным МВД – 2 994 800) и получают 26 000 000 фактических преступлений в 2009 г. Почему 26 000 000? Только что ведь по данным виктимизационных опросов насчитали 27 826 500!

Цифры скачут как белки, а исследователи произвольно хватают те, которые им больше нравятся.

Но и это ещё не всё! Получив цифру 26 000 000 фактических преступлений в 2009 г., НИИ ГП заявляет, что «аналогичные цифры были получены в ходе исследований, осуществленных сотрудниками ВНИИ МВД РФ» [13, с. 6]. Всё бы хорошо, но ВНИИ МВД проводило исследования по латентной преступности по 2006 г. [17, с. 178-179]. Только по 2006 г., про 2009 г. в работе, на которую ссылается НИИ ГП, нет ни одного слова. Да и не может быть, т.к. работа, на которую они ссылаются уже была издана в 2008 г.

Чудеса в решете – латентность МВД исследовало по 2006 год, а НИИ ГП нашло в этом исследовании МВД данные, аналогичные своим собственным за 2009 год!

А ещё скромничали, что «трудно найти черную кошку в темной комнате» (во введении к монографии НИИ ГП) [13, с. 5]. Да что там черную кошку, тут целое исследование по латентной преступности ВНИИ МВД за 2009 год, которого не было нашли! А вы говорите – черную кошку…

Способ № 2. Методика «саморегистрирующаяся преступность»

Прямо лозунг для плаката на здании МВД или прокуратуры: «Совершил преступление – приди и самозарегистрируйся!». Мечта любого прокурора и начальника полицейского управления.

Если серьезно, то суть способа № 2 идентична способу № 1, с той лишь разницей, что опрашивают граждан о том, совершали ли они какое-либо преступление (без указания какое) в течение прошлого года.

Проверка надежности данных аналогичная: - «Врать будем?»; - «Нет, что вы!».

Данные надежны! В общем, надежность на высшем уровне. Интересная политика двойных стандартов.

Предполагаемым преступникам НИИ ГП верит на слово. Они же сказали, что врать не будут, вот им верят. И смело измеряют уровень латентной преступности на основании таких вот «надежных данных».

А вот соседнему ведомству МВД никто на слово не верит. Данные официальной статистики никто на веру не принимает. Более того, не то что МВД не верят – не верят доже в саму статистику! Ведь, по мнению С.М. Иншакова то обстоятельство, что анализировать криминальные реалии нужно на основе официальной статистики, является неким *стереотипом мышления* [13, с. 5]. Также высказывается мнение о том, что «Стратегия воздействия на преступность, ориентированная лишь на зарегистрированную часть криминального феномена, вряд ли может быть *полноценной*, поскольку объект воздействия оказывается усеченным» [13, с. 772].

Очень странно читать такие строки в монографии, львиная доля содержания которой (не менее 90% процентов) – это представление результатов проведенных выборочных наблюдений. Почему-то автор считает, что очень даже можно оценивать уровень латентной преступности по стране на основании опросов лишь небольшой части населения, а вот изучать преступность на основании данных официальной статистики никак нельзя. Хотя, по сути, и в первом и во втором случае – это будет одно и то же – выборочное наблюдение. Только в случае с зарегистрированной преступностью выборка будет гораздо более многочисленной, да и качество сбора данных куда более высокое, чем при проведении опросов.

Способ № 3. Эксперимент. В качестве экспериментов, направленных на выявление уровня латентной преступности, НИИ ГП предлагает:

Эксперимент № 1. «Экспериментальным путем устанавливался временной период, в течение которого у человека, вошедшего в московский метрополитен, воры-карманники вытаскивали кошелек. В результате установили, что для кражи нужно от 20-30 минут до 3 часов» [13, с. 93].

Как эти данные можно использовать для измерения уровня латентности научный коллектив не объясняет. Провели и провели эксперимент, потратили бюджетные деньги и хорошо. Выводов никаких.

Эксперимент № 2. «В качестве участников эксперимента привлекали лиц, которым необходимо было решить различные вопросы в тех или иных государственных органах. Условием участия в эксперименте было твердое намерение попытаться решить проблему без дачи взятки. Из 100 участников 72 удалось решить, имевшиеся у них проблемы, без дачи взятки» [13, с. 93].

И на этом всё. Никаких выводов, расчетов, предложений – что теперь делать этими цифрами – ничего.

Сам научный коллектив оценивает данные, полученные в результате экспериментирования, как научные факты высокой пробы [13, с. 93]. Вот только что делать с этими «высокопробными фактами»? – Непонятно.

Способ № 4. Социологическое наблюдение. Научный коллектив НИИ ГП описывает только одно социологическое наблюдение, ну как социологическое наблю-

дение – в общем, история, рассказанная военнослужащими одной из войсковых частей нашей необъятной Родины.

Но хотя, если разобраться, то военнослужащие – это бесспорно часть социума, и наблюдение тоже имело место (наблюдали за «взяточниками-гаишниками» с караульной вышки в бинокль). Так что, в принципе, всё правильно – это было «социологическое наблюдение».

Суть в следующем. Солдаты, неся караульную службу по охране спецобъекта, со своей караульной вышки наблюдали в бинокль за постом ГИБДД. И обнаружили, что сотрудники ГИБДД берут взятки, а полученные деньги прячут в жестяную банку в придорожной канаве, деньги из которой изымают раз в неделю. Наблюдали-наблюдали солдаты за этим безобразием, а потом, вспомнив революционный лозунг «Грабь награбленное!», взяли, да и национализировали незаконные доходы сотрудников ГИБДД (забрали себе). Вот всё социологическое наблюдение…

Думаю, вы уже сами догадались, что и в этом случае никаких выводов или предложений – как же эта информация помогла научному коллективу измерить латентную преступность – не будет.

Способ № 5. Экспертные оценки. Суть этого способа заключается в том, что какие-то (не разглашается какие именно) эксперты оценивают уровень латентной преступности. Потом все оценки суммируют, и выводят среднюю арифметическую величину. Всё.

Опять же никаких расчетов. Не приводится ни одна экспертная оценка. Нет ни одной!

Каким образом эти таинственные «эксперты» оценивали уровень латентной преступности?

Поди туда – не знаю куда, спроси того – не знаю кого, и будет тебе уровень латентной преступности!

О чем здесь можно вообще говорить, если одним из видов экспертных оценок по источнику информации являются, вы не поверите – интуитивные оценки [13, с. 94].

То есть источник информации об уровне латентной преступности в России – интуиция! Вы серьёзно? Интуиция? Читая эти строки, я еще раз посмотрела на обложку книги – не перепутала ли я книгу по «Экстрасенсорике» и научную монографию, содержащую результаты многолетней работы НИИ при Генеральной прокуратуре по изучению латентной преступности. Нет – не перепутала, а жаль. Хотя….. может и мне на досуге спросить у своей интуиции: «Какой уровень латентной преступности в России в 2020 году?» Но это уже тема для следующей научной статьи.

Так, в изучаемом исследовании приводится вот такое мнение бывшего начальника Бюро судебно-медицинских экспертиз г. Санкт-Петербурга В.В. Андреева (наверное, это и есть та самая интуитивная оценка): «Как специалист, участвуя во вскрытиях, я *чувствую,* что во многих случаях зафиксированных в городе смертей стоит подозревать использование не диагностируемых ядов…» [13, с. 104]. Прекрасно! Он чувствует. И что нам с этим чувством делать? Причину смерти как устанавливать будем? Как специалист, участвующий во вскрытиях *чувствовать* вы можете неприятный запах, те или иные эмоции при виде трупа, температуру окружающей среды – на то у вас есть органы чувств. А вот по поводу причины смерти - тут уж, извините, необходимо более научное обоснование, чем «я так чувствую…».

Так же экспертные оценки, по мнению НИИ ГП, бывают – *неопределенные* (много, мало, не очень много и т.п.).

На практике анкета по опросу экспертов, наверное, выглядела примерно так:

1. Как вы оцениваете количество латентных преступлений в России в 2002 г. (выберите один вариант ответа): а) много; б) мало; в) не очень много; г) не очень мало.

2. Назовите ваш источник информации о количестве латентных преступлений: а) интуиция; б) подсознание; в) приснилось во сне; г) рассказал мой попугай.

А между тем научный коллектив НИИ считает, что «если метод экспертных оценок применяется корректно, нет никаких оснований считать его ненадежным» [13, с. 96]. Корректно – это как? Если у вас источник информации – интуиция, о какой надежности вообще идет речь? А, оказывается, вот как: если исключить самую высокую и самую низкую оценки, а потом посчитать среднее арифметическое, то сразу уменьшиться «элемент случайности и субъективизма при использовании указанного метода» [13, с. 96].

А вот пример неопределенной экспертной оценки. Научный коллектив НИИ ГП провел опрос 1480 студентов различных вузов Москвы и других регионов. Этот опрос показал, что 25% студентов как минимум 2 раза в год дают взятку преподавателям за выставление положительной оценки. С учетом общей численности студенческого контингента России, который в 2009 г. составил порядка 7,5 млн. человек, общая цифра латентной преступности получается очень большой.

Коротко и ясно – «очень большая» цифра. И всё! Никаких расчетов. А зачем? И так понятно – «очень большая цифра».

И ничего, что по данным опроса только одной социальной группы, проведенного по поводу только одной структурной составляющий преступности (дача взятки) делается вывод об общей цифре латентной преступности.

И ничего, что опять ошибки в исходных данных: не 7 500 000 студентов в 2009 в России, а 7 418 847 студентов [9], ведь на то она и неопределенная оценка.

Вот они Интуитивные Неопределенные Экспертные Оценки во всей красе!

Далее научный коллектив сопоставляет данные о латентности, полученные методом экспертных оценок, с данными о латентности, полученными другими методами. И не надейтесь, что нам покажут эти самые данные, полученные разыми методами – сколько не ищите, вы не найдете ни одной сравнительной таблицы. Если научный коллектив НИИ ГП сказал, что сопоставил – значит, так оно и есть, и нечего тут проверять! Но сейчас не об этом речь (к отсутствию данных мы уже привыкли). А речь о том, что в результате этого сопоставления получается, что данные экспертных оценок то «очень занижены», то «многократно превышают». То есть данные полученные разными методиками не сходятся, дают разные результаты, и исследователи сами признают это, но при этом вывод делают прямо противоположный – «в свете наших исследовательских задач метод экспертных оценок вполне удовлетворителен» [13, с. 96]. Я, конечно, понимаю, что математическая задача может иметь несколько способов решения, но ответ то всегда должен быть один и тот же. Иначе, либо один из способов неверен, либо где-то арифметическая ошибка.

Способ № 6. Матричное моделирование. В рамках этого способа измерения латентной преступности научный коллектив НИИ ГП обратился к методу статистических моделей С.Е. Вицина в комбинации с линейным программированием.

Звучит очень круто и очень сложно, думаю, что после этих строк мало кто из юристов продолжил чтение, если вообще дошел до этого места.

Как утверждает научный коллектив, такой расчет показал, что уровень латентной преступности в России составляет 21,5±2,5 млн. преступлений в год. Тут же авторы замечают, что на основании метода экспертных оценок они получили сходную цифру – 23 млн. преступлений в год. Хотя буквально на предыдущей странице уверяли нас, что уровень латентности по версии экспертных оценок даёт очень заниженные результаты в сравнении с другими методиками. Ну да ладно, здесь же всё сошлось – значит обе методики можно считать корректными.

А теперь, давайте подробно разберемся в методе С.Е. Вицина, в методе линейного программирования, и в том, как эти методы можно, и возможно ли вообще применить при измерении латентной преступности.

Метод статистических моделей С.Е. Вицина.

Сразу обозначим, что С.Е. Вицин никакого готового способа измерения латентной преступности не разработал.

В своей работе Моделирование в криминологии С.Е. Вицин прямо указывает: «Разработка комплексных моделей преступности на базе сочетания методов моделирования путем использования единого измерителя общественной опасности преступлений и построения матричных моделей в перспективе может дать возможность исчисления обобщенного показателя матрицы – индекса преступности, – свободного от влияния латентной преступности. При этом этот вопрос требует дополнительного исследования» [6, с. 86]. Всё.

С.Е. Вицин лишь высказывал свои предположения о возможных направлениях для решения этого вопроса и более ничего. Какие именно соображения, и насколько они пригодны для измерения латентности? Давайте разберемся, ведь именно ими руководствовались сотрудники НИИ ГП при измерении латентной преступности.

С.Е. Вицин предполагал, что «*коэффициент «пораженности преступностью» — это единственный показатель, не подверженный влиянию латентной преступности, а построение матричных моделей преступности – наиболее приемлемый в настоящее время способ для адекватной оценки преступности в целом»* [6, с. 86].

Т.е. С.Е. Вицин предлагает через коэффициент «пораженности преступностью», который свободен от латентности, каким-то способом рассчитать латентную преступность.

Давайте разберемся, что собой представляет коэффициент «пораженности преступностью», и свободен ли этот коэффициент от влияния латентной преступности?

Коэффициент «пораженности преступностью» или коэффициент криминальной активности - суть одно и то же, что коэффициент криминогенной пораженности конкретной демографической группы – **ККП** [23]:

$$ККП = \frac{D_c}{D}$$ ***D*** – доля данной демографической группы во всем населении на исследуемой территории за исследуемый период времени:

$$D = \frac{Q_c}{Q}$$, где ***Q*** – абсолютная общая численность народонаселения в данное время в данном месте, $\boldsymbol{Q_c}$ – численность исследуемой демографической группы в то же время и в том же месте;

$\boldsymbol{D_c}$ – доля выявленных лиц из данной демографической группы, совершивших преступления, в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления в данное время в данном месте:

$$D_c = \frac{q_c}{q}$$, где ***q*** – абсолютное число выявленных лиц, совершивших преступления на данной территории за данное время; $\boldsymbol{q_c}$ – абсолютное число выявленных лиц, совершивших преступления из данной демографической группы за то же время в том же месте.

Коэффициент криминогенной пораженности используется для ответа на вопрос о преступной активности конкретных демографических групп народонаселения.

Рассчитав коэффициент криминогенной пораженности, мы можем получить ответы на такие вопросы: мужчины или женщины чаще совершает преступления? Кто чаще совершает угон автотранспорта – подростки или пожилые люди? Кто чаще совершает кражи – лица без постоянного источника дохода или официально трудоустроенные лица?

Для этого, собственно говоря, этот коэффициент и рассчитывается – для измерения преступной активности различных групп населения! Ничто иное с помощью этого коэффициента вы не получите – ни уровень преступности, ни удельный вес структурных составляющих преступности, ни темпы роста уровня преступности, ни тем более латентную преступность. Всё это нужно будет рассчитывать по другим формулам, закладывая в них необходимые для расчета данные. Обратите внимание, что при расчете коэффициента криминогенной пораженности вообще не используются ни абсолютные не относительные величины, характеризующие преступность и её структурные составляющие. Было бы еще понятно, если проф. Вицин пытался как-то подтянуть к вычислению латентной преступности собственно коэффициент преступности, в расчет которого закладывается абсолютное число зарегистрированных преступлений, но, увы.

Это мы внесли ясность про коэффициент «пораженности преступностью», как бы используемый С.Е. Вициным для измерения латентной преступности. Теперь продолжаем разбирать саму предлагаемую методику.

По мнению С.Е. Вицина этот коэффициент «пораженности преступностью» свободен от влияния латентной преступности потому что:

1. *«Закономерность распределения признаков, характеризуемая указанными коэффициентами, не требует полного учета изучаемой совокупности»* [6, с. 77]

2. *«Независимо от того, полностью или не полностью учтены преступления, доли различных групп*[12] *в их массиве не изменятся, поскольку составляющие коэффициента не содержат в себе абсолютных величин»* [6, с. 86]. Специалисты по общей теории статистики, долго бы смеялись, прочитав, сей перл.

Какую изучаемую совокупность, полный учет которой не требуется, имеет в виду С.Е. Вицин?

Скорее всего, С.Е. Вицин под изучаемой совокупностью понимал фактическую преступность (зарегистрированную плюс латентную), т.к. речь идет о полноте учета преступлений.

Но, согласно имеющейся формуле, оба эти довода С.Е. Вицина являются ошибочными потому как, **во-первых** – совокупность преступлений (преступность) вообще никак не учитывается (не используется при вычислении коэффициента «пораженности преступностью»). Используются данные характеризующие выявленных лиц, совершивших преступления, а не данные характеризующие саму преступность – эту разницу нужно очень четко понимать;

во-вторых – остальные, используемые в формуле данные (совокупности) являются не чем иным как абсолютными величинами:

$\boldsymbol{q}$ – абсолютное число выявленных лиц, совершивших преступления (человек);

$\boldsymbol{q_c}$ – абсолютное число выявленных лиц, совершивших преступления из данной демографической группы (человек);

[12] Здесь речь идет именно о различных демографических группах лиц, совершивших преступления т.к. далее автор пишет: «Иначе говоря, если среди лиц, совершивших насильственные преступления, рабочие в возрасте 18—19 лет (или любая другая группа лиц) составляют 10%, то эта закономерность выявляется на фактически имеющемся статистическом материале, и, следовательно, значение описанных коэффициентов и всей их совокупности в матрице не зависит от латентной преступности».

Q – абсолютная общая численность народонаселения (человек);
Q$_c$ – численность исследуемой демографической группы (человек).

Если же под изучаемой совокупностью понимать не преступность, а другие показатели (совокупности), используемые в формуле коэффициента «пораженности преступностью», то они учитываются полностью, и утверждение С.Е. Вицина является ложным. Если это население, то учитываются все люди. Если это лица, совершившие преступления, то они тоже учитываются в полном объеме. Если это численность исследуемой демографической группы (например, женщин), то учитывать в расчетах нужно всех женщин без исключения. В противном случае – это была бы какая фальсификация данных.

Возможно, С.Е. Вицин потому и считал коэффициент «пораженности преступностью» свободным от влияния латентной преступности, что в процессе его расчета никакие данные о преступности не используются вообще. А поскольку этот коэффициент «свободен» от латентности, то его можно использовать для измерения самой латентности. Абсурд.

Ведь тогда согласно этой же логике, для расчета латентной преступности можно с не меньшим успехом использовать формулу кинетической энергии $E_к = \frac{mv^2}{2}$, m – масса тела, v – скорость, ведь она тоже «свободна» от латентности, т.к. в ее формуле не используются данные о преступности.

Таким образом, даже «свободный» от латентной преступности коэффициент «пораженности преступностью» никак не может помочь в измерении латентности.

Далее автор пишет следующее:

«Особенно интересным и перспективным представляется сопоставление динамических рядов рассмотренных коэффициентов и аналогичных абсолютных показателей за ряд лет.

Такое сопоставление позволит: видеть, как реально влияет латентная преступность на ее статистику (по видам), найти те виды преступлений, изменения показателей которых идут параллельно статистике и будут своеобразными «индикаторами» для преступности и отдельных ее групп, оценить действительное искажающее воздействие латентной преступности на ее статистику.

В самом деле, если использовать два ряда показателей для каждого вида (группы) преступлений, один из которых свободен от воздействия латентной преступности, изучение их даст исследователю ответ на многие вопросы, связанные с реальной оценкой латентной преступности» [6, с. 86].

То есть методика С.Е. Вицина по измерению латентной преступности состоит из следующих этапов:

1. Сопоставление временных рядов коэффициентов «пораженности преступностью» с аналогичными абсолютными показателями.

Т.е. нужно построить 5 временных рядов следующих показателей: коэффициентов «пораженности преступностью»; абсолютного числа выявленных лиц, совершивших преступления; абсолютного числа выявленных лиц, совершивших преступления (или какой-то один вид преступления) из данной демографической группы; абсолютной общей численности народонаселения; численности исследуемой демографической группы.

Это сделать не сложно. Только зачем? Никакой логики в сем нет.

2. Интерпретация сопоставления. Такое сопоставление, по мнению С.Е. Вицина, позволит: - видеть, как реально влияет латентная преступность на ее статистику (по видам); - найти те виды преступлений, изменения показателей которых идут параллельно статистике, и будут своеобразными «индикаторами» для преступности и отдельных ее групп; - оценить действительное искажающее воздействие латентной преступности на ее статистику.

Это всё просто прекрасно! У меня только один вопрос – как? Как мы вдруг из этого графика «увидим» реальное влияние латентной преступности на статистику? Если эти графики построены только по данным, характеризующим контингент преступников – кто, сколько и каких преступлений совершил!

Как мы вдруг «оценим» искажающее действие латентности? Если в этих графиках отсутствуют данные и о латентности, и о зарегистрированной преступности! Как? Если саму латентность мы считать еще не умеем?

Автор отвечает: «найдите те виды преступлений, изменения показателей которых идут параллельно статистике – они и будут своеобразными «индикаторами» для преступности и отдельных ее групп».

Параллельно какой статистике? Ну, даже, если и параллельно, то что? Индикаторами чего? Ответов нет!

3. Появление данных, свободных от латентности.

На этом этапе у нас, откуда то должны появится, и мы должны использовать «два ряда показателей для каждого вида (группы) преступлений, один из которых свободен от воздействия латентной преступности. Изучение их даст исследователю ответ на многие вопросы, связанные с реальной оценкой латентной преступности» [6, с. 86].

Как получить эти два ряда показателей преступности, один из которых свободен от латентности?

Ответа нет!

Естественно, что, идя по пути ложных рассуждений, и не владея методами ведения научных исследований, С.Е. Вицин приходит к ложным выводам о том:

- «*что коэффициент «пораженности преступностью»— это единственный показатель, не подверженный влиянию латентной преступности, а построение матричных моделей преступности - наиболее приемлемый в настоящее время для адекватной оценки преступности в целом»* [6, с. 77];

- *«что показатели коэффициентов «пораженности преступностью» могут характеризовать реальные, не искаженные латентной преступностью изменения преступности»* [6, с. 80].

И в качестве иллюстрации приводится матричная модель преступности, построенная по коэффициентам «пораженности преступностью» половозрастных, социальных и иных групп городского населения (произвольные данные) [6, с. 80].

Таблица № 6

Структура контингента преступников	Структура преступности			
	Насильственные преступления (20%)	Корыстные преступления (30%)	Преступления смешанной группы (15%)	Хулиганство (25%)
14-15 лет	0,5	0,8	0,9	0,9
16-17 лет	1,8	0,9	1,3	1,2
18-19 лет	1,5	1,4	1,3	1,8
Рабочие	1,6	1,2	1,2	1,5
Служащие	0,6	0,9	0,5	0,6
Колхозники	1,2	0,9	0,9	1,0

Из приведенной таблицы очень хорошо видно, что это «матричная модель» не преступности, а контингента выявленных лиц, совершивших преступления. Да это вовсе и не матричная модель, а простая таблица, которую еще не преобразовали к матричному виду *mxn* с соответствующим числом строк и столбцов. Терминология линейной алгебры, связанная с изучением матриц, у проф. С.Е. Вицина совершенно отсутствует, а, следовательно, ни о каком применении матричного моделирования

здесь не могло идти и речи. Что делать то с его «матрицей»? – Транспонировать её, умножать на какую-то другую матрицу, брать от неё обратную?

Очевидно, что автор просто запутался в этих двух различных показателях.

Ведь, как он сам ранее отмечал: «… коэффициенты «пораженности преступностью», сведенные в матричную модель, позволяют выяснить, кто совершает преступления и какие именно» [6, с. 79]. Вот именно: «кто и какие преступления совершает», т.е. характеристика лиц, совершающих преступления, а не количественная характеристика преступности и её структурных составляющих.

Ещё раз – коэффициенты «пораженности преступностью» не могут характеризовать не то что латентную, даже зарегистрированную преступность! Они характеризуют контингент преступников.

А теперь самый проблематичный вопрос всей этой «методики» измерения латентности: «Как с помощью коэффициентов «пораженности преступностью» найти данные о преступности, «свободные» от латентности?

На все эти вопросы нет ответов. А раз нет ответов, то нет и методики изучения латентной преступности!

Как по этой методике измеряли латентную преступность в НИИ ГП – для меня большая загадка. НИИ ГП никак не объяснило, как оно использовало эту антинаучную «методику» - нет никаких исходных данных, нет никаких расчетов. Есть только голословное заявление о том, что мы применили методику С.Е. Вицина, и получили такой-то уровень латентной преступности. Остается только удивляться: Как?

Вопросы к научному коллективу НИИ ГП по порядку применения метода С.Е. Вицина:

- По каким демографическим группам проводилось исследование?
- По каким видам преступлений проводилось исследование?
- Где официальные статистические данные, характеризующие абсолютное число выявленных лиц, принадлежащих к определенной демографической группе и совершивших определенный вид преступлений (например, сколько женщин совершили кражи в таком-то году)?
- Где сама матричная модель, построенная по коэффициентам криминальной активности (они же «пораженностью преступностью»)?
- Где временные ряды коэффициентов криминальной активности и аналогичных абсолютных показателей?
- Где выявленные данные по преступности, свободные от латентности?

Ответов на эти вопросы опять же нет!

Собственно говоря, НИИ ГП и не применяло методику С.Е. Вицина, хотя об этом и было завялено. Оно и понятно – как было наглядно продемонстрировано выше, применить эту «методику» для измерения латентной преступности просто невозможно.

Вместо этого научный коллектив НИИ ГП сделал следующее: каким-то образом совместил мифический метод матричного моделирования С.Е. Вицина и метод линейного программирования, который действительно существует, и разработан выдающимся исследователем Л.В. Канторовичем, за что последний был удостоен Нобелевской премии.

Давайте разберемся как.

Этапы этого комбинированного метода изучения латентной преступности НИИ ГП:

1. Построение матричной модели (или проще говоря – таблицы) по коэффициентам криминальной активности различных групп населения.
2. Применение метода линейного программирования с использованием этой матричной модели.

Вроде всё просто и ясно: строишь матрицу, применяешь линейное программирование, и получаешь уровень латентной преступности. Но не всё так просто, как пишут наши исследователи.

Во-первых, научный коллектив НИИ ГП не выполнил ни один из двух пунктов своего метода:

1. Не построил матричную модель по коэффициентам криминальной активности различных групп населения.

2. Не прописал порядок решения задачи линейного программирования.

Очень умно: нет данных – нечего проверять – не на чем поймать! Всё – опять верьте нам на слово. Ну да ладно – разберемся и без их помощи!

Выполнить условия первого этапа не сложно – нужно просто рассчитать по формуле коэффициенты криминальной активности различных групп населения, и составить по ним таблицу.

А вот на втором этапе у нас возникает вопрос: **возможно ли применить метод линейного программирования для измерения латентной преступности?**

Ответить на этот вопрос можно, разобравшись в сути самого метода, что мы и сделаем.

Метод линейного программирования. Линейное программирование является средством, которое использует лицо, принимающее решение, для оптимизации целей **в условиях полной определенности**.

Под определенностью понимается такое состояние знания, когда лицо принимающее решение, заранее знает конкретный исход для каждой альтернативы. Иначе говоря, лицо, принимающее решение, обладает исчерпывающим знанием состояния среды и результатов каждого возможного решения [28, с. 51].

В своем практическом использовании линейное программирование является наиболее успешным и широко используемым подходом к решению задач распределения ресурсов.

Линейное программирование можно формально определить, как метод оптимизации (т.е. максимизации или минимизации) линейной функции нескольких переменных, имеющих комплекс линейных ограничений [28, с. 72].

Вот классический пример задач, решаемых методом линейного программирования.

Дано: Гончарное предприятие выпускает два вида глиняной посуды: горшки и вазы. Для изготовления горшка нужно 4 фунта глины, 1 час работы, а прибыль от продажи горшка – 4 доллара. Для изготовления вазы нужно 3 фунта глины, 2 часа работы, а прибыль от ее продажи – 5 долларов. У нас есть один гончар, который работает 40 часов в неделю и допустимый расход глины в неделю – 120 фунтов.

Вопрос: Сколько горшков и ваз нужно изготовить в неделю, чтобы прибыль была максимальной?

С помощью простого EXEL эту задачу можно решить за 10 минут.

Решение[13]:

Шаг 1. Определение переменных.

X_1 – количество горшков, производимых в день; X_2 – количество ваз, производимых в день.

Шаг 2. Определение целевой функции.

[13] Задачу можно решать графическим и симплексным методами, здесь приводится пример графического решения.

Каждый горшок дает 4 доллара прибыли, каждая ваза – 5 долларов. Цель, Z, состоящая в максимизации прибыли, выражается как $Z=4X_1 + 5X_2$

Шаг 3. Определение ограничений.

Ограничение по труду: гончар будет работать не более 40 часов в неделю.

Соответственно: $X_1 + 2X_2 \leq 40$.

Ограничение по материалам: у нас есть только 120 фунтов глины в неделю, каждый горшок требует – 4 фунта глины, ваза – 3 фунта.

Соответственно: $4X_1 + 3X_2 \leq 120$

Шаг 4. Введение ограничений на значение переменных.

Физически невозможно произвести отрицательное количество горшков и ваз.

Соответственно: $X_1 , X_2 \geq 0$

Шаг 5,6,7. На этих этапах строиться график с линиями ограничений, которые мы обозначили выше. Вся область под этими линиями – область допустимых решений. В области допустимых решений содержатся все сочетания переменных, удовлетворяющих всем ограничениям.

Очевидно, что существует громадное количество таких комбинаций: фактически их число бесконечно.

Т.е. применительно к нашей задаче решения могут быть следующие:

1. если произвести 20 ваз и 0 горшков, то прибыль составит 100 долларов,
2. если произвести 0 ваз и 30 горшков, то прибыль составит 120 долларов,
3. **если произвести 8 ваз и 24 горшка, то прибыль составит 136 долларов.**

С помощью графика мы легко найдем оптимальное решение.

В третьем случае прибыль будет максимальной, и все ограничения будут удовлетворяться, а, следовательно, данное решение будет оптимальным.

Теперь вы понимаете, что значит «оптимизация целей в условиях полной определенности»?

В оптимизационных задачах линейного программирования всегда все условия заранее определены, т.е. известны. Мы точно знаем, сколько у нас глины, сколько у нас работников, сколько глины и времени нужно тратить для производства горшков и ваз. И мы точно знаем, чего хотим – максимизировать прибыль.

Нам осталось выяснить только одно – сколько именно горшков и ваз нужно делать в неделю, чтобы оптимально (максимально прибыльно) использовать имеющиеся ресурсы. Так чтобы и работник без дела не сидел (ему ведь заплачено), и чтобы имеющееся сырье по максимуму использовать, и чтобы при этом прибыль была максимальной. И чтобы не делать это вручную (это ведь долго и нудно, а иногда просто человеческой жизни не хватит просчитывать все варианты) используют метод линейного программирования. В общем – «канарейку за копейку, и чтоб басом пела». И линейное программирование нам в этом помогает.

Но как оно нам может помочь в измерении латентной преступности, да еще в комбинации с мифической методикой Вицина? Скажу сразу – никак!

Если бы НИИ ГП применяло метод линейного программирования для измерения латентности, то это должно было бы выглядеть примерно так (по аналогии с горшками и вазами).

Дано: Таблица с коэффициентами криминальной активности различных групп населения по различным видам преступлений. (Но эту таблицу, если она, конечно же, существует, нам никто не показал)

Решение:

Шаг 1. Определение переменных. $X_{1,2,3}$ – количество выявленных лиц, совершивших преступления, относящиеся к определенным главам УК РФ;

Шаг 2. Определение целевой функции. Показатели раскрываемости.

(И всё! Никакого линейного уравнения целевой функции никто не представил)

Шаг 3. Определение ограничений. Доли лиц, принадлежащих к определенным группам населения, в структуре общей численности граждан РФ в возрасте от 14 лет. Это вообще всё о чём?

Мы с вами помним задачу про горшки и вазы. Там с ограничениями все понятно. Понятно, что если у нас только 120 фунтов глины, то это помешает нам сделать 1000 горшков, потому что глины хватит только на 30 горшков. Понятно, что если гончар работает, только 40 часов в неделю, а не круглые сутки, то это опять же помешает нам сделать 1000 горшков.

Но мне не понятно как тот факт, что доля[14] женщин в общей численности населения РФ составляет 0,54, помешает раскрываемости?

Было бы понятно, если в ограничения поставили количество следователей и оперуполномоченных, ведь чем их больше, тем больше дел может быть раскрыто и соответственно расследовано. Но при чем тут доля в населении женщин, мужчин, студентов, рабочих и т.д. – непонятно. Как они мешают правоохранительным органам раскрывать преступления. Вот я понимаю, табельного оружия на всех не хватило, и поэтому преступника не задержали, а тут….

Шаги 4,5,6,7 отсутствуют.

Вместо этого исследователи пишут следующее:

«Оптимальное моделирование матрицы коэффициентов криминальной активности населения за один год в условиях минимума и максимума целевой функции позволяет **спрогнозировать** фактическое количество **граждан, совершивших преступления**, в будущем году» [13, с. 97].

Вспоминаем, целевая функция была определена **показателями раскрываемости**, а прогнозировать будем граждан, совершивших преступления?

Начали за здравие – кончили за упокой…

Цель – показатели раскрываемости, итог – количество граждан, совершивших преступления. Только мне кажется, что цель то не достигнута!

Далее выдается готовое, непонятно каким образом полученное, решение: «…уровень латентности в нашей стране составляет 21,5 ±2,5 млн. преступлений» [13, с. 98].

То есть прогнозировали количество граждан, совершивших преступления, а получили – уровень латентности….

Вот такая женская логика: начать искать показатели раскрываемости, потом на их основании спрогнозировать количество граждан, совершивших преступления, а потом на основании этого прогноза получить латентную преступность.

Логично? Конечно, логично!

Ошибки НИИ ГП, допущенные при попытке измерения латентной преступности при использовании метода линейного программирования:

Ошибка 1. Метод линейного программирования не пригоден для изучения скрытых явлений.

Эта ошибка является ключевой.

[14] Данные для 2009г.

Нельзя было применять метод линейного программирования для измерения латентной преступности!

Данный метод предназначен для решения задач по оптимизации в условиях полной определенности.

Метод линейного программирования не предназначен для измерения скрытых явлений!

О каких условиях полной определенности может идти речь, когда мы говорим о латентной преступности. Здесь скорее обратная ситуация – полной неопределенности.

А НИИ ГП попыталось применить оптимизационный метод для измерения уровня латентной преступности в условиях полной неопределенности.

Ситуацию, в которой оказались наши исследователи, лучше любых других объяснений иллюстрирует один анекдот:

«Трое математиков, и трое физиков собираются ехать на поезде в другой город на конференцию. Они встречаются у кассы на вокзале. Первой подходит очередь физиков, и они, как все нормальные люди, покупают по билету на человека. Математики же покупают один билет на всех.

- Как же так? - удивляются физики. – Ведь в поезде контролёры, двоих из вас без билета ссадят!

- Не волнуйтесь! - бодро отвечают математики. - У нас есть МЕТОД. Перед отправлением поезда физики располагаются в вагоне, но стараются проследить за применением загадочного "метода". Математики же втроём набиваются в один туалет. Когда контролёр подходит к туалету, и стучит в дверь, оттуда высовывается рука с билетом. Контролёр забирает билет, и далее вся компания без проблем едет в пункт назначения.

После окончания конференции те же физики и математики вновь встречаются на вокзале. Физики, воодушевлённые примером математиков, покупают один билет. Математики же не берут ни одного.

- А что же вы покажете контролёру? – спрашивают физики.

- Не волнуйтесь, у нас есть МЕТОД.

В поезде физики набиваются в один туалет, математики - в другой. Незадолго до отправления поезда один из математиков подходит к туалету, где прячутся физики. Стучит. Приоткрывается дверь, высовывается рука с билетом. Математик спокойно забирает билет и возвращается к коллегам.

Мораль: Нельзя использовать математические методы, не понимая их сущности!»

Я думаю, в то время, когда придумали этот анекдот, математики ещё не были знакомы с юристами, вернее юристы ещё не пытались познакомиться с математикой. А то бы главными героями истории стали не физики, а юристы.

Научный коллектив НИИ ГП оказался в анекдотичном положении физиков именно потому, что не понимал сущности метода линейного программирования!

Естественно, что полное непонимание используемых методов, повлекло за собой череду неизбежных ошибок.

Ошибка 2. Попытка построить именно прогноз латентной преступности.

Обратите внимание – методом линейного программирования попытались не измерить латентную преступность, а построить прогноз латентной преступности.

НИИ ГП, видимо, забыло свою первостепенную задачу, для которой, собственно говоря, всё и задумывалось – измерить уровень латентной преступности.

Сначала нужно научиться измерять какое-то явление или процесс, а потом уже на основании этих данных строить прогнозы. Наоборот не бывает – по той простой причине, что отсутствуют данные для построения прогноза.

А латентную преступность мы не научились измерять не то что на текущий момент, а даже за прошедшее время. Ну и главное, метод линейного программирования (планирования) не предназначен для составления прогнозов.

Ошибка 3. Использование непригодных для прогнозирования данных. Естественно, раз данных по латентной преступности нет, и, соответственно, прогноз по латентности строить не на чем, то Генеральная прокуратура выкручивалась, как могла – «я тебя слепила из того, что было, а потом что было, то и»… выдала за уровень латентной преступности.

Прогноз латентной преступности строился на основании коэффициентов криминальной активности. Ещё бы взяли данные о популяции бобров в центральной части России, и попытались на основе этих данных спрогнозировать латентную преступность. В принципе, результат был бы не хуже.

Ранее мы уже подробно разбирали коэффициент криминальной активности – что он собой представляет, и для каких целей используется.

Ошибка 4. Использование непригодного для прогнозирования метода. Подобно тому, как нельзя использовать линейное программирование для изучения скрытых явления, так же нельзя его использовать и для построения прогнозов.

Если уж вы решили строить прогноз, то нужно использовать пригодные для этого методы. Линейное программирование НЕ предназначено для построения прогнозов!

Ошибка 5. Неправильно определена целевая функция. НИИ ГП определило целевую функцию, как показатели раскрываемости преступлений.

Во-первых, так целевую функцию не определяют! Помните, как мы это делали для горшков и ваз: целевую функцию записывали в виде линейного уравнения. Если этого не сделать, как программное обеспечение будет определять область допустимых решений?

Во-вторых, причем тут раскрываемость? Вроде бы считают латентную преступность, а целевую функцию определяют показателями раскрываемости. И какие показатели раскрываемости имели в виду в НИИ ГП?

Раскрываемость, рассчитывается по формуле КР = РП / ЗП где, КР – коэффициент раскрываемости, РП – количество раскрытых преступлений (штук); ЗП – количество зарегистрированных преступлений (штук) в изучаемом периоде. Максимальное значение коэффициента раскрываемости составляет единицу в том случае если количество раскрытых преступлений равно количеству зарегистрированных РП=ЗП, а, следовательно, РП / ЗП = 1. Это в мечтах, на практике всегда меньше. Но дело не в этом.

Вопрос в том, как показатель раскрываемости может фигурировать в качестве целевой функции, если его максимальное значение равно единице и больше оно не станет, даже с помощью линейного программирования.

Если предположить, что в качестве показателя раскрываемости НИИ ГП взяло не коэффициент раскрываемости, а абсолютное число раскрытых преступлений, тогда возникает другая проблема. Зачем нам максимизировать или минимизировать число раскрытых преступлений? Это же не прибыль от продажи горшков! Нам это не нужно. Нам нужно чтобы раскрытых преступлений было ровно столько же, сколько и зарегистрированных. Больше – невозможно, меньше – не нужно.

Вот такое «матричное моделирование» в исполнении НИИ ГП.

Зато в этот раз нельзя обвинить ученых-юристов в пустом философствовании без применения математических методов! Математику в этот раз применяли, ещё и как применяли – больше 20 млн. латентных преступлений насчитали. Только способ использования «математической лопаты» оставляет желать лучшего. Вот и получается, что копать землю может кто угодно, а вот добывать полезные ископаемые –

далеко не все. Равно как и «применять» математику может любой…желающий, а получать по итогам «математических копаний» научные результаты – единицы.

Способ № 7. Факторный анализ. Сразу внесем ясность:

1. Научный коллектив НИИ ГП факторный анализ НЕ применял вообще, перепутав его с множественным корреляционно-регрессионным анализом (множественной регрессией), применить который, впрочем, также не удалось;
2. Ни факторный анализ, ни корреляционно-регрессионный анализ не предназначены для выявления скрытых процессов и явлений. У каждого из них свои, совершенно другие задачи.

В современной статистике под **факторным анализом** понимают совокупность методов, которые на основе реально существующих связей признаков (или объектов) позволяют выявить латентные обобщающие характеристики организационной структуры и механизма развития изучаемых явлений и процессов. Понятие латентности в определении ключевое. Оно означает неявность характеристик, раскрываемых при помощи методов факторного анализа. Вначале мы имеем дело с набором элементарных признаков X_j, их взаимодействие предполагает наличие определенных причин, особенных условий, т.е. существование некоторых скрытых факторов [30, с. 333].

Обратите внимание – выявление латентных **причин** явлений и процессов, а не выявление латентных явлений или процессов.

Методы факторного анализа разделяют на следующие классификационные группы:

1. Метод главных компонент (Г. Хотеллинг)
2. Методы факторного анализа:

2.1.1. Простые методы факторного анализа: Однофакторная модель Ч. Спирмена, Бифакторная модель Г. Хользингера; Центроидный метод Л. Тэрстоуна.

2.1.2. Современные аппроксимирующие методы: Групповой метод Л. Гуттмана и П. Хорста; Метод главных факторов Г. Томсона; Метод максимального правдоподобия Д. Лоули; Метод минимальных остатков Г. Хармана; α-факторный анализ К. Рао. [30, с. 338].

Научный коллектив НИИ ГП не применял факторный анализ по одной простой причине – т.к. не применялся ни один из методов факторного анализа. Нет методов факторного анализа – нет и самого факторного анализа.

НИИ ГП прямо указывает, что «на основе проведенного нами социологического исследования из всей совокупности социально-экономических факторов были выделены существенные» [30, с. 338]. Таким образом, существенные факторы определялись не с помощью факторного анализа, как было заявлено, а какими-то другими, вероятно, интуитивными способами. Какими именно – не уточняется.

Но если факторного анализа не было, то какой же метод измерения криминальной латентности скрывается за этим названием у НИИ ГП?

Названия этому методу еще не придумали, но по факту это представляет собой построение прогноза зарегистрированной преступности на основании корреляционно-регрессионного метода, а разница между данными прогноза и фактическими данными – и будет латентной преступностью. С помощью корреляционно-регрессионных методов, в принципе, можно делать прогнозы при правильной спецификации моделей, но исследователи из НИИ ГП об этом, видимо понятия не имеют, поскольку латентную преступность видят, как величину разницы между текущими значениями уровней ряда фактических данных и оцененных моделью, что в корреляционно-регрессионном анализе называется случайной ошибкой. Проще говоря, нам известно, например, число зарегистрированных преступлений в конкрет-

ном году, а по оценочному уравнению у нас получается другое число, относящееся к тому же году. Вот эту разность они считают латентной преступностью, но это просто ошибка аппроксимации в данной точке.

Но к великому сожалению, латентность в данном случае невозможно измерить с помощью корреляционно-регрессионного анализа, ровно как невозможно ее измерить с помощью факторного анализа и линейного программирования. Но обо всем по порядку.

Основные этапы измерения латентности методом «факторного анализа», как его представляет себе НИИ ГП:

Этап № 1. Социологическое исследование. Никаких данных об этапе исследования НИИ ГП не приводит.

Этап № 2. Выделение существенных факторов, детерминирующих преступность.

На основании «секретного» социологического исследования НИИ ГП выделило следующие существенные факторы, детерминирующие преступность: 1. Бедность значительной части россиян; 2. Материальное расслоение общества; 3. Негативные миграционные процессы; 4. Безработица; 5. Неэффективное функционирование механизмов социального контроля; 6. Правовой нигилизм; 7. Нравственный нигилизм; 8. Уровень психического здоровья населения; 9. Криминогенные аспекты психологического состояния общества; 10. Уровень алкоголизации населения; 11. Наркотизация населения.; 12. Безнаказанность за совершение преступлений и правонарушений; 13. Недостатки практики привлечения к ответственности за правонарушения и преступления; 14. Виктимогенность социальной жизни; 15. Низкая эффективность деятельности органов внутренних дел; 16. Недостатки правового регулирования общественных отношений.

Научный коллектив НИИ ГП утверждает, что «для каждого фактора определили количественные показатели, которые их характеризуют» [13, с. 101] (при этом для каждого фактора – не менее двух показателей). Стоит ли говорить, что ни одного показателя приведено не было. А некоторые факторы выразить количественно, мягко говоря, проблематично. Например, очень хотелось бы узнать, какими количественными характеристиками были выражены правовой и нравственный нигилизм, недостатки правового регулирования? Такие объясняющие переменные могут вводиться только как фиктивные (в виде нулей и единиц), но НИИ ГП уверяет, что дало им иную количественную оценку. Как именно – не понятно.

Также НИИ ГП не учло тот факт, что нельзя вводить в корреляционно-регрессионную модель переменные, одна из которых может быть линейно выражена через другую. Другими словами, если для расчета одной переменной используются данные другой переменной, то такие переменные вводить в модель нельзя.

В случае с НИИ ГП такими переменными будут, например, бедность и материальное расслоение, потому как для расчета материального расслоения обязательно нужно использовать данные о бедности. Или эффективность деятельности органов внутренних дел и безнаказанность за совершение преступлений, потому как эффективность правоохранительных органов выражается в числе раскрытых преступлений, а оставшиеся нераскрытые преступления – это и есть не что иное, как безнаказанность. Или НИИ ГП как-то по-другому считало эффективность и безнаказанность?

Важно отметить, что при увеличении числа объясняющих переменных автоматически увеличивается коэффициент детерминации, в независимости от того существенные или несущественные переменные включены в модель. В этой связи в моделях, включающих две и более объясняющие переменные нужно использовать не простой, а скорректированный коэффициент детерминации, включающий «штраф» за дополнительные переменные.

Также не проводилась проверка спецификации модели, например, с помощью теста Рамсея (или иного подходящего теста).

Также не был проведен тест на линейные ограничения. Т.е. не проведено сравнение качества длинной и короткой регрессии. Возможно, модель с меньшим количеством переменных давала бы более объективные результаты.

Этап № 3. Расчет парной корреляции между всеми возможными парами факторов.

Произведя указанные расчеты, НИИ ГП не установило сильных корреляционных зависимостей ни для одной пары факторов, и сделало вывод, что они не имеют взаимной корреляции и пригодны для включения в корреляционно-регрессионную модель [13, с. 102].

Хотя следовало бы провести проверку модели на мультиколлинеарность, например, с помощью коэффициента VIF (variance inflation factor). Этого никто не сделал.

И даже проведенная НИИ ГП «проверка» коэффициентов вызывает множество вопросов.

Судя по переменным, включенным в правую часть уравнения, между некоторыми переменными должна быть сильная корреляционная связь. Например, очень сомнительно, что алкоголизация и наркотизация населения взаимно не коррелированны. Давайте проверим. Ниже представлена таблица с данными по заболеваемости населения.

Таблица № 7

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Наркомания (взято под диспансерное наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом в отчетном году) на 100 000 человек населения	15,9	14,7	17,1	19,0	20,7	18,6	17,7
Алкоголизм и алкогольные психозы (взято под диспансерное наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом в отчетном году) на 100 000 человек населения	159,0	152,8	147,0	134,8	122,5	121,5	111,8

Рассчитанный по указанным данным коэффициент корреляции составляет **0,72**.

Это означает, что между исследуемыми переменными присутствует сильная положительная связь. А НИИ ГП пишет, что при расчете парной корреляции сильных связей не установлено [13, с. 102]. Как такое возможно?

Этап № 4. Построение многофакторной модели преступности.

Научный коллектив НИИ ГП **не** представил уравнение множественной регрессии вида: $\hat{y} = \alpha + \beta_1 x_1 + \beta_2 x_2 + \cdots + \beta_{16} x_{16} + \varepsilon$, которое является необходимым, поскольку из него мы видим, как объясняющие переменные влияют на объясняемую переменную.

Но основной вопрос даже не в том, что нет самого уравнения, а в том, зачем это уравнение вообще нужно в данном случае? Не понятно, для каких целей авторы пытались получить данное уравнение, которое может связывать только число зарегистрированных преступлений с детерминирующими факторами, а, следовательно, к объяснению латентной преступности данное уравнение не имеет никакого отношения, поскольку в исходную таблицу в столбец преступности они могут ввести только известные данные о числе зарегистрированных преступлений.

Кроме уравнения должны быть показаны ошибки коэффициентов регрессии, дана общая оценка значимости уравнения регрессии, показан скорректированный коэффициент детерминации, поскольку в модели более двух управляющих переменных.

Ничего из выше перечисленного сделано не было.

А уравнение множественной регрессии, между прочим, ключевой момент во всем корреляционно-регрессионном анализе. Нет уравнения – нет и анализа!

Этап № 5. Построение прогноза зарегистрированной преступности.

Результаты прогноза числа зарегистрированных убийств, построенного на основе корреляционно-регрессионного уравнения, были представлены, а вот как были получены эти самые результаты, никто не прописывает.

Этап № 6. Расчет латентной преступности на основании прогноза зарегистрированной преступности.

А вот на этом этапе происходит самое интересное – расчет латентной преступности.

Исследователи приводят следующую таблицу.

Таблица № 8

Годы	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
Уровень зарегистрированных убийств (ст. 105-108УК РФ)	34247	32929	32342	32213	31451	27977	22767	20546	18164
Уровень убийств, рассчитанный на основе многофакторной модели	34247	35667	37167	38667	40167	41667	43200	44600	46200

Разница между прогнозируемыми показателями (оцененными по регрессионному уравнению) и зарегистрированными показателями умышленных убийств, выдается за уровень латентной преступности, а это абсурд – ошибка аппроксимации выдается за латентное число преступлений!?

Очень интересно: данные брали только по зарегистрированной преступности, детерминанты подбирали тоже только по зарегистрированной, прогноз строили опять же таки только для зарегистрированной преступности, а на выходе – вуаля – получили латентную преступность. С таким же успехом можно налить в кастрюлю воды, кинуть туда капусту и картошку, варить это всё пол часа, а потом, открыв крышку, надеяться увидеть там не щи, а, например, азу из кролика. Откуда у вас в кастрюле возьмется кролик, ели вы его туда не положили? Надо сначала поймать кролика, а уже потом готовить из него азу. А не выдавать щи за азу.

Также и с преступностью: сначала надо научится считать латентную преступность, а уже потом строить ее прогнозы. А не выдавать прогноз зарегистрированной преступности за прогноз латентной преступности.

Ещё раз обозначим, что корреляционно-регрессионный анализ не предназначен для выявления каких бы то ни было латентных явлений. Его основная задача – количественное описание связей между переменными. Причем между уже известными переменными. Если переменные неизвестны, то провести корреляционно-регрессионный анализ не получится по той простой причине, что отсутствуют данные для его проведения.

Если мы хотим количественно описать связь между латентной преступностью и какими-то факторами (степень неравенства распределения доходов, количество лиц без постоянного источника дохода или др.), то нам понадобятся данные по латентной преступности и данные по этим факторам. Т.е. сначала надо научиться считать латентную преступность, а уже потом проводить анализ ее данных, но не наоборот. К сожалению, и посчитать латентную преступность с помощью корреляционно-регрессионного анализа не получится.

В результате НИИ ГП получило не очень хороший прогноз зарегистрированных убийств. А вычитая из числа прогнозируемых убийств число зарегистрированных –

получило отклонение свое прогноза от фактически имеющихся данных, т.е. показатель качества своего прогноза. Но никак не латентную преступность.

Подведем итоги. **Ошибки, допущенные НИИ ГП при попытке измерения латентной преступности при использовании корреляционно-регрессионного анализа:**

1. Не представлено уравнение множественной регрессии вида: $\hat{y} = \alpha + \beta_1 x_1 + \beta_2 x_2 + \cdots + \beta_{16} x_{16} + \varepsilon$.

2. Не показаны ошибки коэффициентов регрессии, не дана общая оценка значимости уравнения регрессии, не показан скорректированный коэффициент детерминации, поскольку в модели более двух управляющих переменных.
3. Не проведена проверка спецификации модели, например, с помощью теста Рамсея (или иного подходящего теста).
4. Не проведен тест на короткую и длинную регрессию.
5. Не показана проверка модели на мультиколлинеарность, например, с помощью коэффициента VIF (variance inflation factor).
6. Не указано, на каких данных строится модель множественной регрессии – пространственных, временных рядах или панельных данных, сочетающих в себе пространственные данные и временные ряды.
7. Ввели в корреляционно-регрессионную модель переменные, одна из которых может быть линейно выражена через другую.

Вот такой как бы «факторный анализ» в исполнении НИИ ГП.

Способ № 7. Анализ цикличности динамики преступности.

Суть метода заключается в выявлении определенной цикличности в динамике зарегистрированной преступности.

Как выявление этой самой цикличности помогло НИИ ГП в измерении латентной преступности не знает и само НИИ ГП, поскольку ничего по этому поводу в своем исследовании не указывает.

НИИ ГП выделяет какие-то циклы зарегистрированной преступности. И всё.

Но кроме бесполезности этого действия в плане измерения латентной преступности, интерес вызывает ещё и то, как выделялись эти самые циклы.

Относительно механизма, который лежит в основе цикличности, НИИ ГП выдвигает две гипотезы [13, с. 107].

Гипотеза № 1. Снижение преступности, не обусловленное предпосылками, может рассматриваться, как случайное (в отличие от необходимого).

Великолепная гипотеза о случайном, т.е. ничем не объясненном снижении преступности. Опустим тот факт, что у каждого следствия есть своя причина. И тот факт, что мы пока не выявили эту причину, не означает, что причина отсутствует вовсе. Буквально две страницы назад мы читали о том, что НИИ ГП провело социологическое исследование, и на его основе выделило целых 16 существенных факторов, детерминирующих преступность, а тут рост преступности стал «случайным», ничем не обусловленным явлением. Применительно к уравнению регрессии всё случайное списывается в случайный член, записанный в конце уравнения, а влияние неучтенных факторов списывается в свободном члене.

Гипотеза № 2. Реальные тенденции преступности соответствуют ее тренду, который представляет собой относительную ровную линию, без всяких зигзагов.

«Потом я открыл ещё, что собаки весной траву кушают подобно овцам и что кофей для полнокровных людей вреден, потому что производит в голове головокружение, а в глазах мутный вид и тому подобное прочее» [35].

Оказывается, живы потомки Семи-Булатова.

Научная гипотеза: «реальные тенденции преступности соответствуют ее тренду» [13, с. 108]. «Captain Obvious»[15] ещё плыть да плыть до таких горизонтов…

При выдвижении этой «научной гипотезы» никого не смутил тот факт, что тенденция = тренд. Тенденция – это русский перевод английского слова ***trend.*** Откройте любой словарь по статистике [40, с. 678], любую книгу, посвященную статистике [29, с. 1043], и вы увидите, что эти два термина используются как тождественные: тренд (тенденция) или тенденция (тренд).

Как тенденция может не соответствовать тренду, если это одно и то же?

Научная гипотеза: «тренд представляет собой относительно ровную линию, без всяких зигзагов».

Я даже знаю источник этой научной гипотезы и, нет, это не вдохновение, а словарь терминов в учебнике по статистике: «тенденция (тренд) для временного ряда – очень долгосрочное поведение исследуемого временного ряда; как правило, отображается в виде прямой линии или экспоненциальной кривой» [29, с. 1043].

Но нельзя сказать, что все «научные гипотезы» были просто списаны из учебников и словарей – есть кое-что новенькое и для статистиков: «тренд обладает относительной упругостью: он сопротивляется попытке опустить его вниз и при первой же возможности, как пружина, распрямляется» [13, с. 108].

Тренд (тенденция) – это движение значений переменной в одном направлении в течение некоторого периода времени [40, с. 678]. Т.е. тренд просто отражает направленное движение какой-либо переменной. Например, у нас есть показатели зарегистрированной преступности за 10 лет, которые увеличивались в течение всего этого периода. Значит, имеет место положительный тренд (тенденция) преступности.

Кто пытался опустить тренд у НИИ ГП, и как этот тренд сопротивлялся? Не известно… Но на основании именно этих двух гипотез НИИ ГП выявляло цикличность в динамике зарегистрированной преступности.

Итак, мы разобрали основные «способы» измерения латентной преступности, которые применяло НИИ ГП. Естественно, что после этого критического разбора возникает закономерный вопрос о качестве данных криминальной латентности, полученных такими методами.

Неудивительно, что коэффициент латентности, выводимый по результатам работы НИИ ГП не имеет точной методики расчета. В разных частях своей работы НИИ ГП приводит различные формулы коэффициента латентности, расчеты по которым приведут к различным результатам. Мы обнаружили как минимум две странные формулы, не имеющие никакого отношения к измерению латентной преступности: $К_Л = \frac{Ф}{Р}$, где $К_Л$ - коэффициент латентности, Ф – фактическая преступность, Р – зарегистрированная преступность; $К_Л = \frac{КП_Ш}{КП_Р}$, где $К_Л$ – коэффициент латентности, $КП_Ш$ - коэффициент преступности Швеции, $КП_Р$ – коэффициент преступности России. Какую именно формулу считать корректной – не указывается. Неудивительно, что выводы, которые пытались сделать исследователи НИИ ГП на основании полученных данных, неверны.

[15] Капитан очевидность

Так, например, НИИ ГП была установлена обратная зависимость между зарегистрированной и латентной преступностью: «На графике эта зависимость хорошо просматривается: там, где зарегистрированная преступность идет вниз, угол подъема латентности особенно велик, а там, где зарегистрированная преступность резко идет вверх, угол подъема латентности уменьшается» [13, с. 9].

Давайте проверим, существует ли связь между зарегистрированной преступностью и латентной преступностью (рассчитанной НИИ ГП).

Таблица № 9

Годы	Зарегистрированная преступность [21]	Латентная преступность [13, с. 9]
2001	2 968 000	19 300 000
2002	2 526 000	20 500 000
2003	2 756 000	20 600 000
2004	2 893 000	20 500 000
2005	3 554 000	20 200 000
2006	3 855 000	20 400 000

Рассчитанный по указанным данным коэффициент корреляции составляет **0,008**.

Это означает, что между исследуемыми переменными связь отсутствует вообще.

А ведь на основании этой якобы существующей зависимости была выдвинута целая теория о фальсификации официальных данных зарегистрированной преступности.

Своё научное исследование НИИ ГП подытоживает следующим словами: «Думается, что мы почти на 100% использовали возможности современной науки и потенциал нашего исследовательского коллектива. Как говорили древние, мы сделали все, что могли. Кто может, пусть сделает лучше» [13, с. 20].

Что касается максимального использования потенциала исследовательского коллектива, то спорить не будем – раз НИИ ГП само говорит, что на большее этот коллектив не способен. А вот утверждению о 100% использовании НИИ ГП возможностей современной науки суждено перейти в разряд «утраченных иллюзий» [3].

Следующая часть статьи будет посвящена как раз вопросу о том, как сделать лучше.

Закон «постоянных соотношений» Адольфа Кетле.

Адо́льф Кетле́ (22 февраля 1796, Гент — 17 февраля 1874, Брюссель) — бельгийский математик, астроном, метеоролог, социолог. Один из родоначальников научной статистики. Он сыграл особую роль в становлении и развитии криминологии, не обойдя своим вниманием в числе прочего и латентную преступность. К сожалению, разработать механизм измерения латентной преступности А. Кетле не смог или просто не успел ввиду широкого спектра своих научных интересов, но он ближе всех подобрался к разрешению этой загадки.

Так А. Кетле предполагал, что существует почти неизменное соотношение между преступлениями зарегистрированными и судимыми и всей нам неизвестной суммой совершенных преступлений [16].

Соотношение – мера относительной величины двух количеств или двух чисел одного рода (предметами, действиями, явлениями, свойствами (признаками), понятиями, объектами, например, людьми, чайными ложками, единицами чего-либо одинаковой размерности). Соотношение записывается в виде двоеточия. Например, если в классе 10 девочек и 20 мальчиков, то соотношение девочек к мальчикам есть 20:10 или 2:1. Соотношения могут быть записаны в виде дробей или процентов.

Таким образом, А. Кетле предполагал, что зарегистрированные преступления, судимые преступления и фактические преступления (с учетом латентных) должны почти неизменным образом соотносится между собой. То есть Кетле хотел найти своего рода число подобное числу **π**, только для преступности. В современной уголовной статистике ближе всего к понятию судимые преступления является понятие – раскрытые преступления.

Проверка этого предположения дает следующие результаты.

1. Найти соотношение судимых преступлений и фактических преступлений или соотношение зарегистрированных преступлений и фактических преступлений невозможно, поскольку для этого нужно уметь измерять латентную преступность. Т.е. сначала нужно научиться считать латентную преступность, а уже потом вычислять соотношение зарегистрированных преступлений и фактических преступлений (зарегистрированные + латентные), а не наоборот.
2. Соотношение между зарегистрированными преступлениями и судимыми преступлениями вычислить можно, но никакой неизменной величины или даже почти неизменной величины мы не получим – результат для каждого года (отчетного периода) всегда будет разный.

На это обратили внимание криминологи, например, Г. Шнайдер пишет: «Прошло немало времени, прежде чем «закон постоянных соотношений» был признан ложным [39, с. 125]». Но даже если бы соотношение между зарегистрированными преступлениями и судимыми преступлениями было постоянным, что это дало бы исследователю в плане измерения латентной преступности?

С числом π всё понятно – с его помощью можно вычислить длину окружности, зная её диаметр или можно вычислить диаметр, зная длину окружности.

$\pi=\frac{C}{d}$, где С – длина окружности, а d – диаметр окружности, следовательно $C= \pi d$, $d = \frac{C}{\pi}$.

Следовательно, найдя неизменное соотношение зарегистрированных и судимых преступлений, мы смогли бы вычислять зарегистрированные преступления через судимые, а судимые преступления через зарегистрированные. Но в измерении латентной преступности это нам бы никак не помогло.

А. Кетле хотелось, чтобы с преступностью всё было также просто и понятно как с окружностью и диаметром, но здесь дело обстоит немного сложнее.

Многое в мире – величины переменные (в том числе и преступность), задача науки – устанавливать неизменные законы и устойчивые закономерности, по которым изменяются эти переменные величины. Если вы не сумели установить это самое правило, по которому изменяется переменная, то это не значит, что этого правила нет вовсе. Это значит, что вы или кто-то другой его пока не установили.

Если бы А. Кетле не фокусировался на поиске именно неизменного соотношения, некой константы… Если бы Кетле догадался, что искать нужно не неизменное соотношение переменных, характеризующих преступность, а неизменное правило, по которому эти переменные изменяются… Если бы А. Кетле догадался, какие именно переменные, и каким образом нужно «увязать» между собой, чтобы получить величину, характеризующую латентную преступность…

«Ах если бы, ах если бы – не жизнь была, а песня бы» ещё в 19 веке.

Но, к сожалению, в 19, как и в 20 веке, этот вопрос оставался неразрешенным.

А. Кетле отмечал, что «это отношение необходимо, и повторяю, если бы оно не существовало в действительности, то всё до сих пор установленное на основании данных уголовной статистики было бы ложным и бессмысленным. Понятно, насколько важно установить подобное соотношение, и приходится только удивляться, что ему не уделяется должного внимания [16]».

Одну лишь поправку внесло время в это утверждение – нам необходимо не постоянное отношение переменных, а постоянное правило, по которому изменяются эти переменные. До недавнего времени этому вопросу действительно не уделялось должного внимания. Но всё изменилось в 2019 году.

Мультипликатор латентности профессора С.Г. Олькова [24, с. 4-14]**.**

Сразу отметим один интересный момент. Профессор С.Г. Ольков, проводил свои исследования в области латентности абсолютно обособленно от идей А. Кетле. Собственно говоря, С.Г. Ольков, возможно, к своему стыду, и не слышал про закон постоянных соотношений Кетле до момента прочтения этой статьи. Хотя скорее к радости, ведь эта осведомленность могла повести его по ложному пути. Определенная схожесть взглядов А. Кетле и С.Г. Олькова в вопросе измерения криминальной латентности была подмечена автором этих строк.

Эта схожесть взглядов А. Ктеле и проф. С.Г. Олькова на наш взгляд заключалась в том, что должна быть некая связь между зарегистрированной преступностью и фактической преступностью (зарегистрированная + латентная).

Принципиальная же разница вкладов двух ученых состоит в том, что А. Кетле высказал лишь предположение о возможности существования соотношения зарегистрированной и фактической преступности, а профессор С.Г. Ольков это соотношение установил, математически точно описал, и апробировал на эмпирических данных.

Профессора С.Г. Олькова проблема латентной преступности, вообще говоря, интересовала меньше всего, но так случилось, что он разрабатывал теорию политических режимов [25, с. 57-74], а там есть переменная, характеризующая общественное насилие – это и есть, в сущности, мультипликатор латентности. То есть сначала проф. С.Г. Ольков разработал теорию политических режимов, а уже из этой теории плавно «выплыл» мультипликатор латентности.

Основные научные результаты, полученные проф. С.Г. Ольковым в ходе его научных изысканий в области криминальной латентности: 1. Основное криминологическое тождество; 2. Мультипликатор латентности.

Оба этих результата представляют собой универсальный инструментарий измерения латентной преступности, которые не имеют пространственных и временных границ. Почти как у Булгакова: «мы пойдем сейчас через пространство вовремя…». Наверное, вы посмеетесь, и ответите: «Такой опыт можно сделать только с разрешения милиции» [5]». А еще возразите, что юриспруденция имеет жесткую привязку к национальному законодательству, и что «русскому – хорошо, то немцу – смерть». Но, оказывается, что юриспруденция не такая уж и «крепостная крестьянка», прикрепленная барином к строго очерченному наделу земли. С приходом в юриспруденцию точной научной методологии, с использованием математического аппарата, становится очевидным универсальность законов (не в юридическом, а скорее в физическом смысле) подчиняющих себе правоотношения. Сейчас на примере измерения латентной преступности мы разберем с вами один из таких универсальных «юридических» законов.

Так проф. С.Г. Ольков отмечает, что число зарегистрированных преступлений есть по существу выборочная сумма преступлений относительно генеральной их совокупности (от лат. ***generis*** – общий, родовой). Следовательно, формально логически генеральная совокупность не может быть меньше выборки, и превышает её на величину латентной части преступности. Напомним, что латентной является та часть преступности, которая по соответствующим причинам, исследуемым в криминологической литературе, не попала в официальную статистическую отчетность [24, с. 4-14]».

Основное криминологическое тождество С.Г. Олькова:

$\mathbf{C = R + L}$ (№1), где С – показатель запаса – абсолютное число совершенных на территории S за время Δt преступлений (приобретенных товаров преступлений); **R** – абсолютное число зарегистрированных преступлений на той же территории за то же время; **L** – абсолютное число латентных (незарегистрированных) преступлений на той же территории за то же время.

Вроде бы всё просто, даже слишком просто, если не сказать – очевидно. Но вот этой коротенькой формулой из трех переменных прекращаются многолетние криминологические дискуссии о понятиях фактической, зарегистрированной и латентной преступности. Вот оно понятие, выраженное максимально точно и ясно в виде формулы.

Мультипликатор латентности С.Г. Олькова: $\boldsymbol{\beta = \frac{R}{W}}$, где $\boldsymbol{\beta}$ - мультипликатор латентности, **R** – число зарегистрированных преступлений, $\boldsymbol{W}$ – число физических лиц, осужденных за совершение преступлений.

Вводя этот мультипликатор проф. С.Г. Ольков делает реалистичное допущение о том, что ВЧП (валовое число преступлений) зависит от числа действующих на данной территории S в данный период Δt преступников, число последних нам точно неизвестно. Реалистичное – это очень мягко говоря, это и допущением то назвать можно с трудом, скорее очевидным фактом – преступление без преступника вряд ли возможно.

Вот тут еще одно принципиальное отличие от А. Кетле, который пытался найти неизменное соотношение между двумя видами преступлений – зарегистрированными и судимыми (которое как мы уже писали никакой пользы для измерения латентности не несет), про количество преступников речь вообще не шла.

Ясно, что $\beta = 1$ тогда и только тогда, когда за каждое зарегистрированное преступление осуждено ровно одно физическое лицо: $R = W$. Если $R > 1$, то и $\beta > 1$, что свидетельствует в пользу того, что на свободе остались активно действующие преступники еще не осужденные за совершенные ими преступления, и продолжают заниматься преступной деятельностью, увеличивая массив преступлений, которые как попадают в статистическую отчетность, так и остаются латентными.

Понятно, что преступления могут совершаться и группами, то есть одно преступление совершают несколько человек, но и одно лицо может совершить несколько преступлений, поэтому число осужденных и число зарегистрированных преступлений в среднем взаимно уравновешиваются, и можно говорить, что в среднем идеальное соотношение числа зарегистрированных преступлений к числу осужденных равно единице, откуда ВЧП:

$\boldsymbol{C = \beta R = 1 \cdot R = R}$. Однако в реальности число осужденных всегда меньше числа зарегистрированных преступлений: $W < R$, а, следовательно, $\beta > 1$.

Поскольку $C = \beta R$, а $\beta = \frac{R}{W}$, то $C = \frac{R}{W}R \Longrightarrow C = \frac{R^2}{W}$, откуда $R = \sqrt{CW}$.

Из основного криминологического тождества легко получить формулу для числа латентных преступлений:

$\boldsymbol{L = \frac{R^2 - RW}{W}}$, поскольку: $L = C - R$, откуда $L = \frac{R^2}{W} - R \Longrightarrow L = \frac{R^2 - RW}{W}$.

Наверное, в этом месте у вас возникли вопросы типа: откуда взялся этот мультипликатор латентности $\boldsymbol{\beta}$? Как так получилось, что ВЧП было $\mathbf{C = R + L}$, а стало

$C = \beta R$? Неужели это всё появилось только из «реалистичных допущений» С.Г. Олькова? Отнюдь. Для самых любознательных расписываем подробно алгоритм получения итоговых формул.

Обратим внимание, что в записи $C = R + L$ мы явно полагаем, что коэффициенты при переменных в правой части функции равны единицам, но в общем случае это не так, поскольку $C = f(R, L)$. Положим, что ВЧП выражается через переменные в правой части уравнения линейно: $C = \beta_1 R + \beta_2 L$ (№1.1), где параметры при переменных бета один и бета два произвольные положительные числа, откуда латентное число преступлений: $L = \frac{C - \beta_1 R}{\beta_2}$. Очевидно, что $L = C - R$ только тогда, когда $\beta_1 = \beta_2 = 1$, и только в этом случае частные производные функции №1.1 равны единице: $\frac{\partial C}{\partial R} = 1$; $\frac{\partial C}{\partial L} = 1$. В общем же виде: $\frac{\partial C}{\partial R} = \beta_1$; $\frac{\partial C}{\partial L} = \beta_2$, которые отвечают на вопрос, насколько в абсолютном выражении изменяется валовой показатель преступности при изменении на единицу измерения соответственно, либо числа зарегистрированных, либо латентных преступлений при фиксированном значении либо переменной *R*, либо переменной *L*.

Преступность, как и её структурные составляющие – это величина запаса, то есть определяется за какой-то произвольный период времени. Валовое число преступлений (ВЧП) можно выразить в долях от составляющих относительно ВЧП: $C = \alpha C + (1 - \alpha)C$, где $R = \alpha C$, $L = (1 - \alpha)C$ (№2).

Абсолютное число зарегистрированных преступлений нам всегда точно известно на определенную дату, поскольку организован соответствующий статистический учёт, но нам неизвестно число латентных преступлений, а, следовательно, и валовое число совершенных преступлений.

Поскольку ВЧП или ВПП (валовой показатель преступности) является функцией от образующих его переменных: $C = f(R, L) \Longrightarrow C = R + L$, постольку с учетом формулы №2 ВЧП можно выразить, как линейную функцию от известной нам переменной *R*, получив аппроксимирующую линейную зависимость: $\boldsymbol{C = \beta R}$, где β – эмпирический мультипликатор латентности, учитывающий скорость изменения латентной преступности: $\beta = \beta_1 + \beta_2$, показывающий, насколько в абсолютном выражении изменяется ВЧП при изменении числа регистрируемых преступлений на единицу – одно зарегистрированное преступление. Очевидно, $\beta \geq 1$. Если $\beta = 1$, то $C = R$, а $L = 0$. То есть ВЧП равен числу зарегистрированных преступлений, а латентная преступность отсутствует: $C = R + L = R + 0 = R$, что имеет чисто теоретическое значение.

Поскольку $C = \beta R = \frac{R}{W} R \Longrightarrow C = \frac{R^2}{W}$, откуда $R = \sqrt{CW}$.

Из основного криминологического тождества легко получить формулу для числа латентных преступлений: $L = \frac{R^2 - RW}{W}$, поскольку: $L = C - R$, откуда $L = \frac{R^2}{W} - R \Longrightarrow L = \frac{R^2 - RW}{W}$.

Предвосхищаем появление возможных замечаний критической направленности вида: При расчете мультипликатора латентности $\boldsymbol{\beta}$ лучше учитывать не просто осужденных лиц, а лиц осужденных к лишению свободы. Ведь лицо, не осужденное

к лишению свободы, не лишено абсолютно возможности к совершению новых преступлений.

Отвечаем: такой вариант расчета мультипликатора латентности недопустим, и его применение приведет к необоснованному многократному увеличению показателя криминальной латентности. Его применение возможно только в том случае, если мы допускаем, что все остальные виды наказания, кроме лишения свободы, не оказывают вообще никакого сдерживающего влияния ни на одного преступника. Но это противоречит закону возрастающей предельной полезности уголовных наказаний (ЗВППУН) [26, с. 14-31] и попросту не соответствует действительности. Волей не волей сдерживающий эффект всё равно присутствует – преступник всё равно находится под наблюдением, пусть не 24 ч. в сутки, но всё же.

В противном случае мы получили бы просто астрономические цифры латентных преступлений, приведенные ниже в таблице. Например, в 2006 году мы получили бы **43 706 371** только латентных преступлений или 47 561 744 фактических преступлений. В 2006 году население России составляло 143 200 000[34], а население старше 15 лет составляло 121 719 000. Следовательно, каждый третий (143 200 000 / 47 561 744 = 3) или почти каждый второй (121 719 000 / 47 561 744 = 2,5) гражданин Российской Федерации **каждый год совершает преступление**, что не соответствует действительности. Иначе правоохранительная система просто не справилась бы с таким объемом преступности.

Криминологи очень любят говорить, что все люди в течение своей жизни совершают то или иное преступление, в подтверждение обычно приводятся данные социологических опросов. Но здесь речь идет не о том, что каждый второй гражданин РФ **раз в жизни** совершил преступление, а том, что каждый второй гражданин РФ **каждый год регулярно** совершает как минимум одно преступление.

Таблица № 10

	Всего зарегистрировано преступлений[21]	**Всего осуждено[31]**	**Осуждено к пожизненному лишению свободы и реальному лишению свободы на определенный срок[31]**	**Число латентных преступлений, рассчитанное с учетом:**	
				всех осужденных	**осужденных к реальному лишению свободы**
2003	2 756 398	773 920	252 134	7 060 805	27 377 300
2004	2 893 810	793 918	257 373	7 654 051	29 643 155
2005	3 554 738	878 893	306 905	10 822 623	37 618 140
2006	3 855 373	909 921	312 518	12 480 002	43 706 371
2007	3 582 541	916 566	301 496	10 420 379	38 987 178
2008	3 209 862	925 166	312 204	7 926 749	29 791 682
2009	2 994 820	892 360	289 275	7 055 997	28 010 095
2010	2 628 799	845 071	265 909	5 548 720	23 359 732
2011	2 404 807	782 274	227 114	4 987 867	23 058 602

2012	2 302 168	739 278	206 320	4 866 958	23 385 974
2013	2 206 249	735 340	209 795	4 413 185	20 995 136
2014	2 190 578	719 297	209 515	4 480 702	20 712 947
2015	2 388 476	734 581	211 486	5 377 608	24 586 442
2016	2 160 063	741 329	206 466	4 133 866	20 438 680
2017	2 058 476	697 054	200 290	4 020 427	19 097 465
2018	1 991 532	658 291	190 393	4 033 463	18 840 115

1. При расчете мультипликатора латентности $\boldsymbol{\beta}$ вместо осужденных лиц лучше учитывать раскрытые преступления.

Отвечаем: не то что не лучше, а в корне не верно. Ведь раскрытое преступление далеко не всегда означает осуждение лица его совершившего. Дело может быть раскрыто, а преступник остается на свободе. Это очень хорошо видно из статистических данных: раскрытых дел всегда больше чем осужденных лиц. Поэтому использование для расчета мультипликатора латентности $\boldsymbol{\beta}$ числа раскрытых дел, вместо осужденных лиц приведет необоснованному существенному занижению показателя латентных преступлений.

2. При расчете мультипликатора латентности $\boldsymbol{\beta}$ вместо осужденных лиц лучше учитывать число выявленных лиц или число лиц, в отношении которых судами рассмотрены уголовные дела.

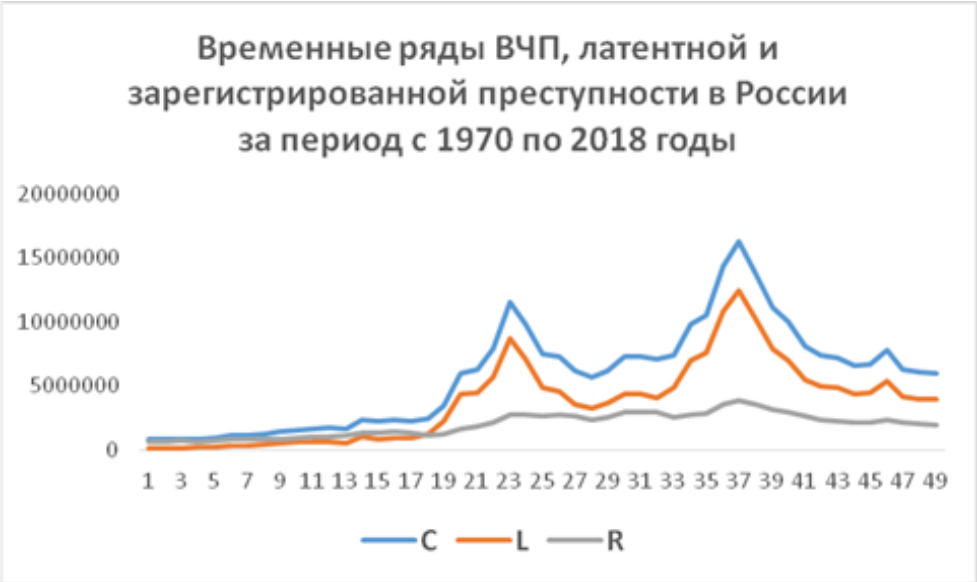
Отвечаем: это также приведет к искажению реальной картины криминальной латентности, т.к. указанные категории лиц включают в себя том числе: оправданных лиц; лиц, дела, в отношении которых прекращены по реабилитирующим основаниям (за отсутствием состава, события, непричастности к преступлению); осужденных лиц; лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены, применены принудительные меры к невменяемым.

Эмпирическая апробация мультипликатора латентности проф. С.Г. Олькова.

Обратимся к эмпирическим данным – возьмём число зарегистрированных преступлений и число осужденных за 1970 год. В 1970 году в РСФСР было зарегистрировано 693 552 преступления, и осуждено за их совершение 554589 человек. Мультипликатор латентности: $\beta_{1970} = \frac{693552}{554589} = 1{,}25$, откуда ВЧП: $C_{1970} = 1{,}25 \cdot 693552 = 866940$ преступлений; число латентных преступлений определим из основного криминологического тождества: $L_{1970} = C - R = 866940 - 693552 = 173388$ преступлений или в процентном выражении: $L_{1970} = \frac{173388}{866940} \cdot 100 = 20\%$ от ВЧП и $\frac{173388}{693552} \cdot 100 = 25\%$ от числа зарегистрированных.

Проведенные проф. С.Г. Ольковым эмпирические испытания его мультипликатора латентности дали очень хорошие результаты. Динамика временных рядов (с 1970 по 2018 годы) латентной и зарегистрированной преступности очень хорошо согласуется с историческими событиями нашей Родины.

Рис. №1. Временные ряды валового показателя преступности, латентной и зарегистрированной преступности в России за период с 1970 по 2018 годы.

Из таблицы и графика наглядно видно, что максимальный уровень преступности в России имел место в 2006 году и составил 16335752 преступления, что было вызвано наличием высокого значения мультипликатора латентности $\beta_{2006} = 4{,}24$.

Рис. №2. Временные ряды латентной и зарегистрированной преступности в России за период с 1970 по 2018 годы.

Видно, что в советский период с 1970 по 1986 годы уровень латентной преступности был ниже, чем уровень зарегистрированных преступлений, и положительный тренд был несильно выражен, а с 1987 года начался бурный рост латентной преступности, связанный с выходом социальной системы «Россия» из состояния равновесия.

Уравнение тренда латентной преступности за период с 1970 по 1986 годы: $L = 9860 + 56523t$ (коэффициент аппроксимации $R^2 = 0{,}92$).

Рис. №3. Временной ряд латентных преступлений в России за период с 1970 по 1986 годы с линейным уравнением тенденции и коэффициентом аппроксимации

Из уравнения тенденции следует, что в среднем ежегодно число латентных преступлений росло в России от начала отсчета со скоростью 56523 штуки в год. Однако, судя по динамике латентной преступности, социальная система «Россия» еще не находилась в зоне турбулентности, в которую начала входить с 1987 года, когда уровень латентной преступности стал превышать уровень зарегистрированной преступности.

Рис. №4. Временной ряд латентной преступности в России за период с 1987 по 2018 годы с линейным трендом и коэффициентом аппроксимации.

Из графика временного ряда наглядно видно, что социальная система «Россия» вышла из состояния равновесия. Коэффициент аппроксимации линейной функцией ухудшился по сравнению с периодом от 1970 до 1986 года в 26,5 раза: $\frac{0,9199}{0,0347} = 25,6$. Отчетливо видно, что латентная преступность стала испытывать значительные колебания с сохранением несильного положительного тренда.

Таким образом, зная число зарегистрированных преступлений и число осужденных, мы можем легко и просто посчитать уровень латентной преступности в любом государстве за любой период времени, вне зависимости от особенностей действующего законодательства.

Вот они наши «рыбки в пруду», наша «подводная часть айсберга», наше «тёмное число», выхваченное ярким лучом математики из гуманитарного мракобесия.

И не нужно дорогостоящих, трудоёмких и длительных исследований, которые сводятся, по существу, к социологическому опросу, и могут дать нам лишь сомнительные данные о латентности только за прошедший период. Причем каждый раз придется снова и снова считать латентные преступления вручную (буквально поштучно).

Давайте же не будем вылавливать каждый раз всю рыбу из пруда, чтобы её посчитать, а воспользуемся методом двойного отлова.

Давайте же не будем на глаз оценивать величину подводной части айсберга или устанавливать её эмпирическим путём (пожалеем водолазов), а воспользуемся имеющейся формулой для ее расчета.

Давайте же не будем каждый раз вручную считать все преступления, а воспользуемся имеющимся уже современным научным инструментарием для измерения латентной преступности – мультипликатором латентности проф. С.Г. Олькова.

Список литературы

1. Аванесов Г.А. Криминология. — 2-е изд. — М., 1984. — С. 177.
2. Алексеев А. И., Роша А. Н. Латентная преступность и эффективность деятельности правоохранительных органов // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1973. Вып. 19;
3. де Бальзак О. Утраченные иллюзии О. де Бальзак – «Эксмо», 1837-43.
4. Булатов Г., Майоров Н. Показательность данных головной статистики // Вестник МГУ. Право. 1969. 3. С. 59;
5. Булгаков М.А. Иван Васильевич / М.А. Булгаков – «наследники Булгакова М.», 1965
6. Вицин С.Е. Моделирование в криминологии. М., 1973.
7. Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондратюк Л. В. Латентная преступность. М., 1995;
8. География. Современная иллюстрированная энциклопедия. — М.: Росмэн. 2006. Под редакцией проф. А. П. Горкина.
9. Единая межведомственная информационно-статистическая система ЕМИСС. Официальный сайт: https://www.fedstat.ru
10. Захаревич Ф. Опыт юридической статистики // Журнал министерства внутренних дел. – 1853. Ч. 41. – С. 258
11. Иншаков С.М. Зарегистрированная и фактическая преступность в Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ . - 2007. - № 1(1). – С. 42-45.
12. Иншаков С.М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - № 1(16). – 2009. – С. 107-130.
13. Иншаков С.М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под редакцией С.М. Иншакова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. – 839с.
14. Кардополова Ю.Ф. Преступность стран мира: уровень, динамика, структура преступности и осужденных: Стат. Сб. 3-е изд., исп. и доп. / Под общ. ред. Ю.Ф. Кардополова / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2002. 306 с.
15. Камин А.Л. Физика. Развивающее обучение. Книга для учителей. 7-й класс. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2003. – 352с.
16. Кетле А. Социальная форма или опыт исследования о развитии человеческих способностей. Т. II. Киев, 1913. С. 193.
17. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение / Под редакцией К.К. Горяинова. – М.: Норма, 2008. – 272 с.
18. Конев А. А. Преступность в России и ее реальное состояние. Н. Новгород, 1993;

19. Крылов И.А. Басни / Издательское предприятие «МИША». – 1991г.
20. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: https://mvd.ru/folder/101762
21. Ольков С.Г. Откровенный разговор о юридической науке: значение и недостатки отрасли// Российский криминологический взгляд. – 2007. - №2. - С. 117-127.
22. Ольков С.Г. Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции) Часть I-II./Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2013.
23. Ольков С.Г. Основное криминологическое тождество, измерение латентной преступности в мире и России // Извести высших учебных заведений. Уральский регион. - № 4. – 2019. – С. 4-14.
24. Ольков С.Г. Математические начала теории политических режимов с практическими приложениями по России за период с 1970 по 2017 годы //Публичное и частное право, 2019, №1. С. 57-74.
25. Ольков С.Г. Доказательство закона возрастающей предельной полезности уголовных наказаний и инверсии субъекта в функциях совокупной и предельной полезности этих наказаний. Законы спроса и предложения преступности // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2017. - № 3. – С. 14-31.
26. Панкратов В. В. Косвенные методы изучения преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967. С. 7.
27. Сио К.К. Управленческая экономика: Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М,2000.-671с.
28. Сигел Э. Практическая бизнес-статистика. : Пер. с англ. – М. : Издательский дом «Вильямс», 2002. – 1056 с.
29. Сошникова Л.А. Тамашевич В.Н., Уебе Г., Шереф М. Многомерный статистический анализ в экономике : Учеб. пособие для вузов/Под ред. проф. В.Н. Тамашевича. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.-598с.
30. Судебный департамент при Верховном суд РФ. Официальный сайт. http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074
31. Танасевич В. Г., Шрага И. Л., Орлов Я. В. Проблемы выявления хищений социалистического имущества // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1975. Вып. 23. С. 48-50.
32. Тюрин Ю.Н. Теория вероятностей и статистика. Экспериментальное учебное пособие для 10 и 11 классов общеобразовательных учреждений / Ю.Н. Тюрин, А.А. Макаров, И.Р. Высоцкий, И.В. Ященко. – М.: МЦНМО, 2014. – 248 с.
33. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 05.08.2020г.)
34. Чехов А.П. Письмо к ученому соседу. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 1. М., "Наука", 1983.
35. Шведский национальный совет по предупреждению преступности (официальный сайт) URL: https://www.bra.se/bra-in-english/home/crime-and-statistics/crime-statistics/reported-offences.html
36. Шели Дж. Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. – 864 с.
37. Шляпочников А. С., Забрянский Г. И. Выявление латентной преступности // Советское государство и право. 1971. ¹ 5. С. 99
38. Шнайдер Г.Й. Криминология: Пер. с нем./Под общ.ред. и с преисл. Л.О. Иванова.-М.: Издательская группа «Прогресс»-«Универс», 1994.-504с.
39. Эверитт Б.С. Большой словарь по статистике / науч. ред. перевода И.И. Елисеева. 3-е издание. – Москва : Проспект, 2010. – 736 с.

Olkova O. A. Accurate measurement of latent crime. The answer of professor S.G. Olkov to Adolphe Quetelet / O. A. Olkova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 375-432.

The purpose of the article is to investigate pre-modern and modern approaches to measuring latent crime in Russia and the world; to present a critical review of research on latent crime by large research teams that studied latent crime in the early 21st century in the Russian Federation; to show the role and significance of the latency multiplier and the main criminological identity developed by professor S.G. Olkov.

Keywords: exact jurisprudence, criminology, latent crime, latency multiplier, basic criminological identity, convicted, registered crimes, latent crimes, gross number of crimes, actual crime, crime coefficient, coefficient of criminogenic involvement.

Spisok literatury

1. Avanesov G.A. Kriminologiya. — 2-e izd. — M., 1984. — S. 177.
2. Alekseev A. I., Rosha A. N. Latentnaya prestupnost` i e`ffektivnost` deyatel`nosti pravooxranitel`ny`x organov // Voprosy` bor`by` s prestupnost`yu. M., 1973. Vy`p. 19;
3. de Bal`zak O. Utrachenny`e illyuzii O. de Bal`zak – «E`ksmo», 1837-43.
4. Bulatov G., Majorov N. Pokazatel`nost` danny`x golovnoj statistiki // Vestnik MGU. Pravo. 1969. S. 59.
5. Bulgakov M.A. Ivan Vasil`evich / M.A. Bulgakov – «nasledniki Bulgakova M.», 1965
6. Vicin S.E. Modelirovanie v kriminologii. M., 1973.
7. Goryainov K. K., Isichenko A. P., Kondratyuk L. V. Latentnaya prestupnost`. M., 1995;
8. Geografiya. Sovremennaya illyustrirovannaya e`nciklopediya. — M.: Rosme`n. 2006.
Pod redakciej prof. A. P. Gorkina.
9. Edinaya mezhvedomstvennaya informacionno-statisticheskaya sistema EMISS. Oficial`ny`j sajt: https://www.fedstat.ru

10. Zaxarevich F. Opy`t yuridicheskoj statistiki // Zhurnal ministerstva vnutrennix del. – 1853. Ch. 41.
11. Inshakov S.M. Zaregistrirovannaya i fakticheskaya prestupnost` v Rossijskoj Federacii // Vestnik Akademii General`noj prokuratury` RF . - 2007. - № 1(1). – S. 42-45.
12. Inshakov S.M. Latentnaya prestupnost` kak ob``ekt issledovaniya // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. - № 1(16). – 2009. – S. 107-130.
13. Inshakov S.M. Teoreticheskie osnovy` issledovaniya i analiza latentnoj prestupnosti: monografiya / pod redakciej S.M. Inshakova. – M.: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2015. – 839s.
14. Kardopolova Yu.F. Prestupnost` stran mira: uroven`, dinamika, struktura prestupnosti i osuzhdenny`x: Stat. Sb. 3-e izd., isp. i dop. / Pod obshh. red. Yu.F. Kardopolova / Krasnoyar. gos. un-t. Krasnoyarsk, 2002. 306 s.
15. Kamin A.L. Fizika. Razvivayushhee obuchenie. Kniga dlya uchitelej. 7-j klass. – Rostov n/D: izd-vo «Feniks», 2003. – 352 s.
16. Ketle A. Social`naya forma ili opy`t issledovaniya o razvitii chelovecheskix sposobnostej. T. II. Kiev, 1913. S. 193.
17. Kondratyuk L.V., Ovchinskij V.S. Kriminologicheskoe izmerenie / Pod redakciej K.K. Goryainova. – M.: Norma, 2008. – 272s.
18. Konev A. A. Prestupnost` v Rossii i ee real`noe sostoyanie. N. Novgorod, 1993;
19. Kry`lov I.A. Basni / Izdatel`skoe predpriyatie «MIShA». – 1991g.
20. Luneev V.V. Prestupnost` XX veka: mirovy`e, regional`ny`e i rossijskie tendencii / V.V. Luneev. – Izd. 2-e, pererab. i dop. – M.: Volters Kluver, 2005. – 912s. (str. 51)
21. Ministerstvo vnutrennix del Rossijskoj Federacii. Oficial`ny`j sajt. URL: https://mvd.ru/folder/101762
22. Ol`kov S.G. Otkrovenny`j razgovor o yuridicheskoj nauke: znachenie i nedostatki otrasli// Rossijskij kriminologicheskij vzglyad. – 2007. - №2. - S. 117-127.
23. Ol`kov S.G. Analiticheskaya yurisprudenciya (metodologiya yurisprudencii) Chast` I-II./Moskva: Izdatel`stvo «Yurlitinform», 2013.
24. Ol`kov S.G. Osnovnoe kriminologicheskoe tozhdestvo, izmerenie latentnoj prestupnosti v mire i Rossii // Izvesti vy`sshix uchebny`x zavedenij. Ural`skij region. - № 4. – 2019. – S. 4-14.
25. Ol`kov S.G. Matematicheskie nachala teorii politicheskix rezhimov s prakticheskimi prilozheniyami po Rossii za period s 1970 po 2017 gody` //Publichnoe i chastnoe pravo, 2019, №1. S. 57-74.
26. Ol`kov S.G. Dokazatel`stvo zakona vozrastayushhej predel`noj poleznosti ugolovny`x nakazanij i inversii sub``ekta v funkciyax sovokupnoj i predel`noj poleznosti e`tix nakazanij. Zakony` sprosa i predlozheniya prestupnosti // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Ural`skij region. – 2017. - № 3. – S. 14-31.
27. Pankratov V. V. Kosvenny`e metody` izucheniya prestupnosti // Voprosy` bor`by` s prestupnost`yu. M., 1967. S. 7;
28. Sio K.K. Upravlencheskaya e`konomika: Per. s angl. – M.: INFRA-M,2000.-671s.
29. Sigel E`. Prakticheskaya biznes-statistika. : Per. s angl. - M. : Izdatel`skij dom «Vil`yams», 2002. - 1056 s.
30. Soshnikova L.A. Tamashevich V.N., Uebe G., Sheref M. Mnogomerny`j statisticheskij analiz v e`konomike: Ucheb. posobie dlya vuzov/Pod red. prof. V.N. Tamashevicha. - M.:YuNITI-DANA,1999.-598s.
31. Sudebny`j departament pri Verxovnom sud RF. Oficial`ny`j sajt. http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074
32. Tanasevich V. G., Shraga I. L., Orlov Ya. V. Problemy` vy`yavleniya xishhenij socialisticheskogo imushhestva // Voprosy` bor`by` s prestupnost`yu. M., 1975. Vy`p. 23. S. 48-50.
33. Tyurin Yu.N. Teoriya veroyatnostej i statistika. E`ksperimental`noe uchebnoe posobie dlya 10 i 11 klassov obshheobrazovatel`ny`x uchrezhdenij / Yu.N. Tyurin, A.A. Makarov, I.R. Vy`soczkij, I.V. Yashhenko. – M.: MCzNMO, 2014. – 248s.
34. Federal`naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Oficial`ny`j sajt. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (data obrashheniya: 05.08.2020g.)
35. Chexov A.P. Pis`mo k uchenomu sosedu. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30-ti tomax. Sochineniya. Tom 1. M., "Nauka", 1983.
36. Shvedskij nacional`ny`j sovet po preduprezhdeniyu prestupnosti (oficial`ny`j sajt) URL: https://www.bra.se/bra-in-english/home/crime-and-statistics/crime-statistics/reported-offences.html
37. Sheli Dzh. Kriminologiya / Pod red. Dzh. F. Sheli / Per. s angl. – SPb.: Piter, 2003. – 864 s.: il. – (Seriya «Mirovaya yurisprudenciya») (str.122)
38. Shlyapochnikov A. S., Zabryanskij G. I. Vy`yavlenie latentnoj prestupnosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1971. S. 99.
39. Shnajder G.J. Kriminologiya: Per. s nem./Pod obshh.red. i s preisl. L.O. Ivanova.-M.: Izdatel`skaya gruppa «Prgoress»-«Univers», 1994.-504s.
40. E`veritt B.S. Bol`shoj slovar` po statistike / nauch. red. perevoda I.I. Eliseeva. 3-e izdanie. – Moskva : Prospekt, 2010. – 736 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 432-436.

УДК: 347

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Юдин И. В.
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Определение понятия «Судебная экспертиза» в гражданском судопроизводстве имеет важное научное и практическое значение, поскольку позволяет дифференцировать такое доказательство, как заключение о результатах экспертизы от иных доказательств, в том числе, от так называемых «ведомственных» экспертиз и участия в судебном процессе специалиста. Одним из важных признаков судебной экспертизы, ранее не рассматривавшихся при определении понятия «Судебная экспертиза», является легитимность эксперта.

Ключевые слова: судебная экспертиза, эксперт, доказательство, процессуальная составляющая.

Понятие «судебная экспертиза» является фундаментальным для исследования проблем, связанных с назначением и проведением судебной экспертизы, а также оценкой в суде такого доказательства, как заключение о результатах экспертизы. Проведенная в соответствии с требованиями 79 – 87 статей Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее по тексту – ГПК РФ) судебная экспертиза является источником доказательственной информации, касающейся как юридических фактов, входящих в предмет доказывания по конкретному делу, так и позволяющей предотвратить правонарушения или судебную ошибку. Получить заключение эксперта возможно только в результате проведения судебной экспертизы, поэтому многообразие форм использования в судебном процессе заключений лиц, обладающих специальными познаниями («ведомственная» экспертиза, заключение специалиста, консультация специалиста), требует четкого определения понятия «судебная экспертиза».

Исторически сложилось так, что на протяжении достаточно длительного периода экспертные исследования считались частью криминалистики, поэтому большой вклад в копилку знаний о судебной экспертизе был внесен криминалистами. В настоящее время различные аспекты судебной экспертизы активно исследуются и цивилистами, при этом следует отметить, что правовая природа судебной экспертизы является одинаковой как для уголовного, так и для гражданского судопроизводства. Поэтому для исследования понятия «судебная экспертиза» будем использовать, в том числе, и труды специалистов в области криминалистики и уголовного процесса.

Рассматривая понятие судебной экспертизы, Е. Р. Россинская отмечает, что «…судебная экспертиза – это отличная от других специфическая разновидность экспертиз, обладающих особым статусом. Сходство ее с экспертизами в других сферах человеческой деятельности заключается в том, что она, по сути, является исследованием, основанным на использовании специальных знаний. Однако далеко не любое исследование может именоваться судебной экспертизой, поскольку эти экспертизы выполняются в ходе судебного исследования по гражданским и уголовным делам, делам по административным правонарушениям» [2].

Более детальное определение дает А. А. Мохов, отмечая, что «…судебная экспертиза включает в себя следующие обязательные компоненты: 1) целевой — получение новых данных по делу в форме заключения эксперта, являющегося самостоятельным судебным доказательством; 2) специальный — необходимость применения специальных знаний в форме исследования; 3) правовой — наличие гражданской процессуальной формы (соблюдение процедуры). На основании указанных признаков можно сформулировать следующее определение судебной экспертизы. Судебная экспертиза в гражданском судопроизводстве — это специальное исследование, проводимое сведущим лицом по определению суда (судьи) при наличии соответствующих оснований (специального — необходимость исследования фактических данных путем применения специальных знаний и процессуального — соблюдение процессуальной формы), для получения судебного доказательства по делу в форме заключения эксперта» [3].

Рассматривая заключение эксперта, как один из видов доказательств в уголовном процессе, Ю. К. Орлов выделяет такие признаки экспертизы, как «… использование специальных познаний; … проведение исследований в целях установления обстоятельств, имеющих значение для дела; … специальный субъект экспертизы; … экспертиза проводится в определенной процессуальной форме; … ход и результаты экспертного исследования оформляются специальным процессуальным документом — заключением эксперта, которое является самостоятельным видом судебных доказательств.»[4] Исходя из перечисленных признаков, Ю. К. Орлов считал необходимым включить в определение понятия «судебная экспертиза» тезис о заключении эксперта как самостоятельном виде судебных доказательств, поскольку именно этот признак отличает заключение эксперта от любых других исследований, несудебных экспертиз и иных документов. Исследования Ю. К. Орлова относятся к уголовному процессу, но норма о судебной экспертизе, как самостоятельном виде судебных доказательств, присутствует и в гражданском судопроизводстве. Именно в таком статусе заключение эксперта упоминается во втором абзаце части 1 статьи 55 ГПК РФ.

Аналогичной с Ю. К. Орловым точки зрения придерживается О. В. Челышева, при этом, поддерживая мысль о доказательственном статусе заключения о результатах экспертизы, она дополнительно акцентирует внимание на такой характерной особенности судебной экспертизы, как «… получение фактических данных на основе научной оценки и дальнейшей интерпретации результатов исследования» [5].

Законодатель дает нам определение понятия «судебная экспертиза» в статье 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее по тексту — ФЗ ГСЭД). В соответствии с указанной нормой закона «…судебная экспертиза - процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу» [6].

Таким образом, можно выделить следующие отличительные черты судебной экспертизы: судебная экспертиза проводится компетентным лицом – экспертом, обладающим специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремес-

ла; судебная экспертиза заключается в проведении исследований и изложении результатов этих исследований в виде письменного заключения; судебная экспертиза – процессуальное действие, таким образом невозможно провести судебную экспертизу вне соответствующего процесса, в ситуации с судебной экспертизой в гражданском судопроизводстве – вне судебного производства; в гражданском судопроизводстве судебная экспертиза может быть назначена только судом иди судьей; эксперт при производстве судебной экспертизы не выходит за рамки поставленных перед ним вопросов; цель проведения судебной экспертизы – установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу; заключение о результатах экспертизы является самостоятельным видом судебных доказательств.

В соответствии с требованиями части 2 статьи 80 ГПК РФ в определении суда о назначении экспертизы указывается, что за дачу заведомо ложного заключения эксперт предупреждается судом или руководителем судебно-экспертного учреждения, если экспертиза проводится специалистом этого учреждения, об ответственности, предусмотренной Уголовным кодексом Российской Федерации. Наличие такого предупреждения является еще одной важной отличительной чертой судебной экспертизы.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о статусе лица, которое проводит судебную экспертизу. Общее положение о том, что эксперт обладает необходимыми специальными познаниями в области науки, техники, искусства и т. д. не содержит четких критериев, которые позволяли бы однозначно утверждать, является ли конкретное «сведущее» лицо экспертом. Именно поэтому в профильном законе подробно регламентированы статус и независимость судебного эксперта, профессиональные и квалификационные требования к эксперту, его права и обязанности (статьи 7, 12, 13, 16, 17 ФЗ ГСЭД). Предусмотрена определенная процедура приобретения статуса судебного эксперта, что позволяет выделить еще одну отличительную черту судебной экспертизы: лицо, проводящее судебную экспертизу - судебный эксперт, не только обладает необходимыми специальными познаниями, но и имеет определенный статус. Другими словами, судебный эксперт должен быть не только «сведущим», но и легитимным.

Назначение и проведение судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве подробно регламентировано ГПК РФ и профильным федеральным законом – ФЗ ГСЭД. Законодатель не только прописывает процедуру назначения и исполнения судебной экспертизы, порядок оценки заключения эксперта как доказательства в судебном заседании, но и детализирует права и обязанности эксперта, требования, предъявляемые к эксперту и заключению эксперта. Экспертное исследование проводится в строгом соответствии с требованиями экспертных методик, что позволяет максимально исключить риск экспертной ошибки.

Таким образом, судебная экспертиза в гражданском судопроизводстве объединяет в себе:

1. процессуальную составляющую, поскольку проведение судебной экспертизы по гражданскому делу возможно только в рамках судебного гражданского процесса, а основанием для возникновения соответствующих правоотношений являются процессуальные действия, в первую очередь, определение суда о назначении экспертизы; к процессуальной составляющей следует отнести и детально регламентированную процессуальными

нормами процедуру проведения судебной экспертизы, включающую в себя не только порядок назначения судебной экспертизы и проведения экспертного исследования, но и требования, предъявляемые к квалификации и статусу эксперта;

2. исследовательскую составляющую, которая заключается в использовании экспертом своих специальных знаний с целью получения фактических данных, необходимых для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, которые ранее не были известны и которые невозможно получить иным способом.

Важно отметить, что процессуальная составляющая судебной экспертизы и соблюдение процедуры проведения судебной экспертизы играют большую роль в оценке заключения эксперта как доказательства по гражданскому делу. По процессуальным основаниям заключение судебного эксперта может быть признано недопустимым доказательством по делу. Нарушение процессуальных норм, связанных с назначением и проведением судебной экспертизы, может повлечь за собой, в том числе, отмену судебного решения. В частности, постановлением Президиума Нижегородского областного суда было отменено решение районного суда, которым были удовлетворены исковые требования гражданки Г. к САО «ВСК» о взыскании страхового возмещения, и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Нижегородского областного суда, оставившим решение суда первой инстанции в силе, по тем основаниям, что:

- судом первой инстанции был нарушен порядок назначения судебной экспертизы,

- судами были нарушены положения статей 55 и 86 ГПК РФ и не было принято во внимание, что эксперт-оценщик З., составивший по заявлению истца досудебное экспертное заключение ООО «Эталон оценка», одновременно являлся генеральным директором ООО ЭК «Компас», проводившим судебную экспертизу во время судебного рассмотрения дела.

Таким образом, Президиум Нижегородского областного суда мотивировал отмену судебных решений тем, что заключение эксперта ООО ЭК «Компас» является недопустимым доказательством по делу, а повторной судебной экспертизы по делу не проводилось, несмотря на наличие оснований для ее проведения [7]. Фактически, основанием для признания заключения эксперта недопустимым доказательством по делу послужил факт исполнения судебной экспертизы ненадлежащим экспертом. Поэтому только специальных познаний недостаточно. Эксперт должен быть не только сведущим, но и легитимным. Производство судебной экспертизы лицом, которое не соответствует требованиям, предъявляемым к судебному эксперту, исключает возможность рассматривать заключение такого лица как заключение о результатах экспертизы.

С учетом изложенного, понятие «судебная экспертиза» в гражданском судопроизводстве можно определить следующим образом: судебная экспертиза в гражданском судопроизводстве – это процессуальное действие в рамках гражданского судопроизводства, состоящее из исследований, проведенных на основании определения суда экспертом, т.е. легитимным лицом, имеющим специальные познания в области науки, техники, искусства, ремесла и предупрежденным об уголовной ответственности за дачу заведомо неправдивого заключения, с целью установления обстоя-

тельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, и дачи письменного заключения эксперта по вопросам этих исследований, которое является самостоятельным видом судебных доказательств.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ // Собр. Законодательства. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
2. Е. Р. Россинская. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2006. С. 12.
3. А. А. Мохов, Понятие и виды экспертиз в гражданском процессе, «Цивилист», 2007, №2, С. 95.
4. Ю.К. Орлов. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): Учеб. Пособие. М.: Юрист, 1995. С. 4.
5. Назначение и производство судебных экспертиз: учебное пособие / О.В. Челышева. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. С. 5.
6. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета от 5 июня 2001 г. №106.
7. Обзор судебной практики по гражданским делам Президиума Нижегородского областного суда за IV квартал 2017 года. Постановление Президиума Нижегородского областного суда № 44г-50/2017 http://oblsudnn.ru/index.php/obzory-sudebnoj-praktiki/3208-obzor-sudebnoj-praktiki-pr-grazhdanskim-delam-prezidiuma-nizhegorodskogo-oblastnogo-suda-za-iv-kvartal-2017-goda

I.V. Yudin. On the question of the concept of forensic examination in civil proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 432-436.

The definition of the term “judicial expertise” in civil-law proceedings has important scientific and practical significance, because it allows us to differentiate such evidence as a conclusion on the results of the expertise from other evidence, including from the so-called “departmental” examinations and the participation of a specialist in the trial. One of the important features of a judicial expertise, not previously considered in determining the concept of a “judicial expertise,” is the legitimacy of the expert.

Key words: judicial expertise, expert, evidence, procedural component.

Spisok literaturi:

1. Grazhdanskii processualnii kodeks Rossiiskoi Federacii ot 14 noyabrya 2002 g. N 138-FZ // Sobr. Zakonodatelstva. – 2002. – № 46. – St. 4532.
2. E. R. Rossinskaya. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugolovnom processe. M.: Norma, 2006. S. 12.
3. A. A. Mohov, Ponyatie i vidi ekspertiz v grazhdanskom processe, «Civilist», 2007, №2, S. 95.
4. YU.K. Orlov. Zaklyuchenie eksperta i ego ocenka (po ugolovnim delam): Ucheb. Posobie. M.: YUrist, 1995. S. 4.
5. Naznachenie i proizvodstvo sudebnih ekspertiz: uchebnoe posobie / O.V. CHelisheva. – SPb.: Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut (filial) Akademii Generalnoi prokuraturi Rossiiskoi Federacii, 2010. S. 5.
6. Federalnii zakon ot 31 maya 2001 g. № 73-FZ «O gosudarstvennoi sudebno-ekspertnoi deyatelnosti v Rossiiskoi Federacii» // Rossiiskaya gazeta ot 5 iyunya 2001 g. №106.
7. Obzor sudebnoi praktiki po grazhdanskim delam Prezidiuma Nizhegorodskogo oblastnogo suda za IV kvartal 2017 goda. Postanovlenie Prezidiuma Nizhegorodskogo oblastnogo suda № 44g-50/2017 http://oblsudnn.ru/index.php/obzory-sudebnoj-praktiki/3208-obzor-sudebnoj-praktiki-pr-grazhdanskim-delam-prezidiuma-nizhegorodskogo-oblastnogo-suda-za-iv-kvartal-2017-goda.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 437-449.

УДК: 347

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НАПРАВЛЕНИЯ ИХ РЕШЕНИЯ

Саченок Л. И.
Севастопольский государственный университет

Надежное существование и устойчивое совершенствование туристической деятельности возможно лишь при надлежащем правовом регулировании: нормами права, правоприменительными актами, правосознанием, правовой культурой. турфирма, турагентство, туроператорская деятельность, турагентская деятельность, туристический продукт. Автором в работе научные положения и взгляды, которые посвящены вопросам и проблемам правового регулирования туристских отношений, законодательные и др. нормативно–правовые акты, упорядочивающие туристическую деятельность, а также практика их применения. Кроме этого, автором проведено исследование органов, занимающихся регулированием сферы туризма в Российской Федерации, а также исследование методов правового регулирования. Автором разработаны пути и методы решения проблем и перспективы развития правового регулирования туристской деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: государственное регулирование, турагентство, туризм, капитал, отрасль, продукт.

Надежное существование и устойчивое совершенствование туристической деятельности возможно лишь при надлежащем правовом регулировании: нормами права, правоприменительными актами, правосознанием, правовой культурой.

Россия располагает огромным потенциалом для развития внутреннего и въездного туризма. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2025 г. ставит максимальное воплощение данных видов туристической деятельности приоритетной задачей. Развитие туризма является также стимулом для таких отраслей экономики, как торговля, строительство, сельское хозяйство, коммунальное хозяйство, транспорт, связь. Туризм, как таковой содействует укреплению физического и духовного здоровья граждан, обогащению знаний об окружающем мире, помогает понять и принять чужую культуру, традиции, обычаи.

Туризм является одним из самых рентабельных видов деятельности в мире. По данным ВТО (Всемирной Торговой Организации) туризм использует около 7% мирового капитала, благодаря этому виду деятельности занято каждое 15-е рабочее место и 5% налоговых платежей поступают в бюджет от туристической деятельности.

На сегодняшний день субъекты РФ уже приняли более 40 законов, которые регулируют туристскую сферу. Одни называются законами о туризме, а другие – о туристской деятельности.

Имеющее юридическую силу в сфере туристской деятельности законодательство: Федеральный Закон № 132 – ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 г. (действующая редакция, 2016); утвержденные в соответствии с данным законом другие федеральные законы; указы Пре-

зидента Российской Федерации; постановления Правительства РФ; нормативные документы уполномоченных федеральных органов исполнительной власти.

Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» определил новый этап в развитии правового регулирования туризма. Этот закон стал основанием и базой всей правовой системы в сфере туризма. Он обладает высшей юридической силой в туристических отношениях.

Целью – является анализ и исследование особенностей правового регулирования туристической деятельности в Российской Федерации, выявление и систематизация актуальных проблем совершенствования и путей их решения, а также перспектив развития туризма.

В последнее время в мире происходят катастрофы и кризисы, которые отрицательно влияют на осуществление туристической деятельности, имеется множество разнообразных проблем, которые мешают туризму полноценно развиваться и совершенствоваться. Главными отрицательными чертами выделяют слабую нормативно – правовую базу и регламентирование субъектов туризма, также сюда можно отнести нехватку инновационных технологий. Очень много зависит от человеческого фактора: от функционирования государственных органов до предприятий обслуживания на местах.

Специфика туристской деятельности заключается в том, что она имеет международный характер и большой круг взаимоотношений лиц, участвующих в формировании путешествий. Многообразие данных отношений рождает некоторую сложность правового регулирования.

На сегодняшний день в Российской Федерации туристическая деятельность терпит реформы и развивается.

Туристские ресурсы нашей страны используются не очень целесообразно, но динамика роста рынка туристических услуг России свидетельствует об устремленности и увеличении числа туристов, иностранных – в частности.

В период экономического кризиса затронуты все сектора экономики. Высокий темп инфляции, серьезное раскачивание курсов валюты, большие процентные ставки кредитов приводят к уменьшению платежеспособного спроса при подорожании продукции, что вызывает уменьшение объемов продаж и денежных доходов предприятий.

Большую роль играют внешнеэкономические санкции. С одной стороны, они содействуют закрытию российского рынка для различных импортных товаров, а с другой удобному случаю отечественным производителям занимать освободившееся место.

В международном туризме существует ряд проблем:

1. Малая роль отечественных туристских фирм в формировании туристского путешествия;
2. Не совсем точное предоставление информации о состоянии отрасли;
3. Низкое качество туристских услуг;
4. Нехватка инвестиций;
5. Большая стоимость туризма в Российской Федерации;
6. Проблема обеспечения кадрового резерва;
7. Регламентирование туризма на законодательном уровне;
8. Острая проблема межнациональных конфликтов.

Проблемы туристской сферы, которые в Российской Федерации имеются в настоящий момент, находят свое объяснение в пробелах подготовки кадров и научном обеспечении, которые совершенно далеки от международных стандартов.

Отсюда возникает необходимость в развитии в Российской Федерации многоступенчатой системы профессионального туристического образования, которая способна послужить гарантией конкурентоспособности государства на мировом туристическом рынке. Чтобы выпускник ВУЗа Российской Федерации был конкурентоспособным, его диплом должен быть престижен.

Эксперты выделяют также проблему неэффективного законодательного обеспечения. За последние 20 лет практически не было утверждено ни одного весомого нормативно – правового акта в туристской сфере. На сегодняшний день так и не был приведен до конца в действие механизм осуществления 14 ст. ФЗ «Об основах туристской деятельности» про обеспечение безопасности туристов [1].

Мешают развитию въездного туризма отстающая маркетинговая стратегия совершенствования туристического продукта и его выхода на мировой рынок, небольшой ассортимент представленных услуг, некачественное обслуживание, ценовая политика не регулируется на необходимом уровне, уделяется мало внимания приоритетным направлениям туризма.

Также к проблемам можно отнести недостаточный уровень образования для подготовки кадров в туристской отрасли. От работника туристской индустрии необходимо знание особенностей профессии менеджера по туризму, компьютерные навыки, знание международного этикета, грамотная речь, знание базы менеджмента, рекламного бизнеса и экономии отрасли. Иными словами, специалисту необходимо быть образованным, воспитанным, деликатным, находчивым, а также владеть несколькими иностранными языками.

На сегодняшний день существует множество отрицательных направлений в развитии туристской отрасли Российской Федерации:

1. Независимо от показателей въездного туризма, экономика нашего государства не использует эффективно свои возможности и получает прибыли почти в пять раз меньше, чем другие государства при похожих показателях;
2. Процедура глобализации понижает конкурентоспособность российского туристического продукта на внутреннем рынке;
3. Увеличивается угроза безопасности наших граждан;
4. Мало гарантий защиты интересов российских граждан за границей;
5. Происходят ценовые разногласия из–за конкуренции.

Главным обстоятельством, которое сдерживает развитие туризма в Российской Федерации – это не сформированная туристическая инфраструктура и маленький темп её совершенствования: недостаточный уровень транспортной системы, размещения и питания [9].

Высокая цена путешествия для российских граждан связана с большой стоимостью транспортных перевозок на большие расстояния и не развитым процессом регулярных перелетов внутри страны.

Следующей проблемой въездного туризма является не очень удобная туристическая информационная среда (сюда относят факт наличия санитарных дней, короткий рабочий день и нереальность заблаговременного бронирования и покупки билетов в музеи через интернет).

Туризм – это объект пристального внимания общества и государства. Главным механизмом регулирования его развития является право, с его помощью можно достичь прогресса в экономической и политической отрасли туризма.

Факторами, которые тормозят рост показателей внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации являются:

1. Не очень развитая туристическая инфраструктура в подавляющем большинстве регионов России, небольшое количество гостиничных средств по размещению с низкой стоимостью. Эта проблема охватывает недостаток мест размещения, нацеленных на массового туриста и большую стоимость существующих средств размещения, особенно не хватает гостиниц для среднего уровня населения, их строительство требует больших денег и длительных сроков окупаемости, больше инвестиций поступает в строительство жилых комплексов, так как они быстрее окупаются.

Большая стоимость номеров способствует распространению «теневых» гостиниц, владельцы которых ведут свой бизнес нелегально. Данный факт негативно влияет на имидж страны и существенно уменьшает доход регионов от налогообложения. Еще к данной проблеме можно отнести изношенность материального фонда ряда гостиниц, так как они были построены во время Советского Союза и требуют капитального ремонта;

2. Неразвитость транспортного обслуживания (плохое качество дорог, недостаточная степень состояния аэропортов, железнодорожных вокзалов и т.д.). Здесь серьезной проблемой выступает высокая цена на авиаперелеты внутри страны и отсутствие предложения чартерных рейсов. Снижение цен на внутренние перевозки – центральная стратегическая задача. Российский рынок в сущности – закрытый для иностранных компаний, следовательно, нет роста уровня конкуренции.

Железнодорожные перевозки, занимающие много времени, не всегда удобны для граждан.

Низкое качество дорог, нехватка придорожных кафе, мотелей, стоянок, слабый сервис и высокие цены на услуги препятствуют автотуризму.

Не решаются вопросы по обеспечению безопасности граждан на маршрутах и местах туристского показа;

1. Нехватка и износ транспорта (автобусов, круизных судов, самолетов);
2. Ресурсная база, вышедшая из употребления в сфере санаторно–курортного обслуживания;
3. Неудовлетворительная экология и замусоренность прибрежных зон водоемов и природных территорий;
4. Недостаток готовых инвестиционных проектов. Инвесторы охотней вкладывают деньги в строительство жилых комплексов в крупных городах, так как затраты на них окупаются быстрее;
5. Недостаточная активность предпринимателей в туристской сфере;
6. Тенденция к монополизации рынка туристических услуг большими представителями данной отрасли;
7. Низкий уровень «культуры отдыха» или «культуры туризма». Это понимание всех субъектов туристских отношений роли и места туризма в сегодняшнем мире. Не в каждом регионе Российской Федерации местные жители адекватно откликаются на приезжих, а часто даже и проявляют откровенное недовольство. Обычно

это происходит вследствие вреда, который туристы наносят окружающей среде и недопустимой манеры поведения.

8. Сезонность спроса на туристические услуги;
9. Низкая пропускная возможность наших пляжей и объектов инфраструктуры;
10. Неудовлетворительная подготовка специалистов данной сферы, так как заработные платы туристской отрасли оставляют желать лучшего.

Несмотря на большое количество вузов туристского профиля в России (более 400), в регионах существует высокий дефицит квалифицированного персонала, способного предложить качественное обслуживание туриста. Обслуживающий персонал туристической инфраструктуры, как правило, не владеет иностранными языками, а гостиницы, которых в последнее время стало достаточно, за редкими исключениями не оборудованы лифтами и пандусами [8].

Также большое число сотрудников, занятых в туристской сфере не осознают всё значение межличностного общения с покупателями, а это в основном порождает недовольство клиентов и нежелание побывать на месте еще раз.

На путешествия в России существует спрос, но имеются некоторые причины, которые препятствуют развитию; высокая стоимость, недостаточное количество мест в гостиницах, не рассчитанных на богатых посетителей и серьезные требования при выдаче виз.

Российская Федерация заключила договоры с более чем ста странами об упрощении визового режима. Но в основном это слаборазвитые государства. Страны Евросоюза США и Канада не хотят идти навстречу России.

Государствами Шенгенского соглашения в 2009 г. был принят Визовый кодекс, в котором отсутствуют даже намек на послабление для туристов из Российской Федерации.

По данным Российского союза туриндустрии (РСТ) принимающие компании сейчас вынуждены отказывать 30 – 50% иностранных туристов, желающих посетить Россию: гостей негде размещать. Поэтому в планах развития туризма, например, в Санкт – Петербурге, центральное место занимают мероприятия по развитию инфраструктуры прибытия и размещения [8].

В небольших городах первой проблемой развития туристской сферы выступает недостаточная разработка локальных Программ развития туризма. Они распределяются на 2 – 4 года, но обследование территории, нахождение проблемных мест, отыскивание финансовых источников, формирование бренда и новых направлений туризма занимает гораздо больше времени.

Еще выделяют проблему отсутствия систематизированного городского управления, т. к. администрации передают Программы развития энтузиастам – молодежным объединениям, но по завершению разработки программы не имеют последующего развития.

Также к проблемам относят положение культурных исторических ресурсов малых городов – не хватает нормативных документов, которые регламентировали бы систематизацию и охрану культурно – исторических ресурсов.

В нашем государстве имеется огромный выбор туристских ресурсов, но, к сожалению, Россия проигрывает в конкурентоспособности.

Наличие значительных туристских ресурсов не всегда способствует притоку туристов, тогда, как малозаметные территории проникают на рынок вследствие хорошей рекламы. Еще учитывается развитость инфраструктуры (дорог, бытового и телекоммуникационного обслуживания), если этот сектор не развит – снижаются шансы государства на получение конкурентного преимущества.

Несмотря на целый ряд проблем, изложенных выше, интерес к туризму в России имеет тенденцию к росту. Всемирная Туристская Организация (ВТО) дает весьма оптимистическое представление. По её мнению, к 2020 г. наша страна будет принимать 47,1 млн. туристов в год, а их поток из России составит 30,5 млн.

Отсюда следует, что будут преодолены серьезнейшие преграды и достигнута золотая середина интересов граждан, общества и государства. Туристская сфера будет занимать достойное положение в сфере социального обслуживания и отдыха граждан, станет стабильным источником бюджетных доходов и ведущей отраслью экономики страны.

Туристская отрасль при правильном функционировании вполне может стать ключевым элементом, который позволил бы сформировать условия для достижения тактических целей развития Российской Федерации. Туризм способствует созданию новых рабочих мест, стимулированию деятельности предприятий, обеспечению удовлетворения социальных и духовных нужд населения, повышению потенциала народного хозяйства и укреплению международных позиций страны [9].

Главная цель государственной политики в туристской сфере – это создание современной эффективной и конкурентоспособной туристской индустрии, которая способна удовлетворить нужды российских и иностранных граждан в туристских продуктах, этим предоставляя возможность гражданам реализовать конституционное право на «обеспечение достойной жизни и свободного развития человека».

Часто покупатель туристских услуг не в состоянии защитить свои нарушенные права и свободы, по причине того, что туристские фирмы часто пытаются их обмануть (не выполняя или выполняя ненадлежащие договорные обязательства). Здесь необходим жесткий контроль над исполнением норм гражданско–правовых отношений.

Отношения, складывающиеся в туристической сфере деятельности – непросты, так как в них участвуют, по меньшей мере, четыре стороны. Во многих государствах можно привлекать к туристской деятельности третьих лиц – турагентов. Они могут выступать как агенты, представители и как подразделения туристской фирмы.

По правилам ст. 9 – 10 и 10.1 ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» стороной, на которую ложатся обязательства в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения договора о реализации турпродукта, всегда является туроператор. Однако при юридическом анализе договора выясняется, что ответственности ни одна из сторон, кроме туриста не несет [11].

Эксперты выделяют такие риски, влияющие на развитие туризма:

а) макроэкономические – осложнение инвестиционного климата и уменьшение темпа роста экономики, большая инфляция и кризис банковской системы;

б) финансовые – появление дефицита в бюджете и, следовательно, нехватка средств финансирования из бюджета, длительное отсутствие инвестиций от частных лиц;

в) техногенные и экологические риски;

г) геополитические риски, которые связаны с политикой в государстве и за его пределами;

д) международные риски – отношения Российской Федерации и других государств.

В общем, в России установился правовой порядок осуществления деятельности туристической сферы, которая, хоть и достигла многого, не лишена и целого ряда недостатков. Их пересилить можно путем совершенствования правового регулирования внутреннего и въездного и международного туризма.

Значение туристической сферы деятельности очень велико, несмотря на все существующие проблемы.

Основные проблемы, сдерживающие развитие туризма в России:

1. Увеличение тарифов на транспортные и гостиничные услуги, которые связаны с повышением цен на коммунальное обслуживание, увеличением процентных ставок по кредитам и повышением ставки налога на землю.
2. Износ моральный и физический туристической материально – технической базы;
3. Недочеты в нормативно – правовом законодательстве деятельности предпринимателей в туристической отрасли;
4. Нехватка государственных средств на рекламу для продвижения туристического продукта.

Кроме вышеназванных проблем, огромное значение имеет принятие генеральных планов развития курортов и других туристических центров и городов, учитывая стратегии развития РФ и мировых направлений развития туристской индустрии.

Сейчас для российских предпринимателей, государства и общества наступает момент истины. Для туристической индустрии необходимо выживать и конкурировать на международном рынке в обстановке глобализации. Конкурентоспособность российской туристической сферы – важное условие для обеспечения конкурентоспособности РФ – в мире. Главным условием конкурентоспособности РФ считается современное, устойчивое законодательство.

Основная масса проблем развития туристской деятельности имеет комплексный характер, их разрешение напрямую связано со всеми участниками туристического рынка (государственными органами, общественными организациями). Наша туристская деятельность степенью развития обслуживания очень уступает заграничному туризму. Формированию конкуренции способствует четкое руководство государственных органов в туристской отрасли, которая зафиксирована в законодательстве (нормативно–правовых актах).

Необходимо планировать развитие туристского бизнеса, применяя правила устойчивого развития и опыт мирового туризма, использовать долгосрочное инвестирование и способствовать положительной атмосфере в этой области, разрабатывать новые тенденции развития, обучать высококвалифицированных специалистов в необходимом количестве и рекламировать отечественный туристский продукт внутри и за пределами Российской Федерации.

Важнейшие пути совершенствования индустрии гостеприимства необходимо рассматривать с точки зрения введения инноваций:

- формирования новых продуктов, создание новых предприятий, которые уникальны по эстетике и архитектуре;
- оформления и предложения новых дополнительных услуг;
- внедрение сетевых гостиниц;
- применение информационных технологий;
- предоставление хороших специалистов.

В наши дни туризм – социальный феномен, который мобилизирует миллионы людей по всему миру. Он содействует не только экономическому совершенствованию, но и улучшению понимания, общения и толерантности между народами. Следовательно, доступность туризма для граждан очень важна. Заметно проявляется тенденция диверсификации (изменения) – многогранное развитие и расширение разнообразных видов деятельности методом отказа от узкой направленности в производстве каких – либо товаров, распространения деятельности на другие сферы (увеличение ассортимента).

В туристических услугах нуждаются люди с ограниченными возможностями. Доступность таких услуг в РФ находится на очень низком уровне.

Существует такое понятие как «доступный туризм» — это гарантия использования туристских возможностей людьми с физическими ограничениями, психическими или сенсорными ограничениями возможностей.

Выделяют такие основные направления комплексного развития туристической инфраструктуры:

- рост производственных мощностей и пропускной способности предприятий;
- совершенствование элементов туристической инфраструктуры;
- повышение качества услуг и конкурентоспособности предприятий.

Роль туризма в мировой экономике постоянно возрастает.

На сегодняшний день в мире образовалась такая обстановка, при которой достижения цивилизации очень велики, но существование её находится под угрозой: стихийный рост народонаселения, усугубление энергетического кризиса, дефицит продуктов, эпидемии, войны и экологические проблемы стали проблемами общемировыми. В целях предотвращения всех этих проблем был изобретен экологический туризм, который применяет технологии защиты окружающей среды.

Существуют такие тенденции развития сектора гостиничного хозяйства:

- жестокая конкуренция на рынке покупателей;
- усиление позиций на рынке объединений и концернов;
- инвестирование малых и средних гостиниц;
- уход неконкурентоспособных предприятий с рынка.

Для успешного существования и развития туризма, ему необходимо свободное время и материальные средства. Доход – это важный фактор, который влияет на спрос в туристической сфере, т. к. он определяет место, где будет потребитель отдыхать.

Несмотря на негативные тенденции развития туризма в России, Международная туристическая организация (ЮНВТО) в своем прогнозе («Туризм: панорама») отводит России почетное девятое место, причем, как по въездному, так и по выездному туризму [10].

Существует проект Правительства Российской Федерации о внесении изменений в ФЗ «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации». Этот

проект – один из первых шагов в реформировании туристской сферы. В нем содержатся туристские термины, не закрепленные в законе, но используемые в туристском бизнесе.

Для развития внутреннего туризма применяются различные целевые программы, такие как: «Туристические центры России» и «Развитие туристическо–рекреационного комплекса Южного региона России», также РФ активно принимает участие в зарубежных выставках [13].

Развитие туризма связано с некоторым кризисом функций управления и координирования государства. Для увеличения государственного контроля и координации деятельности санаторно–курортных учреждений в Российской Федерации предлагают такие меры:

- постоянную разработку новых систем и программ по развитию туристской сферы России;
- формирование и развитие законодательной и нормативно–правовой базы, которая обеспечивала бы интерес каждого гражданина, учреждений и государства, в сохранении работоспособности и здоровья;
- увеличение государственного контроля над туристской индустрией;
- развитие системы предоставления санаторно–курортного лечения для слабо защищенных слоев населения;
- образование единых норм по финансовому обеспечению.

В последнее десятилетие РФ активно выходит на мировой туристический рынок.

Сегодня туристская отрасль очень динамична и доходна, она обладает высоким потенциалом. В нашей стране имеется очень много природных ресурсов и культурно – исторический потенциал для развития разнообразных видов внутреннего туризма.

Кроме основных направлений по поддержке развития туризма государство выделяет такие задачи по регулировании в туристской сфере:

- Последующее развитие правового регулирования туризма:
- Улучшение механизма финансовых гарантий ответственности туристских операторов, и, увеличение их сумм;
- Возрастание юридической ответственности туристских операторов за нанесение ущерба туристам и др. нарушения закона.
- Поддержка со стороны государства внутреннего, въездного и социального туризма:
- Формирование условий для увеличения туристической и сервисной инфраструктуры;
- Создание налогового механизма по поддержке туризма социального.
- Увеличение мер по осуществлению разработки механизмов обеспечения безопасности:
- Включение страхования туристов, которые выезжают за границу, нахождение минимального набора рисков;
- Формирование механизма для оказания юридической помощи;
- Работа с мероприятиями по улучшению культуры безопасности и культуры отдыха.

- Антикризисная поддержка туристического комплекса Российской Федерации.

Законом необходимо установить, что экономическая деятельность центров и территорий должна быть подчинена образованию высокоразвитой индустрии туризма.

Закон должен предписывать образование разнообразных структур, предприятий и объектов на туристических районах в целях увеличения туристических территорий и центров.

Претворение в жизнь данных предложений может способствовать образованию и утверждению строя благоприятствования развитию туризма в регионе, образовать стимулы отечественным и иностранным инвестициям в туристскую сферу.

Неполнота и двойственность разнообразных норм права, которые регулируют поступки субъектов туристической деятельности, недостаточная проработка понятийного аппарата, а иногда и совершенное отсутствие какого – либо правового регламентирования являются серьёзнейшими проблемами туристской деятельности нашего времени.

Главные направления развития нормативно – правового регулирования в туристической сфере допускают разработку правовых актов, которые касаются всех секторов совершенствования туристской индустрии.

Сюда входят вопросы развития федерального и регионального законодательства, стимулирование инвестиционной деятельности, рост качества туристических услуг и государственной поддержки внутреннего туризма.

Российское право не дает четкого термина устойчивому развитию туризма, но в Указе Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440 «О концепции перехода Российской Федерации» к устойчивому развитию сказано, что стабильное развитие как базу выделяет важность обеспечения прав и свобод граждан РФ. Для претворения данной цели в жизнь необходимо публичное общество, которое включает в себя правовое государство, рыночное хозяйство и гражданское общество.

Устойчивому туризму для функционирования требуется ответственное и слаженное взаимодействие всех элементов. Из этого возникает туризм ответственный, принципы которого закреплены в декларации, принятой на конференции по социально – ответственному туризму (Кейптаун, 2002 г.):

- энергичное участие общества в планировании и принятии решений;
- рассмотрение социальных последствий в течение всего жизненного цикла процесса;
- стремление превратить туризм в доступный для каждого гражданина вид деятельности;
- борьба с насилием и эксплуатацией;
- соблюдение культуры отдыха;
- способствование развитию медицины и образования посредством осуществления туристской деятельности.

Устойчивое развитие туризма – это вид туристской деятельности, при которой происходит надлежащее применение ресурсов окружающей среды, поддерживаются социальные и культурные свойства принимающей стороны, гарантируются производительность и жизнестойкость долговременных процессов экономики, а часть денежных средств, полученных от мер по развитию туризма расходятся на рестав-

рацию туристических ресурсов и развитие технологий производства туристических услуг.

Перспективы развития туризма во многом зависят от политической стабильности в мире. Туристская деятельность развивается лишь в условиях мира. Войны, депрессии, экономические спады и гражданские беспорядки мешают совершенствованию туристской деятельности.

В 1998 г. в Канаде на Международной конференции рассматривались роль и место туризма в сохранении мира. Было принято и распространено «Кредо миролюбивого путешественника», в нем указаны такие положения:

- путешествовать с открытой душой и добрым сердцем;
- благожелательно и с признанием глядеть на многообразие мира;
- чтить, ценить и защищать окружающую среду;
- уважать все культуры;
- почитать и быть благодарным хозяевам за гостеприимство;
- предлагать руку дружбы всем, кого встречу и подобные положения.

Огромную значимость для становления и развития туристической деятельности приобрели международные акты и соглашения между Правительствами разных стран. Всеобщая декларация прав человека, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. объявила право каждого гражданина на отдых и свободное время. Манильская декларация 1980 г. установила права на отдых, свободу путешествий и туризм важнейшим элементом развития гармоничной человеческой личности. Гаагская декларация 1989 г. декларировала 10 основных принципов туристской деятельности.

Государство и предприниматели РФ сейчас пытаются сформировать привлекательные условия совершенствования туризма в нашей стране.

Уже сейчас выделены важнейшие направления развития отрасли, которые опираются на международный опыт.

Существующие нормативно – правовые акты в Российской Федерации не всегда регламентируют важнейшие проблемы совершенствования туризма на региональном уровне.

Для эффективного развития туризма на региональном уровне необходимо выявлять такие вопросы правового регулирования, как поиск и поддержка важнейших направлений туристической деятельности, систематизация туристических ресурсов и их оценка, организация режима и охраны, а также порядка сохранения целостности и выполнение мер по их восстановлению, поддержка предпринимателей в туристской сфере

Основные направления механизма совершенствования административно – правового регулирования в туристской сфере – это развитие нормативно – правовой основы туризма, развитие организационной основы системы органов исполнительной власти, которые наделены властью в управленческой сфере туризма и совершенствование форм, методов и способов регулирования отношений в туристской сфере.

Список литературы

1. Федеральный закон "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации" от 24.11.1996 N 132-ФЗ (последняя редакция) от 24 ноября 1996 года N 132-ФЗ
2. Постановление Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 г.

3. Постановление Правительства РФ от 3 декабря 2020 г. N 2000 "Об утверждении Правил аккредитации организаций, осуществляющих классификацию гостиниц, классификацию горнолыжных трасс, классификацию пляжей.
4. Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. N 1852 "Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта"
5. Постановление Правительства РФ от 23 сентября 2020 г. N 1532 "Об утверждении Правил возмещения реального ущерба туристам и (или) иным заказчикам туристского продукта из денежных средств фонда персональной ответственности туроператора в сфере выездного туризма"
6. Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2020 г. N 1811 "Об утверждении Правил выплаты туристу и (или) иному заказчику страхового возмещения по договору страхования ответственности туроператора или уплаты денежной суммы по банковской гарантии в случаях заключения туроператором более одного договора страхования либо более одного договора о предоставлении банковской гарантии или заключения туроператором договора либо договоров страхования и договора либо договоров о предоставлении банковской гарантии"
7. Приказ Федерального агентства по туризму от 27 ноября 2020 г. N 446-Пр-20 "Об утверждении Порядка представления туроператором электронных документов для внесения сведений в единый федеральный реестр туроператоров".
8. Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. N 1853 "Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации"
9. Гольц. Т.В. Проблемы регулирования защиты прав потребителей в сфере туристического обслуживания в России// ФГОУВПО «РГУТИС», М. 2017. – С. 53-60
10. Кириллов В.П. Совершенствование проблемы правового регулирования отечественного туризма //Материалы XIII Международной научно-практическая конференция «Туризм и сервис: подготовка кадров, проблемы и перспективы развития» 28 октября 2011 года, г Москва С. 202.
11. Клейман А.А. Совершенствование управления развития инфраструктуры туризма в регионе. // Балтийская академия туризма и предпринимательства, Санкт-Петербург. 2011. С. 44-48
12. Сирик Н.В. Правовое обеспечение сферы туризма. Учебное пособие. – М 2019. 502 с.
13. Сенин В.В. Организация международного права // Издат. "Финансы и статистика". М. 2018., 400 с.
14. Федорова С.В. Туристическая политика в современной экономике. М. 2014. С. 30-48.
15. Боджгуа А.Ю. Организационно-экономические аспекты формирования // https://dlib.rsl.ru/01008127723
16. Кусков А., Сирик Н. Правовое регулирование туристской деятельности – электронный ресурс. https://www.litres.ru/aleksey-kuskov/pravovoe-regulirovanie-turistskoy-deyatelnosti.
17. Писаревская О.И. Основы туризма – электронный ресурс https://bstudy.netbstudy

Sachenok L.I. Problematic aspects of the legal regulation of tourism activities: ways to solve them // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 6 (72). № 4. – P. 437-449.

Reliable existence and sustainable improvement of tourism activities is possible only with proper legal regulation: legal norms, law enforcement acts, legal awareness, legal culture. travel agency, travel agency, tour operator activity, travel agency activity, tourist product. The author of the work presents scientific positions and views that are devoted to the issues and problems of legal regulation of tourist relations, legislative, etc. regulatory and legal acts regulating tourist activities, as well as the practice of their application. In addition, the author conducted a study of the bodies involved in the regulation of the tourism sector in the Russian Federation, as well as a study of the methods of legal regulation. The author has developed ways and methods of solving problems and prospects for the development of legal regulation

of tourist activities in the Russian Federation of tourist activities in the Russian Federation. Keywords: state regulation, travel agency, tourism, capital, industry, product.

Keywords: state regulation, travel agency, tourism, capital, industry, product.

Spisok literatury

1. Federal'nyj zakon "Ob osnovah turistskoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii" ot 24.11.1996 N 132-FZ (poslednyaya redakciya) ot 24 noyabrya 1996 goda N 132-FZ
2. Postanovlenie General'noj Assambleej OON ot 10 dekabrya 1948 g.

3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 3 dekabrya 2020 g. N 2000 "Ob utverzhdenii Pravil akkreditacii organizacij, osushchestvlyayushchih klassifikaciyu gostinic, klassifikaciyu gornolyzhnyh trass, klassifikaciyu plyazhej.
4. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18 noyabrya 2020 g. N 1852 "Ob utverzhdenii Pravil okazaniya uslug po realizacii turistskogo produkta"
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23 sentyabrya 2020 g. N 1532 "Ob utverzhdenii Pravil vozmeshcheniya real'nogo ushcherba turistam i (ili) inym zakazchikam turistskogo produkta iz denezhnyh sredstv fonda personal'noj otvetstvennosti turoperatora v sfere vyezdnogo turizma"
6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11 noyabrya 2020 g. N 1811 "Ob utverzhdenii Pravil vyplaty turistu i (ili) inomu zakazchiku strahovogo vozmeshcheniya po dogovoru strahovaniya otvetstvennosti turoperatora ili uplaty denezhnoj summy po bankovskoj garantii v sluchayah zaklyucheniya turoperatorom bolee odnogo dogovora strahovaniya libo bolee odnogo dogovora o predostavlenii bankovskoj garantii ili zaklyucheniya turoperatorom dogovora libo dogovorov strahovaniya i dogovora libo dogovorov o predostavlenii bankovskoj garantii"
7. Prikaz Federal'nogo agentstva po turizmu ot 27 noyabrya 2020 g. N 446-Pr-20 "Ob utverzhdenii Poryadka predstavleniya turoperatorom elektronnyh dokumentov dlya vneseniya svedenij v edinyj federal'nyj reestr turoperatorov".
8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18 noyabrya 2020 g. N 1853 "Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya gostinichnyh uslug v Rossijskoj Federacii"
9. Gol'c. T.V. Problemy regulirovaniya zashchity prav potrebitelej v sfere turisticheskogo obsluzhivaniya v Rossii// FGOUVPO «RGUTIS», M. 2017. – S. 53-60
10. Kirillov V.P. Sovershenstvovanie problemy pravovogo regulirovaniya otechestvennogo turizma //Materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskaya konferenciya «Turizm i servis: podgotovka kadrov, problemy i perspektivy razvitiya» 28 oktyabrya 2011 goda, g Moskva S. 202.
11. Klejman A.A. Sovershenstvovanie upravleniya razvitiya infrastruktury turizma v regione. // Baltijskaya akademiya turizma i predprinimatel'stva, Sankt-Peterburg. 2011. S. 44-48
12. Sirik N.V. Pravovoe obespechenie sfery turizma. Uchebnoe posobie. – M 2019. 502 s.
13. Senin V.V. Organizaciya mezhdunarodnogo prava // Izdat. "Finansy i statistika". M. 2018., 400 s.
14. Fedorova S.V. Turisticheskaya politika v sovremennoj ekonomike. M. 2014. S. 30-48.
15. Bodzhgua A.YU. Organizacionno-ekonomicheskie aspekty formirovaniya // https://dlib.rsl.ru/01008127723
16. Kuskov A., Sirik N. Pravovoe regulirovanie turistskoj deyatel'nosti – elektronnyj resurs. https://www.litres.ru/aleksey-kuskov/pravovoe-regulirovanie-turistskoy-deyatelnosti.
17. Pisarevskaya O.I. Osnovy turizma – elektronnyj resurs https://bstudy.netbstudy

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 450-457.

УДК 345

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ

Гусяков В. Ю.

Севастопольский государственный университет

В статье проведен анализ встречающихся в литературе мнений о целесообразности государственного регулирования предпринимательской деятельности в целом и в отдельных отраслях экономики. Рассмотрены вопросы законодательного обеспечения в сфере государственного регулирования предпринимательства, в том числе в нефтяной отрасли. На основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности предложено объединить в одну группу виды экономической деятельности, связанной с добычей нефти. Выявлено, что на уровне государств, входящих в СНГ, в Модельном законе о предпринимательстве содержатся положения о государственном регулировании предпринимательской деятельности - о государственном регулировании и контроле (надзоре) в сфере предпринимательства (публичные отношения в сфере предпринимательства). Предложено разработать и принять на уровне Правительства РФ Стратегию развития нефтяной отрасли, в которой целесообразно выделить раздел о правовом обеспечении государственного регулирования в этой отрасли экономической деятельности.

Ключевые слова: государственное регулирование, предпринимательская деятельность, нефтяная отрасль.

Одна из функций государства – экономическая, которая направлена на обеспечение функционирования и развития экономики[1]. В юридической литературе по теории государства и права отмечается, что на разных этапах развития общества эта функция может проявляться по-разному[2]. «Если в условиях административной системы управления экономика регулируется преимущественно директивами, то в условиях рыночных отношений – прежде всего экономическими методами, т.е. посредством налогов, кредитов, льгот и т.д.»[3]. В предпринимательском праве авторы считают целесообразным выделение основных направлений государственно-правового регулирования экономики в целом и предпринимательской деятельности в частности[4]. Как отмечает В.С. Белых к таким направлениям относятся: государственная собственность и предпринимательство, использование форм и методов государственного планирования и нормирования (нормы, нормативы, квоты, система государственных, региональных и муниципальных заказов); государственное регулирование национального рынка России, государственное регулирование международных экономических отношений[5].

В учебной литературе по предпринимательскому праву под государственным регулированием предпринимательской деятельности предлагается понимать воздействие государства на нее путем принятия нормативных правовых актов, правовых актов индивидуального регулирования, организации контроля за соблюдением требований законодательства к предпринимателям и применения мер стимулирования

---

[1] Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. - М: Юрист, 1994. - С. 241; Теория государства и права: Учебник". (Цечоев В.К., Швандерова А.Р.)."Прометей", 2017.- С.36.

[2] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник.- М.: Юристъ, 2002.- С.59.

[3] Там же.

[4] Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: Монография. М.: Проспект, 2009. –С.159.

[5] Там же.

и ответственности к нарушителям этих требований[6]. Так, учебнике «Предпринимательское право Российской Федерации» под редакцией Е.П. Губина, П.Г. Лахно сформулировано, что государственное регулирование экономики - деятельность государства в лице его органов, направленная на реализацию государственной экономической политики с использованием специальных средств, форм и методов[7]. При этом выделены прямые (государственная регистрация субъектов предпринимательской деятельности, лицензирование отдельных видов предпринимательской деятельности и т.д.) и косвенные (средства денежно-кредитной и бюджетной политики, косвенное планирование, инструменты ценообразования и др.) методы государственного регулирования[8]. Как видно из приведенных примеров в литературе не сложилось единообразное определение термина «государственное регулирование предпринимательской деятельности». Вместе с тем всеми авторами признается целесообразность государственного регулирования в сфере экономики, при этом подчеркивается необходимость законодательного обеспечения соответствующих форм и методов регулирования предпринимательской деятельности.

В связи с отсутствием единообразного теоретического подхода к вопросам государственного регулирования предпринимательской деятельности, отсутствует и системная непротиворечивая правовая основа, обеспечивающая государственное регулирование в экономике.

В целом деятельность предпринимателей основана на положениях Конституции Российской Федерации, конституционных и федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, приказов, инструкций, постановлений министерств и других ведомств Российской Федерации, а также актов субъектов Российской Федерации и нормативных актов органов местного самоуправления.

В статье 2 ГК РФ содержится легальное определение предпринимательской деятельности, под которой понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Однако целостная правовая основа, обеспечивающая государственное регулирование предпринимательской деятельности, не создана

Целесообразность государственного регулирования в сфере предпринимательства признается на уровне государств – участников СНГ, что отражено в Модельном законе о предпринимательстве. Так, в Модельном законе определено, в частности, что закон направлен на регулирование отношений, связанных с государственным регулированием и контролем (надзором) в сфере предпринимательства, основанные на власти и подчинении (публичные отношения в сфере предпринимательства)[9]. Основам публичной организации предпринимательской деятельности по-

[6] Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / Р.Н. Аганина, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2017.-С.269.

[7] Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017.-С.269.

[8] Там же. С.273.

[9] Модельный закон о предпринимательстве // СПС КонсультантПлюс.

священ раздел III названного закона. Так, в главе 8 названы следующие формы публичной организации предпринимательской деятельности относятся:

- система законодательства государства и иные источники правового регулирования предпринимательства;
- система публичных органов государства, осуществляющих регулирование и контроль (надзор) в сфере предпринимательства;
- система способов публичной организации предпринимательства, применяемых в соответствии с законодательством государства.

К способам публичной организации предпринимательства отнесены:

- государственная регистрация лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, а также в случаях, предусмотренных законом, их имущества и сделок;
- выдача разрешений на осуществление отдельных видов предпринимательской деятельности (лицензирование);
- защита конкуренции;
- тарифное регулирование;
- техническое регулирование;
- определение обязательных требований к бухгалтерскому учету и отчетности;
- организация налогообложения в сфере предпринимательства;
- определение порядка приватизации предпринимателями публичного имущества;
- определение порядка национализации имущества предпринимателей;
- поддержка малого и среднего предпринимательства;
- внешнеторговое и валютное регулирование и контроль;
- иные способы, прямо предусмотренные законодательством государства[10].

Реализация экономической функции государства осуществляется с помощью различных правовых средств.

В одном из Обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации[11] отмечалось, что « в государственном регулировании предпринимательской и иной экономической деятельности используются как правовые средства, так и средства административного регулирования - разрешение совершения определенных действий (в том числе лицензирование); обязательные предписания совершения каких-либо действий; установление квот и других ограничений; применение мер административного принуждения; применение материальных санкций; контроль и надзор и т.д.»

Полагаем, что отраженные в Модельном законе о предпринимательстве направления, формы, способы государственного регулирования предпринимательской деятельности и выявленные судебной практикой средства государственного регулирования предпринимательской деятельности могут быть положены в основу системной правовой базы, обеспечивающей государственное регулирование предпринимательской деятельности в нефтяной отрасли в РФ. Но вместе с тем необходимо отметить, что пока в современных условиях в России не создана правовая основа государственного регулирования предпринимательской деятельности в целом. А госу-

---

[10] Модельный закон о предпринимательстве // СПС КонсультантПлюс.

[11] "Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 1 (2014)"(утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.12.2014) // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 3, март, 2015 (извлечение), "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 4, апрель, 2015 (извлечение).

дарственное регулирование предпринимательской деятельности в целом и инновационной деятельности в частности, как подчеркивается в Распоряжении Правительства РФ от 08.12.2011 N 2227-р, пока недостаточно конкурентоспособно[12].

В связи с этим необходимо обоснование целесообразности регулирования предпринимательской деятельности в нефтяной отрасли и создания соответствующей правовой основы.

В литературе отмечается, что нормы права в сфере экономики имеют тенденцию к специализации по отраслям производства или видам деятельности[13]. Полагаем, что в рамках этой тенденции целесообразно сформировать законодательство, регламентирующее предпринимательские отношения в нефтяной отрасли и в том числе, создать правовую основу, обеспечивающую государственное регулирование в нефтяном секторе экономики.

В дополнение к тем доводам, которые высказаны в литературе, можно также сослаться на положения нового Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД)[14], в соответствии с которым ОКВЭД 2 используется при решении, в частности. задач, связанных с разработкой нормативных правовых актов, касающихся государственного регулирования отдельных видов экономической деятельности.

Согласно ОКВЭД объектами классификации являются виды экономической деятельности. Экономическая деятельность имеет место тогда, когда ресурсы (оборудование, рабочая сила, технологии, сырье, материалы, энергия, информационные ресурсы) объединяются в производственный процесс, имеющий целью производство продукции (предоставление услуг). Экономическая деятельность характеризуется затратами на производство продукции (товаров или услуг), процессом производства и выпуском продукции (предоставлением услуг).

ОКВЭД 2 по аналогии с NACE Rev.2 содержит коды классифицируемых группировок видов экономической деятельности, наименования и описания, раскрывающие содержание группировки и/или дающие ссылки на другие группировки классификатора[15]. В разделе «Добыча полезных ископаемых» выделены группировки видов деятельности, связанных с добычей нефти и газа, а также сопутствующие им виды деятельности, связанные с поиском, разведкой, добычей, транспортировкой, переработкой, хранением и реализацией.

Стоит отметить, что в статье 1 Договора к Энергетической Хартии закреплено, что «хозяйственная деятельность в энергетическом секторе» означает хозяйственную деятельность, относящуюся к разведке, добыче, переработке, производству, хранению, транспортировке по суше, передаче, распределению, торговле, сбыту или продаже энергетических материалов и продуктов, за исключением тех, которые

---

[12] Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 N 2227-р <Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года> // "Собрание законодательства РФ", 02.01.2012, N 1, ст. 216.

[13] Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017.-С.91.

[14] "ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности" (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст) (ред. от 08.09.2017) // СПС КонсультантПлюс.

[15] Там же.

включены в Приложение № 1, или относящуюся к подаче тепла многим потребителям[16].

Полагаем, что целесообразно объединить виды хозяйственной деятельности в нефтяной отрасли, указанные в ОКВЭД, в одну группу в целях системного государственного регулирования соответствующих ее видов.

На наш взгляд целесообразность такого подхода может быть обоснована тем, что Правительство Российской Федерации в целях существенного упрощения процедур в ключевых сферах государственного регулирования ведет работу по улучшению условий ведения бизнеса в Российской Федерации[17]. По поручению Председателя Правительства Российской Федерации Агентство стратегических инициатив совместно с Минэкономразвития России и предпринимательским сообществом сформулировали Национальную предпринимательскую инициативу (НПИ). Инструменты в этой работе - дорожные карты, которые формируются по наиболее проблемным с точки зрения бизнеса сферам государственного регулирования. Мероприятия дорожных карт предусматривают достижение конкретного эффекта: сокращение количества и стоимости процедур, запрашиваемых госорганами документов и др.[18]

Как пример обоснованного государственного регулирования в нефтяной отрасли можно привести «большой налоговый маневр». Так, вступившие с 1 января 2015 года изменения в законодательстве Российской Федерации не привели к снижению объемов добычи и экспорта нефти. В действующих налоговых и таможенно-тарифных условиях нефтяные компании не отказываются от своих обязательств, взятых ими по соблюдению лицензионных соглашений при добыче нефти, а также модернизации нефтеперерабатывающих производств[19].

Кроме того, необходимо также отметить, что Приказом Минэнерго России от 6 июня 2011 года N 212 утверждена Генеральная схема развития нефтяной отрасли до 2020 года, конкретизирующая цели и задачи долгосрочного развития нефтяной отрасли России, в рамках которой подготовлен прогноз развития отрасли по внутреннему и внешнему рынкам нефти и нефтепродуктов; ресурсной базе и добыче нефти, газового конденсата и попутного газа; переработке нефти, газового конденсата и попутного газа; инфраструктуре транспортировки нефти и нефтепродуктов[20].

Достижение указанных целей целесообразно обеспечить соответствующей правовой основой. Предпринимательская деятельность в нефтяной отрасли нуждается в правом регулировании специальными нормами отрасли предпринимательского права.

---

[16] Договор в Энергетической Хартии // СПС КонсультантПлюс.

[17] Решение Экономического совета СНГ "Об Обзоре делового климата, льгот инвесторам, свободных экономических зон, промышленных и научно-технических парков государств-участников СНГ" // СПС КонсультантПлюс.

[18] Там же.

[19] Протокольное решение Экономического совета СНГ "Об информационно-аналитических и справочных материалах" (Документ вступил в силу 15 декабря 2017 года) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ http://cis.minsk.by/

[20] Решение Экономического совета СНГ "О ходе выполнения Плана первоочередных мероприятий по реализации Концепции сотрудничества государств - участников СНГ в сфере энергетики" // СПС КонсультантПлюс

Как отмечено в Прогнозе экономического развития основными факторами, определяющими развитие нефтедобычи, являются качество разведанной сырьевой базы, применение новых технологий, позволяющих увеличить коэффициент извлечения нефти, уровень цен на нефть на мировых рынках, налоговая политика, а также развитие инфраструктуры. Приоритетными направлениями развития нефтегазового комплекса становятся стимулирование внедрения перспективных технологий добычи, формирование и развитие новых крупных центров добычи нефти и сопутствующей инфраструктуры[21].Очевидно, что перечисленные сферы экономики являются объектом государственного регулирования.

Кроме того, в Энергетической стратегии определено, что стратегическими целями развития нефтяного комплекса являются:

стабильное, бесперебойное и экономически эффективное удовлетворение внутреннего спроса на нефть и продукты ее переработки;

активное, без ущерба для внутренних потребностей и будущих поколений граждан, участие в обеспечении мирового спроса на нефть и нефтепродукты;

обеспечение стабильных поступлений в доходную часть консолидированного бюджета страны в соответствии со значением энергетического сектора в формировании валового внутреннего продукта и экспорта на заданном временном этапе государственной энергетической политики;

инвестиционно-инновационное обновление комплекса, направленное на повышение энергетической, экономической и экологической эффективности его функционирования[22].

Перечисленные цели относятся к сфере публично-правового регулирования со стороны государства, как это было отмечено нами при характеристике Модельного закона о предпринимательстве.

Для повышения уровня государственного регулирования в нефтяной отрасли представляется возможным на уровне правительства РФ подготовить и принять Стратегию развития нефтяной отрасли на предстоящие 10-12 лет, например, до 2030 года. В данной стратегии целесообразно выделить раздел о создании системной непротиворечивой правовой основы государственного регулирования предпринимательской деятельности в нефтяной отрасли. Такая стратегия могла бы придать импульс для развития по инновационному сценарию, который предполагает значительно более сложную модель управления и для государства, и для бизнеса[23], а также способствовать решению современных проблем отрасли[24] и достижению целей Энергетической стратегии.

---

[21] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года" // СПС КонсультантПлюс

[22] Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 N 1715-р <Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года> // "Собрание законодательства РФ", 30.11.2009, N 48, ст. 5836

[23] "Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года"(разработан Минэкономразвития России) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте http://www.economy.gov.ru по состоянию на 30.04.2013.

[24] Помимо влияния внешнеэкономической и геополитической ситуации, роста конкуренции на мировом рынке нефти, а также развития технологий, позволяющих вовлечь в разработку огромное количество ресурсов, на российскую нефтяную отрасль оказывают влияние истощение экономических и рентабельных запасов в регионах добычи с развитой инфраструктурой (Западная Сибирь, Урал, Поволжье), сложные природные условия и неразвитость инфраструктуры в новых регионах добычи (Восточ-

Список литературы

1. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: Монография. М.: Проспект, 2009. –С.159.
2. Договор к Энергетической Хартии // СПС КонсультантПлюс.
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. - М.: Юристъ, 2002.- С.59.
4. Модельный закон о предпринимательстве // СПС КонсультантПлюс.
5. "Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 1 (2014)"(утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.12.2014) // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 3, март, 2015 (извлечение), "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 4, апрель, 2015 (извлечение).
6. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. - М: Юрист, 1994. - С. 241; Теория государства и права: Учебник". (Цечоев В.К., Швандерова А.Р.)."Прометей", 2017. - С. 36.
7. "ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности" (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст) (ред. от 08.09.2017) // СПС КонсультантПлюс.
8. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / Р.Н. Аганина, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2017. - С. 269.
9. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. - С.269.
10. "Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года"(разработан Минэкономразвития России) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте http://www.economy.gov.ru по состоянию на 30.04.2013.
11. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов" // СПС КонсультантПлюс).
12. Протокольное решение Экономического совета СНГ "Об информационно-аналитических и справочных материалах" (Документ вступил в силу 15 декабря 2017 года) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ http://cis.minsk.by/
13. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 N 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // "Собрание законодательства РФ", 02.01.2012, N 1, ст. 216.
14. Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 N 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года» // "Собрание законодательства РФ", 30.11.2009, N 48, ст. 5836.
15. Решение Экономического совета СНГ "Об Обзоре делового климата, льгот инвесторам, свободных экономических зон, промышленных и научно-технических парков государств-участников СНГ" // СПС КонсультантПлюс.
16. Решение Экономического совета СНГ "О ходе выполнения Плана первоочередных мероприятий по реализации Концепции сотрудничества государств - участников СНГ в сфере энергетики" // СПС КонсультантПлюс.

Gusyakov V. Yu. State regulation of business activity in the oil industry // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 450-457.

The article analyzes the opinions found in the literature on the expediency of state regulation of business activity in general and in certain sectors of the economy. The issues of legislative support in the field of state regulation of entrepreneurship, including in the oil industry, are considered. Based on the All-Russian classifier of economic activities, it is proposed to combine the types of economic activities related to oil production into one group. It is revealed that at the level of the CIS member states, the Model Law on Entrepreneurship contains provisions on state regulation of entrepreneurial activity - on state regulation and control (supervision) in the field of entrepreneurship (public relations in the field of entrepreneurship). It is proposed to devel-

---

ная Сибирь, Крайний Север, Дальний Восток), а также нехватка необходимых компетенций для реализации шельфовых и других сложных проектов при ограничениях импорта оборудования и технологий для их реализации. Для повышения конкурентоспособности российской нефтедобычи необходимым условием становится снижение себестоимости добычи и геологоразведки нефти с привлечением новых более экономичных технологий, а также создание благоприятных и эффективных налоговых условий, в том числе в рамках реализации "большого налогового маневра" ("Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов" // СПС КонсультантПлюс).

op and adopt at the level of the Government of the Russian Federation a Strategy for the development of the oil industry, in which it is advisable to allocate a section on the legal support of state regulation in this sector of economic activity.

Key words: state regulation, business activity, oil industry.

Spisok literatury

1. Belyh V.S. Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti v Rossii: Monografiya. M.: Prospekt, 2009. –S.159.
2. Dogovor k Energeticheskoj Hartii // SPS Konsul'tantPlyus.
3. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik. - M.: YUrist", 2002.- S.59.
4. Model'nyj zakon o predprinimatel'stve // SPS Konsul'tantPlyus.
5. "Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 1 (2014)"(utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 24.12.2014) // "Byulleten' Verhovnogo Suda RF", N 3, mart, 2015 (izvlechenie), "Byulleten' Verhovnogo Suda RF", N 4, aprel', 2015 (izvlechenie).
6. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: Uchebnik / Pod red. V. V. Lazareva. - M: YUrist, 1994. - S. 241; Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik". (Cechoev V.K., SHvanderova A.R."Prometej", 2017. - S. 36.
7. "OK 029-2014 (KDES Red. 2). Obshcherossijskij klassifikator vidov ekonomicheskoj deyatel'nosti" (utv. Prikazom Rosstandarta ot 31.01.2014 N 14-st) (red. ot 08.09.2017) // SPS Konsul'tantPlyus.
8. Predprinimatel'skoe pravo: Pravovoe soprovozhdenie biznesa: uchebnik dlya magistrov / R.N. Aganina, V.K. Andreev, L.V. Andreeva i dr.; otv. red. I.V. Ershova. M.: Prospekt, 2017. - S. 269.
9. Predprinimatel'skoe pravo Rossijskoj Federacii: Uchebnik / E.G. Afanas'eva, A.V. Belickaya, V.A. Vajpan i dr.; otv. red. E.P. Gubin, P.G. Lahno. 3-e izd., pererab. i dop. M.: NORMA, INFRA-M, 2017. - S.269.
10. "Prognoz dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda"(razrabotan Minekonomrazvitiya Rossii) // Tekst dokumenta priveden v sootvetstvii s publikaciej na sajte http://www.economy.gov.ru po sostoyaniyu na 30.04.2013.
11. Prognoz social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na 2017 god i na planovyj period 2018 i 2019 godov" // SPS Konsul'tantPlyus).
12. Protokol'noe reshenie Ekonomicheskogo soveta SNG "Ob informacionno-analiticheskih i spravochnyh materialah" (Dokument vstupil v silu 15 dekabrya 2017 goda) // Edinyj reestr pravovyh aktov i drugih dokumentov SNG http://cis.minsk.by/
13. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 08.12.2011 N 2227-r «Ob utverzhdenii Strategii innovacionnogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda» // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 02.01.2012, N 1, st. 216.
14. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 13.11.2009 N 1715-r «Ob Energeticheskoj strategii Rossii na period do 2030 goda» // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 30.11.2009, N 48, st. 5836.
15. Reshenie Ekonomicheskogo soveta SNG "Ob Obzore delovogo klimata, l'got investoram, svobodnyh ekonomicheskih zon, promyshlennyh i nauchno-tekhnicheskih parkov gosudarstv-uchastnikov SNG" // SPS Konsul'tantPlyus.
16. Reshenie Ekonomicheskogo soveta SNG "O hode vypolneniya Plana pervoocherednyh meropriyatij po realizacii Koncepcii sotrudnichestva gosudarstv - uchastnikov SNG v sfere energetiki" // SPS Konsul'tantPlyus.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 458-461.

УДК 340 (569.1)

ИСЛАМ КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СИРИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ 1950 ГОДА

Байрамов А. А., Тофан М.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Статья посвящена исследованию статуса исламской религии в конституции Сирийской Арабской Республики 1950 г. и роли партии «Братьев-мусульман», игравших значимую роль в правительстве в период обсуждения конституции. В статье рассматриваются конституционные дискуссии между различными сирийскими партиями относительно конституционных статей, в которых упоминается ислам, а частности: вопрос о верховенстве исламской религии, проблема исламского вероисповедания президента, вопросы образования, суверенитета и свобод, сформулированных в соответствии с исламской религией.

Ключевые слова: Сирийская Арабская Республика, ислам, «Братья-мусульмане», конституция, суверенитет, вероисповедание президента.

Возникновение независимого сирийского государства пришлось на начало XX века. Земли современной Сирийской Арабской Республики входили в состав Османской империи, поражение которой в Первой мировой войне привело к появлению в 1920 г. Сирийского арабского королевства. Однако молодое арабское государство с центром в Дамаске просуществовало всего несколько месяцев, попав под французскую оккупацию, легализованную в 1922 г. Лигой Наций, выдавшей Франции Мандат на сирийскую территорию.

Конституционное развитие Сирии берет свое начало еще во время французского мандата, когда под давлением сирийского восстания 1925-1927 гг., была принята первая конституция Сирии.

1930-1950 гг. – это период, называемый в историографии Первой Республикой Сирии. Первая конституция Сирии была принята в 1930 году. Она декларировала: «Сирия есть независимое и суверенное государство» (ст. 1) [1]. Однако статья 116, включенная в конституцию без санкции Учредительного собрания, сводила на нет сирийский суверенитет. Она гласила: «Ни одно постановление настоящей конституции не стоит и не может стоять в противоречии с теми обязательствами, которые Франция приняла на себя, поскольку то касается Сирии и в особенности по отношению к Лиге наций» [1].

В 1936 г. под давлением сирийского национально-освободительного движения было заключено франко-сирийское соглашение, в соответствии с которым декларировалась независимость Сирии и предусматривалась отмена мандатной системы в трехлетний период. Реализовать договор по вине Франции, объявившей в 1939 г. об отмене договора, не удалось. Сирия обрела формальную независимость только в 1941 г., однако фактическое освобождение ее территории от французских войск произошло в 1946 г., причем не без участия СССР, который на десятки лет стал важнейшим внешнеполитическим партнером молодой страны.

С 1946 г. начинается новый этап развития Сирии – период панарабизма, но с акцентом на социализм. 1949-1963 гг. – стали временем военных переворотов. При этом внутриполитические дискуссии велись вокруг парламентской системы и месте в ней президентской власти.

Сторонники ограничения власти президента республики особое значение придают Конституции 1950 г., принятой Учредительным собранием и действовавшей с перерывами и незначительными изменениями до 1958 года. 1950-1958 гг. – принято называть периодом Второй Сирийской Республики.

В ситуации политической нестабильности и правительственной чехарды Конституцию 1950 г. следует признать уникальным явлением. Ее основная специфика проявилась: в административной децентрализации; примате законодательной власти над президентской; установлении судебного надзора за исполнением конституции; провозглашении шариата основным источником законодательства. Российские исследователи И.Д. Левин, В.А. Мамаев называют эту конституцию конституцией «развернутого парламентаризма, устанавливающую верховенство парламента» [4, с. 136].

Религия в Сирии всегда была основным элементом конституционной и политической борьбы. Нельзя не согласиться с Ю.Б. Щегловиным, что «необходимо проводить различие между ссылками на религию, особенно ислам, религиозное отношение к государству, как к своеобразной идентичности, и ролью религии, как источника законодательства» [5].

Конституция 1950 г. была светской и включала два пункта, где упоминался ислам: «религией Президента республики является ислам» и «мусульманское право служит основным источником законодательства» [2]. Найденный компромисс был достигнут непросто, ему предшествовал период острой политической борьбы.

В 1949 г. президентом был избран Аль-Атасси Хашим, считавшим одним из своих главных приоритетов проведение выборов в Учредительное собрание для разработки новой конституции страны. 5 ноября был издан новый закон о выборах, в соответствии с которым даже сирийские женщины впервые участвовали в выборах [6, с. 55]. Собрание провело свое первое заседание 12 декабря 1949 г. и избрало Рушди Кихиа главой Народной партии, а Хашима аль-Атасси - президентом республики. 28 декабря был сформирован комитет по разработке конституции [6, с. 55].

По информации Назима аль-Кудси, комитет по разработке конституции рассмотрел пятнадцать европейских и азиатских конституций, чтобы достичь «наивысших возможных стандартов». 15 апреля 1950 г. комитет завершил свою работу, а собрание приступило к обсуждению проекта на летней сессии 22 июля. Проект состоял из 177 статей, в ходе обсуждения 11 статей было отклонено. Проект конституции в окончательном виде включал 166 статей. Среди ее разработчиков Рушди Кикхиа (председатель конституционного комитета), Мустафа Аль-Сибаи, Абдель-Вахаб Суккар, Мохамед Мубарак, Субхи Аль-Омари, Абдель-Вахаб Хомед, Назем Аль-Кудси, Джалмеал Аль-Сайед [6, с. 170].

Наибольшие разногласия вызвали положения о вероисповедании президента (исламе) и указании на исламское право как основной источник законодательства. Конституционный комитет обратился к народу с призывом высказать свое мнение по вопросу провозглашения ислама государственной религией. Партия «Братьев-мусульман» вынуждена была участвовать в жестких дебатах через посредничество

Мустафы Аль-Сибаи - единственного члена «Братьев-мусульман» в конституционном комитете, возглавлявшего сирийское отделение этого транснационального общественно-политического движения.

Аль-Себаи выступал за провозглашение ислама государственной религией. В процессе политической дискуссии с Ильясу Думару, критиковавшему фразу: «религия государства - ислам», он сказал: «Утверждение о том, что провозглашение в тексте конституции ислама как государственной религии разжигает религиозную рознь - это ложь. В политических правах мы не хотим отличать мусульман от других и не стремимся оскорбить лишить прав христианских граждан» [6, с. 60].

Инициативы «Братьев-мусульман» не были поддержаны другими парламентскими блоками такими, как: «Народная партия», «Национальная партия» и другие. Было принято решение изложить статью о государственной религии в следующей редакции: «1. Религией Президента республики является ислам. 2. Мусульманское право служит основным источником законодательства. 3. Свобода вероисповедания охраняется. Государство уважает все монотеистические религии и гарантирует свободу совершения ритуалов при условии не нарушения общественного порядка. 4. Персональный статус религиозных общин охраняется и уважается» [2].

Несмотря на то, что инициативы «Братьев-мусульман» не были поддержаны, Мустафа аль-Сибаи защищал конституцию 1950 г. и в ее светской редакции. Замена фразы – «ислам - религия государства», на которой он настаивал, на фразу - «ислам - религия президента» все равно было направлена на подчеркивание значимости ислама как основы сирийской национально-государственной идентичности. Президент республики должен быть представителем мусульманского большинства.

Упоминание шариата в конституции в качестве основного источника законодательства свидетельствовало об идеологической ориентации всей политико-правовой системы Сирии, но не превращало его в официальный источник права.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что Конституция Сирийской республики 1950 года явилась правовой базой для дальнейшего развития борьбы народа Сирии за государственную независимость. Конституция отдавала дань исламу, как основе национально-государственной идентичности.

Список литературы:

1.Wadih Bashur, Syria made a state and the birth of a nation.- Damascus,1964. - 301 p.
2.Конституция Сирийской Республики от 14 мая 1930 года // http://usa-history.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st657.shtml.
3.Конституция Сирийской Республики от 5 сентября 1950 года // https://worldconstitutions.ru/?p=698
4.Левин, И.Д. Государственный строй стран арабского востока [Текст] / И. Д. Левин, В. А. Мамаев. - Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. - 312 с.
5.Щегловин Ю.Б Турецкие аналитики о конституционном процессе в Сирии // http://www.iimes.ru/?p=64609.
6.Gordon H. Torrey, Syrian Politics and the Military, 1945-1958. - Ohio, 2008.- 438 p.

Bajramov A. A., Tofan M. Islam as the basis of state identity in the syrian constitution of 1950 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 6 (72). № 4. – P. 458-461.

The article is devoted to the study of the status of the Islamic religion in the constitution of the Syrian Arab Republic of 1950 and the role of the Muslim Brotherhood party, which played a significant role in the government during the discussion of the constitution. The article examines constitutional discussions between various Syrian parties regarding constitutional articles that mention Islam, in particular: the issue of the su-

premacy of the Islamic religion, the problem of the Islamic religion of the president, issues of education, sovereignty and freedoms formulated in accordance with the Islamic religion.

Key words: Syrian Arab Republic, Islam, Muslim Brotherhood, constitution, sovereignty, religion of the president.

List of literature

1. Wadih Bashur, Syria made a state and the birth of a nation.- Damascus,1964. - 301 p.
2. The Constitution of the Syrian Republic of May 14, 1930 // http://usa-history.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st657.shtml.
3. Constitution of the Syrian Republic of September 5, 1950 // https://worldconstitutions.ru/?p=698
4. Levin, I. D. The state system of the countries of the Arab East [Text] / I. D. Levin, V. A. Mamaev. - Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. - 312 p.
5. Shcheglovin Yu. B. Turkish analysts on the constitutional process in Syria. http://www.iimes.ru/?p=64609.
6. Gordon H. Torrey, Syrian politics and Military Operations, 1945-1958. - Ohio, 2008. - 438 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 462-467.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О СЛОЖНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКТЕ

Цуканова Е. Ю.

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»

В статье анализируется проблема необходимости использования такой правовой конструкции как сложный юридический факт. Обозначена актуальность данной проблематики для современного уровня теории права. На основе исследования подходов различных ученых к решению данного вопроса выявляются доводы сторонников и противников анализируемого понятия. Высказывается критическое отношение к данной правовой категории поскольку это приводит к ее смешению с понятием «фактический состав». Формулируется вывод о том, что совокупность отдельных элементов юридического факта охватывается понятием фактического состава, вследствие чего формирование в теории права конструкции «сложного юридического факта» или «состава юридического факта» считается излишним.

Ключевые слова: сложный юридический факт, состав юридического факта, фактический состав, основание возникновения правоотношений, правовая конструкция.

Одним из дискуссионных вопросов теории юридических фактов, в отношении которого отсутствует единство точек зрения, является проблема необходимости использования такого понятия как сложный юридический факт. Если признавать полезность данной правовой конструкции, то можно говорить о наличии состава юридического факта, что, в свою очередь, обусловит потребность в его разграничении с фактическим составом, под которым понимается совокупность взаимосвязанных юридических фактов, одновременное наличие которых является основанием возникновения, изменения или прекращения правоотношений.

Первым в отечественной правовой науке кто предложил идею о необходимости конструирования данной правовой категории, был Н.Г. Александров. Ученый определял сложный юридический факт, как «совокупность признаков, при наличии которых соответствующий жизненный факт … должен влечь те или иные юридические последствия для лиц, которых данный факт касается» [1, с. 174]. Обсуждение данной правовой конструкции в советском, а затем и современном российском праве обнаружило как ее сторонников, так и противников.

К числу сторонников можно отнести В.Б. Исакова, которым была отмечена необходимость разграничения фактических составов (как совокупности юридических фактов) от сложных юридических фактов под которыми он понимает «систему признаков факта». Нетрудно заметить прямое соответствие с составом юридического факта. Применение конструкции сложного юридического факта, по мысли ученого, позволяет «охватывать жизненные обстоятельства укрупненно, комплексно» и дает возможность «отражать общественные отношения с высокой степенью избирательности. Сложный юридический факт позволяет охватить обширную социальную ситуацию не прибегая к фактическому составу» [2, с. 27-28]. М.А. Рожкова, поддерживая данную позицию, отмечает важность использования термина «состав» в тех случаях, когда имеется необходимость «детального анализа явления, процесса,

действия». В качестве типичного примера приводит состав юридической сделки, который был разработан еще в римском праве [3, с. 36].

С.А. Зинченко, признавая идею состава юридического факта, вообще отказывает фактическому составу в праве на существование. По мнению ученого для обозначения совокупности обстоятельств, совместно влекущих возникновение правовых последствий, должно использование понятие «сложный юридический факт» [4, с. 37].

Вместе с тем, ряд авторов настаивают на отсутствии необходимости введения данного понятия в научный юридический лексикон. Так, против этого возражал еще О.А. Красавчиков, критиковавший данную идею с позиции того, что юридический факт является объективной реальной действительностью. Следовательно, отдельные элементы такой действительности (если имеется нужда в их выделении) также необходимо рассматривать как «явления и процессы, но не признаки явлений и процессов» [5, 18-19]. Как видно из данных рассуждений ученый не отвергал наличие составных элементов в содержании юридического факта, но в их качестве однозначно не рассматривал признаки такого факта.

Негативное отношение к обособлению понятия сложного юридического факта, с несколько иным обоснованием, выражал С.С. Алексеев. Ученый писал о невозможности выявления общих признаков для правомерных и неправомерных действий, а, следовательно, искусственном характере конструирования данного явления. Кроме того, отмечалась недопустимость использования этого понятия в отношении событий [6, с. 49].

Наиболее обстоятельно к решению этого вопроса подошел В.А. Белов, также указывающий на искусственность формирования конструкции состава юридического факта. Исходным посылом является положение о том, что юридический факт как явление государственно-правовой действительности относится к числу «конечных, неделимых (неразложимых на составные части) субстанций, в силу чего понятие о составе юридического факта оказывается в лучшем случае образным, если не бессодержательным» [7, с. 22].

Объясняет он свою позицию на примере различного рода недействительных сделок. Например, сделок, совершаемых с целью, противной основам правопорядка или же совершенных недееспособным лицом, или же лицом, действовавшим под влиянием обмана. Автор задается вопросом – что же представляют собой эти намерения, недееспособность и заблуждение, вызванное обманом? И отвечает при этом – это не элементы (или признаки) самой сделки, а всего лишь условия ее совершения. При этом значимо, что они характеризуют не действие (сделку), а состояние лица, ее совершившего, то есть условия, относящиеся к разряду юридических состояний. На этом основании В.А. Белов утверждает, что «конструкция состава юридического факта умножает сущности без необходимости, а потому не имеет права на существование» [7, с. 24].

Полагаем, что однозначно правильного решения данного вопроса не существует. Это связано с тем, что само понятие о факте, его элементах и признаках не имеет единообразного понимания. Теория юридических фактов призвана перевести всю многовариантность и многоаспектность развития жизненных явлений и процессов в правовой язык для адекватного отражения объективных реалий в нормативной системе. Праву приходится иметь дело с отдельными фрагментами жизненных ситуаций. В их качестве могут выступать различные оттенки как объективной, так и

субъективной составляющей бытия. Причем объем каждого такого ситуационного элемента может быть далеко не одинаковый. Любой оттенок объективной реальности может быть признан правом в качестве основания для правовых последствий. Однако фрагмент с минимальным объемом, то есть первооснова всей фактической составляющей для применения права, не определен. В силу сказанного, полагаем, следует согласиться с В.А. Беловым в том, что юридический факт должен рассматриваться в качестве «конечной и неделимой» субстанции.

Поясним это на традиционном для данного вопроса примере состава правонарушения, который включает в себя элементы как объективного, так и субъективного порядков. К примеру, полный состав гражданского правонарушения включается в себя следующие элементы: 1) наличие вреда; 2) наличие вины причинителя вреда; 3) наличие противоправности в деянии причинителя; 4) наличие причинно-следственной связи между противоправным деянием и наступившим вредом. Каждый из этих элементов имеет юридическое значение, и в совокупности они образуют основание применения мер гражданско-правовой ответственности. Можно ли их рассматривать в качестве самостоятельных юридических фактов? О.А. Красавчиков в этом отношении давал отрицательный ответ и писал, что «ни вред, ни вина не являются сами по себе юридическими фактами. Они – элементы самостоятельного юридического факта – причинения вреда» [5, с. 57]. Полагаем, что такой подход, хотя и возможен, но вряд ли целесообразен. Здесь следует обратить внимание на следующее.

Каждый из элементов фактического состава может иметь значение не только в представленной совокупности, но и самостоятельное значение. Например, возможны ситуации, когда гражданско-правовая ответственность возникает только при наличии противоправного деяния (факт противоправности), как это может иметь место при штрафной неустойке (ст. ст. 330, 394 ГК РФ). Допустим вариант, при котором вред причиняется в результате правомерных действий. Такой вред в силу п. 3 ст. 1064 ГК РФ подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом. Иногда подлежит возмещению вред, который причинен противоправным действием, но при отсутствии вины причинителя. Такие составы предусмотрены, например, ст. 1070 ГК РФ (Ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда), ст. 1079 (Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих) и некоторые другие.

Как видно законодатель конструирует различные варианты сочетания элементов, которые составляют содержание полного состава. При этом они могут приводить к разным правовым последствиям. В силу сказанного считаем более целесообразным рассматривать данные явления как самостоятельные юридические факты. Последние отражают различные оттенки объективного бытия и помогают законодателю наиболее точно отражать специфику той фактической ситуации, которую он желает рассматривать в качестве основы для возникновения правовых последствий.

В этой связи, к примеру, считаем не вполне корректным деление неправомерных действий на правонарушения и объективно-противоправные деяния [8, с. 39-40]. Неправомерное действие само по себе не должно рассматриваться как правонарушение, под которым обычно понимается виновное противоправное деяние, которое повлекло за собой причинение вреда (убытков). Само же неправомерное действие

составляет объективную сторону такого правонарушения, которое при отсутствии иных составляющих не приводит к последствиям в виде применения мер юридической ответственности. Представляется, что корректной классификацией неправомерных деяний будет такая, которая осуществляется в зависимости от степени их опасности для правопорядка. Смешение же объективных и субъективных начал в рамках одного юридического факта, полагаем, неверным (особенно в тех ситуациях, когда законодатель придает значимость наличию или отсутствию этих элементов).

Отдельно хотелось бы остановиться на таком элементе состава правонарушения как вина, которая выступает в качестве субъективной составляющей. Под ней понимается внутреннее психическое отношение лица к совершаемому им противоправному деянию, а также к последствиям такого деяния. Рассматривая каждый из элементов фактического состава в качестве юридического факта, может возникать сомнение, связанное с тем, а может ли в качестве юридического факта рассматриваться такого рода внутреннее психическое отношение. Полагаем, что это, безусловно, возможно. В качестве факта реальной действительности способно выступать любое явление как объективного, так и субъективного свойства.

Юридический факт – понятие многогранное, которое охватывает любые оттенки реальной действительности, в том числе внутренние цели и мотивы поведения человека. Еще в дореволюционной правовой науке неоднократно обращалось на это внимание. Здесь будет вполне уместным привести высказывание известного российского дореволюционного ученого в области уголовных доказательств Л.Е. Владимирова, который, используя слово «факт», говорит, что «под это понятие подходит:

1) всякая вещь, состояние вещей, соотношение вещей, словом всякое явление, которое может быть воспринято нашими чувствами;

2) всякое психическое состояние, могущее быть предметом нашей сознательности.

Что существуют предметы, расположенные в известном порядке, есть факт; что человек видел или слышал что-нибудь, есть факт; что человек сказал слово или целый ряд слов, есть факт; что человек держится известного мнения, имеет известное намерение, действует добросовестно, любит, ненавидит, сознавал в данное время данное состояние, был в известном состоянии здоровья, имел такую-то репутацию, все это факты» [9, с, 136]. Если по воле законодателя с такого рода фактами связываются определенные правовые последствия, то, полагаем, отсутствуют препятствия рассматривать их в качестве юридических фактов.

Кроме того, можно найти аргументы в пользу самостоятельного характера отдельных элементов состава правонарушения и в правоприменительной плоскости. Совокупность юридических фактов, подлежащих доказыванию по конкретному судебному делу, как известно, именуется предметом судебного доказывания. Судья определяет предмет судебного доказывания на этапе подготовки дела и указывает на перечень обстоятельств, имеющих значение по делу, в определении о подготовке дела к судебному разбирательству. Как правило, если предметом спора является привлечение ответчика к гражданско-правовой ответственности, то судья перечисляет каждый их элементов состава гражданского правонарушения в качестве отдельных фактов. Полагаем, что это вполне логично и обосновано с практической

точки зрения. Каждый их элементов состава может в конечном итоге влиять на итоговый результат.

Данные суждения относительно правовой характеристики отдельных элементов состава правонарушения равным образом можно распространить на иные фактические ситуации, которые характеризуются неоднородностью в плане качественных особенностей. Последние могут быть смешением объективных и субъективных начал, включать отдельные признаки объектов или субъектов и иные фрагменты бытия, которым право придает юридическое значение. Все они способны рассматриваться в качестве самостоятельных юридических фактов, которые изучаются нами как элементарная частица фактической обоснованности права. Их совокупность вполне может охватываться таким правовым понятием как фактический состав. Вследствие сказанного считаем формирование в теории права конструкции «сложного юридического факта» или «состава юридического факта» излишним.

Вместе с тем, мы вполне осознаем, что приведенные аргументы не могут рассматриваться как однозначное доказательство сделанного вывода. Однако, если при объяснении правовых явлений можно обойтись известными и устоявшимися понятиями, то не стоит формировать новых. В этом вопросе можно воспользоваться методологическим принципом с условным наименованием «Бритва Оккама», согласно которому «не следует множить сущее без необходимости» (либо «не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости»).

Список литературы

1. Александров, Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н. Г. Александров. – М.: Госюриздат, 1955. – 176 с. – Текст : непосредственный.
2. Исаков, В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В.Б. Исаков. – Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 1980. – 128 с. – Текст : непосредственный.
3. Рожкова, М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. … д-ра юрид. наук / Рожкова Марина Александровна. – М., 2010. – 418 с. – Текст : непосредственный.
4. Зинченко, С.А. Юридические факты в механизме правового регулирования / С.А. Зинченко. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 152 с. – Текст : непосредственный.
5. Красавчиков, О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. – 184 с. – Текст : непосредственный.
6. Алексеев, С.С. О составе гражданского правонарушения / С.С. Алеексеев // Правоведение. – 1958. – № 1. – С. 47-53. – Текст : непосредственный.
7. Белов, В.А. Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 2. Факты: учебник для академического бакалавриата и магистратуры / В. А. Белов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 497 с. – Текст : непосредственный.
8. Муругина, В.В. Дефективность юридических фактов как негативная черта правовой системы: дис. … канд. юрид. наук / Муругина Вероника Васильевна. 12.00.01. – Саратов, 2010. – 208 с. – Текст : непосредственный.
9. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула: Автограф, 2000. – 461 с. – Текст : непосредственный.

Tsukanova E. Yu. On the question of a complex legal fact // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – P. 462-467.

This article analyzes the problem of the need to use such a legal structure as a complex legal fact. The relevance of this issue for the modern level of the theory of law is indicated. Further, based on the study of the approaches of various scientists to the solution of this issue, the arguments of the supporters and opponents of the analyzed concept are revealed. A critical attitude towards this legal category is expressed, since this leads to its confusion with the concept of the actual composition. It is concluded that the totality of individual elements of a legal fact is covered by the concept of actual composition, as a result of which the formation in the

theory of law of the construction of a “complex legal fact” or “composition of a legal fact” is considered redundant.

Keywords: complex legal fact, the composition of a legal fact, the actual composition, the basis for the emergence of legal relations, legal structure.

Spisok literatury`

1. Aleksandrov, N.G. Zakonnost' i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve / N. G. Aleksandrov. – M.: Gosyurizdat, 1955. – 176 s. – Tekst : neposredstvennyj.
2. Isakov, V.B. Fakticheskij sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya / V.B. Isakov. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1980. – 128 s. – Tekst : neposredstvennyj.
3. Rozhkova, M.A. Teorii yuridicheskih faktov grazhdanskogo i processual'nogo prava: ponyatiya, klassifikacii, osnovy vzaimodejstviya: dis. … d-ra yurid. nauk / Rozhkova Marina Aleksandrovna. – M., 2010. – 418 s. – Tekst : neposredstvennyj.
4. Zinchenko, S.A. YUridicheskie fakty v mekhanizme pravovogo regulirovaniya / S.A. Zinchenko. – M.: Volters Kluver, 2007. – 152 s. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Krasavchikov, O.A. YUridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave / O.A. Krasavchikov. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoj literatury, 1958. – 184 s. – Tekst : neposredstvennyj.
6. Alekseev, S.S. O sostave grazhdanskogo pravonarusheniya / S.S. Aleekseev // Pravovedenie. – 1958. – № 1. – S. 47-53. – Tekst : neposredstvennyj.
7. Belov, V.A. Grazhdanskoe pravo. V 4 t. T. II. Obshchaya chast'. V 2 kn. Kniga 2. Fakty: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata i magistratury / V. A. Belov. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2016. – 497 s. – Tekst : neposredstvennyj.
8. Murugina, V.V. Defektivnost' yuridicheskih faktov kak negativnaya cherta pravovoj sistemy: dis. … kand. yurid. nauk / Murugina Veronika Vasil'evna. 12.00.01. – Saratov, 2010. – 208 s. – Tekst : neposredstvennyj.
9. Vladimirov, L.E. Uchenie ob ugolovnyh dokazatel'stvah / L.E. Vladimirov. – Tula: Avtograf, 2000. – 461 s. – Tekst : neposredstvennyj.

НАШИ АВТОРЫ

Абасов Гафис Гасан оглы	*Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Крымского юридического института(филиала)Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, доцент*
Аведян А. А.	*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России*
Адаховская С. В.	*к.ю.н., доц. кафедры административной деятельности органов внутренних дел*
Азарова Е. С.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»*
Арсентьева С. С.	*к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Института права ЧелГУ (Челябинский государственный университет)*
Ахмадиева Г. Р.	*обучающаяся юридического факультета ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева».*
Байрамов А. А.	*соискатель к-ры теории и истории государства и права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»*
Басова Ю. Ю.	*к.ю.н., доц., доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Борецкая Л. Р.	*старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Браузман О. А.	*ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет», магистрант 2 курса, юрист*
Бредихин А. Л.	*к.ю.н., старший преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России*
Булахова И. А.	*студентка 4 курса Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"*
Волков В. Ю.	*к.ю.н., доц. кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"*
Гаук А. М.	*аспирант кафедры истории и теории государства и*

	права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Гончарова В. А.	*ассистент кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета; ассистент кафедры информационного права Юридического факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники*
Гусяков В. Ю.	*к.ю.н., доц. Севастопольский государственный университет*
Донская (Кавелина) О. Г.	*к.ю.н., доц. кафедры уголовного права Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Евсикова Е. В.	*к.ю.н., доц. кафедры административного и финансового права – начальник отдела по организации научной и редакционно-издательской деятельности Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"*
Ерёмина И. С.	*д.пед.н., к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин. Крымский филиал Российского государственного университета правосудия*
Заброда Д. Г.	*к.ю.н., доцент, профессор кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Иващенко Е. С.	*выпускник аспирантуры КФУ им. В. И. Вернадского*
Кашкаров А. А.	*д.ю.н., доц., начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Киров А. А.	*аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Клемешев В. Б.	*начальник ФГБУ «Военный санаторий «Крым» Министерства обороны Российской Федерации*
Кравченко Н. А.	*к.э.н., доц. кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"*
Кобленков А. Ю.	*старший преподаватель кафедры огневой подготовки Нижегородская академия МВД России*
Коваленко К. Е.	*к.ю.н., доц. Алтайский государственный университет*
Кузьмина А. В.	*соискатель Белгородского государственного национального исследовательского университета*

Марьин Е. В.	*доц. кафедры земельного права и государственной регистрации недвижимости ФГБОУ ВО «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАиК)*
Михайлов В. В.	*доцент, д. и. н., проф. кафедры истории и философии Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (ГУАП)*
Москалева (Коваль) Е. Н.	*старший преподаватель кафедры уголовного права Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Наумов С. П.	*старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»*
Нестеренко А.	*студентка 4-го курса юридического факультета Таврической академии Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского*
Никитенко Н. С.	*магистрант 3 курса юридического факультета Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Никитин Ф. И.	*Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Юридический факультет, Кафедра международного и европейского права*
Оболенский Ю. Б.	*к.ю.н., доц. Севастопольский государственный университет*
Оголь В. Л.	*магистрант 1 курса Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия*
Олькова О. А.	*к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского*
Осипов И. В.	*ведущий юрисконсульт судебно-арбитражного отдела юридической службы Куйбышевской железной дороги – филиала ОАО «РЖД», магистрант кафедры гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарской национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва»*
Османов Э. А.	*юрисконсульт, магистрант Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"*
Поддубняк А. А.	*к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Таврическая академия ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»*

Потапова Л. В.	*к.и.н., доц. кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Пономарев А. В.	*доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"*
Поштарук Д. А.	*к.ю.н., заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России по работе с личным составом*
Процевский В. А.	*д.ю.н., доц., профессор кафедры «Теория и история государства и права» Юридического института Севастопольского государственного университета*
Проценко Е. Д.	*д.ю.н., проф. кафедры государственного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*
Равнюшкин А. В.	*к.и.н., старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Робак В. А.	*Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации к.ю.н, доцент*
Розенцвайг А. И.	*к.ю.н., доц., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева*
Росенко М. И.	*д.пол.н., доц., проф. кафедры «Конституционное и административное право» Юридического института Севастопольского государственного университета*
Русанова С. Ю.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"*
Серегина Е. В.	*к.ю.н., проф. кафедры уголовного права Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*
Соколова А. С.	*обучающаяся ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»*
Скворцова О. В.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Скребец Е. В.	*д.пол.н., доцент, профессор кафедры «Теория и история государства и права» Юридического института Севастопольского государственного университета*

Султанов К. А.	*к.э.н., доц. кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*
Тарасова Л. Я.	*к.и.н., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, подполковник полиции*
Тихий И. В.	*старший лейтенант полиции, инспектор, УМВД России по г. Симферополю, Отдельный батальон патрульно-постовой службы полиции*
Трифонов С. Г.	*к.ю.н., доц. кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Тофан Махмуд	*аспирант кафедры теории и истории государства и права ФГАОУ ВО "Белгородский государственный национальный исследовательский университет»*
Убасев В. В.	*консультант управления правового, кадрового и финансового обеспечения Главного управления организации торгов Самарской области, магистрант кафедры государственного и административного права ФГАОУ ВО «Самарской национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва»*
Угрюмов Р. Ш.	*магистрант юридического института, Алтайский государственный университет*
Филиппова О. С.	*к.ю.н., доц., ЮЧОУ ВО «Сибирский юридический университет»*
Цуканова В. Ю.	*ФГАОУ ВО Белгородский национальный исследовательский университет*
Цындря В. Н.	*к. ю. н., доц. заместитель начальника кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Шадрин И. А.	*доцент к-ры прокупрского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Шкаревский Д. Н.	*к.ю.н. доц. кафедры теории и истории государства и права Сургутского государственного университета ХМАО-Югры*
Щербаков М. Г.	*аспирант кафедры предпринимательского права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»*
Юдин И. В.	*соискатель кафедры гражданского процесса, г. Саратов ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Бредихин А. Л., Проценко Е. Д.
Правовая идеология в контексте реализации идеологической функции государства……..3
Гаук А. М.
Правовое регулирование деятельности каналов и шлюзов реки Пиелист (Финляндия) во второй половине XIX в…….. …….……...8
Иващенко Е. С.
Основные направления развития морского страхования в СССР в первой половине 20-х гг. XX в.…….14
Кравец С. А.
Нормативно-правовое регулирование деятельности советской милиции в начале 20-х гг…….22
Максимов П. В.
«Шайка» как форма преступного соучастия в дореволюционном законодательстве (в контексте последующей трансформации в «банду»……...35
Михайлов В. В.
Правовая защита народов Крыма и проблемы индентифицируемости «украинства»…….43
Росенко М. И., Скребец Е. В., Процевский В. А.
Особенности законодательного проектирования порядка отзыва губернатора в городе Севастополе……..50
Тарасова Л. Я.
Опыт социально-педагогической профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в Алтайском крае (историко-правовой аспект)……60
Шкаревский Д. Н.
Правовое регулирование деятельности органов транспортной юстиции 1945 – 1957 гг.……..66

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Абасов Гафис Гасан оглы
К вопросу о понятии муниципальной демократии в механизме гарантирования прав местного самоуправления……73
Трифанов С. Г.
Конституционно-правовой институт омбудсмена по вопросам миграции: опыт Федеративной республики Германия ……79
Убасев В. В., Осипов И. В.
Конституционное регулирование частноправовых отношений: вопросы смягчения ответственности…….84

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Аведян А. А.
Общая характеристика насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел в сфере порядка управления……91
Донская (Кавелина) О., Г., Москалева (Коваль) Е. Н.
Уголовная ответственность нотариуса……..101
Донская (Кавелина) О. Г., Серегина Е. В., Никитенко Н. С.
Сложные аспекты противодействия деятельности боевиков-террористов.....……110
Кашкаров А. А., Поштарук Д. А.
Уголовно-правовая характеристика укрывательства преступления……125
Скворцова О. В., Нестеренко А. А.
Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: вопросы регламентации, квалификации совершенствования положений действующего уголовного законодательства, обзор судебной практики.....130
Оболенский Ю. Б.
Освобождение от уголовной ответственности за деятельность организованных преступных объединений…….....141
Шадрин И. А.
Криминологическая характеристика взяточничества как необходимое условие усовершенствования антикоррупционного законодательства….....146

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Никитин Ф. И.
Становление концепции прав коренных народов в период колонизации и классического международного права.....153
Наумов С. П.
Европейская толерантность, права человека и религия……..162
Трифонова К. В.
Уполномоченный по вопросам миграции как правозащитный институт: принципы деятельности и анализ зарубежного опыта.....170

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Адаховская С. В., Кобленков А. Ю.
Примерный алгоритм действий сотрудников полиции по защите своих персональных данных от незаконного распространения лицами, осуществляющими видеосъёмку……..…….176
Алиева Н. Н.
Сущность обеспечения прав участников досудебного производства к материалам уголовного дела……..……185
Арсентьева С. С.
Процессуальная значимость показаний обвиняемого, полученных без Защитника……192
Донская (Кавелина) О. Г.
Институт помилования в России: современный этап 198

Поддубняк А. А., Алиева А. А.
Специфика доказательственного значения отдельных видов электронных носителей информации……. 207

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

Басова Ю. Ю.
Международно-правовые средства обеспечения международных обязательств в сфере правопорядка, как средство обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях.....215
Браузман О. А., Филиппова О. С.
Правовое положение единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью по законодательству Российской Федерации и Федеративной республики Германии…….223
Волков В. Ю., Клемешев В. Б.
Законодательство об административных правонарушениях Республики Крым: становление и перспективы развития……231
Евсикова Е. В., Булахова И. А.
Некоторые аспекты представительства интересов сторон в делах, возникающих из налоговых правоотношений, в рамках административного судопроизводства……...241
Евсикова Е. В., Оголь В. Л.
Некоторые аспекты представительства интересов сторон ы делах, возникающих из налоговых правоотношений, в рамках административного судопроизводства……252
Кравченко Н. А.
О некоторых аспектах уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость……..268
Марьин Е. В.
О соотношении принципов платности природопользования и принципа справедливости как базовых принципов современного права……..…….275
Пономарев А. В., Русанова С. Ю., Османов Э. А.
Проблемы примирения и перспективы совершенствования административного воздействия, применяемого в отношении несовершеннолетних……...280
Потопальский С. С.
Защита прав миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью при увеличении уставного капитала…….288
Равнюшкин А. В.
Нормативно-правовое совершенствование содержания стадии возбуждения дела об административном правонарушении……..297
Розенцвайг А. И., Ахмадиева Г. Р., Соколова А. С., Коваленко Н. Е.
Реформирование производства о признании и приведении в исполнение решений иностранных третейских судов в условиях информатизации общества……..308
Султанов К. А.
Об административно-правовой ответственности за нарушение прав граждан, задействованных в охране общественного порядка по законодательству Российской Федерации……313

Ерёмина И. С.
судебная ошибка как социально-правовое явление: пути преодоления…….. 321
Цындря В. Н.
Концептуальные подходы к формирования государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний……..329

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Гаук А. М.
Упорядочение прав собственности на частные железные дороги Великого княжества Финляндского…….339
Борецкая Л. Р., Потапова Л. В.
Сущность и правовая природа примирительных процедур в цивилистическом процессе…….....349
Гончарова В. А.
Место способов защиты прав и законных интересов участников недействительной сделки в системе охранительных мер российского права.354
Коваленко К. Е., Угрюмов Р. Ш., Коваленко Н. Е.
Конкретизация гражданской правосубъектности самозанятых граждан в Российской Федерации ……361
Щербаков М. Г.
Правовой режим единой технологии в аспекте машинного обучения…….370

СРОЧНО В НОМЕР

Киров А. А.
Регулирование деятельности лоцманов Архангельская в начале XX в……376
Олькова О. А.
Точное измерение латентной преступности. Ответ профессора С. Г. Олькова Адольфу Кетле……378
Юдин И. В.
К вопросу о понятии судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве ……...432
Саченок Л. И.
Проблемные аспекты правового регулирования туристической деятельности: направления их решения……...……437
Гусяков В. Ю.
Государственное регулирование предпринимательской деятельности в нефтяной отрасли……...……450
Байрамов А. А., Тофан М.
Ислам как основа государственной индентичности в Сирийской конституции 1950 г……...…….458
Цуканова Е. Ю.
К вопросу о сложном юридическом факте……..462